

20 ЛЕТ

Свято-Тихоновский Университет

ИЗДАНИЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

120-летию

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

и 70-летию

МУЧЕНИЧЕСКОЙ КОНЧИНЫ

СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

СЕРГИЯ МЕЧЁВА

«ДРУГ ДРУГА ТЯГОТЫ НОСИТЕ...»

Жизнь и пастырский подвиг священномученика СЕРГИЯ МЕЧЁВА

КНИГА 2

БЕСЕДЫ * ПРОПОВЕДИ * ПИСЬМА

Православный
Свято-Тихоновский Гуманитарный
Университет

МОСКВА * 2012

УДК 25
ББК 86.372
Д 76

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 12-213-1246

Д 76 **«Друг друга тяготы носите...»** : жизнь и пастырский подвиг священномученика Сергия Мечёва : в 2 кн. Кн. 2. Беседы. Проповеди. Письма / сост. А. Ф. Грушина. – М. : Православ. Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2012. – 488 с., 28 л. ил. : ил.
ISBN 9785-7429-0424-3

Издание представляет собой наиболее полное собрание материалов, связанных с жизнью и подвигом одного из самых замечательных пастырей Русской Церкви XX века сщмч. Сергия Мечёва (1892–1942). Сын «московского Батюшки», св. прав. Алексия Мечёва, о. Сергий в годы набирающих силу гонений продолжил дело отца, сохранив и преумножив его пастырское наследие. Община храма Свт. Николая в Клённиках, возглавляемая о. Сергием, оказалась одним из самых удивительных явлений русской церковной истории ушедшего столетия. Сохранившись и в годы гонений, она стала той «солью» церковной жизни, благодаря которой множество людей открыли для себя веру и Церковь.

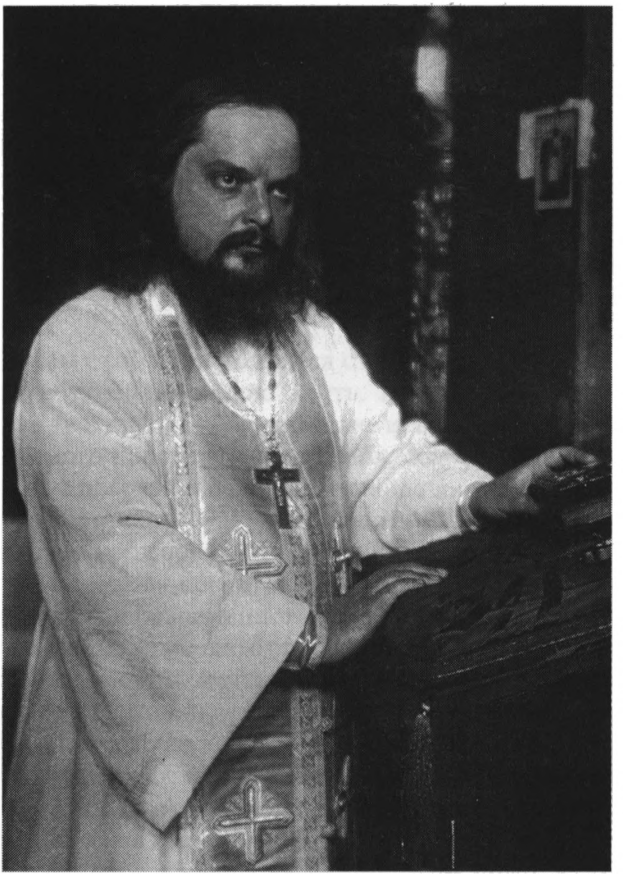
Издание включает в себя жизнеописание сщмч. Сергия, статьи о его пастырстве и пастве, воспоминания о нем, проповеди, беседы и письма самого сщмч. Сергия. Многие материалы впервые увидят свет; все публиковавшиеся ранее заново отредактированы. Значительное количество иллюстраций, многие из которых публикуются впервые, дополняют рассказ о пастыре и его пастве. Издание, подготовленное совместно с храмом Свт. Николая в Клённиках, посвящено 120-летию со дня рождения сщмч. Сергия и 70-летию его мученической кончины.

УДК 25
ББК 86.372

Издание подготовлено совместно
с храмом Святителя Николая в Клённиках

ISBN 9785-7429-0424-3

© Грушина А. Ф., статьи, составление, комментарии, 2012
© Хондзинский П. В., статья, 2012
© Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, редакция, оформление, 2012

«ВОЙДИТЕ ВО ВНУТРЕННЮЮ КЛЕТЬ...»

СТАТЬЯ «ВНУТРЕННЯЯ КЛЕТЬ».
ПРОПОВЕДИ И БЕСЕДЫ

«ВНУТРЕННЯЯ КЛЕТЬ». ИЗ ЗАБЫТЫХ ЗАВЕТОВ ПРАВОСЛАВИЯ[1]

«Умирись сам с собою, и умирятся с тобою небо и земля. Потщись войти во внутреннюю свою клеть, и узришь клеть небесную; потому что та и другая — одно и то же и, входя в одну, видишь обе. Лествица оного царствия внутри тебя, сокровенна в душе твоей. В себе самом погрузись от греха, и найдешь там восхождения, по которым в состоянии будешь восходить»[2]. Когда перечитываешь эту страничку из творений преподобного Исаака Сирина, то невольно поражаешься несоответствием ей как современного умонастроения, так и современного жизнепонимания. У святого Исаака Сирина все направлено от внешней оболочки душевной жизни к ее вечным глубоким корням. У нас же как в умонастроении, так и в практической жизни все даже подлинно глубокое и ценное разменивается на мелочную обыденщину окружающей действительности. Объятые жаром жизнестроительства, мы и самую жизнь думаем устроить, изменяя лишь ее внешние формы, ее внешнюю оболочку, и в то же время искренно верим и надеемся, что вместе с этим как-то перестроится ее внутренний уклад, многими столетиями слагавшийся. Пред нашим взором предносятся высокие идеалы общественного благоустройства, идеалы мировые, и в то же время мы не хотим хоть сколько-нибудь позаботиться об устроении своей духовной жизни. «Клеть небесную» хотим мы создать на земле, но не «потщимся» входить во «внутреннюю клеть» свою. Полнейший отрыв от прошлого духовного церковного опыта, полнейшее пренебрежение заветами Православия — вот что характерно для наших современников. И прежде всего это справедливо в отношении нашей интеллигенции, которая на протяжении целого столетия жила исключительно мечтами об общественном благоустройстве, вдохновлялась идеалами служения благу народному,

[1] Печатается по: Возрождение. М., 1918. № 8. С. 10–12.

[2] *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические, 2.

но в то же время не проявляла в своей жизни личного подвига и снисходительно относилась к весьма крупным недочетам в своей жизни — например в семье. Поразительно, что нигде, кажется, не сказался столь ощутительно и не отразился столь болезненно разрыв между старым и новым поколением, между «отцами и детьми», как в нашей русской интеллигентской среде. Ни одна литература не имеет такого множества типов и героев из этой области жизни, как литература русская. Что это — простая ли случайность или же признак определенной духовной болезни? Думается, что на этот вопрос не может быть двух ответов. Этот разрыв между старым и новым поколением, это взаимное непонимание русских «отцов и детей» всегда был признаком глубокой религиозной немочи. Это обратная сторона сознательного холодного равнодушия интеллигенции к прошлому церковному опыту, мучительного разрыва ее с церковным сознанием в умонастроении и с церковною жизнью в поведении, позорного бегства из «дома отчего» и скитания по странам чужим.

И вот теперь, когда так сильно сказался духовный раскол между интеллигенцией и народом, — что делать русской интеллигенции, как преодолеть то мучительное разочарование, к которому привела вся интеллигентская мысль и вера при столкновении с самою жизнью? Когда-то великий Достоевский говорил русскому интеллигенту: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость»[3]. Хотелось бы и теперь сказать: «Оставь свои скитания по странам чужим, русский интеллигент, вернись в церковь, в „дом отчий", приобщись сокровищнице духовного опыта церковного и умудрись в своем общественном строительстве».

Но, скажут, неужели же нам учиться общественному строительству у людей духовного опыта церковного, у святых подвижников, которые ради «личного» спасения порвали всякую связь с обществом? Да, скажем мы, именно этот-то многовековой опыт церковный должен руководить нами в нашей общественной жизни в ее основном уклоне и направлении. И как это ни странно, мы должны и мирской жизни учиться у подвижников христианских, которые уходили от «мира». Та святыня Православия, которая на протяжении целых столетий была сокрыта от взоров мира и как драгоценное жемчужное зерно сияла и хранилась в душах немногих избранников Божиих, должна быть наконец явлена миру, должна возродить мир. И если есть какая-нибудь подлинная общественность, то это должна быть та религиозная общественность, которая скрыта была доселе в глубине многовекового церковного опыта Православия. И, как это опять ни странно, подлинными

---

[3] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя (1880). Гл. 2. Пушкин (очерк).

общественниками в нашем «мирском» смысле были подвижники Православия, отрекшиеся от «мира». Живя вдали от мира, в тиши своих келий, они тем не менее жили подлинной общественной жизнью, невидимыми нитями духовного общения находясь в связи со всем чистым и высоким, что есть в мире, и собирая вокруг себя духовное стадо. Достаточно указать на пример наших святых подвижников — Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Живя в пустыне, воссоздавали они в себе и в окружающих пресветлый образ Божий, учили людей свергать с себя бремя греховное и тем самым воссоздавали вокруг себя новую жизнь. Историк русского народа Ключевский говорит, что трудами пустынножителя преподобного Сергия «воспиталось дружное братство, производившее... глубокое назидательное впечатление на мирян. «...Мир смотрел на чин жизни в монастыре преподобного Сергия, и то, что он видел, быт и обстановка пустынного братства научали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие». Нравственное влияние Сергиева пустынножительства, «западая в массы... вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV века»[4]. Подвижник-пустынник становился руководителем, духовным воспитателем и возродителем общества, т. е. *общественным деятелем* в высшем и лучшем смысле этого слова. Религиозная общественность, в сфере которой жили великие подвижники Православия, и представляет собою тот остов, на котором строится всякая другая общественность и без которой она не может устоять, а непременно рушится. Именно это и есть та общественность, которая произрастает от выявления коренной основы человеческого духа, иначе сказать — образа Божия в человеке, к опознанию которой и приглашает своих духовных чад преподобный Исаак Сирин. Именно с этого и должно начинаться строительство нашей общественной жизни. Нашей интеллигенции, оторвавшейся от прошлого церковного опыта и поплатившейся за этот свой грех, следует познать его общественную правду, следует опытно пережить духовный подвиг перерождения человека антиобщественного, греховного в подлинно общественного — духовно-общественного. И лишь только в этом опытном переживании следует искать путей к нашему общему духовному возрождению и обновлению.

---

[4] *Ключевский В. О.* Исторические портреты и этюды. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства.

СЛОВО НА ПАРАСТАСЕ ПО ОТЦУ АЛЕКСИЮ МЕЧЁВУ[1]

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Никогда мы не переживали таких дней, как дни, связанные с моментом смерти дорогого нам Батюшки. Наше сознание все время занято только одною мыслью о том, кого схоронили, наше сердце каждую секунду покрывает его самыми нежными ласками. Батюшка слишком жил в наших душа, чтобы смерть его могла быть концом его жизни в нас. Мы плачем, мы опустили его тело в могилку, потеря его для нас невосполнима; но печаль по Батюшке нас не убивает, великая и сокровенная тайна единения продолжает свое существование; следовательно, Батюшка продолжает в нас жить, и пока мы батюшкины, до тех пор нет конца его жизни в нас.

Любовь и ревность благая не знают безысходных положений; они способны оживить камень, а вера в бессмертие души сбрасывает могильную плиту как с самого покойника, так и с наших сердец. И прежде чем Батюшка воскреснет при Втором пришествии Иисуса Христа, он уже воскрес в наших сердцах.

Любовь и ревность сильнее смерти; они пересиливают природу и заставляют простое воспоминание о покойном Батюшке ожить в возлюбленном, милом и дорогом образе. Здесь действует тонкая душевная организация женщины с ее нежной и проникновенной печалью, недоуменным удивлением пред фактом неожиданного исчезновения дорогого лица и с непреодолимым конкретным желанием еще раз увидеть Батюшку, взять у него благословение и поцеловать его руку. Здесь женщина с быстрым и верным внутренним чувством правды в полном единении

[1] Печатается по: *Сергий Мечёв, сщмч.* «Вы — мой путь ко Христу»: Проповеди, письма к общине, воспоминания. М.: ПСТГУ, 2009. С. 247–253. Парастас по отцу Алексию Мечёву совершался в храме Святителя Николая в Клённиках по первым пятницам каждого месяца.

с исповедуемой религией воскрешает покойного в своем сердце и силою своей женской уверенности зажигает подобное чувство и в нас — холодных аналитиках. В этом чудо любви и ревности, в этом мировая роль женщины, этим она выявляет по преимуществу религиозный характер своей природы.

Кто теряет такого дорогого человека, как Батюшка, у того, естественно, есть искреннейшее желание собрать и сохранить все то, что может напомнить о нем, иметь его портреты, жизнеописание, а в особенности — сохранить между нами молитвенную близость.

Весьма вероятно, что с момента смерти дорогого Батюшки многих его духовных детей охватило чувство растерянности, способное сильно рассеять батюшкину духовную семью. Но если Батюшки с нами нет, остались его заветы. Эти заветы нужно собрать и объединить, в них необходимо вникнуть умом и сердцем, усвоить их и жить по ним. Идя таким путем, мы исполнимся радости и надежды; наши души охватит необъятное ожидание встречи, и мы действительно встретимся с Батюшкой. Последует то же самое, что было с посмертным явлением преподобного отца Серафима, с которым Батюшку многое роднит. Вот что мы читаем в жизнеописании преподобного. Невозможно не удивляться тому, что человек, находящийся уже в могиле, ходит по всему пространству России, является в разных местах, и именно для разнообразной помощи ближним. Таков-то преподобный отец Серафим! Он входит во дворец богача и в лачугу бедняков, в городские дома и в крестьянские избы; всюду приносит благословение и утешение, избавление от горя и бед. То является он в сновидениях, то наяву, все по-прежнему тихий, кроткий, благожелательный. То видят во сне, как этот старец молится у изголовья больных или, стоя у их постели, предлагает им какое-то лекарство; то он воочию является страждущим со словом привета и утешения, то охраняет призывающих его имя от разных напастей и бед.

Чувства к любимому человеку, который умер, приобретают еще большую любовь, чем те, которые были при его жизни и непосредственно после его кончины. Смерть Батюшки служит началом его истинной жизни в наших сердцах. Он теперь весь становится внутренним, он всюду с нами, он не отлучающийся от нас спутник нашей жизни, он с нами в дороге, он с нами и дома, он с нами на людях, он с нами и в одиночестве, а особенно он с нами на молитве, и именно в этом храме. Образ Батюшки, утрачивая свою телесность, становится душой нашей жизни, принципом нашего поведения, духовным источником радости и утешения, спасающих нас от уныния. А наша жизнь с Батюшкой приобретает характер чего-то

священного по преимуществу; в ней поэзия, чарующая проникновенность и вернейший залог прочности нашего духовного будущего. Больше того, наша жизнь с Батюшкой представляет собою то благодатное переживание праведника, от которого наше воображение исходит, чтобы представить себе, чем же тогда может быть восприятие Самого Господа, Неоскудевающего Источника всякой благостыни, небесной и земной.

Эта вторая жизнь Батюшки в его бестелесном состоянии является гимном в честь первой его жизни во плоти; теперь очарование утончается и благоухание одухотворяется. В Батюшке отразилась небесная правда, красота и добро. И любовь к нему теперь, когда дух его, более не отягощаясь томящею плотью, получает силу потушить возможное в прошлом разъединяющее соперничество и неудовольствие между членами его духовной семьи, завязать взаимную горячую дружбу. Ведь любить того, кого любил Батюшка, означает любовь к самому Батюшке. Кроме того, сами дорогие и милые воспоминания о Батюшке составляют наше общее сокровище: вместе вспоминать то счастливое время, которое было и миновало, означает иметь среди нас того, о ком вспоминаем, т. е. Батюшку. Теперь, наконец, Батюшка больше, чем при жизни, стал нашим общим посредником между Богом и нами.

Совместная жизнь в одних и тех же воспоминаниях, в одной и той же любви к Батюшке и к тем, кого он любил, в одном и том же переживании Батюшки как общего посредника и в одном и том же ожидании встречи нашей с ним в загробном существовании должна создать привычки и правила общежития одной из тех обителей, которых у Бога много, а именно — батюшкиной обители.

И когда наступит грозный и вместе с тем сладостный час Второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа, то пожелаем, чтобы все мы, батюшкины, собрались около него и с успокаивающей нашу трепещущую душу радостью услышали бы дерзновенный голос самого Батюшки, обращенный ко Христу: «Вот я, а вот мои дети». Аминь.

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ НА ДНИ БОГОСЛУЖЕБНОГО КРУГА (1922–1924)[2]

Начало индикта (церковное новолетие)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

По милости Божией сегодня мы с вами вступаем в новый церковный год. Ежегодно, идя от праздника к празднику, Святая Церковь вместе со всею природою проходит от начала до конца годовой круг богослужения.

Для людей, живущих в мире, наступление нового года обычно связывается с тягостным чувством сожаления о том, что они могли бы сделать и что осталось несделанным. Оглядываясь назад на прожитое время, человек неизбежно думает о том, что безвозвратно упущено в прошлом, чего уже нельзя вернуть или изменить в будущем.

Людям, живущим духовной жизнью, чуждо это чувство безвозвратности минувшего, потому что они живут в мире, где нет временных ограничений, где преодолеваются границы прошлого, настоящего и будущего.

Недавно мы с вами погребали Божию Матерь — не «вспоминали» о Ее погребении, а действительно погребали Ее, а через несколько дней будем праздновать Ее Рождество. Это становится возможным благодаря тому, что, совершая богослужение, мы вступаем в мир, в котором уничтожаются грани времени, потому что в богослужении мы живем в вечности. Через это приобщение к вечности мы можем реально соприсутствовать событиям, от которых нас, людей XX века, исторически отделяет целый ряд протекших столетий.

Преодолевая в богослужении границы времени и вступая в мир вечности, мы входим в него не одни, а вместе со всею природою. В богослужебных песнопениях постоянно говорится об участии всей твари в той радости, которую испытывает человек,

---

[2] Печатается по: *Сергий Мечёв, сщмч.* Тайны богослужения. М.: Храм Святителя Николая в Клённиках. 2001; Архив храма Святителя Николая в Клённиках. (С испр. и доп.)

приобщаясь к вечности, об участии ее в прославлении Творца. «Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир, видимый же весь и невидимый»[3], — говорится об этом в каноне Пасхи. И не только небо и земля, но и каждое из творений Божиих в отдельности участвует в этом всеобщем гимне Творцу.

В «хвалитных» псалмах (148–150), ежедневно читаемых на утрене, мы призываем солнце и луну, звезды и свет, горы и холмы, деревья, зверей и птиц вместе с горним евангельским миром принять участие в прославлении Господа.

Но нигде, кажется, это единство человека со всею тварью в прославлении Бога не выражено с такой глубиной и силой, как в «Песни трех отроков», входящей в состав последней паремии, читаемой в Великую Субботу, каждый стих которой сопровождается припевом «Господа пойте и превозносите Его во веки». Здесь соединяется тварь в едином и вечном («превозносите Его во веки») славословии.

Так каждый год вместе со всем миром горним и дольним, с Церковью Небесной и со всей природою, мы можем быть свидетелями и участниками событий, которые совершались «нас ради человек, и нашего ради спасения»[4].

Эти события, относящиеся к домостроительству нашего спасения, хотя и происшедшие однажды во времени, однако не ушли безвозвратно в прошлое. Они совершились тогда, когда, по словам апостола, *пришла полнота времени* (Гал. 4:4). В них до конца открылась тайна любви Божией к человеку, тайна искупительного подвига *Агнца, закланного от создания мира* (Откр. 13:8). Поэтому в мире временном они стали незыблемыми точками вечности, через которые проходит вся тварь и к которым мы имеем возможность приобщиться через богослужение. В богослужении все пребывает в настоящем, потому что в нем все в вечности, поэтому нам нечего печалиться о потерянном прошлом.

Каждая такая точка вечности в нашем временном мире не только переживается нами в определенный момент времени, но и отбрасывает от себя лучи своего света, которые воспринимаются иногда задолго до наступления самого праздника и которые продолжают светить нам и после того, как мы уже прошли через эту светящуюся точку. Через две недели мы будем праздновать Воздвижение Креста Господня. Праздник еще не наступил, а в богослужении мы чувствуем уже приближение этой светящейся точки.

Начиная с 1 августа мы слышим воздвиженскую катавасию «Крест начертав, Моисей». То же самое в еще большей полноте

---

[3] Утреня Святой Пасхи. Канон. Песнь 1, тропарь 2.

[4] Символ веры, 3.

происходит и при приближении праздника Рождества Христова. За целый месяц до его наступления богослужение начинает готовить нас к прохождению этой светящейся точки вечности. Начиная с праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, мы уже чувствуем, что вместе со всем миром прикасаемся к ней, потому что в этот день поем рождественские ирмосы «Христос раждается». А еще через две недели, в день памяти святителя Николая, мы воспеваем первые стихиры предпразднства «Вертепе, благоукрасися», «Сионе, торжествуй» и «Безневестная Дево», которыми заключаются стихиры на «Господи, воззвах», на литии и на стиховне великой вечерни.

Особенно замечательны в смысле подготовки наших душ к восприятию грядущего праздника две последние стихиры. В первой из них мы обращаемся к «граду Христа Бога», готовящемуся подъять Зиждителя, «в вертепе и яслех вмещаемаго», и просим открыть нам врата, войдя в которые мы можем духовными очами увидеть «дланию же Содержащаго тварь», «яко младенца пеленами повиваемаго», а во второй, как бы уже войдя в эти врата и увидев «Виновницу нашего спасения», Безневестную Деву, Матерь Божию, обращаемся непосредственно к Ней, прося Ее открыть нам великую тайну нашего спасения. Чем ближе подходим мы к светящейся точке праздника, тем ярче озаряет нас исходящий от нее свет. В течение пяти дней предпразднства, завершающихся навечерием Рождества Христова, богослужение со все большей глубиной и полнотой раскрывает нам эту великую тайну, в которую вводит нас Святая Церковь, и наконец наступает самый праздник Рождества Христова, точка вечности, которую мы проходим. Здесь стираются грани времени и открывается тайна вечности, потому что, как говорит митрополит Филарет, «Христос доселе нисходит с небес, и в такой близости к нам, что мы, подобно пастырям или волхвам, можем приспеть к Его Божественному явлению»[5].

Не сразу уходит от нас эта точка вечности. В течение шести дней попразднства продолжаем мы жить ее отраженным светом. Более того, если действительно отразился в нашей душе явленный в ней свет вечности, то она становится для нас ступенью нашего восхождения к вечной жизни, к которой призывает нас Господь Иисус Христос.

Святая Церковь через временное приобщает нас к вечности. Каждого из нас она ведет по его жизненному пути, в конце которого он должен получить «во блаженном успении вечный покой» и войти в вечную память Божию.

---

[5] См.: *Филарет Московский, свт.* Слово на Рождество Христово (1812).

Будем же с большим вниманием и благоговением подходить к богослужению, относиться к нему не как зрители или свидетели, а как его участники. Тогда и вся жизнь наша получит новый смысл и новое освещение. По-настоящему живя в богослужении, мы уже здесь, на земле, можем иметь «вечный покой», можем удостоиться того, что Господь еще в дни нашей земной жизни будет иметь нас в Своей вечной памяти.

Наше великое счастье, что мы снова входим в годовой богослужебный круг и имеем возможность еще раз со всем миром пройти его. А наша задача заключается в том, чтобы каждый посылаемый нам Господом год жизни сделать воистину временем приобщения к вечности, вхождением в то, что по бесконечной любви Божией совершилось «нас ради человек, и нашего ради спасения».

Аминь.

Рождество Пресвятой Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Несколько дней тому назад мы с вами по милости Божией вступили в новый церковный год, а ныне празднуем первый великий праздник годового богослужебного круга — Рождество Пресвятой Богородицы.

Для того чтобы понять смысл этого праздника, а вместе с ним и других праздников церковных, нам нужно прежде всего вспомнить, что церковная жизнь есть тайна непостижимая для тех, кто находится вне Церкви.

Не случайно ведь самое важное в жизни Святой Церкви — ее средоточие, через которое мы становимся причастниками благодати Божией, — мы называем *Таинствами.*

Сами мы, своим тварным умом, не могли бы постигнуть этой тайны церковной. Но Господь по Своей милости постепенно открывает ее тем, кто живет в Таинствах, кто припадает к этому Источнику благодати и пьет его живую воду.

В жизни церковной есть много тайн, но одна из них постоянно открывается верующим. Мы входим в общение с нею не только тогда, когда получаем благодатные дары через Таинства, но всякий раз, когда бываем в храме и участвуем в богослужении.

Впрочем, для многих из нас, верующих, тайна эта продолжает оставаться закрытой. Для того чтобы по-настоящему соприкоснуться с нею, нам нужно быть не простыми слушателями и зрителями того, что совершается в храме, но войти в опыт тех, кто были творцами богослужения и запечатлели его

в составленных ими молитвах и песнопениях, начиная со времен апостольских, через мучеников и преподобных и кончая подвижниками нашего времени.

Творцы богослужения в полном согласии со всеми отцами и учителями Церкви говорят нам о том, что человек создан для вечной жизни, что подлинной стихией, в которой только и может жить его душа, является вечность.

Когда мы погребаем наших усопших и молимся об упокоении их душ, мы просим, чтобы Господь сотворил им «вечную память». Но эта молитва может относиться и к нам, живущим еще на земле, потому что и мы нуждаемся в том, чтобы Господь имел нас в Своей вечной памяти, ведь цель нашей жизни и есть приобщение к вечности. Поэтому самое лучшее и ценное пожелание церковное есть пожелание вечной памяти.

А мы постоянно забываем об этом. Отягощенные заботами житейскими и омраченные временными обстоятельствами нашей жизни, мы позабыли о том, для чего мы созданы, забываем о вечности, в которой живет лишь то, что сотворено Господом, — добродетель.

Все же остальное отметается и бросается в огонь — во тьму внешнюю. Нам только кажется, что оно существует, а на самом деле, как говорит один святой отец, «в начале не было зла, потому и теперь нет его во святых, и для них вовсе не существует оно»[6].

Воистину существует только жизнь в Боге и то, что идет по пути стяжания Царствия Божия в нас.

Святые отцы говорят нам, что человек создан по образу и подобию Божию, что он есть венец природы и царь всей видимой твари и вместе с тем сотаинник Божией благодати. Они учат, что телом своим человек связан со всею земной тварью, потому что тело это Господь создал, *персть взем от земли* (Быт. 2:7), а своею душой он соединен с горним ангельским миром. Человек стоит на грани двух миров — земного и небесного. В творении его, как говорит Григорий Богослов, «Художническое Слово созидает живое существо, в котором приведены в единство <...> невидимое и видимая природа; созидает, говорю, человека, из сотворенного уже вещества взяв тело, а от Себя вложив жизнь <...> поставляет на землю иного ангела, из разных природ составленного поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцаемой»[7].

Но созданный по образу Божию и поставленный Господом на грани двух миров, человек не выполнил своего предназначения:

---

[6] *Афанасий Великий, свт.* Слово на язычников, 2.

[7] *Григорий Богослов, свт.* Слова, 38.

он согрешил, отпав от Бога, а через него и весь видимый мир, венцом которого он является, стал отходить от Господа. Тогда пришел на землю Сын Божий, Который Своею смертью упразднил смерть и Своим Воскресением открыл нам путь к вечной жизни. Он даровал вечную жизнь не только нам, верующим в Него, но и всей видимой твари.

Поэтому задача человека состоит в том, чтобы, очищая от греха свою душу, поднять и одухотворить также и вещество, из которого создано его тело, сделав его достойной обителью бессмертной души. Святые отцы говорят, что в день последнего воскресения предстанут пред Господом не только наши души, но вместе с ними и наши воскресшие тела. И в этой земной жизни, в своем восхождении к Богу человек может идти только путем, который указан ему Господом, поставившим его на грани двух миров.

Только в общении с этими обоими мирами и вместе с ними может человек здесь, на земле, служить Богу. Об этом нам постоянно напоминает Святая Церковь в своих богослужениях.

Недавно мы с вами совершали новогоднюю службу. Мы приносили в этот день хвалу Господу не только от себя, но и от всего мира видимого и невидимого, с которым мы соединены по телу и душе.

Об этом ясно говорится в каноне этого дня: «Вся дела Твоя, Господи: небеса, земля, свет, и море; воды, и вси источницы; солнце же, луна и тьма, звезды, огнь, человецы и скоти, со ангелы восхваляют Тя»[8].

Тот, кто верит, что слова эти соответствуют действительности и что в богослужении мы воистину соединяемся с обоими мирами, тот понимает, какая великая тайна заключена в православном богослужении.

Тайна эта состоит не только в том, что здесь уничтожается грань между человеком и всею тварью — небесною и земною, грань, которую мы так ясно ощущаем, живя в этом привременном мире, но также и в том, что через богослужение мы преодолеваем и самые границы «времени текущего естества» и входим в мир вечности. Стало быть, в богослужении нет ничего временного, но все живет в вечности.

Обычно смысл празднования того или иного события из жизни Иисуса Христа или Божией Матери мы видим в том, чтобы пойти в храм, прослушать там Евангелие и песнопения, рассказывающие о событиях, совершившихся когда-то очень давно, вспомнить об этих событиях. Так можем мы отнестись и к сегодняшнему празднику. Церковное предание говорит нам о том, что около 2000 лет

---

[8] Начало Индикта, сиречь Новаго лета (1 сентября). Утреня. канон. Песнь 9. Тропарь 2-й.

тому назад Пресвятая Дева родилась в галилейском городе Назарете от престарелых родителей праведных Иоакима и Анны. Оно повествует, что своим рождением Дева Мария разрешила узы их неплодства и доставила им великую радость. Об этом рассказывают нам песнопения сегодняшнего дня, и, по-видимому, весь смысл праздника сводится к тому, чтобы вспомнить об этих далеких событиях.

Но если мы обратимся к тексту самих песнопений и постараемся вникнуть в смысл того, что говорят их творцы, то мы убедимся, что такое отношение к празднику свойственно только людям внешним, не понимающим тайн церковной жизни. В действительности песнопения праздника говорят совсем иное. В стихирах сегодняшней вечерни мы слышали: «Днесь неплодная врата отверзаются, и дверь девическая Божественная предгрядет. <...> Днесь всемирныя радости провозвещение, днесь возвеяша ветри, спасения провозвестницы; естества нашего разрешается неплодство», — и наконец: «днесь неплодная Анна раждает Богоотроковицу»[9].

Что же означает это «днесь» («днесь разрешается неплодство, днесь Анна раждает Богоотроковицу»)? Есть ли это только приемы образной поэтической речи или в этих словах заключается какой-то иной смысл?

Если рассуждать с точки зрения мудрости века сего, то утверждение реального смысла этих слов является безумием. Ведь все это совершилось когда-то очень давно. Но для тех, кто *мудрствуют духовная* (ср.: Рим. 8:5), все, что совершилось «нас ради человек, и нашего ради спасения», не только произошло во времени, но и в вечности пребывает. Поэтому, когда мы слышим сегодня, что от Анны «ныне Дева Чистая происходит»[10], — нам открываются врата вечности.

Богослужение сегодняшнего дня говорит нам о том, что рождение Пресвятой Девы было радостью не только для Ее родителей и родственников, живших в Назарете, но стало всемирною радостью, что оно разрешило неплодство не только святых праведных Иоакима и Анны, но в нем «естества нашего разрешается неплодство»[11] и рождается «Плод живоносен миру»[12].

Богослужение открывает нам, что рождество Богоматери имело значение не только для живших в те дни в Назарете, но совершилось «нас ради человек, и нашего ради спасения», что

---

[9] Рождество Пресвятой Богородицы. Великая вечерня. Стихира 4-я на «Господи воззвах».

[10] Рождество Пресвятой Богородицы. Утреня. Второй канон. Песнь 4. Тропарь 2-й.

[11] Рождество Пресвятой Богородицы. Великая вечерня. Стихира 5-я на «Господи воззвах».

[12] Стихира 4-я на «Господи воззвах». Утреня. Икос.

с рождением Ее жизни «раждается днесь Мост»[13], вводящий нас в вечность.

Прославляя Господа, мы каждое славословие заканчиваем словами «ныне и присно и во веки веков». Этими словами Святая Церковь говорит нам о том, что богослужение, которое мы совершаем «ныне», будет совершаться «и присно и во веки веков», потому что уже и сейчас оно совершается в вечности и приобщает нас к вечной жизни.

В этом и заключается великая тайна богослужения, которую открывает нам Святая Церковь.

Отнимите от богослужения его сокровенный смысл, заключенный в словах «ныне и присно и во веки веков», и для нас закроется текущий в нем источник вечной жизни, мы навсегда останемся оторванными от того, что было и ушло в безвозвратное прошлое, ибо никто из людей не может присутствовать при рождении своей матери или своего отца. Но мы знаем, что лучшие из наших подвижников, те, которые были творцами богослужебных песнопений и канонов, пили из этого источника вечной жизни. Они на опыте познали, что богослужение открывает нам познание вечности.

И для нас, грешных, самое главное (и об этом нужно помнить всегда) заключается в том, чтобы прикоснуться к этому источнику познания, который открывается нам через тайну богослужения.

А для этого, пока еще мы здесь, на земле, будем с верою, с благоговением и страхом Божиим воспринимать все то, что мы видим и слышим в храме, — всё, что совершается, поется, читается за богослужением. И когда мы снова ныне входим в годовой круг богослужения, будем помнить, кто мы и к чему призваны.

И по мере вхождения в него нам будет все больше открываться великая тайна вечности.

Святая Церковь верит, что мы не одни совершаем богослужение, что вместе с нами молятся и славословят Господа ангельские силы и вся Небесная Церковь. «Ныне силы небесныя с нами невидимо служат»[14], — воспеваем мы Великим постом. И во все дни церковного года, за каждой литургией перед малым входом священник молится: «Сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благость»[15]. Именно отсюда, из этого соприсутствия и сослужения с нами уже достигших вечности и живущих вечною жизнью в Господе ангелов и святых, рождается и в нас стремление в вечность.

---

[13] Рождество Пресвятой Богородицы. Утреня. Первый канон.

[14] Литургия Преждеосвященных Даров. Песнопение на великом входе.

[15] Литургия свт. Иоанна Златоуста. Молитва священника на малом входе.

Поэтому во время Божественной литургии священник после принесения Господу благодарственной службы о всех святых и «изрядно о Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии» поминает живых и усопших и молится, чтобы Господь помянул их в Царствии Своем, т. е. приобщил их к вечной Своей памяти, которая и есть Царствие Божие.

Из этого нам должно быть ясно, что совершаемое здесь, на земле, богослужение есть не что иное, как последовательное раскрытие во времени тайн Вечности. А для каждого из нас, верующих, оно есть путь, ведущий нас к вечной жизни.

Поэтому и праздники церковные представляют собою не случайное собрание памятных дней, но сияющие в нашем временном мире точки вечности, прохождение через которые подчиняется неизменному духовному порядку.

Точки эти сменяют друг друга в определенной последовательности, они связаны друг с другом как ступени единой лестницы духовного восхождения, так что, стоя на одной из них, мы уже видим свет, озаряющий нас с другой ступени. Вот и сегодня чтение канона сопровождается пением воздвиженской катавасии «Крест начертав, Моисей». Казалось бы, она не имеет отношения к сегодняшнему дню, но на самом деле это не так. Она говорит нам о неразрывной духовной связи следующих друг за другом церковных праздников.

Это свет Воздвижения, который озаряет нас издалека, так что уже заранее мы начинаем входить в него.

Тайна богослужения есть величайшая из тайн Церкви. Сами мы не можем сразу постигнуть ее. Но мы знаем, что она была открыта великими и величайшими из угодников Божиих. Входя в их опыт через те молитвы и песнопения, в которых они его запечатлели, прося их помощи и молитв за нас грешных, можем и мы постепенно начать прикасаться к этой великой тайне.

И по мере того как через это будут в нас рождаться и возрастать элементы вечности, мы по-иному, чем теперь, будем относиться и к нашей временной жизни. Мы поймем тогда, что она есть только путь, ведущий нас от дольнего к горнему, от временного к вечному.

И тогда, уходя из этой жизни, мы, может быть, сподобимся вечного Царствия, уготованного Господом для тех, кто уже здесь, на земле, начал входить в Его вечную память, которая есть величайшее достижение для человека, идущего от дольнего к горнему.

Аминь.

Воздвижение Креста Господня

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Есть два понимания церковных праздников и два отношения к ним: мирское и духовное. Мирское понимание заключается в том, что мы не должны забывать событий, происходивших в древности, что мы собираемся в эти дни в храме для того, чтобы «вспомнить» о них. Такое отношение к праздникам является плодом «идейного» или словесного понимания христианства. Оно сводится к определенным религиозно-нравственным идеям, о которых можно говорить, рассудочно верить им, которыми можно даже загореться на некоторое время.

«Идейное» понимание христианства — приговор для нас, оно убивает в нас настоящую христианскую жизнь. Самое худшее для нас, если нас будут называть идейными христианами. Поэтому мы должны вести борьбу с «идейностью» в христианстве, подавлять ее в себе, если она в нас есть, бороться за иное, духовное понимание христианства.

Противоположное этому духовное понимание христианства исходит из того, что Христос принес на землю не новую идею, а новую жизнь.

Я есмь воскресение и жизнь (Ин. 11:25). Христос учил не разглагольствовать, а жить. Поэтому, если мы хотим следовать за Ним, мы должны жить во Христе. Он указал нам путь в этой жизни, и Сам Он есть *путь и истина и жизнь* (Ин. 14:6). Он требует от нас последования Ему не словами, а делом: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11:29).

Такое отношение к христианству обязывает нас к новому, не мирскому, а духовному пониманию праздников. Смысл их при таком понимании заключается не в воспоминании о прошедших когда-то событиях, а в духовном вхождении в то, что совершилось «нас ради человек, и нашего ради спасения». Это полностью относится и к нынешнему празднику.

Святые отцы учат нас, что нельзя о Христе только думать или говорить, что нельзя только словесно почитать Крест, на котором Христос был распят.

Если мы хотим воистину поклоняться Кресту Христову, мы должны сделать это не по традиции только, не потому, что так принято, и не только «словесно», а делом поклоняться Христу Распятому.

Взять свой крест и идти вслед Христу, сораспяться Ему — вот истинный путь христианина. К этому приводит нас Господь, когда говорит: *Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет* (Мк. 8:34). Отсюда начинается

христианство. Его начало — отвержение себя, борьба с живущими в нашем сердце страстями и сораспятие Христу на данном каждому из нас Господом кресте.

Истинное поклонение Кресту начинается с той минуты, когда мы хоть немного, хоть чуть-чуть начинаем работать над своею душою, бороться со своими страстями — завистью, гордостью, гневом; когда мы начинаем работать над тем, чтобы родилось в нас новое отношение к нашим ближним. Потому что отношение к ближним и есть подлинное дело, для которого пришел Христос. Это и есть настоящий подвиг, это и есть христианство. А то, о чем мы «говорим» («загораемся» даже), это может быть и от диавола. Ведь и диавол знает о Боге, знает Священное Писание, но у него нет борьбы за Царство Божие внутри себя. А Христос пришел для того, чтобы сделать нас сынами этого Царствия.

Если мы поистине хотим быть христианами, если мы хотим сегодня поклониться Честному и Животворящему Кресту Господню, если мы действительно верим, что Христос был распят на этом Кресте «нас ради человек, и нашего ради спасения», то мы должны последовать Его слову, обращаемому к нам. А Он, Распятый, зовет и нас сораспяться Ему на нашем кресте. Тогда мы воистину начнем христианскую жизнь, которая состоит не в идейности, не в «прекрасных» словах, а в действительности служения Ему, нашему Господу, и нашему ближнему.

Давайте же осознаем, для чего мы пришли сегодня сюда. Что мы празднуем, что торжествуем? Будем молиться, чтобы Господь просветил наше сердце и дал нам понять, в чем наше настоящее дело. Тогда мы будем читать святое Евангелие делами. Тогда начнется для нас сораспятие Господу на своем кресте. *Иже кто хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет.*

Аминь.

Неделя по Воздвижении

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь в Неделю перед Воздвижением и в Неделю по Воздвижении останавливает наше внимание на значении Креста Господня, а также на тех крестах, которые каждый из нас должен нести, желает он этого или нет.

В Евангелии, читаемом на литургии в Неделю по Воздвижении, Святая Церковь раскрывает нам значение христианского подвига: *Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет* (Мф. 16:24; ср. Мк. 8:34).

Взятие своего креста, отвержение себя грешного и скверного и шествие за Господом — вот те основы христианского подвига, которые Церковь раскрывает нам сегодня и в которых она считает необходимым еще раз утвердить нас в этот попраздничный день.

В чем же заключается наше делание? Прежде всего в том, чтобы взять крест свой. И если ты хочешь идти по пути этого делания, то бери именно тот крест, который дал тебе Господь. А между тем почти каждый из нас недоволен именно своим крестом. Как часто мы жалуемся на него и говорим себе: «всё сделаю, только не это». У кого нет семьи — жалуется, что ему тяжело одному, а другой — стремится уйти от своей семейной обстановки; больные жалуются на здоровье, а здоровые говорят порой: «заболеть бы!»

Это происходит оттого, что мы в большинстве случаев не имеем настоящей христианской жизни, а живем «идейным» христианством, которое не может помогать нам в несении нашего креста.

Для того чтобы стяжать истинно христианскую жизнь, нам нужно прийти ко Христу, последовать Ему и поучиться у Него. *Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем; и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11:29). Тогда иго будет благо, бремя креста сделается легким, и мы вступим на путь истинного делания, потому что, как нам говорит один святой отец, прилепившись к тем, кто имеет эту жизнь, ты и сам становишься не рассуждающим, не проповедающим, а делающим.

Если наше делание заключается в том, чтобы взять свой крест, то нам мало знать, что христианину нужен крест, надо еще понести его, пойти с ним по Господнему пути.

Как же нам нести свой крест? Святые отцы говорят, что для этого мы должны прежде всего вооружиться терпением[16], а терпение, по словам преподобного Иоанна Лествичника, «есть предназначение себе и ожидание ежедневной скорби»[17]. Такое устроение есть залог того, что человек будет бороться и не падёт. Подобно человеку, исходящему на брань, он готов идти тесным путем и переносить всяческие трудности.

Но нам мало знать, что терпение есть ожидание всякой скорби, что терпение есть тесный путь. Нужно еще понять, в чем заключаются источники встречающихся в нашей жизни скорбей. И этому также может научить нас терпение, потому что оно есть

---

[16] Например, прп. Марк Подвижник говорит: «Подобает научиться духовному закону, возложить на себя подвиги о благочестии и постигающие скорби переносить с терпением, как свои» (цит. по: *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Приношение современному монашеству, 33).

[17] *Иоанн Лествичник. прп.* Лествица, 27, 70.

«отсечение оправданий и внимание себе»[18]. Если со мною случается скорбь, я не должен в ней обвинять других и оправдывать себя тем, что если бы не тот или другой человек, то я бы не скорбел. «Принимай все как случающееся по твоей вине» — так говорят святые отцы. И терпение мы должны иметь не на словах, не в идее, а в жизни; мы должны сделать его руководящим правилом нашей жизни.

Терпение есть необходимое условие, без которого мы не можем понести данного нам Господом креста. Но в чем же состоит самый крест наш? Не в том, конечно, что мы часто бываем в храме и выстаиваем здесь длинные службы. Ведь церковь есть «земное небо», она есть место, где мы приготовляемся к небесной жизни, а есть еще и земля, на которую мы посланы Богом и которую часто забываем.

И если нам бывает порой трудно молиться и если, стоя в храме, мы не чувствуем, что находимся на земном небе, то это потому, что мы не готовимся к этому в жизни, потому что на земле, на которую послал нас Господь, мы не понесли по-настоящему данного нам Господом креста.

Где же наш настоящий крест? Прежде всего, в смиренном сознании наших грехов и при помощи благодати, но при участии и наших усилий изживании их. И, во-вторых, в том, чтобы переносить окружающие нас злобу, зависть и грехи всех наших ближних. Борьба со всем этим не на жизнь, а на смерть и есть истинное несение нашего креста.

Борьба эта начинается с того, что живет внутри нас, в нашей душе. Ибо если *Царствие Божие внутрь нас* (ср.: Лк. 17:21), то и вся греховная радость тоже в нас. Не смотри по сторонам, а помни о своей душе. Распятие своей души со всеми ее *страстьми и похотьми* (Гал. 5:24) и непрестанное очищение себя пред Господом — это одна сторона нашего креста. А другая заключается в преодолении грехов в окружающих нас людях. Видя их грехи, мы должны смотреть на них как на больных, требующих уврачевания, и врачевание это мы должны совершать с кротостью и терпением.

Святые отцы говорили: «если хочешь или думаешь, что хочешь вынуть сучец ближнего, то вместо врачебного орудия не употребляй бревна <...> врачебное орудие есть кроткое вразумление и долготерпеливое обличение»[19]. Бревно — это грубое обращение и резкие слова.

Зачастую мы и сами не несем своего креста, а своею грубостью способствуем тому, чтобы и окружающие нас бросили свои

---

[18] *Иоанн Лествичник. прп.* Лествица, 27, 70.

[19] Там же. 8, 20.

кресты. Это относится прежде всего к нашим семьям, к братьям и сестрам по плоти и братьям и сестрам по спасению в нашем храме.

Так часто приходится видеть именно эти бревна! На бревно можно ответить железом, а на железо уже и словесным убийством. И в бросании креста нашими ближними виноваты мы сами.

А Господь требует от нас совершенно иного отношения к нашим ближним. Что из того, что другой согрешил, а ты разве не грешишь? Почему же ты бьешь его, а не пожалеешь? Ведь он уж и так много вреда себе сделал. Если мы по-настоящему верим в Христа и Его Крест, то не простые слова для нас — взять свой крест и помочь окружающим нести их кресты. Очень многое зависит от нашего отношения к окружающим. Иоанн Лествичник говорит, что если «один волк, имея беса помощником, может возмутить все стадо, то и один премудрый брат, имея ангела помощником, может <...> дать кораблю тихое плавание»[20].

Не для того говорится это поучение, чтобы вы послушали его, рассказали о нем своим ближним и на этом закончили. Это будет пустословие. Давайте именно теперь, когда мы поклоняемся Кресту, осмотримся вокруг себя, заглянем в свою душу и мало-помалу начнем нести свой крест. *Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет* (Мк. 8:34).

Давайте начнем хоть немного делать, а не говорить. Начнем хоть бы с того, чтобы смирить себя и промолчать при оскорблении. Каждый вечер, читая молитву святого Иоанна Златоуста, мы просим: «Господи, даждь ми смирение» — а это означает: пошли мне человека, который бы меня смирил. Идя по пути крестоношения, мы должны брать на себя не только свой крест, но и кресты окружающих нас ближних.

Неся каждый свой крест со смирением и кротостью, будем в терпении отсекать всякое самооправдание, внимать себе, и тогда не на словах только, а на деле мы поймем, что означает великая заповедь Господня: *Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет.*

Аминь.

Покров Пресвятой Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы есть прежде всего праздник молитвы. Два мужа — блаженный Андрей и ученик его

---

[20] *Иоанн Лествичник. прп.* Лествица, 8, 20.

Епифаний, молившиеся в храме Влахернском, увидели Ее, Пречистую Деву, тоже молящуюся и простирающую омофор над городом, который находился в великом несчастии[21]. Они в молитве видели Ее молящуюся. Поэтому и нам в этот день в нашей мере нужно назидать себя из слов Священного Писания, говорящих о молитве.

Один святой отец — авва Агафон, когда его спросили, какая добродетель наиболее трудна, ответил так: «Простите мне, я думаю, что нет большего труда, как молиться Богу без развлечения; ибо всегда, когда человек хочет молиться, враг старается отвлечь его; ибо знают демоны, что ничто так им не противодействует, как молитва к Богу. И во всяком подвиге, какой бы ни предпринял человек, во время совершения его получает успокоение, а молитва до последнего воздыхания требует борьбы»[22]. Если так определяет наиболее трудную добродетель авва Агафон, то, конечно, нам прежде всего знакома эта трудность в молитве, ибо это *нам* так трудно молиться без развлечения, и мы оставляем молитву, когда находит уныние и нет желания молиться. Так обычно относимся мы и к вечерней молитве, и к утренней, и в храме продолжаем это беззаконное дело. «Если молитва есть, то я молюсь, а если нет, то как же я буду принуждать себя». Так говорим мы. А вот свидетельство великого [подвижника], который в подвиге прожил десятки лет.

Когда мы подходим к молитве, нам прежде всего нужно помнить не только о том, что молитва есть большой труд, но и о том, что нам заповедано — *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5:17). Стало быть, молиться нужно не только в тот момент, когда мы стоим на молитве утром и вечером. Что значит *непрестанно молиться*? Один старец египетской пустыни «был спрошен: что значит непрестанная молитва? И ответил: из самой глубины сердца воссылаемое моление к Богу с прошением полезного. Ибо не тогда мы только молимся, когда стоим на молитве; но истинная молитва есть та, когда мы можем всегда молиться в себе»[23]. Стало быть, от нас воистину требуется непрестанная молитва, ибо в каждый момент мы должны молиться, и молитва заключается не в том, что мы *стоим* на молитве.

Но каким же образом можно иметь непрестанную молитву, когда есть у человека дело? Хорошо подвижникам, у которых нет никаких мирских дел. К нам-то это совсем не относится: разве мы, которые находимся в разных делах, можем даже серьезно подумать об исполнении такой заповеди? Так говорим мы.

---

[21] Имеется в виду событие 1 октября 910 г. при осаде Константинополя сарацинами (по некоторым другим источникам — русами).

[22] Древний патерик. Гл. 12, 2.

[23] Там же. Гл. 12, 20.

Были в древности иноки, которые молились и ничего больше не делали. И пришли они «к авве Лукию в Енат, и спросил их старец, говоря: какое ваше рукоделие? Они отвечали: мы не занимаемся рукоделием, но, как говорит апостол, непрестанно молимся. И сказал старец: вы не едите? Едим, отвечали они. Старец говорит: кто молится за вас, когда вы едите? Еще сказал им: вы и не спите? Спим, отвечали они. Старец говорит: кто молится за вас, когда вы спите? И не нашлись на это ответить ему. Тогда старец сказал им: простите мне, вы не делаете, как говорите. Я же вам покажу, что, занимаясь своим рукоделием, непрестанно молюсь. Размочив немного прутьев, я сажусь с Богом и, плетя из них веревку, говорю: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое* (Пс. 50:3). И сказал им: не молитва ли это? Те отвечали: да. Старец сказал: проводя целый день в работе, я зарабатываю более или менее шестнадцати монет. Две из них подаю в дверь нищим, а на остальные ем; и молится за меня принимающий две монеты, когда я ем, или когда сплю, и по благодати Божией у меня совершается непрестанная молитва»[24].

В самом деле, как же это так, пришли люди и думали, что непрестанно молятся, а делатель истинный спросил их о рукоделии, и так спросил, что они ничего не могли ответить. Или они ели и спали и не молились непрестанно, или же не имели этих естественных потребностей. Ибо труд дан как заповедь: *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. 3:19). Старец познал, что, исполняя рукоделие, можно непрестанно молиться, и он и молится непрестанно и через труд исполняет великую заповедь: *Блажени милостивии; яко тии помиловани будут* (Мф. 5:6).

Эти два условия в жизни подвижника дают возможность иметь непрестанную молитву. Отсюда вывод, что те из нас, которые имеют ту или иную работу: ремесло, хозяйство, — те, конечно, ничего не могут сказать против возможности непрестанной молитвы, против возможности делать работу как ремесло с той или иной молитвой или памятью о Боге, начинать с Богом, хотя бы стирать или варить пищу, ведь таковые подобны тому, который плел веревку, имея в себе Бога, при взирании на него Божиих очей. Но что же делать тем, которые имеют умственную работу? Разве могу я, говоря проповедь или решая математическую задачу, иметь непрестанную молитву и память о Боге?

Святые отцы говорят, что может человек иметь непрестанную молитву, совершая и умственную работу. «Братия рассказывали, говоря: однажды мы пришли к старцам, и, когда по обычаю совершалась молитва, приветствовав друг друга, сели. И после

[24] Древний патерик. Гл. 12, 10.

беседы, намереваясь удалиться, мы просили опять совершить молитву. Тогда один из старцев сказал нам: что же вы не молитесь? Мы отвечали ему: когда мы пришли, авва, была молитва, и с того времени беседуем до сих пор. Он сказал; простите, братья, потому что некоторый брат, сидящий с вами и беседующий, сотворил тридцать три молитвы. И когда он сказал сие, они сотворили молитву и отпустили нас»[25].

Аминь.

Введение во храм Пресвятой Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня Святая Церковь празднует Введение Пресвятыя Богородицы во храм Господень. В одной из стихир сегодняшней вечерни мы обращались к Пресвятой Деве с такими словами: «По рождестве Твоем, Богоневесто Владычице, пришла еси в храм Господень воспитатися во святая святых, яко освященна»[26].

Мысль о том, что целью вхождения Пресвятой Богородицы в Иерусалимский храм было Ее духовное воспитание в обстановке величайшей святыни Ветхого Завета, неоднократно повторяется в песнопениях сегодняшней службы. Она напоминает нам, что такое духовное воспитание, оказавшееся нужным для Пречистой и Непорочной Девы, тем более необходимо нам грешным.

Господь послал человека на землю, для того чтобы он здесь подготовился к райской жизни, потому вся наша жизнь на земле не что иное, как воспитание. Если это так, то нам нужно дать себе отчет, как же мы должны подготовляться к этому вхождению в райские обители. Для этого нам надо прежде всего понять, кто мы и что представляет собой наша земная жизнь.

Праотец Авраам говорит о самом себе: *Аз же есмь земля и пепел* (Быт. 18:27), а пророк и псалмопевец Давид сравнивает жизнь человека с травой и полевым цветком: *Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако оцветет* (Пс. 102:15). Человек живет на земле семьдесят, *аще же в силах, осьмдесят лет, и множае их труд и болезнь* (Пс. 89:10). Это значит, что человек есть прежде всего тело, и притом грешное и вследствие этого смертное тело. Поэтому, глядя на себя, мы с самого начала видим и ощущаем себя именно как тело. Есть люди, которые видят только это тело, жизнь которого ограничена пределами этой земли. Для них и воспитание

---

[25] Там же. Гл. 12, 18.

[26] Введение во храм Пресвятой Богородицы. Великая вечерня. Стихиры на «Господи воззвах». «Слава и ныне».

может быть только подготовкой для здешней земной жизни. Их желания ограничиваются совершением земных дел и стяжанием земной славы; к этому и готовят они себя воспитанием. Они забывают о том, что все это временное и преходящее. История говорит нам о великих людях, которые в своей жизни совершили большие дела и получили на земле великую славу. Но все они умерли, и на земле не осталось от них ничего, кроме праха и пепла. Пока они были живы, казалось, что они были носителями чего-то великого, что воплотилось в совершенных ими делах, но прошли столетия, и дела эти мало-помалу исчезли из памяти потомков. Так проходит всякая земная слава.

Но мы с вами знаем, что человек есть не только тело, что кроме смертного тела он имеет еще и бессмертную душу, которую Господь вдунул в его созданное из праха земное тело и которую призвал к вечной жизни. *И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни* (Быт. 2:7). Наше пребывание здесь, на земле, временное, но жить мы будем вечно. К этой-то вечной жизни мы и должны готовить себя воспитанием, которое проходим здесь, на земле. В чем же состоит это воспитание?

Мы слышали, что Пресвятая Дева, для того чтобы приготовить себя к великому служению Богоматеринства, к которому призвал Ее Господь, была введена своими родителями в храм Господень, во святая святых. Этим путем ведет Святая Церковь и каждого из нас: она вносит сорокадневного ребенка в храм Божий для поклонения Господу и воспитания. Именно здесь, в храме, за богослужением и совершается воспитание нашей души и подготовка ее к вечной жизни. Причина этого заключается в том, что в храме нет ничего тленного и преходящего, но все здесь связано с вечностью. «Храм — небо земное, — говорит об этом великий пастырь нашей Церкви Иоанн Кронштадтский. — Здесь престол Царя неба и земли, здесь совершается страшная и небесная жертва — Тело и Кровь Владычни, и верные соединяются с Господом и обожаются обожением чудным»[27]. Поэтому, уже входя в храм, мы становимся причастниками небесной жизни. Когда же начинается служба и священник произносит первый возглас: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков», — мы выходим за пределы времени и перед нами отверзаются врата Вечности.

Но как же возможно, что мы, люди, большинство из которых проживает, наверно, меньше предела земной жизни, указанного пророком Давидом, можем говорить: «Благословен Бог наш во веки веков!»? Это становится возможным именно потому, что, входя в Церковь, мы входим в Вечность, в которой все живо: прошедшее,

---

[27] *Иоанн Кронштадтский, св. прав.* Моя жизнь во Христе, Э, 2.

настоящее и будущее. Здесь, в этом Царстве Вечности, живет и пребывает все, что было от начала, с сотворения мира, и то, что еще будет, — Второе страшное пришествие Господа во славе и последний Страшный Суд. Ибо и его мы видим духовными очами перед началом Великого поста в Неделю мясопустную, когда совершается память Страшного Суда.

Вот и сегодня мы соприсутствуем величайшему событию в жизни Божией Матери и в XX веке соприкасаемся со всеми участниками этого события.

Но если жизнь в Церкви есть жизнь в вечности, за пределами пространства и времени, то как можем участвовать в этой жизни мы, люди, живущие во времени, и как может через это участие совершаться наше воспитание, которое ведь тоже есть процесс, протекающий во времени?

Святые отцы говорят: если ты хочешь воспитать ту или иную добродетель, прилепись к тем, кто ее имеет[28]. Это и есть воспитание себя для вечной жизни, потому что в вечности пребывает только то, что создано Господом, т. е. добродетель. Такое воспитание возможно для нас и через соприкосновение с людьми, живущими духовною жизнью, воспитавшими или воспитывающими себя для вечности. Но среди наших современников мы не всегда встречаем таких людей. И вот Святая Церковь через богослужение вводит нас в общение с теми, которые уже совершили свой путь на земле и ныне предстоят престолу Царя славы, со святыми угодниками Божиими. В дни празднования их памяти, а также в дни, когда празднуется какое-либо событие, в котором они принимали участие в земной жизни, мы не только вспоминаем их, но входим с ними в реальное общение, духовно соприсутствуем тем событиям, участниками которых они были. Мы реально соприкасаемся с теми, кто вложил в богослужение свой богатый духовный опыт и ныне вместе с нами участвует в нем.

В песнопениях и молитвах церковных мы слышим все лучшее, что дает нам Ветхий и Новый Завет от сотворения мира и до наших дней. Мы слышим здесь и песнь Моисея (см.: Втор. 32:1–43), и трех отроков (см.: Дан. 3:26–88), слышим голоса пророков Аввакума, Исаии и Ионы и песнь Пречистой Девы Марии (см.: Лк. 1:46–55). Здесь внимаем мы голосу апостолов, которые проповедуют нам через свои послания, и голосу Самого Спасителя в Его святом Евангелии. Здесь с нами мученики, которые своим подвигом и кровью

[28] Например, прп. Антоний Великий в «Уставе отшельнической жизни» (правило 147) пишет: «Да будут тебе в образец и пример те, которые возлюбили Господа от всего сердца своего и постоянно прилежат добрым делам; не стыдись просить у них уроков жизни, потому что они совершенны в добродетелях» (Добротолюбие. Т. 1).

закрепили свое исповедание, подвижники Египта, Сирии и Афонской горы и наши русские подвижники: чудотворцы Печерские, преподобный Сергий и те, которые прославились в совсем близкое от нас время, как преподобный и богоносный отец наш Серафим Саровский. Все они вложили в богослужение самое лучшее и высшее свое достояние — свою молитву. И эта молитва их, если мы будем духовно прилепляться к ним, может стать и нашей молитвой, ибо и ныне они вместе с нами молятся словами составленных ими молитв. Если мы молимся: «Милостиве, помилуй мя падшаго»[29] — то с нами молится праотец наш Адам. Когда мы говорим: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми»[30], — молится с нами преподобный Ефрем Сирин.

А когда, готовясь приступить к Святым Таинам, произносим молитву «Господи Боже мой, вем, яко несмь достоин, ниже доволен, да под кров внидеши храма души моея»[31], то с нами молится и составитель этой молитвы — святой Иоанн Златоуст.

Именно поэтому богослужение является для нас той великой школой, в которой мы можем воспитаться для вечной жизни. Наши души представляют собой духовный инструмент, как бы скрипку, которая, попадая в руки лучших мастеров, может издавать прекрасные звуки. Это они, великие мастера духовного художества, соприкасаясь с нашими настроенными душами, извлекают из них мелодии, созвучные Вечности.

Здесь всегда с нами великий псалмопевец Давид, подобно нам много грешивший, но умевший и каяться и нас призывающий к покаянию словами пятидесятого псалма: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое* (Пс. 50:3). И все здесь, в Церкви, возбуждает нас к подвигам, возносит в горняя, заставляет идти от жизни временной к жизни вечной, всегда напоминая нам, что мы не только прах и пепел, но также и образ божественной и неизреченной славы, который мы должны очистить от покрывающих его язв наших прегрешений[32].

Все мы уже введены во храм, все мы уже находимся в нем, и всем нам открыт вход во святая святых вечности, но как часто мы забываем об этом и не пользуемся открываемой нам Святой

---

[29] Неделя сыропустная. Утреня. Кондак.

[30] Молитва прп. Ефрема Сирина, чтение которой положено за богослужением в среду и пяток Сырной седмицы, а также во все дни многодневных постов, кроме субботы и воскресенья (на практике лишь Великим постом).

[31] Последование ко Святому Причащению. Молитва 2-я.

[32] Ср.: «Образ есмь неизреченныя Твоея славы, аще и язвы ношу прегрешений. Ущедри Твое создание, Владыко, и очисти Твоим благоутробием» (Заупокойное последование. Тропарь 4-й по Непорочных).

Церковью возможностью. Как часто вы думаете: зачем я буду тратить столько времени на хождение в храм? Зачем ходить в храм в будни, не достаточно ли посещать его в праздники? Не слушайте этих мыслей; это лукавый помысел, который обманывает вас. Ведь здесь, в храме, мы пребываем вместе с ангелами Божиими, со всеми святыми и Божией Матерью. Здесь мы представляем собою как бы духовный орган, на который воздействует живущая в Церкви благодать Божия. И если у кого есть свободные минуты, то куда же и отдать их, как не сюда, где мы воспитываемся для вечности? Помните, что для каждого из нас наступит день, когда окончатся все наши земные дела и бессмертная душа наша пойдет к Господу и предстанет на Суд и даст отчет о своей жизни на земле.

В ожидании этого дня и должны мы воспитываться в храме и входить во святая святых вечной жизни; а те, которые говорят, что не надо воспитываться в Церкви, в сущности говоря, не верят в Вечность.

Но есть и среди нас такие, которые будто и часто бывают в храме, и простаивают долгие службы, а душа их несмотря на это, не становится причастницей вечной жизни. Это происходит потому, что они забывают, что место, предназначенное для воспитания человеческой души, само по себе, без нашей доброй воли и усилий, не может воспитать нас для вечной жизни. Святые отцы говорят, что диавол получил наилучшее по сравнению с нами воспитание, ведь он был ангелом света и вместе с другими ангельскими силами предстоял Престолу Божию, и однако это не помешало ему отпасть от Бога. Значит, хождение в храм и пребывание в том месте, которое открывает нам врата вечности, это еще только часть дела. В чем же заключается вторая часть? Для того чтобы понять это, нам нужно помнить, что мир физический и мир духовный управляются одними и теми же законами. Наш земной физический мир есть только образ мира духовного, поэтому, чтобы понять законы духовного мира, мы можем воспользоваться в качестве аналогии законами мира физического. Мы знаем из опыта, что, для того чтобы воспринять какую-либо волну, надо, чтобы воспринимающий орган имел ту же настроенность, что и орган передающий. Возьмем для примера радио: чтобы услышать передаваемый звук, надо настроить приемник на ту же волну, на которой ведется передача.

То же самое происходит и в духовной жизни. Приходится иногда слышать рассказы о том, как человек, который давно не бывал в церкви, зайдя в нее на минутку, может быть мимоходом, вдруг, словно у него открылись духовные очи, начинает воспринимать воздействие благодати Божией через богослужение. Он уже не думает о том, чтобы уйти из храма, начинает постоянно ходить в храм и жить благодатной жизнью.

С кем и при каких условиях это бывает? Только с теми, кто входит в храм с покаянным чувством, кто подходит к Вечности с сознанием своей греховности, с сознанием того, что он недостоин соприкоснуться с ней. Тогда-то именно и открываются ему врата Вечности, потому что душа его оказывается настроенной, созвучной всему покаянному опыту Церкви.

Но бывает и другое. Человек, который раньше имел в своей душе это чувство богослужения, которому было знакомо «восхищение к Богу» через чужую молитву, через молитвы святых и всей Церкви, вдруг начинает терять это чувство и вследствие этого колебаться в своем духовном пути.

Как часто приходится слышать от таких людей: вот прежде я чувствовал или чувствовала богослужение, а теперь все куда-то ушло. Что же мне делать? Ответ на этот вопрос мы находим в словах пророка Давида, который тоже испытывал подобные состояния. *Уны во мне дух мой, во мне смятеся сердце мое,* — говорит он, описывая подобное состояние души, и тотчас добавляет: — *Помянух дни древния, поучихся во всех делех Твоих* (Пс. 142:4–5). Это же надо сделать и нам, если мы начинаем терять молитвенную настроенность души. Нам надо в эти минуты вспомнить *дни древния*, т. е. то время, когда мы, имея очи, видели, имея уши, слышали голос Вечности.

И еше другое: надо понять, что если мы введены однажды во храм, то мы должны и воспитываться в нем. Если же ушла от нас эта настроенность и мы не входим больше в молитвенный мир, то причина этого заключается в нашей греховности. Чтобы вернуть то, что мы когда-то имели, нам нужно принуждать себя бороться со своими греховными состояниями и стремиться всегда и во всем следовать за Христом. Вспомните, как говорится об этом в одной из стихир Страстной седмицы: «Приидите убо и мы, очищенными смыслы, сшествуим Ему, и сраспнемся, и умертвимся Его ради житейским сластем, да и оживем с Ним»[33]. Поэтому если мы будем постоянно каяться в своих грехах, смотреть за своею совестью и предочищать себя, как учат нас великие и величайшие угодники Божии, то они помогут нам в нашей борьбе и приведут нас к Богу и к храму Божьему, как говорит об этом пророк: *Вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему* (Пс. 5:8).

Давайте же будем отдавать наше свободное время храму и богослужению, чтобы через него открывать тайны горнего мира и строить Царствие Божие в наших душах. Не будем забывать о том, что те, которые молятся в храме и участвуют в богослужении, находятся уже вне времени и пространства. Они пребывают в Вечности, они блаженны. Не теряйте этого и не упускайте этой возможно-

---

[33] Святый и Великий Понедельник. Утреня. Стихира 1-я на хвалитех.

сти. Ведь храм — это единственное место, где мы, хотя и грешные, становимся вместе с Божией Матерью, с Иоанном Крестителем, со святыми апостолами и мучениками и со всеми угодниками Божиими такими же членами Тела Христова, как и они. Будем же, прилепляясь к ним всем сердцем, воспитываться для Вечности. Будем учиться у них прежде всего их покаянному деланию, ибо, следуя за ними по этому пути, мы мало-помалу начнем устраивать Царство Божие в своих душах.

Аминь.

Неделя перед Рождеством Христовым, святых отец

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Празднуя ныне Рождество Христово, Святая Церковь дает нам образцы ветхозаветных праведников, которые в течение всей своей жизни ждали Христа Спасителя, заповедовали это ожидание детям и внукам, которые не потеряли своей веры и чаяния до конца. Она заставляет нас приобщиться к ним для того, чтобы и мы могли в трепете встретить наступающий великий праздник, который дается нам не как воспоминание, а как соприсутствие и переживание — вхождение в вертеп и поклонение с пастырями и волхвами. Мы должны и сегодня не только вспомнить ветхозаветных отцов, но и взять от них то, что наиболее соответствует нашему времени.

Ныне воспевали мы: «Велия веры исправления! Во источнице пламене, яко на воде упокоения, святии трие отроцы радовахуся, и пророк Даниил львом пастырь, яко овцам, являшеся. Тех молитвами, Христе Боже, спаси души наша»[34]. Святая Церковь вспоминает их ныне потому, что они по времени ближе к пришествию Христа Спасителя по сравнению с теми праотцами, которых мы прославляли неделю тому назад, а также и потому что они являют нам яркий прообраз пришествия Христа Спасителя. Но не только они, но и все ветхозаветное человечество имело в своей среде великих праведников, хотя и находилось во тьме.

Мы ныне видим не только *зерцалом в гадании* (1 Кор. 13:12), но уже явился Тот, Кому надлежало прийти и пострадать во избавление многих, наша вера совсем иная. Если нам теперь говорят, что мы должны быть долготерпеливыми, то главным примером для нас является Господь. Так и апостол, призывая верующих к терпению, указывает им *на начальника и совершителя веры Иисуса, Который,*

[34] Неделя пред Рождеством Христовым, святых отец. Тропарь.

вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия. Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь душами вашими (Евр. 12:2–3). Он нам оставил пример, а у ветхозаветного человека было только одно слово, одно обетование: *семя Жены сотрет главу змия* (ср.: Быт. 3:15).

Ветхозаветный человек был из рая переселен на землю, чтобы здесь «воспитатися честно»[35] и снова вознестись в горний мир.

Адам ждал более 900 лет, он первого сына своего назвал «приобретением»[36], он не только имел эту веру и долготерпение, но и заповедовал ее всем окружающим, когда умирал. Мы знаем, как Ной с великим долготерпением[37] исполнял заповеданное Господом под всеобщие насмешки[38]. Мы знаем, что терпел насмешки и Евер, который один не пошел строить Вавилонскую башню, один останавливал тех, кто хотел творить беззаконие[39]. Мы знаем и терпение Иовлево (см.: Иак. 5:11; Иов. 1:21).

Зачем нужно терпение? По слову апостола Павла, оно нужно нам для приобретения опытности: *от терпения опытность* (Рим. 5:2). Мы это хорошо знаем из обычной работы. Если мы с терпением учимся какому-нибудь делу, то только тогда и можем хорошо работать, а работа нетерпеливого бесплодна. Терпение рождает опытность — потому-то Церковь от лица этих великих праведников заповедует нам, чтобы и мы в терпении сохраняли надежду. Если терпение имеет такое великое значение, то что такое терпение? Как нам стяжать его?

«Терпение, — говорит Иоанн Лествичник, — есть предназначение себе и ожидание ежедневной скорби»[40]. Так именно и шло ветхозаветное человечество. Господь сказал: *в поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3:19). Но не нам ли сказано также: *в мире скорбни будете* (Ин.16:33).

В наше время, когда нас, верующих, презирают, оскорбляют и унижают, мы, ожидая Рождество Христово и предстоя ныне великим

---

[35] Введение во храм Пресв. Богородицы. Великая вечерня. Стихира 1-я на стиховне.

[36] Имеется в виду Каин. Объяснение имени, согласно Быт. 4:1: *Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа*. На самом деле этимология не ясна.

[37] Сто двадцать лет (число лет жизни допотопного человечества, остававшееся для раскаяния), согласно Быт. 6:3.

[38] В продолжение всего строительства ковчега Ноем люди *ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех* (Лк. 17:27).

[39] См., например, хронику «Повесть временных лет», одним из составителей которой считается прп. Нестор Летописец.

[40] *Иоанн Лествичник. прп.* Лествица, 27, 70.

ветхозаветным отцам, должны понять, что иначе и быть не может, что мы должны приучить себя к терпению и ожидать этих скорбей.

Кто же из нас может назваться терпеливым?

«Не тогда мы можем назваться терпеливыми, когда мужественно переносим поругание от отца, но когда от всякого человека и презрения, и уязвления переносим с терпением»[41].

Так все они и шли. С таким терпением шел Моисей, когда те, кого он по воле Божией избавил от египетского рабства, укоряли его: *Зачем ты вывел нас из Египта?* (Исх. 17:3). Такое терпение было и у Давида, который не только не разгневался на злословившего его Семея, но даже запретил тем, кто хотел за него отмстить обидчику, говоря: *Что мне и вам, сыны Саруины?* оставьте его, *пусть злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида. Кто же может сказать: зачем ты так делаешь?* (2 Цар. 16:10). Великое дело относиться с терпением к наносимым оскорблениям.

«Я видел трех иноков, — рассказывает Иоанн Лествичник, — в одно время потерпевших бесчестие. Один из них оскорбился, но смолчал; другой порадовался ради себя, но опечалился об укорившем его; третий же, воображая вред ближнего, пролил теплые слезы»[42].

Мы, которые еще вовсе не достигли состояния этого первого брата, который оскорбился и смолчал, даже не представляем себе того делания, которое есть у второго и третьего. Но нам надо хоть это первое сделать, ибо когда мы смолчали, то уже сделали полдела, изъявили тем смирение. Второй брат, порадовавшийся за себя и опечалившийся за того, кто укорил его, еще не мог молиться за врага, а третий уподобился Самому Господу, Который со креста прощал Своих мучителей и молился за них: *Отче, отпусти им: не ведят бо что творят* (Лк. 23:34).

В наше время, когда истинное учение оплевывается, когда ныне считают чуть ли не обязанностью оскорблять и унижать служителей Христовых, когда каждый из нас, верующих, считается «затемняющим народное сознание и верующим в бредни» и когда мы ныне стоим в преддверии величайшего праздника, нам надо встретить Христа Спасителя в терпении, как заповедует Церковь. Мы сегодня будем иметь перед собой эти образцы ветхозаветных праведников, которые имели одно только свидетельство, и то, полученное не ими самими, но первым человеком. После того как пришел на землю Начальник и Совершитель веры Христос и претерпел за нас поругание, разве не нуждаемся мы в том же подвиге терпения, как и отцы наши? Они, как наши предки, отвечают и за

---

[41] Там же. 4, 84.

[42] Там же. 8, 27.

нас, они дают нам примеры веры и терпения, и мы должны идти за ними. И нечего нам плакать о том, что так оскорбляют нас. Оскорбляли ведь и Самого Христа Спасителя. Нам надо жалеть о том, что есть люди, которые могли бы быть членами Святой Церкви, но находятся во мраке, о них надо молиться и проливать теплые слезы. А терпение нам много легче иметь, чем в Ветхом Завете, только мы не идем этим путем. У нас есть еще вера и даже желание исповедовать ее, но терпения у нас нет. Вот ветхозаветные праведники и дают нам образ терпения. Если предстоящий праздник для многих из нас является радостью, то вспомните ветхозаветных отцов, которые шли подвигом терпения и на этом пути стяжали веру и духовную опытность.

Ожидая рождения Господа, мы должны радоваться даже и тогда, когда Он пошлет нам великие испытания. И когда сегодня мы прославляем ветхозаветных праведников, мы должны помнить, что рождается наш Искупитель и что Он откроет перед нами райские двери.

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь совершает сегодня введение нас в праздник Рождества Христова, радостный праздник, принесший нам спасение. Но Рождество Христово есть для нас радость только с тем условием, если Христос не только пришел, но и пострадал на Голгофе и избавил человека от греха, проклятия и смерти. Радостный праздник, он в своем предпразднестве дает нам образы великих праотцев Христа по плоти — ветхозаветных праведников.

Христос пришел потому, что мы впали в грех, потому, что первый человек растерял первозданную доброту образа Божия, Христос пришел, чтобы «прежде падший возставити образ»[43], — и вот Святая Церковь, приуготовляя нас к этому великому празднику, призывает всех идти тем же путем, каким шло прежде нас человечество. Ибо если Святая Церковь уже давно воспевает «Христос раждается, славите, Христос с небес, срящите»[44], то мы сейчас присутствуем при приготовлении к этому событию и должны приобщиться — мы, люди Нового Завета, — к тем праотцам, которые ждали Спасителя, и они смогут много нам дать. Скоро мы с ангелами, пастырями и волхвами будем поклоняться рожденному Христу, а ныне Святая Церковь вспоминает праотцев, а на следующей

---

[43] Предпразднство Рождества Христова (20–24 декабря). Утреня. Тропарь.

[44] Рождество Христово. Утреня. Первый канон. Песнь 1. Ирмос.

неделе — отцев, чтобы дать нам возможность соприкоснуться с Ветхим Заветом.

Но зачем это нужно? Мы — люди Нового Завета. Разве нет разницы между тем ожиданием, когда праотцы ожидали Рождества Христова, и как мы ныне ждем? Ведь теперь пришел Христос. Да, пришел, но Церковь снова приготовляет нас к Его сретению в вертепе, снова приготовляет нас к присутствию при событии, связующем Ветхий и Новый Завет.

Когда первый человек согрешил, он был изгнан из рая и дано было ему обетование: «семя Жены сотрет главу змия» (ср.: Быт. 3:15), придет Спаситель и освободит человека от рабства греху.

Ждали праотцы... Адам ждал 930 лет. Жена его первого сына своего назвала Каином, что значит «приобретение»[45], ибо через него надеялись они приобрести спасение. Адам и Ева ждали Искупителя, готовили своих детей, но не дождались, — и так из поколения в поколение передавалось это великое обетование. И в терпении ждали, хотя никто не приходил, а кругом другие смеялись, как и тогда, когда Ной по данному ему обетованию (см.: Быт. 6:13 и далее) строил ковчег, убеждая, что будет потоп и что надо покаяться. Обетование это хранилось в душах немногих, но для них оно было самым дорогим наследством. Эти великие праведники плакали — Адам плакал о потерянном рае, о том времени, когда пребывал с Богом, — они плакали о своих грехах и, подобно Давиду, воспевали покаянные псалмы: *Помилуй мя, Боже, помилуй мя* (Пс. 56:2). И, плача, они с терпением верили, что придет Спаситель и откроет перед ними двери рая.

И пришел Спаситель. Он раскрыл райские двери. Но вот они снова закрыты для нас. Мы, грешные люди, стоим перед раскрытыми райскими дверями и не пользуемся даром Спасителя, который дал Он каждому раскаявшемуся грешнику. Те ветхозаветные праведники не могли войти в рай несмотря на всю свою праведность, несмотря на все покаяние, а мы сделали себя неспособными войти в открытые двери. И снова восклицаем мы: *Помилуй мя, Боже,* — словами великого пророка и царя Давида.

Потому-то и зовет нас Церковь к ним, к великим праведникам, которые верили в грядущего Спасителя и этою верою были оправданы.

Христос пришел, но пришел ли Он для нас, для тех, кто называет себя христианами?

Рождественское богослужение указывает нам на ту связь, которая существует между Ветхим и Новым Заветом. Разве ничего не дают нам великие учители Ветхого Завета, разве нам не нужно

---

[45] См. прим. 36 на с. 36.

учиться тому, что переживали великие ветхозаветные отцы и праотцы. Нам надо поучиться их вере, вере людей, которые, не видя Спасителя, тем не менее сохранили упование до конца.

Зная Новый Завет, мы не можем говорить, что благодати нет, что не искуплены мы Спасителем, что не пришел Тот, о Ком сказано: «семя Жены сотрет главу змия» (ср.: Быт. 3:15).

Ныне нам, предпразднующим Рождество, надо поучиться у Ветхого Завета, надо понять, что если кто и спасен пришествием Христовым, то не мы, а они, что именно потому их песни, их псалмы, их покаянный плач, плач людей Ветхого Завета о Царстве Божием Церковь вводит в наше новозаветное христианское богослужение. Святая Церковь говорит нам, что если не соприкоснемся мы с тем мраком, который был не только в Ветхом Завете, но который есть и во всяком нашем грехе, если не прикоснемся с великим трепетом согрешившей и плачущей души, взывающей к Богу: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя», — тогда пройдет мимо нас все то, что будет в эти дни совершаться в Святой Церкви, как не раз проходило. А когда Святая Церковь будет петь «Слава в вышних Богу»[46], мы услышим и покаянные псалмы, мы услышим и великое повечерие, которое совершается только Великим постом, чтобы соприкоснуться с покаянием Ветхого Завета. Нам нужно начать подготовку тем покаянием, каким каялись те, кто совершал свое спасение задолго до Рождества Христова, а для нас Святая Церковь начинает эту подготовку за два воскресенья до Рождества Христова.

И когда сегодня мы пришли слушать, как Святая Церковь прославляет ветхозаветных праведников, наше дело войти в общение с этими людьми, которые шли путем скорбей, путем веры во Христа, покаяния. И вера их была не такой, как у нас. Мы имеем теперь оправдание нашей веры в словах Господа, а у них этого не было, а между тем как сильна была их вера. Вспомните хотя бы Авраама, по этой вере принесшего сына в жертву (см.: Быт. 22:1–19), вспомните Иова, который через свое терпение сделался другом Божиим (см.: Иак. 5:11) и болезни которого прообразуют страдания Самого Спасителя.

Радостен праздник Рождества Христова, но радостен для тех, кто ждет его, кто помнит, что Христос пришел для страдания, что Он принял *зрак раба* (Флп. 2:7), что Он пришел на землю, чтобы нас поднять на небо, как говорят святые отцы. Вот потому-то Святая Церковь дает нам образы веры и надежды. Нам надо молиться им, чтобы они дали нам свое упование, свое покаяние, свою веру.

---

[46] Ангельская песнь (см.: Лк. 2:14).

Когда будем слушать ветхозаветные псалмы, покаянные молитвы, вдруг услышим песни Рождества Христова, услышим голос Божией Матери, и Святая Церковь верит, что поскольку мы соприкоснемся с верою ветхозаветных праведников, постольку заставит встрепенуться наши души весть о Рождении Спасителя, и тогда мы вместе с Божией Матерью предстанем пред Его яслями и будем служить Ему. Если не будет этого, то пройдет и это Рождество, как проходило много раз.

Зовет нас Святая Церковь, зовут те мужи, память которых мы ныне творим. Помолимся же им, помолимся, чтобы они дали нам образец, как нужно в покаянии, в сокрушении о своих грехах и в послушании Богу войти и поклониться вместе с ними лежащему в яслях Младенцу Христу.

Аминь.

Рождество Христово

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня Святая Церковь зовет нас прийти в вертеп к рождшемуся Господу и в смирении и в покаянии поклониться Ему. Сегодня мы слышали ангельскую песнь *Слава в вышних Богу, и на земли мир* (Лк. 2:14).

И для многих из нас, для тех, кто в кротости и смирении готовился к празднику через преподносимые Церковью богослужения, это не только слова, но и ангельское состояние мира и благости.

Так же было и в ту ночь, когда родился на земле Богочеловек. Но мы более счастливы, чем те, кого считаем счастливыми свидетелями Рождества Христова. Мы имеем через Церковь не только момент поклонения, не только ощущаем этот мир в наших душах, но знаем также, что не только мир Христос принес на землю, но и меч. *Не мните, яко приидох воврещи мир на землю; не приидох воврещи мир, но меч; приидох бо разлучити человека на отца своего, и дщерь на матерь свою, и невесту на свекровь свою* (Мф. 10:34–35). Так говорил Христос своим ученикам и всем тем, кто Его слушал.

Так что же принес Он — мир или меч, соединение или разделение?

Мы сегодня радостно воспеваем: «Слава в вышних Богу», — а за этими стенами мир опять идет против Христа, как шел с самого начала, с первых дней жизни Христовой на земле. Мир снова оскалил зубы и хочет уничтожить дело Христово. И вот мы стоим здесь в этот радостный и ответственный для нас момент. Где будем мы

в этом разделении, мы, пришедшие в радости встретить рожденного Спасителя? И откуда это разделение, каковы его причины?

Вот Святая Церковь в сегодняшнем богослужении дает ключ к пониманию этого. Сегодня радостное богослужение, сегодня мы славословим Господа. А как до этого момента мы совершали богослужение? Там было покаяние, было великое повечерие, там мы молились о наших грехах, читали ветхозаветные псалмы. Только что совершали мы литию, а лития — это усиленное моление «о всякой души христианстей, скорбящей же и озлобленней, милости Божия и помощи требующей...» И опять молимся мы о своих грехах в шестопсалмии. Как такое: после «Слава в вышних Богу» в псалмах снова этот покаянный вопль души, живущей в разделении? Мы чувствуем, что не можем жить так, как мы живем. Сколько бы мы ни сделали в науке, в искусстве, нет у нас жизни вечной, жизни в Боге, нет святости, нет обожения. «И не хочу быть таким, как я есть», — мог бы сказать любой великий ученый и поэт. Это стремление к жизни горней и покаяние — это и есть разделение. И напрасно думают идущие против Христа, что против Него можно идти книгами и брошюрами, картинами и карикатурами. Нет, Церковь Божия внутри нас есть (ср.: Лк. 17:21). На этом внутреннем фронте идет борьба князя мира сего со Христом. *Но горе тому человеку, через которого соблазн приходит...* (Мф. 18:7) Для нас сейчас особенно дороги слова Спасителя: *Будете ненавидими от всех имене Моего ради* (Лк. 21:17). Теперь каждый священник, каждый верующий во Христа является тем, против кого направляются все насмешки, вся грязь. Это не случайно. Так было всегда, и это направлено не против нас, а против Христа. Начинают говорить, что Христос никогда не приходил, что Рождество — переделка языческого праздника. Человек всегда не мог думать только о хлебе насущном, он всегда думал о том, что *едино же есть на потребу* (Лк. 10:42). Человеческая душа направлялась вложенным в нее внутренним законом совести, она желала изменения всей своей природы, она ждала, что Бог придет на землю, она томилась, и вот то там, то тут возникало учение о рождении Бога — и в зависимости от того, каково было состояние этой души, какова была ее совесть, она строила то или иное учение. Эти люди не знали боговдохновенного Писания, но шли и строили свои учения по закону своей совести. Многим казалось, что Бог должен родиться не тем способом, как все люди, что Он должен родиться от Девы.

Учение о первородном грехе существует у всех народов, оно не заимствовано ими друг от друга, но находится внутри каждого из нас; каждый из нас в лучшие минуты своей жизни приходит к сознанию своей скверны, к сознанию того, что он должен быть вновь создан, что он хочет быть новой тварью. Это доказывает, что

у нас есть совесть, свидетельствующая, что мы не можем признать себя богами, что мы не можем быть владыками мира и вселенной. Для многих современные события могут быть блазнительными. Для апостола Петра блазнительными оказались слова служанки[47], а для иных блазнительными были и многие поступки Господа нашего Иисуса Христа[48]. Когда мы пришли поклониться нашему Владыке, возлежащему в яслях, пришли вместе с ангелами, пастырями и волхвами, нам надо понять, где мы в этом разделении, чьи же мы. И если мы хотим идти за Христом, то пора идти. Когда снова рождается Христос, когда мы вновь видим Его во внутренней храмине нашей души, нам надо сберегать то, что дает нам Церковь, надо бороться. Эта борьба существует с самого начала Церкви. Она то усиливалась, то ослабевала. Мы имеем счастье жить, когда она достигла давно не достигавшихся размеров, и нам говорит Спаситель: *Да не смущается сердце ваше...* (Ин. 14:1).

Нам надо помнить, что борьба идет внутри нас. Не потому мы веруем, что Евангелие нам дано, но совесть наша и мысли наши, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую, свидетельствуют о том, что без Бога мы жить не можем, что без Него не можем обновить нашей жизни. Если мы будем внимательно относиться к своей душе, если будем идти за Христом, мы должны хранить Царство Божие в своей душе, полученное здесь, в храме. Берегите свои души, берегите Царство Божие, которое внутри вас. К этому призывает нас Святая Церковь.

Господь принес нам мир, но и разделение также принес. Мир — для тех, кто сообщается с миром горним, и разделение — для тех, кто идет против Господа. Только через устроение души, через осознание своей греховности, можем мы бороться за Царство Божие. Иначе ничто нам не поможет. Мы видим, что в нас есть Христос, Он вечно рождается в душе каждого из нас. С этого дня снова не затемняйте лика Богомладенца в своей душе. Скоро мы опять Его затмим. Но помните, что сейчас время разделения, и если мы не будем очищать свою душу, мы окажемся против Него.

Аминь.

---

[47] Имеется в виду первое отречение апостола Петра от Иисуса Христа после Его ареста, во дворе первосвященника Каифы (см.: Мф. 26:69–75; Мк. 14:66–72; Лк. 26:55–62; Ин. 18:15–18, 25–27).

[48] Например, для учеников Иисуса Христа, удивившихся, что Он разговаривал с женщиной-самарянкой, что осуждалось правилами иудейских раввинов (см.: Ин. 4:27), или при исцелении расслабленного в Капернауме для книжников и фарисеев, осуждавших Господа за богохульство (см.: Мф. 9:2; Мк. 2:5–7; Лк. 5:20–21), или для фарисеев, недоумевавших, что Он дружит с мытарями и грешниками и ест и пьет с ними (см.: Мф. 9:11, 11:19; Мк. 2:16; Лк. 7:34).

Преставление преподобного Серафима, Саровского чудотворца (1833)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Мы пришли сегодня творить память святого угодника Божия, преподобного Серафима, величать его как того, кто боролся с миром как инок.

Нам нужно помнить в этот день о том, что происходит в наших душах и в нашей жизни. Сейчас очень многие отказываются от борьбы с миром, от того пути, каким шел преподобный Серафим и на котором он имел величайшие достижения. Нам приходится слышать, что все наше делание — пример, который мы берем от святых отцов, от преподобного Серафима, — все это затемняет подлинный лик Христов и Его подлинное учение. А между тем мы, верующие, должны идти за Христом, и нам надо знать, как мы должны идти за Ним, как мы должны совершать путь своего спасения.

Ответ дан Самим Спасителем. Он говорит, что князь мира сего не изгнан еще вон, что надо бороться с ним. *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17:21), но оно с борьбой берется, оно *нудится* (Мф. 11:12). Эта борьба за Царствие Божие наиболее ярко выразилась в иночестве. Это не значит, конечно, что здесь, в миру, нельзя бороться *со страстями и похотями* (Гал. 5:24), но иночество наиболее выявило путь отречения от мира сего. Это не есть отречение от мира в смысле отречения от жизни, а отречение от греха.

Обет этого отречения в иночестве выражен только с большей силой, но его все мы дали при крещении. Мы здесь, на земле, должны начать устраивать в себе зачатки Царствия Божия. Такой ответ дают Господь и Его апостолы.

Но тем, кто ныне, как и мы, чтит угодника Божия Серафима преподобного, дается другой ответ. Говорят, что надо уничтожать не только монастыри, но искоренять и самую борьбу с грехом — уничтожить аскетизм.

А между тем для нас, пришедших сегодня прославить преподобного Серафима, того, кто в непрестанной молитве стяжал любовь Христову, для нас на этой великой нашей работе — в молитве — выясняется, может быть, ярче всего наше отношение к миру и к новой Церкви, ведущей борьбу с преподобным Серафимом.

Что такое непрестанная молитва?

Святые отцы говорят, что «молитва есть пребывание в соединении человека с Богом»[49]. Стало быть, молитва не только на словах, ибо праведник под Богом ходит. Это учение о непрестанной

[49] *Иоанн Лествичник. прп.* Лествица, 28, 1.

молитве было для них не словами, но делом. Здесь ярко мы видим разницу между святыми отцами и нашими современниками. Они только говорят о Христе, а святые отцы все время пребывали в соединении с Ним.

Преподобный Серафим был и есть прежде всего представитель молящейся Церкви, величайший молитвенник, ибо это он в продолжение тысячи дней и ночей совершал бдение на камне.

Когда нам говорят теперь, что нам надо получить те или иные впечатления, создать особое настроение, чтобы помолиться, мы видим, что Церковь идет не путем развлечения нас, но путем привлечения на молитву посредством тех или других впечатлений. К молитве мы должны приготовляться в течение всей нашей жизни. Святые отцы говорят, что наша молитва зависит от того, как мы живем, на ней отражается все то, чем мы были заняты до того, как на нее стали, что мы должны готовиться и перед самой молитвой.

Стало быть, наша молитва зависит от того, как мы готовимся, как мы живем.

Нам, не умеющим молиться, преподобный Серафим помогает встать на настоящий путь. Он говорит, что молитва начинается не тогда, когда мы встали на молитву и исполняем то или иное правило, а, как сказано у Иоанна Лествичника, для нас нужно непрестанное духовное делание в течение всей жизни. Надо идти путем смирения, послушания, обуздания своих страстей и похотей, и что это еще ничего не значит, если нам кажется, что, долго пребывая на молитве, мы ничего не получаем, ибо «самое пребывание на молитве есть уже приобретение»[50]. Так говорят святые отцы и прославляемый ныне преподобный Серафим. Нам надо постоянно трудиться над нашей молитвой, как мы можем. Больше всего мешает молитве работа языка. Преподобный Серафим пять лет пребывал в молчании, и для нас немощных нужен тот же самый подвиг, хотя и в бесконечно меньшей степени. *Положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих* (Пс. 140:3), — молимся мы Великим постом[51].

Нужно начать работу над молитвой вовсе не тогда, когда ты встал на молитву, ибо тогда уже поздно и ты не в состоянии будешь отрешиться от того, что делал перед тем. Прежде всего нам надо взять у преподобного Серафима именно этот подвиг — хранение уст.

Нам надо учиться молиться, ибо молитва есть единственное, что пойдет с нами в иную жизнь. Все остальное есть только средство для перехода туда, а это будет там нужно.

---

[50] Там же. 28, 29.

[51] Песнопение «Да исправится молитва моя» на литургии Преждеосвященных Даров.

Сегодня Господь поставил нас перед преподобным Серафимом, и нам надо прежде всего обратиться к нему, к тому, кто возглавляет нашу русскую молящуюся Церковь. В последние дни, когда начинается в ней как будто разделение, нам надо обратиться к тем, кто имел истинное делание. Многие из русских людей совершают величайшее беззаконие, творя ныне память преподобного Серафима и отвращаясь от этого делания. А мы должны не только признать, но и вполне понять, что он, преподобный Серафим, учит нас, как нам нужно жить. Это ничего не значит, что мы не несем тех подвигов, что мы не в монастыре: наша мера не серафимовская.

Преподобный Серафим говорит, что прежде всего мы должны бороться за молитву, должны приготовляться к ней в течение всей нашей жизни, должны воздерживаться от осуждения, хранить уста, вспоминать как можно чаще о Господе и молиться Ему, хотя бы просто произнося время от времени «Господи, помилуй», «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго», чтобы дела наши не отвлекали нас от Господа. Только когда мы поймем самим делом, что Царствие Божие *нудится*, только тогда мы сможем почтить достойным образом память преподобного Серафима.

Мы страдаем отдалением от Бога, мы постоянно пребываем не с Ним, а с начальником тьмы и злобы.

В день памяти преподобного Серафима помните, что вам надо приготовляться к будущей жизни, бороться за молитву. Если мы пойдем этим путем, если будем помнить заветы преподобного Серафима, тогда будет он для нас не тем, кто где-то, когда-то жил и совершал какие-то подвиги, — он будет нам учителем, молитвенником и отцом и поможет помнить, что жизнь христианская есть борьба за Царство Божие с царством диавола, что надо трудиться и идти к Господу и его святым, а прежде всего к преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу.

Аминь.

Святое Богоявление. Крещение Господне

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«Днесь Владыка прииде освятити естество водное». Так Святая Церковь будет воспевать ныне на девятой песни канона[52]. Настоящий праздник, как говорит одна из стихир предпразднства Богоявления, есть праздник славнейший по сравнению с прошедшим праздником Рождества Христова: «Светел убо мимошедший праздник, светлейший же, Спасе, приходящий». И указывает дальше почему:

[52] Святое Богоявление. Утреня. Второй канон. Припев 5-й.

«он ангела имеяше благовестника, и сей Предтечу обрете предуготовителя. Он кровем изливаемым, яко бесчаден, рыдаше Вифлеем, и сей водам благословенным многочадна познавается купель. Тогда звезда волхвом возвести, ныне же Отец миру Тя показа». Если там звезда показует вертеп, то здесь Сам Отец показует Своего Сына: *Сей есть Сын Мой возлюбленный* (Мф. 3:17). Богоявление — это праздник откровения тайн Божиих, и не только тайн Божиих, но и тайн того мира, в котором мы живем.

Человек не может быть оторван ни от мира видимого, ни от невидимого, ибо он стоит на грани того и другого, ибо он создан от земли, из вещества, из твари видимой и тленной, но в него вложена душа, дух ангельский; как говорит один из святых отцов, это есть ангел во плоти[53]. Человек совмещает в себе оба мира, соединяясь с одним своим видимым телом и восходя к другому через свой невидимый бессмертный дух.

Мы слышали в предпразднственной службе Рождества, что Христос идет человека, падшего на земле, снова возвести на небо.

Человек не оторван от видимой природы. Днесь открывается тайна Богоявления, а также и тайна освобождения Христом от греха не только человека, но и всего мира. Христос явился, как воспевали мы в эти предпразднственные дни, облечь человека в первую одежду, в ту одежду, в которую облечен был первый человек при творении и о которой говорит Великий канон Андрея Критского: «Раздрах ныне одежду мою первую, юже ми изтка Зиждитель из начала, и оттуду лежу наг»[54]. Но этого мало: «Христос явися, всю тварь хотя обновити»[55].

Эта неотделимость человека от твари проходит через все богослужение. Сегодня еще мы молились: «Помилуй нас и мир Твой...» Мы в христианском сознании не отделяем себя от того мира, в котором живем, и Христос явился на Иордан не только для того, чтобы восставити падшее человеческое естество, но и обновить всю тварь через естество водное. «Ты во Иордане крещься, Спасе наш, воды освятил еси, дланию раба рукополагаемый, и страсти мира исцеляяй...»[56]

Но почему именно через воду освящается мир?

Вода с самых первых дней творения является одухотворяющим, освящающим естеством.

Еще не было мира, а Дух Божий носился над водами (см.: Быт. 1:2), как над самым чистым.

---

[53] Ср.: «Во плоти ангел...» (тропарь пророка Илии).

[54] Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 2. Тропарь 8-й.

[55] Предпразднство Богоявления. Тропарь.

[56] Святое Богоявление. Утреня. Стихира 3-я на хвалитех.

Господь создал воду для того, чтобы ее положить освящающим, очищающим, оживотворяющим естеством. Водой был потоплен грех при Ное[57], водою же была попалена жертва, принесенная праведником[58]. Через воду в Ветхом Завете совершалось очищение. *И окроплю вас чистою водою,* — говорит пророк Иезекииль, открывая тайну духа, — *и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас. И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам* (Иез. 36:25–26).

Водное естество освящается для того, чтобы через себя освятить прежде всего человека. Каждый из нас при духовном рождении освящается иорданским крещением, ибо иорданским освящением освящается вода для Таинства крещения.

Но этого мало. Не только человек очищается водою при рождении, но через то же водное естество освящается и вся природа.

Человек лишь венец творения, высшая точка его, и все, на что накладывает он свою греховную печать, заражается тем же грехом. Через человека находится во грехе вся природа. *Тварь с нами совоздыхает и соболезнует даже доныне* (Рим. 8:22), — говорит апостол Павел. Поэтому Господь освятил водное естество, чтобы через него освятить и всю природу.

Мы совсем забываем, насколько тесно мы связаны с миром горним, с ангелами и святыми, забываем об этой связи, без которой нет Церкви нашей, без которой не можем ни совершать богослужения, ни надеяться на вечную жизнь.

И с миром дольним мы также не чувствуем связи. Мы считаем, что существуют отдельно человек и природа. В лучшем случае мы еще признаём, что природа живет, что живут растения и животные, так как это уже трудно отрицать. Но мы утеряли то, о чем надлежало бы знать: Бог сотворил мир, Он есть Жизнь, и все, что сотворено Им, Им живет — или Бога нет вовсе. Бог в творении прежде всего является как Жизнь, и это для нас, верующих, открывается именно сегодня, когда мы предстоим здесь вместе с Иоанном Крестителем, которому воспевали, чтобы он встал с нами и запечатал бы наше пение, чтобы он снова возвел свой взор к Духу Святому и духовно соединился с нами в этом великом богослужении: «Руку твою, прикоснувшуюся пречистому верху Владычню, с неюже и перстом Того нам показал еси, воздежи о нас к нему, Крестителю, яко дерзновение имея много, ибо болий пророк всех от Него свидетельствован еси. Очи же твои паки, Всесвятаго Духа видевшия, яко в виде голубине сошедша, воздвигни к Нему, Крестителю, и милостива нам соделай, и прииди, стани с нами, запечатаяй пение

---

[57] Имеется в виду Всемирный потоп (см.: Быт. 6:5–9:17).

[58] Имеется в виду жертвоприношение Исаака Авраамом (см.: Быт. 22:1–19).

и предначинаяй торжество»[59]. Сегодня праздник не только людей, которые при крещении получают одежду нетления, но и праздник всей природы, ибо и природа «да облечется в одежду свою первую», ибо и она живет и заражается от нас нашим грехом. Если каждый из нас, имея сознание, может и должен каяться и, каясь, как верит Святая Церковь, облекается в одежду нетления, то для природы также должно быть очищение от того греха, который мы в нее вносим, и это очищение дается ей через великий праздник Крещения Господня, когда вся тварь через водное естество обновляется.

Одинаково и к горам, и к холмам, и к светилам небесным, и к мразу, и к инею, и к ангелам, и к «человеков множеству» обращается Святая Церковь, призывая их «петь и превозносить Господа» (вечерня Великой Субботы). Но высшую ступень в этом творении занимает человек, в особенности же те, кто прославлен — преподобные и праведные и смиренные сердцем.

Сегодня мы совершаем великое освящение воды, совершаем не только как люди, которые собрались в этом храме для того, чтобы здесь помолиться и вспомнить когда-то происходившее, вспомнить, что когда-то Господь пришел креститься от Иоанна. Церковь снова раскрывает нашу связь со всей природой. Вот этой связи мира видимого и невидимого, между человеком и стихиями, между человеком и миром мы, грешные, скверные, не чувствуем — и оттого-то мы так одиноки, оттого-то мы не понимаем богослужения, которое совершаем.

Разве можно говорить, что есть человек и мертвая материя, когда водою совершаем мы Таинство крещения, — через эту воду, через материю как через вещество совершается рождение вновь, духовное рождение. Эта самая обыкновенная вода получает духовные дары благодати, она освящается, и через нее мы освящаемся. Другое великое Таинство — миропомазание — совершается через миро. Миро — простое благоуханное вещество, но оно, освятившись, приобретает те свойства, которые дают нам, миропомазанным, дары Святаго Духа. Вот хлеб и вино, освященные и предложенные, они являются как Тело и Кровь Господа, и они нас делают Телом Христовым, когда мы ими приобщаемся, как говорит Иоанн Златоуст[60].

Стало быть, эта связь наша с видимой природой так тесна, потому что все, что живет, живет как создание Божие, живет Своим Творцом — Истинной Жизнью.

Нам надо в этот праздник освящения водного естества помнить, что человек стоит на грани двух миров: мира невидимого, с которым он связан своей бессмертной душой, духом (этот мир

---

[59] Последование часов в Навечерие Богоявления. Час 9-й. Стихира.

[60] См.: *Иоанн Златоуст, свт.* Письмо к Кесарию монаху.

возводит нас к ангелам и бесплотным духам), и мира видимого — через тело свое, которое является проводником благодати Духа Святаго в душу и которое становится таким же бессмертным, как и душа, если мы живем во Христе. Мы — малый мир — носим в себе соединение двух великих миров.

В этот величайший день Церковь верует, что Господь снова крещается и обновляет Собою водное естество, и через то обновляется вся природа и получает снова свою одежду первую, какую и мы получили в крещении, но после загрязнили своими падениями, а затем Господь по милости Своей через Таинства покаяния и причащения снова сотворяет ее нетленной.

Наша величайшая обязанность в этот праздник — почувствовать свою связь с обоими мирами, с миром горним и миром дольним.

Эта вода, которая живет и несет в себе освящение, истинное нетление, омывая нас *банею пакибытия* (Тит. 3:5) в Таинстве крещения, дает нам духовное рождение, освящает и неодушевленную, и одушевленную тварь: и растения, и животных — всю природу, которую человек в своей слепоте называет мертвой.

Мы должны помнить, что мы не отдельно существуем, что мы связаны с этим миром как его венец и что этот мир мы должны поднять до невидимого (Григорий Богослов)[61], должны поднять до души прежде всего через свое тело; мир, лежащий во зле (см.: 1 Ин. 5:19), должны мы очищать и не загрязнять вновь и вновь своим грехом.

И в этот день не одиноки мы, не одни только собравшиеся здесь люди, но вся Церковь, видимая и невидимая, и человек, и ангелы славят пречестное и великолепое Имя Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

Неделя о мытаре и фарисее

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

По милости Божией мы снова у дверей Великого поста. Сегодня Святая Церковь дает нам то песнопение, которое указывает нам, что для нас вновь наступает благоприятное время для покаяния:

[61] «Во-вторых, чтобы душа могла и худшее, постепенно отрешая от дебелости, привлекать к себе и возводить горé, чтобы она, став руководительницей для служебного вещества и обратив его в сослужебное Богу, была для тела тем же, чем Бог для души» (*Григорий Богослов, свт.* Слова, 3).

«Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче, утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему»[62].

В дни подготовительные к Святому посту Святая Церковь ведет нас прежде всего от нас самих, ибо если мы подходим к Богу, если мы желаем идти к Нему и жить Им, то прежде всего это *наше* решение, *наша* воля. И первую неделю она посвящает образу мытаря и фарисея, дает прежде всего *человеческое* состояние для того, чтобы в следующей неделе показать *Божие* произволение и привести нас тем же путем покаяния к Отцу Небесному.

Два человека вошли в храм помолиться (Лк. 18:10), — начинает притчу Господь, и в этой молитве Он раскрывает состояние того и другого. «Молитва есть зеркало духовного устроения, — говорят святые отцы. — Посмотри в это зеркало, посмотри, как ты молишься, — и ты можешь сказать безошибочно, каково твое духовное устроение»[63]. Не случайно Господь дает эти два образа на фоне молитвы, ибо в ней наиболее открываются наши хорошие и темные стороны, духовное умирание и духовное возрастание, не случайно и Триодь постная начинается с многозначительной стихиры: «Не помолимся фарисейски, братие».

Фарисей — исполнитель закона, соблюдающий все церковные уставы, приходит и молится в благодарении: *Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю* (Лк. 18:11–12), — и вот я прихожу и благодарю Тебя.

А вот другой — мытарь. Он по-видимому ничего не исполняет от закона, но, чувствуя свое ничтожество, только бьет себя в грудь и молится: *Боже, милостив буди мне, грешнику* (Лк. 18:13).

Святая Церковь открывает нам духовно-душевный смысл того и другого состояния.

В древних книгах и на старых народных картинах, — как мы можем видеть изображение мытаря и фарисея, изображается фарисей, мчащийся на колеснице, и мытарь, идущий пешком, — стремятся они оба в Царствие Небесное.

Один из тропарей пятой песни сегодняшнего канона раскрывает нам как раз ту же самую картину: «На колеснице добродетелей мняшеся тещи фарисей; но пеший паче лидийския колесницы текий, мытарь добре предвари, припряг щедроте смирение».

Вот на лидийской колеснице добродетелей мчится фарисей — он все исполнил; а вот мытарь, который ничего не делает,

---

[62] Неделя о мытаре и фарисее. Утреня. Покаянный тропарь. Песнопение по 50-м псалме.

[63] Например, об этом говорит в «Лествице» прп. Иоанн Лествичник (см.: 28, 1, 34 и др.).

припрягая свое смирение, предваряет фарисея. Господь говорит, что вышли они из храма и мытарь был более оправдан, нежели фарисей.

Вот эти два различных состояния — с одной стороны, молитва, начинающаяся с благодарения: «Благодарю Тебя, Господи, что я не таков, как все прочие». Это как будто призывание Бога, а на самом деле — утверждение своего «я», ибо середина гордости, по Иоанну Лествичнику, есть «бесстыдное проповедание своих трудов»[64]. Господь ведь знает его душу, а он говорит: «Я не таков, как все прочие — обидчики, прелюбодеи», уничижая и ближнего своего: «Я не таков, как этот мытарь». Фарисей как будто и верит и любит Господа, как будто ищет Его помощи, а на самом деле уничижает ближнего и бесстыдно проповедует свои труды, он подходит уже к величайшей степени гордости — отвержению Бога.

Зачем ему Бог, когда он все выполнил и только хвалится перед Богом своими добродетелями. Иоанн Лествичник говорит, что «страсть [гордости] получает пищу от благодарения»[65]. Пока еще фарисей молится, но еще немного, и он перестанет молиться, потому что молитва есть стремление к Богу, чтобы получить от Него помощь.

«Видал я людей, — говорит Иоанн Лествичник, — устами благодаривших Бога и возносившихся в мыслях своих. О сем ясно свидетельствует фарисей, сказавший: *Боже, благодарю Тя* (Лк. 18:11)»[66].

Это состояние человека, который в основу своей духовной жизни полагает *свои* добродетели, их выставляет и бесстыдно проповедует, уничижая ближнего.

А есть и другое состояние: авва Антоний сказал однажды авве Пимену: «В том состоит делание человека, чтобы грехи свои полагать на главу свою перед Богом»[67]. Это подход к Богу грешника, а не праведника, подход к Богу того, кто нуждается в Нем, чтобы Им очистить свои грехи. Поэтому-то мытарь и молится: *Боже, милостив буди мне грешному* — это он нуждается в Боге, он просит, понимая, что ничего еще не сделал, он не проповедует своих, может быть, и имеющихся добродетелей, не их, а грехи свои полагает на главу свою перед Богом.

В первой песни канона есть тропарь, изображающий это состояние человеческой души: «Всякое благое от возношения истощается, всякое же злое от смирения потребляется».

---

[64] *Иоанн Лествичник. прп.* Лествица, 23, 2.

[65] Там же. 23, 3.

[66] Там же.

[67] Ср.: Древний патерик. 15, 2.

Гордость есть уничтожение добродетелей, «потопление в пристани», как говорит Иоанн Лествичник[68].

Мчится фарисей на лидийской колеснице и надеется на ней прийти в Царствие Небесное, его колесница снабжена всем необходимым для достижения цели, но в последний момент она ломается, и мы видим на древних картинках, что пешеходящий мытарь его перегоняет.

Нам надо соединить и то и другое. Возьмем прежде всего от фарисея пример исполнения закона: «Фарисеевым добродетелем потщимся подражати». Но мало этого. Если бы мы так стали работать для Господа, то в этой работе были бы подобны человеку, который, по словам Иоанна Лествичника, «думает выплыть из пучины, плавая одной рукою»[69]. Но нам нужно еще совокупить мытарево смирение.

Вот, братие, смысл нашего сегодняшнего богослужения: «фарисеевы добродетели потщимся подражати, и поревновати мытареву смирению, в обою ненавидяще безместное мнение, и пагубу падений»[70].

Пусть у нас будет ненависть и к возношению фарисея, и к падению мытаря. Мытарь вышел более оправданным, но это не значит, что он уже в Царствии Небесном. И вот Ефрем Сирин, учитель покаяния, тот, кто особенно нам близок в эти дни, заповедует нам в своей молитве зреть наши прегрешения и не осуждать брата.

Один святой отец, когда позвали его судить согрешившего брата, вышел, взял большой мешок песку и нес его за спиной, а перед собой держал маленькую корзиночку, в которой было немного песку, и когда его спросили, что это значит, он отвечал: «Этот мешок — мои грехи, и я их оставил позади себя, так как я в них раскаялся, а эти немногие грехи брата передо мной, и я смущаюсь ими»[71].

Для того чтобы идти путем правым, мы не должны хвалиться добродетелями, ибо они от Бога, не смотреть на грехи брата, а все внимание обратить на огромный мешок своих грехов.

Если мы будем смотреть на свои грехи, то мы придем на молитву не как фарисей, а подобно мытарю и будем просить: «Боже, милостив буди мне грешному».

Только в таком состоянии мы сможем подойти ко второй неделе, о блудном сыне, ибо тогда только примет Господь блудного сына, когда он придет, как мытарь. Фарисею не нужен отец, он сам уже всего достиг. А тот, кто плачет о своих грехах и не видит чужих,

---

[68] *Иоанн Лествичник. прп.* Лествица, 22, 2.

[69] Там же. 15, 40.

[70] Неделя о мытаре и фарисее. Утреня. Канон. Песнь 5. Тропарь 1-й.

[71] *Авва Пимен.* Ср.: Древний патерик. Гл. 9, 12.

тот может прийти, кинуться в ноги Отцу и сказать: «Приими меня хотя бы в число наемников Твоих».

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Раскрывая вам притчу о мытаре и фарисее (см.: Лк. 18:9–14), я говорил, что подход их к Богу различен в том смысле, что фарисей несет Ему свои добродетели, гордясь ими, а мытарь, как поучает Антоний Великий, возлагает на главу грехи свои и с этой повинной головой восходит к Богу.

Для нас, которые не имеем и помину о тех делах, которыми богат фарисей, и которых Церковь призывает подражать делам последнего, для нас, находящихся еще в гордости житейской, в гордости мирской, — ибо мы гордимся даже не духовными своими богатствами, а только внешними дарованиями и способностями, одеждой, — для нас особенно важно в дни, когда Святая Церковь через эти притчи приготовляет нас ко входу в Великий пост, понять, что даже молитва наша тщетна, тщетны добрые дела наши, если они совершаются не для Бога, а для мира. Ибо и фарисей, как говорит Евангелие, любит все делать напоказ, желает председательствовать на сонмищах и предвозлежать на пиршествах, проповедовать и учить (см.: Мф. 23:6–7). Таким людям, а в особенности нам, не имеющим и дел фарисеевых, надо помнить, что «тщетна молитва тщеславного»[72], тщетно всякое доброе дело, делаемое напоказ, бесполезна и добродетель такого человека, ибо она остается без наград.

Тщеславие в своей основе есть «упование на свое тщание»[73] и «отвержение Бога», «отгнание помощи Божией»[74]. Ибо, делая что-либо напоказ, я совершаю это вовсе не для того, чтобы воздать должное Богу, возвратить ему приумноженный талант — «это Твое», но для того, чтобы люди меня хвалили. Этим я только утверждаю свое «я», ибо люди мне нужны здесь только для того, чтобы они мне воздали хвалу. Это «видимый» идол, как говорят святые отцы. Я служу здесь не Богу, а людям, но им-то служу не для них, а для себя. Фарисей уже отвергает Бога, он приходит и говорит: *Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю* (Лк. 18:11–12). Стало быть, я хорош. Ты меня создал, я еще Тебя благодарю, Твоя

---

[72] Ср.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 22. 7.

[73] Там же. 23, 2.

[74] Там же. 23. 1.

помощь, может быть, нужна тому мытарю, но не мне, я еще кланяюсь Тебе, но Ты мне уже не нужен. Это отношение человека, который во главу жизни ставит свое «я», свою добродетель.

Нам необходимо знать, с чем мы войдем в Великий пост. Из внешнего делания — наложения на себя поста, хождения в храм, долгих стояний — может ничего не выйти. Ибо тот же самый пост можно предпринять для себя, для своего тщеславия, не для Бога, а для того, что я так делаю. Такой пост, особенно если он напоказ, — тщетен.

Мытарь и фарисей несут в себе оба истинное делание, но они в самих себе исключают друг друга. Фарисей исполняет закон, и закон трудный, ибо нелегко следовать всем предписаниям закона, хотя бы и Ветхого, но тщетно это, ибо у него нет смирения, ибо это есть утверждение своего «я».

А мытарь, может быть, ничего не делает, никакими добродетелями еще не приукрашен, он не едет, как фарисей, на колеснице добродетелей, но он имеет смирение, т. е. уже истинное христианское делание.

Одному святому отцу встретился диавол и сказал ему: «Во всем я подобен тебе, кроме одного: ты не спишь, и я бодрствую, ты постишься, и я ничего не ем, но ты побеждаешь меня смирением»[75]. Христово учение познается не делами, а смирением. Я могу накормить кого-нибудь во имя Божие, не приписывая ничего себе, и я буду иметь в этом случае истинное христианское делание. А если я буду делать то же самое, но по каким-либо другим соображениям, для каких-нибудь других целей, каковы бы они ни были, дело это будет делом не Христовым, а сатанинским.

Иди, обучайся и у фарисея, и у мытаря, говорит Святая Церковь: у одного учись его делам, но отнюдь не гордись, ибо дело само по себе ничего не значит и не спасает, но помни, что и мытарь еще не спасен, а является только более оправданным перед Богом, чем украшенный добродетелями фарисей.

Только если так пойдем, мы можем рассчитывать, что не напрасен для нас будет Великий пост. Ибо все мы, верно, не раз жалели, что тщетно мы иждиваем не только всё житие наше, но в особенности пост.

Каждую минуту можно проверить себя, кто ты таков, — проверить на молитве. Христос не напрасно дал образы фарисея и мытаря на молитве, а не в делах. Молитва есть зеркало душевного устроения. Посмотрите, братие, на себя, на вашу молитву, и вы увидите, кто вы такие. И когда вы на молитве не будете благодарить Господа за свои успехи, а будете думать о массе своих грехов, которые

---

[75] Имеется в виду Макарий Великий (см. его житие).

один святой отец изобразил для поучения братии в виде огромного мешка песку, невидимого нам, так как он находится за нашей спиной, а не о грехе брата нашего во Христе, который он уподобил маленькой корзиночке, несомой перед собой[76], если наш духовный взор мы будем направлять на свои грехи и, вставая на молитву, будем просить о помиловании, как рабы неключимые (см.: Лк. 17:10), а не как служащие, которые по обязанности раскланиваются с начальством, тогда и молитва наша покажет нам наше устроение.

Смиряйте себя в эти дни, посмотрите на себя, на свою душу, какие в ней гадости, мерзости, обратите ваше внимание на те страсти и грехи, которые мы в себе носим и лишь стараемся скрыть от окружающих, — только при этом условии можем мы идти к Господу как блудные кающиеся дети и просить, чтобы Он был милостив к нам грешным.

Пусть каждый из вас за эти дни выправит свою молитву, потому что без молитвы, без покаяния мы не христиане.

Умоляю вас, братие, подумайте об этом.

Мы обычно не так делаем. Если нет у нас дел, мы создаем их себе в мечтах и мечты начинаем считать за действительность. А мы должны смиряться. И если будем смиряться, тогда, если и скорби придут к нам, мы будем только благодарить Господа: «Слава Тебе, потому что Ты смирил меня».

Нам необходимо заняться своей душой. Умоляю вас, братие, пусть и мытарь, и фарисей не пройдут мимо вас. Давайте, повинуясь Святой Церкви, подражать делам фарисея, но все хорошее приписывать не себе, а Богу, а все гадкое и скверное считать за свое. Тогда не с пустыми руками войдем мы в Великий пост и от всего сердца будем вместе с творцом Великого канона — Андреем Критским — взывать: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя».

Аминь.

Память преподобного Феодосия Тотемского

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы творим память святого, близкого и дорогого нашему храму, которому мы молимся каждый день, имя которого произносится на каждом отпусте.

Этот святой с первого взгляда ничем не отличается от целого ряда других русских святых, многие из которых удалялись в пустыни, многие, как и он, были строителями монастырей.

---

[76] См. прим. 53 на с. 71.

Но этот угодник Божий, Феодосий Тотемский, может быть, особенно близок нам оттого, что выявил одно свойство, которое и воспевается в тропаре: «славу суетную яко прах вменив».

О какой славе говорится здесь?

«Есть слава, — говорит Иоанн Лествичник, — от Господа, ибо сказано в Писании: *прославляющия Мя прославлю* (1 Цар. 2:30); и есть слава, происходящая от диавольского коварства, ибо сказано: *горе, егда добре рекут вам вси человецы* (Лк. 6:26). Явно познаешь первую, когда будешь взирать на славу, как на вредное для тебя, когда всячески будешь от нее отвращаться и, куда бы ни пошел, везде будешь скрывать свое жительство. Вторую же можешь узнать тогда, когда и малое что-либо делаешь для того, чтобы видели тебя люди»[77].

Вот эту вторую славу Феодосий Тотемский «яко прах вменив», ибо он искал славы иной, славы вечной, к которой все должны стремиться и которая ожидает человека не только на небе, но и приходит к нему уже на земле.

Мы же все стремимся к славе человеческой, которую Иоанн Лествичник называет тщетной, именует тщеславием[78].

Мы почти ничего доброго не делаем, но если случится, что и сделаем что-нибудь совсем маленькое и ничтожное, то стараемся, чтобы люди видели нас, говорили о нас и чтобы это маленькое понемногу доставило нам славу, ибо мы любим *предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах* и чтобы звали нас *учителю, учителю* (Мф. 23:6.7).

Если у нас есть что-нибудь хорошее, то мы должны хранить его внутри себя, ибо это Господь нам дает. Когда будешь всячески отворачиваться и бежать от славы человеческой, скрывать свое истинное лицо, вот тогда ты узнаешь истинную славу. Если же мы делаем всё для других, ища славы человеческой, то мы ничего не получим.

Феодосий Тотемский всю свою жизнь бегал от человеческой славы. Он в юности еще хотел уйти в монастырь, но, покорясь воле родительской, в душе инок, вступил в брак. Он жил в миру строгим аскетом и молитвенником, постоянно бывая в церкви, пока не умерли его жена и родители. Тогда, отдав свою маленькую дочь Марину на воспитание родным, он наконец исполнил свое давнишнее желание и поступил в монастырь. Тут он продолжал свои подвиги, но о них никто не знал до его смерти. Никто не знал о его веригах и власянице, всегда видя его бодрым и радостным.

---

[77] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 22, 36.

[78] Например, он говорит: «Пост тщеславного остается без награды, и молитва его бесплодна, ибо он и то и другое делает для похвалы человеческой» (Лествица, 22, 7).

Он любил читать святых отцов, и особенно Ефрема Сирина. До конца своей жизни он отказывался от священнического сана, ибо боялся суетной мирской славы и бежал от нее.

Мы любим, чтобы нас хвалили и отличали, а святые отцы говорят о том, что надо быть мертвым к похвалам человеческим. Мы желаем земной славы и теряем славу небесную. А по мере того как мы уходили бы от этой славы суетной, мы входили бы в славу Божию. Всякая слава человеческая сопротивляется смиренномудрию.

«Если мы усердно хотим угождать Царю Небесному, то, без сомнения, и славы небесной вкусим; а вкусивший ее будет презирать всякую земную славу; и я удивился бы, если бы кто, не вкусивши первой, мог презреть последнюю»[79].

Для нас, для кого это не пустые слова, нужно, чтобы в этот день встала перед нами вся наша внутренняя грязь, и пусть для каждого будет великой радостью, если кто будет плохо о нас говорить.

И если то совсем маленькое доброе, что мы делаем, мы будем делать втайне от людских взоров, тогда мы пойдем по тому пути, по которому шел преподобный Феодосий Тотемский.

Аминь.

Неделя о блудном сыне

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь зовет нас вступить в великую школу Великого поста, зовет прежде всего через опыт святоотеческий, собранный в книге, которую я держу в руках и которая носит имя «Триодь постная». В этой книге заключается богослужение приготовительных недель и всех седмиц Великого поста. Этой книги мы не знаем, и вряд ли кто из нас понимает, какое великое значение имеет она в самом прохождении школы святой Четыредесятницы.

«Триодион», сокращенно «Триодь», значит «Трипеснец». Те, кто с богослужением хоть немного знакомы, знают, что во время Великого поста употребляются особые каноны из трех песен. Эти каноны начали входить в обиход с VII и VIII веков. Писали их Андрей Критский, господин Иосиф[80], Косма Маюмский и другие.

---

[79] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 22, 29.

[80] Имеется в виду христианский прп. Иосиф Песнописец († 883).

Трипеснцем они называются потому, что состоят из трех песен в честь Святой Троицы. Большинство из нас слышит их только на Страстной неделе, на утрене. Кроме Триоди постной есть еще Триодь цветная, заключающая в себе богослужение с первого дня Пасхи до Пятидесятницы.

Прежде чем ввести нас в великую школу поста, Церковь приготовляет нас к вхождению в нее тремя особыми неделями. Одна из них, которую мы уже прошли, Неделя о мытаре и фарисее, затем Неделя о блудном сыне, в которую мы только что вступили, и, наконец, Неделя о Страшном Суде. Эти недели дают нам основу христианского делания, которое есть смирение, ибо только нищие духом войдут в Царствие Небесное — *Блажени нищии духом; яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5:3). Церковь во образе мытаря и фарисея показывает нам, каково должно быть наше делание, если мы хотим начать новую жизнь, жизнь во Христе. Фарисей чист перед законом Моисеевым: он не грабит, не прелюбодействует, дает милостыню и положенную десятину своего имения, и вот в своей гордости он приходит и благодарит Бога: «Благодарю Тя, Господи, что я не таков, как этот мытарь». А рядом с ним — мытарь, который ничего не сделал, который находится во грехе и ничего не может противопоставить делам фарисея, ибо, когда фарисей говорит, что он не таков, как тот мытарь, он говорит правду. Однако его подход к Богу иной, он в сознании своей греховности являет нищету духовную. И он, говорит евангелист, вышел из храма более оправданным, чем фарисей. Состояние фарисея и мытаря должно быть положено в основу делания. «Подражай делам фарисея и смирению мытаря»[81], — говорит церковный опыт.

Если ты в чем преуспеваешь — это дар Божий. Имеет ли человек добрые дела или нет, подход его к Богу должен быть один: сознание своей греховности, ничтожности и неосуждение других. *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18:11) — буди милостив не к этому мытарю, который там стоит, *а ко мне, грешному*.

Если ты хочешь вступить в школу Великого поста, то пойми, что ничему не научишься ты здесь, если не будешь иметь подхода мытаря, а подход этот требует смирения и неосуждения.

Ну а Бог?

Неделя, в которую мы вошли, показывает, как Бог подходит к тому, кто с покаянием к Нему приходит. Господь идет Сам встречать блудного сына. Если у человека есть смирение и сознание своей греховности, есть решимость стать на путь добрый и исполнение ее, если в смирении он кается и посрамляется перед Богом, перед людьми, то Господь принимает его, дает ему перстень на

---

[81] Ср., напр.: Неделя о мытаре и фарисее. Утреня. Канон. Песнь 5. Тропарь 1-й.

десницу его и облекает в первую нетленную, богоданную одежду (см: Лк. 15:11–32).

Господь долготерпелив и многомилостив (Пс. 102:8; 144:8). Тот, Кто пришел на землю «нас ради человек, и нашего ради спасения», Кто был за нас распят при Понтийском Пилате и погребен[82], Кто *пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию* (Мф. 9:13; Мк. 2:17; Лк. 5:32), Тот каждого кающегося грешника примет в Свои объятия и дарует ему утерянное богатство (ср.: Лк. 15:10). Церковь говорит: «иди в смирении, и Господь примет тебя, радуйся, что есть еще возможность принести покаяние». Но только Церковь, как великий педагог, раскрывает и другую сторону Богочеловеческого отношения. Мы верим, что Господь послал Сына Своего на землю умереть, но мы верим также, что настанет час и Он придет судить живым и мертвым[83]. Тем людям, которые получили вновь радость благодатного общения со Христом, Церковь напоминает и об ином: в следующую неделю она творит память Страшного Суда, а перед тем приводит нас к усопшим братьям и сестрам по плоти. «В субботу мясопустную память совершаем всех от века усопших православных христиан, отец и братий наших»[84]. Почему именно теперь? «Понеже на утрешний день хотяху положити Второе Христово пришествие; согласно сему и душам память сотворяем, Господа, яко страшнаго и нелицеприятнаго Судию умоляюще, обычную милость к нам употребити и в обетованном наслаждении тех учинити»[85].

Церковь не только творит память тех событий, которые уже были, но с верою и дерзновением простирается к грядущему и творит память страшного Второго пришествия. В этот день мы встретимся прежде с теми, кто теперь мертв, а тогда воскреснет из гроба. Пока мы еще здесь, на земле, мы находимся в хороших условиях для спасения, нам Христос еще дает время на покаяние и воспитание себя для Царствия Божия, а они, умершие, уже ушли, и возврата им нет, они ничего не могут более сделать для своего спасения, и они требуют, они умоляют нас о помощи, о молитве. Поэтому Церковь творит им память: «От века умерших, всех по имени, верою почивших благочестно, днесь память сотворяюще, вернии, Спаса и Господа воспоим, просяще прилежно, да сподобит сих в час суда ответ благий дати Тому, Богу нашему, Судящему всей земли, десное Ему предстояние получити в радости, в части праведных и во святых жребии светлем, и достойны быти Небеснаго

---

[82] См.: Символ веры, 4.

[83] См.: Там же, 7.

[84] Надписание службы Субботы мясопустной в Триоди постной.

[85] Синаксарь Субботы мясопустной.

Царствия Его»[86]. Для нас, которые войдут в воскресный день в общение со Страшным Судом, Церковь дает возможность соприкоснуться со всеми усопшими: «От всякаго, яже приял еси, рода и рода в царех, в князех, или монашествующих православных, Щедре, вечнаго избави мучения»[87]. С людьми всякого возраста: «Вся презираяй плотския долги наша, Спасе наш, во всяком возрасте всего рода человеча пред судищем Твоим постави неосуждены, Тебе Создателю отвещающия»[88]. Мы сталкиваемся со всеми возможными смертями, в особенности с «напрасною», т. е. внезапною, смертию: «Яже покры вода, и брань пожат, и трус же яже объят, и убийцы убиша, и огнь яже попали, верныя, Милостиве, в части учини праведных»[89]; «напрасно восхищенныя, попаляемыя от молнии, и измерзшия мразом, и всякою раною, упокой, Боже, егда огнем вся искусиши»; «ихже всякое естество морских и птиц небесных, прият снедение, Христе, Твоими судьбами, воскреси, Боже, в последний день со славою»[90].

Она просит о всех наших отцах, праотцах, детях, почивших о Господе: «Отцы и праотцы, деды и прадеды, от первых и даже до последних, во благозаконии умершия и благоверии, вся помяни, Спасе наш», а более всего о тех, кто «в горе, на пути, на местех пустых житие оставльшия в вере, монахи же и бельцы, юноши и старцы, со святыми, Христе, всели», «яже уби меч, и конь совосхити, град, снег и туча умноженная; яже удави плинфа, или персть посыпа, Христе спасе наш, упокой»[91]; «яже убиша чаровная напоения, отравы, костная удавления, со неизглаголанными Твоими судьбами, со святыми, Господи, упокой»[92].

Это одна из самых потрясающих служб, если принять ее так, как понимают ее святые отцы, т. е. если думать, что завтра настанет Второе пришествие, а сегодня мы молимся еще о тех, кому можем помочь своей молитвой, своей любовью. И Святая Церковь, перед тем как ввести нас в общение со Страшным Судом Божиим, дает нам возможность творить память отец, братий и сестер наших, всех близких, всех, кто с нами будет предстоять Страшному Суду Божию. Тогда соберутся все люди «от конца и до конца земли», «егда приидеши суд праведный сотворити, Судие праведнейший, на престоле славы Твоея седяй, река же огненная пред Твоим судилищем всех ужасающи потечет, предстоящим Тебе небесным силам, человеком

---

[86] Суббота мясопустная. Вечерня. Стихира 1-я на *Господи, воззвах.*

[87] Там же. Утреня. Канон. Песнь 5. Тропарь 2-й.

[88] Там же. Песнь 1. Тропарь 5-й.

[89] Там же. Песнь 1. Тропарь 4-й.

[90] Там же. Песнь 3. Тропарь 2-й и 4-й.

[91] Там же. Песнь 4. Тропарь 1-й, 2-й, 4-й.

[92] Там же. Песнь 6. Тропарь 2-й.

же судимым во страсе, якоже кийждо содела: тогда нас пощади, Христе, и части спасаемых сподоби, яко благосерд, верою молим Тя». Пощади нас, ибо мы здесь уже предвосхищаем Твой суд испытанием своей совести: «Книги разгнутся, явлена будут деяния человеков, пред нестерпимым судилищем; восшумит же юдоль вся страшным скрежетанием плача, видящи вся согрешившия в вечнующие муки судом Твоим праведным отсылаемы, и всуе плачущия, Щедре. Также молим Тя, Блаже: пощади нас, поющих Тя, едине Многомилостиве». «Возгласят трубы, и истощатся гроби, и воскреснет человеческое все естество, трепеща; добрая содеявшии радуются в радости, чающе мзду восприяти, согрешившии же трепещут, люте рыдающе, в муку посылаеми, и от избранных разлучаеми. Господи славы, ущедри нас, яко Благий, и сподоби части возлюбивших Тя»[93].

Этот страшный день для нас, когда мы предстанем Господу славы, Святая Церковь в своем дерзновении предвосхищает и раскрывает перед нами, чтобы нас приготовить к Святому посту.

Да, Христос пришел на землю, принял за нас поругание, поношение, оплевание и позорную смерть, и каждого из нас в покаянии приходящего примет Он как блудного сына, но настанет для нас момент, когда уже ничего мы не сможем сделать для своего спасения, ибо *земля* есть место нашего воспитания — спасаться мы должны теперь. Феодор Студит в своем каноне на этот день «Помощник и покровитель бысть мне во спасение» воспевает: «День страшный всенеизглаголаннаго Твоего пришествия помышляя страшуся, ужасаяся провижду, в оньже сядеши судити живым и мертвым, Боже мой, Всесильне».

Мы не верим в Страшный Суд, иначе он всегда бы был перед нашими глазами, иначе был бы нам понятен вопль: «Гряди, приими, душе моя, той час и день, егда Бог яве приидет; и рыдай, плачи, да обретешися чиста в час испытания»[94]. Так верили и говорили святые отцы. Сейчас, пока ты еще на земле, ты еще можешь покаяться и начать новую жизнь. Церковь еще здесь, на земле, приводит нас к Страшному Суду, ибо «совесть есть наше домашнее судилище», — говорит святитель Григорий Богослов[95].

Стало быть, в богослужении подготовительных к Великому посту недель раскрывается, с одной стороны, подход человека к Богу — через покаяние, смирение и неосуждение, а с другой — Бога к человеку, во-первых, милосердие Божие, принятие каждого из нас как блудного сына, — это тот член Символа веры, который говорит: «Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате», а

---

[93] Ср.: Неделя мясопустная. Вечерня. Стихиры 1-я, 2-я, 3-я на *Господи, воззвах.*

[94] Ср.: Там же. Утреня. Канон. Песнь 1. Тропарь 1-й.

[95] *Григорий Богослов, свт.* Слова, 15.

во-вторых, день Страшного Суда — «и паки грядущаго со славою судити живым и мертвым»[96].

Прежде чем указать нам путь, по которому мы должны идти, Святая Церковь открывает перед нами конец его и конец всего мира.

Как же нам идти?

Мы должны идти путем первого согрешившего человека. Святая Церковь от конца мира возвращает нас к творению первого человека, его падению и покаянию. Так начинается сырная неделя.

Трудно идти, и Церковь дает нам образ тех, кто до нас шли и пришли ко Господу, а также и тех, кто шли и не пришли не потому, что не было у них дел, но потому, что жили они в Ветхом Завете, до пришествия на землю Сына Божия, отверзшего нам райские двери. Эта сырная неделя, во время которой мы на весь пост запасаемся весельем и разгулом, жизнью мирской, есть уже седмица, переходная к посту. В эту седмицу в среду и пятницу уже не совершается литургия, уже не освящаются хлеб и вино и не претворяются в Тело и Кровь Господа. (Великим постом же в эти дни Таинство также не совершается и вместо литургии Иоанна Златоуста служится литургия Преждеосвященных Даров. В эту же неделю начинают читать молитву «Господи и Владыко живота моего»[97].

Святая Церковь, заканчивая предуготовление нас ко вступлению в Великий пост, дает нам образы ветхозаветных праведников. Все они находились в аду до того времени, пока воскресший Господь не сошел туда и не вывел их. Не их была в том вина. Они были великими праведниками, и Святая Церковь на утрене среды сырной величает их, воспевая: «Авраам добродетелию и странноприимством Троицу прият, ангельски пришедшую»[98], «Постився древле Моисей на горе Синайстей, Боговидец явися», Исаию, Даниила и трех отроков: «Пощением иногда мудрый Исаия, угля онаго клещею вкушает, егда ко устнам его прикоснуся», «постився древле Даниил, и трие отроцы вкупе, челюсти львов сокрушивше, горящий пламень попраша»[99].

В то время, когда предаемся мы разгулу и веселию, Святая Церковь дает нам образы тех, кого «честное пощение спасло есть»[100]. «Постився древле Иосиф, смешения избеже беззаконныя

---

[96] Символ веры, 4 и 7.

[97] См. прим. 30 на с. 32.

[98] Среда Сырной седмицы. Утреня. Канон. Песнь 4. Тропарь 1-й.

[99] Там же. Песнь 5. Тропарь 1-й.

[100] Ср.: Там же. Песнь 6. Тропарь 1-й.

жены, и царство улучи»[101]. Она говорит об Иовлевом мужестве, о Иаковлем незлобии и т. д.: «Сохраним и мы добродетели их, Иовлево мужество, Иаковле незлобие, веру Авраамову, целомудрие Иосифово и Давидову доблесть»[102] — и этим напоминанием Церковь показывает нам, что мы не первые, кого зовет Христос. В Ветхом Завете уже шли путем борьбы с грехом, путем желания жить в Боге, путем покаяния. Церковь говорит о покаянии ниневитян, Ионы и других: «Иону в ките честное пощение некогда спасло есть», «ниневитяне же паки гнев Божий претвориша теплым покаянием и любовию»[103].

А затем в субботу Церковь дает уже нам образы из Нового Завета, образы тех, кому святоотеческий опыт учит нас подражать.

В субботу сырную, когда безобразие жизни мирской достигает своего предела, она воспевает: «Приидите, вси вернии, преподобных отец лики воспоим, Антония верховнаго, светлаго Евфимия»[104], «Радуйся, Египте верный, радуйся, Ливие преподобная, радуйся Фиваидо избранная»[105]. И дальше она указывает нам образы, которые даже нам, мало знающим, говорят много: «Вси в песнех духовных, в подвизех просиявшия, божественныя отцы наша воспоим согласно, яже изнесе Египет, Фиваида, и Ливия, всякое место, и град. и страна»; «Радуйся, монахов первонаставниче, Антоние преславне, Аммуне богоносне, нитрийская славо, Арсение ангеле, державо безмолвия и Аммоне духоносне». Всякий, кто хоть немного читал «Древний патерик», знает эти имена. А вот и «Аполлос Великий, послушания же светы Афре и Акакий, с сими и Аввакир спросияет, якоже некая денница», «Песньми восхвалим священными Великаго Афанасия, в горе Афонстей светло постившагося, светильника превеликаго всея вселенныя, егоже молитвами вси спасаемся»[106]. Те, кто оставил нам пример смирения и покаяния: «Хвалимь буди, Феоктист, всеизрядный пастырь, и высокий Фалассий, великий Феодор, нареченный Сикеот, знаменьми и чудесы явлейся на земли высокий»[107], «Леонтия пою глубину богословия, Максима же воспеваю пучину учений»[108] (того Максима, которого память мы недавно совершали, Максима Исповедника), «Маркиана и Марка» (который известен как писатель поучений и наставлений Марк

---

[101] Среда Сырной седмицы. Утреня. Канон. Песнь 8. Тропарь 1.

[102] Там же. Песнь 8. Тропарь 3-й.

[103] Ср.: Там же. Песнь 6. Тропари 1-й и 2-й.

[104] Суббота Сырной седмицы. Вечерня. Стихира 1-я на *Господи, воззвах.*

[105] Там же. Стихира 2-я на *Господи, воззвах.*

[106] Суббота Сырной седмицы. Утреня. Канон. Песнь 1. Тропари 1-й, 2-й, 4-й, 7-й.

[107] Там же. Песнь 3. Тропарь 5-й.

[108] Там же. Песнь 4. Тропарь 4-й.

Подвижник). «Макария Великого, и Макария Градского»[109], и Пимена Великого, о котором мы много знаем: «Пимена же кто достойнословит от земных»[110]. Вот Павел Препростый — ученик Антония Великого.

Для того, кто соприкоснулся с их творениями, их опытом, эти имена много значат. Этот канон, это богослужение дает нам силы, чтобы войти в пост.

И не только мужей, но и жен воспевает Святая Церковь: «Приидите, принесем песни по долгу женам, преподобно пожившим и равноангельно, ихже молитвами воззовем: Боже, спаси вся ны». Прославляются все те подвижницы, которые шли этим путем: «Египтяныня Мария, свет в мире явися, и Марин нарекшаяся, звезда явися вселенней, Евфросина, солнце, добродетельми облиставающая... Небомудренная Марина ныне да почтится, с великою Матроною, Синклитика же и Сарра, со Иустиною, песньми яко мудрии да восхвалятся. Пелагия, ангел Господень, Таисия, светильник покаяния, да воспоется, и аще кая другая просия от жен в пощении»[111]... Для тех, кто знает их житие, они дают столько же, сколько и те великие светильники, о которых я говорил выше.

Дальше прославляются и те, кто не только делал, но и учил: «Пастыри и мудрыя учители, святители Христовы Церкве, с преподобными вси воспоим»[112]; «По долгу Василий Великий, и с ним многострадальный воистинну да поется Афанасий[113] песньми, с Григорием[114] в богословии начальствующим всеми»[115]; «Иоанна златоглаголивая уста, с Кириллами[116] богомудрыми столпами прославим; такоже и Исихия[117], другаго богослова»[118]; «Кто дерзновение изречет Амвросиево[119]»[120]; «Многий в божественных Дионисий[121]»; «Петр и Игнатий воистинну богоносцы» и вси «преподобнии отцы, и священноначальницы Господни, со священномученики и женами святыми, именованнии и не именовании вси, молите спастися душам нашим»[122].

---

[109] Ср.: Там же. Песнь 4. Тропарь 5-й.
[110] Там же. Песнь 5. Тропарь 3-й.
[111] Там же. Песнь 7. Тропарь 1-й, 4-й, 6-й, 7-й.
[112] Там же. Песнь 8. Тропарь 1-й.
[113] Имеется в виду свт. Афанасий Великий (Александрийский).
[114] Имеется в виду свт. Григорий Богослов.
[115] Суббота Сырной седмицы. Утреня. Канон. Песнь 8. Тропарь 2-й.
[116] Имеются в виду свт. Кирилл Александрийский и Кирилл Иерусалимский.
[117] Имеется в виду прп. Исихий Иерусалимский.
[118] Суббота Сырной седмицы. Утреня. Канон. Песнь 8. Тропарь 3-й.
[119] Имеется в виду св. Амвросий Медиоланский.
[120] Суббота Сырной седмицы. Утреня. Канон. Песнь 9. Тропарь 1-й.
[121] Имеется в виду св. Дионисий Ареопагит.
[122] Суббота Сырной седмицы. Утреня. Канон. Песнь 9. Тропарь 3-й, 5-й, 6-й.

Вот откуда Святая Церковь черпает силы, вот откуда она берет примеры для нас.

А затем начинается изучение школы Великого поста. Святые отцы начинают это с самого начала. Церковь заставляет нас, только что прошедших мытарево смирение, идти к первому Адаму, который, «одежды боготканныя совлечен окаянный», теперь вместо нее одет в «листвия» и «кожныя ризы», которому земля приносит лишь «волчцы и терние»[123]. И вот «седе Адам прямо рая, и свою наготу рыдая плакаше»[124]. Это покаяние Адамово должно быть и нашим покаянием. «Гряди, окаянная душе, с плотию твоею, Зиждителю всех исповеждься и останися прочее прежняго безсловесия, и принеси Богу в покаянии слезы»[125]. Тогда, в приготовительных неделях, была радость о милосердии Божием, а теперь мы изгнаны и должны начать Адамово покаяние: «Милостиве, Щедре, вопию Ти, помилуй мя падшаго»[126]. И после того как Господь возвратил нам в Таинстве крещения одежду нетления, мы, подобно блудному сыну, взяв это богатство, растратили его, как свое собственное, и снова стоим пред дверьми потерянного рая. Христос отверз нам их, а мы взываем: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче»[127]. Школа начинается с того, как прародители наши изгнаны были из рая через преслушание воли Божией. Вся первая неделя поста посвящена покаянию Адама. Это состояние Адама, сначала блаженствующего в раю и прославляющего Бога, а потом падшего и кающегося, — вспоминается в каждом вечернем богослужении, в каждом всенощном бдении, когда вначале мы вспоминаем сотворение мира, когда мы еще ни о чем не молимся, а только прославляем дела Господни. А потом затворяются двери рая — царские двери, и вместе с Адамом просим: «О свышнем мире и о спасении душ наших»[128]. То же самое дается Церковью в первую неделю Великого поста. Поэтому поется так часто «помилуй мя, Боже, помилуй мя» и читается канон Андрея Критского. Тот, кто получил в крещении ризу нетления, вопиет: «Раздрах ныне одежду мою первую, юже ми истка Зиждитель из начала, и оттуду лежу наг»[129]; «Откуду начну плакати окаяннаго моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию? Но яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление»; «Первозданнаго Адама

---

[123] Ныделя сыропустная. Вечерня. Стихира 2-я на *Господи, воззвах.*

[124] См.: Там же. «Слава, и ныне».

[125] Великий покаянный канон св. Андрея Критского. Песнь 1. Тропарь 2-й.

[126] Ныделя сыропустная. Стихиры на *Господи, воззвах.* «Слава, и ныне».

[127] См. прим. 62 на с. 51.

[128] Великая ектения.

[129] См. прим. 54 на с. 47.

преступлению поревновав, познах себе обнажена от Бога, и присносущнаго Царствия и сладости, грех ради моих»; «Увы мне, окаянная душе, что уподобилася еси первее Еве? Видела бо еси зле, и уязвилася еси горце, и коснулася еси древа, и вкусила еси дерзостно безсловесныя снеди»[130]. И потому-то мы обращаемся с понуждением к своей душе: «Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Конец приближается»[131].

Это покаяние, это сознание своей греховности, этот покаянный вопль, который исходит от первого человека, стоящего перед дверьми рая и плачущего о своем потерянном блаженстве, этот вопль есть выражение и для нашего плача о своих грехах.

А дальше. Если мы обнажились от одежды нашей первой, если мы от язвы нашей до того острупились, что нет нам исцеления, как быть нам? Кто нам поможет? Об этом говорит нам вторая неделя Великого поста. Кто-то возьмет нас за руку, подымет и поведет. Имя этого вождя — Православие, Православная Церковь. Во второй неделе Великого поста совершается Торжество Православия.

В эти великие дни учитесь не в книгах, а здесь, в храме, в богослужении. Где вы найдете это дерзновение, чтобы вдруг предстать пред страшный Престол Господа славы, чтобы вдруг вместе с Адамом оплакивать его и свои прегрешения, чтобы затем дальше — в дни Страстной седмицы — сострадать Господу и вместе со всей церковью небесною погребать Его Пречистое Тело, на которое мы и взглянуть недостойны. Я призываю вас учиться из этого великого опыта, который собран в этой книге. Ее создал сонм великих мужей, сонм прежде всего молитвенников, а потом уже писателей, учителей. В каждом каноне, в каждом стихе их живая душа соприкасается с вашей. Только учась здесь и приобретая то, что в вашей мере приобрести, пройдете вы должным образом школу Великого поста. Иначе вы будете только считать недели до Пасхи и никакого действия не окажет на вас это сокровище молитвенного опыта, в котором вы можете соприкоснуться с душами великих святых — его творцов.

Настало время, когда мы должны или учиться тому, что есть в Православии, или сказать, что все это нам скучно и не нужно. Мы, верующие, должны учиться у святых отцов и где возможно и как возможно стараться читать все, что относится к нашему православному богослужению. А у нас нет даже книг, которые бы изъяснили нам эти великие песнопения.

---

[130] Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 1. Тропари 1-й, 3-й, 4-й.

[131] Там же. Кондак.

Нам надо соприкоснуться с верою тех, чья жизнь была наполнена молитвой, у кого молитва прямо ключом била. И в ту субботу, когда будем творить память великих подвижников, молитесь им, чтобы ради них Господь сподобил нас приобщиться к их опыту и деланию.

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«Не помолимся фарисейски, братие, ибо возносяй себе смирится. Смирим себе пред Богом»[132].

Святая Церковь, вводя нас в «красные дни» Великого поста и раскрывая перед нами «весну постную», указывает нам на некоторые условия, для выполнения которых эти дни будут для нас не печальными, а воистину красными.

Эти условия раскрываются уже на первых страницах Триоди постной, в богослужении трех подготовительных недель к Святому посту. И прежде всего, начиная Триодь, Церковь учит нас тому, без чего мы не можем проходить дни Великого поста — молитве. В течение всего поста мы будем воспитываться здесь, в храме, в молитве, поэтому и в эти предпостные дни Святая Церковь ведет нас путем церковной молитвы и дает нам два образа ее: молитву фарисея и молитву мытаря: «Не помолимся фарисейски, братие... Смирим себе пред Богом!»

В Евангелии мы читаем: *Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь* (Лк. 18:10). Вот вошел в храм фарисей, очи его должны были быть обращены к Богу: *яко к Тебе очи мои, Господи* (Пс. 140:8). Но вместо этого они блуждали по людям, стоящим в храме. И увидел он мытаря и сказал: *Боже! Благодарю тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь* (Лк. 18:11). Вошел в храм мытарь. Не смотрит он на людей, стоящих в храме, но, не смея поднять глаза к небу, молится Богу: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18:13).

Вот перед нами два подхода, два противоположных образа молитвы. Как же подходим к Богу мы с вами, и прежде всего мы, совершающие богослужение в этом храме, — священники, поющие и читающие? Для кого совершаем мы здесь эту церковную службу? Если мы имеем правильный подход к молитве, то мы совершаем ее не для людей и не для себя, а для Бога; к Нему обращаемся мы со слезами и со словами наших молитв и с Ним желаем соединиться,

---

[132] Неделя о мытаре и фарисее. Вечерня. Стихира 1-я на *Господи, воззвах.*

ибо молитва есть соединение с Богом. А между тем часто приходится слышать, когда в храме бывает мало народа: «Для кого служить? Неужели для одного человека?» А разве служить или петь надо только тогда, когда бывает много народа? Ответ на этот вопрос может быть только один: «Мы служим Богу. Он на тебя взирает, и больше никого нет для тебя в храме».

Такому отношению к молитве и к богослужению учат нас великие отцы Церкви, творцы богослужебных молитв и последований. «Стоя у алтаря, не озирайся туда и сюда, не сокращай молитвы, смотри лишь на Бога», — говорит святитель Василий Великий. А святитель Иоанн Златоуст учит: «Тебе бы надлежало с трепетом взирать на ангелов, а ты переносишь сюда театральное действие»[133]. Святые отцы учат нас благоговейному отношению к богослужению и непрестанному памятованию о том великом деле, которое мы тут совершаем.

Преподобный Нил, подвижник V века, предупреждает поющих, чтобы они не вносили в свое пение крика, а IV Вселенский Собор обращается к певцам и чтецам со следующим поучением: «Смотри, пой и принимай к сердцу; принимая верою, оправдывай своими делами»[134].

Об этом постоянном обращении к Богу говорит нам и содержание большей части церковных песнопений. Песнописцы мира сего слагают свои песнопения, или вовсе не думая о Боге, или же омрачая эту мысль мыслью о людях. Даже если они хотят показать свое презрение к людям, они все-таки смотрят на них и на этом презрении утверждают и свое «я».

Совершенно иное мы видим у песнописцев церковных. Многие из них, как, например, Феодор и Иосиф Студиты или Феофан

---

[133] Точная цитата: «Тебе должно с изумлением и трепетом возносить ангельское славословие, со страхом совершать исповедание пред Создателем и чрез это испрашивать прощение грехов; а ты переносишь сюда обычаи шутов и плясунов, безобразно протягивая руки, припрыгивая ногами и кривляясь всем телом. Как ты не боишься и не трепещешь, дерзко слушая такие изречения? Разве ты не знаешь, что здесь невидимо присутствует Сам Господь, измеряя движение каждого и испытывая совесть? Разве ты не знаешь, что ангелы предстоят этой страшной трапезе и окружают ее со страхом? Но ты не разумеешь этого, потому что слышанное и виденное тобою на зрелищах помрачило твой ум, и совершаемое там ты вносишь в церковные обряды, обнаруживая бессмысленными криками беспорядочность своей души». (*Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на слова пророка Исаии. Беседа 1, 2).

[134] Неточность: к чтецам и певцам в данном контексте обращается не IV, а VI Вселенский Собор (Константинопольский). Его 75-е правило гласит: «Желаем, чтобы приходящие в церковь для пения не употребляли безчинных воплей, не вынуждали из себя неестественного крика и не вводили ничего несообразного и несвойственного церкви; но с великим вниманием и умилением приносили псалмопения Богу, назирающему сокровенное. Ибо священное слово поучало сынов Израилевых быть благоговейными».

Начертанный, утвердили истину Православия своими страданиями и были причислены Церковью к лику исповедников. Другие, например, Косма Маюмский, составитель песнопений Страстной седмицы, хотя и не был исповедником, но, подобно своему другу и спостнику Иоанну Дамаскину, был великим подвижником.

Духом подвига запечатлены и песнопения, составленные преподобным Андреем Критским, творцом Великого покаянного канона, который мы будем читать на первой и пятой неделе святой Четыредесятницы. Их-то и дает нам Святая Церковь проводниками на том пути, по которому она поведет нас в эти великие дни, последовательно раскрывая нам тайну домостроительства нашего спасения, начиная с сотворения мира и кончая Голгофой и Воскресением.

Молитва, которой они будут учить нас, в корне отлична от молитвы фарисея. Разве может гордый фарисей молиться: «Пресущественная Троице, во Единице покланяемая, возьми бремя от мене тяжкое греховное, и яко благоутробна, даждь ми слезы умиления!»[135] Разве будет он взывать к Богу: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь!»[136] Разве доступна фарисею молитва: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет»[137] — и другие молитвы, которые Церковь дает нам на протяжении Великого поста?

Вот здесь, в этой книге, именуемой Постною триодью, собрано все самое лучшее, что дает нам молитвенный опыт Святой Церкви. В этом заключается ее значение для нас, и этим она так дорога нам. Это хорошо понимают те, кто хочет разрушить Церковь и уничтожить церковные книги.

Но как бы велика ни была эта книга, как бы дорога она нам ни была, гораздо большее значение имеют для нас живые души тех, кто явился составителями молитв и песнопений, вошедших в ее состав. Книгу можно сжечь и уничтожить, а души святых бессмертны. Составители этой книги по преимуществу преподобные Феодор и Иосиф Студиты. Когда они писали свои песнопения, они не смотрели на людей, но посвящали их Единому Богу. Но когда они написали их, они отдали их нам. Что это значит?

Хотя молитвы, входящие в состав литургии, написаны святителями Василием Великим и Иоанном Златоустом, но и мы, недостойные священники, служа литургию, не просто прочитываем

---

[135] Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 1. Слава.

[136] Светилен первых четырех дней Страстной седмицы.

[137] Литургия Великой субботы. Песнопение великого входа вместо Херувимской.

текст этих молитв, но сами молимся словами святых, от которых мы их получили, так что теперь это не только их молитвы, но и наши молитвы. И нам невидимо сослужат ангельские силы, а видимо — люди, стоящие и молящиеся в храме. Поэтому не священники служат народу, и не народ священникам, но все мы вместе со святыми и ангельскими силами служим Богу.

Мы, грешные, не умеющие молиться и молящиеся всегда фарисейски, в лице святых песнописцев церковных получаем в эти дни проводников, руководящих нами на пути покаяния.

Вот вам молитвы, говорит нам Святая Церковь, примите их и молитесь сами. Поэтому, когда я говорю: «Господи и Владыко живота моего»[138] или «Откуду начну плакати окаяннаго моего жития деяний»[139], — то это уже моя молитва, а когда вы поете: «Чертог Твой вижду, Спасе мой»[140], — то это ваша молитва.

Но как быть нам, если у нас окамененные сердца и слова молитвы оставляют нас холодными? Об этом состоянии Святая Церковь нам говорит словами Великого покаянного канона Андрея Критского: «Ни слез, ниже покаяния имам, ниже умиления; Сам ми сия, Спасе, яко Бог даруй»[141].

Андрей Критский учит нас, что не только оставление наших грехов, но и самое покаяние есть дар Божий; наше же дело заключается в том, чтобы побуждать себя к покаянию и молитве, чтобы в молитве отдавать то, что еще сохранилось в нас от образа Божия.

Вот что значит молиться не по-фарисейски. Молиться надо сердцем, как молился мытарь, который в сердце своем обращался к Господу: *Боже, буди милостив ко мне грешному.*

Это относится ко всем нам, — и к священникам, и к певцам, и ко всем предстоящим в храме. Все мы молимся и поем в сердце, потому что молитва есть дело нашего сердца. В этом порука — слова Господа, сказанные в притче о мытаре и фарисее.

А если сердце наше, подобно сердцу фарисея, остается холодным, то это потому, что мы не готовим его к молитве. Приготовь сначала сердце свое, и тогда будешь молиться всем сердцем, и такую молитву услышит Господь: «Возопих всем сердцем моим к щедрому Богу, и услыша мя от ада преисподняго, и возведе от тли живот мой»[142].

---

[138] См. прим. 30 на с. 32.

[139] Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 1. Тропарь 1-й.

[140] См. прим. 136 на с. 70.

[141] Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В среду первой седмицы Великого поста. Песнь 2. Тропарь 2-й.

[142] Там же. Песнь 6. Ирмос.

Об этом приятии сердцем слов молитвы и песнопений говорит Коринфский Собор[143]. И то, что сказано о поющих, относится и ко всем предстоящим и молящимся.

Нам предстоит великое поприще святой Четыредесятницы, и мы должны встать и идти, и самое главное, что нам нужно усвоить, вступив на этот путь, заключено в первых словах Постной триоди: «Не помолимся фарисейски, братие... смирим себе пред Богом».

Богу будете вы петь в эти дни и Ему должны принести ваши молитвы и ваше сердце, сокрушенное и смиренное. С нами будут в эти дни великие молитвенники, которые все свое сердце, обращенное к Богу, отдали нам: они будут нашими проводниками на этом пути.

Но Святая Церковь говорит вам: чтобы идти вместе с ними, мы не должны молиться так, как молился фарисей. Только при этом условии мы сможем в конце пути подойти к величайшей песне, которую воспевает новая тварь в день, когда Господь снова опочил от дел Своих: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет».

И если мы пойдем путем не фарисея, а мытаря, то и эта великая молитва воистину станет нашей молитвой и не тщетны для нас будут эти святые дни.

Аминь.

Беседа третья

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

От Недели о мытаре и фарисее Святая Церковь ведет нас теперь к Неделе о блудном сыне. Состояние, в котором находится мытарь, когда он взывает к Богу о помиловании и не только не помышляет о своих добродетелях, а не смеет возвести глаз своих к небу, — это состояние еще глубже раскрывается в образе блудного сына.

Господь нас создал, мы в Господе живем и умираем без Него настоящей смертью. Мы поступаем обычно, как блудный сын (см.: Лк.15:11–32), который, получив от отца имение, ушел от него на страну далече, думая, что со своими полученными дарованиями он проживет своими силами. Но в духовном отношении это есть смерть, ибо, по словам святых отцов, в Боге мы живем. Когда блудный сын возвратился, то отец сказал другому сыну, негодовавшему на радостный прием, оказанный брату: *брат твой сей был мертв и ожил* (Лк. 15:32). Вот в состоянии отчуждения от Бога самое

[143] Неточность. См. прим. 134 на с. 69.

главное это то, что мы не сознаём себя находящимися во грехе и забываем, каковы мы по самой природе. По природе нашей мы образ неизреченной Божией славы, хотя и носим язвы многих согрешений[144]. Мы граждане иного мира, небесные граждане. И если мы живем здесь, на земле, то для того, чтобы на земле устраивать Царство Божие, памятуя о своем небесном отечестве.

Служба в Неделю о блудном сыне раскрывает нам состояние отчуждения от Бога: «Иждих блудно отеческаго имения богатство, и расточив, пуст бых, в страну вселився лукавых граждан»[145].

Вот в таком состоянии блудный сын находился в течение долгого времени и, наконец, говорит евангельская притча, пришел в себя (см.: Лк. 15:17).

Что значит «пришел в себя»?

Один святой отец говорит, что начало нашего спасения есть познание самого себя[146]. Но ведь познание самого себя есть дело всей жизни, это и есть то, к чему человек стремится в течение всего своего существования. Святые отцы раскрывают смысл этого изречения, говоря, что до тех пор, пока ты не познал, кто ты, пока ты сам в себе не ощутил образа Божия, пока ты, живя среди земных граждан, не почувствовал, что ты гражданин неба, и поработился «чуждым гражданом», пока ты, живя среди грязи своей собственной души, не познал в себе образа Божия, — до тех пор ты не вступил на путь спасения, не начинал еще своего спасения. Оно начинается с того момента, когда я познал свою божественную природу. Так было и с блудным сыном. Он в один момент почувствовал, что есть иная жизнь в Отце и с Отцом, он почувствовал, что живет порабощенный в стране чуждой и не имеет подлинной, настоящей жизни. Начав с познания самого себя, человек, идя дальше по этому пути, противопоставляет в самом себе то, что есть в нем от образа Божия, хотя и покрытого язвами согрешений, и то, что внесено им, человеком, как растление своей души чуждыми обычаями. «Поработихся гражданом странным, и в страну тлетворную отыдох»[147], — говорит служба этого дня. И с этого момента он начинает жаждать жизни в Боге и очищения себя от язв согрешений во имя образа Божия.

К великому подвижнику — преподобному Антонию — пришел один инок и стал просить, чтобы он простил и помиловал его. Антоний же отвечал ему: «Ни я, ни Бог тебя не помилует, если ты сам себя не помилуешь»[148].

---

[144] См. прим. 32 на с. 32.

[145] Неделя о блудном сыне. Утреня. Стихира 3-я на хвалитех.

[146] Древний патерик, 15, 15.

[147] Неделя о блудном сыне. Утреня. Канон. Песнь 5. Тропарь 1-й.

[148] См.: Древний патерик, 10, 4.

С первого взгляда этот ответ кажется странным. Как же так? А для духовной жизни это величайшая истина. Пока я сам в себе не обрету образа Божия, сам не помилую этого человека, находящегося в бездне греховной, но имеющего образ Божий, до тех пор пока я сам не помилую в себе создание Божие, в своей совести не помилую себя грешного, скверного и блудного, до тех пор и Бог не помилует меня, до тех пор тщетна и моя мольба.

Вот это состояние блудного сына, который увидел, как скверно он живет и как хорошо живут даже не сыны, а наемники у его отца, вот это есть состояние помилования. Он помиловал себя и тогда пошел к Богу и у Него стал просить о помиловании (см.: Лк. 15:14–21).

Наше дело в течение Великого поста есть просьба о помиловании. Мы будем все время взывать: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя». Но в эту неделю, подготовляющую к посту, нужно взять от святоотеческого опыта то, что он нам дает, иначе тщетны будут наши просьбы о помиловании. Мы должны ощутить в себе образ Божий, остатки божественной красоты, которые есть в нас, хотя и искаженные, и прежде всего помиловать себя, понять, кто мы в жизни и кто мы в творении.

В жизни мы грешные, живущие в «стране далече», постоянно забывающие о Боге, а в творении мы есть образ неизреченной Божией славы, и только в Нем мы живем, только в Нем наше спасение.

И это противопоставление себя в творении и себя в жизни и дает в известный момент состояние помилования себя. Вот смысл слов аввы Антония. И если мы в какой-то момент своей жизни помилуем себя и почувствуем противопоставление себя в творении и себя в жизни, тогда мы можем, подобно блудному сыну, идти к Богу и просить о помиловании. Но и в этом шествии мы должны работать Богу, а мы постоянно забываем, даже в нашем служении Богу, для чего мы должны все это делать.

Один авва, когда к нему обратились за назиданием, так определил духовное делание: «Когда мы жили в скиту, занятие о душе было нашим настоящим делом, а рукоделие — поделием, а ныне рукоделие стало настоящим делом, а занятие душой только поделием»[149].

Вот и мы в наших тех или иных работах помятуем не о том, о чем мы должны помнить. Мы забываем, что мы должны восстанавливать в себе образ Божий, что наше единственное дело на земле, нас, граждан земли, делаться гражданами неба. А мы думаем, что

---

[149] Подразумевается разговор между аввой Иоанном и аввой Феодором, о котором повествует Древний патерик (10, 32).

мы без этого можем спастись теми или иными делами: хождением в церковь, милостынею и т. д. Но все это есть только поделие в сравнении с настоящим делом — очищением души, покаянием.

Если у блудного сына и были какие-нибудь дела, то он стяжал их не на гумне покаяния, не на сознании своего ничтожества перед Богом, а на основе гордости. Мы должны знать, что если мы хотим идти путем Христовым, то должны понимать, кто мы в жизни и кто в творении, для чего мы призваны в эту жизнь и что представляем из себя в настоящий момент. И если перед нашими глазами постоянно будет творение Божие, образ неизреченной Божией славы, тогда мы будем миловать себя. Это не значит, что мы будем гордиться, прощать себя, оправдываться, а мы в самих себе увидим неизреченный храм Божией славы, почувствуем всю радость жизни в Боге и ощутим ту грязь, в которой мы живем. Тогда мы придем к Богу и будем просить Его, как блудный сын: *Прими меня в число наемников Твоих* (Лк. 15:19). Прими меня, я хочу жить с Тобой, в Тебе.

И если мы придем в таком состоянии, то будем приняты, как блудный сын.

Эта неделя, от мытаря возводя нас к блудному сыну, открывает не только сторону подхода человека к Богу, но раскрывает и другое — подход Бога к человеку.

Бог еще издали увидел его, кающегося грешника, Сам бросается к нему, и Сам облекает его в одежду первую — нетленную, одежду творения, облекает тварь, которая растлила эту одежду и, по словам Великого канона, лежит нагая и не стыдится[150]; и велит заколоть тельца, и веселится Сам с покаявшимся сыном.

Не напрасно Святая Церковь проводит нас через эти состояния — иного пути нет. Только осознав в себе образ Божий, помиловав себя, мы можем надеяться, придя к Богу, что Он примет нас и даст нам одежду нашу первую, которую Он исткал нам от начала века.

Аминь.

Неделя о блудном сыне и Сретение Господне

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Подготовляя нас к вступлению на поприще святой Четыредесятницы, Святая Церковь ведет нас от покаяния мытаря к покаянию

[150] «Воззрех на садовную красоту, и прельстихся умом; и оттуду лежу наг и срамляюся» (Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 2. Тропарь 11-й).

блудного сына. Сегодня она напоминает нам о том, что недостаточно только сознавать свои согрешения и взывать к Богу о помиловании. Этим кончается покаяние мытаря, но покаяние блудного сына с этого только и начинается. Пребывая в *стране далече*, он вспоминает о своей жизни в доме отца, приходит в состояние мытаря и, подобно ему, взывает к Богу: *Боже, милостив буди мне грешному*. Но для блудного сына это только начало. Он идет дальше. Он не только раскаивается, но *встал и пошел к отцу своему* (Лк. 15:20). Несмотря на все испытания он возвращается домой. Путь, ведущий его в отчий дом, тяжел и труден — это великое шествие покаявшегося грешника.

В нынешнем году Святая Церковь дает нам образ блудного сына в сочетании с праздником Сретения Господня.

Многим может показаться, что покаяние блудного сына мешает по-настоящему чувствовать радость праздника. А те, кто пришел в храм для того, чтобы каяться и вникать в состояние грешника, также сетуют на то, что служба праздника мешает им в этом.

Но Святая Церковь не случайно соединяет в богослужебных последованиях те или иные памяти. В конце Постной триоди помещены так называемые Марковы главы. В них подробно указан порядок совершения служб праздников Сретения, Обретения главы святого Иоанна Предтечи, сорока мучеников и Благовещения в соединении (сочетании) с различными днями Постной триоди.

Святая Церковь так подробно останавливается на этих сочетаниях, потому что каждому из них она придает особый смысл. В синаксарии Недели сыропустной говорится о Благовещении Пресвятой Богородицы, что оно «смотрением Божиим неизглаголанным во святей Четыредесятнице присно обретаемо». То же самое можно сказать и о празднике Сретения Господня. Каждое сочетание этого праздника с днями Постной триоди дает нам возможность по-новому понять и почувствовать смысл праздника и значение того дня Триоди, с которым он соединяется.

Это происходит потому, что в Уставе церковном нет случайного, но все в нем «смотрением Божиим неизглаголанным» направлено к нашему спасению и духовному воспитанию. Это можно сказать и о сегодняшнем, очень редком сочетании памятей. На протяжении одной церковной службы оно дает нам и начало жизни человека (праздник Сретения), и конец если не всей его земной жизни, то во всяком случае жизни во грехе (Неделя о блудном сыне).

Праздник Сретения наполовину Богородичный праздник. К Божией Матери обращаемся мы в тропаре этого дня. Ей посвящены прокимны на утрене и литургии, к Ней же обращены и многие тропари канона. Вообще вся служба этого дня по своему

строю не отличается той торжественностью, которою характеризуются богослужения Владычних праздников, но скорее приближается к Богородичным. Это происходит потому, что в этот день мы прославляем прежде всего Божию Матерь, Которая по древнему ветхозаветному закону принесла в храм Господень Своего Божественного Сына в сороковой день после Его рождения. В этот день Она добровольно отдала Его Богу, возлюбленное чадо Свое принесла Господу.

В Ветхом Завете такое приношение должно было совершаться только в отношении младенцев мужского пола, как об этом говорится в ирмосе девятой песни сегодняшнего праздничного канона: «Всяк мужеский пол, ложесна разверзаяй, свят Богу».

В Новом Завете Мать приносит Богу каждого своего ребенка, потому что в Новом Завете *несть мужеский пол, ни женский* (Гал. 3:28).

Для чего женщина в сороковой день приносит в храм своего ребенка? Чтобы отдать его Богу, поставить его пред лицем Господним. В самый первый день, когда мать может войти в храм, она приносит свое дитя Богу, как бы говоря: «Возьми его, это Твое дитя».

Мать приносит дитя в храм, чтобы оно стало новой тварью, свободной от власти первородного греха и призванной к вечной жизни. Это новотворение совершается в Таинстве крещения, которое в древности также происходило в сороковой день после рождения младенца.

Все мы были в свое время крещены и принесены в храм для посвящения Богу. Это самое важное событие в нашей жизни, благодаря которому мы получили возможность жить духовной жизнью. В Церкви есть различные степени: епископы, иереи, диаконы, но ни одной из них нельзя достигнуть, не получив сначала крещения. Не может быть возведен в высшую степень тот, кто не является членом Тела Христова — Церкви. А этого мы сподобляемся в Таинстве крещения. *Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3:27), а *кто во Христе, тот новая тварь* (2 Кор. 5:17).

Поэтому когда ребенка, принесенного в сороковой день, священник возносит к алтарю Господню, а потом возвращает его матери, мать принимает его из рук священника как бы новое творение из рук Божиих.

О важнейшем событии нашей жизни напоминает нам сегодня праздник Сретения Господня. Он говорит нам о том, что мы, некогда принесенные в храм, отданные Богу и получившие новую жизнь в Таинстве крещения, и ныне вместе с Господом должны войти в храм, чтобы жить в нем благодатною жизнью, которая открывается каждому, непосредственно участвовавшему в богослу-

жении. «Свет благодати Христовы просия нам, хотя ввести в храм Свой», — говорится в каноне предпразднства[151]. Поэтому вчера, готовясь встретить праздник Сретения, мы обращались к Господу с молитвой: «Душевными Тя руками сподоби мя, Благодетелю, восприяти, якоже древле Симеон, и насладитися Твоея благости. Ты бо еси един желание и сладость, Превозжеленный»[152].

Но сегодня Святая Церковь говорит нам не только об этом. Она напоминает нам о нынешнем нашем состоянии, которое многим из нас мешает входить в храм Господень и жить в нем благодатною жизнью. Для этого она предлагает нам образы притчи о блудном сыне.

Вспомним блудного сына. Было время, когда и он, подобно старшему брату, жил в доме отца и наслаждался всеми благами, которые доставляло ему богатство отца. Но он не захотел оставаться в отчем доме и, взяв следующую ему часть имения, *пошел в дальнюю страну и там расточил имение свое, живя распутно* (Лк. 15:13).

Живя *на стране далече*, он, «посеяв грех, серпом пожав класы лености и рукоятием деяний своих снопы связав, постлал их не на гумне покаяния»[153].

Томимый духовным гладом, он, как говорит церковная песнь, «прилепихся страстей делателем», «поработихся гражданом странным, и в страну тлетворную отыде»[154].

Однако евангельская притча повествует не только об уходе блудного сына из отчего дома и о его жизни в тлетворной стране страстей и греха. Мы узнаем из нее, что, когда духовный голод его достиг крайнего предела, он, *придя в себя,* сказал: *встану, пойду к отцу моему* (Лк. 15:17). Он действительно *встал и пошел к отцу своему* (Лк. 15:20), или, как говорит церковная песнь, «в безгрешную страну и животную вверихся»[155]. И хотя за плечами у него было тяжкое бремя грехов, он обратился с молитвой к отцу. Смысл этой молитвы так передает церковное песнопение: «Ветром Твоего любоблагоутробия развей плеву дел моих, и пшеницу даждь души моей оставление, в небесную Твою затворяя мя житницу, и спаси мя»[156].

Вот и мы, хотя получили новую жизнь в Таинстве крещения, но, подобно блудному сыну, в лености иждивши свое житие, накопили стоги грехов и сложили их не на гумне покаяния.

---

[151] Канон Предпразднства Сретения. Утреня. Канон. Песнь 8. Тропарь 2-й.

[152] Там же. Песнь 9. Тропарь 1-й.

[153] Ср.: Неделя о блудном сыне. Вечерня. Стихира 1-я на *Господи, воззвах.*

[154] Ср.: Неделя о блудном сыне. Утреня. Канон. Песнь 3. Тропарь 1-й; Песнь 5. Тропарь 1-й.

[155] Неделя о блудном сыне. Вечерня. Стихира 1-я на *Господи, воззвах.*

[156] Там же.

И ныне мы молимся, чтобы Господь открыл нам двери покаяния: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче, утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему, храм носяй телесный весь осквернен»[157].

Все мы были принесены в храм нашими матерями, и это было наше первое посвящение Богу. Все стали новою тварью во Христе через крещение. И теперь мы снова приходим к Богу, чтобы принести сугубое покаяние: «Объятия Отча отверзти ми потщися, блудно мое иждих житие, на богатство неиждиваемое взирая щедрот Твоих, Спасе; ныне обнищавшее мое да не презри сердце, Тебе бо, Господи, со умилением зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою». Песнь эта входит в чин пострижения монахов[158]. Ее поют иноки, когда ищущий пострижения приводится к игумену, который должен совершить постриг. Но сегодня она поется для всех нас. Все мы, кающиеся, приходим как бы для принятия иноческого чина. Ведь подвиг монаха состоит прежде всего в отречении от мира ради любви Божией и в послушании. Но разве не в этом же состоит делание каждого христианина? Разве не ко всем нам обращается апостол со словами: *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей* (1 Ин. 2:15).

Если мы сегодня, совершая богослужение, помним и понимаем значение нашего первого посвящения Богу в крещении и вспоминаем о первом нашем принесении во храм, то, с другой стороны, Святая Церковь нам, много согрешившим в жизни, открывает двери покаяния, заботясь о том, чтобы мы достойно встретили дни святой Четыредесятницы.

В сегодняшней службе, в этом редчайшем сочетании праздника Сретения с Неделей о блудном сыне, нам дано пережить двойное восхождение к Богу: первое посвящение Ему в начале нашей жизни и возвращение к Нему через сугубое покаяние.

Сегодня все мы, подобно инокам, приходящим к пострижению, можем сказать о себе: «Раздрах ныне одежду мою первую, юже ми изтка Зиждитель из начала, и оттуду лежу наг»[159]. «Облекохся в раздранную ризу, юже изтка ми змий советом, и стыждуся»[160].

Сегодня каждый из нас, вникая в свое сердце, чувствует, что он «блудно иждил житие свое», и это чувство будет в нас полнее и глубже, чем полнее мы переживаем сегодня свое первое посвящение Богу.

---

[157] См. прим. 62 на с. 51.

[158] Неделя о блудном сыне. Утреня. Седален.

[159] См. прим. 54 на с. 47.

[160] Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 2. Тропарь 9-й.

И если есть в нас это чувство, если мы видим ныне красоту той первой одежды, в которую мы облеклись в Таинстве крещения, и безобразие облекающей нас ныне раздранной одежды греха, то Господь даст нам сегодня, подобно инокам, приходящим к пострижению, от всего нашего сокрушенного сердца воспеть Господу эту великую песнь: «Объятия Отча отверзти ми потщися».

Аминь.

Сретение Господне

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

И по своему прошлому опыту, и по тому, что неоднократно приходилось слышать от своих духовных детей, я должен сказать, что праздник Сретения Господня является одним из тех праздников, которые мы как-то проходим мимо, скользим вниманием, не вдумываясь и не входя в то, что совершается в этот великий день.

Вот Рождество — Христос рождается на земле, снисходит с небес нашего ради спасения. Вот Крещение Господне — Христос приходит освятить водное естество, а через это и весь мир.

Это нам понятно. А вот ныне принесен Он, как младенец, во храм для того, чтобы, как и всякое существо, быть освященным, принесенным Богу.

И многие из нас как-то не воспринимают этот праздник, не понимают его так, как понимают и чувствуют они другие двунадесятые праздники.

Не случайно все это. Это объясняется тем, что не только этот праздник, но и то, что совершается с каждым младенцем у нас в сороковой день по рождении, мы не понимаем и, не вникая, проходим мимо.

Вот приносят в храм младенца и читают над ним молитвы, как и над всеми нами когда-то читали. Какой смысл этого принесения? Что же, это простой обычай? Что же, это совершается только для того, чтобы напомнить, что когда-то было совершено это же с Господом, а Господь принесен был для того, чтобы вспомнить, что это когда-то заповедано Моисеем?

Или совершается что-то такое, для чего мы собрались ныне праздновать Сретение Господне, что-то великое, для чего каждый младенец приносится в храм?

Вот каждый младенец крещен, он освящен, рожден для благодатной духовной жизни, и мы думаем, что все кончено и остальное просто обычай.

Самое главное, что заключается в этом принесении, это то, что отец и мать приносят свое чадо, уже рожденное не только плотским рождением, но и духовно для жизни во Христе, для нетленной жизни, и приносят и отдают его в дар Богу.

Вы скажете: «Ну а крещение?»

Крещение это есть рождение духовное. Некрещеный младенец не родился еще духовно, он еще не живет, он мертв духовно.

А вот теперь младенца, уже живущего духовной жизнью, мать приносит и отдает Богу: «Это Твое, и отдаю его Тебе, этого нетленного младенца, с которого крещением снят первородный грех».

Это величайший момент в жизни ребенка и его родителей. В этот момент мы отдаем ребенка Богу, Тому, Кто является его и нашим Творцом, и уже больше не считаем его своим. Так и Господь Иисус Христос, как воспевают стихиры, был принесен Богу...

Так и мы были некогда принесены и отданы Богу. Таково вот наше неправильное отношение к этому Таинству; мы думаем, что здесь все сводится к тому, чтобы получить очистительную молитву матери и между прочим совершить что-то очистительное над ребенком. А между тем мы в этот день навсегда отдаемся Богу.

Не только первенец мужского пола, как в Ветхом Завете: «всяк мужеский пол, ложесна разверзаяй, свят Богу» (ср.: Лк. 2:23), но и все дети в Новом Завете, не только мужеский пол, но и женский, отдается, посвящается Богу. Это добровольный акт родителей, добровольная отдача Богу, мы же не чувствуем этого праздника, и проходит он мимо нашего сознания и не затрагивает он нас, как затрагивают другие праздники. А в день Сретения Господня празднуется именно принесение Матерью Божией Иисуса Христа в дар Богу.

И если каждый из нас будет в своей жизни помнить, что когда-то Святая Церковь потребовала от наших родителей этой отдачи, и они, может быть, не сознавая, действительно отдали нас Богу, и с этого момента мы Ему посвящены, если каждый из нас будет памятовать об этом, и не только в эти дни, но и всегда, то мало-помалу в нашу душу, в наше сердце будет все больше проникать духовная связь с Тем, Кому мы принесены в жертву. И тогда мало-помалу детский праздник, праздник Сретения, будет становиться для нас все ближе и ближе, будет говорить нашей душе так же много, как и Рождество. Но тогда нам надо помнить, зачем мы были принесены Богу и зачем мы ныне собрались здесь.

Сегодня Святая Церковь призывает Анну Пророчицу и Симеона Богоприимца участвовать с нами в этом величайшем событии: «О дщи Фануилева, прииди, стани с нами»[161]. Нам, которые

[161] Сретение Господне. Канон. Песнь 9. Припев 7-й.

так далеки от внутренней жизни Церкви, которые привыкли брать только все внешнее, все это остается непонятным.

Давайте, братия и сестры, каждую черту, каждую молитву, которую дает нам Церковь, понимать не так, как мы обычно понимаем, а так, как понимает и дает нам ее Святая Церковь.

Тогда мало-помалу вы будете чувствовать этот великий праздник и свою связь со Христом, и тогда недаром, не напрасно будет для вас ваше принесение во храм на служение Богу.

Помните, чьи вы, для чего вы были принесены во храм и отданы на служение Владыке Христу.

Аминь.

Вселенская родительская (мясопустная) суббота

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь верует, что мы через богослужение в возможной для нас, живущих еще здесь, на земле, мере не только вспоминаем те или иные события, но принимаем в них участие.

Святая Церковь верует и в то, что воскресный день, который предстоит нам пережить, есть день памяти Страшного Суда, и она верует, что мы в возможной для нас степени и возможном для нас виде через приобщение в богослужении к вечности предстанем пред страшным Престолом Господа славы. А потому с великой последовательностью она вспоминает и о тех, кто предстанет вместе с нами, кто жил на земле и уже отошел, кто был здесь членом Церкви, частью Тела Христова. Она творит память всех почивших отцев и братьев наших по особому чину и особенно молится о тех, кто умер внезапною смертью от тех или других несчастий, или явлений природы, или злых действий людей.

Есть еще один такой момент, когда Церковь по тому же чину творит память всех отшедших, это бывает перед днем святой Пятидесятницы. И опять с великой последовательностью веруя, что мы не только вспоминаем те или иные события, но духовно участвуем в них, она перед днем Сошествия Святого Духа на апостолов и образования Церкви, веруя, что и ныне в этот день совершается обновление Духа Святого в Церкви, молится о тех, кто когда-то на земле, а теперь на небе составляет часть Тела Христова. Это есть воспоминание и молитва перед тем великим днем, когда мы ожидаем обновления даров Духа Святого. Это есть две великие памяти почивших праотцев, отцев и братий наших.

И вот сегодня, когда мы духовно приуготовляемся к великому дню предстояния страшному Престолу Господа славы,

наши умершие просят нас о том, чтобы мы помолились о них. Это будет молитва всей Церкви, ибо мы молимся как часть Тела Христова, и только такая молитва и может принести им облегчение и успокоение.

Давайте в этот день молиться о тех, кто с нами жил и молился и кто ждет от нас помощи, о тех, с кем мы вместе проходили путь духовного делания. Вспомним и тех, с кем мы встречались и сталкивались в жизни, ибо мы знаем, что всем нужна наша память и молитва. А затем помолимся и о тех, кого мы не знаем, но за которых пришли помолиться другие, которые дороги им.

Не отягчайтесь именами, которые будут здесь поминаться. Помните, что каждое имя кому-нибудь дорого, каждое имя является сущностью, каждое имя есть замена того, за кого молятся. Нам бесконечно дороги имена тех, за кого мы молимся, так давайте же в кротости и смирении помолимся и за них, и за тех, кто дорог другим.

Помните, что когда-нибудь и мы отойдем в другую жизнь и будет эта служба совершаться без нашего участия, и мы были бы тогда в радости, если бы о нас вспомнили и помолились за нас и те, кто нас знает и кто не знает, но пришел и молится здесь о всех прежде почивших праотцах, отцах и братьях наших, зде лежащих и повсюду православных. Аминь.

Неделя мясопустная, о Страшном Суде

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Перед входом в Святой пост Церковь заставляет нас предстать пред страшным Престолом Господа славы, и этот воскресный день посвящается нами тому событию, которое хотя и не было еще, но будет. Святая Церковь не только верует в то, что это будет, но она знает, что тогда будет потребован от нас ответ о всех делах, словах и помышлениях.

Если мы веруем, что Церковь есть Тело Христово, что каждый верующий составляет часть этого Тела, что в отдельности мы все члены, а вместе, по словам Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, являемся Его Телом, если все это так, то совсем по-иному, реально, а не иносказательно, предстоит пред нами сегодняшнее событие.

Через причащение, как говорит Иоанн Златоуст, мы становимся частью Тела Христова. «Что это? — спрашивает он, показуя

на Святые Дары, и отвечает: — Тело Христово». «Чем становится причащающийся? — продолжает он: — Телом Христовым. Телом, а не многими телами»[162].

Это таинственное учение о Церкви как о Теле Христовом, которое так хорошо раскрыто апостолом Павлом и более подробно у всех учителей Церкви, кончая и нашими русскими учителями — святителем Тихоном Задонским и последним нашим учителем — Иоанном Кронштадтским, это — таинственное учение, без которого нет Церкви, ибо Церковь не организация, а организм, и живем мы, поскольку приобщаемся этому живому организму, поскольку приобщаемся Телу и Крови Христовым, ибо *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь имать живот вечный* (Ин. 6:54), *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6:56), следовательно, и жизни вечной мы сподобляемся, поскольку входим в Тело Христово. Это учение о Церкви или, вернее, эта сущность Церкви заставляет нас, верующих, ныне чтенное Евангелие понимать не так, как ту или иную притчу, иносказательно. Ведь наступит же такое время, когда не надо будет говорить прикровенно, когда будет *новое небо и новая земля* (см.: Откр. 21:1) и воскресшие из мертвых и приведенные Самим Богом на этот Суд предстанут не *зерцалом в гадании*, а *лицем к лицу* (1 Кор. 13:12).

И тогда Господь спросит нас только об одном, тогда, когда уже не будет времени для притч и иносказаний, Он спросит нас: «Накормили ли вы Меня, посетили ли, когда Я был в темнице, приняли ли Меня в свой дом?» И в ответ на наш вопрос: «Когда же мы видели Тебя?» — Он скажет: «Так как вы не сделали этого одному из меньших Моих братьев, то не сделали и Мне» (см.: Мф. 25:42–45).

И если брать весь святоотеческий опыт, если брать всю церковную жизнь, как она протекала, и преимущественно духовную жизнь подвижников, то увидим, насколько не в мечтании, а в действительности святые отцы видели подлинность этих слов, ибо они в каждом приходящем к ним видели Самого Господа.

Святые отцы говорят, что если человек неверующий, не в Церкви, не составляет части Тела Христова, то все-таки он создан по образу Божию и подобию и носит в себе этот образ Христов, и потому каждый призывается ими благоговеть перед другими людьми, не иметь вольности и дерзости в обращении, помня, что перед ними в каком-то смысле само Божество, Сам Христос.

Ведь задача наша в том состоит, чтобы, очистив образ Божий, подойти к обожению, и этот путь требует именно того, чтобы мы подходили к человеку как творению Божию, как к образу неизреченной Божией славы.

---

[162] См. прим. 60 на с. 49.

Когда одного святого спросили, как приобрести в этой жизни душевное спокойствие и равновесие, он ответил: «Ты не приобретаешь этого, пока не познаешь, что есть только Бог и ты»[163].

Ну а люди? А люди и ты сам существуют постольку, поскольку они Божие творение, поскольку они в Боге живут. Отсюда становится понятным, что, когда мы освящаем икону в честь того или иного святого, мы молимся, чтобы Господь благословил этот образ, которому мы будем кланяться и служить не потому, что это есть образ человека, а потому, что почитаем в нем образ и подобие Божие. Если мы чтим святителя Николая и молимся пред иконою его, это не значит, что мы его как такового — святителя Николая — почитаем, а [почитаем] его как образ Божий, ибо честь образа восходит на Первообраз[164].

Так надо относиться и ко всем, не находящимся в Церкви, ибо каждый есть образ Божий.

А вот для людей, которые принадлежат к Церкви, которые приобщены к Телу Христову, это неизмеримо увеличивается, ибо они являются не только образом Божиим, но и частью Тела Христова, членами Церкви. Христос создал Церковь Свою на Теле Своем, на приобщении к Нему, на таинственной жизни в этом Теле. Вот почему *врата ада не одолеют ее* (Мф. 16:18), вот почему те или иные человеческие церковные организации не имеют самодовлеющего значения и не от их состояния зависят судьбы Церкви.

Вот мы, которые в этот день предстоим пред Страшным Судом Христовым, должны проверить свою совесть, ибо святые отцы говорят, что у каждого есть свое домашнее судилище, находящееся в нем самом, неподкупное и нелицеприятное[165], — это есть наша совесть, и она осудит нас прежде Страшного Суда.

Святые отцы, раскрывая состояние наше на Страшном Суде, говорят, что весь ужас нашего положения будет в том, что совесть наша как глас Божий в нас, как то, что Бог вложил в нас при творении, как то, что давало первому человеку закон Божий знать без писаных руководств, первая осудит нас, та совесть, которую, как говорят святые отцы, уподобляя ее искре, мы постоянно засыпаем, она проснется по воле Божией и как глас Божий осудит нас[166].

Вместо того чтобы в этой жизни постоянно испытывать совесть, прибегать к ней, слушаться ее, мы отворачиваемся от нее и

---

[163] «Авва Алоний сказал: если человек не скажет в сердце своем, что в мире я один, да Бог, — не найдет спокойствия» (Древний патерик, 11, 12).

[164] Точно: «Чествование образа переходит к первообразу» (*Василий Великий, свт.* О Святом Духе, 18).

[165] Ср.: *Григорий Богослов, свт.* Слова, 15.

[166] Ср., например: *Тихон Задонский, свт.* Сокровище духовное, от мира собираемое, 35; *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения и послания, 3.

в течение целого ряда лет и даже всей жизни засыпаем ее, и спит она в нас, и вот наступит момент, откроются все наши беззакония, и осудит она нас.

Итак, нельзя подходить к Страшному Суду, как к аллегории или иносказанию, ибо Христос не был мечтателем. Он, пришедший спасти весь мир, ходил по маленькой Галилее; Он имел малый круг общений: 12 апостолов, 70 учеников и еще несколько сот последователей. В этой обстановке Он жил и творил Царствие Божие. С нашей человеческой точки зрения мы такие бы планы начертали о спасении мира, дав волю своей фантазии...

Христос был великий делатель земли, а не только Неба, ибо Он пришел на землю, чтобы землю поднять к Небу. И для того, кому Его слова, слышанные ныне в Евангелии, являются не простыми мечтами и фантазией, а ведь некоторые из нас, верующих, во многое веруя — и в искупление людей, и в любовь Божию — этому главному для нашего спасения пункту придают характер какого-то иносказания, считая его за педагогическое средство, заставляющее нас делать добро.

Нет, Христос говорит, и слова Его непреложны.

Если так, если мы в это веруем, приступим хоть теперь, перед постом, к этому гласу совести, который говорит, который вопиет иногда в нас. И если вы еще на земле будете испытывать свою совесть, то она все громче и громче заговорит в вас и вы будете в Боге, будете предстоять Ему и постепенно восходить к тому, о чем говорит Господь: «Праведницы возрадуются на Страшном Суде»[167], ибо предстать перед Богом есть цель всей их жизни.

Если мы пойдем этим путем, путем постоянного предстояния пред Господом на молитве, если в какой-нибудь счастливейший момент жизни мы поймем, почему Святая Церковь перед вхождением в Великий пост творит память Страшного Суда, и не только мы это поймем, но и почувствуем, насколько это реально, чуждо фантазии и насколько наше истинное делание есть очищение души, испытание совести, насколько важно как можно чаще прибегать к Таинствам покаяния и причащения, и особенно — в эти дни Великого поста.

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь ныне вводит нас в общение с тем страшным часом, когда мы все предстанем перед страшным Престолом Господа

---

[167] Ср.: Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу. Песнь 3. Тропарь 2-й.

славы, когда Судия живых и мертвых, Господь Иисус Христос приидет во славе и каждому воздаст по его делам.

Святая Церковь этим воспоминанием заканчивает приготовление наше ко входу в Великий пост.

Если мы только что, в Неделю о блудном сыне, видели всю любовь к нам Отца Небесного, Который не только принимает раскаявшегося блудного сына, но Сам идет к нему навстречу, Сам падает к нему на шею, Сам облекает его в одежду первую, ризу нетления, которую раздрал сам этот падший сын, и дает перстень на его десницу и закалывает тельца упитанного (см.: Лк. 15:11–32), то перед нами встает вопрос, как же может этот любящий, всепрощающий Отец наш прийти снова на землю и судить живых и мертвых.

Вот Святая Церковь не смущается тем, что смущает многих из нас; не смущается тем, как это может быть совмещена любовь Божия, проявившаяся в том, что Он Сына Своего послал в мир «нас ради человек, и нашего ради спасения», с представлением о Нем, как о грозном Судии, Который поставит одних по левую, других по правую сторону Своего Престола.

Если бы мы внимательно отнеслись к богослужению, если бы мы воспринимали то, что ежедневно дает нам в нем Святая Церковь в дни подготовительные к Великому посту, тогда исчезло бы из нашей души это внутреннее противоречие.

Во дни седмичные Церковь переносит все наше внимание на евангельское и апостольское чтения.

Чтение апостольское избирается из послания апостола Иоанна Богослова, и всю эту седмицу мы слышим здесь, в храме, от апостола любви о любви Христовой: *Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев* (1 Ин. 3:16). *Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною* (1 Ин. 3:18), — слышим мы, и, раскрывая нам в этих чтениях [слова] апостола о любви, Святая Церковь показует нам эту любовь уже как делание на евангельских чтениях. Те из вас, которые имеют прекрасный обычай читать ежедневно Евангелие дня или были в течение этой седмицы в храме, знают, что в понедельник читалось Евангелие о входе Господа в Иерусалим, во вторник — о соглашении иудеев с Иудой на предательство Спасителя и о Тайной вечере, в среду — о взятии Господа в саду Гефсиманском, о предстоянии Его у священника и об отречении Петра, в четверг — об обвинении Его у Пилата, в пятницу — о распятии и смерти Спасителя на кресте.

Вот как приводит нас Святая Церковь от блудного сына к Страшному Суду: «Да молчит всяка плоть человека, и да стоит

со страхом и трепетом...»[168] Раскрывая смысл христианской любви и говоря нам единственный раз в году в будние дни о страданиях Христовых, Церковь подводит нас к этому великому дню. Она напоминает нам, что такое любовь и что сделал для нас Сын Божий и каков будет наш путь, ибо в субботу она творит память праотцам, отцам и братиям нашим. Она говорит о том, как, чем мы кончим нашу жизнь и насколько тесно связаны с ними, с ушедшими, с которыми вместе предстанем Господу.

То богослужение, которое мы совершали вчера, заключается в том, чтобы умолить Господа о тех, кто с нами предстанет страшному Престолу Господа славы: «О, страшнаго Твоего Втораго, Господи, пришествия! Зане яко в виде молнии на землю пришед, воздвигнеши все создание Твое судитися, в вере Тебе тогда поживших, сретших Тя с Тобою быти сподоби»[169]. «Вся презираяй плотския долги наша, Спасе наш, во всяком возрасте всего рода человека, пред судищем Твоим постави неосуждены, Тебе Создателю отвещающия»[170].

Эту службу мы совершали еще как те, которые находятся здесь вместе с земной Церковью и молятся не о себе, а о тех, которые уже отошли: «Егда судити будеши всяческим, стоящим нагим и откровеным пред лицем Твоим; тогда, Щедре, пощади послужившия Ти верно, Боже»[171].

А вот ныне, ныне мы сами присутствуем страшному дню Второго пришествия Господня, ибо синаксарий дня говорит: «В сий день Втораго и неумытнаго пришествия Христова память творим...»[172]

Для чего? «Юже божественнейшии отцы по двою притчу положиша, яко да не кто во ону Божие человеколюбие уведав, леностно поживет глаголя: человеколюбив есть Бог, и егда греха отлучуся, готово имам все совершити»[173].

То есть, если мы увидели в этих двух подготовительных неделях: о мытаре и фарисее и о блудном сыне — только одну сторону, только человеколюбие Божие, которое, несомненно, было, есть и будет, и «леностью поживем», говоря: «Человеколюбив есть Бог», — то проглядим другую, не менее важную сторону богочеловеческого отношения. «Сей страшный день зде учиниша, да смертию и чаянием будущих злых устрашивше, леностно живущия к добродетели возведут, не надеющияся

---

[168] См. прим. 137 на с. 70.

[169] Суббота мясопустная. Утреня. Канон. Песнь 2. Тропарь 4-й.

[170] Там же. Песнь 1. Тропарь 5-й.

[171] Там же. Песнь 6. Тропарь 3-й.

[172] Неделя мясопустная. Утреня. Синаксарь.

[173] Там же.

к человеколюбному точию, но взирати яко и праведен есть Судия, и отдает комуждо по делом его»[174].

Вот смысл службы, которую мы ныне совершаем.

Да, Господь «нас ради человек, и нашего ради спасения» сошел с небес, и воплотился от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечился, и для нашего спасения был распят при Понтийстем Пилате и погребен, но Христос, как верует Святая Церковь, приидет «паки» судить живых и мертвых, и этим воспоминанием заключается для нас тот богослужебный круг, который приготовляет ко входу в Великий пост, ибо в первую неделю мы будем класть, как говорят святые отцы, «начало мира, и самое от рая падение <...> Адамово; настоящий же всех дней конец, и миру самому»[175].

Вот почему в этот страшный день мы молимся, чтобы Господь был милостив к нам: «Припадем и восплачемся прежде суда онаго, вернии, егда небеса погибнут, звезды спадут, и вся земля поколеблется, да милостива обрящем в конец отцев Бога»[176].

И Святая Церковь говорит нам о том, что мы в этой службе соединяемся со всеми нашими сочленами церковными, и не только с теми, с которыми мы живем на земле, но и с теми, которых мы вспоминали вчера: «Помышляю день оный и час, егда имамы вси, нази и яко осуждени, неумытному Судии предстати, тогда труба возшумит вельми, и основания земли подвижатся, и мертвии от гробов воскреснут, и возрастом единем вси будут, и всех тайная явленна предстанут пред Тобою и возрыдают, и восплачутся, и во огнь кромешный отыдут, иже никогдаже покаяшася; и в радость и веселие, праведных жребий внидет в чертог небесный»[177].

Мы все постоянно забываем, что наше главное дело есть предстояние Богу. Вы видели, наверно, иконы или распятия Христа Спасителя с так называемыми «предстоящими». Вот предстоят Кресту Господню Божия Матерь и Иоанн Богослов или перед Ним, сидящим на Престоле, предстоят святые и ангельские чины. Ведь это предстояние и есть та цель, к которой мы призываемся. Ибо что такое молитва?

«Молитва <...> есть пребывание и соединение человека с Богом»[178].

И единственное делание, которое останется у нас за гробом, когда все остальные добрые дела и благотворения отойдут от нас, есть молитва, которая тогда раскроется во всей полноте.

---

[174] Там же.

[175] Там же.

[176] Неделя мясопустная. Утреня. Канон. Песнь 7. Тропарь 1-й.

[177] Там же. Стихира 1-я на хвалитех.

[178] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 28, 1.

У нас есть всегда возможность прийти и предстать пред Богом, не только в храме или на домашней утренней и вечерней молитве, а всегда и везде, ибо апостол говорит: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5:17), — и Господь предостерегает: *Бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мк. 14:38).

Непрестанная молитва есть не что иное, как предстояние пред Богом в течение всей жизни, и предстояние добровольное, в сознании того, что мы, грешные, без Бога жить не можем и без Его помощи погибнем. Мы не отвергаем Бога, как фарисей, который считает, что и без Него хорош, но на главу свою полагаем свои грехи и так подходим к Нему.

Настанет момент, когда мы предстанем пред Господом не добровольно, когда и верующие и неверующие, и предстоявшие раньше и непредстоявшие, все предстанем Ему. И это сделается не по нашей воле, а по воле Того, Кто соберет всех и поставит ошую и одесную Себя.

Тогда поздно уже будет стараться добровольно предстать перед Господом, тогда поздно будет класть грехи свои на главу перед Богом, тогда поздно будет познавать свою божественную природу и свой человеческий грех.

Пока мы еще в этой жизни, Святая Церковь через этот день, который предваряет страшное Пришествие Господа, указывает нам, что мы находимся не в одинаковых условиях с теми, которые уже отошли от жизни и которым только наша молитва может помочь, мы можем сами добровольно предстоять Ему и в течение всей нашей жизни быть с Ним.

И если мы будем с Ним не только изредка дома или в храме, а каждый день и час, если будем при каждом своем занятии и в каждом деле памятовать, что Господь нас видит, что мы предстоим Ему, грешные и непотребные, если мы будем жить той благодатной жизнью, которую дает Святая Церковь, и если мы будем по возможности чаще прибегать к Таинствам, особенно к Таинству покаяния и причащения, то мы приобретем и то, о чем говорилось в чтениях апостола Иоанна Богослова, мы приобретем совершенную любовь, а совершенная любовь мало-помалу изгоняет страх, и предстанем мы пред страшным Престолом Господа славы как свои, радуясь близости святых и Бога, как дети, которые только и думают о том, как бы увидеть Отца и Бога, которые всю жизнь стремились как можно чаще предстоять Ему. И тогда не страшен будет для нас этот Страшный, но справедливый Суд.

И Святая Церковь призывает нас, не имеющих этого предстояния, хотя бы в этот день начать делание покаяния, положить на главу грехи свои и помнить, что придет день и предстанут все Престолу Господа славы и каждый получит должное ему. Аминь.

Беседа третья

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В нынешний день в Евангелии, читаемом за литургией, Святая Церковь предлагает нам притчу о Страшном Суде. Для многих это самое соблазнительное место в Евангелии. Часто говорят: «Как может быть, что милосердный Господь будет судить людей? Возможно ли, чтобы Он, Который принимает всегда своих блудных детей, осудил их на всякие муки?»

Да, Господь милует мытаря и с любовию принимает блудного сына, и об этой любви и милости Божией к кающимся грешникам Святая Церковь говорила нам в первые два воскресенья, посвященные приготовлению к Великому посту. А нынче она дает нам празднование Страшного Суда и говорит о том, что Господь Иисус Христос не только пришел на землю, чтобы пострадать «нас ради человек, и нашего ради спасения», но что Он паки придет во славе судить живых и мертвых[179]. В своей дерзновенной молитве Церковь дает нам ныне предвидение той страшной минуты, когда «книги разгнутся»[180] и дела всех обнаружатся пред очами Судии. Если мы смущаемся и соблазняемся этими словами Господа, то это происходит потому, что мы не ценим и не понимаем законов духовной жизни и переносим на дела Божии представления, заимствованные от дел человеческих. Правда, существует аналогия между законами мира духовного и мира физического, и, пользуясь этим подобием, мы можем приблизиться и к пониманию духовной жизни. Мы знаем из повседневного опыта, что каждый человек пожинает то, что он посеял. То же и в жизни духовной. Один святой так говорит об этом: «Всякий человек от плодов своего пути вкушает одну половину здесь, а другую там»[181]. Это значит, что тот, кто идет Божиим путем, уже здесь, на земле, имеет спокойную совесть и блаженство пребывания с Богом, а тот, кто идет путем греха, тому грех приносит страдание так же, как уже в этой земной жизни.

Духовная жизнь подчинена непреложным законам, и основной закон ее есть закон человеческой свободы. Никакая духовная сила, говорит Марк Подвижник, не принуждает человека насильно к добру или злу, но он получает помощь от того, кому он работает по доброй воле[182]. Кто стучится к Богу, тому Он и помогает.

---

[179] См.: Символ веры, 7.

[180] Неделя мясопустная. Вечерня. Стихира 2-я на *Господи, воззвах.*

[181] Выражение прп. Иоанна Карпафского. Точно: «Всякий от плодов своего пути вкушает, — одну половину ныне, а другую в будущем веке» (Добротолюбие. Т. 3).

[182] Точно: «Никакая власть не принуждает нас насильственно ни к добру, ни

Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы (Мф. 11:28), — говорит Господь. И диавол насильственно не принуждает нас ко злу. Но если мы добровольно исполняем его волю, то он начинает нас поощрять в этом. Мы имеем свободную волю и сами являемся творцами своей жизни. А из этого следует, что если мы в этой земной жизни несем ответственность за свои поступки перед теми или иными людьми, то тем больше является наша ответственность пред Богом.

Если в земной жизни несмотря на препятствия, которые порой ставят на нашем пути люди и обстоятельства, мы вольны выбирать свой путь и вести свою линию, то этот закон свободы действует и в нашей жизни. Существует, однако же, глубокая разница между ответственностью пред людьми и пред Богом, между судом земным и Судом Божиим, и наши соблазны и смущения проистекают главным образом оттого, что мы переносим на Суд Божий свойства суда земного. Пойдите в земной суд, послушайте, что говорят там свидетели, прокурор, защитник. Если послушать защитника, то можно подумать, что нет человека лучше подсудимого, что он ни в чем не виновен и его напрасно обвиняют. Наоборот, по словам прокурора, подсудимый — величайший преступник, заслуживающий самой строгой кары.

Оба они говорят, подчиняясь требованиям своего положения, может быть, личных пристрастий, корысти, и один из них вольно или невольно непременно говорит неправду. Чтобы доказать свою правоту, они оба прибегают к тому, что канон сегодняшнего дня называет «витий художеством». Показания свидетелей также не беспристрастны, и они не раскрывают полной истины, ибо одни говорят одно, другие другое. Поэтому и приговор судьи, даже самого беспристрастного и справедливого, всегда заключает в себе элементы случайности и произвола. Не таков Суд Божий. Прежде всего этот Суд праведный и нелицеприятный. На нем не будет свидетелей, которые могут ошибаться или сознательно скрывать истину, единственным свидетелем будет на нем наша совесть, обнаженная перед Лицом Божиим. «Неумытный суд Твой, — говорится в каноне настоящего дня, — неутаенное Твое судище хитрословия, не витий художество крадущее, не свидетелей непщевание отражающее праведное; в Тебе бо Бозе всех сокровенная предстоят»[183]. Тогда каждый из нас предстанет пред судом «от совести своея обличаемь... тогда отрещися грехов никтоже возможет,

---

к злу, но кому мы, по нашей свободной воле, работаем — Богу или дьяволу, тот потом поощряет нас ко всему, что составляет его область». (*Марк Подвижник, прп.* Наставления о духовной жизни, 2, 27).

[183] Неделя мясопустная. Утреня. Канон. Песнь 4. Тропарь 3-й.

истине обличающей»[184]. И воздаяние на этом суде не будет делом произвола Судии, Который по особому назначению посылает одних в ад, а других в рай, *но естественным* концом и следствием того пути, по которому человек шел в своей земной жизни. Преподобный Марк Подвижник говорит, что вовсе не Господь является тем, Кто нас судит, наказывает и умерщвляет[185]. Господь в раю заповедал Адаму не вкушать от плодов древа познания добра и зла, которые не были пригодны ему в пищу, так как не предназначались для новоначальных. Давая эту заповедь, Он предупредил Адама: *В оньже аще день снеси от него, смертию умреши* (Быт. 2:17). Не сказал Господь: «Я умерщвлю тебя!», *но смертию умреши*, показывая этим, что смерть *будет естественным следствием греха*. Создавая человека, Господь положил, чтобы за каждым делом, добрым или злым, естественно, а не по особому назначению, как думают люди, не понимающие духовной жизни, следовало достойное его воздаяние[186]. Человек свободен, он идет куда хочет, и к кому он пойдет, оттого и получит помощь. И когда придет день Страшного Суда, он будет судим прежде всего своею совестью и от нее получит первое воздаяние. Поэтому ныне, когда мы совершаем память Страшного Суда, вспомним о конце нашей земной жизни, который ожидает каждого из нас и за которым последует суд и воздаяние. «Видите, братие, как братья наши похищаются из среды нашей, — говорит авва Дорофей, — и мало-помалу приближаемся к смерти»[187]. Будем стремиться к тому, чтобы как можно лучше использовать данное нам Господом время нашей жизни на земле, ибо, по словам одного старца, «если кто потеряет золото или серебро, может найти другое, а если кто потерял время, то не сможет найти другое»[188]. Давайте помнить, что наше дело заключается в том, чтобы по доброй воле прийти ко Господу. Отдадим Ему наше тяжкое греховное бремя вместе со всеми святыми, которые будут руководить нами в эти дни на нашем покаянном пути, припадем к Его Святым Страстям. Вместе с апостолами приступим к Тайной вечере и с возлюбленным учеником Господа[189] и Его Пречистой Матерью взойдем на Голгофу, с учениками и мироносицами, благообразным Иосифом и Никодимом предадим Его погребению. Тогда воистину обновится душа наша к великому дню Светлого Воскресения. Тогда поймем мы, что истинная смерть не смерть тела, но смерть души, сокрытая от человеческих взоров, и

---

[184] Там же. Икос.

[185] См.: *Марк Подвижник, прп.* Наставления о духовной жизни, 2, 29.

[186] См.: Там же.

[187] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 11.

[188] См.: Там же.

[189] Имеется в виду Иоанн (см., например, Ин. 21:20).

узнаем, что тот, кто живет в Боге, не умрет, а если и разрушится его тело, то снова воскреснет. Потому что смерть для христианина не смерть, а сон, успение. И тот, кто собирал здесь богатства Царствия Небесного, не умрет и на Суд не придет. Преподобный Серафим и преподобный Сергий не будут судимы в тот час, когда мы предстанем пред Судом Христовым.

Ныне, братие, день благоприятный, ныне день спасения (ср.: 2 Кор. 6:2). Будем же так поприще поста проходить, чтобы быть готовыми не только к воскресению нашего тела, но и к воскресению наших душ, чтобы нам дать добрый ответ в день Страшного Суда Христова.

Аминь.

Память святителя Алексия, митрополита Московского и всея России, чудотворца (1378)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Посылая на проповедь апостолов, Господь указал им, как мало делателей в винограднике Христовом: *Жатвы много, а делателей мало* (Мф. 9:37; Лк. 10:2). Если мало вообще делателей в Христовом винограднике, то бывают времена, когда особенно чувствуется оскудение в них. Но бывают и, напротив, иные времена, когда все лучшее и сильное в смысле делателей собирается в винограднике Христовом.

Вот одного из таких делателей, одного из славной семьи русских подвижников мы ныне собрались возвеличить пеньми и песньми духовными. И торжество наше в том, что мы прославляем не митрополита и учителя, хотя святитель Алексий был великим митрополитом и учителем, ибо проповедническая деятельность была в нем сильно развита и мы знаем его духовную работу по переводу Евангелия, а одного из великих делателей на русском участке виноградника Божия.

Господь говорил, что велик не тот, кто учит, а кто сначала сотворит, а потом научает: *иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5:19).

Вот для нашего времени, которое отличается полным оскудением делателей, когда все мы ушли в слова, а не в дело, особенно нужно бы помнить, что святые отцы говорят, что опасно учить человеку, не прошедшему опытные пути деятельной жизни. Они говорят, что человек, который предварительно не

построил себе прочного здания, может погубить себя и странников, приходящих к нему[190].

Вот если во времена великих подвижников находились люди, которые отличались учением не делом, а словом, то для нашего времени эти слова особенно знаменательны, ибо мы не думаем о том, что прежде всего внутри себя надо построить храм Божий: *Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3:16).

Потому-то оскудела духовная жизнь в наше время, что она основана на слове, а не на деле. Мы, имея ветхий дом, как будто и можем принимать странников, но на самом деле нет у нас прочного здания и мы погубим себя и других вместе с собою, тех, которые приходят к нам, не имея опоры в нашей внутренней духовной жизни, [они] получат только вред.

А было время, когда были иные делатели в винограднике Христовом. Святитель Алексий был одним из великих и величайших. Святитель Алексий велик тем, что во времена преподобного Сергия и его учеников возглавлял Русскую Церковь.

Вот как говорит один из подвижников о том значении, какое имеет опытный делатель для нового делателя, который приходит к нему. «Если делатель придет на место, где нет делателя, то не сможет успеть там и должен стараться не растратить то, что имеет. Если же ленивый придет на место, где есть делатели, то, если будет бодрым, может успеть, если же нет, то по крайней мере не сойдет вниз»[191]. Стало быть, если даже тот, кто в малой мере имеет духовную жизнь, старается строить в себе храм Божий, храм добродетелей, будет жить там, где нет делателей, то он должен стараться, как бы не сойти вниз, и, наоборот, ленивый среди делателей имеет возможность преуспеть. Вот каково определение одного из подвижников египетской пустыни, и оно должно быть важно и для нас, для делателей или, по крайне мере, желающих быть такими.

Святитель Алексий в ранней молодости — девятнадцати лет — принял постриг от Стефана, брата преподобного Сергия, который положил вместе с преподобным Сергием начало своего иноческого подвига, но потом ушел в Богоявленский московский монастырь. Преподобный Стефан связал святителя Алексия в самом постриге с преподобным Сергием и его школой — он явился для святителя Алексия тем делателем, о котором говорят святые отцы.

Святитель Алексий шел 25 лет, не помышляя о том, что он будет святителем, он шел для того, чтобы в самом себе строить дом добродетелей.

---

[190] Слова прп. Синклитикии. См.: Древний патерик. 10, 100.

[191] См.: Там же. 10, 114.

Он в своей жизни показал, как надо жить нам, молодым, которые желают идти и, может быть, помаленечку идут по пути, ведущему в Царствие Небесное. Святитель Алексий показал, что можно спастись, и не уходя в пустыню, и не налагая на себя великих подвигов. Он жил в Богоявленском монастыре, но так как он знал через Стефана свою меру, он не делал тех ошибок, которые мы делаем. Он здесь, в столице, хотя и менее шумной, чем теперешняя Москва, но все же шумной в сравнении с обителью преподобного Сергия, среди мирских соблазнов, соделывал свое спасение.

Обычно говорят, что мы будем спасаться на старости лет, тогда мы помолимся, попостимся, тогда и будем созидать храм душевный, а пока мы молоды, сильны, будем жить иной жизнью. Святые отцы говорят наоборот: когда ты молод и силен, тогда-то ты и думай о своей душе, а когда придет старость и немощи, то и окажешься без сокровища[192].

Так святитель Алексий собирал в молодости это сокровище духовное для того, чтобы в старости не оказаться без всего. И мы знаем, каким он явился, когда потребовала от него вся Русская земля делания, когда слава о нем разнеслась по всей тогдашней Руси и дошла до Орды и хан вызвал его лечить свою жену Тайдулу.

В нем было сокровище, запасенное в молодости, которое он и явил русскому народу.

Святитель Алексий является примером для всех нас, как с ранних лет нужно посвятить себя Богу и как можно устроить свою душу, живя в мире, ибо у каждого из нас своя мера и монастырь с его уединением не обязателен для всех.

Второй великий соблазн, в который впадают особенно начинающие, это желание все делать чрезмерно, все делать в мере подвигов высочайших. А вот святые отцы и, в частности прославляемый ныне святитель Алексий, своею жизнью и своими писаниями могут предостеречь нас от этого соблазна. Велик не тот, кто совершает великие подвиги, а тот, кто совершает их в своей мере, а стремление к усиленному подвижничеству происходит от врага и легко может погубить и ранее приобретенное.

Вот святитель Алексий не ушел, как не ушел и преподобный Стефан вместе с преподобным Сергием в пустынный лес. Преподобный Стефан не остался в обители Сергия, не выдержал, потому что это не была его мера, и ушел в Богоявленский монастырь.

И мера святителя Алексия не была мерой преподобного Сергия, но так как он шел по своей мере, под руководством Стефана

---

[192] У прп. Синклитикии есть такие слова: «Пока ты молод и силен — постись, ибо придет старость, а с нею и немощь. Пока ты в силах, собирай сокровище, чтобы после не оказаться бессильным» (Древний патерик. 10, 101).

и через него знал волю Божию. Через рассудительность своего духовного отца, ибо рассудительность есть знание воли Божией во всякое время, на всяком месте и во всякой вещи[193], он достиг своим путем того же, чего другие достигают иным.

Празднуя ныне память святителя Алексия, научимся у него деланию в своей мере.

Если у нас оскудели делатели на земле, то давайте помнить, что сохранилась у нас возможность общения с другими делателями, которых уже нет на земле, но которые вместе с нами составляют одну Церковь и предстоят Престолу Вседержителя.

Святитель Алексий зовет нас к тому, чтобы мы перешли от слов к делу, взялись бы за устроение наших душ, дома Божия, он зовет нас к тому, чтобы мы помнили, что нам надо иметь связь с русскими угодниками, которые явились делателями на нашей земле. И тогда мы будем помнить, что не в 50 лет, а пока мы сильны и молоды, мы можем и должны строить в себе храм добродетелей. Мы должны это делать в меру своих сил, в меру своих дарований.

Молитесь святителю Алексию, чтобы он нам не только помог своими молитвами, но своею жизнью указал нам на истинное делание; вглядываясь в его жизнь, будем строить свой дом добродетелей.

Помолимся ныне ему и, Бог даст, мало-помалу из говорящих о Христе сделаемся в нашей мере делателями виноградника Христова, каковым делателем был на русской земле святитель Алексий, митрополит Московский.

Аминь.

Неделя сыропустная. Воспоминание Адамова изгнания. Прощеное воскресенье

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В нынешний день Святая Церковь дает нам в своем богослужении образ падшего и кающегося Адама; библейский рассказ о грехопадении первого человека принадлежит к числу мест Священного Писания (см.: Быт. 3:1–19), более всего смущающих людей неверующих. Нам часто приходится слышать от них: для чего Бог создал человека свободным, ведь Он же знал, что человек согрешит? Поразительно, что это говорят те, кто считают человека самостоятельным и способным своими силами, без Бога, построить новый

[193] См.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица. 26, 2.

мир; те, кто считают человека свободным, упрекают Бога в том, что Он не создал нас марионетками, которые не в силах сами определить путь на земле.

Совершенно иначе говорят об этом святые отцы. Бог, говорят они, дал человеку «самодержавие», т. е. возможность жить на земле самостоятельной жизнью. Он создал нас для творчества, а не для того, чтобы мы были марионетками в Его руках. Человек может жить в Боге и исполнять Его волю, а может не делать этого. Человек мог впасть в грех, но мог и не совершить его.

В жизни духовной нет принуждения, оно существует только в жизни мирской, где нас могут заставить сделать что-либо вопреки нашей воле и даже лишить жизни за неисполнение того, что нам навязано.

Закон духовной жизни иной: здесь каждый поступок вытекает из нашего свободного произволения.

Преподобный Марк Подвижник говорит, что никакая духовная сила не может принудить человека сделать что-либо насильно. Человек *сознательно* избирает себе путь Божий или путь диавола. Только если мы принимаем на себя добровольно диавольскую работу, он начинает нам помогать. Против же нашей воли диавол не может заставить нас работать на него[194].

Обычно говорят, что Бог наказывает нас за непослушание Его воле; но в действительности это не так. Сотворив человека, Господь поставил его в определенные условия и подчинил нашу природу определенным законам. Заботясь о нашем благе, Он предупреждает нас о тех последствиях, к которым неизбежно приведет человека нарушение этих законов. Давая человеку, жившему в раю, заповедь не вкушать плодов от древа познания, Господь не сказал ему: «В оньже аще день снеси от него, Аз умрщвлю вас». Так, несомненно, пригрозил бы человек, но Господь сказал: *В оньже аще день снесте от него, смертию умрете* (Быт. 2:17). Что значит: «Если ты пойдешь по пути нарушения закона, ты сам себя накажешь».

Это подобно предупреждению, которое мать делает своему ребенку, когда он тянется к огню. Если он коснется огня, то не она обожжет его в наказание за непослушание, но он сам обожжется, ибо таков закон жизни. Так и Господь предостерегал Адама от нарушения закона. Нельзя касаться того, до чего ты еще не дорос духовно. Древо познания добра и зла было пищей совершенных, вкушение которой требовало от человека приготовления и подвига. А Адам захотел без подготовки, без труда и подвига вкушать от плодов этого дерева, чтобы сразу уподобиться Богу, ведущему доброе и лукавое.

---

[194] См. прим. 182 на с. 91.

И возмездие за нарушение этого закона последовало *естественно*, как ожог следует за прикосновением к огню.

Нарушив заповедь, Адам оплакивает свой грех так же, как плачет ребенок, ожегший руку об огонь. Поэтому напрасно говорят, что Господь будет судить нас и накажет нас за грехи. Это неверно, ибо каждый получит естественное воздаяние за нарушение Божественного закона, которому Господь подчинил человеческую природу.

Господь по своей милости открывает перед согрешившим человеком путь покаяния. И в сегодняшней службе мы слышим плач согрешившего и кающегося Адама, который со слезами взывает к Богу: «Господи, помилуй мя падшаго». Но как возможно исцеление поврежденного грехом человеческого естества? Высшее из творений Божиих, запечатленное печатью Божественного образа, по собственному произволению пало и тем самым нарушило в себе действие закона божественной жизни. Если вещь ломается и ее чинят, это уже не будет новая вещь; подобно этому и первые люди покаянием не могли возвратить себе первозданную красоту. Они уже не могли стать новыми, такими, какими они вышли из рук Творца в день творения, и не потому, что Бог захотел их наказать, но потому, что сами они своим грехопадением нарушили созданный Богом чин естества. Для того чтобы восстановить его, нужно было создать *нового человека*.

Бог Отец по безмерной любви к Своему творению послал на землю Единородного Сына Своего, Который Своим рождением принес людям жизнь и воскресение.

Вместо ветхого, испорченного Адама, который сам повредил свое естество, Он *создает* новое творение — *нового Адама*. Во Христе и мы — новая тварь (см.: 2 Кор. 5:17). И поэтому Господь принес все новое этому новому творению. Он дает новую заповедь: *Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6:36). Заповедями блаженства Он открыл нам путь к блаженной жизни; и ими Он как бы говорит нам: идите, не достигните ли и вы блаженства? И мы знаем, что Божия Матерь, Иоанн Креститель шли этим путем и достигли на нем высочайшей ступени — степени обожения.

Но и теперь, в Новом Завете, Бог не покушается на свободную волю человека и не навязывает ему Своей воли. Господь только обращается к нам с призывом: *Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16:24; см. также: Лк. 9:23; Мк. 8:34).

И здесь, в Новом Завете, сохраняет свою силу закон свободы и самостоятельности твари. *Иже веру имет и крестится, спасен будет*, — сказал Господь (Мк. 16:16). Не Бог его спасет, но сам он, если

пойдет по этому пути, войдет в новые условия духовной жизни и спасется.

Так же как и в Ветхом Завете, Бог не предъявляет человеку условий, не заключает с ним юридическую сделку: «Сделай то-то и то-то, и Я спасу тебя». Нет! Спасение и погибель человека — это не суд по особому назначению, а естественное воздаяние.

И ныне, когда совершается память изгнания из рая первого человека, мы должны помнить, что Господь не является ни мстителем, ни судией, но милостивым Творцом, пришедшим на землю, чтобы создать новое творение. И здесь, в условиях этого нового как бы творения, так же как первый человек в раю, мы не являемся безвольными куклами. Господь не берет в руки бич и не гонит нас силою в рай или ад, как это часто делают люди.

Начинаются дни святой Четыредесятницы. И в эти великие дни мы должны помнить о нашей свободе; если ты хочешь, то пойдешь в эти дни путем покаяния, который приведет тебя к новой жизни. Ведь ты крещен, и, следовательно, ты — *новая тварь во Христе Иисусе* (ср.: Гал. 6:15). Если ты и пал, то можешь встать, потому что перед тобой открыты двери покаяния. Христос обновил нас Своею Кровию, и потому я «Божественнаго Тела и Крове, брение, причащаюся, и нетленен сотворяюся»[195].

Поэтому, если с первым Адамом мы сознаем свое согрешение, то вместе с ним будем и оплакивать его, вместе с ним будем очищаться от греха. Будем помнить, что только от нас зависит, станем мы одесную или ошуюю Господа в день Страшного Суда Христова. Ведь прежде чем предстанем пред страшным Престолом Его, мы будем обличены от своей совести; и если мы вопросим, она ответит нам и скажет нам, идем ли мы вслед за Господом Иисусом Христом, Который в кротости пришел к нам и в смирении отдал Себя на поругание за нас. Не для того, чтобы силою принудить нас к повиновению, пришел к нам Господь, но чтобы с любовию призвать всех нас к себе. *Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16:24; см. также: Лк. 9:23; Мк. 8:34).

Аминь.

Седмица первая Великого поста. Понедельник

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

По милости Божией мы, пройдя подготовительные седмицы, входим во святый и Великий пост. И входим в него, вспоминая самое

[195] Последование ко Святому Причащению. Канон. Песнь 8. Слава.

начало жизни человека на земле: его создание, грехопадение, изгнание из рая. Святая Церковь ныне заставляет нас не только вспоминать о том, что было когда-то с первым человеком, но познать самих себя.

Авва Пимен, изъясняя свое учение об основах духовной жизни, сказал, что тот только начал духовное делание, «кто познал самого себя»[196]. А Исаак Сирин, говоря о человеке, познавшем себя, ставит его выше человека, сподобившегося видеть ангела[197].

Познание самого себя есть дело всей христианской жизни, но начало этого познания, познание того, кто я, откуда я на земле, куда я пойду из здешней жизни, необходимо и для новоначальных.

И по милости Божией каждый из нас в какой-то момент своей жизни познал эту истину. Святая Церковь указывает нам и в этот день изгнания Адама из рая на наше происхождение.

«Создатель мой Господь, персть от земли прием мя, живоносным дуновением вдушив оживи, и почте на земли начальствующа видимыми всеми, и ангелом купножителя»[198].

Вот Григорий Богослов, говоря о создании человека, указывает на то, что он по созданию есть венец всего творения, что Господь, прежде всего создав мир невидимый, а потом видимый, захотел затем соединить эти два мира в одном малом мире, и это новое создание — человека иметь Своим сотаинником, чтобы через этого нового ангела во плоти соединить мир видимый и невидимый, как бы мы теперь сказали — мир духовный и вещественный. Для того человек и создан, говорит Григорий Богослов, чтобы свою вещественную природу поднять до души. Задача человека заключается в том, чтобы свое тело из служебного сделать сослужащим Богу, чтобы видимую природу поднять на высоту невидимой[199].

Мы знаем, что Господь, живым дуновением создав человека, дал ему свободную волю, так что он мог идти по заповедям, а мог идти и против них, и для этого, говорит великий учитель Григорий Богослов, Бог дал заповедь, чтобы Адам не вкушал от древа познания добра и зла[200].

Эта пища была мерою совершенных, и потому первый человек не должен был ее вкушать. Это была заповедь, укрепляющая его свободу — он мог соблюсти и мог ее нарушить, и мы знаем, что он ее нарушил.

---

[196] Древний патерик, 3, 22.

[197] Точно: «Кто сподобился увидеть самого себя, тот выше сподобившегося видеть ангелов» (Слова подвижнические, 41).

[198] Неделя сыропустная. Вечерня. Стихира 1-я на «Господи, воззвах».

[199] См. прим. 61 на с. 50.

[200] См. также: *Григорий Богослов, свт.* Слова, 44.

«Одежды боготканныя совлекохся, окаянный, Твое Божественное повеление преслушав, Господи, советом врага, и смоковным листвием, и кожными ризами ныне облекохся»[201].

Вот это совлечение одежды, это обнажение и познание этого обнажения и есть состояние человека во грехе.

Канон нынешнего дня будет говорить о том, что мы должны оплакивать свои греховные дела:

«Гряди, душе моя страстная, плачи твоя деяния днесь, поминающи первое обнажение во Едеме, имже изгнана еси от сладости, и непрестанныя радости»[202].

Вот это обнажение — это то, что мы будем слышать всю неделю:

«Раздрах ныне одежду мою первую, юже ми изтка Зиждитель из начала, и оттуду лежу наг»[203], — будет нам говорить канон Андрея Критского.

Вот это совлечение первой боготканной одежды, той, которую по возвращении дает блудному сыну отец, «одежду первую», ту, которую мы, после того как был на земле Христос, получаем в Таинстве крещения, когда во Христа крестимся, вот эту одежду мы потеряли, как первый человек, и должны теперь познать свою духовную наготу, познать, что мы снова раздрали ныне эту одежду и «оттуду лежу наг».

Во что же облекся человек? А облекся он в другую одежду, одежду, которая дается через грех: «Облекохся в раздранную ризу, юже изтка ми змий советом, и стыждуся»[204]. Вот эту одежду, которую мы получили как одежду тления, которую носим и должны совлечь, — это то, что мы должны осознать сегодня для того, чтобы облечься в чистые ризы.

И мы знаем, что есть такой путь, через который можно получить чистую одежду: «Просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя»[205], — поем мы, когда видим чертог Христов украшенный и не имеем одежды, чтобы войти в него.

И первый человек был призван Господом на этот путь. Когда Господь призвал Адама к покаянию, то тот, вместо того чтобы покаяться, обвинил Самого Творца: «Жена, которую ты мне дал, она меня и соблазнила» (ср.: Быт. 3:12).

Он обвинил Бога вместо себя. Вот это непоставление своих грехов во главу своей жизни и погубило первого человека, и это может погубить и нас, которые через Христа снова облеклись в одежду

---

[201] Неделя сыропустная. Вечерня. Стихира 2-я на *Господи, воззвах.*

[202] Неделя сыропустная. Утреня. Канон. Песнь 1. Тропарь 1-й.

[203] См. прим. 54 на с. 47.

[204] См. прим. 160 на с. 79.

[205] Утреня Святого и Великого Вторника. Ексапостиларий.

первую. И Святая Церковь говорит нам, что мы, познав свою наготу, должны плакать о своих грехах: «Гряди, душе моя страстная, плачи твоя деяния днесь, поминающи первое обнажение во Едеме, имже изгнана еси от сладости, и непрестанныя радости»[206].

«Студными одеян одеждами, увы мне, вместо одеяния светозарнаго, плачу моея погибели, Спасе, и верою вопию Ти, Благий: не презри, Боже, но воззови мя»[207].

«Рыдаю, стеню и плачу, херувимы с пламенным оружием зря, Едема вход стрещи повеленныя, всем преступником, увы, неприступный, аще не Ты неневозбранен, Спасе, той сотвориши ми»[208].

Вот это состояние плача, которое ныне предлагается нам иметь, на этот плач будет наставлять нас Святая Церковь в течение всей первой седмицы.

«Откуду начну плакати окаяннаго моего жития деяний? кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию? но, яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление»[209] — так начинается Великий канон.

Каким образом мы можем плакать, если у нас нет слез?

Нам, входя в эту неделю Великого поста, надо познать свое состояние и то состояние, в котором нам надо быть.

Святые отцы говорят, что не слезы рождают плач, а наоборот: «Не плач происходит от слез, а слезы от плача», — говорит преподобный Иоанн[210].

Плач бывает от разных причин, но плач бывает и от покаяния, ибо преподобный Варсануфий говорит: «Плач омывает всякого от грехов»[211].

И плач, по Иоанну Лествичнику, есть «укоренившаяся скорбь кающейся души»[212].

Вот если мы познаем, что душа наша тлеет, острупилась, как говорит Андрей Критский[213], что мы во власти душетленного Велиара и что душа наша больна тлением, тогда у нас прежде всего явится желание избавиться от этого тления, и мы будем просить, чтобы Господь простил нам грехи, исцелил наши язвы и струпья.

---

[206] См. прим. 202 на с. 102.

[207] Неделя сыропустная. Утреня. Канон. Песнь 7. Тропарь 2-й.

[208] Там же. Песнь 9. Тропарь 3-й.

[209] Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 1. Тропарь 1-й.

[210] *Варсонофий Великий, прп.; Иоанн Пророк, прп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников. Ответ Иоанна на вопрос 282.

[211] Там же. Ответ Варсонофия на вопрос 254.

[212] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 7, 60.

[213] См.: Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В среду первой седмицы Великого поста. Песнь 4. Тропарь 1-й.

И если в этот момент у нас нет плача и слез, так давайте во дни Великого поста учиться у тех, что умел каяться, умел плакать о своих грехах.

Как же нам стяжать плач?

Святые отцы говорят, что ленивым трудно достичь плача, ибо, по словам преподобного Варсануфия, «человек достигает плача трудом, посредством многого поучения в Писании, терпения, размышления о Страшном Суде и стыде вечном через самоотвержение, как Господь сказал: *аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16:24). Отвергнуться же себя и взять крест свой значит отсекать свою волю во всем и почитать себя за ничто»[214].

Вот что советуют святые отцы — прежде всего труд и поучение в Священном Писании.

В течение всего года здесь, в храме, за богослужением, мы поучаемся в Священном Писании, но в дни Великого поста, когда мы непрестанно вопием Господу «Боже, помилуй мя падшаго», нам предлагается канон Андрея Критского, который весь состоит из образов, взятых из Священного Писания. Все, что было яркого в Ветхом Завете во грехе, покаянии и молитве, все это собрано Андреем Критским.

От Авеля, Каина, Иосифа, через Моисея, пророков и царя Давида, через тех, кто умел каяться и молиться, ведет нас Церковь. «Совокупи убо Давид иногда беззаконию беззаконие, но покаяние сугубое показа абие»[215].

Все, что было раскрыто нам в Евангелии, все приводится в Великом каноне в покаянной молитвенной форме. «Новаго привожду ти Писания указания, вводящая тя, душе, ко умилению; праведным убо поревнуй, грешных же отвращайся, и умилостиви Христа молитвами же, и пощеньми, и чистотою, и говением»[216].

Вот то, что говорят святые отцы. Этот плач дается через поучение в Священном Писании, и Святая Церковь дает нам это поучение в исключительной форме, в каноне Андрея Критского.

Нам еще необходимо поучение в терпении и размышлении о Страшном Суде, и Святая Церковь через поучения Ефрема Сирина[217] в течение этой седмицы раскрывает нам этот суд нашей совести.

---

[214] *Варсонофий Великий, прп.; Иоанн Пророк, прп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников. Ответ Варсонофия на вопрос 254.

[215] Ср.: Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 7. Тропарь 5-й.

[216] Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 9. Тропарь 4-й.

[217] См., например, его «Слово о Суде и воскресении».

И наконец, остается нам еще самоотвержение. Вот Адам не отказался от себя, он себя поставил на первое место и обвинил Творца: «Жена, которую Ты дал мне, меня соблазнила».

А нам надо помнить другие слова: *если кто хочет по Мне ити, да отвержется себе*... Мы должны отказаться от своего «я», мы должны, по святым отцам, почитать себя за ничто пред Богом[218], чтобы Господь очистил нас от наших болезней и язв. У нас же нет всего этого, и потому Церковь зовет нас плакать и рыдать.

И это все не простые слова, не слова и то, что без слез можно иметь плач, ибо если мы имеем в душе укоренившуюся скорбь, то мы, по словам Иоанна Лествичника, уже имеем плач[219].

«Мы не будем обвинены, — говорит он, заканчивая свою главу о плаче, — о братие, не будем обвинены при исходе души нашей за то, что не творили чудес, ни за то, что не богословствовали, ни за то, что не были зрителями Тайн Божиих; но без сомнения дадим Богу ответ за то, что мы не плакали непрестанно о грехах своих»[220].

Так говорит великий отец. Что же можно сказать не про подвижников, а про нас, которые даже в эти дни не имеем плача, в дни, когда все лучшее и назидательное с такою любовию собрано святыми отцами и дается нам изо дня в день в эти подготовительные седмицы.

Какой ответ дадим мы, если все богатство, собранное в каноне Андрея Критского, в стихирах, которые мы будем петь, в покаянных псалмах грешного, но и праведного царя Давида пройдет мимо нас?

Какой ответ дадим мы, если и этот год пропадет даром, если мы не познаем себя, не осознаем свои грехи, не постараемся просить у Бога покаяния и слез, ибо это зависит и от нас, и от Бога?

Неужели мы не придем в храм и не будем вместе с Андреем Критским и со всеми праведниками просить о помиловании, просить о покаянном плаче?

Давайте же молиться тем великим подвижникам, которых мы вспоминали в субботу, чтобы нам получить радость плача о своих грехах, болезнях и недугах, давайте вместе с Адамом взывать ежедневно в течение этой недели: «Боже, помилуй мя падшаго».

Аминь.

---

[218] См. прим. 214 на с. 104.

[219] См. прим. 212 на с. 103.

[220] Ср.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 7, 70.

Седмица первая Великого поста. Пятница (Слово к исповедникам)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Я думаю, что наша главная беда в том, что мы считаем, что исповедь есть наша обязанность раз в год. А затем — поговели, стало легко, и божественную легкость мы преступно перевертываем в простую легкость, в обычное человеческое переживание: стало легко, вот и всё, вот и хорошо.

Неужели покаяние только для того, чтобы почувствовать себя легко?

Мы должны понять, что исповедь есть то средство, которое дается Богом для нашего духовного устроения, устроения всей жизни. Иначе покаяние тщетно. Покаяние — великое Таинство, а мы превращаем его в то, что является для нас радостным переживанием, и ничего больше.

Святые отцы говорят нам о том, что настоящее покаяние начинается с той минуты, как ты исповедался. Священник молится над кающимся, чтобы Господь дал ему образ покаяния: «Умилостивися о рабе Твоем <...> и подаждь ему образ покаяния»[221]. Как же так? Ведь он покаялся, исповедался, зачем же просить, чтобы Господь дал ему образ покаяния?

С этого момента, с момента исповедания и отпущения грехов, а затем и соединения Святым Телу и Крови, и начинается покаяние в жизни, истинное покаяние.

Состояние нас, христиан, есть состояние кающихся. Если мы хотим Царства Божия, то и должны быть кающимися, кающимися всю жизнь, изо дня в день, должны каждый день проверять свою совесть, а не раз в году.

Недаром говорят святые отцы, что тогда только начинается покаяние, когда мы покаялись и приняли Святые Тайны, ибо тогда-то и легко следить за собой, испытывать свою совесть. Эта легкость, которую мы чувствуем, и есть освобождение от греха, от целых зарослей его в нас. Когда мы с помощью Божией сбросили все это с души, когда благодать Божия коснулась нас, тогда-то и можно посмотреть, заглянуть в душу, ибо тогда на этой чистоте души заметна всякая мелочь греха. А обычно, пока человек не покаялся, он теряется в хаосе грехов. Как их различить? У каждого из нас есть свой грех — «близкий и дорогой» нам греховно. От него-то и надо прежде всего избавиться. А когда болезнь, которая

---

[221] Последование исповедания. Молитва над главою исповедуемого.

губила организм человека, сломлена, тогда становится возможным почувствовать и другие грехи, за которыми не удавалось следить раньше.

Святые отцы говорят, что путь христианина — это путь очищения, это путь стяжания в себе страха Божия, общения с Богом. Прежде всего я чувствую в себе страх, если я грешен, и по мере того как очищаюсь от греха, по мере того как приближаюсь к Богу и приобщаюсь к Нему, страх уменьшается, пропадает, и наконец *совершенная любовь изгоняет страх* (1 Ин. 4:18).

Нам надо идти путем очищения, путем покаяния, соединения с Богом. От соприкосновения с Богом становится легко. А дальше? Человеку легко, он доволен и говорит себе: «Вот и всё».

Нет, братья и сестры, ничего еще не сделано. Всё дал Бог, Сын Божий, Который искупил нас. Спасение столько же принадлежит Богу, сколько и человеку, путь спасения есть процесс богочеловеческий. Я иду к Богу, как могу, а Бог меня, не умеющего ходить, поддерживает и ведет.

Каким образом мы можем идти к Богу, жить с Ним, если мы этого хотим?

Святые отцы говорят, что «молитва <...> есть пребывание и соединение человека с Богом»[222]. И вот это — самое слабое наше место.

Многих пришлось сегодня исповедовать. Спрашиваешь: «А вы молитесь?» Отвечают серьезно: «Что вы. Да у меня времени нет, я занят. Утром мне некогда, спешу на работу, а как я могу молиться вечером, когда я ослаб от трудов, падаю от усталости и сна». Серьезно все это говорится.

Зачем же вы пришли на исповедь, зачем вы пришли в Церковь, в храм, если не хотите воспринять то, что дает Церковь, если благодать Таинства, полученную вами как величайшую милость Божию делаете только приятным человеческим переживанием?

Многих, которые приходили ко мне сегодня, спрашиваешь: «Сколько вы спите?» — «Часов семь–восемь». — «А сколько вы работаете?» — «Семнадцать–восемнадцать часов». А для Бога что же? Неужели для Бога, для молитвы вы не можете уделить несколько времени? Если всё это так, то и христианство для этих людей лишь поверхностное, между прочим.

Святые отцы говорят, что надо жить в Боге, постоянно находиться с Ним в беседе и пребывать с ним. И прежде всего — утром и вечером молиться. Как ты начнешь день, так и весь он пройдет. Утром молиться может каждый из нас, ибо у нас есть много часов для всех наших дел, и десять минут можно уделить

---

[222] *Иоанн Лествичник. прп.* Лествица, 28, 1.

Богу. «А вечером мы устали...» Конечно, трудно стать на молитву, когда мы устали, еще не наша мера молиться, когда глаза слипаются от сна. Молитесь раньше, молитесь за час, за полтора до сна, а потом сделайте ваши необходимые дела. А перед сном оставьте одну краткую молитву «Да воскреснет Бог» (также Пс. 67:2) или «Боже, ослаби, остави»[223].

Надо нам понять, что всякое дело наше должно быть освящено Богом, в работе должны мы призывать Бога. Молитесь кратко, кто как может: «Господи, помилуй», «Боже, очисти мя грешнаго». Помните, что от этого зависит и наша утренняя, и наша вечерняя молитва. Если мы искренно пожелаем жить в Боге, Господь поможет нам.

Но говорят еще и другое: «Как же я буду молиться без настроения, без желания? Как же я буду молиться, если я каменный?» — и этим оправдываются и даже упрекают нас, говоря: «Вы учите фарисейству».

Если мы будем честны сами с собой, то увидим, что всякое дело мы делаем то с радостью и охотой, то с утруждением и понуждением. Так со службой, так и со всяким делом. И, понудив себя, мы входим в работу, становимся хорошими работниками, хотя перед тем нас и уныние, и лень одолевали. То же и в отношении к Богу, к молитве. Мы, грешные, не можем постоянно находиться в горении, в пламенном желании быть с Богом. Не смущайтесь этим. Вспомните вдовицу, которая дала две лепты (см.: Мк. 12:41–44). Это так мало, что мы по-мирскому швырнули бы эти две лепты: «К чему они?» Другие давали много, а Христос сказал, что малый дар вдовы был больше всех, ибо она дала всё, что имела. Поэтому не смущайтесь тем, что вам не хочется молиться, что у вас нет покаяния. Человек не желает отдать малейшее Богу. «Покаяния несть во мне», но «даждь ми, Господи, ум, да плачуся дел моих горько»[224]. «Ни слез, ниже покаяния имам, ниже умиления», — говорит творец Великого канона, но я иду и прошу у Бога: «Сам ми сия, Спасе, яко Бог, даруй»[225], «яко благоутробен, даждь ми слезы умиления»[226]. Наше обличение в этом каноне. Мы, если хотим этого умиления, должны сказать Господу: «Вот мои две лепты, помоги мне».

---

[223] По-видимому, подразумевается молитва «Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наша...» Из вседневного последования «Молитвы на сон грядущим». «Боже, ослаби, остави...» — молитва 8-я, св. Иоанна Златоуста, ко Святому Причащению.

[224] Канон покаянный ко Господу Иисусу Христу. Песнь 1. Тропарь 2-й.

[225] Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В среду первой седмицы Великого поста. Песнь 2. Тропарь 2-й.

[226] Великий покаянный канон св. Андрея Критского. В четверг первой седмицы Великого поста. Песнь 1. Тропарь 1-й.

Если бы кто-нибудь жил далеко и отец или мать приехали к нему и застали его на грязной работе, неужели этот человек, увидев дорогих людей, побежал бы мыться и приводить себя в порядок? Он бросится навстречу в таком виде, как он есть. Этого-то хочет от нас Господь.

Об этом я хотел говорить с вами сегодня, когда есть много людей, которые пришли на исповедь единственный раз в году. Дай Бог им понять, что мы должны восходить к Богу в каждую минуту жизни. Я умоляю всех моих духовных детей этого дня, после того как они получат прощение, благодать и нетление в Таинствах покаяния и приобщения Святых Таин, чтобы они начали свою духовную жизнь именно с этого поста, если они ее вовсе еще не начинали, а те, кто уже пытался начать покаяние и опять падал, начните его снова, вспомнив слова святителя Иоанна Златоуста: «Аще и ничтоже благо сотворих пред Тобою, но даждь ми по благодати Твоей положити начало благое»[227].

То, что ты врач, служащий, рабочий, хозяйка, — это всё второстепенно, между прочим. Все мы, христиане, призваны жить в Боге, освящать свою жизнь Христом. Помните, что покаяние есть дело всей жизни, что надо каждый день испытывать свою совесть и исправляться. Мы должны идти к Богу такими, как есть, а не дожидаться того момента, когда мы снизойдем до Него и что-то сможем Ему дать.

Желаю вам всем, чтобы завтра, когда вы не только примиритесь с Господом через Таинство покаяния, но и соединитесь с Ним в приобщении Святых Таин, вступить на новый путь, чтобы вы начали молитву, научились покаянию и осознанию своих грехов не только на исповеди, но в каждый момент этой нашей временной жизни.

Аминь.

Неделя первая Великого поста. Торжество Православия

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь в первое воскресенье Великого поста дает соединиться нам, всем тем, которые прошли первую седмицу в покаянии, в познании своего сродства с первым человеком Адамом, в сознании того, что в каждом из нас образ неизреченной Божией

[227] Молитвы на сон грядущим. Молитва 7-я, св. Иоанна Златоуста.

славы, хотя и покрытый язвами согрешений, и в постоянном вопле ко Господу «Помилуй мя, Боже, помилуй мя», она дает нам, верующим, подойти ныне к великой радости, ибо ныне день Торжества Православия.

Недаром не случайно эта седмица начинается с такого дня.

Если бы мы, верующие, все время находились в состоянии первого Адама, плачущего, кающегося и взывающего: «Господи, помилуй мя падшаго», — вместе с ним находились бы в состоянии почти отчаяния, а затем лишь отдаленной надежды, что когда-то «семя Жены сотрет главу змия» (ср.: Быт. 3:15), тогда бы мы находились еще в Ветхом Завете, а мы уже в Новом.

Святая Церковь устраивает Торжество Православия на второй седмице, чтобы напомнить нам, что мы имеем это обетование уже исполненным, что мы уже в Новом Завете, что мы, хотя и покрыты язвами согрешений, как первый человек, но Спаситель был на земле, и не только был, но и оставил нам Тело Свое — Церковь, и мы, прославляя Его, торжествуя Его пришествие, исповедуем Его православно.

Но почему же это приурочено к торжеству иконопочитания и все стихиры, которые мы пели вчера, говорят о почитании икон?

Почему на этой неделе, когда потребовалось дать нам радость, Святая Церковь дает нам ее через икону, через торжество иконопочитания?

Почему мы прославляем пречистый образ Спасителя?

Борьба за икону есть борьба за реальность Христа, за действительность Его, за то, что Он воистину пришел на землю и жил на ней не только как Бог, но и как человек. «Не мечтаниями пожил», как говорят святые отцы, а действительно был во плоти. И поэтому борьба за иконопочитание продолжалась в течение целого столетия и раздирала Церковь на непримиримых врагов, на тех, кто защищал иконопочитание, и тех, кто восставал против него.

А ныне разве это кончилось?

Что такое нападки на иконы?

Это нападки на существование Христа. Это вопрос существенный для христианства. Если мы обратимся к святым отцам, которые боролись за иконы, то почувствуем родство с их веком.

Когда Феодор Студит писал против иконоборцев, он указывал на то, что если бы Бог не был на земле как Человек, то Его нельзя было бы описывать, т. е. живописать, а ныне нет оснований, почему бы Его не описывать: «Итак, пусть [иконоборец], выступив, научит, какое у него есть физическое основание и какая причина такой неизобразимости. Разве Христос не принял нашего образа? Разве тело Его не было составлено из костей? Разве зеницы

очей Его не были ограждены веждами и бровями? Разве уши Его не были устроены с извилистыми проходами? Разве ноздри Его не были приспособлены к обонянию? Разве Он не был одарен цветущими ланитами? Разве устами и языком, губами и зубами Он не произносил слов, не ел и не пил? Разве Он не был снабжен составами плеч, локтей и рук? Разве Он не имел от природы груди и хребта с голенями и ногами? Разве Он не оказывал движения при хождении вверх, вниз, внутрь, вне, направо, налево, кругом? Разве Он не имел волос на голове и не облекал тела хитоном? Если же Он несомненно обнаруживал это, чего изображение в телесном виде служит неложным образом Его, то дерзость — утверждать, будто Христос неизобразим»[228].

«Если же Христос человек, — заключает Феодор, — то очевидно, что может изображаться на иконе, ибо первое свойство человека быть изображенным; если же Он не изображается, то Он не человек, а бесплотный, и даже еще не пришел Христос, как пустословят иудеи»[229].

Так заканчивает святой отец, и вот для нас и ныне борьба за икону это есть борьба за Христа, за Спасителя, за Того, Кто не только был предвозвещен первому человеку, что настанет время и «семя Жены сотрет главу змию», но и пришел, и, будучи Богом, был и совершенным человеком, и как человек из Неописуемого делается Описуемым, из Невместимого Вместимым, из Великого делается вместе с тем Малым.

И Святая Церковь не нашла ничего лучшего, как дать нам как Торжество Православия восстановление иконопочитания, восстановление подлинного Христова учения, что Господь пришел на землю как Бог, но и как человек во плоти.

А наше время, которое старается доказать, что Христа не было, идет прежде всего против икон, против иконопочитания, несмотря на то что оно благосклонно относится к живописи и вообще к искусству. Вся причина заключается в том, что Христа хотят отрицать, отвергнуть [и потому] идут против икон.

Обычно нам говорят: «Вы делаете себе множество богов и им поклоняетесь». Так ли это?

Если мы веруем, что Христос избавил нас от состояния Адама, плачущего о потерянном рае, и вводит нас в Святую Церковь; если Он принимает нас как блудных детей и не только закалает агнца, но дает нам Свое Тело, одевает в первую одежду нетления и святости, то в этот день Торжества Православия нам надо отдать себе отчет, почему мы поклоняемся иконам.

---

[228] Ср.: *Феодор Студит, прп.* Послания, 33 (92).

[229] Ср.: Там же. 370 (558).

«Честь бо иконы на Первообразное восходит»[230], — говорят Василий Великий и те стихиры, которые мы слышали вчера.

Что же это значит?

Это значит, что если мы имеем какое-нибудь изображение Господа, то этот образ — зрак — дает нам возможность относиться к Нему Самому, к Первообразу. Так же, как портрет кого-либо заставляет нас перенестись к изображенному человеку; и все знают, что если стоит какая-нибудь фотография, то так мы и скажем: «это мама, это папа» — и никогда ни у кого не возникнет сомнения, хотя все знают, что это картон, бумага, фотографическая карточка, так как через этот образ мы восходим к первообразу и его именно и видим на фотографии.

Также и в отношении икон, через образ Христа мы восходим к Нему: «Честь бо иконы на Первообразное восходит».

Для нас, для тех, кто почитает святые иконы, должно быть известно определение VII Вселенского Собора, память которого мы ныне совершаем, ибо он утвердил истинное учение об иконе: «Определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались [для поклонения] точно так же, как изображение честного Животворящего Креста, будут ли они написаны красками или сделаны из мозаики или какого-либо другого вещества и будут ли находиться в святых церквах Божиих на освященных сосудах и одеждах, на стенах и на дощечках или в домах и при дорогах, а равно будут ли это иконы Господа Иисуса Христа, или Владычицы нашей Богородицы, или честных ангелов и всех святых и праведных мужей. Чем чаще при помощи икон делаются они предметами нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самих первообразах, приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобзание, почитание и поклонение, но никак не то истинное служение, которое по вере нашей приличествует только Божественному естеству»[231].

Истинное служение мы совершаем не иконе, а Богу, а икона есть то, что для нас является необходимым как то, через что мы возводим себя к Первообразу. Вот как учит об этом VII Вселенский Собор.

Для нас, которые прошли первую неделю Великого поста, которые если не имеют покаяния и слез, то укоряют себя за это, для нас необходимо приобщиться к тем, кто имел эти слезы покаяния, подвижникам, и особенно — творцу Великого канона и преподобной матери Марии Египетской.

---

[230] См. прим. 164 на с. 85.

[231] Ср.: Деяния Вселенских Соборов. Догмат Седьмого Вселенского Собора об иконопочитании.

Для нас уже не может быть такого отчаяния, как в Ветхом Завете, ни того мужества, о котором говорит Андрей Критский: «Ветхаго завета вся приведох ти, душе, к подобию; подражай праведных боголюбивая деяния, избегни же паки лукавых грехов»[232].

Они еще не имели радости благовестия и рождения Христа, а мы не только это знаем и имеем, но мы ныне приняли на себя Его пречистое Тело и Кровь; мы не только знаем как притчу, что Господь примет нас, но знаем и то, что мы ныне снова приняты Им, снова получим одежду нетления. И все это так, потому что Христос был и есть в Церкви, а отсюда иконы и вера в то, что можно Его Неизмеримого мерить и Неописуемого описать.

И радость сегодняшнего дня должна привести нас к сознанию того, что *во Христе* мы *новая тварь* (2 Кор. 5:17): *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3:27).

Давайте помнить, что пост еще не кончился, а только начинается, и мы, пройдя через покаяние Адама, облекшись в одежду нетления, пойдем дальше по пути, раскрываемому Святою Церковью, через осияние Фаворским светом к радости жизни в Господе.

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня Святая Церковь празднует восстановление иконопочитания после VII Вселенского Собора. День этот она именует Праздником Православия, потому что в содержании его заключается указание на тот путь, вступить на который зовет нас Церковь и который она считает путем Православия.

В чем же значение этого дня и почему мы утверждаем, что с почитанием святых икон, и прежде всего образа Иисуса Христа, связан для нас истинный путь Православия?

Почитая и поклоняясь образу Христа Спасителя, мы свидетельствуем этим, что Бог Невидимый и Неописуемый «нас ради человек, и нашего ради спасения» явился во плоти и стал человеком и тем самым в Своем человеческом образе сделался описуемым и доступным изображению. Поэтому, поклоняясь образу Иисуса Христа, мы, как говорит преподобный Иоанн Дамаскин, «поклоняемся не материи, но Творцу материи, ставшему материей ради нас... через материю создавшему мое спасение»[233].

---

[232] Великий покаянный канон св. Андрея Критского. Во вторник первой седмицы Великого поста. Песнь 8. Тропарь 6.

[233] Точно: «Не поклоняюсь веществу, но поклоняюсь Творцу вещества, сделавшемуся веществом ради меня, соблаговолившему поселиться в веществе и через посредство вещества соделавшему мое спасение, и не перестану

Это значит, что иконоборцы, с такой ненавистью относившиеся к изображениям Спасителя, с яростию уничтожавшие святые иконы и жестоко преследовавшие сторонников иконопочитания, вооружились не против какой-либо частной особенности христианского культа, но против самого существа христианства, против его веры в Боговоплощение.

Эту борьбу против Христа, пришедшего во плоти, лишь отчасти видоизмененную, мы можем наблюдать во все время, на протяжении всей истории Церкви. И в наше время, когда мир открыто заявляет о своем нежелании идти по пути Христову, он прежде всего хочет стереть с лица земли всякое изображение Бога. Он борется против тех, кто украшает изображениями Иисуса Христа свои жилища и кто носит на своей груди Его святой крест.

Мы живем в счастливое время, в которое, как никогда, ясно, что мир борется со Христом и стремится уничтожить на земле самую память о христианстве. При этом особенно важно, что все значение этой борьбы и ее средоточие раскрывается не в чем-либо внешнем, но прежде всего в наших сердцах. Ведь богоборчество — это не книги или карикатуры, не антирелигиозные лекции, которые являются только внешними проявлениями настоящей внутренней борьбы, совершающейся в человеческих сердцах; именно в них идет истинная борьба между Богом и миром.

Вспомните, что Господь говорит: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17:21). Если это так, то и царство диавола приходит в мир, лишь поскольку мы его носим в наших сердцах.

Весь ужас положения современного человека заключается в том, что он не хочет жить, повинуясь тем законам, которые установлены для него Богом. Естественный строй жизни он стремится заменить искусственными суррогатами. И трагедия его заключается в том, что при всем желании создать что-то принципиально новое, выходящее за пределы закономерности природы, он вынужден все-таки вернуться к природе.

И наука также должна была признать необходимость для человека жить в согласии с природой. Много, например, было опытов с искусственным питанием младенцев, но в конце концов наука все же пришла к выводу, что самое лучшее для ребенка — это *природное* материнское молоко.

Победа этого естественного природного строя особенно заметна в той человеческой борьбе между миром и Богом, которая происходит в человеческом сердце; она несет с собой мир наших душевных сил и духовное здоровье.

почитать вещество, чрез которое соделано мое спасение» (*Иоанн Дамаскин, прп.* Три защитительных слова против отвергающих святые иконы, 16).

Наоборот, если в нашем сердце побеждают силы мира сего, это влечет за собою расстройство наших душевных сил и ведет к духовному недугу.

Но как бы глубоко ни было в нас это нарушение природного божественного строя души, как бы силен ни был вызванный им душевный недуг, для человека всегда открыт путь к его уврачеванию.

Путь этот — покаяние. Вот сегодня мы с вами приступили к святой Чаше и, подходя к ней, молились, чтобы Господь дал нам возможность принести Ему то, что принес благоразумный разбойник: «Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедую Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем»[234]. Сердце разбойника недуговало грехом, но он принес Господу покаянную молитву, которая открыла перед ним врата рая!

И нам надо помнить о том, что через причащение Божественной жизни мы можем в покаянии очистить все, что искажено грехом в нашей душе. Покаяние дано нам Господом как противоядие против греха.

Не забывайте о том, что не Бог наказывает нас за наши грехи, но мы сами, выходя за пределы тех условий, которые создаются для нас Божественными законами, терпим беду, впадаем в недуг греха. Но подобно тому как в нас самих заключается причина, так в нашей же душе заложено и сродство к врачеванию этого недуга — покаяние.

Если мы просим Господа «помянуть» нас во Царствии Своем и сами должны жить в покаянии и сокрушении о своих грехах, тогда сердца наши будут открыты пред Господом и очи Господни будут взирать на нас. В этой молитве мы как бы говорим Господу: «Вот я иду к Тебе, сердце мое обращено к Тебе, помяни мя и Ты во Царствии Твоем!»

Поэтому, обращаясь к Господу с покаянной молитвой благоразумного разбойника, мы должны очами совести взглянуть на нашу собственную жизнь, проверить себя и задать себе вопрос: «А как ты сам живешь? Вот мы указываем на тех, кто идет против Христа. А что делаем мы сами? Разве наше лобзание образа Спасителя не бывает часто подобно лобзанию Иуды? Разве не делаем мы часто *сознательно* противоположное тому, что говорит наша совесть?»

Совесть — этот глас Божий в нашей душе — говорит нам: «Не делай!» А мы *нарочно* делаем именно то, что запрещает нам совесть. Это и есть чистое богоборчество, которое начинается в нашей собственной душе.

---

[234] Молитва на литургии перед Святым Причащением.

В ней же начинается борьба за Царствие Божие, и начало ее есть противление греху. Это борьба с тем, что говорит мне другой голос, противоположный голосу моей совести. Другой хозяин стремится завладеть моей душой, и если я повинуюсь *его голосу*, то голос совести начинает постепенно затихать в ней. Однако он не умолкает совершенно, но все время звучит в нашей душе, призывая нас к покаянию, но мы противимся ему. Голос совести говорит нам: «Покайся, начни жизнь снова!» И если мы не слушаемся этого голоса и противимся ему, то тем самым мы вступаем на путь *богоборчества*. Идя по этому пути, многие снимают с себя изображение Распятого Бога и идут к тем, кто изливает вместе с грязью своей души свою ненависть ко Христу.

Но помните всегда, что именно в душе начинается эта борьба. Посмотрите на самих себя, на тот крест, который вы носите на своей груди, на образ Распятого Бога, который дан вам в день вашего крещения! Не забывайте, что с этого дня он не только дан вам для ношения на груди, но живописан и в вашем сердце! Придет время, когда у нас не будет тех или иных человеческих изображений, а останется только одна живая бессмертная наша душа, предстоящая Богу. Поэтому нам нужно сейчас не болтать о том, что делают другие, как относятся они к Животворящему Господу или к святым иконам, но прежде всего смотреть за тем, как сами мы относимся к данному нам нашим Творцом *образу Божию*. И если мы живем во грехе, то это значит, что мы разрушаем в себе наш христианский образ.

Одни идут открыто против Христа, подобно Иуде, который был изобличен на Тайной вечере. А ведь Иуда был с самого начала причтен к двенадцати апостолам, слушал слово Христово и подобно другим ученикам творил чудеса, а потом предал своего Господа и Учителя. Но есть и такие среди нас, которые вместе со всеми подходят к святой Чаше и устами дают обещания: «ни лобзания Ти дам, яко Иуда», а в глубине души, в тайниках ее, которых никто, кроме Бога, не видит, предают Господа. И это делаем мы, верующие! И притом в такое радостное время, в которое дано нам жить, когда так ясно проходит грань между верой и неверием, между друзьями и врагами Господа. Ведь мы живем в это радостное время, которое многие хотели бы увидеть и не увидели!

Господь дал нам возможность увидеть и познать Путь жизни и путь смерти и свободно выбирать между ними. Давайте же присмотримся к себе и спросим у своей совести: не Иудиным ли путем мы идем? Это очень серьезный вопрос, потому что истинное предательство и богоборчество заключается не в тех или иных воззваниях, даже не в исповедании антирелигиозных взглядов, а в тайниках нашей души, открытых только Богу. И может быть[, что]

многие из тех, которые считают себя христианами, на самом деле идут путем Иуды.

Одно из двух: или мы воистину боремся в своей душе за то, чтобы Господь помянул нас в Царствии Своем, и тогда, как бы ни было нам трудно, мы будем стремиться к уврачеванию недуга греховного, или мы заглушим в себе голос совести и тогда встанем на сторону мира и князя мира сего. И в этом случае мы в тайнике наших душ идем путем Иуды и предаем Христа.

Помните о том, что каждый из нас должен в какой-то мере идти путем апостолов, свидетельствовать о Христе и проповедовать Его если не словом, то хотя бы делами.

Будем же непрестанно стремиться к этому и молиться о том, чтобы Господь причислил нас к лику апостольскому и сподобил нас неосужденно участвовать в Тайной вечере: «Вечери Твоея Тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими, не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедую Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

Аминь.

Неделя вторая Великого поста. Память святителя Григория Паламы

Беседа первая. Святитель о Фаворском свете

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь ведет нас от покаяния и оплакивания своих грехов вместе с первым Адамом — от первой недели через вторую, через радостное сознание, что Святая Православная Церковь, Глава которой Христос, изымает нас из этой жизни и приобщает жизни вечной, — и приводит ныне к прославлению памяти одного из великих подвижников и учителей духовного делания — Григория Паламы.

Какой смысл прославления этого святого в воскресный день Великого поста?

Почему Святая Церковь берет инока, подвижника Афона, исихаста, безмолвника, делателя умной молитвы, и дает его образ для всех нас?

Ведь мы не думаем заняться безмолвием и идти на тот подвиг, на который зовут исихасты. Ведь мы живем в мире, в суете, на службе и дома, так далеко от того, что делали и чем были окружены эти делатели умной молитвы.

А Церковь не только инокам, но и нам дает эту память и прославляет его именно для нас, ибо Григорий Палама имеет, как и

каждый святой, свой день памяти, а ныне это совершается в связи с Великим постом.

Церковь Святая нас, покаявшихся, принявших Святые Тайны и очистившихся, возводит сразу к тому достижению, в котором могут находиться люди, еще живущие на земле. Она дает нам радость пребывания и общения с этим великим подвижником, в котором она видит того, кто особенно ярко вместе с Григорием Синаитом и Николаем Кавасилой выявил истинно духовное делание.

Ведь духовное делание заключается не только в покаянии и очищении от страстей, ибо Спаситель пришел не только «прежде падший возставити образ»[235], но для того чтобы нас возвести к Богу через уподобление: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5:48).

И мы, христиане, должны помнить, что покаяние и очищение — начало нашей работы, а есть еще другое настоящее делание, которое было у первого Адама. Ибо он, еще не согрешив, находясь в состоянии бесстрастия, должен был восходить «на еже по подобию»[236].

И святые отцы говорят, что истинное делание начинается очищением от страстей, а дальше идет обожение, уподобление Богу[237].

И один святой отец говорит, что человек должен идти к Богу, как художник, который, рисуя картину, сперва карандашом или углем дает ей начертание, образ, а затем уж он может ее живописать[238]. Это есть восстановление образа Божия через Таинства, это то, что мы получаем через крещение и, не сохранив, вновь обретаем в Таинстве покаяния, а затем уже художник накладывает краски на этот рисунок, и это наложение красок есть наше восхождение через добродетель к Богу, образ Которого мы живописуем в себе, восходя «на еже по подобию». И те, кто уже давно работает над очищением своей души — подвижники и учители Церкви, всегда смотрели так на духовное делание.

Когда в XIII и XIV веках стали забывать истинное духовное делание и, перестав понимать путь восхождения, восставать против правильного его понимания, тогда выступили те истинные Христовы делатели, среди которых был и Григорий Палама.

Это он говорил, что через очищение сердца, через хранение ума и постоянную молитву Иисусову можно дойти до такого состояния, что еще здесь, на земле, мы воскреснем и еще здесь увидим Бога не как Сущность, но как энергию, как Его действие, как свет,

---

[235] См. прим. 43 на с. 38.

[236] Заупокойное последование. Тропарь 4-й по Непорочных.

[237] Ср.: *Феодор Эфесский, свт.* Слово умозрительное // Добротолюбие. Т. 3.

[238] См: *Диадох, блж.* Подвижническое слово, 89 // Добротолюбие. Т. 3.

который видел Адам и который озарил апостолов на горе Фавор (см.: Мф. 16:2; Мк. 9:3; Лк. 9:29), чтобы они понимали, куда идут и что получат.

Вы, наверно, знаете, что спор Григория Паламы с его противниками заключался в том, что те отрицали несозданность Фаворского света, говоря, что это есть свет естественный, созданный, или же мечта и видение.

Григорий Палама говорил, что это есть истинный несозданный свет, проявление Бога, которого мы, не воспринимая в существе Его, можем в нашей реальности воспринять как энергию.

Наше сегодняшнее прославление Григория Паламы указывает нам путь, по которому мы не идем, но идти можем. В эти дни покаяния вспомним о том, что мы потеряли и чего можем достичь на земле.

Разве мы безмолвники и пустынники, разве мы, погруженные в наши житейские дела, можем иметь то делание, о котором учат подвижники? Не есть ли это слова, которые для них, может быть, и содержат правду, но для нашей жизни не имеют никакого значения?

Вспомним, что такое безмолвие по учению святых отцов.

«Безмолвие есть непрерывная служба Богу и предстояние пред Ним»[239], — говорит Иоанн Лествичник. «Если, — свидетельствует один святой отец, — ты не почувствуешь, что есть Бог и ты, то ты не приобретешь истинного духовного делания»[240].

Где бы ты ни находился и в какой бы суете ты ни жил, ты можешь начать службу Богу, ты можешь быть исихастом, ибо Иоанн Лествичник говорит, что можно еще при жизни непрестанно предстоять Богу[241].

Какую бы работу ты ни делал на службе или дома, постоянно помни, что ты Божий, что ты исполняешь свою работу не для отца или матери или того или иного человека, а для Бога, ибо Он заповедал тебе: *в поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3:19). Если ты будешь делать так, то ты недалек от подлинного делания безмолвника.

Каковы же основы делания безмолвника?

1. Хранение языка.

А нам разве не надо хранить язык? Разве мы не страдаем от того, что не храним его?

«Храни язык твой, — говорит Иоанн Лествичник, — ибо он может в малое время расточить плоды многих трудов»[242].

---

[239] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 27, 60.

[240] См. прим. 163 на с. 85.

[241] Ср.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 27, 60.

[242] Там же. 27, 81.

И мы все знаем хорошо, как мы выбалтываем свою душу, опустошаем ее, давая волю этому малому члену, который уничтожает плоды наших трудов. Хранение языка есть первое дело безмолвника, но необходимо и другое.

2. Хранение ума.

Святые отцы говорят, что мы должны собирать свой ум и не уподобляться дому, в котором открыты ворота и каждый может войти и увести осла. Нам надо сосредоточить свой ум на Боге, но каким путем?

Иоанн Лествичник поучает, что «чтение Святых Писаний немало может просвещать и собирать ум; ибо они суть глаголы Духа Святого и всячески вразумляют читающих. Будучи делателем, прочитывай деятельные книги отцов; ибо исполнением сего на деле чтение прочего делается излишним. Старайся научаться разуму и делу спасения более от трудов, а не из одних книг»[243].

Стало быть, если ты что-нибудь читаешь, то читай прежде всего то, что тебе нужно для делания, т. е. деятельные книги святых отцов, и если будешь исполнять на деле то, что читаешь, то остальное приложится тебе, и старайся научиться разумно от трудов.

Вот и хранение ума необходимо нам, которые живут в мечтах и рассеянии, необходимо так же, как и тому, кто удалился в пустыню.

3. Хранение сердца.

Это также необходимая основа безмолвия. *Из сердца человеческого... исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимства, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство* (Мк. 7:21–22).

Мы не осознаем, что надо беречь и охранять свое сердце, и оттого оно постоянно полно зла, лукавства и ненависти. Если бы мы старались уберечь свое сердце от всего дурного, то явились бы делателями истинного безмолвия.

Но зачем хранить язык, ум и сердце, для чего все это надо? Все это необходимо нам для того, чтобы чистыми приблизиться и познать Чистейшее, предстать пред Престолом Божиим, ибо истинное делание безмолвника есть предстояние Богу, иными словами — молитва.

А мы разве не должны непрестанно молиться? Разве не нам сказано: *Бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мк. 14:38)? Разве не нам заповедует апостол: *непрестанно молитеся* (1 Фес. 5:17)?

Если в этом отношении мы будем слушаться Церковь и не только памятовать о Боге, но и в нашей мере творить молитву

---

[243] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 27, 78.

Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго», — то и познаем, по словам Иоанна Лествичника, пользу безмолвия: молитва Иисусова «да соединится с дыханием твоим; и тогда познаешь пользу безмолвия»[244].

Вот почему Святая Церковь празднует ныне память Григория Паламы. Да, он был подвижником, да, он был безмолвником, да, он был афонским иноком, но он вышел к народу, сделался архиепископом Фессалоникийским и здесь продолжал делать то, что делал раньше, соединив делание подвижника, уединенника, безмолвника с общественным деланием архиепископа. Ибо всё это, как я говорил, может сделать всякий, кого Господь не благословил на уединение, на полное безмолвие, но который все-таки всех зовет к безмолвию в этой жизни. Аминь.

Беседа вторая.
Учение святителя об истинной смерти

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святитель Григорий Палама оставил нам не только те заветы, о которых я говорил вам вчера и относительно которых Святая Церковь заповедует памятовать во дни поста, но еще и то, что всем нам необходимо принять и, несомненно, особенно важно помнить во дни поста, — учение его о смерти.

Григорий Палама, раскрывая перед учениками свое учение о смерти, говорит и нам, что есть явление, которое все мы называем смертью, — тот момент, когда душа отделяется от тела, когда тело умирает, а душа только «преставляется», — и эта смерть не есть настоящая смерть, подлинная смерть, это есть только преставление, переставление, «перестановка». Святитель Григорий учит, что подобно тому, как тело, отделяясь от души, умирает, так умирает и душа, отделяясь от Бога, и это есть смерть истинная[245]. Первому человеку так и было сказано, что если он вкусит от запрещенного плода, то «смертию умрет» (см.: Быт. 2:16–17), а мы знаем, что жил он после того на земле 930 лет (см.: Быт. 5:5). Григорий Палама утверждает, что человек умер в момент преступления заповеди Божией. Есть *грех к смерти* (1 Ин. 5:16), указывает он на слова Иоанна Богослова, это есть настоящая, истинная смерть, уже не только преставление, перестановка из одного состояния в другое, а подлинная смерть. В чем же она заключается? Григорий Палама говорит: подобно тому, «как отделение души от тела есть смерть

---

[244] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 27, 61.

[245] См. след. прим.

тела, так отделение Бога от души есть смерть души»[246]. Помните, как Григорий Богослов говорит, что душа должна быть для тела «тем же, чем Бог для души»[247]? Настоящая смерть есть, когда душа разъединяется с божественной благодатью и сочетается с грехом. Если Господь есть истинная Жизнь, то и мы в Нем только и живем, ибо если мы удаляемся от Него и начинаем жить по похотям мира сего, наша душа, лишившись источника жизни, начинает тлеть, а затем и умирает.

Есть смерть первая и смерть вторая. Вторая смерть наступает тогда, когда будем позваны на Суд и осуждены на вечную муку.

На Страстной неделе мы будем петь: «Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши...»[248]

Как же это так? Бессмертная душа и вдруг — «смерти предана будеши». Можно было бы еще и посмеяться над этим: говорите — душа бессмертна, а в то же время поете, да еще Великим постом, — «да не смерти предана будеши». Как будто просто хотите запугать человека.

Нет, это не запугивание, а истинное, подлинное учение Церкви, и это учение с особенной силой раскрывает прославляемый нами ныне святитель Григорий Палама.

Он говорит, что в будущем пакибытии одни души будут обречены на смерть, а другие на жизнь[249].

В чем же жизнь и смерть?

Господь пришел, как мы слышали ныне, *да живот имут и лишше имут* (Ин. 10:10). Эти слова приводит и Григорий Палама[250]. Господь пришел дать нам жизнь, и не только жизнь, но и «лишшее», большее. Что же это лишшее?

Тот, кто не на словах только верует во Христа, тот всем своим существом знает, что жизнь истинная в Боге, как и Сам Он сказал: *Аз есмь путь и истина и живот* (Ин. 14:6); и каждый христианин, желающий не болтать о Христе и [не] развлекаться той или иной истиной христианского мировоззрения, а опытно, «деяньми» изучающий Писания, как говорят святые отцы, знает хорошо, что слова эти непреложная истина, что Христос есть наша Жизнь, а удалившиеся от Него примут смерть и будут ввержены во тьму внешнюю, где будет плач и скрежет зубов (ср.: Мф. 8:12). И в этом

---

[246] Эти слова святителя, например, приводит архим. Киприан (Керн) в 8-й главе своей «Антропологии святителя Григория Паламы».

[247] *Григорий Богослов, свт.* Слова, 3.

[248] Утреня в понедельник, вторник и среду Страстной седмицы. Тропарь.

[249] См.: *Григорий Палама, архиеп. Солунский, св.* Ко всечестной во инокинях Ксении, о страстях и добродетелях и о плодах умного делания, 4 // Добротолюбие. Т. 5.

[250] Там же, 9.

нет ничего особенного — они этого и хотели, и мы — если не будем думать ни о первой, ни о второй смерти, если не будем заботиться о жизни нашей души, она будет все больше тлеть и наконец умрет, и в этом не будет ничего особенного, ибо исполнено будет желание наше, — во Второе пришествие прежде Суда Христова мы будем осуждены гласом Его в нас — нашею совестью. *Востани, спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос* (Еф. 5:14), — напоминает Григорий Палама слова апостола.

Если смерть души — удаление ее от Бога — может быть при жизни тела, то есть и обратное: может быть воскресение прежде телесной смерти. Человек еще на земле живет, а для Бога он уже воскрес. Об этом учит и Иоанн Лествичник.

Всем, не только именующим себя христианами, но и желающим исполнять заповеди Христовы, надо проверять — живы ли мы, не умираем ли?

Берегите свою душу. Помните, что есть одна жизнь — жизнь в Боге и одна смерть — отчуждение от Него, лишение общения с Ним. Так, в притче Господней отец, обращаясь к сыну, с негодованием взирающему на то, как принят блудный, расточивший имение брат, говорит: *Брат твой сей был мертв и ожил* (Лк. 15:32).

Братия и сестры, Григорий Палама призывает нас к тому, чтобы мы вгляделись в свои души, посмотрели бы — живы ли мы или умерли.

Если Бог — наша Жизнь, то почему мы без Него живем? Почему нет у нас того, что было главным деланием исихастов, безмолвников, представителем которых является Григорий Палама?

Если я исполняю те или другие обязанности на службе или дома, если я лечу, если я инженер, рабочий, я должен непрестанно предстоять не перед теми, кому я это делаю, а перед Ним, Который всё создал, в Ком моя истинная и подлинная жизнь.

Григорий Палама и говорит: почему вы так живете, почему вы умираете душой? Ведь если будете все время предстоять пред Богом, то и переход в другую жизнь не будет для вас тем ужасом, каким является для живущих в суете мирской и в нее погруженных, он явится для вас радостью: «Господь зовет, и пойду, в Нем моя жизнь». Мы можем воскреснуть еще здесь, на земле, прежде смерти телесной.

Пусть в день памяти святителя Григория Паламы каждый проверит себя, живет он или умер, и если умер, пусть помнит, что может воскреснуть.

Пользуйтесь днями поста. Вспомните, что за этот год многие из наших близких умерли, и они не ожидали этого, а оказалось, что то был их последний пост, последнее удобное время для покаяния, для спасения души.

Вспомните об этом, загляните в свою душу, проверьте свою веру и свою жизнь. Постарайтесь здесь, на земле, прежде смерти получить обновление и воскресение вашей души.

Тогда вы поймете, почему Григорий Палама ставится Святою Церковью одним из камней в прохождении нами Великого поста.

Аминь.

Беседа третья. Святитель о жизни и смерти

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Я говорил вам вчера и сегодня, что Святая Церковь дает нам образ святителя Григория Паламы в связи с прохождением Великого поста, и сегодня за литургией говорил о том, что такое, по учению Григория Паламы, жизнь и что такое смерть, какие бывают смерти: смерть тела и смерть души.

Вот что пишет святитель Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский одной благочестивой старице: «Знай, досточтимая мать, или лучше да познают чрез тебя избравшие жить по Богу отроковицы, что и у души есть смерть, хотя она и бессмертна по естеству. <...> Ибо как отделение души от тела есть смерть тела, так отделение Бога от души есть смерть души. И это есть главным образом смерть, смерть души. На нее указывал Бог, и когда, давая заповедь в раю, сказал Адаму: *в какой день вкусишь от запрещенного древа, смертию умрешь* (ср.: Быт. 2:17). Ибо тогда умерла душа его, через преступление отделившись от Бога; по телу же он продолжал жить с того часа и далее до девятисот тридцати лет»[251].

В чем заключается истинная смерть?

Истинная смерть не та, когда тело умирает, ибо тогда душа жива и лишь отделена от тела, настоящая же смерть — смерть души, когда душа отделяется от Бога, живет не в Боге, не по заповедям Его, а по похотям мира сего.

«И вот настоящая смерть, когда душа разъединяется с Божественной благодатью и сочетается с грехом. Имеющие ум должны избегать такой смерти и страшиться. Для добре мудрствующих она страшнее самой муки геенской. Ее и мы всеусильно избегать будем. Все бросим, все оставим, от всего отречемся и во взаимных отношениях, и в делах, и в желаниях, что отвлекает и отделяет нас от Бога и такую причиняет смерть». Нам надо бояться этой подлинной, настоящей смерти, потому что «кто будет бояться сей смерти

---

[251] *Григорий Палама, архиеп. Солунский, св.* Ко всечестной во инокинях Ксении, о страстях и добродетелях и о плодах умного делания, 3–4 // Добротолюбие. Т. 5.

и беречься от нее, тот не убоится приближения смерти телесной, имея обитающей в себе истинную жизнь, которая наипаче смертью приобретает неотъемлемость».

Что это значит? Если душу свою сбережешь, если не умертвишь ее, — что тебе тогда? Жив Бог и жива душа, она живет в Боге, Бог есть наша Жизнь. «Ибо как смерть души есть настоящая смерть, так и жизнь души есть настоящая жизнь».

В чем же видит жизнь души Григорий Палама?

«Жизнь же души есть единение с Богом, как жизнь тела — единение его с душою. Ибо как через преступление заповеди отделившаяся от Бога душа умертвилась, так через послушание заповеди, соединившись опять с Богом, она оживотворяется. Сего ради говорит в Евангелии Господь: *глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть* (Ин. 6:63). Испытав сие опытно, святой Петр сказал Ему: *глаголы живота вечнаго имаши* (Ин. 6:68)».

Для кого же эти глаголы бывают глаголами вечного живота?

«Но они бывают глаголами живота для тех, кои слушаются их, для тех же, кои преслушают, заповедь жизни бывает в смерть. Так и апостолы, будучи „благоуханием Христовым", для одних были *вонею смертною в смерть*, а для других *вонею животною в живот* (2 Кор. 2:15–16)»[252].

И далее: «Но как за смертию души, т. е. за преступлением и грехом, смерть тела после последовала, а с нею и в землю отытие и превращение в персть, за телесною же смертью опять смерть души вторая, осуждение ее во ад»[253].

На Страшном Суде Господь предаст нас геенне: «Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши, и Царствия вне затворишися»[254].

Кто хочет получить истинную жизнь, должен стараться получить ее теперь же, он должен здесь же приобщиться к жизни истинной, вечной. «И не ревнующий стяжать ее по душе здесь да не обольщает себя пустыми надеждами получить ее там или как-нибудь сподобиться человеколюбия Божия во время оно. Ибо тогда будет время праведного воздаяния, а не милования и щадения, *время*[255] *гнева и откровения праведного суда Божия* (Рим. 2:5), время показания *руки крепкой и мышцы высокой* (Пс. 135:12), ввергшей на муку в ад непокоривых. Горе имеющему *впасть в руце Бога живаго* (Евр. 10:31). Горе имеющему там испытать гнев Господень, а не

---

[252] Там же, 5.

[253] Там же, 6.

[254] См. прим. 248 на с. 122.

[255] В Славянской Библии и Синодальном переводе — день.

здесь, от страха Божия познавшему *державу гнева Его* (Пс. 89:11) и делами не исходатайствовавшему себе человеколюбия Божия. — Это дело настоящего времени».

Здесь есть время покаяния, время милования, время щадения, время милосердия. Не ропщи на Бога, ибо Он дает тебе время покаяния. «Для того и жизнь сию устроил нам Бог, чтобы дать место покаянию. Если бы этого не было, то человек согрешивший тотчас лишился бы и жизни сей. Ибо какая была бы от ней польза или какая в ней нужда? Почему отчаянию совершенно никакого нет места в человеках, хотя лукавый многообразно покушается ввергать в него не только нерадиво живущих, но и добре подвизающихся? Поелику таким образом время жизни есть время покаяния, то уже то самое, что согрешающий еще жив, служит для него, если он пожелает обратиться к Богу, ручательством, что будет Им милостивно принят. Ибо в настоящий момент в жизни самовластие всегда в силе; самовластью же как предмету подлежит путь вышеуказанной жизни и смерти, из коих оно может избрать или отвергнуть, какой хочет, как дело достижимое. Где же тут найти место отчаянию, когда всегда и все имеют возможность, если захотят, стяжать жизнь вечную»[256].

Этими словами Григорий Палама объясняет, что в этой жизни мы можем «самовластно» взять путь жизни или путь смерти, — путь жизни для мира и путь смерти для Бога, когда тело живет, а душа умерла. «Эта жизнь есть данная к покаянию» — «для того и жизнь сию устроил нам Бог, чтобы дать место покаянию».

Поэтому помните о конце нашей жизни, о том, что Христос есть путь в жизнь, и пусть каждый из нас думает об этом и проверяет, живет ли он с Богом или без Бога, живет не в мыслях только, а в жизни. Помните, что здесь есть время покаяния и милования, помните, что Господь нас видит в каждую минуту нашей жизни и что здесь мы должны каяться и исполнять Его заповеди, а там, после смерти, не будет уже места милованию и щадению, а будет Суд и праведное воздаяние.

Не бойтесь умереть телесною смертию, ибо это есть преставление, переставление, перестановка, — это не есть настоящая смерть, ибо умерло только тело, а душа жива, да и самое тело воскреснет в страшное Второе пришествие Господа.

Но для чего воскреснет, спрашивает Григорий Палама. Для того чтобы получить воскресение не только тела, но и души или для того чтобы получить осуждение и вполне умереть. «Ибо хотя

---

[256] *Григорий Палама, архиеп. Солунский, св.* Ко всечестной во инокинях Ксении, о страстях и добродетелях и о плодах умного делания, 7 // Добротолюбие. Т. 5.

и все воскреснут, но *каждый*, как говорит апостол, *в своем чину*[257] (1 Кор. 15:22, 23); *духом деяния плотская* умертвивший здесь там будет жить со Христом божественной и воистину вечной жизнью; похотями же плотскими и страстями дух умертвивший здесь там — увы! — имеет быть осужден вместе с художником и виновником всякого зла и предан нестерпимому и непрестающему мучению, что есть вторая, не имеющая преемства смерть»[258].

Поэтому Святая Церковь и призывает нас: «Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши, и Царствия вне затворишися, но воспряни зовущи: Свят, свят, свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас»[259].

Этот образ великого учителя и делателя умной молитвы дается нам Церковью для того, чтобы мы в возможной для нас мере занимались хранением языка, ума и сердца, хранением в себе богатства молитвы; тогда мало-помалу будет раскрываться и нам тот свет Фаворский, который был открыт апостолам и за который боролся Григорий Палама на Соборе 1341 года.

Аминь.

Память преподобного Исаака Постника

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Для нас, которые желают жить в Боге, идти путем Христовым, особенное значение имеет пример человека, боровшегося со своими страстями и похотями.

Иаков Постник был один из великих святых, который при жизни творил великие чудеса и в начале своего пути уже достиг многого.

Мы знаем из его жития, как, будучи молодым иноком, он удалился в пустыню и как боролся там с блудною страстью; еще в молодости он противопоставил искушениям молитву и подвиги.

Люди, видя его праведную жизнь, хотели его соблазнить и однажды ночью послали к нему женщину, которая должна была склонить его на грех. Ничего не подозревая, Иаков молился, когда послышался стук в дверь. Погода была скверная, женщина замерзла

---

[257] В Славянской Библии: *вси оживут, кийждо же во своем чину*; в Синодальном переводе: *все оживут, каждый в своем порядке*.

[258] *Григорий Палама, архиеп. Солунский, св.* Ко всечестной во инокинях Ксении, о страстях и добродетелях и о плодах умного делания, 6 // Добротолюбие. Т. 5.

[259] См. прим. 248 на с. 122.

и просилась войти, и он впустил ее. Когда она склоняла его на грех, он противопоставил великое мужество. Желая, с одной стороны, помочь ей, он, как верующий человек, хотел сделать это через святой елей и так, держа левую руку в огне, он правой коснулся ее елеем. И все время, пока она склоняла его на грех, он держал руку в огне, так что суставы пальцев отвалились.

И это было тогда, когда он только начинал свою духовную работу. Но мало-помалу он прославился, к нему стали приходить за советом и указаниями. И вот то, что является потерей «потов и трудов» великих и величайших, закралось к нему в сердце. И несмотря на то что в 30 лет он уже был подвижником, он пал, как величайший преступник, совершив на склоне лет своей жизни три преступления.

Он возгордился, а гордость есть крайнее убожество души, бесовская гордость. Иоанн Лествичник говорит, что гордый монах уже не нуждается в бесе, ибо он сам себе бес и супостат[260].

Однажды привели к нему родители одну девицу, которая страдала одержимостью. После того как Иаков над ней помолился и бес из нее вышел, он отдал ее родителям, но те, боясь, что бес возвратится, просили его оставить ее у себя в течение трех дней. Она осталась у подвижника на три дня, и тот, кто еще в молодости так мужественно противостоял блудной страсти, впал во грех.

Как святые отцы говорят, он пал от гордости, оттого что противопоставлял себя грешникам, считал их низшими, а каждый человек, уподобившийся фарисеям и видящий только свои добрые дела, впадает в великие согрешения.

Так пал Иаков, и в ужасе, что его обвинят, он убил девицу и бросил ее в реку и, таким образом, как религиозный человек, понимавший значение погребения, совершил и третий грех, лишив ее предания земли.

Все это было им совершено, потому что он думал, что уже всего достиг, что он творит великие дела, и уже не смотрел он на грешников так, как посмотрел на приведенную к Нему блудницу Христос, сказавший чтобы тот, кто без греха, бросил в нее камень (см.: Ин. 8:7).

Святые отцы говорят, что мы постоянно впадаем в те грехи, за которые осуждаем других[261].

Иаков Постник своим примером указывает нам, каким образом нам надо постоянно бодрствовать над своей душой, ибо он

---

[260] См.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 23, 32.

[261] Например, прп. Иоанн Лествичник говорит: «За какие грехи осудим ближнего, телесные или душевные, в те впадем сами; и иначе не бывает» (Лествица, 10, 9).

только пал, а мы можем и погибнуть, так как не будет у нас того покаяния, которое было у него.

Десять лет провел Иаков Постник среди мертвецов, ничего не говорил и отверзал свои уста только для молитвы, пищей служили ему травы. Десять лет он взывал о прощении, бил себя в грудь, и Господь внял его покаянию и молитве, и то достижение, которое было потеряно им через гордость, вновь было ему даровано. Ибо святые отцы говорят, что есть двенадцать страстей, но одна из них — гордость — может всех собой заменить[262]. Так Иаков, поборов гордость, снова получил дар чудотворения. И он прославился как великий святой.

Его пример указывает нам, как мы должны внимательно относиться к своей душе, как должны постоянно бороться с гордостью, не осуждать никого и в основу своей духовной жизни класть свои грехи: «Даруй ми зрети моя прегрешения»[263]. Мы должны помнить, что святые отцы предостерегают нас, что мы легко впадаем в тот грех, за который осуждаем других.

Иаков Постник имел исключительное покаяние, которое может сравниться только с покаянием Марии Египетской, и Господь простил его. А нам, которые не имеют плача, слез и раскаяния, нам нужно всегда помнить, как внимательно надо оберегать свое сердце.

Никогда не соглашайтесь с теми мыслями, которые приходят к вам как искушение, а если приходят, то есть у вас великое средство — молитва и призвание имени Господа и Богородицы.

Помните, что, какие бы дела мы ни имели, — одна минута, и все будет потеряно, если мы в основу своего делания будем класть свои добродетели, и погибнем мы тогда, ибо не будет у нас того покаяния, какое было у Иакова, а также у Давида и у Петра[264], которые через великие слезы и покаяние в течение всей жизни искупили свое падение.

Поэтому, когда мы вспоминаем такого святого, как Иаков Постник, мы не должны отчаиваться и говорить: «Вот и великий подвижник пал!» Он не потому пал, что не шел к Богу или не имел духовной жизни, а потому, что закралась в сердце его еще и гордость.

---

[262] Например, прп. Иоанн Лествичник: «Один почтенный муж сказал мне: положим, что есть двенадцать бесчестных страстей; если произвольно возлюбишь одну из них, то есть гордость, то и одна сия наполнит место прочих одиннадцати» (Лествица, 23, 5).

[263] Молитва прп. Ефрема Сирина.

[264] Давид после согрешения с Вирсавией (см.: 2 Цар. 11:3–27) просил милости Божией: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои» (Пс. 50:3). О троекратном отречении Петра от Иисуса Христа и раскаянии см.: Мф. 26:69–75; Мк. 14:66–72; Лк. 22:55–62; Ин. 18:15–18, 18:25–27.

Давайте помнить о том, как бережно мы должны относиться к своим помыслам и в сознании того, что к Богу мы должны нести свои грехи, а если есть у нас что доброе, то это Господь дал. Давайте идти ко Господу, а преподобный Иаков Постник будет нам помогать в нашем духовном делании.

Аминь.

Неделя третья Великого поста, Крестопоклонная

Кресту Твоему покланяемся, Владыко,
и святое воскресение Твое славим[265]

Святая Церковь не для того установила праздник Честного и Животворящего Креста, чтобы еще раз напомнить нам о крестных страданиях Христа, а для того, родные мои, чтобы в этот праздник дать нам возможность углубиться в величайшую жертву, которую Спаситель принес за наши грехи. И если мы, постоянно памятуя о крестной смерти Господа, сегодня славим Его Честной и Животворящий Крест, то, может быть, хоть эти святые минуты, после того как мы с такой любовью воспели по уставу Церкви вечерню и утреню этого великого праздника, — может быть, говорю, эти святые минуты помогут нам, не желающим идти по Его святому пути, хоть несколько проникнуть в тайну страдания Того, Кто принес величайшую жертву, Кто был распят за грехи людей, за их спасение.

Сам Иисус Христос, Сын Божий, поучая нас, говорит: *Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 12:7). Тот, Кто принес величайшую жертву, учит нас, чтобы мы не только жертвовали тем или другим, а исходили из самого глубочайшего, что есть в нашей природе, созданной Богом по Его образу и подобию, из милосердия, из милости. Тот, Кто принес величайшую жертву, милосердовал о своих ближних и о тех, кто Его распял; о тех, кто предстоял у креста, и о тех, кто был с Ним распят. Он молился о тех, кто Его распинал: *Отче! прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23:34). Он заботился о Своей Матери, Которая перед Ним стояла с Иоанном. Он поручает их друг другу, говоря: *Се, сын Твой; се, Матерь твоя* (Ин. 19:26.27), — и соединяет их в этой временной жизни до перехода в вечность. А затем тому, кто распят с Ним, благоразумному разбойнику, обещает, что он будет с Ним в раю (см.: Лк. 23:43).

Родные мои, когда мы делаем другому что-нибудь, и делаем это как тяжелую для нас жертву, как ущемление себя в чем-то, то Господь и это не отвергает, а принимает, если мы это делаем во

---

[265] Тропарь на поклонение Кресту.

имя Его. Но величайшая тайна состоит в том, что мы, христиане, призваны к тому, к чему был призван милосердный самарянин, а именно к милости. *Кто... ближний попавшемуся разбойникам?* — спрашивает Господь, рассказав о милосердном самарянине и заставляя этим ответить того, кто вопрошал Его: *оказавший ему милость* (Лк. 10:36.37). Долг самарянина состоял в том, чтобы пройти мимо этого иудея, страдавшего от ран. Долг этого священника и левита — именно помочь своему единоверцу, раненому, едва живому. И вот одни презрели свой долг и не оказали милости, другой тоже презрел свой долг, согласно которому закон повелевал никакого отношения к иудеям не иметь, но оказал милость: милосердный самарянин обвязал раны потерпевшему от разбойников и дал ему условия для выздоровления. Так и Господь на кресте принес не просто жертву, а жертву Своего милосердия. Он был прежде всего, милостив и учит нас этой Своей жертвой именно милости, милующей любви. Посмотрим, как некоторые святые угодники шли этим путем, ставили иногда дело милосердия выше исполнения монашеского долга и оказывали милость, нарушая при этом правила своей жизни, отданной в жертву Богу.

Один угодник Божий[266] никогда не пил вина. Он дал такое обещание Господу. Однажды его схватили разбойники и привели туда, где они пили вино, и их начальник поднес ему сосуд с вином и велел ему пить. Этот боголюбный муж, который никогда не пил вина, рассудил, что ему следует до конца принести свою жертву и исполнить свой долг, и он отказался. Тогда разбойник схватил нож и занес его, для того чтобы убить его. Подвижник не испугался смерти, так как что значит смерть для того, кто принимает ее за Христа? Для христианина, исполняющего свой долг, это вожделенная кончина, и святой, не колеблясь, был готов, и, казалось, он должен был ее принять. Но вдруг он все свое сердце, восходящее к Богу, обратил на этого разбойника, он свое милующее сердце направил на него, опасаясь, чтобы тот не совершил преступления, не убил человека, который есть образ Божий здесь, на земле. И, милосердуя о ближнем, он выпил вино и этим спас не только этого разбойника, которого тем привел к покаянию, но и остальных.

А вот другое повествование из жизни египетских пустынников. В египетской пустыне монахи имели обычай плести корзины. Один из братии, который уже сплел свои корзины, скорбел о том, что у него нет ручек для корзин и что завтра он не может нести их на продажу, хотя и будет базарный день, и он, таким образом, лишится своего заработка. Другой брат, который тоже кончил работу

---

[266] Авва Пафнутий, историю которого рассказывает Древний патерик (см.: 17, 14).

и привязал уже ручки, сжалился над сетующим братом своим и отдал ему свои ручки, говоря: «У меня лишние, они мне не нужны»[267]. Стало быть, он сказал неправду, но он видел скорбящего, горюющего своего брата и знал учение Господа не только слухом, а всем сердцем, знал, что нужно иметь с братьями одно тело, одну душу, что чужие страдания должны быть нашими и что мы должны носить тяготы друг друга. Он служит своему брату, по-видимому не исполняя своего долга, говоря формально — используя ложь.

И вот другое: разбойник, совершивший множество убийств, вдруг начинает каяться, все в нем всколыхнулось. Идет он в церковь, приходит к священнику. Все в нем бродит: в нем есть покаяние, но есть и злоба, так как он не принес еще покаяния и не очистил своей совести. Разбойник просит священника как служителя Церкви, чтобы он его исповедовал, помог ему принести покаяние. Тот ведет его к кресту и Евангелию и начинает исповедь. Священник слышит, какие злодеяния на совести пришедшего к нему, видит, что перед ним разбойник, который загубил несколько жизней. Перед священником прежде всего долг. Разве можно этому разбойнику дать разрешение грехов, нужно к нему как-то по-особенному отнестись, и священник отказывает пришедшему к нему человеку в разрешении грехов, потому что тот имеет такие величайшие грехи. А душа разбойника, не получив милосердия, не получив милующей любви, содрогнулась от злобы, и он, выхватив нож, убивает священника. А сам, как повествует сказание, не мог так продолжать жить и пошел дальше искать того, кто принял бы его в покаянии. Пришел в обитель, стал спрашивать, начал просить в неурочное время, чтобы его приняли. И вот в храме один инок, также священник, принимает его, и принимает с великою любовью, милосердствуя о нем. И вот благодаря этой милости он, великий грешник, через Господа получил исцеление и впоследствии был великий подвижник, который творил сам чудеса. Милующая любовь привела его к исцелению. Вот, родные мои, случаи из жизни святых угодников, которые являли не жертву, а милость и которые через милующую любовь спасали своих братьев.

Что нам до этого до всего? Да, родные мои, много, ибо мы христиане, мы идем тем же самым путем, что и Христос, и перед нашими глазами должен быть Тот, Кто нас привел сюда, Кто восставил в нас образ Божий. Это странный и смущающий многих путь. Когда вы, родные мои, будете помнить о том, что мы призваны носить тяготы друг друга (см.: Гал. 6:2) (если другому тяжело, то и мне тяжело, если другому хорошо, то и мне хорошо), спасать друг друга, то вы начнете понимать всю истину и полноту

[267] См.: Древний патерик, 17, 19.

христианской жизни. А для этого прежде всего, самое главное, нам нужно смириться до зела (см.: Пс. 37:9; 118:107) и тогда где-нибудь в уголке своего сердца приносить не только жертву Богу своим пением, своей службой, своими теми или иными делами, но где-нибудь в уголке сердца найти эту милость, поискать в маленьких простых делах, как этот святой угодник, о котором я говорил, что он отдал нуждающемуся скорбящему брату ручки от корзин. Это есть величайшее сострадание. У каждого из нас есть крупинка этого сострадания. Вот когда мы сегодня выносим Честной и Животворящий Крест, когда мы прославляем Крестную Жертву, эту величайшую жертву за наши грехи, тогда, родные мои, восчувствуем, что эта жертва была жертвой милости. Господь думал о нас грешных, нас Он любил, нами болел, о нас Он скорбел. И мы можем в своей мере исполнять это. И мы можем, найдя крупинки милосердия, маленькие, маленькие крошки этой милости, мы можем их раздавать, мы можем их собирать. Мы можем душу всю положить за это милосердие, за эту милость.

Итак, родные мои, мало-помалу вместо жертвы Богу будем приносить милость и восчувствуем всю истинность жертвы, принесенной Господом, и истинность этого Креста, на котором Он был распят, как милость Божию к нам грешным. Тогда мы в нашей мере все больше понесем нашим ближним эту милость, крупинки милосердия, и тогда только мы будем понимать истинность и полноту христианской жизни. Ибо Христос, распятый за наше спасение, поучает нас, что не жертвы Он хочет, а милости (см.: Мф. 9:13; 12:7). Мы приносим жертву, но старайтесь жертвоприношения сопровождать этими маленькими крупинками милосердия. И повторяю: вспомним истинный, подлинный путь христианского делания.

Когда мы придем на Страшный Суд, Господь не спросит нас о том, как мы пели, как мы служили, не спросит нас ни о молитве, ни о подвигах различных. Он спросит, были ли мы милостивы. И только милостивым будет суд милостивый, и только милостивые будут помилованы (см.: Мф. 5:7). Запасайтесь милостию здесь, ибо когда придете туда, вас спросят, были ли вы милостивы. Будем же собирать эти маленькие крупинки милосердия, и, придя на Страшный Суд, мы принесем, может быть, как вдовица две лепты (см.: Мк. 12:41–44, Лк. 21:1–4), две маленькие крупиночки милости. И я воистину верю, что, подобно тому как был помилован брат, о котором я говорил, отдавший несколько ручек для корзин во имя милости к другому, и мы будем помилованы, ибо неложно обещание, данное Господом: *Блажени милостивии; яко тии помиловани будут* (Мф. 5:7).

Аминь.

Седмица Иоанна Лествичника

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В прошлое воскресенье, износя для поклонения Святой Крест, Святая Церковь призывала нас к тому, чтобы, взирая на него, мы последовали за Христом в Его крестном пути. Ныне она дает нам образ великого подвижника преподобного Иоанна Лествичника, который в своей жизни шел путем несения креста. Жизнь его дает нам практические указания, как следовать по этому пути, помогает нам разобраться в нашем собственном духовном состоянии и прежде всего понять его больные стороны.

Одна из главных язв современной духовной жизни заключается в нашем преступном отношении к тому Таинству, с которого начинается духовная жизнь, — к Таинству покаяния.

Каждый человек, приходящий к вратам Церкви, должен принести покаяние за всю свою жизнь, без этого он не может войти в Церковь и начать духовную жизнь.

Но покаяние есть не только начало нашего духовного пути, но вместе с тем и дело всей нашей жизни человеческой. Перед тем как дать кающемуся разрешение грехов, священник молится Богу, чтобы Господь дал ему образ покаяния, примирил и соединил Святей Своей Церкви о Христе Иисусе Господе нашем.

Это примирение с Господом, являющееся благодатным плодом покаяния, будет тем более понятно, чем глубже и искреннее наше раскаяние в совершенных грехах. В нем-то и состоит тот «образ покаяния», о котором молится Святая Церковь и который сопровождает человека на протяжении всей его жизни.

А мы с вами в большинстве случаев не умеем каяться и не знаем, что такое истинное покаяние. Большая доля вины за это лежит на пастырях, которые извратили установленное Святой Церковью Таинство, введя общую исповедь. Общая исповедь растлевает человеческие души и отучает их от покаяния, которое есть раскаяние в содеянных согрешениях и внутреннее распятие грешника.

В самой своей природе человек согрешивший имеет средство для восстановления своего духовного здравия. Средство это — раскаяние. Учитель, воспеваемый ныне Святой Церковью преподобный Иоанн Лествичник, учит нас, что раскаяние уничтожает всякое дело, совершенное человеком и изглаживает самый след его в человеческой душе. Каждое наше дело есть выражение нашего духовного состояния, и в свою очередь оно оставляет след в душе. Доброе дело ведет душу к здравию, очищает в нас образ Божий, способствует восхождению в богоподобие; дурное ведет к раскаянию души. Раскаяние же, по словам Иоанна Лествичника, уничтожает

всякое дело, совершенное человеком, не только злое, но и доброе. «Раскаяние в добрых делах уничтожает оные, как и раскаяние в злых истребляет сии последние»[268].

Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые ангелы с Ним (Мф. 25:31), тогда души наши затрепещут, оттого что все деяния их будут обнаружены. Тогда совесть каждого человека увидит душу его обнаженной, и ее же увидят святые ангелы. И величайший стыд и позор будет тогда для каждого грешника.

Чтобы освободить нас от этого стыда Последнего дня, Святая Церковь учит нас не только раскаянию и сокрушению о наших грехах, но и самопосрамлению через исповедание их перед духовным отцом. «О, сын и послушник Господень... — говорит преподобный Иоанн Лествичник. — Обнажай струп твой врачу сему и не стыдись сказать ему: „Отче, моя язва сия, она произошла не от иного кого-нибудь, но от моей собственной лености; никто не виноват в ней, ни человек, ни злой дух, ни плоть, ни другое что-либо, но только мое нерадение”»[269].

А в наше время приходится слышать от иного человека, что он никого не убивал и не имеет особых грехов, а потому и не нуждается в исповеди. Такие люди забывают, что покаяние освобождает нас от грехов, уже совершенных, и также помогает нам воздерживаться от новых грехов, потому что без покаяния невозможно избавиться от грядущих грехов.

Если совесть удерживает нас от того, чтобы грешить при людях, потому что нам бывает «стыдно» от людей, то тем более действенным средством духовного врачевания является покаяние с самопосрамлением. Если уж согрешил ты, то, раскаиваясь и сокрушаясь о совершенном грехе, не стыдись исповедовать его перед духовным отцом, чтобы «настоящим посрамлением избавиться от грядущего»[270].

Столь распространенная в наши дни общая исповедь заключает в себе величайшее «удобство» как для кающегося, так и для пастыря, в особенности при большом количестве исповедников. Пастыря она освобождает от обязанности входить в духовную жизнь каждого исповедника, сострадать ему, страдать за его грехи, страдать за каждую отдельную душу. Он перестает быть истинным духовным врачом, потому что кающемуся для исцеления его духовных немощей необходимо, чтобы ему сострадали. А кающегося общая исповедь освобождает от необходимости открывать свои грехи перед духовником, заменяя исповедание грехов заполнением

---

[268] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 26, 180.

[269] Там же. 4, 61.

[270] Ср.: Там же. 4, 12.

своего рода духовной анкеты. Она освобождает человека от чувства стыда и самопосрамления, неизменно сопровождающих каждую настоящую исповедь; а вслед за этим исчезает и раскаянием в содеянных грехах. Она лишает нас всех действенных средств исцеления от греха.

Говорят, что общая исповедь удобна тем, что священник, разъясняя сущность каждого греха, сразу же дает и указание, как бороться с ним, как жить духовною жизнью. Но такие общие указания приносят лишь вред, так как грех каждого отдельного человека требует особых средств врачевания, не применимых для другого. Кроме того, святые отцы говорят, что в исповеди не так важно наставление, которое может получить кающийся от своего духовного отца, как сокрушение о грехе и исповедание его с самопосрамлением[271].

Одного авву спросили, как поступить в том случае, если ты имеешь какой-либо помысел и знаешь указание отцов, как врачевать его, — нужно ли все-таки открывать этот помысел духовному отцу? На это последовал ответ: «Нужно исповедать, так как человек не может сам себя уврачевать».

Святые отцы говорят, что намеревающихся исповедовать свои грехи перед старцем диавол удерживает от этого, внушая им такой помысел: ты же знаешь сам, как уврачевать язву своей души, зачем же открывать ее кому-либо?

На самом деле всеми этими доводами прикрывается стыд, который удерживает нас от исповедания грехов.

Один послушник сказал своему старцу: «Ты же знаешь, что со мною, зачем же говорить тебе об этом?» Но старец ответил: «Тебе самому нужно исповедовать свой грех». В продолжение трех лет ходил этот послушник к старцу, и тот все время говорил ему о необходимости исповедовать свои грехи, пока в душе послушника не пробудилась наконец потребность в покаянии. Никакое слово, никакое наставление не могут дать исцеление кающемуся до тех пор, пока он в себе самом, в своей душе не обретет покаяния; тогда он сам придет к духовнику, чтобы исповедовать перед ним свои грехи.

Не всякая исповедь дает нам действенное покаяние и исцеление, но только принесенная с сердечным сокрушением.

Два инока были на исповеди у старца: исповедь одного сопровождалась слезами и сокрушением, он с плачем умолял старца помочь ему, второй просто сказал свой грех и просил помолиться о нем. Первый получил исцеление, второй нет.

В наши дни часто приходится слышать от верующих, что им «нравится» общая исповедь, проводимая тем или иным священ-

---

[271] См. прим. выше.

ником. Это свидетельствует о полном извращении Таинства покаяния. Ибо то, что должно сопровождаться слезами и сокрушением сердца, мы превращаем в то, что нам «нравится», нам удобно.

Защитники общей исповеди ссылаются на авторитет Иоанна Кронштадтского, который ведь тоже устраивал общие исповеди, но он делал это по великой нужде. Отец Иоанн разъезжал по Русской земле, к нему в Кронштадт и в другие места, где он бывал, стекались тысячи людей, ищущих духовного исцеления, и этот великий подвижник действительно по крайней нужде прибегал к общей исповеди.

Но люди, приходившие к отцу Иоанну, подходили к нему, как к человеку облагодатствованному, и при приближении к нему совесть кающегося становилась чуткой и трепетала от сознания своих грехов. И бывали случаи, когда отец Иоанн не допускал человека к причащению, потому что он знал, что происходит в каждой душе.

А мы прибегаем к общей исповеди безо всякой нужды, превращая великое церковное Таинство в то, что нам «нравится» и удобно, пастыри же пользуются ею иногда для выявления своих ораторских способностей. При этом мы забываем, что то, что возможно великому и при великой нужде, недоступно для нас малых, к тому же прибегающих к этому часто безо всякой нужды.

Поэтому сегодня, творя память преподобного Иоанна Лествичника, позаботимся о том, чтобы приобрести истинное покаяние.

Одни приходят на исповедь с сознанием, что они ни в чем не виноваты перед Богом, они ведь никого не убили и не совершили никаких грехов, а другие в великом горе сокрушаются о том, что мы даже часто не почитаем за грехи. Они вспоминают о грехах, совершенных в детстве (ребенком украл конфетку, удержал сдачу и прочее).

Надо помнить, что даже самые малые грехи обнажают всю гадость нашей души.

Давайте же в себе самих, в своем сердце постараемся найти источник покаяния и сокрушения о грехах. И если совесть начинает говорить в вас и вас беспокоит какой-либо грех, в котором вам стыдно признаться, постарайтесь найти в себе силу покаяться в нем. Не успокаивайте себя тем, что вы каялись в нем на общей исповеди, помните, что общая исповедь есть сокрытие греха. И если в вас есть грех, в котором стыдно сознаться, то пользуйтесь возможностью принести истинное покаяние, которое может освободить вас от всякого греха.

Пользуйтесь этим с великою радостию, потому что, претерпев здесь, на земле, малый стыд, мы избегаем великого стыда в тот день, когда грехи наши откроются перед ангелами и всеми святыми.

Аминь.

Неделя четвертая Великого поста. Память преподобного Иоанна Лествичника

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня Святая Церковь дает нам образ великого подвижника, желая нас утвердить на том пути, которым мы шли от начала поста и который мы в течение последней седмицы освятили Крестом Господним.

Вот образ, говорит Святая Церковь, того, кто взял свой крест и пошел за Христом, и образ того, кто оставил нам творения свои, в которых опытно раскрывается все христианское делание.

Иоанн Лествичник жил в VI веке. Шестнадцати лет поступил он в монастырь, а через некоторое время удалился от общежития, уединился и у подошвы Синая прожил сорок лет. Из этого уединения вышел он уже 75-летним старцем, вызванный братией Синайского монастыря, которая избрала его своим игуменом. И вот соседний монастырь — Раифский — слышит об этом великом делателе, и игумен его, также Иоанн, просит преподобного написать им руководство христианской жизни. Великое счастье, что Церковь сохранила нам это руководство, заключающее в себе опыт величайшего подвижника, подтвержденный часто ссылками на других святых отцов.

Иоанн Лествичник не только взял книжно чужой опыт, но своей жизнью проверил и подтвердил его, обогатив своими личными наблюдениями и достижениями.

Этого подвижника и предносит нам Святая Церковь, говоря, что если мы действительно желаем идти за Христом, то должны подражать опыту того, кто уже прошел этот путь.

Я говорил вам об Иоанне Лествичнике и буду говорить еще завтра вечером, а сейчас хочу остановиться на одном больном для нас вопросе.

Иоанн Лествичник считает, как и все подвижники, что мы являемся на эту землю для подготовки к иной жизни и здесь мы должны приблизиться к Богу.

Как это сделать?

Есть только один путь — путь опыта, путь, во-первых, непосредственного откровения Бога в душе человека, а затем путь восхождения — восхождения своей души.

И вот для нас, кто в той или иной мере уже идет за Христом, для нас ясно, что мы сейчас опытно идем этим путем. Господь

открыл нам сначала первый знак Своей любви, первую радость — радость молитвы без усилий, радость любви ко всем. Это все давалось даром и казалось легко. А дальше есть два пути, как говорит Иоанн Лествичник: первый путь — борьба со страстьми и похотьми, жизнь в Боге и второй путь — путь разглагольствования, путь говорения о Боге, путь слушания тех или других людей, говорящих о Боге. Иоанн Лествичник говорит, что для второго пути не нужно опыта, он ни к чему не приводит, а если к чему-то и приведет, то, скорее всего к погибели: «Слово Господне, дарованное от Господа, чисто и пребывает в век века; не познавший же Бога разглагольствует о Нем по догадке»[272].

Мы не знаем Бога, за исключением тех моментов, когда Господь Сам нам открылся, и обычно идем путем разглагольствования.

Что же открывает нам Бога?

Бога открывает нам чистота души, как говорит слово Божие: *Блажени чистии сердцем; яко тии Бога узрят* (Мф. 5:8). Только она, только эта чистота сердца дает нам приблизиться к Господу, и самое слово Божие открывается нам по мере нашего очищения: «Совершенно соединивший чувства свои с Богом тайно научается от Него словесам Его. Но когда это соединение с Богом еще не совершилось, тогда и беседовать о Боге трудно»[273].

А вот нам рассуждать о Боге легко — даже нет ничего легче разглагольствования о Боге. Мы должны начать творить Царство Божие, а думаем, что оно уже в нас, забывая слова Господа, сказавшего, что *Царствие Небесное нудится* (Мф. 11:12). Об этой борьбе и понуждении и говорит нам воспоминаемый сегодня Святой Церковью подвижник. Он говорит в особенности для нас, которые изучаем этот путь и сегодня в первый раз можем поклониться его иконе, освященной и вынесенной на середину храма.

Кажется, что у нас, живущих в миру, не может быть ничего общего с древним синайским отшельником. Многие из нас, наверно, находили себя в его творении, в первых 23 главах его «Лествицы», многие думали: а ведь это про меня написано. Не сделаем же этого сокровища предметом многоглаголания, но постараемся опытно им воспользоваться.

Что открывает оно нам?

«Слово, соприсносущее Отцу, творит чистоту совершенной, пришествием своим умертвив смерть; а когда она умерщвлена, ученик богословия получает просвещение»[274]; да, умертвив свою нечистоту, через подобное познаем мы и Чистейшего. Тогда понятно

---

[272] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 30, 23.

[273] Там же. 30, 21.

[274] Там же. 30, 22.

и то, что говорит Иоанн Лествичник о богословии: «Чистота соделала ученика своего богословом, который сам собою утвердил догматы о Пресвятой Троице»[275]. Есть только один учитель богословия — чистота. Иди к ней, если желаешь учиться. Не извне, а изнутри, через очищение себя от греха и страстей ты получишь то, что утвердит в тебе догмат о Святой Троице.

Это говорит подвижник, отшельник. Может быть, по-другому скажет тот, кто всю жизнь свою занимался богословием.

Вот на поверку слова Григория Богослова: «Любомудрствовать о Боге можно не всякому, — да! не всякому. Это приобретается недешево и не пресмыкающимися по земле». И далее: «Любомудрствовать о Боге можно не всем, потому что способны к сему люди, испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере очищают, и душу и тело. Для нечистого же, может быть, небезопасно и прикоснуться к чистому, как для слабого зрения к солнечному лучу»[276]. «А у нас, если приобрели хоть малую славу, часто же и той не имея, если как ни попало заучили два или три речения из Писания, и то не в связи и без должного разумения (такова наша скороспелая мудрость <...>), надобно уже высокоумствовать против Моисея и делаться Дафаном и Авироном — ругателями и безбожниками! Будем лучше убегать их наглости и не станем подражать их высокоумию, чтобы не иметь одного с ними конца»[277].

Это относится и к нашему времени, так как мы думаем, что можем высокоумствовать, как Дафан и Авирон.

Мы получаем от Господа радость молитвы. Все мы когда-нибудь молились, а, может быть, некоторые из нас и сейчас еще молятся в радости и слезах. Многие из нас знают и радость любви, радость несения креста, радость жизни в Боге. А дальше многие из нас пошли путем легким — путем разглагольствования о Боге, забыв, что страсти наши еще не умерщвлены, что та радость была дана Господом как милость, и решив, что все это принадлежит нам. А знает Бога только тот, кто очищает свою душу, ибо подобное познается подобным.

Сегодня мы собрались творить память Иоанна Лествичника в связи с Великим постом, в связи с тем путем, которым идем уже несколько недель.

Святая Церковь говорит, что есть только один путь, путь борьбы со страстьми и похотьми, и он идет от любви. О любви

---

[275] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 30, 24.

[276] *Григорий Богослов, свт.* Слова, 27.

[277] Там же. 32.

Иоанн Лествичник говорит в тридцатой главе. Бог есть любовь, а Бога мы не знаем. Мы же разглагольствуем о любви.

Возвратимся же к тому пути, к которому зовет нас Иоанн Лествичник, которым шли великие подвижники опытно и который оставили они нам в своих творениях. Отошли мы от них, мы, нынешние русские люди, заболтались о Боге. Может быть, теперь, когда иные из нас чувствуют, что так дальше нельзя, может быть, теперь, когда творим память Иоанна Лествичника, десятки лет очищавшего свою душу, оценим оставленный им его собственный опыт.

Не для разглагольствования дана нам «Лествица», но для того, чтобы идти, для того, чтобы восходить по ней.

Давайте же помнить, чем заканчивает преподобный Иоанн свою «Лествицу»: «Восходите, братия, восходите усердно, полагая восхождения в сердце своем и внимая пророку, который говорит: *приидите, взыдем на гору Господню, и в дом Бога нашего* (Ис. 2:3), совершающего *нозе наши яко елени, и на высоких поставляющего* (Пс. 17:34), чтобы нам соделаться победителями на пути Его. Теките, умоляю вас с апостолом, сказавшим: потщимся, *дондеже достигнем вси в соединение веры и познания Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4:13). Христос же, крестившись в тридесятое лето видимого возраста, получил тридесятую степень в духовной сей лествице; ибо любовь есть Бог. Ему хвала, Ему держава, и Ему сила; в Нем начало всех благ и есть, и было, и будет в бесконечные веки»[278].

Аминь.

Беседа вторая. О смирении

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь, заканчивая свое руководство при прохождении нами великой школы поста, указывая нам образы двух великих подвижников делания, которым мы должны подражать — Иоанна Лествичника и Марии Египетской, тем не менее в последний воскресный день напоминает нам еще об одном необходимом условии нашего духовного делания.

Вы слышали в сегодняшнем чтении Евангелия, как Христос, находясь на пути во Иерусалим, доверил ученикам о том, что *Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам... и поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его* (Мк. 10:33.34).

---

[278] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица. Краткое увещевание, которое содержит в себе все то, что говорено было в сей книге пространно.

И вот ученики *ужасались и, следуя за Ним, были в страхе* (Мк. 10:32). А услышав о воскресении, подошли к Нему сыновья Зеведеевы и сказали: *Мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим.* Он спросил их: *что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: Дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую, в славе Твоей* (Мк. 10:35–37). После того как Господь ответил им, что это не Им дается, *но имже уготовано есть*, другие ученики, услышав просьбу братьев Зеведеевых, вознегодовали на них (см.: Мк. 10:40–41). Господь призвал их всех и сказал: *Вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих* (Мк. 10:42–45).

В этом евангельском повествовании находится одно из условий (а другие я во время поста пытался по мере сил своих раскрывать), без которого тщетен будет путь, предлагаемый нам Церковью в эти дни. Господь, придя на землю, пришел нам послужить: *Ибо Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать Свою душу для искупления многих.* И Господь зовет нас научиться у Него: *Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11:29). Научитесь этому смирению, ибо вами властвует князь мира сего и лучшие из нас — апостолы Иаков и Иоанн — обуреваются тщеславием и гордостью.

И вот святые отцы положили в этот день читать то Евангелие, которое дает нам необходимое условие для нашего духовного делания. Наш путь должен быть путем смирения. Можно ведь идти путем, указанным Иоанном Лествичником и Марией Египетской, и в конце концов пасть в великой гордости. Предостерегая нас от этого, святые отцы указывают нам пример Господа и учеников. «Господь являет Собою не труды, а смирение», — говорит Иоанн Лествичник[279]. Только тот, кто идет путем смирения, может получить дарования.

Итак, нас зовут идти путем смирения. Но что такое смирение? Обратимся к тому, кого Святая Церковь дает нам в учителя в эти дни Великого поста.

«Никакое слово не может изъяснить его [смирения] качество. Одну надпись имеет сие сокровище — надпись непостижную, как свыше происходящую, и те, которые стараются истолковать ее

---

[279] Ср.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 26, 52.

словами, принимают на себя труд великого и бесконечного испытания. *Надпись эта таковая: святое смирение.*

Все, которые Духом Божиим водятся, да внидут с нами в сие духовное и премудрое собрание, неся в мысленных руках богописаные скрижали разума! И мы сошлись, исследовали и испытывали силу честного оного надписания. Тогда один сказал, что смирение есть всегдашнее забвение своих исправлений. Другой сказал: смирение состоит в том, чтобы считать себя последнейшим и грешнейшим всех. Иной говорил, что смирение есть сознание умом своей немощи и бессилия.

Иной говорил, что признак смирения состоит в том, чтобы в случае оскорбления предварять ближнего примирением и разрушать оным пребывающую вражду. Иной говорил, что смирение есть познание благодати и милосердия Божия. Другой же говорил, что смирение есть чувство сокрушенной души и отречение от своей воли.

...Выслушав и с великою точностью и вниманием рассмотрев и сообразив, не мог я слухом познать блаженное чувство смирения; и потому, будучи последним из всех, как пес, собрав крупицы, падавшие со стола мудрых и блаженных мужей, т. е. слова из уст, определяя добродетель оную, говорю так: смиренномудрие есть... несказанное богатство, Божие дарование, Божие именование, ибо Господь говорит: *Научитеся* ни от ангела, ни от человека, ни от книги, но от Моего в вас вселения и осияния и действия, *яко кроток есмь и смирен сердцем* и помыслами, и образом мыслей, *и обрящете покой душам вашим* от браней, и облегчением от искусительных помыслов (ср.: Мф. 11:29)»[280].

Итак, смирению мы должны учиться ни от ангелов, ни от людей, ни от великой книги Евангелия, а от Самого Христа, ибо Он зовет нас к этому. Познать это благое чувство может тот, кто собственным опытом познал его внутри себя, а «словами чувственными его невозможно изъяснить»[281].

Как же мы теперь можем знать что-нибудь о смирении в смысле того или иного понимания его. Святые отцы говорят, что смирение может быть нам известно не по существу, а по своему действию: «Итак, мы не можем сказать, в чем состоит сила и существо сего солнца [смиренномудрия], однако по его свойствам и действиям можем постигать его существо»[282].

«Смиренномудрие есть покров божественный, который не дает нам видеть наши исправления»[283]. Смиренный не видит своих

---

[280] Там же. 25, 2–4.
[281] Там же. 25, 41.
[282] Там же. 25, 26.
[283] Там же. 25, 27.

достижений, а лишь свои грехи. На достижения же он имеет покров, который закрывает их.

Как нам проверить, имеем ли мы смирение или нет?

Иоанн Лествичник говорит, что «многие называют себя грешными, а может, и в самом деле так о себе думают; но сердце искушается уничижением [от других]»[284].

«Не тот показывает смиренномудрие, кто охуждает сам себя (ибо кто не стерпит поношения от себя самого?), но тот, кто, будучи укорен другим, не уменьшает к нему любви»[285].

Вот признак, который может раскрыть состояние нашей души в отношении смирения: «Глубочайшего смиренномудрия признак, что человек ради уничижения в некоторых случаях принимает на себя такие вины, каких и нет в нем»[286].

Вот если мы будем не только терпеть уничижение, но и считать себя достойными их, тогда мы будем иметь смирение.

Господь говорит, что смирению надо научиться у Него: *яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11:29). Иисус Христос пришел на землю для того, чтобы «прежде падший возставити образ»[287], «падший», ибо человек пал от своей гордости.

Господь пришел, *зрак раба приим, во всем, кроме греха*, сделавшись подобным нам, Он *смирил Себя*, смирил до смерти, *послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2:7–8; Евр. 4:15).

Он постоянно свидетельствует ученикам, что пришел исполнить не Свою волю, а волю Отца, и в Гефсиманском саду Он молился: *Отче! о если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22:42).

И в молитве, которую Господь дал нам, Он заповедует говорить: *Да будет воля Твоя*. Он нам дал Сам великий пример отношения к воле Божией, Он показал, что на этом зиждется наше делание.

Мы должны творить волю Божию, а для этого нам нужно ее знать.

Приобретается это знание рассудительностью, ибо «рассудительность есть постижение Божественной воли во всякое время, на всяком месте и во всякой вещи»[288]. Но дается она тому, кто уже проходит путь делания, кто восходит по пути смирения. Нам же надо идти путем послушания, тем путем, которым шла и Мария Египетская, отдавшая свою волю своей верной Поручительнице.

---

[284] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 25, 34.

[285] Там же. 22, 17.

[286] Там же. 25, 44.

[287] См. прим. 47.

[288] Ср.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 26, 2.

Что же общего между послушанием и смирением?

Вот что говорит Иоанн Лествичник: «Однажды просил я одного из искуснейших старцев вразумить меня, каким образом послушание имеет смирение? Он отвечал: благоразумный послушник, если и мертвых будет воскрешать, и дарование слез получит, и избавление от браней достигнет, всегда думает, что это совершает молитва отца его духовного и пребывает чужд даже и далек от суетного возношения; да и может ли превозноситься тем, что, как он сознает, сделал помощию другого, а не собственным старанием»[289].

Итак, послушник тот, кто постоянно приписывает своему руководителю то, что он имеет в смысле тех или иных достижений. Из жития Марии Египетской вы знаете, что она все свои достижения относила к Пречистой Деве.

Вот условие, которое нам помогает в борьбе за получение смирения, и нам надо всегда помнить, что Господь дает нам те или иные дарования не по нашим заслугам, а по мере того, как мы боремся с гордостью, мы получаем и смирение.

«Некоторые, по непостижимым распоряжениям Промысла Божия, получили благодатные дарования прежде трудов, другие в самых трудах, иные после трудов, а некоторые уже при смерти. Достойно испытания, кто из них смиренней прочих»[290].

И вот Иоанн Лествичник говорит, что по мере смирения дает Господь духовные дарования, поэтому нам надо бороться за смирение, нам надо помнить, что все, чему учила Святая Церковь в дни Великого поста, только тогда послужит к нашему спасению, если мы будем как основу иметь смирение, ибо мы знаем, что и с неба можно ниспасть, не имея смирения, и за одно смирение был помилован Давид: *смирихся, и спасе мя* Господь (Пс. 114:5)[291].

«Если гордость некоторых из ангелов превратила в бесов, то, без сомнения, смирение может и из бесов сделать ангелов. Итак, да благодушествуют падшие[, уповая на Бога]»[292]. Вот и мы все падшие, все в покаянии приходящие к Богу и еще вчера в последний раз взывавшие: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче»[293] — должны помнить, что никакие труды, никакие подвиги нам не помогут, если мы не будем идти путем смирения.

Поэтому Евангелие, которое полагается сегодня читать, дает нам ту основу, без которой тщетны наши труды.

---

[289] Там же. 4, 54.

[290] Ср.: Там же. 26, 87.

[291] См. прим. 220 на с. 105.

[292] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 25, 63.

[293] См. прим. 62 на с. 51.

Да, мы должны знать то, что может нас погубить. Только в смирении мы можем получить от Христа награду и венец.

Когда мы придем на Страшный Суд, то Господь не будет требовать от нас дарований, а только смирение. Он спросит нас, научились ли у Него смирению.

«Многие, — говорит Иоанн Лествичник, — получили спасение без прорицаний и осияний, без знамений и чудес; но без смирения никто не внидет в небесный чертог»[294].

Вот когда мы получаем от Бога молитву или неизреченную радость любви к людям, мы считаем это своей собственностью, мы не понимаем, что Господь дал нам это даром, а считаем, что это наше приобретение, и начинаем осуждать других и выставлять себя, и тогда через гордость наше дарование истощается и истребляется.

Нам надо помнить, что Церковь зовет нас идти по пути молитвы и Таинства, через осияние светом Фаворским, через несение креста и подражание святым. Нам надо помнить, что смирению научает нас чтение святых отцов, которые знали, что такое смирение, хотя и не могли выразить его в слове, но в их писаниях сквозит их душа. А затем учителями смирения пусть будут наши ближние, ибо они знают наши язвы лучше нас. Давайте внимательно относиться к тем, кто открывает нам наши недостатки, и указания их принимать как указание Божие. Они открывают нам согрешения наши, они смиряют нас. А если кто напрасно скажет нам что-нибудь, то это приобщит нас к Господу, Который *изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши* (Ис. 53:5).

Те, которые хотят идти путем восхождения, должны постоянно помнить, что не только надо идти, но и постоянно памятовать, что труды могут оказаться тщетными, если не приобретать смирения.

Давайте же учиться у Того, Кто пришел возвести нас на небо и Сам вознесся туда во славе, и только при этом условии наше духовное делание будет иметь венец, который получают те, кто подвигом добрым подвизается на земле.

Церковь недаром дает нам ныне образ этих двух учеников — братьев Зеведеевых, которые были заражены гордостью и тщеславием и возбудили других апостолов. И Господь указывает не только им, но и всем нам, что, кто хочет быть первым, должен быть всем рабом.

Вот какой завет дает нам Христос, вот что значит идти путем смирения, вот каким образом мы должны учиться смирению.

Да будет воля Твоя должно быть не только нашей молитвой, но и нашим деланием.

---

[294] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 25, 52.

Блажени нищии духом; яко тех есть Царствие Небесное (Мф. 5:3), но не только тех, которые в пещерах, пустынях и пропастях земных подвизаются, а и всех тех, кто всякое дело свое совершает в смирении, — они войдут в Царство Небесное, а другие будут извержены вон.

Давайте же помнить, что без исполнения этой заповеди ни одна добродетель не служит ко спасению и что, исполняя ее, мы не можем гордиться своими дарованиями.

Аминь.

Седмица пятая Великого поста. Память преподобного Алексия, человека Божия (†411)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня Святая Церковь поднесением Честнаго Креста дает нам образ Страстей Христовых, вспоминая их особенно ныне, когда мы совершаем течение Святого поста, и этим указывая нам, что мы должны нести свой крест.

Сегодня же совершается память святого Алексия, человека Божия, которого мы особенно чтим в нашем храме.

Но этот день нам особенно дорог еще и потому, что он есть и будет днем именин Батюшки, отца Алексия. Сегодня Господь дал нам встретить этот день в первый раз без него[295] и в озарении Святого Креста.

Если мы сегодня молились Господу, чтобы не бесплоден был в нас Его святой Крест, чтобы мы, поклонившись Страстям Его, вошли от силы в силу (см.: Пс. 83:8) и сделались бы сами делателями виноградника Христова, то вспомним, что среди нас был человек, который не только нес свой крест, но и бесчисленные кресты своих духовных детей также нес на себе. Он был подобен тому, о ком говорит Иоанн Лествичник, что есть слезы и печаль по Богу, а есть радость по Богу, и это — и то, и другое — иногда сочетается в одном делателе Христове[296].

Скорбь о своих грехах — она совершается незримо для людей — это подвиг внутренний, а для мира, для окружающих есть радость о Боге.

Эту радость имел Батюшка, который нес наш крест. Мы постоянно забывали, да даже и не видели вовсе, что есть не только та

---

[295] Проповедь 1924 г. Отец Алексий Мечёв отошел ко Господу 22 июня 1923 г.

[296] Ср.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 7, 37.

радость, которая была в его взоре, но есть и скорбь, есть внутреннее делание пастыря, есть крест, скорби, которые он нес в течение долгих лет.

Он в этот день с нами, которые не только его вспоминаем, но и понимаем его, молимся о нем. Так вот и вспомним же его мы, недостойные, скверные, грешные его духовные дети, вспомним о том кресте, который он нес, нес легко и радостно, так что мы и не чувствовали его тяжести, ибо в нем была печаль по Богу, а для нас он был всегда радость и ласка.

Неужели для нас, кто видел жизнь делателя, о котором говорит Иоанн Лествичник, неужели для нас в дни покаяния и преднесения Честного и Животворящего Креста не станет понятно, что есть еще и батюшкин крест, который был не только его личным крестом, но слагался из бесчисленного количества наших крестов. Неужели мы, которые видели его изо дня в день, жили с ним, радовались его радостию и приносили ему свои скорби, ибо, как говорил Батюшка, пастырь должен забывать о себе и взять на себя скорби пасомых, — неужели в этот день, когда предстоим Кресту Господню, когда мы просим Господа, чтобы не бесплотен был для нас Его святой Крест, — неужели мы не осознаем, что это Крест Христов мы получили и через Батюшку? Неужели и этот Батюшкин крест будет бесплоден для нас?

Давайте помнить о том, что мы на него возлагали и в чем он нас постоянно облегчал. Многие бы желали получить то, что мы имели, а мы действительно имели, чувствовали и получали.

Вспомним, сколько страстей, скорбей, горестей приносили мы ему, нашему Батюшке, и как радостно он это принимал и никогда нас, своих духовных детей, не отметал.

Пусть не бесплоден будет его крест для нас. Поэтому, вспоминая его, вспомним и о своих грехах, вспомним, какой крест мы приносили ему; исправимся в том, чем мы его огорчали. Еще не поздно. Мы были при его жизни, как слепые. Давайте же теперь, в день памяти Батюшки, вспомним и исправим свои грехи перед ним, и тогда Господу содействующу не бесплотен будет тот крест, который нес в этой жизни наш Батюшка, отец Алексий.

Аминь.

[Об Иоанне Лествичнике и Марии Египетской]

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь, вводя нас в самую главную часть Святого поста — в дни поклонения святому Кресту и говоря: *иже Христовы суть,*

плоть распяша со страстьми и похотьми (Гал. 5:24), — раскрывает нам самое главное наше дело на земле: отказываться от себя, от своего греховного «я», взять свой крест и идти за Спасителем.

Говоря это и прославляя святой Крест, Церковь идет нам на помощь, чтобы мы не впали в отчаяние, думая, что это для нас непосильная заповедь, и дает в течение пятой и шестой недели Великого поста два образа — мужа и жены — Иоанна Лествичника и Марии Египетской.

Церковь говорит нам, вот вы шли в этой великой школе, шли, начиная с осознания в себе греха и оплакивания его вместе с первым Адамом, шли через прославление[297] (вторая неделя), которое выводит нас из этого состояния и приводит к дверям рая через жизнь в Таинствах, шли через осияние Фаворским светом (третья неделя) и пришли к самому главному в нашей теперешней жизни — к несению Креста, к сораспятию на нем Господу. И теперь Святая Церковь дает нам наглядный образ людей, который, являясь такими же грешными и носящими плоть и грех Адама, как и мы, взошли на высоту первого блаженства.

Я помню, как я был в одном монастыре на четвертой неделе Великого поста и одна монашенка, показывая мне церковь, говорила: «Теперь наступит наша неделя — памяти Иоанна Лествичника, а затем Марии Египетской». Почему «наша», а разве и не для мирян?

Да, мы в том и повинны, что отделяем жизнь иноческую от жизни своей, в мире живущих. Многие из нас теперь думают, что иноческая жизнь, жизнь в борьбе со страстьми и похотьми, кончается или даже кончилась, отжила свой век, и нам, теперешним христианам, надо жить другой, особой и непохожей на нее жизнью. А Церковь в дни прохождения величайшей школы для всех православных христиан указывает на два образа *иноков*: Марии Египетской и Иоанна Лествичника. Она показывает их не только инокам, чтущим их, но и нам, мирянам; напоминает нам, что и в нашей жизни возможно то или иное достижение. Иоанн Лествичник говорит нам, что путь, который он изложил в своей «Лествице», существует не только для иноков «ушедших от мира», но и для нас.

Иоанн Лествичник жил в VI веке. Он поступил в Синайский монастырь 16 лет, а по прошествии некоторого времени уединился и у подошвы Синая прожил 40 лет. Из уединения его уже в преклонном возрасте — 75 лет — синайские монахи избрали своим настоятелем.

Иоанн Лествичник в течение всей жизни шел путем самосовершенствования в Боге. Когда настоятель Раифского (соседнего)

---

[297] Свт. Григория Паламы.

монастыря обратился к нему с просьбой дать им духовное руководство, то Иоанн Лествичник по смирению, считая себя невежественным и необученным, хотел отказаться, но принял этот труд как послушание и написал «Лествицу» (по точному греческому переводу — «Лествица райская»).

«Лествица» заключает в себе 30 книг, которые можно разделить на две части. В первой части Иоанн Лествичник говорит о пороках, противных христианской жизни, и о борьбе со страстями — злословием, многоглаголанием, леностию, унынием и т. д. Первая часть обнимает 23 книги, а вторая, начинающаяся с 24-й книги, говорит о добродетелях: кротости, рассудительности, смирении, вере, надежде и, как о довершении всего, любви.

Эти 30 ступеней духовного делания, восхождения дороги нам тем, что о них великий подвижник на склоне лет писал, не выдумывая, а наблюдая, и прежде всего свою собственную душу, и справляясь с другими святыми отцами, о которых он иногда и упоминает, например Евагрий, Кассиан и другие.

Для нас, людей, которые хотят следить за тем, что предлагает Святая Церковь своим чадам, которые в течение года слышали учение Иоанна Лествичника об унынии, тщеславии и т. д., — для нас (в эти дни, когда мы стоим еще в седмице Крестопоклонной и приближаемся к Неделе Иоанна Лествичника), нужно в самых кратких словах изложить, как он смотрит на самое основное в нашей жизни.

«Все младенцы во Христе»[298], говорит Иоанн Лествичник. Все мы младенцы по духовному возрасту, и наше делание заключается в том, чтобы нас, грешных, уврачевать, исцелить в течение этой жизни.

«Когда хотим выйти из Египта и бежать от фараона, то и мы имеем необходимую нужду в некоем Моисее, т. е. ходатае к Богу и по Боге, который, стоя посреди деяния и видения, воздевал бы за нас руки к Богу, чтобы наставляемые им перешли море грехов и победили Амалика страстей. Итак, прельстились те, которые, возложив упование на самих себя, сочли, что не имеют нужды ни в каком руководителе, ибо исшедшие из Египта имели наставником Моисея, а избежавшие из Содома — ангела... т. е. равноангельного мужа; ибо по гнилости ран потребен для нас и врач весьма искусный»[299].

В том-то и дело, что мы больны, больны все — и иноки, и мирские, мужи и жены, — больны своими грехами. Это море грехов мешает нам восходить к горним обителям. Нам нужен врач, который мог бы вывести нас из этого состояния.

---

[298] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 1, 10.

[299] Там же. 1, 7.

Каким же путем мы должны идти?

Все мы или наши восприемники за нас давали при крещении обет: «Отрицаемся сатаны, и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и всея гордыни его»[300].

Крещаемый свидетельствует о своем отречении, говоря три раза «отрицаюся» и три раза в прошедшем времени «отрекохся», а затем дает обет сочетания Христу, говоря три раза «сочетаваюся» и опять три раза в прошедшем времени «сочетахся».

Первое слово Иоанна Лествичника «Об отречении от мира», которое ставит во главу угла, относится и к инокам, хотя они как будто уже ушли из мира.

Слово «мир» в Священном Писании имеет несколько значений.

Во-первых, мир — творение Божие, преисполненное красоты. От этого мира не надо было бы отрекаться христианину, но его уже не существует, в него вошел грех, вошло зло, и теперь *мир во зле лежит* (1 Ин. 5:19).

Вторым значением «мира» является зло, грех.

Третье значение придается ему, когда подразумевается тот мир, в котором мы живем. В нем есть красота и доброта и — грех.

От чего же, от какого «мира» отрекаются инок и мирянин?

Они не отрекаются от «мира», который Богом создан и возлюблен, *тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть* (Ин. 3:16), и, конечно, не отрекаются от того мира, в котором живут, от мира, который, хотя и есть творение Божие, но преисполнен греха. Ведь и инок, отрекаясь от мира, живет в мире же — в пустыне, в пещере, в монастыре.

А вот от мира греха, от страстей, от диавола — вот от него отрекается каждый крещаемый и вторично — тот, кто принимает пострижение.

Если все это так, то как же мы, люди, должны совершать свой путь спасения?

Сперва это отречение совершается с великим трудом. «В самом начале отречения, — говорит Иоанн Лествичник, — без сомнения, с трудом, понуждением и горестью исполняем добродетели; но, преуспевши, перестанем ощущать в них скорбь или ощущаем, но мало; а когда плотское мудрование наше будет побеждено и пленено усердием, тогда совершаем их уже со всякою радостию и ревностию, с вожделением и божественным пламенем»[301].

Эти состояния понуждения и труда, о которых говорит подвижник, достигший уже высшего, знавший и радость молитвы, и

---

[300] Последование оглашения.

[301] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 1, 16.

Божественный пламень, нам чрезвычайно близки, и мы должны теперь отнестись к ним совсем по-иному, потому что получаем эти слова от человека, который уже *взошел*, вспоминает *свое* восхождение, *свои* труды, понуждение и горесть, свидетельствует об этом.

Всем нам надо помнить, что говорит Иоанн Лествичник: «Всем приступающим к сему доброму подвигу, жестокому и тесному, но и легкому, должно знать, что они пришли ввергнуться в огонь, если только хотят, чтобы в них вселился невещественный огонь»[302].

Итак, с одной стороны, это подвиг жестокий и тесный, а вместе с тем — и легкий. Иоанн Лествичник свидетельствует, что «Господь по особенному Промыслу Своему облегчил брани для новоначальных, чтобы они при самом начале не возвратились тотчас в мир»[303]. Итак, радуйтесь всегда о Господе, все рабы Божии, видя в этом первый знак любви Господней к вам и что Он Сам вас призвал.

Это путь легкий, потому что Господь его облегчает, и прежде всего для новоначальных, и многие из нас знают это по своему опыту. Так легко было ходить в церковь, так не хотелось уходить от церковных служб, так легок казался свой крест, и удивлялись мы, почему так тяжело другим, когда нам легко. Но вместе с тем мы должны помнить, что постоянный труд должен сопровождать нас, что борьба необходима. Мы в своем неразумии думаем, что христианин тот, кто «верует», но ведь *и бесы веруют, и трепещут* (Иак. 2:19). Значит, мы здесь не берем самого главного признака.

А вот что говорит Иоанн Лествичник: «Христианин есть тот, кто, сколько возможно человеку, подражает Христу словами, делами и помышлениями, право и непорочно веруя во Святую Троицу»[304]. Стало быть, прежде всего требуется, чтобы мы подражали Христу словами, делами и помышлениями и верили непорочно во Святую Троицу.

А кто такой боголюбец?

Мы привыкли думать, что это тот, кто любит Бога, молится, как фарисей, дает жертву бедным во имя Божие, но не так определяет Иоанн Лествичник. «Боголюбец есть тот, кто пользуется всем естественным и безгрешным и по силе своей старается делать добро»[305]. И понятно для нас, что мы, грешные, живем противоестественно, иначе мы и не были бы грешными. Нам надо пользоваться всем естественным и безгрешным и стараться делать добро — этого требует Иоанн Лествичник.

---

[302] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 1, 9.

[303] Там же. 1, 23.

[304] Там же. 1, 4.

[305] Там же. 1, 4.

А многие из нас только верят и умиляются (когда, например, читают о Страшном Суде), а на самом деле ничего не делают и не думают подражать Христу. Многие из нас не могут даже понять, что есть один путь — путь делания Христова, очищения своей души от похотей и страстей, — одинаковый для иноков и для мирян. Разница здесь лишь в мере прохождения пути.

Как же Иоанн Лествичник смотрит на выбор пути?

«Желающие истинно работать Христу прежде всего да приложат старание, чтобы при помощи духовных отцов и собственным рассуждением избрать себе приличные места и образы жизни, пути и обучения, ибо не для всех полезно общежитие по причине сластолюбия и не все способны к безмолвию по причине гнева, но каждому должно рассматривать, какой путь соответствует его качествам»[306].

Итак, с одной стороны, один общий путь для всех — борьба с грехами, излечение от страстей, но вместе с тем каждому надо идти и своим путем.

Что же это значит?

Когда человек страдает какой-нибудь болезнью, врач, если он хороший, лечит его сообразно с общим состоянием его тела. Так, врач будет лечить воспаление легких по-разному у различных людей. Хотя общее лечение будет одно, но оно меняется в зависимости от состояния сердца и легких данного человека.

Господь дает каждому идти соответственно его качествам. Иоанн Лествичник писал для иноков, но и здесь можно видеть то же самое. Даже для иночества, которое живет общей жизнью, есть различные пути: безмолвие, безмолвие с двумя и общежитие.

«Все житие монашеское содержится в трех главных устроениях и образах подвига: или в том, чтобы безмолвствовать с одним и, много, — с двумя; или, наконец, в том, чтобы терпеливо пребывать в общежитии»[307].

Вот мы все в большинстве случаев, как новоначальные, должны помнить, что Иоанн Лествичник говорит дальше: «*Не клонись*, говорит Екклезиаст, *ни на десно, ниже на шуе* (Притч. 4:27), но путем царским иди»[308].

Нам нужно помнить, что мы должны идти путем общежития, не замыкаясь в себе, каждый отдельно, а идти вместе: *друг друга тяготы носите* (Гал. 6:2), — говорит Господь.

Путь общежития является для нас путем царским. Но нужно помнить, что, идя вместе с другими, каждый идет своим путем, у

---

[306] Там же. 1, 25.

[307] Там же. 1, 26.

[308] Там же.

каждого свои немощи и свои недостатки, и мы при помощи своих духовных отцов и наставлений святоотеческих должны избрать себе путь, соответствующий нашим качествам.

Вот основное положение, на котором Иоанн Лествичник строит свое поучение и развертывает свою «Лествицу».

Для нас, желающих поклониться Святому Кресту и молящихся, да не бесплотен будет в нас Святой Крест, надо помнить и понять, что Иоанн Лествичник был христианином не только в смысле веры, но и в смысле подражания Христу — и словом, и делом, и помышлением, и оставил нам путь, по которому мы под руководством своих духовных отцов можем идти.

В X веке «Лествица» была переведена на болгарский язык и попала к нам, а в XIX веке ее перевели на сербский, и этот перевод также попал на Русь. По этой книге воспитывались наши великие подвижники — Сергий Радонежский и его ученики. Она была хорошо известна Нилу Сорскому. В их время, в XIV—XV веках, когда у нас на Руси совершалось настоящее духовное делание, она существовала во многих списках.

Затем она забывается, и приходится уже чуть ли не в наше время снова переводить ее Паисию (Величковскому). Эта книга, «Лествица райская», в наше время мало кому известна, хотя она и издавалась несколько раз — лучшее издание Оптиной пустыни.

Вам, желающим не только говорить о Христе, а и делать, надо знать эту книгу и помнить, что Иоанн Лествичник вводится в пост не потому, что надо заполнить воскресные дни празднованием тех или иных святых. Скоро ведь будет и отдельное его празднование (30 марта), и если в то же время Святая Церковь находит нужным не только установить второе празднование его памяти, но и целую седмицу Великого поста отдает этому подвижнику, то это потому, что в «Лествице» он оставил сокровище, дающее нам устроение.

Наше время последнее поставило на карту. Хотят отбросить опыт иноческий и идти по иному пути. Но Церковь свидетельствует, что есть только один путь — борьба со страстями и похотями, излечение души. Иоанн Лествичник шел этим путем излечения и оставил нам свой опыт, который мы в храме изучаем мало-помалу от пятницы до пятницы.

Если мы чувствуем, что Иоанн Лествичник так много нам говорит, открывает так много грехов, о которых мы и не подозревали, то каково же его значение для настоящих делателей. Если даже мы чувствуем эту радость, то тем самым можем понять, что эта книга и этот подвижник имеют значение и для нашей мирской жизни,

Когда мы будем праздновать память его, пусть всякий вспомнит, что он получил от него, и тогда вы поймете, какая величайшая мудрость в расположении недель Великого поста, когда

сейчас же после Крестопоклонной недели Церковь показывает нам, как идут святые отцы, оставившие нам путь, влекущий и нас к небесным обителям.

Призывом к восхождению заканчивает свою «Лествицу» преподобный Иоанн Лествичник: «Восходите, братия, восходите усердно, полагая восхождения в сердце своем и внимая пророку, который говорит: *приидите, взыдем на гору Господню, и в дом Бога нашего* (Ис. 2:3), совершающего *нозе наши яко елени, и на высоких поставляющего* (Пс. 17:34), чтобы нам соделаться победителями на пути Его. Теките, умоляю вас с апостолом, сказавшим: потщимся, *дондеже достигнем вси в соединение веры и познания Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4:13). Христос же, крестившись в тридесятое лето видимого возраста, получил тридесятую степень в духовной сей лествице; ибо любовь есть Бог. Ему хвала, Ему держава, и Ему сила; в Нем начало всех благ и есть, и было, и будет в бесконечные веки»[309].

Неделя пятая Великого поста. Память преподобной Марии Египетской

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В последнюю неделю Великого поста Святая Церковь дает нам образ жены, шедшей долгим путем покаяния, очищения своей души и пришедшей ко Господу — образ Марии Египетской. Она говорит нам как бы о том, что если в предыдущей седмице мы соприкоснулись с другим подвижником — Иоанном Лествичником, — соприкоснулись с образом мужа, то пусть жены не думают о том, что дело спасения — жизнь в Боге — не их мера, не по их силам.

Церковь дает нам образ жены — великой грешницы и великой праведницы. Она дает нам его как подтверждение всего того, что мы слышали в храме в чтениях Великого поста, и того, что говорил нам великий учитель наш — Иоанн Лествичник.

Мария Египетская — одна из величайших грешниц.

Когда читаешь житие Марии Египетской, убеждаешься, насколько в поучениях святых отцов, хотя бы в изложении Иоанна Лествичника, правдиво изображена человеческая душа и насколько вообще духовная жизнь закономерна.

Прежде всего, Мария Египетская в течение 17 лет совершала блуд со всеми. Она говорит о себе: «Семнадцать лет и даже больше

---

[309] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица. Краткое увещевание, которое содержит в себе все то, что говорено было в сей книге пространно.

я совершала грех со всеми не ради подарка или платы, так как ни от кого ничего не брала, но я так рассудила, что даром больше будут приходить ко мне и удовлетворять мою плоть. Не думай, что я была богата, — нет, я жила в нищете, часто голодная пряла охлопь, но всегда была одержима желанием еще более погрязнуть в тине блуда, я видела жизнь в постоянном бесчестии»[310].

У каждого из нас есть тот или иной порок, та или другая страсть, которая владеет нами, и святые отцы говорят, что прежде всего и надо бороться против нее. «Кто видит в себе какую-нибудь господствующую страсть, тому должно прежде всего противу ней вооружаться, особенно же если это домашний враг, ибо, если мы не победим сей страсти, то от победы над прочими не будет нам никакой пользы»[311].

У Марии Египетской такой господствующей страстью была страсть блуда, которую исполняла она не ради денег, не ради подарка, не ради чего-либо другого, но ради своей похоти.

И вот Мария едет во Святую Землю, едет не для того, чтобы ей поклониться, не ради того, чтобы так или иначе весело провести время, но ради того, чтобы со встретившимися на корабле молодыми людьми предаваться той похоти, той страсти, которая ею владела. Вы знаете, по особому Промыслу Божию она не была допущена до поклонения Животворящему Кресту Господню. Несколько раз пыталась Мария проникнуть в храм, но, будучи каждый раз удержана неведомой силой, почувствовала свою греховность, и, увидев Божию Матерь, изображенную на иконе, она смиренно Ее попросила: «О, Владычице, Дева, родшая Бога плотию. Я знаю, глубоко знаю, что нет чести Тебе и хвалы, когда я, нечистая и скверная, взираю на Твой лик Приснодевы, чистой телом и душой. Праведно, если Твоя девственная чистота погнушается и возненавидит меня, блудницу. Но я слышала, что рожденный Тобою Бог для того и воплотился, чтобы призвать грешников к покаянию. Приди же ко мне, оставленной всеми, на помощь. Повели, чтобы мне не возбранен был вход в Церковь, дай мне узреть Честное Древо, на котором плотию был распят Рожденный Тобою, проливший святую Кровь Свою за избавление грешников и за меня. Повели, Владычице, чтобы и для меня, недостойной, открылись двери Церкви для поклонения Божественному Кресту. Будь моей Поручительницей пред Сыном Твоим, что я более не оскверню своего тела нечистотою блуда, но, воззрев на Крестное Древо, отрекусь от мира и его соблазнов и пойду туда, куда поведешь меня Ты, Поручительница моего спасения».

---

[310] См. здесь и далее: Житие прп. Марии Египетской // *Димитрий Ростовский, свт.* Жития святых.

[311] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 15, 41.

И дальше, вы знаете, что Божия Матерь удостоила ее войти в храм и поклониться Честному Кресту, а затем она в радости, омывшись во Иордане, причастившись Святых Таин, пошла на великий подвиг, который затем несла в течение 50 лет.

Что же дает нам Мария Египетская?

Она хотела вновь получить от Бога чистоту. «Целомудрие есть чистота души и тела»[312]. Как же ей, блуднице, можно было сделаться вновь чистой?

Обратимся к тому, кто недавно учил нас — к Иоанну Лествичнику: «Не тот чист, кто сохранил нерастленным сие бренное тело, но тот, кто члены его совершенно покорил душе»[313].

Вот ее задачей и было теперь члены свои покорить душе, сделать их сослужащими Богу, как служила душа. Она стала очищать себя через безмолвие и послушание. «Земля с росою есть матерь сладости плодов, а матерь чистоты есть безмолвие с послушанием», — говорит Иоанн Лествичник[314]. Вот Мария Египетская и исполняет это указание святоотеческого опыта, не зная, конечно, о нем. Она идет через пустынное безмолвие и послушание.

Почему необходимо безмолвие и послушание?

Безмолвие — это то, что является для нас службой Богу. «Безмолвник тот, кто существо бестелесное усиливается удержать в пределах телесного дома»[315].

Это значит, что подвижник — «существо бестелесное», то есть ум свой или душу, как бы сказали, должен удерживать в своем теле, то есть не давать ей развлечений мирских. Вся жизнь его — стояние перед Богом, служба Ему.

Но для стяжания чистоты мало одного воздержания и безмолвия. «Кто одним воздержанием покушается утолить сию брань, тот подобен человеку, который думает выплыть из пучины, плавая одной рукою». Где же другая рука? «Совокупи с воздержанием смирение; ибо первое без последнего не приносит пользы»[316].

Итак, должно быть не только одно воздержание, но надо стяжать еще послушание и смирение. Вы знаете, что дает послушание: «Послушание есть... воскресение смирения»[317].

Вот и Мария Египетская должна была прибегнуть к послушанию, чтобы обрести чистоту. Но как же могла она иметь послушание, когда не было руководителя?

---

[312] Там же. 15, 5.
[313] Там же. 15, 12.
[314] Там же. 15, 37.
[315] Там же. 27, 6.
[316] Там же. 15, 40.
[317] Там же. 4, 3.

Мария Египетская предала себя Божией Матери, назвав Ее своей Поручительницей: «Будь моей Поручительницей пред Сыном Твоим, что я более не оскверню своего тела нечистотою блуда, но, воззрев на Крестное Древо, отрекусь от мира и его соблазнов и пойду туда, куда поведешь Ты меня, Поручительница моего спасения». И потом: «Теперь, Владычице, пора исполнить то, что я обещала, призывая Тебя Поручительницей: наставь меня, как будет Твоя воля, и научи, как совершить спасение на пути покаяния».

Божия Матерь послала ее за Иордан, и радостно, и как легко было Марии, приобщившейся Телу Христову, снова вошедшей в Церковь, как радостно было ей идти в пустыню, идти жить в Боге, пребывать в молитве.

А дальше настало то, в чем мы всегда терпим поражение, — дальше была борьба. «Поверь мне, отец Зосима, что 17 лет прожила я в этой пустыне, борясь со своими безумными страстями, как с лютыми зверями, — говорит Мария Египетская. — Когда я принималась за пищу, я мечтала о мясе и вине, какие ела в Египте; мне хотелось выпить любимого мною вина. Будучи в миру, много пила я вина, а здесь я не имела и воды; я изнывала от жажды и страшно мучилась. Иногда у меня являлось очень смущавшее меня желание петь блудные песни, к которым я привыкла». Но это еще не главное, что мучило ее. «Огонь страсти загорался во мне и опалял меня, понуждая к похоти. Когда на меня находил такой соблазн, то я повергалась на землю и обливалась слезами, представляя себе, что предо мною стоит Сама моя Поручительница, осуждает меня и мое преступление и грозит за него тяжелыми мучениями. Поверженная на землю, я не вставала день и ночь, пока свет не озарял меня и отгонял смущавшие меня мысли. Тогда я возводила очи к Поручительнице своей, горячо прося помощи моим страданиям в пустыне, и действительно, Она давала мне помощь и руководство в покаянии. Так провела я 17 лет в постоянных мучениях. А после и до сего времени Богородица во всем — моя Помощница и Руководительница».

Да, радостно начало, и, как вы знаете, радостен конец ее борьбы со страстями, а в середине был подвиг — 17 лет провела она в постоянных мучениях.

Что же получила Марий Египетская? Она получила чистоту. В чем же видна эта чистота? «Чистота, — говорит Иоанн Лествичник, — нас усвояет Богу и сколько возможно делает Ему подобными»[318].

И мы знаем, что, когда она провела 47 лет в пустыне, когда встретилась с Зосимою, то обладала этой чистотой в такой мере,

---

[318] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 15, 36.

что, не читая никаких книг, знала Священное Писание. На вопрос Зосимы, чем она питается, она отвечала: «Питаюсь и покрываюсь я всесильным словом Божиим, ибо *не о хлебе единем жив будет человек* (Мф. 4:4)».

Услыхав, что святая вспоминает слова Священного Писания из Моисея, пророков и Псалтири, Зосима спросил, не изучала ли она псалмы и другие книги: «Не думай, — отвечала она с улыбкой, — что я со времени моего перехода через Иордан видела какого-либо человека, кроме тебя, — даже зверя и животного я не видела ни одного. И по книгам я никогда не училась, не слыхала никогда из чьих-либо уст чтения или пения, но Слово Божие везде и всегда просвещает разум и проникает даже меня, неизвестную миру».

Да, проникает, ибо, как говорит Иоанн Лествичник, «чистота соделала ученика своего богословом»[319], ибо Господь, как Чистейший, проникает в чистоту души, Сам делается Учителем, и не нужны тогда бывают для ее научения слова других. «Слово, соприсносущее Отцу, творит чистоту совершенную, пришествием своим умертвив смерть; а когда она умерщвлена, ученик богословия получает просвещение»[320].

Жизнь Марии Египетской, которую она провела в покаянии о том грехе, который ею сначала владел, дает нам образ деятельного восхождения.

Иоанна Лествичника Святая Церковь дает нам прежде всего как описателя «Лествицы», о житии его мы знаем мало, почти только то, на что есть указание в самом его творении. Только в «Лествице» мы узнаем его душу, а житие Марии Египетской есть жизнь, рассказанная самой подвижницей.

А когда мы теперь творим ее память, мы должны помнить, что Мария Египетская есть величайшая подвижница из числа женщин-блудниц, что она шла через покаяние, соединенное с безмолвием и послушанием; она дает нам великий пример покаяния и всех призывает к этому пути.

Житие Марии Египетской говорит нам, что, если кто из нас имеет какую-либо господствующую страсть и знает ее через советы духовного отца, тот должен прежде всего против нее подвизаться, иначе тщетны будут все другие его победы. А затем оно говорит нам, что мы должны идти через подвиг, что *Царствие Божие нудится* (Мф. 11:12), что начинается путь Христов, путь подвига с радости великой, как начался он у Марии Египетской, и кончается великою радостию, а в середине идет тяжелая борьба

---

[319] Там же. 30, 24.

[320] Там же. 30, 22.

со страстями и похотями — 17 лет она с ними боролась, как с лютыми зверями: она падает духом, она унывает, она теряет дар молитвы, радость любви.

Иоанн Лествичник и Мария Египетская зовут нас на подвиги. Сейчас, когда каждый из нас является хоть и маленьким, но все-таки светочем в той тьме, которая нас объяла, надо помнить эти живые образы деятельного восхождения, которыми и заканчивает Святая Церковь Великий пост.

Если вы шли через покаяние, через вопль «Господи, помилуй мя падшаго», через Православие и Таинства, через озарение Фаворским светом, через взятие своего креста, то, заканчивая этот путь, оглянитесь назад — как он пройден, что взяли вы в вашу душу из того, что предлагала каждому из нас Святая Церковь.

Если же вы еще не начали своего покаяния, то не поздно еще начать его, ибо еще сегодня мы со Святою Церковью будем петь: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче».

Аминь.

Седмица шестая (ваий) Великого поста. Лазарева суббота

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Одна сестра, которой я не позволил прийти в храм по болезни, сказала мне: «Сегодня такая хорошая служба».

Плохой службы нет. Все хороши, ибо всегда служба неповторима, каждая своеобразна. Правда, в наше время мы сами зачастую делаем их похожими друг на друга, выкидывая некоторые места и вставляя совсем несоответствующие концертные песнопения.

Что же дает нам сегодняшнее богослужение?

Ныне мы пришли не только для того, чтобы стоять со свечами и вербами. Мы пришли, чтобы встретить Господа, но не так, как встречали Его еврейские дети, которые кричали Ему: *Осанна Сыну Давидову! благословен Грядый во имя Господне! осанна в вышних!* (Мф. 21:9). Ибо мы знаем то, чего не знали они.

Господь зовет нас не для того, чтобы мы дали Ему ветви распустившихся деревьев, которые мы держим в руках, или одежды наши, подобно евреям. Он зовет нас дать Ему другие одежды и другие ветви.

Совершив воскрешение Лазаря, Господь идет в Иерусалим, и первыми встречают Его те, кто чист сердцем, те, для кого

установлено Царствие Небесное. Только тот, кто умалится, как дитя, войдет в него.

Пустите детей приходить ко Мне (Лк. 18:16), — говорит Господь, и дети первые почувствовали любовь Его к ним и воспевают Ему осанну. А за ними — и народ, воспламенившись от детских голосов. Тот народ, среди которого Он творил чудеса, изгонял бесов, очищал от проказы. Этот самый народ вспоминает все это и в порыве радости приветствует Его, срезает ветви и расстилает их на Его пути, а кто не может срезать, тот кладет свои одежды.

А Господь, когда увидел Иерусалим, куда Он направлялся, заплакал о нем, сказав: *О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему* (Лк. 19:42). Господь плакал, плакал о том, что не узнали времени посещения Его. Он плакал о людях Ветхого Завета, которые, хотя сами и проповедовали о Мессии и пели ныне осанну, но не были просвещены Светом и не могли в своей гордости принять того Света, Который просветил всех людей.

«Грядый Господь на вольную страсть»[321]. Этого они не знали, а мы ныне знаем. И собрались мы сегодня не для того, чтобы встречать Его как Царя, торжественно грядущего во Иерусалим, но как идущего на Крест. «Днесь благодать Святаго Духа нас собра, и вси вземше крест Твой глаголем: благословен Грядый во имя Господне, осанна в вышних»[322]. Вот наша осанна, вот как мы должны Его ныне прославлять. А мы как?

А вот мы думаем, что собрались, чтобы петь Ему, как отроки: «И мы, яко отроцы победы знамения носяще, Тебе, победителю смерти, вопием»[323]. Но, братья и сестры, многие из нас и так не могут воспевать, многие и сейчас находятся в состоянии, в котором далеко отстоят от еврейских отроков.

Святая Церковь через богослужение зовет нас не к этому, а к иному, и второй тропарь, который мы мало слышим и который зачастую не поется, раскрывает наше истинное состояние: «Спогребшеся Тебе крещением, Христе Боже наш, безсмертныя жизни сподобихомся воскресением Твоим, и воспевающе зовем: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне»[324].

Вот мы, люди Нового Завета, спогребаемся Тебе. И недаром те, которые утром были в храме, слышали вместо Трисвятого «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся»[325]. Потому к этому времени всегда приурочивали крещение взрослых, чтобы они могли встретить Христа, сподобившись крещения. Мы все

---

[321] Отпуст в понедельник, вторник и среду Страстной седмицы.

[322] Неделя ваий. Великая вечерня. Стихира 1-я на *Господи, воззвах*.

[323] Неделя ваий. Утреня. Тропарь.

[324] Там же. Ин тропарь.

[325] На литургии в Субботу праведного Лазаря.

спогребаемся Христу и сподобляемся вечной жизни Его воскресением, и не только мы знаем, что так должно быть, но многие и чувствовали, что это так.

Когда Святая Церковь в последние дни Великого поста зовет нас поклониться грядущему Господу, зовет нас, очистившихся от греха, пришедших со свечами и ваиями, мы должны понять, Кого мы встречаем и что мы должны дать Ему.

При крещении мы получаем одежду, Его одежду, а затем у нас есть ветви добродетелей, ибо душа дает плод добродетелей, и потому Святая Церковь воспевает: «Ваиа добродетелей, братие, принесем Христу Богу, грядущему нас ради человечески пострадати волею»[326].

Где же у нас наши добродетели, или, как говорят святые отцы, наше уподобление Богу?

У многих из нас нет этих ветвей, но они должны быть, ибо мы не только должны восстановить в себе образ Божий, но и работать над уподоблением.

Каждый должен иметь и имеет одежду крещения: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся». Это одежда нетленная, одежда Христова, она нами оскверняется, но она нами же может и очиститься в Таинствах покаяния и причащения.

Итак, мы собрались ныне, чтобы проводить Господа на страдание, ибо Он идет не воцариться, как думали отроки еврейские, а идет «заклатися и датися в снедь верным»[327].

И мы ныне должны предстоять, очистив душу, «ум очистив», как поется в тропаре Алексию, человеку Божию. А это зависит от того, как мы провели святую Четыредесятницу.

Где наши ветви, где наши ризы, которые мы должны были вновь получить через покаяние и причащение Тела Христова, где наша жизнь в Господе?

Вот ныне каждый из нас должен дать Господу не ветви-ваия, не эти вещественные, старые одежды, которые, как и одежда крещаемого, есть только символ. Но можем ли мы дать Ему хотя бы одежду Адама, дать ту одежду, которую Он дал нам?

Мы плохо провели святую Четыредесятницу, и можем ли мы участвовать ныне в этой радости, ибо к радости зовет нас Церковь — радостно сораспяться и умереть с Господом?

Не поздно еще, не поздно, иди, грядет Господь на вольную страсть. И настанет время, когда Святая Церковь поведет нас от смоковницы, зачахшей за то, что она не приносила плода, на Тайную вечерю, на предательство в Гефсиманию, к Пилату и Ироду,

---

[326] Неделя ваий. Малая вечерня. Стихира 4-я на *Господи, воззвах*.

[327] Из Херувимской песни.

затем на Голгофу и наконец позовет нас соучаствовать в погребении вместе с Иосифом и Никодимом (см.: Ин. 19:38–42).

Свечи, которые мы держим вместе с ветвями-ваиями, говорят нам о том, что мы должны иметь зажженными светильники веры[328], потому и крещаемые стоят со свечами не только во время Таинства, но и всю литургию.

Итак, ныне, встречая Господа, будем иметь светильники наши зажженными, принесем Ему одежды наши нетленные, боготканные, а затем мы, люди Нового Завета, должны были бы не только в радости встречать Господа и петь вместе с отроками, но и принести Ему плоды душ наших — ветви добродетелей.

Вот чему учит нас нынешний праздник, вот что значит жить со Святой Церковью и встречать Господа, идущего на страсть, вот что значит «днесь благодать Святаго Духа нас собра, и вси вземше крест Твой глаголем: благословен Грядый во имя Господне, осанна в вышних».

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«Общее воскресение прежде Твоея страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже. Темже и мы, яко отроцы победы знамения носяще, Тебе, победителю смерти, вопием: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне»[329].

Если мы верим, что Христос есть воистину победитель смерти и *первенец из умерших* (1 Кор. 15:20), то это значит, что не только Христос воскрес, но и мы некогда воскреснем; веруя в воскресение Христово, мы веруем не в Его только, но и в наше воскресение.

Господь сказал, что настанет день, *когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут. ...и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения* (Ин. 5:25.29). Для всех настанет этот страшный, а вместе с тем и радостный день. Желаем мы этого или не желаем, все мы востанем из гробов, вызванные словом Божиим от смерти в жизнь, все должны будем подчиниться этому закону, положенному в основу мироздания. Но для одних этот день будет днем величайшей радости, а для других днем ужаса и плача.

Для тех, кто в этой земной жизни шел путем веры, путем создания в своей душе Царствия Божия, кто еще здесь, на земле, стяжал залог вечной жизни, день этот будет днем радости.

---

[328] Подобно разумным девам из евангельской притчи о десяти девах (см.: Мф. 25:1–13).

[329] Тропарь Входа Господня во Иерусалим.

Истинно, истинно говорю вам, — сказал Господь, — *слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь* (Ин. 5:24). Преподобный Сергий и преподобный Серафим не придут на Суд, ибо они веровали Господу и воскресли душею прежде воскресения тела. Поэтому в последний день общего воскресения они, услышав глас Господень, востанут и возрадуются.

Но для многих день этот будет днем плача и сетования, днем великого ужаса. Ужас состоит не в том, что все мы некогда умрем, потому что и сейчас многие люди, живущие не в прекрасном мире, созданном Господом, но в созданном ими самими в страшном мире страстей, тяготятся своей жизнью и желают добровольно прекратить ее. Ужас состоит в том, что мы не только умрем и воскреснем, но для многих это будет *воскресение осуждения*. Если бы мы по-настоящему веровали словам Господа, мы дали бы себе отчет в том, почему мы не радуемся по-настоящему воскресению Христову и почему мысль о том, что мы воскреснем, вызывает в нас ужас. Мы поняли бы тогда, что это происходит потому, что, живя на земле, мы не создаем в своей душе Царствия Божия и не идем по пути стяжания вечной жизни.

Предваряя великий день общего воскресения, Господь Иисус Христос, прежде Своего страдания, воскресил из мертвых Лазаря. Лежащий во гробе, «четвородневный» Лазарь услышал глас Господа, воззвавшего его к жизни: *Лазаре, гряди вон! И вышел умерший, обвитый... погребальными пеленами* (Ин. 11:43–44).

Воскрешение Лазаря было не нарушением, а утверждением, или, как говорит тропарь сегодняшнего дня, «уверением» закона всеобщего воскресения, положенного Господом в основу мироздания. Закон этот ужасен для грешников и бесконечно радостен для праведников. Таким был бы он и для нас, если бы мы, придя сегодня вечером в храм, принесли с собою не ветви-ваии, а ваии добродетелей, которые должны расцветать в наших душах.

На протяжении всей Четыредесятницы Святая Церковь вела нас путем покаяния и очищения наших душ путем взращивания в них ваий добродетелей, путем воскресения души прежде Общего воскресения. Вспомним, к чему призывают нас великие песнописцы церковные, проповедники и руководители наших душ на пути покаяния, в особенности в эти последние дни, когда мы вместе с Господом и Его учениками шли заиорданскою стороною в Вифанию и в Иерусалим: «Приидите, уготовим Господеви к сретению, ветви добродетелей носяще Ему; тако бо Его приимем, якоже во граде Иерусалиме в души нашей, покланяющеся и поюще Его»[330].

---

[330] Вторника ваий. Утреня. Второй трипеснец. Песнь 9. Заключительный тропарь.

Много духовных утешений дала нам Церковь в эти святые дни. Воистину ужасным и радостным могло быть для нас время святой Четыредесятници, если мы проводили ее в покаянии, если все то, что мы совершали и творили в эти дни, мы приносили Господу от сокровища нашего сокрушенного сердца. Вот и сегодня вечером мы будем стоять в храме, держа в руках свечи и цветущие ветви, которые Церковь именует «знамениями победы». И цветущие ветви, и зажженные свечи — это только внешнее выражение праздника, все это для нас только знамения внутреннего духовного празднования. Цветущие ветви — знамение победы над грехом и духовного цветения наших душ, а огонь свечей, которые мы будем держать сегодня в руках, должен напоминать нам о том благодатном огне, который пришел Спаситель зажечь в наших душах.

Сегодня мы стоим в преддверии великих дней — Страстей Господних. Давайте же хотя бы в эти предпраздничные дни поймем, что нас ожидает или величайшая радость, или величайший ужас воскресения. И нет для нас иного, третьего пути. Поэтому, приступая ныне к Страстям Господним, отложим свои страсти.

Еще не поздно и сегодня вступить на путь очищения душ, ведь даже в самый великий день Воскресения мы будем петь: «Очистим чувствия, и узрим»[331].

Господь идет на вольную страсть, идет распяться за нас. Неужели же в эти дни мы не отложим всего, что мешает нам соединиться с Ним: ненависти, злобы, клеветы, в которых сами мы задыхаемся. Неужели и сегодня не поймем, что все мы востанем, и многие из нас востанут для плача и рыдания. И пусть не смерть страшит нас, а то, что, воскреснув, мы поймем, как напрасно прожили эту жизнь.

Святая Церковь предупреждает нас, она предостерегает нас от того, чтобы мы не оказались подобны тем, которые *глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их* (Исх. 6:9–10; Мф. 13:15).

Давайте же в эти святые дни отложим владеющие нами страсти, направим все силы наших душ на служение Господу. Тогда, живя еще на земле, мы откроем наше сердце для вечности, мы будем радоваться жизни, и в нас проснется стремление к вечной жизни. День за днем все больше и больше будут открываться наши души для познания Вечного.

И тогда уже не с ужасом, но с великою радостию мы будем думать о дне последнего воскресения. Тогда мы даже не предстанем

---

[331] Святая Пасха. Утреня. Канон. Песнь 1. Тропарь 1-й.

пред страшным Престолом Судии, но будем радоваться, взирая на Господа в день последнего воскресения,

К этому и призывает Святая Церковь словами сегодняшнего тропаря: «Темже и мы, яко отроцы победы знамения носяще, Тебе, победителю смерти, вопием: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне».

Аминь.

Неделя третья по Пасхе, святых жен-мироносиц

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодняшний праздник — праздник святых жен по преимуществу. Недавно пришлось слышать от одной из сестер: «это наш праздник». Какое величайшее заблуждение! Если это действительно праздник жен, то не всех, а только мудрых. Не всех жен, живших в дни земной жизни Иисуса Христа, вспоминаем мы сегодня, а только тех, которые служили Ему, следовали за Ним, не оставляли Его и в страшные минуты Его страданий и смерти.

Мы празднуем ныне праздник тех жен, которые в час погребения Своего Господа и Учителя *зрясте, где Его полагаху* (Мк. 15:47). И когда пречистое тело Его было положено во гроб, а вход завален камнем, не ушли, а остались *седяще прямо гроба* (Мф. 27:61). Они пришли ко гробу, движимые великою любовью к своему Учителю для того, чтобы и в этот последний час послужить Ему и по иудейскому обычаю умастить тело Его ароматами. Не будучи в состоянии исполнить это во время погребения, они не оставили своего намерения, но, возвратившись домой, еще до наступления субботы *уготоваша ароматы и миро* (Лк. 23:56), чтобы по окончании субботнего покоя пойти снова на рассвете первого дня недели ко гробу и помазать ароматами и миром тело Иисуса.

И они действительно идут ко гробу *во едину от суббот*, совсем рано, *еще сущей тьме* (Ин. 20:1); идут, несмотря на то что знают, что вход завален камнем, которого они не в силах отвалить, идут без рассуждений, движимые верою и любовию к Распятому, и за свою великую любовь получают величайшую радость благовестия о Его воскресении.

Это их праздник, праздник жен-мироносиц по преимуществу, а вместе с ними и других евангельских жен, которые еще в дни земной жизни Иисуса Христа с верою и любовию приходили к Нему, припадали с молитвою к Его стопам и получали от Него исцеление и прощение грехов. Вот кровоточивая жена, которая верила, что достаточно ей прикоснуться к краю ризы Христовой,

чтобы получить исцеление (см.: Мф. 9:20–22); жена хананеянка, дочь которой была исцелена по ее вере (см.: Мф. 15:21–28); грешница, принесшая миро в дом фарисея, чтобы помазать им ноги Христа Спасителя (см.: Лк. 7:37–50). Наконец, это праздник и всех тех жен, которые в разные времена жили в церкви, отдали Господу все, что имели, служили Ему от своих имений и прежде всего приносили Ему в дар все то доброе и прекрасное, чем Бог одарил женскую душу. Воистину он может быть и нашим праздником, если мы в своей духовной жизни пойдем по стопам этих великих жен.

Вы знаете, что все желающие служить Христу проходят в своей жизни через искушения и соблазны. Величайшие соблазны были и у святых апостолов, которые прошли через искушения гордости, страха, уныния. Вспомните, как апостолы спорили между собой о том, кто из них будет первым в Царствии Небесном (см.: Мф. 20:20–28; Мк. 10:3–45 и др.); об отречении Петра (см.: Мф. 26:69–75), предательстве Иуды (см.: Мф. 26:14–16), наконец, о том, как «апостолов лучшии» были отягощены сном и не смогли бодрствовать со Христом ни на горе Преображения (см.: Лк. 9:32), ни в час Его пламенной молитвы в Гефсиманском саду (см.: Мф. 26:37–46; Мк. 14:33–42; Лк. 22:40–46). Если такие искушения были у апостолов, то, наверное, еще более трудные соблазны пришлось пережить женам, следовавшим за Христом. Святые евангелисты не говорят нам о них только потому, что в Евангелии они рассказывают лишь о том, что сами видели и слышали.

Трудности и искушения, с которыми сталкивались в жизни святые жены-мироносицы и вообще жены, желавшие послужить Христу, значительно отличаются от трудностей, которые стояли на пути святых апостолов, и это во многом обусловлено своеобразием души женской в отличие от души мужчины. Ведь женщина по-иному, чем мужчина, воспринимает каждое явление окружающего нас мира. Ум мужчины схватывает самую сущность каждого дела, он склонен к обобщению всех жизненных явлений и результаты этого обобщения полагает в основу своих действий.

В противоположность этому женщина обладает способностью в каждом деле или событии видеть отдельные детали; в каждом человеке она обращает внимание главным образом на его индивидуальные способности, часто даже на мелочи, мимо которых мужчина часто пройдет, даже не заметив их. И это в значительной мере объясняется тем, что женщина в свой подход к жизни и к людям вкладывает гораздо больше чувства и теплоты душевной, чем мужчины.

Своеобразие мужской и женской души лучше всего можно понять, сравнивая отношение отца и матери к воспитанию ребенка. Отец обычно намечает общее направление воспитания и

определяет принципы, которые кладутся в его основу, но зато он не всегда входит в детали воспитания и не знает так хорошо все уголки жизни ребенка, все оттенки его души, как знает и видит их любящее сердце матери. Эту же особенность мы замечаем не только в жизни матери, но и вообще в жизни каждой женщины и в ее отношении ко всем явлениям жизни.

Путь женщины в жизни есть путь чувства и прежде всего путь любви. Именно любовь дает возможность следить за всеми мелочами жизни тех, кого она любит. Потому что, если я люблю, то хочу все знать о любимом, ничего не упустить в его жизни. Это драгоценное свойство женской души, которое может быть положено в основу величайшего христианского делания — любовного отношения к тем людям, с которыми Господь свел в этой жизни. Но эта же особенность женской души может быть и величайшим препятствием для развития нашей духовной жизни, так как женщины зачастую превращают ее из основы христианского делания в карикатуру. Любовное и внимательное отношение к мелочам они превращают в мелочность, которая становится почвой для развития гордости и тщеславия и в результате превращает жизнь окружающих их людей в настоящий ад.

Апостол Павел говорит, что жена может спасти мужа, ибо *неверующий муж освящается женою верующею* (1 Кор. 7:14). История Церкви знает много примеров такого освящения. Так было с отцом Григория Богослова, который обратился ко Христу по молитвам своей жены святой Нонны; то же было с отцом святого Августина. А с другой стороны, жена может и погубить своего мужа. И причиной этой гибели бывает обычно как раз мелочность жены. Образ такой мелочной, сварливой жены рисуется во многих местах Книги притчей Соломоновых. В одном месте Соломон сравнивает сварливую жену со *сточной трубой* (см.: Притч. 19:13), собирающей в себе все нечистоты и потом обливающей ими всех. *Мудрыя жены*, как говорит Соломон, *создаша домы* [и] идут по пути спасения мужа и всей семьи. Злая же жена разрушает все духовное строительство, *раскопа рукама своима* (Притч. 14:1).

Сегодня мы прославляем святых жен-мироносиц за их великую любовь к Спасителю, а так как именно любовь составляет саму сущность духовного образа женщины, то это значит, что мы прославляем их за выполнение задачи женщины. Женщина так же, как и мужчина, должна развивать в себе те душевные свойства, которые заложены в них Господом: муж должен быть главой и отцом семьи, он должен давать общее направление всей жизни, а то, чего в нем не хватает, восполнит жена, влагая в жизнь семьи то, что составляет зерно собственной душевной жизни. Так, помогая и восполняя друг друга, они вместе исполняют закон Христов по

слову апостола: *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6:2).

Впрочем, в духовной жизни, где *несть мужеский пол, ни женский* (Гал. 3:28), каждый человек, мужчина или женщина, должен, не теряя особенностей своего духовного строя, вместе с тем стремиться к тому, чтобы избежать односторонности, и по возможности развивать и такие черты, которые не свойственны ему по его естеству. Так, например, святые отцы не раз говорили, что старец — духовный отец должен быть в отношении к своим детям не только отцом, но и матерью. Особенно много говорится об этом в наставлениях преподобного Серафима. Это значит, что он должен, не теряя своей способности к обобщению, развивать в себе свойственную главным образом матери чуткость и нежность по отношению к своим духовным детям. То же самое относится к женщине, которая должна, не теряя свойственных ей по природе душевных качеств, в возможной для себя мере приобретать и мужские качества. Это поможет ей не теряться в мелочах и предохраняться от мелочности, которая в такой большой степени свойственна многим женщинам.

Святитель Григорий Богослов говорит о своей матери святой Нонне, которая была великой христианкой, что она с таким успехом вела семейные дела, как будто вовсе не занималась духовным деланием, и была так благочестива, что казалось, будто хозяйство ее совершенно не касалось. Это как раз то, что нам никогда не удается совместить. Святая Нонна достигла этого потому, что свои домашние дела она совершала как дело Христово. В жизни все состоит из мелочей, но занимаясь ими, она не становилась мелочной, но основой своей жизни полагала молитву. Она была великой молитвенницей, и за это Господь удостоил ее блаженной кончины — она умерла в храме во время молитвы. Поэтому сын ее в одной из своих духовных поэм справедливо причислил ее к ныне празднуемым женам-мироносицам, говоря, что она «ничем не уступала женам прежде бывшим, которые принимали у себя Христа или видели Его, воскресшего из гроба»[332].

Кроме святых жен-мироносиц, нам следует вспомнить сегодня еще один образ женской души, девственной и устремленной к Небесному Жениху — Христу, который Господь дает в притчах о десяти девах (см.: Мф. 25:1–13). Из них пять было мудрых и пять юродивых. Все они со светильниками в руках ожидали прихода Жениха, чтобы войти с Ним на брачный пир, но не все смогли войти, не все смогли принять участие в Его празднике. Разве мог быть праздник для юродивых дев в тот час, когда, купив елей

---

[332] *Григорий Богослов, свт.* Плач о страданиях души своей.

и возвратившись к чертогу Жениха, они нашли двери чертога запертыми и услышали глас Жениха: *Не вем вас!*

И, конечно, *есть праздник* для всех тех, кто хотя бы в последний, единадесятый час входит со Христом в открытые двери Его брачного чертога; для всех, кто подобно мудрым девам идут духовным путем и борются за духовную жизнь. Помните, что каждый из нас получил от Бога тело и душу, созданную по образу и подобию Божию, и первая наша задача состоит в том, чтобы неповрежденным сохранить этот образ. Святые отцы учат нас не искажать этого образа, ни на лицо, ни на одежду не накладывать образа чуждого и не совлекаться образа Божия. Не забывайте, что настанет день, когда придет Господь и спросит каждого из нас: «Где Мой образ?» Нужно помнить, что сохранение в себе образа Божия начинается с хранения языка. Не злословьте! Помните, что каждое произносимое вами слово недаром произносится. Оно сеется, чтобы принести плоды.

Великий плод принесло слово святых жен-мироносиц: они первые приняли от ангела благую весть о Воскресении Христа и получили от Него повеление: «Проповедите апостолам!» (см.: Мф. 28:7). И слово проповеди принесло плод в жизнь вечную.

Подобно им проповедовали Христа Воскресшего и святая Нина — просветительница Грузии, и святая Ольга — просветительница Руси, и другие равноапостольные жены. А были и жены, которые, подобно святой Нонне — матери Григория Богослова, святой Емилии — матери Василия Великого и Григория Нисского, Моники — матери блаженного Августина и многим другим, хотя и не проповедали племенам и народам, но сеяли Слово Божие в своих семьях и принесли плод сторицею в своих великих сыновьях.

Совершенно иначе относятся к образу Божию в себе многие теперешние женщины. Полученные ими от Господа способности они используют для умножения ненависти, злобы и клеветы. Они замечают то, чего не видят мужчины, и данную им способность замечать мелочи они извратили, обратив ее лишь на то, чтобы видеть только злое. Нет у них и воздержания в слове, и вместо того чтобы стяжать духовное безмолвие, они поступают по пословице: «Губы да зубы — два забора, а удержу нет!»

Если мы хотим, чтобы сегодняшний день был для нас воистину праздником, то мы должны все свои способности обратить на служение Богу и ближним, потому что праздник состоит не в том, чтобы пребывать в праздности, но чтобы бодрствовать и служить Господу словом и делом. И если мы воистину чувствуем сегодняшний день праздником, то будем подражать тем, кому посвящен этот праздник, святым женам-мироносицам, в их

апостольском служении — проповеди Евангелия. На каком бы поприще ни поставил вас Господь, вы всегда можете совершать великое дело — приводить ко Христу живые души, быть их ангелами хранителями, улавливать в них малейшие движения и обращать их на созидания этих душ.

Дело тех жен, которые ныне пришли в храм и, сердцем приближаясь ко Гробу Господа, желают сами принести Ему посильные дары от своей души, есть прежде всего дело любви, той любви, о которой апостол говорит, что она *вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит... николиже отпадает* (1 Кор. 13:7. 8).

Разве муж мог воздать поклонение Господу, когда он видел, что все кончено. С его точки зрения дело Иисуса Христа казалось конченным, ведь Христос был распят, погребен и ко гробу Его привален камень. Но жены во имя той великой любви, которая *николиже отпадает*, приходят к запечатанному гробу, чтобы послужить погребенному в нем Господу, и в ответ на свою великую любовь они первыми получают весть о Воскресении Господа.

Подражая этим величайшим женам и следуя по их пути, и вы можете не только сохранить в себе образ Божий, не только себя спасти, но и других привести ко Христу. Можете получить в своей душе весть о Воскресении Христа и передать ее другим. Можете своей любовью воскресить их души от греховного сна и запечатлеть на них образ воскресшего Господа.

Аминь.

Неделя шестая по Пасхе, о слепом

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«Душевныма очима ослеплен, к Тебе, Христе, прихожду, якоже слепый от рождения, покаянием зову Ти: Ты сущих во тьме Свет пресветлый»[333].

Святая Церковь, празднуя исцеление слепорожденного, отдает этому празднику один из воскресных дней важнейшей части церковного года — святой Пятидесятницы, тем самым указывая, что вопрос слепоты душевной — основной вопрос нашей жизни. Ибо мы живем в созданном Богом мире, жизнь наша подчиняется тем законам, которые Господь установил для сотворенной Им вселенной.

Но Господь не только Законодатель вселенной, но также Источник и Податель жизни, потому что Он подает всему в мире

[333] Неделя о слепом. Утреня. Кондак.

жизнь и дыхание и всё (Деян. 17:25). И сам Он есть жизнь. *В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков* (Ин. 1:4).

Поэтому, если мы хотим познать Бога, то путь к такому познанию возможен для нас именно через жизнь, как через то, что создано Богом.

Жизнь мы воспринимаем и ощущаем во всем, что нас окружает, но прежде всего в себе самих. Каждый из нас чувствует жизнь не только во внешнем мире, но переживает ее в собственной душе. Самое важное для нас — это то, что мы сами живем. Во всем другом мы можем сомневаться, но в том, что мы чувствуем и переживаем в нашей внутренней жизни, мы сомневаться не можем.

Однако в этой жизни мы можем увидеть Бога, но можем и не увидеть Его. Непосредственно воспринимая и переживая жизнь в самих себе, мы можем не увидеть Того, Кто является Источником этой жизни. В Ком «жизнь и свет человеков». Тогда и живя, мы не будем жить, и смотря, не будем видеть.

Божественный закон говорит, что человек должен внимать себе. «Внимай себе», — сказано в Ветхом Завете[334]. А в Новом Завете Господь еще яснее говорит об этом: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17:21). Вовне можно найти поддержку, опору, можно найти только подобие этого Царствия в той или иной степени, приближающее нас к его пониманию. Поэтому Господь в притчах говорил, что Царствие Божие подобно семени (см.: Мф. 13:24), закваске (см.: Мф. 13:33), сокровищу, скрытому в поле (см.: Мф. 13:44), но все это только подобие, а само Царствие Божие внутри нас! Даже слово Божие — Евангелие — не может открыть нам путь в Царствие Божие, если мы не найдем его в своей собственной душе. Вначале себе внимай, и тогда можешь услышать и глас Слова Божия, так говорит и апостол Павел в Послании к Тимофею: *Вникай в себя и в учение... так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя* (1 Тим. 1:16). Вникая в себя, прежде всего, если в себе самом не обретешь Царствия Божия, то зачем тебе и Священное Писание? Если внутри себя не созиждешь Царствия Божия, то как спасешь себя, а тем более слушающих тебя? Ты тогда пустой звук для других. Если в тебе самом нет огня, то как сможешь ты зажечь других? В лучшем случае ты сможешь передать им сведения о том, о чем сам слышал, но не свидетельствовать о том, чем живет твоя душа.

Святые отцы изучали языки, литературу, языческую философию, они пользовались всем этим для истолкования Священного Писания, раскрытия смысла христианских догматов и в особенности для отражения нападения язычников и еретиков. Но все

---

[334] «Внемли себѣ» встречается в тексте Ветхого Завета 10 раз.

это было только внешнее, вспомогательное средство. Главное заключалось в том, что они «внимали себе», в себе самих искали Царствие Божие, глубины духа. Как говорится в тропаре святителю Григорию Богослову: «Якоже глубины духа изыскавшу, и доброты вещания приложишася тебе». Святые апостолы, а вслед за ними пастыри и учители Церкви потому лишь могли зажечь огонь благодатной жизни в человеческих душах, что огонь этот горел в них самих. Это был тот огонь, о котором Господь говорил: *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!* (Лк. 12:49).

«Внимай себе» — так говорит Божественный закон, а закон мира сего говорит обратное: «Смотри вовне, и тогда жизнь твоя будет хороша и прекрасна».

Когда человек идет путем духовным, он в себе самом видит жизнь, жизнь подлинную, вечную, а не иллюзорную, не «превременное мечтание», не то, что говорят о жизни домыслы науки, всегда относительные и несовершенные. Эту подлинную жизнь человек начинает тогда ценить и в других. Любя в себе первозданную красоту образа Божия, мы и в других начинаем любить прежде всего ее, а внешнее лишь постольку, поскольку в нем получает отражение эта первозданная красота.

Иной подход к жизни у людей мира сего. Они считают, что, для того чтобы жизнь была прекрасной, она должна быть направлена не внутрь, а вовне. Чтобы получить подлинную радость и жить настоящей жизнью, говорит мир, человек должен как можно больше проникать в природу и в жизнь людей, средствами науки открывать тайну мира, как можно больше создавать того, что называется развлечением, что отвлекает человека от его души и ее сокровенной внутренней жизни.

Помыслы богоборца устремлены к тому, чтобы всеми силами, всеми возможными средствами отвлечь человека от этой жизни и взамен ее дать суррогат жизни — увлекательную и пеструю, но созданную грехом картину жизни. Отсюда понятно, почему нас так многое развлекает, почему все в нашей жизни направлено вовне, почему нам все скучнее становится оставаться наедине с собою.

Жизнь духовная дает человеку радость *Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь* (Флп. 4:4), — говорит апостол Павел. Человек не может жить без радости. Христос это знает и дарует великую радость тем, кто соединяется с Ним. Но это совсем иная радость, чем та, которую обещает нам мир. Эта тихая радость живет в сердцах тех, кто трудится на ниве Христовой. Для того чтобы получить ее, надо войти во внутреннюю клеть души своей и начать возделывать землю своего сердца. Тогда, после труда и

подвига, наступит радость: за страданием идет воскресение, за деланием — преображение. Так шли святые отцы. Они шли путем подвига, за которым следовала великая радость о Господе.

Если человек идет в своей жизни против Бога, если его помыслы, желания обращены вовне и он не смотрит вовнутрь своего сердца, он тоже получает радость (потому что, даже извращая закон, по которому мы созданы, мы все же следуем ему; пока в душе человека тлеет хоть искра жизни — он радуется). Но так как жизнь его построена на извращении закона Божия и он живет во грехе, то и радость его также запятнана грехом и всегда связана с горечью.

Святые отцы говорят, что каждый грех несет с собою радость. Но если у человека, живущего духовной жизнью, радость наступает после делания, то для тех, кто живет во грехе, наибольшая радость бывает прежде совершения греха, она связана с представлением о грехе и влечением к нему. В момент совершения греха радость притупляется, а после наступает тоска пресыщения и отчаяния. Радость эта временная, она не пребывает вечно, как та, которую дает Господь и о которой Он сказал, что *никто не отнимет* ее от нас (ср.: Ин. 16:22).

Радость, которую имеет человек, живущий в Боге, есть радость умиренного сердца. Она переживается в тишине, потому что Христос, Который дает ее, — «начальник тишины». «Ты бо, Богоневестная, начальника тишины Христа родила еси», — говорится в молебном каноне Божией Матери[335].

Только в этой тишине можем мы по-настоящему увидеть свою душу и оценить ее, почувствовать в ней «по образу Божию созданную нашу красоту»[336].

Ведь и внешний мир, окружающую нас природу, мы можем по-настоящему понять и постигнуть, почувствовав ее красоту не в буре, не в вихре разрушения, а в тишине. Правда есть своеобразная радость также и в восприятии противоборствующих стихий. Радость и даже упоение есть «и в разъяренном океане, средь грозных волн и бурной тьмы»[337], но настоящее познание жизни природы мы можем получить только тогда, когда она раскрывается в тишине. Тогда каждый звук и каждый шорох будет говорить о ее жизни и безмолвными гласами возвещать о ее Виновнике и Творце.

Это же самое и в нашей душе: в напряженной жизни ее страстей, которая человеку, чуждому духовной жизни, кажется

---

[335] Песнь 3. Тропарь 2-й.

[336] Последование погребения мирских человек. Стихиры. Слава.

[337] Строки из «Пира во время чумы» А. С. Пушкина.

красивой, а с другой точки зрения является выражением греховного устроения души, мы никогда не познаем и не увидим истинной ее природы. Подлинная картина жизни нашей души открывается только тем, кто идет по пути тишины и безмолвия.

Сегодня Святая Церковь празднует исцеление слепорожденного. И нам кажется, что и мы участвуем душой в этом празднике, потому что мы знаем: Господь есть истинный Свет, *просвещающий всякого человека, грядущего в мир* (ср.: Ин. 1:9). Но действительно ли наши души прозрели, чтобы видеть этот Свет? Что значит для слепого увидеть свет? Некоторые видят, как постепенно рассеивается тьма, которая их окружала до сих пор и в которой они пребывали, но они не могут еще видеть красоты окружающего их Божия мира.

То же и в духовной жизни: для многих из нас Свет Христов уже блеснул, но мы не имеем еще зоркости, чтобы видеть Его непрестанно и чтобы в Нем увидеть свою душу и окружающий нас мир. А зоркость эта дается через чистоту сердца.

Блажени чистии сердцем; яко тии Бога узрят (Мф. 5:8). Мало иметь понятие о свете, надо иметь духовную зоркость. Святая Церковь зовет нас сегодня к освещению наших душ и созиданию нашего внутреннего дома.

Прежде всего «вникай в себя», а потом уже в Священное Писание, в богослужение, в других людей, в природу.

Если в самих себе вы найдете Господа, то увидите Его во всех Его творениях.

Поэтому Святая Церковь и молится сегодня о даровании нам этой духовной зоркости: «Душевныма очима ослеплен, к Тебе, Христе, прихожду, якоже слепый от рождения, покаянием зову Ти: Ты сущих во тьме Свет пресветлый».

Аминь.

Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бари (1087)

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня творим память вселенского, всемирного архиерея, угодника Божия святителя Николая.

У каждого архиерея, у каждого епископа есть своя паства, которая ограничена тем или иным городом, которая ограничена этой земной жизнью.

Но есть архиереи, которые продолжают руководить паствой и тогда, когда сами уже отошли в другой — горний — мир. И мы знаем таких архиереев. Мы чтим память Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, чтим и наших святителей Московских и всея России чудотворцев: Петра, Алексия, Иону, Филиппа и Ермогена, — которые и после смерти остались в общении с нами, которые и теперь руководят нами.

Но есть архиерей, паства которого не ограничена ни местом, ни временем, ни народом. Этот вселенский пастырь, этот архиерей архиереев — скромный мирликийский пастырь, живший в маленьком незаметном городке, ничего как будто бы в жизни не приобретший, шедший скромным путем, которым шли многие. Однако его житие не ограничивается земной жизнью, оно продолжается и будет продолжаться до скончания века, до тех пор пока есть люди на земле, нуждающиеся в его помощи.

Этот вселенский пастырь, который не был даже так возвеличен и прославлен, как те вселенские учители и святители, о которых я говорил, явил те христианские добродетели, которые явил в нем Вещей Истина, явил Господь, и эти добродетели — это правило веры его и образ кротости и нищета духовная были в нем ярки, как ни в ком другом.

Святая Церковь приравнивает его к апостолам и пророкам, называя его «апостолов и пророков равностоятелю»[338], она чтит его настолько, что назначает ему недельный день, чего не сделала она ни для кого из архиереев, даже считающихся вселенскими учителями.

У каждого из названных мною архиереев есть то, что выявляет его душу, что делает его христианином, что является смыслом его жизни, к чему остальное только прикладывается.

Великие вселенские учители — Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст — выявили в своей жизни то же, что святитель Николай, и потому-то и были великими. Без нищеты духовной всякий, кто бы он ни был, какой бы почет ни оказывали ему здесь, на земле, не имеет в себе того, что выделяет его из мира, что делает его христианином.

Для нас, переживающих великую смуту, для тех, кто плывет по мутным волнам этого моря, несущим грязь, поднятую со дна волнением, прежде всего должен решаться вопрос, с кем и как идти и на кого опираться, что иметь основанием, чтобы идти тем или иным путем. Святые отцы и святитель Николай говорят, что всякое слово, хотя бы и христианское, не является действенным до тех пор, пока оно не становится делом в том, кто его произносит.

---

[338] Служба свт. Николая Мирликийского (6 декабря). Малая вечерня. Стихира 3-я на *Господи, воззвах.*

Святитель Николай, святую память которого мы чтим, есть архиерей небесный, к которому мы обращаемся во всякой нужде, который слышит нас и поможет, когда мы придем к нему и у него попросим указания пути. Он нам кормчий будет.

Многие теперь в своей гордости только красно говорят, а другие своей жизнью показали, что значит быть христианином и идти за Христом. Мы-то пойдем ли по пути, к которому зовут нас святые отцы? Путь труден. Путь нелегок. Мы приучили свой язык много говорить, в лучшем случае проповедовать, но не приучили своего сердца исполнять Христовы заповеди.

И вот, когда мы стоим перед этой смутой и когда в то же время стоим сейчас перед великим вселенским архиереем, душа наша тянется к нему, она просит, чтобы он принял ее под свое водительство, чтобы он нас повел по тому пути, по которому сам шел за Христом.

Лукавое время настало. Вы знаете, что должны прийти волки в овечьей шкуре, наемники, а не пастыри, которые на Страшном Суде скажут Господу: *Не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?* — и которым Он ответит: *Я никогда не знал вас* (Мф. 7:22–23).

Как нам, людям, еще не приучившим своего сердца к соблюдению заповедей Божиих, как разобраться нам в том, к чему зовут нас разные вожди? Нам надо идти путем святоотеческим, путем Христовым.

Мы знаем, каким путем идут те, кто отвергает святых отцов; их путь — путь гордости. Мы знаем, что путь гордости, путь отвержения Бога, начинается с отвержения людей, с отвержения Церкви и святых отцов.

И нынешние вожди, которые по своей греховности должны были бы смиренно идти за святыми отцами, за святителем Николаем, этот путь начали. Следующая ступень есть отвержение Божией помощи, как говорит великий учитель авва Дорофей, рассказывая об одном брате, который начал с того, что говорил: «Что значит тот и тот — есть такие вот святые», — и, переходя, таким образом, к уничижению тех, которых только что признавал, он наконец возгордился и против Бога и стал и Его отвергать[339].

Мы знаем, к чему ведут те, кто начал эту церковную смуту. Мы чтим святителя Николая, мы собрались чтить его святую память и должны решить, что же нам в христианстве дорого, для чего мы ходим в церковь и зачем приходил Христос.

---

[339] См.: *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения, 2.

Если мы сознаем, что надо приучить сердце наше к соблюдению заповедей Божиих, тогда наша душа потянется к таким кормчим, которые не только звали и вели, но и сами шли.

И вот вселенский учитель святитель Николай зовет нас в небесную Церковь, зовет идти по пути смирения.

Мы должны от всей души воззвать к нему, чтобы он руководил нами в нашей тяжелой теперешней жизни. «Якоже солнце незаходимое возсия светозарными лучами, разгоняя тьму искушений же и бед от вопиющих верно: спасай нас, яко предстатель наш, великий Николае»[340] — так поет ему Церковь, и мы все, люди, собрались в храм не для того, чтобы вспомнить о когда-то жившем святителе Николае, но чтобы помолиться ему, восхвалить его и просить его, чтобы он указал нам путь.

Пора перестать говорить, братья и сестры, надо постараться начать устраивать свою душу. Мы устали и говорить, и слушать, давайте же делать наконец, давайте смиряться. И если обратимся усердно к святителю Николаю, он услышит нас, он поможет нам идти по этому святоотеческому пути. И тогда станет нам радостно, радостно не от того, что мы проповедуем о Христе, а идем за Ним.

Помолимся же, чтобы он умолил Бога дать нам время на покаяние, чтобы мы почувствовали и оплакали наши грехи. Мы должны сами идти, идти за Христом, а не быть верстовыми столбами, по слову святителя Тихона Задонского[341], — тогда и за нами пойдут.

Святителю отче Николае, наставь же нас недостойных, грешных, заблуждающихся, но чтущих твое святое имя и молящихся тебе, о святый небесный кормчий.

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Празднуя память святителя Николая, Святая Церковь воспевает его как «ум священнейший». Ум! Почему о святителе Николае, которого прежде всего мы чувствуем как великого любвеобильного пастыря, всем сердцем любящего всех прибегающих к нему и считающих себя членами его духовной паствы, почему же именно о нем Святая Церковь говорит как об уме священнейшем?

---

[340] Служба Перенесения честных мощей Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского. Тропарь.

[341] Точно: «Пастырь должен идти впереди стада и вести его в обители небесные, а не уподобляться столбу на перекрестке» (цит. по: *Иоанн (Маслов), схиархим.* Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении).

Скромный Мирликийский епископ, совсем не оставивший нам никаких своих творений, скромный в жизни и в учении, ибо он не был подобен тем, кто раскрыли так ярко и с такой силой учение Христа Спасителя в своих златых словесах, как великий Иоанн Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов.

Почему же именно его, святителя Николая, этого простеца-пастыря, епископа, почему же именно его Святая Церковь ублажает как «ум священнейший»?

Мы так исказили в нашей обыденной жизни подлинное понимание человеческой души, что считаем, что ум есть наш хозяин, в человеке прежде и больше всего ведает всем существом ум, разум. А Спаситель, Священное Писание и Святая Церковь никогда не обращаются к уму, но к сердцу человеческому.

Господь пришел проповедовать сокрушенным сердцем, Он говорил: Аз *кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11:29).

Святая Церковь молится о том, чтобы Господь дал нам чистое сердце. Она напоминает нам, что даже в неверии мы исходим от сердца, ибо в нем скрыты, из него исходят помышления злые и словеса лукавые. *Рече безумен в сердцы своем: несть Бог* (Пс. 13:1; 52:2).

Что такое ум, разум, понимаемый нами как наш хозяин, как руководитель всего нашего существа?

Батюшка говорил, что ум — это есть не более как рабочая сила сердца, которая помогает, которая дает возможность сердцу работать в известном направлении, и если ум хорошо работает, это хорошо, потому что у сердца есть тот орган, который помогает ему в нашей работе.

А кто же является умным человеком в христианском смысле?

Быть «умным человеком» в смысле Христовом имеет совсем другое значение, чем мы привыкли считать.

«Люди, — говорит Антоний Великий, — обычно именуются умными по неправильному употреблению сего слова. Не те умны, которые изучили изречения и писания древних мудрецов, но те, у которых душа умна, которые могут рассудить, что добро и что зло: и злого и душевредного убегают, а о добром и душеполезном разумно радеют и делают то с великим к Богу благодарением. Эти одни поистине должны именоваться умными людьми»[342].

Так говорит один из великих подвижников, тот, который не только не отвергал науки, не только не отрицал того, что мы изучаем умом, но говорил, что одни лентяи не признают пользу науки,

---

[342] *Антоний Великий, св.* Наставления о доброй нравственности и святой жизни, 1 // Добротолюбие. Т. 1.

и тем не менее умным человеком он признает только того, кто понимает, что добро и что зло, и не только понимает, но от злого убегает, а о добром радеет.

И вот святые отцы говорят, что верховный хозяин нашего существа есть сердце. О тех, кто узрит Бога, Евангелие говорит, как о чистых сердцем: *Блажени чистии сердцем; яко тии Бога узрят* (Мф. 5:8).

Вот какова цель нашего духовного делания — стяжание своего сердца в чистоте.

Если мы говорим, что цель нашей духовной жизни есть чистота сердца, то как же у других святых отцов и подвижников мы находим, что цель эта заключается в «стяжании Духа Святаго Божия»?

Но это одно и то же, ибо Дух Святый стяжается от Бога через чистоту сердца.

Один великий подвижник, Иоанн Кассиан Римлянин, говорит, что «конец духовного делания есть Царствие Божие, а цель его чистота сердца, без которой невозможно достигнуть оного конца»[343].

Если мы обратимся к началу духовной жизни человека и вспомним, как дается ребенку имя, то увидим, что священник, вернее, Святая Церковь устами священника говорит: «Да знаменуется крест Единородного Сына Твоего в сердце его»[344]. «Изжени из него всякаго лукаваго и нечистаго духа, сокрытаго и гнездящегася в сердце ... его»[345], — произносит священник, заканчивая заклинание и переходя уже к изгнанию. Затем, последовательно совершая Таинство, он молится, чтобы просветилось лице Господа в сердце его: «Сам Владыко Господи, просвещение лица Твоего в сердце его озарити выну благоволи»[346]. Все время внимание направлено и сосредоточено на сердце человека.

Для нас лишения и подвиги, которые должны принимать на себя христиане, не ценны сами. Не тот велик, кто совершает великие дела: подвиги, посты, — ибо все эти средства временные, относительные и могут не привести к совершенству. Но есть вечная цель, подлинное совершенство — чистота сердца.

Как же стяжать чистоту сердца?

Святые отцы говорят, что прежде всего надо войти в себя, в сердце свое и посмотреть, что там делается[347].

---

[343] Ср.: Св. Иоанна Кассиана обозрение духовной брани. Цель и конец подвижничества, 1, 2 // Добротолюбие. Т. 2.

[344] Молитва на наречение имени в восьмой день.

[345] Последование св. миропомазания. Молитва 1-я на измовение. Последование оглашения. Молитва 4-я.

[346] Молитва в годовщину крещения.

[347] Например, свт. Феофан Затворник: «Взгляните, понаблюдайте за сердцем вашим в продолжение небольшого времени и увидите, что в нем делается»,

Христос вошел в него в Таинстве крещения, диавол из него изгнан, Христос в нем пребывает. Каждый из нас имеет в себе сокровище, каждый крещеный и приобщенный Святой Церкви имеет Бога в своем сердце.

Если, по слову Божию, в сердце нашем Бог верою живет, а в Нем все сокровища премудрости и ведения, то открывается эта премудрость не сразу, а по мере очищения заповедями.

Об этом и говорит нам Максим Исповедник: «Если, по словам божественного апостола, в сердцах наших верою живет Иисус Христос (ср.: Еф. 3:17), а в Нем все сокровища премудрости и ведения сокровенны суть (ср.: Кол. 2:3), то в сердцах наших находятся все сокровища премудрости и ведения. Открываются же они сердцу по мере очищения каждого заповедями. Се, сокровище, скрытое на селе (ср.: Мф. 13:44) сердца твоего, которое ты еще не обрел по безделию. Ибо если бы обрел, то продал бы все и купил село сие, но ты, оставя это село, работаешь около него, где нет ничего кроме терния и волчцев. Посему-то говорит Спаситель: *Блажени чистии сердцем; яко тии Бога узрят* (Мф. 5:8). Узрят же Его и сущие в Нем сокровища тогда, когда очистят себя любовию и воздержанием и тем более, чем более очистятся»[348].

Да, от нас, бездельников духовных, скрыто, по словам Максима Исповедника, то сокровище, которое мы имеем в сердце своем. Мы думаем, что ум даст нам ведение, даст нам Бога, а это есть сущность нашего сердца. Мы на себя уповаем, здесь хотим устроить земной рай и своею собственной рукой создать себе вечную славу, а это значит, что мы вовсе не веруем во Христа.

В тесноте нашего сердца мы забываем то величайшее сокровище, которое сокрыто на селе сердца нашего, мы забываем, что в нас Господь обитает, Который есть сокровище премудрости и ведения. Имея это сокровище, мы не входим в свое сердце. Не обращаем внимания на то, что в нем скрыто.

Потому-то, братия и сестры, наш век так жесток, потому-то в нас нет любви, потому-то у нас такое страшное непонимание, что такое ум и что такое сердце.

Если бы мы по-настоящему уверовали в то, о чем говорит Святая Церковь, если бы по-настоящему обратились к своему сердцу и нашли скрытое в нем сокровище премудрости и ведения — Христа, если бы вместо того чтобы кичиться своим умом, поняли бы, что ум есть только рабочая сила сердца, тогда бы мы совсем

и прп. Силуан Афонский: «Надо умом смотреть в сердце, что там делается: мирно или нет» (цит. по: *Пестов Н. Е.* Современная практика православного благочестия. Т. 1. Ч. 1. Главы соответственно 7 и 40).

[348] *Максим Исповедник, прп.* Главы о любви. 4-я сотница, 70–72.

по-иному начали оценивать и людей, и значение ума. Умный человек — это тот, кто в своем сердце знает, что такое добро и что такое зло, не только знает, а от зла убегает, а «о добром и душеполезном разумно радеет»[349].

И по мере очищения сердца, когда мало-помалу из него уйдет все, его оскверняющее, тогда узрим мы Бога и сущие в Нем сокровища.

И вот святитель Николай шел именно этим путем очищения своего сердца; он веровал, что Христос вселился в него и он носит в себе это сокровище премудрости и ведения. И жизнь свою он строил на широте сердца.

Он именуется священнейшим умом, ибо знает, что величайшее сокровище, обитающее в нем, — Христос Спаситель есть Тот, на Кого надо возложить все свое упование. И он возлагает все на Господа, а потому и становится для нас, верующих, тем, кто и нам помогает и нас обогащает своим сокровищем.

Когда Церковь величает святителя Николая как ум священнейший, то это обличает наше житейское понимание ума.

Может, теперь каждый из нас попробует войти в себя, в свое сердце для обретения сокровища? К этому призывают все подвижники, об этом говорит прославляемый ныне святитель Николай.

Он является примером того, как скромный пастырь, ничем как будто от других не отличающийся, развивает в себе широту сердца до того, что оно может вместить в себя близких и дальних, верующих и неверующих.

И вот образ святителя Николая пусть будет примером для нас, живущих в этот жестокий век, который все строит на рабочей силе сердца, а не на нем самом.

Братья и сестры, наше дело есть очищение сердца, ибо только чистые сердцем Бога узрят, только обретшие сокровище на селе сердца своего.

Об этом надо молиться, надо просить святителя Николая, чтобы каждый из нас в своем сердце и в своей вере соделался умом священнейшим. И очистим свое сердце, чтобы мы не бездельничали, а постепенно возделывали то богатство, которое вложено Христом в наши сердца через Святую Церковь, ибо *кто во Христе, тот новая тварь* (2 Кор. 5:17), ибо не он тогда живет, а живет в нем Христос (ср.: Гал. 2:20).

Аминь.

---

[349] См. прим. 179.

Вознесение Господне

Беседа первая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Для многих из нас Вознесение является только праздником на пути между Пасхой и Пятидесятницей, как будто в нем нет своего внутреннего содержания, как в других праздниках Святой Церкви. Кажется, что только и вознесся Господь, чтобы ниспослать Утешителя — Святого Духа. Этот праздник как будто ничего не дает человеку, но даже больше — лишает присутствия Господа здесь, на земле. Ибо в последние дни вы чувствовали Его присутствие в явлениях, как апостолы когда-то, а теперь Он ушел от нас. Казалось, для апостолов вознесение Господа должно бы быть потерей. Но святые отцы говорят, что оно — великий праздник, ибо ныне не *Слово плоть бысть* (Ин. 1:14), но плоть стала Богом, новый Адам не нисходит, а «восходит с плотию на небо»[350].

Для нас этот праздник является пробным камнем нашего понимания дела Христова на земле.

Бог соделался человеком, чтобы человек соделался Богом, чтобы человека вознести на небо, говорит один святой отец[351].

Мы сегодня с апостолами сорадуемся восшествию Господа на небо, потому что с Ним плоть человеческая возносится на небо.

Мы, которые погружены в человеческое и только и думаем о каких-либо своих делах, часто не воспринимаем как должно этот праздник, не отдаем себе отчета, что в человеке заложено стремление к небу, к Богу. Господь возносится на небо, и, подобно этому, каждый верующий и любящий Бога может быть вознесен на небо. Для нас не мечта и не фантазия вознесение на небо человеческой природы, «обожение», как говорят святые отцы. Не для того приходил Христос, чтобы мы могли лишь немножко покаяться, несколько поочиститься и омыться. Недостаточно одного очищения от страстей. Дело Христово этим только начинается. После очищения от страстей начинается совершенствование, обожение, начинается то, о чем Христос сказал: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5:48).

Ныне Христос с плотию, явленной ученикам, виденной и осязавшейся ими, возносится на небо. Христос сначала родился, прошел весь путь земной, а потом уже и вознесся, а мы в Таинствах

---

[350] Ср.: «Бог превыше Небес с плотию восходит» (Вознесение Господне. Утреня. Стихира 2-я на хвалитех).

[351] Точно: «Бог соделался человеком на тот конец, чтоб нас соделать богами» (*Симеон Новый Богослов, прп.* Слова, 63).

сначала умираем греху, потом рождаемся для новой жизни, а в этом празднике получаем возможность вознестись на небо. Если мы это поймем, тогда Вознесение не будет только этапом по пути от Пасхи до Сошествия Святого Духа, но будет праздником, исполненным радости, каким был он для апостолов, которые, как повествует евангелист, возвратились не в печали от разлуки с Господом, но в великой радости, ибо они воочию убедились, что не напрасны были слова Господа[352].

Мы живем на этой земле временно и должны быть готовы к будущей жизни. Если мы очищаемся от грехов — это еще не всё, мы должны готовить себя для обителей горних, должны жить в заповедях блаженства. Мы должны знать, что духовное делание мы только начинаем. Если мы почувствуем, что наша обитель не здесь, а там, тогда во всяком нашем делании мы будем помнить, что Господь вознесся на небо в Своей вечной пречистой плоти, тогда здешняя жизнь — жизнь на земле — будет для нас дорогой к небу. Мы будем следить тщательно за всяким своим поступком, возносит он нас или низводит. Тогда мы почувствуем всю духовную радость праздника Вознесения, почувствуем, что это есть путь, по которому мы все должны пройти. Господь взошел на небо и снова приидет судить нас, чтобы готовых вознести вместе с Собой на небо, но не тех, которые хотя как будто и служили Ему, но считали, что главное их дело — здесь, на земле, даже вовсе забывая о небе, не понимая значения вознесения и обожения.

Братья и сестры! Христос зовет нас с Собой на небо.

Аминь.

Беседа вторая

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Вси языцы, восплещите руками, воскликните Богу гласом радования (Пс. 46:2).

Сегодня Святая Церковь призывает нас к веселию и радости, но в чем заключается эта радость и почему мы должны радоваться?

Ныне мы празднуем вознесение Господа нашего Иисуса Христа от земли на небо. Ныне вознесен Господь, и вот «вси языцы, восплещите руками, яко взыде Христос, идеже бе первее»[353].

Если бы Господь не вознесся на небо, но продолжал пребывать на земле, то не было бы этой великой радости, потому что тогда не было бы завершено дело нашего спасения, ради которого Господь пришел на землю. Потому-то и должны мы сегодня

---

[352] См.: Деяния святых апостолов, гл. 1.

[353] Вознесение Господне. Великая вечерня. Стихира 1-я на *Господи, воззвах.*

радоваться, что Господь с плотию восшел на небо. Сошел Господь с небес, чтобы естество человеческое, тлением падшее, «возставить, вознести и с Собою прославить»[354]; чтобы возвести его в прежнее состояние, воистину обожить нас. Ибо Божие Слово «вочеловечилось, чтобы мы обожились»[355].

«Мужие галилейстии, Иже от вас отыде, Сей есть Иисус Человек Бог»,— возвестили апостолам ангелы, и апостолы *возвратились во Иерусалим с великою радостью* (Лк. 24:52). Потому-то и радовались апостолы, потому-то и мы радуемся ныне и празднуем, что Господь «нисшедшедшее естество Адамово, в дольнейшия страны земли, новосотворивый Собою превыше всякаго начала и власти вознес». И небесные силы потому удивляются, что видят Человека, Восшедшего на небо и Сидящего одесную Бога Отца, удивляются тому, что Человек Бог восходит на небо и «Бог Человек паки приидет, Судия живых и мертвых»[356].

Сын Божий, Единосущный Отцу, родился на земле от Пречистой и Пренепорочной Девы Марии, вочеловечился и стал во всем подобен нам, кроме греха. Своею Божественною Ипостасью Он «воспринял плоть одушевленною душею, мыслящею и разумною»[357] и тем новосотворил наше естество, а затем через Свои страдания и смерть освободил его от власти греха и смерти. «Зашел еси под землю, рукою Твоею создавый человека, да воздвигнеши от падения соборы человеческия всесильною державою» воспевает Святая Церковь в Похвалах в Великую Субботу, которую она называет «Субботою Преблагословенною»[358]. В тот день Господь, завершив новотворение человека, почил во гробе, даровав и нам «упокоение вечное»[359].

Но Господь Иисус Христос не только сошел на землю с неба, не только освободил Своею смертию и воскресением наше падшее естество от власти греха и смерти, но вознес его с Собою на небо, тем самым «еже о нас исполнив смотрение, и яже на земли соединив небесным»[360].

Своим вознесением на небо Спаситель каждому из нас открыл путь восхождения от земли на небо; но мы сотворены по образу и подобию Божию со свободною волею, и поэтому только от нас зависит, пойдем мы по этому пути или нет.

---

[354] Ср.: Вознесение Господне. Утреня. Первый канон. Песнь 3. Тропарь 4-й.

[355] *Афанасий Великий, свт.* Слово о воплощении Бога Слова и Его явлении к нам во плоти, 54.

[356] Вознесение Господне. Великая вечерня. Стихира 5-я на литии.

[357] *Иоанн Дамаскин, прп.* Точное изложение православной веры, 3, 2.

[358] Великая суббота. Утреня. Кондак.

[359] См.: Великая Суббота. Утреня. Стихира 1-я на хвалитех.

[360] Вознесение Господне. Утреня. Кондак.

Тот, кто *горняя мудрствует, а не земная* (ср.: Кол. 3:2), тот верует, что мы имеем бессмертную душу и созданы для вечной жизни и бесконечного совершенства. Такой взгляд на человека прямо противоположен взгляду мира. Мир смотрит на человека как на животное, целиком зависящее от влияний внешней среды. Он считает, что надо только изменить эти условия, чтобы изменился человек. И в христианстве телу отводится величайшее место, поэтому и оно признает значение для воспитания человека изменения в ту или иную сторону внешних условий. Однако мы верим, что это имеет только подсобное значение, а основное — это наша душа со всеянной в нее божественной искрой совести и свободной волей последовать голосу совести или пойти против него. Христос сказал, что Царствие Божие внутри нас, в нашей душе, в нашей совести, мы можем вопреки тому, что нам навязывается извне, чему нас учат и что вытекает из условий нашего воспитания, последовать голосу совести или пойти против него.

Церковь знает много примеров того, что внешние условия, как бы значительны они ни были, еще не определяют целиком сложения нашей духовной личности. Святые отцы приводят в пример апостола Иуду. Он был при Христе вместе с другими апостолами, вместе с ними слышал слово Спасителя и видел чудеса Его. Величайшее внимание было оказано Иуде, и все-таки вопреки всему этому он пал и предал своего Учителя. Поэтому Святая Церковь верит, что как бы велико ни было влияние внешних обстоятельств на нашу духовную и душевную жизнь, оно не имеет для нас определяющего значения. Главное — это наша свободная воля, наше решение и вытекающее из него внутреннее делание.

Господь сделал для нас все: Он спас нас от греха и смерти, Он поднял наше естество, вознес его на небо, и теперь от каждого из нас зависит усвоить себе плоды того, что сделал для нас Христос. Если мы верим в Него, если мы ищем Его и желаем вкусить вечной жизни, мы должны заняться созиданием своей души, чтобы «добро принадлежало не меньше избирающему, чем и вложившему семена оного»[361]. Этот взгляд не дает повода для гордости, потому что мы знаем, что основа добродетели, семя ее вложено в нас Господом, но мы и сами должны приложить труд, чтобы взрастить это семя.

Опираясь на плоды искупительной жертвы Христовой, но вместе с тем и нашею волею, и нашим тщанием, мы должны идти, стучать в двери милосердия Божия и просить. В этом смысле все мы являемся творцами наших душ. Это великое делание, которое совершается на земле.

---

[361] *Григорий Богослов, свт.* Слова, 38 и 45.

Святая Церковь призывает нас сегодня радоваться о совершенном Господом для нашего спасения, напоминает нам о том, что теперь все зависит от нас.

Господь вновь сотворил нас через Свое воплощение. Он спас нас и вознес с Собою наше естество к престолу небесному. Он зовет и нас принять участие в этом новом творении. Он призывает нас к тому, чтобы мы стали творцами наших душ. Для этого нам нужно прежде всего последовать за Ним по Его пути. *Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет* (Мк. 8:34). И далее просить Его, чтобы Он Сам помог нам в этом великом деле творения своей души. И эта молитва будет услышана, потому что сам Господь сказал: *Просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищяй обретает, и толкущему отверзется* (Мф. 7:7–8).

В том-то и заключается наше теперешнее великое делание, что мы должны быть творцами своих душ. Святые отцы называют «человекотворцами» тех, кто злых и страстных людей делает добрыми, но в еще большей степени это наименование приложимо к тем, кто на протяжении своей земной жизни творит свою душу, освобождая от страстей данный нам образ Божий и возводя его к богоподобию. Это дело не только Божие, но и человеческое: без нас и Бог не может нас спасти. Каждый человек должен сам идти к Богу, а Господь пойдет навстречу, поможет нам. И если в нас действительно есть не только тело, целиком зависящее от влияний внешних условий, но и образ Божий, призванный к свободному творчеству, то мы можем и должны участвовать в этом новотворении наших душ.

«Чины ангельстии, Спасе, человеческое естество видевше совосходящее Тебе, непрестанно удивляеми воспеваху Тя»[362]. И мы должны благодарить Бога и радоваться тому, что падшее естество наше вознесено на небо и посажено одесную Отца.

Если мы пойдем по пути очищения наших душ, мы увидим отверстое небо, Богочеловека, сидящего на престоле Божием, Отчем. Тогда в день Страшного Суда мы легко подымемся к нашей небесной Родине. На старинных иконах Страшного Суда изображены души праведные, летящие к небу. Они летят к горнему Престолу снизу, но как свободно они летят, какая легкость в этих устремленных к небу фигурах. А есть и другие, которые не могут взлететь. Это грешники, в своей земной жизни не трудившиеся над созиданием Царствия Божия в своих душах. Они также хотят подняться вверх и даже слегка взлетают, хотя и с большим трудом, но потом быстро и стремительно падают вниз.

---

[362] Вознесение Господне. Утреня. Первый канон. Песнь 3. Тропарь 2-й.

Давайте же сегодня, в радостный день Вознесения Господа на небо, будем помнить о том, что «Сей Иисус, Человек Бог», новосотворивший нашу душу и тело, «Бог Человек паки приидет, Судия живых и мертвых».

Будем помнить о том, что и мы в тот день воскреснем в новом теле. Будем же идти по пути очищения наших душ и устроения нашего тела в храм Святого Духа, чтобы в тот страшный и радостный день мы могли легко вознестись к горнему Престолу и вместе с пророками, апостолами и мучениками и всеми святыми войти в рай, где Богочеловек с плотию сидит одесную Отца.

Аминь.

Неделя первая по Пятидесятнице, Всех святых

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В первое воскресение по Пятидесятнице Святая Церковь творит память всех святых, чествует мучеников, блаженных, преподобных и всех праведных, от века просиявших. Если в день святой Пятидесятницы празднуется сошествие Святого Духа, празднуется день основания Церкви, — то в первый воскресный день по Пятидесятнице Святая Церковь продолжает это празднование Святому Духу, ибо она ныне творит память тех, которые составляли и составляют доныне тело Церкви, она творит память истинных членов Тела Христова, тех, которые еще при жизни, еще на земле, стяжали в себе Духа Святого Божия.

Когда Господь наш Иисус Христос был на земле, Он не оставил ученикам своим того или иного письменного учения; Он пришел для того, чтобы на Теле Своем создать Церковь: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей* (Мф. 16:18). Он пришел для того, чтобы дать людям жизнь: *Аз есмь путь и истина и живот* (Ин. 14:6).

Христианство не есть учение — это мы его сделали учением, — христианство — прежде всего жизнь, поэтому и Христос был здесь не учителем, а тем, Кто первый на земле выявил Царство Небесное. И Церковь Его идет тем же путем, она также есть то, что выявляет Царство Небесное, она есть также не учение, но жизнь, она прежде всего живет, а не учит, а если и учит, то учит жизнью.

Когда Христос уходил от своих учеников, когда Он оставлял эту землю в образе человеческом, Он не говорил ученикам «запишите все, о чем Я учил» или «давайте Я напишу вам это», но Он сказал: «Я пошлю вам Утешителя, Который *наставит вас на всякую истину*» (см.: Ин. 15:26; 16:13), Он — Утешитель — *воспомянет вам вся* (Ин. 14:26) — все заставит вспомнить.

Озарение Духом Святым, жизнь через Него и в Нем — это и есть жизнь Церкви. Только постольку, поскольку Дух Святой живет в нас и учит, постольку и мы, братья и сестры, принадлежим к Православной Кафолической Церкви, и постольку на земле существует христианское делание.

Когда Господь отходил от нас, Он обетовал нам Духа Святого, исполнение этого обетования совершилось в день святой Пятидесятницы. Дух Святой сошел на апостолов и переменил прежде всего их жизнь. Они не стали по-другому учить, но начали сперва иную жизнь, а затем уже с ее позиций — учить. Это видим мы на примере апостола Петра.

Поскольку мы живем, поскольку заботимся о стяжании Духа Святого, постольку мы и являемся членами Тела Христова.

Если вспомнить, что Евангелие появилось гораздо позднее дня святой Пятидесятницы, что оно появилось только в конце жизни апостолов и уже по значительном распространении христианства, тогда станет ясно, насколько исключительна была сила озарения Святого Духа у первых христиан. Апостолы учили в день Пятидесятницы, озаренные Им, и не надо было книг, но благодать Святого Духа говорила их устами. Евангелие, по словам Иоанна Златоуста, явилось преданием, оно возникло тогда, когда озарение Святого Духа стало не в меру тех, которые Его воспринимали, когда повторилось то же, что было в Ветхом Завете, где после грехопадения нужен стал закон писаный — закон Моисеев.

В святоотеческом пути мы видим прежде всего стяжание Духа Святого Божия. Каждый человек есть образ Божий, а святой тот, кто в этот образ стяжал Духа Святого, и стяжал прежде всего в жизни.

Вот в отношении жизни я и хочу рассказать вам сегодня о том действии Святого Духа, которое раскрывается в человеке, когда он преуспевает. Вот что говорит Антоний Великий: «Необходимо согласно и равно нести труды покаяния и душой, и телом, стремясь к совершенной чистоте. И когда ум сподобится такой благодати, чтоб без саможаления и поблажки вступить в борьбу со страстями, тогда ему присущи внушения, указания и подкрепления Духа, помощью которых он успешно начинает отражать от души все нечистые приражения, исходящие от похотей сердца. Дух сей, сочетавшись с умом (или духом человека) ради решимости строго исполнять узнанные заповеди, направляет его к тому, чтоб отгонять от души все страсти, как примешивающиеся к ней со стороны тела, так равно и ее собственные, кои есть в ней независимо от тела. Он научает его держать в порядке тело — все, с головы до ног: глаза, чтоб смотрели с чистотой; уши, чтоб слушали в мире (или мирное) и не услаждались наговорами, пересудами

и поношениями; язык, чтоб говорил только благое, взвешивая каждое слово и не допуская, чтоб в речь вмешалось что-либо нечистое и страстное; руки, чтоб были приводимы прежде в движение только на воздеяние в молитвах и на дела милосердия и щедродательности; чрево, чтоб держалось в должных пределах в употреблении пищи и пития, сколько нужно только для поддержания тела, не допуская похотению и сластолюбию увлекать себя за эту меру; ноги, чтоб ступали право и ходили по воле Божией, направляясь к служению добрым делам. Таким образом тело все навыкает всякому добру и изменяется, подчиняясь власти Святого Духа, так что наконец становится в некоторой мере причастным тех свойств духовного тела, какие имеет оно получить в воскресение праведных»[363].

Дух Святой есть жизнь и прежде всего дает нам жизнь. Если наши органы чувств являются тем, что не дает нам вступить на истинный путь, то Дух Святой позволяет нам держать в порядке тело, так что человек начинает мало-помалу отрезать от души все нечистые приражения, и это очищение является очищением не только для души, но переносится и на тело, и самое тело очищается и возводится до души.

Вот что прежде всего дает нам вера во Христа. Мы должны идти не только путем борьбы со страстями, но и стяжания даров Святого Духа. По мере того как мы сами идем в этом очищении образа Божия, Дух Святой ведет нас и к уподоблению. Он является той силой, как говорит Макарий Великий, которая дает нам новые органы чувств: «Господь наш Иисус Христос для того и пришел, чтобы изменить, преобразить и обновить естество и эту душу, вследствие преступления низложенную страстями, создать вновь, растворив ее Божественным Духом. Он пришел верующих в Него сделать новым умом, новою душою, новыми очами, новым слухом, новым языком, одним словом — новыми людьми»[364].

Все идет не от учения, а от жизни. Можно великолепно знать Евангелие, но не иметь ничего из того, о чем говорят святые отцы. А святые отцы сделались еще здесь, на земле, новыми людьми. *Кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном* (Мф. 5:19). Святые угодники ничему нас не учили на словах, они нам показали, они дали нам собственную жизнь. Только в собственной душе открывается каждому Царствие Божие постепенным стяжанием в ней даров Святого Духа.

---

[363] Наставления святого отца нашего Антония Великого о жизни во Христе, 20 // Добротолюбие. Т. 1.

[364] *Макарий Великий, прп.* Господь устроитель спасения, 3, 58 // Добротолюбие. Т. 1.

И вот мы собрались, чтобы почтить истинных членов Тела Христова, тех, которые здесь, на земле, созидали Царствие Божие и здесь же, а не где-то там, в ином мире, стяжали дары Святого Духа. В этом мире было и есть много угодников Божиих; и мы только относительно некоторых можем иметь великую радость узнать и прославлять их.

Святая Церковь прославляет их не за учение, а за жизнь. Она прославляет даже не их самих, но через них Духа Святого. Она говорит нам сегодня, что не напрасно Господь обетовал нам Утешителя, что нашлись и найдутся люди, которые поищут стяжать Его в себе, что они-то и есть те, на которых стоит Церковь, — истинные члены Тела Христова. Это им, а не нам сказано, что врата адовы не одолеют их, на крови Господа созиждивших Его Церковь своими подвигами и любовию.

Если нам надо у кого-нибудь учиться толкованию и пониманию Священного Писания, к ним мы пойдем, ибо они жизнью стяжали Духа Святого, а Господь Иисус Христос сказал, что Он — Дух Святой — наставит нас на всякую истину (см.: Ин. 16:13).

Этот праздник является праздником учеников и угодников Христовых, праздником, в котором мы прославляем великих и величайших учителей Церкви, отцов Вселенских Соборов, которые раскрыли нам истины православной веры, как те, кто стяжал Духа Святого в своей душе, а не говорит понаслышке. Это не просто праздник людей, но православие тех, кто имел в себе Святого Духа. Если каждый человек есть образ Божий, то святой — это тот, кто приобрел и подобие через стяжание Святого Духа.

Аминь.

Преображение Господне

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Мы почти заканчиваем годовой круг богослужения; остается только один праздник церковного года — Успение Пресвятыя Богородицы, после которого мы войдем в начало нового богослужебного круга.

И вот в эти последние дни, после Пасхи, Вознесения и Пятидесятницы, Святая Церковь неожиданно приводит нас на Фаворскую гору. Казалось бы, такой порядок праздников не соответствует последовательности евангельских событий, потому нам прежде всего необходимо уяснить себе смысл предлагаемой Церковью последовательности праздников.

Нам следует понять, почему нас, получивших обновление Святаго Духа в день Пятидесятницы и собирающихся погребать

первую христианку — Божию Матерь, Церковь снова приводит на гору Преображения.

Мы знаем, что Преображение Господне произошло за сорок дней до Его крестных страданий, поэтому, если исходить из хронологической последовательности евангельских событий, мы должны были бы праздновать его в первые дни Великого поста. Святые отцы, творцы богослужебного устава, нашли неуместным совершать этот великий и радостный праздник в дни, посвященные сугубому покаянию и сетованию о грехах, и перенесли его на другое, более подходящее время.

Впрочем, в Постной триоди мы находим указание на место, которое должен был бы занимать здесь праздник Преображения Господня. Это — Неделя о Фаворском свете, второе воскресение поста, когда Святая Церковь прославляет память одного из великих подвижников и учителей духовного делания — святого Григория Паламы, который учил, что через очищение сердца, хранение ума и постоянную молитву Иисусову мы можем еще здесь, на земле, увидать тот несозданный Божественный свет, который озарил апостолов на горе Фавор.

Есть, однако же, и другая причина такой последовательности установления праздников. Возведя нас в эти последние дни церковного года на гору Преображения, Святая Церковь напоминает нам о том, что для нас, христиан, существует только один путь — путь преображения своей души. Нам особенно необходимо постоянно помнить об этом, так как для многих из нас христианство перестало быть делом опыта и стало исключительно «словесным» делом.

Поэтому нам важно вспомнить грозные слова преподобного Макария Египетского: «Иное дело рассуждать о трапезе и иное — насытиться ею»[365].

К сожалению, для нас, которые сделали христианство «привременным мечтанием» и «мирским пристрастием», и эти слова могут остаться только словами. Ибо многие, вместо того чтобы следовать учению святых отцев, надмеваются умом, гордясь своим знанием святоотеческой литературы.

Что же значит это преображение души, о котором говорит сегодняшний праздник, и для чего Святая Церковь ныне приглашает нас вместе с апостолами взойти на гору Фаворскую?

Вспомним, каково было состояние апостолов, вместе со Христом взошедших на гору Преображения. Когда Петр, Иаков и Иоанн были на горе Фаворской, то они, как говорят святые отцы, почувствовали, что уже получили всё. Ведь они увидели тогда, что

---

[365] Ср.: Наставления святого Макария Великого о христианской жизни, выбранные из его бесед, 5, 169.

человек есть венец творения и через его преображенную душу преображается вся природа. Пораженные этим состоянием, они подумали, что уже достигли совершенства, и Петр сказал: *Хорошо нам здесь быть* (Мф. 17:4), — ибо уже довольно нам, мы имеем всё. На самом деле Петр, Иаков и Иоанн имели в то время лишь малую предварительную часть той благодати, которую они получили впоследствии.

То же самое бывает и с нами: многие из нас, когда впервые подошли к Господу, имели состояние, подобное апостолам на Фаворе. Вспомните, что переживали вы, когда в первый раз получили ответ на ваши искания и молитвы. Вы почувствовали, что вам легко-легко и ничего больше не надо. Это радостное, но вместе с тем и опасное состояние. Святые отцы говорят, что сокровище духовное открывается по мере искания[366]. Господь не сказал «постучите, и вам откроют», но сказал «стучите, просите» (см.: Мф. 7:7; Лк. 11:9).

Духовная жизнь есть постоянное, вечное искание. Если этого нет, то случается то же, что случилось с апостолами, которые спали и на горе Фаворской (см.: Мф. 17:1–6; Мк. 9:1–8; Лк. 9:28–36), и в саду Гефсиманском (см.: Мф. 26:36–46; Мк. 14:33–42; Лк. 22:40–46).

Святые отцы учат, что полученная человеком в начале его духовного пути благодать потом как бы отходит от него, для того чтобы он сам шел к ней. И тогда она вновь возвращается к нему в еще большем изобилии, чем раньше. Мы должны это помнить. Церковь призывает нас всегда искать изобилия благодати, а не к тому, чтобы, получив малую благодать, успокоиться. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Некоторые, имея намерение пуститься в дальнейший путь и вопросивши людей, знающих путь сей, услышали от них, что это путь прямой, гладкий и безопасный; и, услышав это, скоро расслабели в путешествии своем и на середине пути потерпели бедствие; а другие возвратились назад, оттого что не приготовили себя к скорбям»[367].

Приходится и нам часто слышать: в Церкви все легко, в Церкви безопасно. Говорящие так забывают о том, что Тот, Кто сказал: *Бремя Мое легко есть* (Мф. 11:30), — сказал также: *Входите тесными вратами, потому что... тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь* (Мф. 7:13.14), и *в мире скорбни будете* (Ин. 16:33).

Подвижники говорят, что путь духовной жизни, с одной стороны, есть путь прямой и гладкий, с другой же стороны, это тесный и тернистый путь, который только по мере делания становится

---

[366] Например, прп. Макарий Великий (см.: Духовные беседы, 27, 12).

[367] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 7, 3.

легким и прямым для христианина. Нам нужно помнить, что люди, идущие этим путем, часто ослабевают и возвращаются вспять. Поэтому нам надо готовить себя к скорби. Вспомним об апостоле Петре, в жизни которого после Фавора было отречение (см.: Мф. 26:69–75; Мк. 14:66–72; Лк. 22:55–62; Ин. 18:15–18, 18:25–27).

И сегодня, если мы пришли сюда не только для того, чтобы послушать те или иные песнопения, но чтобы прикоснуться к горе Фаворской, мы должны помнить: многие подвижники, уже преобразившиеся, падали снова, как, например, Иоанн Постник[368]. Но теми, кто неуклонно шел претрудным путем духовного делания, все эти опасности были преодолеваемы, и они снова восходили на гору духовного преображения.

Богочеловек, преобразив плоть Свою, преобразил и одежды Свои, и потому святые подвижники, преобразившись сами душою и телом, входили в общение со всей тварью и преображали ее. И преображенная через соприкосновение с ними тварь служила им. Так было с преподобным Герасимом, подвизавшимся на Иордане[369], со многими египетскими подвижниками и с нашими русскими святыми — преподобными Сергием Радонежским и Серафимом Саровским.

Условия преображения одни и те же и для апостолов, и для великих подвижников, и для нас. Поэтому будем учиться у них пути духовного делания, будем помнить, что не должно довольствоваться малым, что мы уже получили от Господа, потому что оно может быть отнято от нас. Вместе со святыми апостолами, святыми отцами и подвижниками будем постоянно стучаться и искать, будем преодолевать все трудности и непрестанно просить об умножении благодати. И тогда по мере делания нашего будет и в нас открываться благодать, уже не предварительная, но истинная, и мы взойдем на гору Фаворскую.

Аминь.

Успение Пресвятой Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Оканчивая годовой круг богослужения, мы присутствуем на великом празднике Успения Пресвятыя Богородицы и скоро с благословения Церкви начнем с праздника Рождества Пресвятыя Богородицы новый церковный год.

---

[368] См.: *Димитрий Ростовский, свт.* Житие святого Иоанна Постника, патриарха Константинопольского.

[369] См. прим. 431 на с. 448 (Наст. изд. Кн. 1.).

Кто ищет от Церкви пищи для своей души, кто не легкомысленно смотрит на порядок и последовательность праздников церковного года, тот должен внимательно посмотреть и на сегодняшний праздник, вдуматься в его смысл.

Дважды на протяжении церковного года Церковь ставит нас лицом к лицу с великим таинством смерти. На Страстной седмице мы присутствовали при смерти нашего Творца и Спасителя и сейчас присутствуем при смерти величайшего из Его творений, созданных по образу и подобию Божию — Пресвятой, Пречистой и Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы.

Что же такое смерть? «Сон является верующим в смерть», — говорит церковная песнь. Эту тайну Христос впервые открыл Своим апостолам, когда сказал им: *Лазарь, друг наш, успе... Реша убо ученицы Его: Господи, аще успе, спасен будет. Рече же Иисус о смерти его; они же мнеша, яко о успении сна глаголет* (Ин. 11:11.12–13).

Обычно считают, что сон отличается от смерти тем, что он есть нечто временное, после сна всегда наступает пробуждение. И мы веруем, что после смерти и воскресения Спасителя смерть преодолена и побеждена Им и нас всех ждет всеобщее воскресение. *Где ти, смерте, жало?* (1 Кор. 15:55). Смерти больше нет, а есть сон — успение. *Всяк живый и веруяй в Мя не умрет во веки* (Ин. 11:26).

Мы с вами преступно небрежно относимся к смерти, а между тем смерть — это то единственное, что неизбежно ожидает каждого из нас. Человек в своей духовной жизни измеряется не своими добродетелями и не тем, как он живет, а своею смертью.

Много было людей, простаивавших подолгу на молитве, раздававших свое имение и многими подвигами подвизавшихся, но для них конец жизни был не успением, а смертью. Духовный возраст христианина измеряется его отношением к смерти: думает ли он о ней, боится, ждет ли ее. Если ты боишься смерти, то помни, что она не есть что-то естественное, присущее нашей природе, но лишь через грех вошла в тебя смерть (см.: Рим. 5:12). Смерть есть то, чего может человек избежать.

Отношение к смерти теснейшим образом связано для христианина с его отношением к своему телу. Одно из двух: или наша жизнь кончается со смертью тела, или смерть есть временное рассечение Божиим хотением естественнейшего союза души и тела.

В первом случае все кончается здесь, на земле, и тогда нечего успокаивать себя каким-либо утешением. Тогда и тело умершего есть, как считал Л. Н. Толстой, «противная и ненужная вещь», которая «мешает живым»[370]. Поэтому он завещал своим близким поскорее убрать его мертвое тело, словно это падаль.

---

[370] См.: *Толстой Л. Н.* Ответ Синоду.

Если же, как и верит Церковь, смерть есть рассечение естественнейшего союза души и тела, то наше отношение к телу совершенно меняется. Тогда тело есть такая же равноправная часть целого человека, как и его душа. Более того, через тело освящается и душа человека; оно есть орган и проводник Духа Святого в душу живу.

Ведь во всех Таинствах Церкви получение благодати Божией связано с воздействием на тело того, что называется «веществом» Таинства. В Таинстве крещения — это вода, в миропомазании — это миро, в Евхаристии — хлеб и вино, которые после их освящения становятся Телом и Кровью Христовыми. После святого причащения мы молимся: «пройди во уды моя, во вся составы, во утробу, в сердце».

Поэтому мы верим, что не только душа человека, но и его тело есть храм Святого Духа. *Не знаете ли,* — говорит апостол, — *что тела ваши суть храм живущаго в вас Святаго Духа?* (1 Кор. 6:19).

Если бы мы по-настоящему верили в это, то мы поняли бы, почему святые отцы называли тело нашим ближним. Они говорили, что заповедь Христова *возлюби ближнего Твоего* (Мф. 22:39; Мк. 12:31) относится прежде всего к нашему телу, которое является первым нашим ближним. Тогда по-настоящему верили бы мы и в воскресение мертвых, верили бы, что в день всеобщего воскресения мы востанем и придем на Суд Христов вместе с нашим телом, в котором жительствовали на земле.

А для мира, который не верит в вечность естественнейшего союза души и тела, не верит в воскрешение мертвых, смерть — это сплошной ужас: жил человек и вдруг пропадает. Человек умирает, и тело его подвергается тлению. И вот чтобы скрасить это тление, его окружают и маскируют речами, музыкой, торжественными процессиями. А всем этим можно только приукрасить, но не преодолеть ужас смерти. По-настоящему преодолеть его может только тот, кто знает, что смерть тела есть исполнение Господнего повеления: *земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. 3:19). Это закон, которому подчиняется все живое до дня всеобщего воскресения. Не избегла этого закона и Матерь Божия, ведь и Она так же, как и все, умерла.

Итак, возможны только два отношения к смерти и связанные с ними два отношения к телу: или тело наше с момента смерти есть «земля», которая Божиим изволением возвращается в землю и которое востанет в день последнего воскресения, или это — падаль, которую нужно сейчас же выкинуть.

Господь сказал: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17:21), — и в каждом из нас есть если не Царствие Божие, то

маленький «уголок», в котором оно таится, и этот уголок понуждает нас что-то делать перед лицом смерти.

В том, что люди неверующие делают для преодоления ужаса смерти, они противоречат своим убеждениям. Наше же отношение к иной, будущей жизни оценивается нашим пониманием, что смерть является ее вратами.

В чем же заключается смерть христианина? Царство Божие внутри нас. Оно подобно закваске, *которую женщина, взяв, положила в три меры муки* (Мф. 13:33), или подобно *зерну горчичному... которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастает, бывает больше всех злаков* (Мф.13:31.32).

Еще здесь, на земле, в душе человека начинает строиться Царствие Божие, и в зависимости от того, насколько мы его построим, меняется и наше отношение к смерти.

Что же такое для нас смерть и гроб?

Вспомним слова митрополита Филарета: «Те, кто считают себя умными, а вместо того являются неразумными, не ведают, что человек подобен гусенице, которая уготовляет себе паутину и кокон, чтобы в нем умереть и затем воскреснуть для новой воздушной жизни бабочки»[371].

И мы должны на свой гроб смотреть как на кокон шелковичного червя. Сначала гроб, потом воскресение для жизни небесной. Поэтому Церковь за каждой службой молится о том, чтобы Господь подал нам христианскую кончину и добрый ответ на страшнем Судищи Христове.

Заканчивая церковный год, Церковь дает нам образ смерти величайшей христианки — Пречистой Девы Марии — в праздновании Ее Успения. Смерть для Нее была воистину успением. Переход в другой мир, в Царство Ее Сына и Бога не был для Нее неожиданным. На иконах Успения мы видим не только Матерь Божию, но и Христа, «женскую душу руками носящаго»[372]. Но ведь не только для Нее, но и для нас Христос есть Бог и Спаситель. Поэтому, взирая на образ честного Ее Успения, и мы в нашей силе и мере должны выявить свое отношение к смерти.

Мы с вами живем в трудное время, когда жизнь создает для этого особенно благоприятные условия. Теперь, как никогда, становится ясной грань, отделяющая верующих от неверующих. Теперь каждый верующий во Христа является тем, против кого

---

[371] Точно: «Стыд для человечества, что есть люди, мечтающие быть разумнее других и мудрствующие неразумнее червя, который приготовляется к смерти устроением себе паутинного или шелковичного гроба не с тем, чтобы в нем исчезнуть, но, чтобы положив в нем земную жизнь червя, воскреснуть в воздушную жизнь бабочки» (*Филарет Московский, свт.* Слова и речи, 258).

[372] Успение Пресв. Богородицы. Утреня. Первый канон. Песнь 9. Тропарь 1-й.

направляются все насмешки и оскорбления, вся грязь, и еще тяжелее будут насмешки и оскорбления, направляемые на Святую Церковь, но тем радостнее мысль о том, что наше отечество на небесах, тем желаннее должна быть смерть как возвращение в это отечество.

Это не значит, что христианство не признает земной жизни. Истинный христианин радуется, любуется этой жизнью как даром Божиим. В этом радостном приятии жизни и состоит одно из важнейших отличий христианина от нехристиан.

Но, радуясь земной жизни, христианин еще больше радуется, что он здесь, на земле, получает познание другой, небесной жизни. Собирайте же сокровища еще здесь, на земле. Тогда вы начнете ценить в себе Царство Божие, и смерть уже не будет страшить вас, но будет для вас радостным и желанным переходом в иную жизнь. Но если вы не будете еще на земле собирать это сокровище, то страшен будет для вас час смертный, и в тот час никто не поможет вам. Теперь, в этой жизни, надо собирать элементы Царствия Божия, и тогда мало-помалу вы начнете понимать значение этого великого праздника, который мы празднуем сегодня.

И дай Бог, чтобы день нашей смерти не застал нас врасплох, но чтобы мы уподобились тем, кто еще здесь начал небесную жизнь.

И тогда Божия Матерь будет молиться о нас в час этого страшного перехода, как мы молимся Ей всегда, прося «не вверить нас человеческому предстательству», но принять нашу молитву и сохранить нас под святым Своим покровом[373].

Аминь.

---

[373] Ср.: Последование общего молебна. Стихира по Евангелии.

ПРОПОВЕДИ НА СВЯТОЙ ВЕЛИКИЙ ПОСТ 1929 ГОДА[374]

Проповедь первая (седмица первая, суббота, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Мы, братие, после первой недели Великого поста, которая должна была быть проведена в искреннем покаянии, пришли к празднованию Православия, которое открывает нам выход из нашего греховного состояния и указывает путь, которым должен идти человек, начавший покаяние. Если вы принесли покаяние, то этим самым только еще начали входить в настоящую жизнь. Ведь завет Бога с человеком был положен два раза — в Ветхом Завете и Новом Завете. В Ветхом Завете он был положен через Моисея на горе Синайской, в Новом — через Сына Своего: *Сия есть Кровь Моя, Новаго Завета, яже за многия изливаема во оставление грехов* (Мф. 26:28).

Господь и теперь (в новое) и в древности (ветхое время) открывал Свой завет. Но чтобы для нас открылась возможность быть в Его завете, мы должны сами вступить в завет с Богом. Когда священник в Таинстве исповеди отпускает грехи кающемуся, он просит в молитве дать ему образ покаяния: «Сам и ныне умилосердись над рабом Твоим, *и подаждь ему образ покаяния*»[375].

Мы сами созданы по образу Божию и по подобию. Мы просим образ покаяния, образ исправления — тот образ, в котором мы должны быть. Покаяние — это наш завет с *Богом* об исправлении нашей жизни. И если мы не вступим в *наш завет*, завет человека с Богом, то для нас недействителен и завет Бога с человеком.

В Ветхом Завете Бог дал завет Свой через Моисея. *И сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору и будь там, и дам тебе скрижали каменные, и закон и заповеди, которые я написал для научения их [Израиля]* (Исх. 24:12). *И взошел Моисей на гору и покрыло облако гору, и слава Господня осенила гору Синай... Моисей вступил в средину облака, и взошел на гору; и был Моисей на горе сорок дней*

---

[374] Печатается по: Надежда: Душеполезное чтение. Базель; М., 1993. Вып. 17. С. 342–380 (с испр. и доп.).

[375] Ср.: Чин исповеди. Молитва над главою исповедуемого.

и сорок ночей (Исх. 24:15–16.18). *Когда народ увидел, что Моисей долго не сходил с горы, то собрался к Аарону и сказал ему: встань и сделай нам бога, который шел бы перед нами, ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли египетской, не знаем, что сделалось* (Исх. 32:1). Аарон повелел им принести золото. *И весь народ вынул золотые серьги из ушей своих и принесли к Аарону. Он взял их из рук их, и сделал из них литого тельца, и обделал его резцом. И сказали они: вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли египетской!* (Исх. 32:3–4).

Обратите внимание на то, что, когда Господь захотел вступать с человеком в завет и когда Он давал Моисею на горе Синай скрижали завета, в это самое время народ творил великое беззаконие. И вот когда Моисей получил скрижали завета, писанные не кем-нибудь, а перстом Божиим, и сходил с горы, он услыхал шум и увидел слитого из золота тельца. Но Господь разгневался на Израиля и открыл Моисею, что Израиль будет изглажен из книги жизни за свои беззакония. Тогда Моисей взял на себя образ покаяния за свой народ. Он начал молиться и просить, чтобы Господь простил Израиля, а если Господь не может простить народ, то изгладил бы и его, Моисея, из Книги жизни. И это вхождение одного человека в завет с Богом спасло Израиля (см.: Исх. 32:7–34).

Завет Бога простирался на весь народ, а только один Моисей через образ покаяния вошел в этот завет. Он сам заключил с Богом завет. То же самое мы видим и в Новом Завете. Тот самый народ, который кричал Иисусу Христу: *Осанна!,* потом кричал: *распни Его!* (Мк. 15:13 и 14; Лк. 23:21; Ин. 19:6 и15). Те первосвященники, которые должны были принять Христа, шли против Него, и их предваряют мытари и блудницы. А первый заключил завет с Богом, родные, кто? — разбойник. Когда Христос проливал Свою кровь на кресте за весь народ, в это время он один заключил завет с Богом. Он остановил другого разбойника, говоря: «Что ты делаешь? Мы принимаем должное, а вот Этот ничего не сделал», — и с мольбой обратился к Господу: *Помяни мя, Господи, когда приидеши во Царствие Твое!* (ср.: Лк. 23:42). В этот момент и был заключен завет человека с Богом, [и] открывается вхождение в завет Бога с человеком.

В Ветхом Завете жертвоприношения совершали священники и приносили молитвы от лица всего народа. По внешности они состояли в завете с Богом, а в действительности не находились в нем. Примером этого могут служить Офни и Финеес[376].

---

[376] Офни и Финеес — сыновья первосвященника Илии, известные своими бесчинствами в храме, грабежом жертвенных дароприношений, распутным образом жизни, против чего их отец был бессилен. Бог наказал их смертью от филистимлян во время войны с евреями (1 Цар. 2:12, 17, 22, 36; 3:1, 21 и гл. 4).

В Новом Завете Христос дает возможность всем войти в завет с Ним, но при одном условии — покаяния и постоянного пребывания в нем.

Вот мы торжествуем Православие. У нас принято говорить, что есть образ мирской жизни и образ иноческой жизни — ангельский образ. В конечном же достижении все мы должны быть равноангельны, и это разделение неправильно. Иноческая жизнь есть сугубое покаяние, а совсем не ангельское житие. Если же мы находимся в образе покаяния, то для нас закрыты все Таинства. Есть семь Таинств, и одно из них мы совершаем по преимуществу все — это Таинство покаяния. Каждое Таинство для своего совершения требует того или иного вещества. Крещение — воды, елеосвящение — елея, и так далее. А в Таинстве покаяния мы сами даем это вещество — наши слезы, наше сокрушенное сердце. Это Таинство совершается в нашей душе: престол для него — душа человеческая. Каждый из нас сейчас, сию минуту может проверить, совершает ли он это Таинство и как он его совершает. Со всеми нами, родные, заключен завет Богом — мы крещены. Но проверим себя, вступили ли мы в этот завет, и если мы находимся в нем, то как несем образ покаяния, который можем иногда терять и осквернять. Но если только мы его несем, то все остальные Таинства будут для нас открыты. Если же мы не совсем покаялись и не принесли сердечного сокрушения, нет перед нами наших грехов, то мы и другие Таинства не совершаем. Вот я, например, не совершаю Таинства священства, если нет во мне покаяния.

В Ветхом Завете, родные мои, так же было. Постоянно люди теряли завет с Богом и постоянно восстанавливали его. Когда царь Озия послал в Иерусалим к одной из пророчиц, она сказала ему: «Так как смягчилось сердце твое и ты плакал, то Я услышал тебя, говорит Господь» (см.: 4 Цар. 22:19; 2 Пар. 34:27). Тогда Озия собрал народ и заключил завет об исправлении своей и общей жизни. И Иуда, родные мои, был призван в завет с Богом и даже в последние минуты земной жизни Спасителя был напитан Телом и Кровью Его, но остался вне завета. Я еще раз повторяю вам: ключ ко всем Таинствам — это завет наш с Богом. Никто не знает о нем — это тайна наша с Богом. Выполнение своего завета с Богом есть дело всей нашей жизни. Только через него мы можем получить от Господа исполнение и Его завета. И если нет у кого тайного завета с Богом, если кто его еще не заключил, то ведь сейчас хорошее, подходящее для этого время. Помните, мои родные, что только тогда, когда мы сами берем на себя этот завет, только тогда получаем и возможность жить с Богом.

Давайте, родные, хорошенько подумаем обо всем этом, и я надеюсь, что каждый из нас, если внимательно посмотреть в свою

душу, увидит, что хотел получить все от Бога, а сам не давал Ему ничего. И если мы дадим Господу наш завет и будем припадать, просить прощения, то получим его от Него.

Давайте, родные, не только подумаем, но и постараемся исполнить все то, о чем мы сейчас с вами говорили.

Ведь уже очень время-то благоприятное.

Аминь.

Проповедь вторая (седмица первая, воскресенье, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Спросили святого авву Исаию: «Что есть покаяние?» Он отвечал: «Путей два. Один путь жизни, другой — смерти. Идущий по одному, не ступает по другому. Ступающий по обоим не зачислен еще ни на одном — ни на том, что в царство [ведет], ни на том, что в ад [низводит]»[377].

Вот в нашей жизни, родные, есть два пути. Один путь — греха, смерти, другой — путь жизни. А все мы, грешные, идем то по одному, то по другому пути. Но все же мы должны исправлять свою жизнь и стремиться идти все более и более по пути жизни, тогда мы будем исполнять завет наш с Богом. Вчера я говорил, что завет Бог творит со всеми. Когда мы сегодня служили литургию и священнослужитель произносил слова Тайной вечери: *Приимите, ядите... и пийте от Нея вси* (Мф. 26:26.27), — это значит, что завет Бога с человеком дан для всех, а с другой стороны, каждый должен сам отдельно, индивидуально вступить в этот завет с Богом. Без этого условия для людей нет исполнения завета Бога с человеком. У нас, родные, по-мирски просто говорят: «Давайте запишемся в ту или иную группу или союз и получим сразу все права». Но по духовному дело иначе обстоит. Там «званые» все, но «избранные» только те, которые отдельно заключили завет с Богом (см.: Мф. 22:14). У нас получается, что со стороны Бога мы все призваны в Его завет — Он открыл его для всех. Со стороны же людей может войти только тот, кто на жертвеннике своей души принес Ему слезы и покаяние и вступил в тайный завет с Богом. Мы все соединены друг с другом Новым Заветом, мы «верные», а самое главное, что каждый из нас в отдельности соединен с Богом. Тогда получается, что мы воистину можем тяготы друг друга носить (см.: Гал. 6:2) и наши отношения друг к другу меняются. Ведь кто живет в покаянии, тот будет желать избавиться от смерти — пути греха, и все его помыслы, вся

---

[377] *Исаия, авва, прп.* Слова к своим ему ученикам, 21 // Добротолюбие. Том 1.

его воля будут направлены на выполнение завета. Если у меня будут те или иные скорби, насмешки и тому подобное, то я их буду переносить так, как переносил их пророк Давид, находясь в образе покаяния. Он считал, что Господь посылает людей, которые его смиряют за грехи[378]. Это значит, что он умел по-настоящему принимать скорби. Мы начинаем: «Вот он такой-то и такой-то...», а ведь неизвестно, в каком этот человек находится отношении с Богом. Вот пророку Ионе было открыто, чтобы он шел в Ниневию[379], говорил людям о ее разрушении, а он по-видимому чувствовал, что ниневитяне покаются, и не пошел, чтобы после над ним не смеялись: «Пророк, а ошибся». Он бежал от Господа в Фарсис и за это был выброшен в море во время бури. После спасения Господь послал его вновь в Ниневию. Это был большой город, на три дня ходьбы. Иона ходил по городу, сколько можно пройти в день и говорил: *Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена* (Иона. 3:4). Это были слова не самого пророка, а слова Божии, и ниневитяне поверили Богу, оделись во вретище, объявили пост. Эти слова достигли и до царя. Он встал с престола своего, оделся во вретище и стал каяться и призвал весь свой народ к покаянию и посту, наложив его даже на скот, чтобы Господь пощадил Ниневию. И все вопияли ко Господу о спасении. Господь не навел на них бедствия, простил их, когда увидел, что люди, почувствовав скверну своей жизни, с великим сокрушением начали совершать Таинство покаяния и заключили тайный завет с Богом. Иона же сильно огорчился этим и был раздражен, ибо он знал, какого беззакония достиг город, знал, что его уже нельзя было более терпеть, — и вдруг этот заключенный ниневитянами завет пересилил. Бог отменил Свое решение. Иона стал молиться Господу: *О, Господи! не это ли говорил я... Потому я и побежал в Фарсис, ибо знал, что Ты Бог благий и милосердый... И ныне, Господи, возьми душу мою... лучше мне умереть* (Иона. 4:2–3). Вот это пример человеческого суда. Иона говорил: «Зачем Ты меня посылал, если знал, что так сделаешь?» И все превозносящие себя праведники огорчаются, если не видят наказания грешника. Они чувствуют, что что-то сделали для Господа. Вот отец пожалел блудного сына, а брат этим огорчился[380]. Вот вам, родные, суд Божий и суд человеческий.

А мы зачастую поступаем, как Иона, и еще хуже, так как Иона был проповедник и исполнял закон Божий, а у нас нет его праведности. Иона вышел после этого из города и стал ждать, что будет с городом. Он надеялся, что, может быть, будет еще так, как

---

[378] Например, пророка Нафана, как говорят об этом сказания о царе Давиде.

[379] См., как эту историю повествует Библия в Книге пророка Ионы.

[380] См. евангельскую притчу о блудном сыне (Лк. 15:11–32).

он хотел. Но Господь вразумил Иону. Иона очень страдал от зноя, и Господь повелел вырасти над его головой в одну ночь растению, чтобы оно давало ему тень. Иона очень обрадовался, а Господь устроил так, что на другой день растение засохло и солнце попрежнему стало палить голову Ионы. Он изнемог, ему стало жаль растения, и он просил смерти у Бога. Тогда Господь спросил его: *Неужели так сильно огорчился ты за растение?* Ведь ты над ним *не трудился и не растил* его. *Мне ли не пожалеть Ниневию, города великого?*» (Иона. 4:9.11).

Так Господь смирил Иону. Вот, родные, суд Божий и суд человеческий. Поэтому мы и не можем судить никого, что не знаем, в каких отношениях находится каждый человек в своем завете с Богом. Еще ничего не значит, что мы верные и входим внешне в Таинства. Вспомним Офни и Финееса[381]. Вспомним и Иуду — Господь в самый последний момент, на Тайной вечере, напитал его Своим Телом и Кровию, а он заключил завет с диаволом. Давайте подумаем, заключили ли мы свой завет с Богом. А кто знает, какую кто жизнь ведет с Богом втайне. Не будем и судить никого, а будем помнить, что есть два пути: путь жизни и путь смерти. Кто идет тем или другим путем, неизвестно, как кончит. Вот о Ниневии было сказано, что она погибнет, а она покаялась, и Господь помиловал ее.

Нам нужно отказаться от греха и стараться идти путем жизни. В жизни есть два типа людей. Одни живут во грехе и лишь иногда ступают на путь жизни. Они иногда придут в церковь, иногда дома помолятся — это, родные мои, никак не годится. Но есть люди, идущие по пути жизни, но падающие. И если они каются, то недалеки они от Царствия Небесного. А мы в большинстве случаев не разбираемся в своих поступках и идем сразу по обоим путям. Но вспомним слова аввы Исаии: «Ступающий по обоим [путям] еще не зачислен ни в одном»[382]. Это значит — нельзя сказать, в аду он или в раю, и суд принадлежит Господу. Если такой человек скончается, то в смысле осуждения — это дело Божие.

Итак, завет Божий дан для всех, но пользуется им только тот, кто устроил у себя в душе жертвенник, на котором постоянно, а не в какой-либо момент совершает службу покаяния. Вот каков путь христианина. И если мы по этому пути пойдем, то нам по-настоящему откроются Таинства. Нами не использовано Таинство крещения, полученное в младенчестве, так как оно предполагает покаяние. Также не использованы нами и другие Таинства. Было бы очень хорошо, если бы мы каждый день думали и вспоминали: «А как мы исполняем завет свой с Богом?» Тогда мы недалеки будем

---

[381] См. прим. 376 на с. 200.

[382] См. прим. 377 на с. 202.

от Царствия Божия. А если будем осуждать других, то и суды Божии будут нам казаться несправедливыми. Обратите ваше внимание, родные, на это. И дай Господи, если кто-нибудь из вас когда-нибудь по-настоящему заключит завет с Господом нашим Иисусом Христом, Емуже подобает слава, честь и поклонение во веки веков.

Аминь.

Проповедь третья (седмица вторая, воскресенье, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Покаяние есть прежде всего примирение с самим собой и через это —примирение с Богом и с людьми. Об этом я уже вам говорил, а сейчас хочу привести пример внешнего покаяния, такого покаяния, когда с внешней стороны — настоящее покаяние, а с внутренней — покаяние, которое не несет познания своего греха и стремления через несение скорбей очиститься от этого греха.

Во времена древней Церкви жил один эконом по имени Феофил. Он жил свято, праведно управлял церковным имуществом и был всеми любим за свою доброту. Всякому он был утешением в скорби. Когда умер епископ, народ стал просить Феофила занять епископскую кафедру, но Феофил отказывался, говоря: «Я знаю мои грехи и поэтому недостоин этого сана, я не могу быть епископом». Говорил он, обливаясь слезами и припадая к ногам митрополита, хотевшего посвятить его в епископы. Долго пролежал он у ног владыки, плача и прося не накладывать на него этого бремени. Митрополит дал ему срок три дня, чтобы обдумать все хорошенько. Через три дня повторилось опять то же самое: Феофил упорно отказывался от епископского сана. Тогда митрополит поставил гражданам другого епископа, а Феофил остался экономом.

Вот, кажется, пример истинного покаяния. Человек сознает свои грехи и отказывается от епископского сана в примирении с Богом и людьми. Но покаяние измеряется прежде всего отношением к скорбям и трудностям, которые посылаются Богом. Если человек говорит, что кается, а ропщет и не терпит скорбей, то нет в нем покаяния. Кающийся и в скорбях ищет утешения. Святые даже чужие грехи на себя брали. Они считали, что это воля Божия, если человеческие улики падали на них, и принимали все как наказание за грехи, посылаемые от Господа. Многие святые налагали на себя скорби, теснения и терпели во смирении. Некоторые становились на столпы, иные рыли тесные пещеры и заключали себя в них. И все это для того, чтобы очищаться путем перенесения внешних трудностей и непрестанно памятовать о своем грехе. Человек

же, говорящий, что он грешен и недостоин, а не уготовивший себя к перенесению скорбей, не идет путем покаяния. Вот Феофил, по-видимому, чувствовал, что его завет с Богом нарушен, и он, стало быть, должен был уготовить себя на все трудности, на все скорби. Все его уговаривали принять сан — и митрополит, и клир, и миряне, а он все-таки отказался. На самом деле человек как бы каялся, а при испытании Феофил не выдержал. Господь попустил всякие клеветы на Феофила, его стали обвинять во многих неблаговидных поступках перед епископом. Вначале Феофил ничем не смущался и спокойно продолжал свою работу. И епископ сначала не верил наговорам, а потом смутился и отстранил Феофила от церковной деятельности. А Феофил, вместо того чтобы стерпеть это и понять, что Господь смиряет его за самовластный и самочинный отказ от сана, возмутился и стал обуреваться помыслами: «Вот епископ тебя перед всеми унизил, совершенно несправедливо оскорбил, предпочел тебе человека гораздо тебя ничтожнее». В нем началась огромная борьба, потом малодушие и почти отчаяние. Ему казалось, что люди, просившие его быть епископом, теперь перестали его уважать, смеются над ним, и в его душе вспыхнуло желание вернуть себе во что бы то ни стало свое прежнее положение перед людьми. Перед людьми. Перед Богом он виноват не был: все возводимые на него обвинения были действительно клеветой, но перед людьми ему хотелось вернуть свое положение. И в своем малодушии он дошел до того, что вместо того чтобы идти к Богу и у Него просить прощения в своих грехах, в тех самых грехах, ради которых он и от сана отказался, он стал искать себе помощи на стороне и обратился к одному волшебнику.

Тот, кто совершенно спокойно мог бы быть епископом, теперь ставит своей целью во что бы то ни стало сделаться вновь экономом и ради этого решился действовать через волшебника. Он пришел к нему ночью и просил о помощи, обещал ему заплатить. Волшебник обещал ему помочь на следующий же день, но при одном только условии — чтобы он отрекся от Христа. Феофил же был в таком малодушии, что забыл обо всем. Забыл о том, что он в свое время предстанет пред Престолом Божиим, и помнил только, что ушли от него прежние почести и уважение, и хотел их вернуть. Он согласился и дал на это особое рукописание волшебнику. Действительно, через некоторое время Феофил получил облегчение. Епископ по воле Божией почувствовал, что он несправедлив к Феофилу, и стал просить у него прощения. И если бы Феофил все претерпел до конца, то он бы радостно встретил эту перемену. Епископ в церкви при всем народе стал просить у него прощения: «Прости меня, я обесчестил свою святыню. Я прошу тебя снова принять управление». Но хотя епископ и возвеличил вновь Феофила,

пользы тому не было никакой. Он снова был всеми почитаем, все ему повиновались, и его враги стали смиренно просить у него милости. Кажется, теперь все было хорошо. Да, если бы Феофил шел путем покаяния и претерпел бы все, но он отрекся от Христа.

Наступил такой момент, когда совесть в нем проснулась и стала его жечь, он начал страдать, скорбеть и каяться, почувствовав свой грех. В это самое время и волхв был казнен за свои дела, и, кажется, все могло бы забыться со смертью волхва — ведь никто из людей, кроме него, не знал о падении Феофила. Но совесть в нем не молчала, мучения его все увеличивались, невмоготу стало ему жить. И обратился он с горячей мольбой к Божией Матери «Споручнице грешных», стал просить Ее быть его заступницей. Он уединился в маленькой церкви, отложил все житейские попечения и усердно молился и каялся в течение сорока дней. И Матерь Божия услышала его молитву. Она покрыла его Своим омофором и дала ему возможность иметь Ее своей заступницей перед Сыном Своим. Вот теперь у Феофила появилось настоящее покаяние, а раньше было у него много гордости, любования собой и не было самого главного — готовности к скорби. Он мог бы в свое время принять епископский сан не ради почести, а ради несения креста, ради скорбей, с ним связанных, для очищения грехов, а он вот пошел по другому пути. И хотя теперь никто не знал, как низко пал Феофил, но он сам захотел, когда пришло истинное покаяние, чтобы все узнали его грех. И он, который так старался возвратить себе свое прежнее положение в глазах людей, в храме, во время литургии, когда служил епископ, после Евангелия с плачем бросился к его ногам и просил разрешить ему вслух принести покаяние. Ему невмоготу было дольше нести этот величайший грех — грех отречения от Христа. Его душа раскрылась, и он готов был нести все скорби, все унижения. Он подробно все рассказал от начала до конца, до своего видения Божией Матери, возвратившей ему его рукописание. Он вынес себя на посрамление и принес истинное покаяние[383].

В наше время, родные мои, каждый кающийся может сделать это перед священником в Таинстве покаяния. И хотя мучительно стыдно каяться, но преодолением этого стыда кающийся очищается от грехов. Вот, родные, мы видели два состояния у одного и того же человека. Он в образе покаяния отказывается от епископского сана, но он не был приуготовлен к перенесению скорбей. И как бы мы ни определяли покаяние, оно необходимо должно нести в себе уготовление кающейся души на всякую скорбь. Если я каюсь, значит, я виноват и готов понести наказание, какое наложит на меня

---

[383] См.: *Димитрий Ростовский, свт.* Повесть о покаянии Феофила.

Господь. Поэтому и Феофил, когда каялся по-настоящему, не остановился перед тем, что о нем могут переменить мнение.

Вот какое состояние у кающегося не на словах — у него покаяние входит в жизнь. Мы должны помнить, что все трудности посланы нам по нашим грехам и переносить их надо не с ропотом, злобой и ненавистью, а с терпением, как от Самого Господа. Пусть каждый из вас, родные мои, почувствует свое покаяние — на словах оно или на деле. Особенно во дни поста давайте помнить, что покаяние есть уготовление себя ко всем скорбям. Давайте помнить и то, что Господь посылает скорби, Он и избавляет от них. Будем же Ему служить, помня, что Он сказал: «Избавил и еще избавлю»[384].

Господу нашему слава во веки веков.

Проповедь четвертая (седмица третья, суббота)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, братие, празднование в честь Благовещения Пресвятой Богородицы совпадает с празднованием в честь Святого Животворящего Креста Господня. Это совпадение должно быть отмечено для нас не только тем, что совмещается три службы (воскресная, Благовещенская и Креста Господня), но и тем, что мы должны духовно пережить праздник Благовещения через Святой Крест. Когда ангел Господень дал радость благовещения Святой Деве (см.: Лк. 1:28.30–33), он дал радость Воскресения (белые ризы), а вместе со всем этим мы прославляем и Честной Крест. Вы можете спросить, как может Святая Церковь праздновать вместе два праздника? Может быть, нужно было бы их разделить? Нет, Святая Церковь вкладывает величайший смысл в совпадение этих праздников. Может быть, много, много лет не встретится больше такого совпадения праздников, поэтому нам необходимо сейчас остановить все наше внимание на них.

Когда Божия Матерь услышала благую весть, Она смутилась (см.: Лк. 1:29). И это смущение и молчание говорят за то, что в этом рождении человеческая тварь имеет свое дело созерцания Сына Божия. Вот открывается Великая Тайна, провозглашенная в Ветхом Завете, что семя Жены сотрет главу змия (ср.: Быт. 3:15), и эта тайна является всему миру через Божию Матерь. Ответ Богоматери ангелу полон смирения: *Се, раба Господня; буди Мне по глаголу твоему* (Лк. 1:38).

---

[384] Ср., например, также у апостола Павла: *Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит* (2 Кор. 1:10).

Когда-то Господь, творя мир, говорил это слово *буди*. *Да будет свет*, — сказал Господь. *И стал свет. Да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь, и отделил воду* (Быт. 1:3.6–7).

Да будет — слово творческое, им создан весь мир. Святой Филарет говорит, что когда Господь послал к Пречистой Деве архангела с благой вестью, то Он ожидал этого творческого слова от Нее[385]. Предсказание Ветхого Завета не могло бы исполниться, если бы Божия Матерь не нарекла творческого слова *буди*. Это величайшее дело, которое могла только сделать тварь в жизни своего Творца, но и надо творить с Ним свою жизнь. Вот если бы Божия Матерь не отдала Себя самоотверженно на служение Богу, не произнесла бы этого *буди*, то не могло бы совершиться через Нее и воплощение Сына Божия. Но Божия Матерь, познав Божию волю, захотела творить ее. Бог призвал, и Она пошла за Ним. Она покорно принимает не только радость призвания, но и всю чашу беспредельных страданий Матери. Эти страдания Она уже испытывала, говоря: *Се, раба Господня*.

Вот, родные мои, для многих людей воля Божия известна, и они наметили себе определенный путь, но было ли ими когда сказано: *Да будет воля Твоя*? Многие стараются волю Божию узнать через священников, через старцев, но это, родные мои, еще ничего не значит — можно знать волю Божию и не творить ее. А вот если кто скажет творческое *да будет* и в течение всей своей жизни понесет все, что связано с этим обещанием, вот это воистину дело Божие.

Пусть, родные мои, каждый из вас подумает над своей душой. Я это говорю для всех, всех, всех. Вот мы призваны и поставлены светильниками, и воля Божия на то, чем мы теперь окружены. Как бы нам надо принять все наши условия как волю Божию. Господь призвал нас на те или иные служения, и Он ждет от нас, чтобы мы восприняли это как Его волю и ответили ему своим творческим *да будет*. Ответили светлой радостью на зов Его, а не ропотом и унынием. Крест должны мы взять на рамо и понести. Вот это сознала и приняла Матерь Божия, потому и ответила: «Пусть будет так, как на то Твоя, Господи, воля». Пусть этот великий пример Божией Матери побудит и нас сказать Господу: «По Твоей милости мы не впадем в бездну неверия и понесем с Тобой всякие гонения, всякую клевету». Только помните, что главное — это ваше творческое *да будет*. И если мы подумаем обо всем этом, вникнем в то, что нам дано, и сопоставим эти два праздника, тогда как необходимость мы должны воскликнуть: «Господи, ведь Ты

---

[385] См: *Филарет (Дроздов), свт.* Слава Богоматери, 1, 5.

наш наставник и покровитель, мы пойдем с Тобой. Мы рабы Твои, да будет воля Твоя».

Аминь.

Проповедь пятая (седмица третья, воскресенье, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Кающемуся, родные мои, несродно судить и празднословить. Кающийся должен быть по возможности безмолвным, чтобы в покаянии совершать свое спасение. А мы постоянно празднословим, постоянно судим и пересуживаем других. Постоянно творим зло своим языком. Этим мы наносим зло и себе самим, злословящим, и тем, кто слушает наше злословие. Святые отцы[386] указывают на то, что наш язык — малый член, но творит большое зло, воспламеняя круг жизни (см. также: Иак. 3:5–6). Как удобно вооружает он одного против другого! Наше нерадение о нашем слове для других является орудием убийства. Святой Антоний Великий прямо говорит: «Кто принимает человека злословящего или клеветника, тот сообщается с убийцею»[387]. Видите, клеветник и убийца, по словам святого отца, одно и то же. «Удаляйтесь клеветника, кто бы он ни был, и не стыдитесь удаляться от него», — говорят святые отцы[388]. Иоанн Лествичник запрещает оказывать уважение таким людям: «Никогда не оказывай уважения тому, кто злоречиво говорит о ближнем. Этим уврачуешь и себя, и ближнего»[389]. Вы можете сказать, родные, что здесь речь идет о клевете, а если слышишь, что о человеке говорят скверно и то, что говорят, может быть правдой, как тогда быть? Так как мы падки, родные, на злословие, то лучше нам не слушать таких разговоров. Ведь мы можем передать тому, о ком говорили: «Вот о тебе то-то и то-то говорят», — или будем об этом рассуждать с одним, другим, третьим... Когда же начнешь останавливать говорящего, он оправдывается обыкновенно тем, что слышал это собственными ушами. Что же получается? Злословящий впадает в гордость. Нет, родные, не так должно поступать христианину, если бы он и сам присутствовал при том или ином гадком поступке. Не распространять должен христианин чужой грех, а покрывать его своей любовью. Поучимся у святых, как они поступали в таких случаях. Вот я вам расскажу сейчас один случай такого христианского отношения к злословию ближнего.

---

[386] Например, свт. Иоанн Златоуст в «Поучениях о сквернословии».

[387] Ср.: *Антоний Великий, прп.* Двадцать слов к монахам, 10.

[388] Ср.: Там же.

[389] Ср.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 10, 7.

Один пустынник пришел в скит, где жили подвижники, и поселился там. Келию ему дал один скитский старец, и он начал жить в согласии с игуменом и братией монастыря. Но вскоре это согласие нарушилось, так как скитский старец, давший подвижнику келию, позавидовал пришельцу, к которому стало ходить много людей за советом и духовным руководством. Побуждаемый завистью, он посылает к гостю своего юного послушника с приказанием уйти прочь из монастыря и передать такие слова: «Убирайся туда, откуда ты пришел». Послушник пошел и, хотя должен был передать слова своего старца в точности по долгу послушания, начал рассуждать: «Если я передам пришельцу так, как сказал старец, то могу возбудить в нем злобу и начнется между старцами вражда. Уж лучше я во имя Господа и общего мира скрою злые слова и возьму все на себя». (Авва Дорофей в своих поучениях разрешает это делать в молитве и подвиге.) И вот послушник, придя к старцу, вместо того чтобы сказать «убирайся», как ему было приказано, поклонился и сказал: «Отец мой просил спросить тебя, здоров ли ты?» На это старец ответил: «Скажи твоему отцу, что я прошу его молитв, ибо я немного болен». Вернувшись, послушник сказал своему старцу: «Старец тот нашел себе другую келию и скоро уйдет».

Обратите внимание, родные, какая любовь!

Через некоторое время старец опять посылает послушника выгонять пустынника. А тот, пришедши, сказал: «Отец мой, узнав, что ты болен, прислал меня навестить тебя». Пустынник ответил: «Скажи отцу, что его молитвами теперь я совсем здоров». Своему старцу послушник передает совсем другое: гость просит пожить в монастыре еще недельку, а там он перейдет в другую келию. Через неделю разгневанный старец сам идет выгонять пустынника из келии. Послушник же, узнав об этом, из любви к миру и к своему старцу забегает вперед и уведомляет пришельца, что отец его идет к нему сам звать его к себе на трапезу. Услышав об этом, пустынник сейчас же вышел навстречу старцу со взором, полным любви, и говорит: «Не трудись идти ко мне, я сам иду к тебе». Пораженный незлобием пришельца, старец умилился душой, злоба его пропала, и он действительно повел гостя к себе на трапезу. Когда тот ушел назад, старец узнал, как поступил его послушник. Он припал к его ногам и сказал: «Отныне ты мой наставник, ибо твоими словами наши души спасены»[390].

Вот, родные, как поступали святые. Даже тогда, когда их посылали сказать или сделать злое, они не делали этого, хотя и должны были сделать, так как им это приказывали их старцы. А мы вот

---

[390] См.: Отечник / сост. свт. Игнатий (Брянчанинов). Повести из жития старцев, преимущественно египетских, которых имена не дошли до нас, 13.

с величайшей радостью и готовностью расскажем все злое, все скверное про человека, а если уж что сами слышали, так начинаем возражать, когда нас останавливают, начинаем уязвлять друг друга и делаем, как говорят святые отцы, дело скорпионов и змий своим языком[391]. Во дни поста и покаяния мы больше чем когда-либо должны следить за своим языком. Подвижники поистине болеют душой за того, кто зло говорит о ближнем. А мы во имя кажущейся нам правды делаем постоянно зло.

Всякое общество больше всего страдает от злоречья и осуждения, передаваемого на все лады. Вот когда мы каемся, давайте, родные мои, займемся своим языком, вступим с ним в настоящую борьбу, и это нам очень много даст. Если мы не будем говорить зло о другом, а вместо этого будем за него молиться, если будем помнить, что одним словом можем подточить целое здание отношений между людьми, тогда мы поймем, почему Ефрем Сирин в своей молитве просит, чтобы Господь не дал ему празднословия[392]. А мы даже в храме до начала службы устраиваем если не «стенные», то «слуховые» газеты, и этим начинается в храме самое скверное дело. Мы, родные мои, этим разлагаем Церковь, мы являемся настоящими разрушителями своего и чужого устроения. Пусть примером послужит нам этот послушник. Он оказался великим руководителем старцев к Царствию Божию.

Будем же всячески стараться отвыкнуть от злословия, клеветы и осуждения. Тогда нам легче будет жить, и мы гораздо больше приобретем себе друзей, но не по клевете и злоречию, а друзей по Богу, по борьбе с грехом, и это объединит нас в единое стадо Господа нашего Иисуса Христа.

Аминь.

Проповедь шестая
(седмица четвертая, суббота, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Нынешний день по Триоди постной положено праздновать память преподобного Иоанна Лествичника, а по Минее — память преподобной Марии Египетской.

Таким образом, совмещаются ныне две памяти: память учителя покаяния и великой грешницы, сделавшейся великой праведницей. Мы, родные мои, потому так плохо каемся, что не внимаем

---

[391] Например, авва Пимен (см.: Древний патерик, 10, 58) худые помыслы называл змием и скорпионом.

[392] Великопостная молитва «Господи и Владыко живота моего».

себе, по словам преподобного Иоанна Лествичника, а все наши взоры обращены вовне. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что еще в Ветхом Завете была заповедь внимания к себе[393]. И вот в наше время это невнимание к себе достигает величайшей степени. Все наши взоры обращены вовне, и этому, конечно, помогают все события и тяжелые условия. А ведь Царство Божие внутри нас (см.: Лк. 17:21).

Пока преподобная Мария Египетская находилась в великих грехах и душа ее обращена была вовне, конечно, не могло быть и обращения. Когда же она обратила внимание внутрь себя, на свою душу, она ощутила грех. Для выяснения этого состояния мне припоминается то, что мне рассказывал один крупный ученый, когда я был еще юношей.

Он заболел, долго лечился, и, наконец, после исследования профессор поставил ему диагноз. Так как после долгого лечения он не получал облегчения и очень надеялся на этого профессора, то, идя от него, нетерпеливо раскрыл конверт и прочел латинское название болезни, обозначающее рак. Тут же на улице этот ученый почувствовал, что внутри себя несет смерть, что он уже приговорен, несмотря на то что хочет жить и еще многое-многое может сделать. Он говорил, что это ощущение открыло для него новый мир. Через эту приговоренность он по-другому почувствовал Бога и воскликнул: *Исцели душу мою, ибо согрешил я пред Тобою* (Пс. 40:5). Воскликнул он с покаянием вот через эту смерть. Для кающегося необходимо хоть раз в жизни воскликнуть так. Раковая болезнь ведь заключается в том, что в организме начинается новая жизнь. Разрастаются клетки, которые мешают основным органам исполнять свои функции. Человек погибает, оттого что основные органы отказывают. Хотя эти клетки и живут, но несут в себе смерть, потому что основные органы, вытесняемые ими, мало-помалу перерождаются и человек не может больше жить.

В таком положении находится и наша душа. Как говорят святые отцы, после грехопадения при нашей душе появилась новая душа, и она ведь живет. Вот грех все больше и больше заполняет нашу душу и мешает человеку жить по тем законам, по которым она должна жить как создание Божие. Человек начинает жить другой, несвойственной ей жизнью. Потому святые отцы и говорят, что грех есть смерть[394].

---

[393] См.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 26, 131.

[394] Например, свт. Василий Великий говорит: «Адам, как согрешил по причине дурного произволения, так умер по причине греха, ибо возмездие за грех — смерть (Рим. 6:23) (Беседа 9. О том, что Бог не виновник зла), а свт. Тихон Задонский полагает, что «грехи — признак духовно мертвого человека».

Если кто-нибудь из нас в возможной для него полноте увидит свою душу уязвленной и почувствует, что несет в себе смерть, что он человек приговоренный и что может погубить свою душу еще в этой жизни, тогда он увидит и почувствует, как ему необходимо покаяние. Вот тогда он прибег бы к Господу не как к Отцу, а как к Врачу.

Для души опасность смерти заключается в том, что наш ум помрачен новым умом через новую душу, которая приразилась нашей душе. Наши чувства должны быть чистым, прекрасным сосудом Божиим, чтобы любить людей, стяжать Царствие Божие и в себе увидеть Бога. *Блажени чистии сердцем; яко тии Бога узрят* (Мф. 5:8). Эту же благодать мы должны нести к заблудшим братьям нашим — и не в смысле проповеди, а в смысле жизни. Мы же, родные, уподобляемся раковой опухоли и несем в себе залог разрушения и тому подобное, что нам мешает жить. Также и наша воля должна быть настолько сильна, что мы все могли бы сделать: *Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. 4:13), — говорит святой апостол.

А мы, родные, упустили свою настоящую душу нерадивыми, скверными делами и поэтому ничего не можем. Одним словом, другая наша душа заполняет нас и отстраняет нашу настоящую душу, как раковая опухоль теснит основные органы человека.

Вот, родные мои, как грех входит в нашу душу и какое он имеет значение. Но с раковой опухолью нет иных средств борьбы, кроме хирургии, и все же в конце концов люди в значительной мере гибнут, а у нас есть всеисцеляющий Христос, нам нужно только познать свою болезнь.

Святые отцы так и говорят, что наше познание своей болезни есть путь к исцелению. Да, родные мои, мы имеем Целителя, но плохо то, что многие из нас не знают и не сознают, что они больны и что вот-вот они могут умереть. В дни Великого поста и великих святых, особенно Иоанна Лествичника и преподобной Марии Египетской, посмотрите, как ясно они представляли себе смерть и жизнь, как они это чувствовали. У нас те или иные страсти могут и потом перемениться. Ну, скажем, человек оставил страсть блуда, и у него появилась страсть тщеславия. В конце концов душа уходит куда-то, с Богом она ничего не имеет общего. Вот нам и надо очень и очень разобраться в себе, хотя нам и кажется, что у нас нет ни минуты на это.

Умоляю вас, родные мои, пока мы еще все вместе и собираемся здесь в храме, постарайтесь внимать себе и уделять если не день, то хоть час, чтобы остаться с самим собой и посмотреть в свою душу. Умоляю вас обратить на это внимание, ведь мы все преступны в этом. У нас заботы о службе, о труде, о доме, а в Церкви, я повторяю, надо наблюдать свои недостатки. Войдите в свою клеть

(см.: Мф. 6:6), тогда вы почувствуете, что вы несете в себе смерть, и поймете, что вам нужно покаяние. Если я почувствую, что тело мое больно, я побегу к врачу и постараюсь спасти свою жизнь. А как мы заботимся о своей душе, родные? Нам поручена наша душа, так надо пожалеть ее, войдя в себя и позаботясь о ней. Мало ли что вас завлекает грех — вы живете, но несете в себе смерть. Родные мои, сумейте сейчас это понять. Кто знает, может быть, наступит иное время, и не будем мы так легко собираться, а будем сидеть где-нибудь дома и молиться. Вот если бы вы поняли, что вы больны, то обратились бы к Богу с мольбой: *Господи, исцели душу мою, ибо согрешил я пред Тобою.*

Аминь.

Проповедь седьмая
(седмица четвертая, воскресенье, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Я говорил вам, родные, о том, что кающийся только тогда вступает по-настоящему в покаяние, когда увидит, что его душа, созданная по образу Божию и по подобию, несет в себе смерть и растление. Вот святые подвижники, которые по-настоящему боролись со смертью своей души и шли воистину от земли к небесам, в этом подвиге налагали на себя наказания в помощь себе. Это у них происходило естественно, и делали они это для того, чтобы еще в этой жизни очистить свою душу. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что «кающийся есть изобретатель наказаний для себя самого»[395]. Вы все хорошо знаете, что при телесных болезнях медициной применяются трудные средства: операции, или какие-нибудь лекарства, или больному не дают долгое время ничего вкушать, даже пить запрещают. Так утесняется человек при болезни, и этим мало-помалу восстанавливается здоровье. И если бы не было диеты, то человек не поправился бы, как говорят в медицине.

Святые угодники по-мирски — «сумасшедшие люди», так как они налагали на себя добровольно величайшие подвиги. Вот мне и хотелось, родные мои, привести ряд таких примеров из жизни святых угодников. Это были люди сильные, и когда они грешили, то приносили настоящее покаяние. И для нас, людей маленьких, их пример может очень много дать.

Святой Симеон Столпник, будучи восемнадцати лет, почувствовал грех. В житии не говорится, как это случилось, но как

---

[395] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 5, 1.

старался избавиться, измениться от него — это там найдем. Он взял веревку, очень жесткую, и обвил себя ею от бедер до шеи. Через десять дней тело его загноилось, в ранах появились черви. Братия стала на него роптать, так как от него исходил невероятный смрад, а затем пожаловались игумену. Игумен силой велел снять одежды и, узнав в чем дело, остановил святого Симеона в его подвиге, так как тот по своей молодости взял не свою меру. Но истинно кающийся, если почувствует грех, желает всеми силами искупить его, пострадать за грех. Он ищет этого страдания хотя бы так, как преподобный Симеон. И в дальнейшей жизни преподобный Симеон пал и восстал. Он впал в великий грех гордости, будучи уже великим подвижником. Он был славен среди людей за свой подвиг, к нему приходило множество людей, прося молитв и исцелений.

Преподобный Феодорит, современник преподобного Симеона, считал, что подвиги последнего были выше сил человеческих. Конечно, преподобный был человек сильный духом, но его прельстил диавол. Он явился ему в образе светлого ангела на колеснице, говоря, что пришел взять преподобного со столпа на небо. Преподобный Симеон был великий святой и как святой понимал, что нельзя доверять видениям, даже в образе светлых ангелов, но тут он не распознал видения. Вышло так, что вместо смирения появилась гордость. Хотя он и сказал: «Господи, я недостоин», — но при этом поднял правую руку и осенил себя по привычке крестным знамением, и вмиг колесница с ангелами исчезла. Тогда он понял, что впал в бесовскую гордость, и почувствовал, что все его труды, понесенные им на столпе, пропали через этот грех. Но так как он был сильный и великий, то он и взял великий образ покаяния: он заставлял себя стоять на одной ноге. Случилось так, что нога загнила, и ему очень трудно было на ней стоять, но ради своей души он терпел это утеснение. Он заставлял своего юного послушника собирать червей, падавших со столпа и приносить их ему обратно. Он прикладывал их к ране, говоря: «Ешьте, что вам Бог послал».

С точки зрения мира — это сумасшествие, уродство, но с духовной, внутренней — это желание человека через страдания искупить грех и вернуть свою первую красоту. И другие преподобные отцы шли этим путем, каждый по-своему. Раз почувствовав, что ты несешь в себе смерть, человек будет стараться избавиться от нее. Ведь мы по творению смертные.

Вот другой преподобный[396] почувствовал свой грех. Будучи высокого роста, он построил себе узилище, где не мог по-настоящему не только стоять, но и сидеть. Он принуждал себя

---

[396] Фалалей Сирийский († ок. 460). См.: *Димитрий Ростовский, свт.* Жития святых (12 марта).

пригибать голову и колени и в таком неудобном положении находился все оставшееся время своей жизни. По-мирски — это безумие. И сейчас, родные мои, есть такие подвижники. Вот один из глинских подвижников, сидя в закопченной келии, видел около себя только один свет, а приходившие к нему удивлялись этому, видя одни мрачные закопченные стены[397].

Святые отцы, когда падали, то великие средства прилагали, чтобы избавить себя от смерти. И это не безумие, родные мои, с духовной точки зрения. А мы-то вот одно недоразумение человеческое.

Святой Фалалей же так говорит: «И я великий грешник, достоин вечных мук»[398]. И другие преподобные также поступали. Один из них еще в молодости почувствовал грех и не находил себе покоя, так как прежде жил свято. Вот он слышит, что около Александрии живет старец очень вспыльчивый и малодушный и что с ним никто не может ужиться — все бегут от него. Он дал обет жить с этим старцем и служить ему, как раб, лишь бы Господь простил ему грех его[399]. Видите, родные, до чего заболело его сердце: раньше широта была, а теперь утеснение. И он пошел к старцу. Старец поступил с ним, как с псом. Но Господь призрел на его терпение, и после шести лет жизни со старцем ему было видение, в котором Господь известил его, что прощены ему грехи его. Со стороны мира и это безумие, а ведь в душе-то живет тоска об этой широте, о потере чистоты, желание вернуть ее. Потому-то человек и идет на добровольное утеснение и терпит все, что на его долю достанется. Этот инок не только себя спас, но и старца привел к Богу. Еще раз повторяю, что так поступали многие и многие святые. Для нас же, всегда согрешающих и никогда не приходящих в чувство, наша мера, конечно, не такая, как преподобного Симеона и других святых. Наша мера та, чтобы терпеливо переносить все скорби, находящие на нас. По разумению святых отцов, это есть несение епитимьи. Епитимья — не наказание, а помощь в исправлении. Вот святые отцы и выбирали сами себе способ покаяния и уготовляли себя на всякие скорби. Когда мы каемся, давайте же с великим вниманием посмотрим на свою душу, что в ней святого и что греховного.

---

[397] Об этом повествует Глинский патерик: «Старец Макарий, благочинный, выйдя однажды во время утреннего богослужения из церкви, внезапно увидел над братской кухней столп света. Он приблизился к двери и, наклонясь к щели, начал всматриваться. Он увидел старца Феодота, стоящего на коленях перед иконой Спасителя с воздетыми руками, из уст его выходил сноп видимого света. И некоторые другие видели его во время молитвы освещенным неземным светом».

[398] См.: *Димитрий Ростовский, свт.* Жития святых (12 марта).

[399] См.: Отечник / сост. свт. Игнатий (Брянчанинов). Повести из жития старцев, преимущественно египетских, которых имена не дошли до нас, 15.

Постараемся, родные, ощутить смерть в душе — тогда мы и принесем покаяние, тогда наша жизнь будет освящена по-иному, и какие бы скорби у нас ни были, они будут нами приниматься как средство к очищению. Как золото очищается в горниле, так и душа наша очищается скорбями и покаянием (ср.: Сир. 2:5). А святые отцы будут нам светильниками, а не безумцами, как для мира. И мы в нашей мере, родные, должны принести покаяние. Тогда все более и более будем чувствовать, как очищается наша душа и все более и более тянется к небу, но очи наши должны быть обращены к святым, которых очень, очень много. Повторяю, родные мои: кающемуся сродно утеснять себя. Давайте же в нашей мере последуем преподобным Симеону и Фалалею и тому иноку, что спас себя и своего старца.

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

Аминь.

Проповедь восьмая
(седмица пятая, воскресенье, вечер)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В деле покаяния, родные мои, надо различать два момента. Один из них — это обращение грешника к Богу с мольбой, как к врачу: *Господи, исцели душу мою, ибо согрешил я пред Тобою* (Пс. 140:5). Эта мольба была и у блудного сына, и у преподобной Марии Египетской, которую мы прославляем в эту неделю. Этот момент обращения грешника характерен тем, что грешник, обращаясь с мольбой к Богу, заключает тайный завет с Ним. Так заключали завет и блудный сын, и Мария Египетская. Но ведь вся наша жизнь идет через покаяние. Только через него человеку возвращается первая доброта зрака. Отсюда опять путь или ко греху, или к Богу. Новая душа старается вытеснить все святое, настоящее. У человека даже после обращения является вопрос, как жить, и начинается борьба между мнимой душой и душой настоящей. Всякая жизнь характеризуется борьбой. Если нет борьбы, то нет и жизни. А ведь мы, родные, все склонны встать на прежний путь. Вот как раковая опухоль стремится заполнить весь организм, так прираженная грехом душа стремится вытеснить настоящую душу, и начинается борьба. Эта борьба и ее причины очень ярко выявились у преподобной Марии Египетской. Она покаялась, сподобилась причаститься Святых Таин, ушла за Иордан и начала ангельское житие. Кажется, чего же больше, все уже сделано. Нет, родные мои, жизнь только началась — начались искушения и трудный подвиг борьбы с ним.

Мы знаем из жития преподобной, что семнадцать лет длилась борьба эта. И какая борьба! «С одной стороны, невыразимо страдала я от голода и жажды, — рассказывала пустынница преподобному Зосиме. — Мука усиливалась воспоминаниями о вкусной пище и вине дней моего разврата. Злой дух воскрешал в мыслях со всей живостью распутные песни, которые я пела, и мерзкие похотливые картины неисчислимых преступлений моих. С другой стороны, одежда, в которой я вышла, совсем распалась, и я подверглась влиянию всех перемен, всем жестокостям времен года: то солнце жгло раскаленными лучами, то стужа охватывала меня. Тогда, падая на землю, сожженная или оледенелая, чувствовала я, что умираю, а тысячи искушений нападали с демонской силой. В этом неизъяснимо жестоком состоянии Пресвятая Богородица была пристанищем. Я горько рыдала и, ударяя себя в грудь, простиралась на землю и молила Владычицу не лишать меня помощи».

Мы теперь, родные, не только каемся, но должны полагать и начало борьбы с грехом. Можно по-разному встретить Светлое Христово Воскресение. Можно смотреть, как радуются другие, но можно радоваться самим, а окружающие будут только увеличивать мою радость. Но моя радость будет только тогда, когда я буду испытывать некоторое увенчание. Если я покаюсь и начну борьбу, тогда я буду испытывать эту радость.

Вот хотя бы эти две недели попробуем по-настоящему начать ее. Ведь многие из вас, родные мои, и не подозревают, какую радость дает эта борьба.

Давайте проследим это хотя бы на примере святых. Все они в этом очень сходны: прежде всего борьба помыслов, их очищение, непрестанная молитва и постоянное несение скорбей. На примере святой Марии Египетской мы видели, что она, очищая помыслы, приобрела благодать непрестанной молитвы. Ведь в жизни можно ходить перед людьми и перед Богом. Вот преподобная Мария считала, что только Господь может ей помочь через Божию Матерь. И в минуты жестокой борьбы она прибегала к Ней за помощью. «После рыдания и мольбы свет озарял мою душу, и покой возвращался моему сердцу. Милостивая Царица не отказывала мне в Своей помощи»[400].

И нам дает Господь молитву в скорби, а мы вот не хотим их понести. Мне припоминается одна исповедь, которая может нам много дать. Одна девушка дала мне письмо, которое можно назвать исповедью. Эта девушка жила в безрелигиозной семье, и потом так Господь устроил, что она пришла к Богу и, пройдя путь обращения, заключила завет с Богом и стала жить, как ей казалось, с Богом. Но

---

[400] См.: *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Святые подвижницы Восточной Церкви. Св. Мария египтянка.

мало-помалу оказалось, что у нее не все благополучно. Ведь покаяние должно быть в непрестанной молитве — это хождение перед Богом. «Я хожу не перед людьми, а перед Богом. А что скажет ангел-хранитель? Бог на меня смотрит, что Он обо мне подумает!» А вот у нее-то было совсем другое — она оставила борьбу. «Абсолютно никакой борьбы не было, — пишет она, — я полагалась только на свой разум: сама могу себя исцелить. Бога оставила, оставила богослужение, молитву, а желала только постоянно служить людям своей жизнью. Остальное — это как бы ненужное». Она стала ходить перед людьми. «Боялась, как огня, осуждения меня людьми. Осуждение других пышно развилось во мне. Я говорила в глаза лучше, чем думала о них». А нужно, родные мои, думать о том, что Бог скажет, а не люди. Оставил человек молитву, Бога и впал в гордость. «Считала себя чуть не святой, — пишет она, — не желала испрашивать, что не понимала, а понять хотелось сразу». Непрестанная молитва и хождение перед Богом было ею оставлено. Преподобная Мария Египетская, мы видели, очищала помыслы, а она, эта девушка, подходила так: «Удовольствие стало преобладающим фактором моей жизни», — пишет она. И она стала жить жизнью другой души, и удовольствия стали носить все более и более чувственный характер. Она не стала очищать помыслы, и получилось то, что она стала дерзка, груба, приходила в гнев и сердилась часто на маму. Раньше все это она терпела как послушание Богу, а теперь в сквернословии изливала свой гнев на маму. Иногда приходила ей мысль удержать себя, но она ее отталкивала, а потом научилась получать удовольствие во зле. Живя греховной душой, стала употреблять черное слово, и, чувствуя свободу, употребляла его с особым удовольствием. Она потеряла всякое желание служить другим — это человек с мягкой душой! Иногда появлялись и другие помыслы, иногда ее новая душа заговаривала в ней, но вместо того чтобы ей внимать, она ее заглушала. Это неприятное напоминание совести ее раздражало, и она после долгого рассуждения решила, что с этим нужно кончить, — и отказалась от своего служения. Тогда появилось осуждение всех добродетелей, тяжесть в разговорах о религии. Вот душа мягкая вдруг восприняла эту злобу оттого, что зажила не настоящей, но той душой. Сейчас же она стала унывать. Она с яростью вспоминала те дни, когда встретилась с людьми, с которыми полагала начало пути спасения, и чувствовала в себе, как занозу, эти воспоминания и не могла от них избавиться. Все это привело ее к сознанию своего падения. «Чувствовала падение, но выхода не видела, помощи ни от кого не желала», — пишет она о своем тогдашнем состоянии. «Редко проходил день без мысли о самоубийстве. Скоро потеряла различие между добром и злом и стала отрицать самый грех».

Но вот наконец мало-помалу начала она прислушиваться к тому, что ей говорила ее настоящая душа. Упав, она встала, но отсутствие покаяния, что для нее самая первая необходимость, сознание своей полной греховности и сознание, что ничего она не может без Бога — «Нет, Господи, я все могу, но только в Тебе».

Вот, родные мои, так как мы теперь готовимся к святой Пасхе, то нам надо помнить, что должны мы иметь борьбу, проводить все время в молитве и непрестанном памятовании о том, что нужно ходить перед Богом в течение тех или других скорбей и в самоукорении, но главное, родные, в очищении своих помыслов. Не нужно думать: «Что из того, что я подумала?» Вот смотрите, что получилось из мягкого человека. И я желаю вам не так заключить тайный завет с Богом, но через очищение помыслов и несение скорбей идти путем покаяния к райскому блаженству, а на пути этого райского блаженства скоро нам предстанет райское богослужение.

Если вы так пройдете эти две недели, то у вас будет настоящая радость.

Пусть пример преподобной Марии Египетской и этой сестры, что была мертва и покаялась, слава Богу, даст вам силы идти к Господу нашему Иисусу Христу. Ему же слава подобает, честь и поклонение.

Аминь.

Проповедь девятая (над Плащаницей)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Ныне Богочеловек нуждается в нашем участии, в нашей любви, как нуждается в этом в свое время каждый человек. Он, пришедший в мир, чтобы послужить нам, отдавший душу Свою за избавление многих, претерпевший ради нас оскорбления и заушения, предание и оставление всеми и позорную смерть, требует теперь нашей помощи, нашего участия в Его погребении. И сейчас Церковь с плачем и рыданием приносила Ему надгробное пение вместе с Иосифом, вместе с Никодимом. Но эти надгробные песни сопровождались и пронизывались другими песнями, пока еще тихими и невнятными, говорящими еще о будущем, но с несомненностью проповедующими Воскресение: «Сия суббота есть преблагословенная, в нейже Христос уснув, воскреснет тридневен»[401]. «Почто мира с милостивными слезами, о ученицы, растворяете? Блистаяйся во гробе ангел мироносицам вещаше: видите вы гроб и уразумейте,

[401] Великая Суббота. Утреня. Кондак.

Спас бо воскресе от гроба»[402], воспевали мы еще на утрене и только что сейчас возглашали «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его»[403]. Еще глубже и внятнее песни Воскресения на сегодняшней вечерне и далее на литургии, где мы слышим радостный гимн Воскресения: «Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты наследиши во всех языцех»[404], — а Евангелие этого дня уже вполне открывает радость воскресения. Полунощница будет еще скорбной, но затем на утрене радость открывается вполне, а мы воспеваем победную песнь: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ»[405].

Такова и вся наша жизнь. Мы должны в ней идти к покаянию и сораспяться Христу. Иного пути нет: *В мире скорбни будете* (Ин. 16:33), — сказал нам Спаситель. *Тесными вратами* должны мы войти в жизнь вечную, *пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им* (Мф. 7:13). Но идя этим путем, мы должны мало-помалу чувствовать и радость воскресения.

У святого Своего гроба Христос дает нам жребий служения Ему.

Наша Русская земля начинает ныне обыматься неверием. Нас всячески поносят, хотят стереть с лица земли, хотят заставить отказаться от Христа, и здесь, у этого гроба, мы все должны об этом подумать. Все мы должны понести крест и вместе с Господом пойти на Голгофу. Вот если бы мы были духовны, если бы мы имели в нашей душе горячую пламенную веру, какая была у мучеников и преподобных, тогда в эти скорбные наши дни душа наша все более и более озарялась бы радостью и светом Христова воскресения. Но мы, родные мои, ленивы и нерадивы. Как хорошо было бы, если бы мы все восплакали и возрыдали у этого гроба. Это не значит, что христианство есть только плач, только скорбь, только рыдание. Нет, но радость христианства для нас закрыта грехами. Каждый из нас в отдельности, и вы, мои сослужившцы, и вы, мои духовные дети, и вы, богомольцы, и прежде всего я, грешный и недостойный, должны постараться очистить свой ум и помышления и вступить в свой завет с Богом, о котором я вам не раз говорил. И если мы пойдем этим путем, то будем постепенно, мало-помалу испытывать и христианскую радость. Проникнет она и в нашу скорбную жизнь, как проникает в это скорбное и погребальное богослужение. Иного пути нет. Другое дело, у каждого из нас своя мера: есть у нас и сильные и слабые, но путь один. А сейчас, памятуя о той радости, которой, может быть, и не имеем, постараемся приобщиться ей

---

[402] Утреня Великой Субботы. Тропарь 2-й по непорочнах.

[403] Стихира 1-я Пасхи.

[404] Литургия Великой Субботы. Аллилуарий.

[405] Канон Воскресению Христову. Тропарь Св. Пасхи.

хотя бы через богослужение, составленное теми, кто шел настоящим путем христианина, составленное великими отцами. Вот лежит Новый Завет, распятый Сын Человеческий, Богочеловек: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет»[406]...

Но есть нечто земное, о чем мы должны помышлять даже и у этого гроба — это наши грехи. Мы обличаемся от своих собственных слов... Припадем же мы все ко гробу Господню и ответим Ему заключением с Ним нашего завета. Не бойся своей прежней жизни, не бойся своих грехов, которые ты имел до сих пор; но нужно желать воистину ответить тайным заветом об исправлении своей жизни и просить, припав ко гробу, прощения и исцеления души, чтобы получить наконец от Господа ответ: *Се, здрав* был *еси;* отселе *ктому не согрешай* (Ин. 5:14). Мы перенесем все, если тайно заключим с Ним завет, и пусть тогда нас гонят, лишают насущного хлеба и делают с нами что хотят. Если так пойдем, то воистину наступит такой момент, когда мы ощутим, как в душе нашей будет нарастать радость воскресения, и мы будем переходить от Великой Пятницы к Великой Субботе и затем к Светлому Христову Воскресению не где-нибудь, а в нашей душе. Вот тогда мы придем к Нему вместе со святыми и почувствуем радость Светлого Христова Воскресения и воспоем Ему: «Христос Воскресе!»

Аминь.

---

[406] См. прим. 137 на с. 70.

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ С ПРИХОЖАНАМИ (1922–1929)[407]

О Церкви (беседа первая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Приступая к изучению святоотеческого подвижнического опыта с целью воспользоваться им в своей жизни, нужно прежде всего осознать, что же мы представляем собой как члены Церкви, в каком отношении стоим друг к другу, к святым — одним словом, что же такое Церковь, в которую мы пришли и где думаем единственно получить спасение? Ведь мы понимаем, что вне Церкви нет спасения[408], что без нее мы не можем двинуться по пути духовного делания. Что такое Церковь по существу и что она дает входящим в нее верующим?

Учение о Церкви мы находим во всей церковной письменности, начиная от Посланий апостольских и далее у всех отцов Церкви. Особенно четко оно изложено и подчеркнуто первыми главными учителями: Василием Великим, Григорием Богословом и Иоанном Златоустом; встречается и у русских отцов Церкви, в частности у Тихона Задонского и у жившего в наши дни отца Иоанна Кронштадтского. Это учение мы забыли, оторвавшись от него, и тем лишились правильного понимания нашего спасения, что не может не отразиться на самом деле спасения.

Мы знаем, что митрополит Филарет в «Катехизисе» определил Церковь как общество верующих, связанных одними Таинствами, обрядами, иерархией и т. д.[409] Но спрашивается: каково же

---

[407] Печатается по: *Сергий Мечёв. сщмч.* «Вы — мой путь ко Христу»: Проповеди, письма к общине, воспоминания. М.: ПСТГУ, 2009, а также по архивным материалам храма Святителя Николая в Клённиках. (С испр. и доп.)

[408] См., например: *Иларион Троицкий, сщмч.* Христианства нет без Церкви. Сергиев Посад, 1915. «Нет христианства, нет Христа, нет благодати, нет истины, нет жизни, нет спасения, — ничего нет без Церкви, и все это есть только в единой Церкви!»

[409] См.: *Филарет Московский, свт.* Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. Гл. 1. О девятом члене Символа веры.

это общество в своем существе, каково его отличие от прочих человеческих обществ и в чем его высшая ценность? В святоотеческих писаниях мы не находим определения Церкви как некоего человеческого общества. Сама Церковь учит по-иному. По ее учению, она есть Тело Христово. Как для общего искупления человечества Христос воплотился, принял тело человека, так для спасения каждого верующего Он оставил Тело Свое на земле. Мы, входя в Церковь, входим в Тело Христово, становимся членами этого Тела.

Выражение и раскрытие приведенного определения Церкви мы находим уже у апостола Павла. В Послании к колоссянам он пишет: *Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь* (1:24; см. также 1:18). А в Первом послании к коринфянам, говоря им о дарах духовных, он пишет: *Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, иудеи или еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих... И вы — тело Христово, а порознь — члены* (1 Кор. 12:12–14.27). Ту же мысль мы видим у него в Послании к ефесянам: *Мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5:30).

Итак, все мы, живущие в Церкви, составляем вместе единое Тело, Глава коего Христос, а каждый в отдельности является маленькою частью целого. Приводя слова апостола *хлеб, егоже ломим, не общение ли Тела Христова есть?* (1 Кор. 10:16), Иоанн Златоуст объясняет, что апостол не сказал слово «причастие», так как «хотел выразить нечто большее, показать великое единение. Приобщаясь, мы не только делаемся участниками и сообщниками, но соединяемся со Христом. Как тело (Христово) соединено со Христом, так и мы чрез этот хлеб соединяемся с Ним. <...> Именно сказав: *общение Тела*, [апостол] хочет выразить еще теснейшую близость и говорит: *один хлеб, и мы многие одно тело* (1 Кор. 10:17)». Этот Хлеб есть Тело Христово, и причащающиеся делаются Телом Христовым — не многими телесами, а одним Телом. «Как хлеб, составляясь из многих зерен, делается единым», ведь наличие в нем зерен неприметно по причине их соединения, рассуждает далее Иоанн Златоуст, так и мы, соединяясь друг с другом и со Христом, «питаемся не один одним, другой другим, но все одним и тем же Телом. Потому [апостол] и присовокупляет: *ибо все причащаемся от одного хлеба* (1 Кор. 10:17)»[410].

Возьмем аналогию. Часть моего тела живет не самостоятельно, но я живу в ней. Разве палец мой или рука живут, а не я живу

---

[410] *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на Первое послание к коринфянам, 24:2.

в пальце или руке? Органы моего тела как бы не имеют личной жизни, но входят в мою жизнь. И когда, скажем, пальцу причинили какое-нибудь повреждение, ведь страдаю я, а не палец. То же самое происходит в Церкви. Когда мы входим в Тело Христово, то отказываемся от своего отдельного существования, чтобы было по слову апостола Павла: *не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2:20). Как в теле живет не каждый отдельный член его, а тот, кому они принадлежат, так и в Теле Христовом живем уже не мы, члены этого Тела, а живет в нас Христос.

Итак, что же такое Церковь и как мы в ней живем? Прежде всего, это не есть некоторая организация, как, например, приход. Приход нужен нам для наших действий, но не составляет сущность Церкви.

Вспомним, что делал Христос на земле. Он принес в жертву Себя, Тело Свое, пострадал, но разве Он создавал Свою организацию? Правда, маленькая организация была — двенадцать самых близких Его учеников, затем еще семьдесят близких и несколько сот последователей. Но что же дальше? Вот Христа распяли, и все ученики Его разбежались, изменили Ему, организация нарушилась. Но разве можно видеть в этом неуспех дела Христова? Нет, Христос пришел вовсе не для создания организации, а для того, чтобы дать Свое Тело людям, которые восприняли бы Его, сделались Его частью и через то получили спасение. В этом смысле понятно требование Спасителя отдать Ему свою душу, делаясь частью Его Тела: *Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее* (Мк. 8:35).

С этой точки зрения становится понятной и заповедь о любви друг к другу (см.: Ин. 13:34). Любить друг друга мы должны как члены одного Тела, из любви Христовой. Как, если у меня болит палец, страдаю я, так и в Церкви: когда страдаю я, страдает Христос. А потому и всякая помощь, и духовное врачевство других людей есть услуга Самому Христу. И потому отнюдь не в переносном, а в прямом и точном смысле скажет Христос на Страшном Суде: *Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня* (Мф. 25:42–43). И на вопрос людей: *Когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице?* — ответит: *так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне* (Мф. 25:44–45).

Нужно не только понять это определение, но постоянно помнить его, прочувствовать, проникнуться им и воспитать себя в его свете. Ибо если мы будем жить как члены Церкви — Тела Христова, то будем иметь общение и с Главою Тела, а это и есть настоящая духовная жизнь. Толкуя стихи 4 и 5 главы 12 Послания к римлянам,

Иоанн Златоуст говорит, что единение в Теле Христовом есть основание для взаимной любви христиан. «И [апостол], когда ведет речь о внешних, говорит: *Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12:18); когда же рассуждает о своих, говорит: *Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью* (Рим. 12:10). Там требует, чтобы они не ссорились… а здесь повелевает любить друг друга и не просто любить, но любить сильно. Любовь, говорит он, должна быть не только не притворная, но крепкая, горячая, пламенная… Не жди, чтобы другой проявил к тебе любовь, но сам стремись к нему и начни первый, так как тогда ты приобретешь награду и за его любовь»[411].

Итак, Церковь есть Тело Христово, а не общество. И проводить свою жизнь в Боге нужно, ясно осознав, что я живу уже не сам, но как часть в Теле Христовом — *не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2:20).

В этом также есть путь к смирению. Это понятие Церкви — не слова, не рассуждения только, его нужно воспринять всем своим существом, как это было у отцов Церкви. Тогда станут понятны и отношения между членами Церкви, ибо я должен любить их уже не потому, что они мне нравятся или что они мне близки, а потому, что они, как и я сам, являются частями Тела Христова, в них — в каждом по отдельности и во всех вместе — живет Христос. Вот мы пришли и ищем спасения в Церкви. Ну а как те, которые вне Церкви (сектанты)? Мы знаем, что говорят они: во мне Христос, в тебе Христос, в нем Христос — мы собрались и образовали церковь. Будто за какое-то достоинство наше, за нашу чистоту вселяется в нас Христос. Православное учение говорит нам не то. Оно говорит, что не Христос вселяется в нас по заслугам нашим, а мы, недостойные и грешные, по Его неизреченной милости к нам, вошли в Его Тело и живем в нем.

Православную Церковь часто упрекают: вот, мол, у вас там и грешники и прелюбодеи — разве это Церковь? Но не то же ли говорили о Христе, не так ли и Его осуждали, когда Он ел и пил с мытарями и грешниками (см.: Мф. 9:7; Мк. 2:16)? Как Христос *пришел взыскать и спасти погибшее* (Мф. 18:11; 19:10), так и Церковь существует для грешников, а не для праведников. Здесь мы, по великой милости Господней, очищаемся Телом и Кровью Его, и если не отсеклись еще своими проступками от Тела Его, то не страшны нам упреки других, ибо ведь Христос всех звал и приходящего к Нему не изгонял вон, а прощал и очищал.

Поэтому на упреки мы отвечаем, что грешники, приходящие в Церковь, каются, желают жить лучшей жизнью, понимают, что

---

[411] *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на Послание к римлянам, 21, 2.

не имеют сил сами исправиться, и верят, что в Церкви Христос очистит их. Вот глубокое различие между Церковью и всяким мирским сообществом: разве в сообщество допустят вора или блудника? На раскаяние его не посмотрят, а захотят, чтобы он прежде на деле доказал, что он исправился, и тогда, может быть, его примут. Церковь же поступает не так. Здесь кающиеся тотчас же принимаются, входят в Тело Христово, очищаются и получают возможность жить в Боге. И нам не страшно, когда нам указывают на этих грешных людей. Да, они грешные, но хотят исправиться и идут к исправлению, хотя, быть может, и часто падают. Но и тогда они тотчас же могут искупляться и омываться Кровью Господа. В конце каждой литургии, после приобщения, священник вкладывает в потир частицы, вынутые из просфор за членов Церкви, и говорит: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде, Кровию Твоею честною...»

Одним словом, мы должны совершенно перестроить наше понятие о Церкви. Это не есть какая бы то ни было организация, вроде приходской общины или хотя бы даже всей Русской Церкви. Внешняя организация нужна для нас, но не в этом, не в общественной жизни — главное дело Христово. Основа Его дела — Пречистые Его Тело и Кровь, ибо Христос не только воплотился, пострадал при Понтийском Пилате и искупил нас когда-то, но и дал нам Свое Тело, которое есть Церковь. Об этом учили отцы Церкви, а мы об этом позабыли.

Когда мы начинаем жить духовной жизнью, то не живем уже сами, как те, кто не в Церкви. В нас живет Христос, Который в нас и страдает, и плачет, и соединяет всех нас в Себе. И это не потому, что мы какие-то особенные, достойные, а лишь потому, что мы — члены одного Тела. Святые отцы чувствовали это и передавали нам. В древние времена у далеких предков наших единение верных в Церкви было полным: *народу же веровавшему бе сердце и душа едина* (Деян. 4:32).

«А теперь не так, но совершенно напротив: между всеми множество разного рода браней; мы — члены — расположены друг к другу хуже диких зверей. Христос соединил с Собою тебя, настолько отделившегося от Него; а ты не хочешь даже с братом соединиться надлежащим образом, но отделяешься от него, удостоившись от Владыки такой любви и жизни»[412]. «Все, что бы ты ни делал для брата, восходит к Владыке твоему, и Он, как бы Сам получив от тебя благодеяние, вознаграждает тебя за это»[413].

Вы видите, Иоанн Златоуст сам чувствует себя частицей Церкви — Тела Христова, чувствует, как другие частицы отсекаются,

---

[412] *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на Первое послание к коринфянам, 24, 2.

[413] *Он же.* Беседы на Послание к римлянам, 21, 3.

отъединяются от этого Тела, и он скорбит, негодует, умоляет не порывать живой связи с Церковью и с ее Главою — Христом.

Подведем теперь итог. Церковь есть Тело Христово, а все мы — члены этого Тела; в нас живет Христос, но не потому, что мы достойны этого, а потому, что мы вошли в Его Тело и «предали» свою душу, чтобы жить во Христе. Я люблю Бога и не любить Его не могу, ибо живу Им, Его жизнью. Точно так же я люблю своих братьев именно как членов единого Тела. И это не слова только, а сама жизнь, что в лице братьев я накормил Христа, помог Христу. Это основная предпосылка истинного делания.

Чтобы спастись, чтобы жить подлинной жизнью, необходимо приобщиться Плоти Христовой. И вот от апостолов и до учителей наших дней преподается нам учение, что этой Плотью, дарованной Христом миру, является Его Святая Церковь. Вступая в нее и приобщаясь Тела и Крови Христовых, мы, отсеченные, присоединяемся к Телу и начинаем жить Его жизнью.

В этом отношении понятна молитва священника над кающимся: «Примири и соедини его Святей Своей Церкви», — ибо совершение греха от нее отъединяет.

В Церкви мы спасаемся вовсе не потому, что пришли в некую организацию, — забудем об этом понятии, оно не может быть применено к Церкви. Церковь есть Тело Христово, и если, входя в нее, мы будем продолжать жить сами по себе или же потеряем приобретенное вначале живое единство, то станем мертвы и составим лишь одну видимость Тела Христова.

И как недостойно приступающие к Святым Таинам приобщаются Телу и Крови Христовым не во исцеление души и тела, а в суд и во осуждение[414], так и мы, живя недостойно в Церкви, вместо спасения получаем себе ад и осуждение. Да, нужно всецело перестроить свое отношение к Церкви, нужно живо почувствовать себя членом Церкви как единого Тела Христова, и только тогда, только этим путем мы достигнем истинной совместной жизни во Христе.

Аминь.

О Церкви (беседа вторая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Самый наш большой грех заключается, может быть, в том, что мы забываем, что все мы соделываем свое спасение не одни, что все

[414] Ср.: Последование ко Святому Причащению. Молитва 5-я, свю Василия Великого.

мы вместе идем по этому пути, все связаны друг с другом как члены одного Христова Тела — Церкви.

В нашей грубой эгоистичной жизни мы постоянно забываем, что состояние моей души и спасение мое зависит от состояния окружающих меня людей и, наоборот, их состояние и спасение зависит от того, как я живу, как влияю на них.

Об этом всегда надо помнить, а мы постоянно забываем, погружаясь исключительно в себя, занятые своими эгоистическими стремлениями. Мы должны совокупно терпеть недостатки друг друга и подавать друг другу руку помощи, если же будем судить дела ближних, то никогда не исполним закон Христов. Мы должны помнить слова апостола и завет, данный нам Батюшкой: *Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6:2).

Иоанн Златоуст, толкуя это место из апостола, говорит о том, что в точном переводе нужно сказать «восполните», а не «исполните». То есть закон Христов в целом исполнить никто не может, но если каждый будет исполнять часть Его, каждый в меру своих сил и способностей, то, восполняя друг друга, мы все вместе исполним его.

Каждый не может быть всем. Если бы члены нашего тела захотели каждый исполнять дело всех, то из этого бы ничего не вышло. Для многих из вас эти слова являются обличением, ибо мы забываем, что прежде всего нам нужно сносить недостатки людей, забывать себя, помнить от своих грехах. Если ты ленив и медленен, а брат твой горяч, то потерпи его горячность, чтобы он потерпел твою медлительность.

Нам нужно радоваться духовному росту ближнего. И если мы видим, что кто-нибудь помогает другому, несет его тяготы, мы не должны завидовать, а радоваться, ибо, помогая ему, он помогает и нам, потому что все мы связаны неразрывною цепью. Особенно это отосится к духовному отцу. Если духовный отец помогает одному, то он тем самым помогает и другому, помогает всем, ибо от спасения окружающих зависит наше спасение.

Мы должны сами подойти к тому человеку, которому помогают, который нуждается в помощи, и постараться тоже помочь ему. И этим мы принесем пользу главным образом самим себе.

Особенно мои слова должны быть понятны тем, кто знал Батюшку, который говорил всегда: «Любите людей, разгружайте их».

Слова апостола *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов*, не должны быть для нас только словами, которые мы читаем, открывая Послание к галатам или придя к Батюшке на могилку, и сейчас же забываем... Нет, мы должны исполнить их, ибо наши великие церковные учители, память которых мы со-

вершаем во второй половине января, все говорят о том, что всякое слово Священного Писания нужно читать делами[415].

Итак, если мы действительно хотим исполнить закон Христов, то должны помнить, что все мы неразрывно связаны друг с другом в одном Теле Христовом — Церкви.

Иного пути нет для исполнения заповедей Христовых.

Исполняя так закон Христов, бережно относясь к чужой душе, помня, что в ближнем наше спасение, мы мало-помалу будем входить в Царствие Божие.

Аминь.

О мире

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Христианство устами Евангелия и святых отцов говорит, что для достижения совершенства необходимо отречься от мира. Но что значит «отречься от мира»?

Христос сказал: *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18:36); и еще: *Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир* (Ин. 15:19). Что это значит?

Дело в том, что слово «мир» в христианском опыте имеет несколько значений. Первое из них — это мир как создание Божие, вселенная, только что вышедшая из рук Творца. Этот мир прекрасен, в нем *вся... добра зело* (Быт. 1:31), им любуется Сам Создатель. Отречься от этого естества, от этого Божия творения — противоестественность и безумие, и не к этому зовет Христос, не к этому призывают грядущие вослед Ему святые отцы. Слово «мир» значит еще «грех»: этот-то мир — мир как грех, как повреждение, искажение естества, как «неестественность» — этот-то мир и не есть от Отца (см.: 1 Ин. 2:16), он-то и борется с Богом, и его надо убегать.

Мир, в котором мы живем, был когда-то прекрасен, преисполнен красоты, но человек, согрешив, внес в него свой грех, и теперь всюду первая красота осквернена печатью греха, божественно естественное всюду здесь перемешано с дьявольски неестественным. Живя в этом мире, мы должны помнить слова Господа, сказавшего, что мы *не от мира сего* (ср.: Ин. 18:36), мы должны помнить, что христианство есть борьба за Царство Божие с царством дьявола, брань с миром. При крещении над каждым из нас была прочитана молитва, в которой Церковь устами священника

---

[415] Например, свт. Игнатий (Брянчанинов). См.: *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты. Т. 1. О чтении Евангелия.

просила у Господа для нас благодати «во еже бегати суеты мира», то есть бороться с грехом, с искажением естества.

Но как бороться с миром, как уйти от него? Многие из желающих спастись уходят в монастырь, и дальше — в пустыню, в полное уединение. Но такой внешний уход есть еще очень малое. Уйти от мирской жизни не значит уйти от греха, который во всяком месте может поселяться в душе человека. Можно уйти в пустыню и не уйти от мира, но зато от «мира» можно уйти, оставаясь в миру. По словам Антония Великого, который и сам выходил из пустыни в мир, истинные христиане пользуются миром, но по внутреннему человеку они беседуют с Богом, а не с миром. «Живи так, — говорит он, — как бы тебя не было в мире сем, и обретешь покой»[416]. Святые не видят греховных дел мирских людей по неимению к тому чувства, мирские же люди не видят добрых дел святых по той же причине.

Отречение от мира состоит не в том, чтобы уйти куда-то от этого мира, но чтобы быть в ином ведении. Подлинное отречение от мира есть умерщвление в себе чувственного переживания зла, греха, перемешанного в мире с добром, и способность воспринимать только добро. Надо начинать бороться с миром, со страстями в собственной душе, и чрез это очистится и освятится тот мир, в котором ты живешь. Чистота душ святых укрощала диких животных, делая их кроткими и покорными. Медведь не боялся и не трогал ни преподобного Сергия, ни преподобного Серафима в их уединении, но брал пищу из их рук.

Мир, с которым мы должны бороться, заключен в сатане. Еще при крещении мы отреклись от него, возненавидев мир. Нельзя быть детьми дьявола и Бога, нельзя служить дьяволу и Богу — потому убьем в себе все мирское. Мы должны быть мертвыми миру. Кто не возненавидит душу свою, т. е. все мирское в ней, тот не может идти за Христом (ср.: Лк. 14:26). Борись с миром и помни, что он врывается в тебя только через твою душу. Этим же путем шли все величайшие угодники Божии, этим же путем надо идти и нам, если желаем быть христианами. Разница между подвижниками — только в степени борьбы. Борьба эта возможна всегда и при всяких условиях. Правда, в определенном отношении монахи поставлены в лучшие, более удобные условия для борьбы с миром. Но «мир» есть и в монастыре, он сопровождает в самую далекую пустыню того, кто не очистил своей души; всюду есть свои трудности и искушения.

Надо ли всем желающим спасения внешне уйти от мира? Нет. В борьбе с миром все индивидуально. У каждого свой путь,

---

[416] Изречения святого Антония Великого и сказания о нем, 2, 6 // Доротолюбие. Т. 1.

свой подход ко Христу. Нельзя всех людей ставить в одни рамки. Есть люди, которым вовсе не надо идти в монастырь. Нужно только всегда помнить, что мы дали обет борьбы с миром и с князем века сего и что борьба эта происходит в душе нашей, а не вне нас. По слову апостола, мы можем всем пользоваться, но *как не пользующиеся* (1 Кор. 7:31). У каждого здесь свой путь.

Возьмем хотя бы отношение Церкви к науке. Что говорит здесь опыт святых отцов? Мы видим, что одни из подвижников бежали от условий мирской жизни, бежали от ее культуры, им это было необходимо. Так сделал Арсений Великий — один из самых образованных людей своего времени. С другой стороны, мы знаем, что великие святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст изучали эллинскую мудрость. Авва Дорофей занимался медициной, многие иноки несли светские послушания, а один из святых отцов даже говорит, что науку отрицают только лентяи. Таким образом, для желающего стяжать духовную мудрость не обязательно вовсе отказываться от светской. Весь вопрос в том, что мы берем от последней. Нужно во всем видеть и находить естественное, «со всего срывать цветки», как говорит Василий Великий, «убегая всего неестественного». Есть и в эллинской мудрости нечто божественное, что и почерпали в ней три вселенских учителя и святителя. Но в отношении всего, что дает нам жизнь мирская, в отношении каждого явления культуры мы должны прежде всего ставить вопрос, сколько здесь божественного и нужно ли и можно ли поэтому нам к нему подходить. Читая какого-нибудь писателя или глядя на какую-нибудь картину, нужно непременно справляться со своей душой, какое воздействие оказывает на нее воспринимаемое, возвышает ли и очищает или является соблазном.

Итак, борьба с миром — это борьба не против естества, но за естество. Но как узнать нам, что естественно и что неестественно, противоестественно? Будучи слепым, как слепы мы, у которых душа полна греха, можно не видеть дьявольского и не находить божественного. Вот для прозрения-то и необходим нам святоотеческий опыт, необходимы наставления духовного отца, умудренного в знании человеческой души.

Аминь.

О молитве (беседа первая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Говорить о необходимости, о пользе молитвы, кажется, незачем. Все то, чем мы живем в этом мире, — книги святых отцов, церковное

богослужение, даже Священное Писание — все это прекратится в том мире, останется только одно — молитва. Без молитвы мы не можем жить духовно. Святые отцы говорят, что «молитва... есть пребывание и соединение человека с Богом»[417], они называют молитву дыханием духовной жизни. Какова молитва наша, такова и духовная жизнь. «Как тело наше по удалении души, — говорит авва Евагрий, — бывает мертво и смрадно, так и душа, в которой не действует молитва, мертва и смрадна. Но что лишение молитвы должно считать горшим всякой смерти, этому явно учит нас пророк Даниил, который готов был лучше умереть, нежели лишить себя молитвы в какой-либо час. Бога надобно вспоминать чаще, нежели дышать»[418].

В 28-м слове своей «Лествицы» Иоанн Лествичник называет молитву «зеркалом духовного возрастания»[419], а в другом месте говорит: «Устроение твое покажет молитва, ибо богословы утверждают, что молитва есть зеркало иноков (спасающегося. — *О. С.*)»[420].

Но святые отцы постоянно говорят, что нужно научиться молиться. Молитва — это не только те радостные минуты, когда мы, становясь на нее, чувствуем Бога, но и труд.

Учиться молиться — но разве молитва не дар Божий? Святые отцы говорят, что всякая добродетель, в том числе и молитва, является, конечно, даром Божиим, но тем не менее мы ко всему должны прилагать и свое старание, должны научаться и молитве. У преосвященного Феофана[421] есть брошюра под заглавием «Как научиться молиться». Прочитав лишь это заглавие, многие могут сказать: посмотрите, до какого «ремесленного» состояния дошло Православие. Многим не только может показаться странным, но они назовут это хулой на Бога — молиться, когда не хочется, когда нет настроения: да как же я буду молиться, какая же это будет молитва? Опыт святых отцов говорит, что это не так. «Будь мужествен во всех случаях, и Сам Бог будет твоим учителем в молитве... Ибо она (молитва. — *О. С.*) в самой себе имеет учителя — Бога, учащего человека разуму, дающего молитву молящемуся и благословляющего лета праведных (ср.: Пс. 93:10; 1 Цар. 2:9)»[422]. Не мы

---

[417] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 28, 1.

[418] *Евагрий Понтийский, авва.* Евагрия монаха наставления о подвижничестве, 8, 3 // Добротолюбие. Т. 1.

[419] Параграф 1.

[420] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 28, 34. Здесь и далее пометой «О. С.» обозначены замечания отца Сергия при цитировании.

[421] Феофан Затворник (Говоров Георгий Васильевич; 1815–1894) — с 1863 г. епископ Владимирский, с 1866 г. в затворе в Вышенской пустыни Тамбовской епархии; богослов, публицист-проповедник, свт.

[422] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 28, 64.

сами будем учить себя молитве, даже и не святые отцы, а Сам Бог будет нас учить.

Что же такое молитва в смысле нашего духовного состояния? Каково наше психическое состояние в процессе молитвы? Иоанн Лествичник с этой точки зрения разделяет молитву на три части — начало, середину и совершенную молитву: «Начало молитвы состоит в том, чтобы отгонять приходящие помыслы при самом их появлении; средина же ее — в том, чтобы ум заключался в словах (молитвы. — *О. С.*), которые произносим или помышляем; а совершенство молитвы есть восхищение ко Господу»[423]. Разве все вы не помните тех минут, когда впервые почувствовали, что вознесли свое сердце к Богу, что вы уже не одни? Разве у нас, у несовершенных и ничего еще не достигших, не бывает этого восхищения ко Господу, радости, что Бог слышит тебя? Человеку, который только еще начал молиться, бывает дано отгнание помыслов, а также, в его мере, то радостное состояние, что дается совершенным. Так, Господь на горе Фаворской показал апостолам радость пребывания с Ним, радость молитвы. Они еще ничем не заслужили ее, она была получена ими даром. Апостолы были до того преисполнены этой радости, что самый пламенный из них — Петр — просил Господа задержать эти мгновения. Но Господь дал им пережить эту радость для того, чтобы в дальнейшем, в минуты сомнений и колебаний, они уже имели бы ее в своем опыте, помнили бы иное состояние, дарованное им когда-то не по заслугам (см.: Мф. 17:1–6; Мк. 9:1–8; Лк. 9:28–36).

Эти же ученики находились затем с Господом в саду Гефсиманском, после прощальной беседы, Тайной вечери, сразу после того, как Он открыл им то, чего дотоле еще не открывал, — и Господь молился в Гефсиманском саду до кровавого пота, молился пламенно, и это была Его последняя молитва. А ученики не исполнили Его последней просьбы — бодрствовать с Ним, они заснули (см.: Мф. 26:36–46; Мк. 14:33–42; Лк. 22:40–46). Так же бывает и с нами.

Господь по неизреченной Своей милости и, если можно так выразиться, «духовной педагогике» дает нам, новоначальным, сразу почувствовать вершину молитвы, даром дает великую радость восхищения к Нему. Но вот те первые мгновения становятся все реже. Начинается процесс борьбы за их стяжание, путь испытаний. Петр, даже познав ранее эту радость, отрекся от Спасителя (см.: Мф. 26:69–75; Мк. 14:66–72; Лк. 22:55–62; Ин. 18:15–18, 25–27), но на своем крестном пути стяжал ее вновь. Он во всей полноте ощутил свет Фаворский, когда был распят головою вниз и радовался, видя Христа, идущего за его душой.

---

[423] Там же. 28, 19.

Нам также предстоит делать эту работу. Евангелие — книга не только Божественная, но и человеческая, в ней раскрываются и человеческие слабости. Когда дар Божий отходит от нас и «мир» входит в нашу душу, заволакивает радость молитвы, это происходит потому, что мы сами еще ничего не сделали. Бог нас коснулся, но мы еще не трудились сами, и потому с нами случается то же, что с Петром.

Говоря о начале молитвы, Иоанн Лествичник имеет в виду не эти первые радостные минуты, но то, что следует за ними. Когда мы становимся на молитву и хотим беседовать с Богом, часто вместо этого приходят одна за другою различные мысли (состояние это святые отцы называют «парением мысли»), и нам начинает казаться, что это недопустимо и молитва должна быть прекращена. Но Иоанн Лествичник думает иначе: «Начало молитвы состоит в том, чтобы отгонять приходящие помыслы...»[424] «Непрестанно борись с парением твоих мыслей, — пишет он, — и когда ум рассеялся, собирай его к себе, ибо от новоначальных послушников Бог не ищет молитвы без парения. Потому не скорби, будучи расхищаем мыслями, но благодушествуй и непрестанно воззывай ум ко вниманию; ибо никогда не быть расхищаему мыслями свойственно одному ангелу»[425].

Если начало молитвенного пути предусматривает необходимость бороться с помыслами, не скорбя и благодушествуя, то на середине его требуется заключать ум в слова молитвы. Под словом «ум» святые отцы понимают не интеллект, а самый центр духовной жизни, все наше внутреннее существо. Если мы читаем ту или иную молитву, например: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас», — то ум наш должен заключаться именно в этих словах.

Можно сделать такое сравнение: я еду в вагоне и с кем-нибудь беседую. Беседа меня увлекает. Несмотря на то что я слышу посторонние звуки и разговоры, центр моего внимания направлен на те слова, которые произношу я и [произносит] мой собеседник. Но вдруг я начинаю чувствовать, что уже плохо слушаю то, что говорит мой собеседник, что я ловлю слова и оттуда, и отсюда, а затем — что уже только делаю вид, что разговариваю лишь с одним человеком. Так же и в молитве могут нас отвлекать всякие помыслы, но надо стараться, чтобы ум наш не рассеивался. Между тем мы зачастую даже оставляем молитву, когда нам навязываются другие мысли, мы идем за ними и где только в мыслях не побываем. Ум наш тогда заключается не в молитве, а в чем-то совсем другом — и это потому, что мы не отгоняли помыслы в самом начале.

---

[424] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 28, 19.

[425] Там же. 4, 92.

А вот что говорит Иоанн Лествичник: «Старайся всегда возвращать к себе уклоняющуюся твою мысль, или, лучше сказать, заключай ее в словах молитвы. Если она, по младенчественности твоей, утомится и впадет в развлечение, то опять введи ее в слова молитвы, ибо непостоянство свойственно нашему уму. Но Тот, Кто силен все утвердить, может и уму нашему дать постоянство»[426].

Для нас важно осознать, что и святые отцы прошли через все это, что и для них совершенство было не только даром, но и завершением пути. Новоначальным же третье состояние молитвы дается на первом этапе даром, чтобы они знали, куда идут, за что борются.

Совершенная молитва состоит в том, что слова совсем уходят, человек прямо видит Бога и сердце его восхищено к Нему. Для святых подвижников такая молитва есть дар заслуженный. И вне этого пути иного нет. Иоанн Лествичник лучше и яснее всех сформулировал, что такое молитва, но и у других святых отцов, например у Симеона Нового Богослова, мы находим вполне сходные мысли. Святые отцы с разных сторон подходят к этому вопросу, и чувствуется, что противоречий между ними нет. Молитве нужно учиться, и в том же смысле, как вообще учатся какому-нибудь искусству или науке.

Возникает вопрос, молиться ли нам по святоотеческому опыту, теми молитвами, которые составили подвижники, или учиться самим их слагать и начинать этот путь заново.

Нам уже ясно, что тем, кто хочет бороться за Царство Христово, нужно в жизни своей следовать опыту святых отцов, учиться на основании того опыта, который оставлен предшественниками. Собственное творчество этим не уничтожается, но, напротив, еще более выявляется, делается более совершенным. Вот почему Святая Церковь указывает молиться теми молитвами, которыми молились святые подвижники. И даже из молитвенного опыта святых отцов она принимает далеко не все, выбирая наилучшее из лучшего. Так, из многочисленных молитв Симеона Нового Богослова взяты для употребления только две.

Для тех, кто имеет хоть некоторый опыт в деле молитвы, понятно, почему святые отцы напоминают ставшим на молитву о делах лукавого и повелевают оставаться на ней, несмотря на все его ухищрения, на всю свою рассеянность. А мы, которые и вообще мало уделяем времени молитве, которым всегда некогда, сдаемся без боя. Нам кажется, что когда нет желания, нет побуждения, незачем и молиться. «Долго пребывая на молитве и не видя плода, не говори: я ничего не приобрел; ибо самое пребывание в молитве

---

[426] Там же. 28, 17.

есть уже приобретение; и какое благо выше сего — прилепляться ко Господу и пребывать непрестанно в соединении с Ним?»[427]

Если мы со смирением будем идти по этому пути, Господь «засчитывает» нам и эту рассеянную молитву. Только со своей стороны мы должны приложить все усилия. Так говорят оптинские старцы Амвросий и Анатолий. Новоначальному нечего и думать о молитве без парения мыслей.

В борьбе за Царство Божие первое место принадлежит не добродетели, а молитве. К чему стремится человек? Он ищет соединения с Богом.

А если так, значит, в основу всего надо положить молитву. Марк Подвижник говорит, что «невозможно [нам] восстановить в себе образ Божий иначе, как только благодатию Божиею и верою, когда человек с великим смиренномудрием пребывает умом в непрестанной молитве»[428].

Мы, русские, широкие, порывистые натуры, без выдержки, готовые на многое под влиянием минуты. И нам надо понять: в молитве необходим упорный труд.

Аминь.

О молитве (беседа вторая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святые отцы наставляют нас: если ты молишься только тогда, когда встал на молитву, то ты совсем не молишься. Пребывать и соединяться с Богом мы должны непрестанно. *Непрестанно молитеся* (1 Фес. 5:17), — говорит апостол. И святитель Григорий Палама увещевает нас относить эту заповедь не только к монахам, но и ко всякому христианину. «Пусть никто не думает, братия мои христиане, будто одни лица священного сана и монахи долг имеют непрестанно и всегда молиться, а не и миряне. Нет, нет; все мы, христиане, имеем долг всегда пребывать в молитве. Ибо смотрите, что святейший Патриарх Константинопольский Филофей пишет в житии святого Григория Солунского: „Имел святитель сей друга возлюбленного, Иова по имени, человека простейшего, но многодобродетельного, с коим беседуя однажды, владыка сказал о молитве, что всякому вообще христианину надлежит подвизаться в молитве всегда и молиться непрестанно, как заповедует апостол Павел воообще всем христианам: *Непрестанно молитеся* (1 Фес.

---

[427] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 28, 29.

[428] Наставления святого Марка Подвижника, извлеченные из других его слов, 51 // Добротолюбие. Т. 1.

5:17), — и как говорит о себе пророк Давид, при всем том что был царь и имел попечение о всем царстве своем: *предзрех Господа предо мною выну* (Пс. 15:8), то есть всегда мысленно зрю Господа предо мною в молитве моей. И Григорий Богослов учит всех христиан и говорит им, что чаще надлежит поминать в молитве имя Божие, чем вдыхать воздух. Говоря это и многое другое другу своему Иову, святитель прибавил еще, что, повинуясь заповеданиям святых, нам надлежит не только самим молиться всегда, но и других всех учить тому же, всех вообще: и монахов, и мирян, и мудрых, и простых, и мужей, и жен, и детей, и побуждать их молиться непрестанно.

Слышавшему сие старцу Иову показалось это новым делом, и он начал спорить, говоря святителю, что молиться всегда есть дело только аскетов и монахов, кои живут вне мира и сует его, а не мирян, кои имеют столько забот и дел. Святитель привел новые свидетельства в подтверждение сей истины и новые неопровержимые ее доказательства, но старец Иов не убедился и ими. Тогда святой Григорий, избегая многословия и любопрепирательства, замолчал, после чего каждый пошел в келию свою.

Когда потом Иов молился наедине в келии своей, является ему ангел, посланный от Бога, *Иже всем человеком хощет спастися и в разум истины прийти* (1 Тим. 2:4), и, укорив его, зачем спорил со святым Григорием и противился явному делу, от коего зависит спасение христиан, возвестил ему от лица Божия, чтоб вперед внимал себе и остерегался говорить кому что-либо противное сему душеспасительному делу и противиться воле Божией, даже и в уме своем чтоб не держал противного сему помысла и не позволял себе мудрствовать разно с тем, что сказал святой Григорий. Тогда простейший старец Иов тотчас поспешил к святому Григорию и, припадши к ногам, просил прощения в противоречии ему и любопрительности и открыл ему все, что сказал ангел Господень.

Видите теперь, братия мои, как имеют долг вообще христиане, от мала до велика, молиться всегда умною молитвою: *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!* — так, чтоб ум их и их сердце навык имели всегда изрекать священные слова сии. Убедитесь же, сколько благоугождается сим Бог и сколько великое от сего происходит благо, когда Он по безмерному Своему человеколюбию ангела небесного послал объявить нам, чтоб никто более никакого не имел в сем сомнения"»[429].

Непрестанная молитва была у святых так называемым умным деланием. Но это — мера совершенных, и мы не можем об этом даже помышлять. Нам нужно прежде всего стараться иметь

---

[429] Из жития святого Григория Паламы, архиепископа Солунского, чудотворца // Добротолюбие. Т. 5.

постоянную память о Боге, и тогда увидим, что Господь всегда с нами, что не Он нас, а мы его оставляем и забываем, вспоминая о Нем только тогда, когда нам надо вставать на молитвенное правило, на нашу утреннюю или вечернюю беседу с Ним. Но и такая беседа будет возможна лишь тогда, когда мы и в иное время постоянно с Ним пребываем и соединяемся. К памяти о Боге должно быть присоединено и краткое призывание, произносимое время от времени: «Господи, помилуй», «Господи, спаси» — или еще какое-либо в зависимости от того, кому какая молитва ближе.

Что же может помочь нам в непрестанном памятовании о Боге? Святые отцы говорят, что молитва имеет своею матерью молчание. «Благоразумное молчание есть матерь молитвы»[430]. Все мы нередко чувствуем, что изнемогаем, потому что «выболтали» свою душу, истощили ее тем «многоглаголанием», против которого предостерегают святые отцы. Для того чтобы собрать душу и отогнать помыслы, надо стараться меньше говорить, в особенности — не судить и не пересуживать, говорить же только, что необходимо. Многоглаголание оказывает на молитву самое вредное действие, «помрачая ее», а «любитель молчания приближается к Богу и, тайно с Ним беседуя, просвещается от Него»[431].

Нам уже понятно, что надо бороться с помыслами и возвращать ум к словам молитвы, когда стоишь на молитве. Но это относится не только к молитвенному правилу, к молитве как беседе с Богом, но и к постоянному ощущению нашего пребывания с Богом, к непрестанному памятованию о Нем. Иначе и на молитвенном правиле мы не заставим наш рассеянный ум обратиться к Богу.

«Если ты постоянно обучаешь ум твой не удаляться от тебя, — говорит преподобный Иоанн Лествичник, — то он будет близ тебя и во время трапезы. Если же он невозбранно всюду скитается, то никогда не будет пребывать с тобою»[432]. Итак, нужно возвращать наш ум к Богу не только стоя на молитве, но приготовляться к беседе с Ним весь день, всю жизнь — и это само по себе уже будет молитвой. Особенно должны мы делать это перед своей утренней или вечерней молитвой.

Кроме благоразумного молчания, к молитве подготовляет нас и послушание. Вот что говорит по этому поводу тот же Иоанн Лествичник: «Видел я блистающих послушанием и по возможности не нерадящих о памяти Божией, совершаемой умом, которые, ставши на молитву, вскоре овладевали умом и проливали потоки слез, потому что были предуготовлены святым послушанием»[433].

---

[430] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 11, 3.

[431] Там же. 11, 5.

[432] Там же. 28, 21.

[433] Там же. 28, 31.

О приготовлении к молитвенному предстоянию Богу святые отцы говорят так: «Мы, которые грядем предстать Царю и Богу, беседовать с Ним, не неготовые должны исходить в путь сей, чтобы Он, издалеча узрев нас, не имеющих оружия и одеяния, которые должны иметь предстоящие царю, не повелел Своим рабам и служителям связать нас и далече от лица Своего отринуть, а прошения наши разодрать и бросить нам в лицо»[434].

Многие из нас начинают молиться, доканчивая какое-нибудь дело — причесывание или умывание, например, как бы не видя никакой разницы между беседой с Богом и обычным делом. А между тем и при перемене телесного состояния человек не остается неприготовленным: выходя на мороз, надевают шубу, в жару — легкие одежды и т. д. Вставая на молитву, мы хотим сразу же начать борьбу за нее, когда еще и за приготовление к ней не боролись, не изгнали из души нашей все скверное, все мирское, что есть в ней, и хотим преднести его вместе со словами молитвы пред лице Божие.

Мы часто болтаем по дороге в храм и, входя в него, продолжаем это занятие; если же идем одни, то думаем о наших делах и также ничего не делаем для приготовления ко входу в храм. А если еще тут у нас много знакомых, сейчас же пойдут разговоры, суды-пересуды, и начавшаяся служба застает нас врасплох (и хорошо еще, если придем к началу), не имеющих оружия и одеяния, которые надлежит иметь предстоящим Царю.

«Се, Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща»[435] — это относится не только к Страшному Суду, но и к обычному предстоянию нашему перед Богом, когда мы имеем полную возможность приготовиться и всякий раз не делаем этого. «Кто, занимаясь каким-либо делом, продолжает его и тогда, когда настал час молитвы, тот бывает поруган бесами; ибо то и намерение у сих татей, чтобы одним временем похищать у нас другое»[436].

«Во время молитвы не рассматривай даже и нужных духовных вещей. Если же не так, то потеряешь лучшее»[437].

Что же самое главное в приготовлении к молитве, на что надо обратить наибольшее внимание? «Когда идешь предстать пред Господом, да будет вся риза души твоей соткана из нитей, вернее же сказать, из залога непамятозлобия. Если не так, то не получишь от молитвы никакой пользы»[438]. Это непамятозлобие

---

[434] Там же. 28, 3.

[435] Утреня в понедельник, вторник и среду Страстной седмицы. Тропарь.

[436] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 28, 35.

[437] Там же. 28, 59.

[438] Там же. 28, 4.

непременно должно быть с нами, иначе из нашей молитвы ничего не получится. А между тем мы часто начинаем молитву со злобою на кого-нибудь, и в этом случае наша молитва обречена на неудачу, «прошение наше будет разодрано». Таково наше обычное делание. Святые отцы призывают: «Восстав от миролюбия и сластолюбия, отвергни попечения, совлекись помышлений, отрекись тела, ибо молитва есть не иное что, как отчуждение мира видимого и невидимого»[439]. «Всякое ныне житейское отложим попечение», — поется в Херувимской песни. «Отложим попечение», т. е. забудем о всем том, что в этой жизни мы делаем скверного и злого. «Как земному царю мерзок, кто, предстоя ему, отвращает от него лицо и со врагами владыки своего беседует, так и Господу мерзок бывает предстоящий на молитве и приемлющий нечистые помыслы»[440]. Возьмите любой молитвенник: там вслед за словами «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» предлагается оставить всякий помысел, утишить душу и тогда только приступить к молитве.

Но надо не только готовиться к молитве, надо и после нее охранять себя. Нам обычно кажется: вот помолился, сделал свое дело — и всё. Но это не так. «Внимай себе трезвенно после молитвы, и увидишь, что толпы бесов, побежденных нами, стараются после молитвы осквернить нас нечистыми мечтаниями»[441]. Больше всего борет нас после молитвы страсть гнева. «Когда трезвенно помолишься, вскоре будешь борим на гнев, ибо враги наши обыкновенно так поступают»[442].

Часто, придя домой из церкви от причастия, человек вдруг поругается со всеми. Правда, можно сказать: *враги человеку — домашние его* (Мф. 10:36), хоть здесь и не в евангельском смысле. Многих это повергает в отчаяние: все равно — что молился, что не молился, — нечего и в церковь ходить. Но этого не будет, если хранить себя после молитвы, и хранить в особенности от гнева. Охранять себя мы должны потому, что Господь, как говорит Иоанн Лествичник, спросит у нас плоды нашей молитвы, а плодов у нас не будет, если не сохраним себя.

Итак, работая над молитвою, мы должны:

1. Постоянно пребывать с Богом через стяжание благоразумного молчания и послушания.

2. Становясь на молитву, откладывать всякое земное попечение и хранить непамятозлобие.

---

[439] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 28, 25.

[440] Там же. 28, 54.

[441] Там же. 20, 19.

[442] Там же. 28, 38.

3. После молитвы охранять себя от гнева и других страстей, чтобы не ответить перед Господом за утерю плодов молитвы.

Аминь.

О молитве (беседа третья)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

До сих пор мы говорили о том, что можно было бы назвать «техникой молитвы». Но что такое молитва по своей сущности? Разве не могу я молиться просто теми словами, которыми изливается и молится сама душа моя? Возможна ли молитва как мое личное творчество? Неужели я рабски должен следовать тому, что есть в молитвенниках и церковных песнопениях, неужели не могу сам творить? Такой образ мыслей нам понятен. Но как и всё, о чем мы здесь говорили, вопрос этот тоже должен быть освящен святоотеческим опытом.

Сейчас в Москве и по всей Руси идет борьба за «Живую церковь»[443]. Если отбросить всю политическую грязь, все интриги, то есть же и там что-нибудь чистое, что привлекает туда сердца, ведь есть же и там искренние люди. Теперь говорят, что Церковь «лежит в параличе», что нет в ней духа живого. Если мы беремся за изучение какой-нибудь науки, нельзя изучать ее по одним лишь книгам, тем более если наука эта опытная. Иначе наши занятия будут безуспешны. Это скажет вам любой естествоиспытатель, медик или химик. Но так и везде.

Нельзя изучать науку книжным путем, есть в ней нечто, что подлежит опытной проверке. Так и в искусстве. Если бы любой вундеркинд попробовал идти в искусстве собственным путем, то каждый профессор посоветовал бы ему прежде всего приобщиться к великому опытному богатству данной области, а потом, завоевав эту почву, на ней творить уже свое. То же и в религии.

Всякому, кто подумает, что весь святоотеческий опыт может быть познан только из книг, любой старец скажет, как сказал старец Леонид[444], что эти творения надо «деяньми» читать[445]. Наше

---

[443] Живая Церковь (официальное самоназвание — Православная Российская Церковь; позднее — Православная Церковь в СССР) — движение, возникшее после Февральской революции 1917 г. Декларировало цель «обновления Церкви»: демократизацию управления и модернизацию богослужения. Выступало против руководства Церковью Патриархом Тихоном, заявляя о полной поддержке нового режима и проводимых им преобразований.

[444] Леонид Оптинский (Наголкин Лев Данилович; 1768–1841), старец, прп.

[445] Выражение, ставшее «крылатым».

положение таково: мы даже не дети, мы ребята новорожденные, которые еще и ползать-то не умеют, мы нисколько не проверили пути святых отцов своим опытом. Нам надо учиться, но не просто по книгам. Эти книги для верующего то же, что для изучающего литературу история литературы. Мы должны всякое слово здесь проверить на своем собственном опыте, творить святоотеческий опыт для себя заново. Иначе это будут лишь сведения. И вот, с Богом, давайте молиться. Принимая святоотеческий опыт, мы становимся воинами Царства Божия и должны бороться, должны работать. Одна из частей этой работы есть изучение Слова Божия и работа над собой в связи с этим. Однако самое главное — это уничтожение тления нашей души. Когда мы говорим, что нужно охранять себя от всяких помыслов (иначе мы и молиться не можем), является вопрос: что же, молитва есть нечто отдельное от всей борьбы за спасение, от всего остального — опыта святых отцов? Душа тянется к Богу, чтобы очиститься. Исаак Сирин говорит, что «молитва есть умерщвление понятий, свойственных воле плотской жизни»[446]. Вот какова задача нашей молитвы — умерщвление не только греха в нас, но и самых «понятий, свойственных воле плотской жизни». Поэтому терпеливо пребывать на молитве значит отречься от самого себя. А постоянное пребывание на молитве есть хранение ума от помыслов скверных и нечистых. Итак, мы должны учиться молиться.

Святые отцы говорят, что устроение наше выявляется в молитве — «молитва есть зеркало духовного возрастания»[447]. Если я в течение всей своей жизни буду бороться с собой и если постоянно буду стремиться претворять в своей жизни и в этой борьбе святоотеческий опыт, как же в молитву, в высший момент этой борьбы я внесу все то, что есть в душе моей, со всем скверным и нечистым? Разве не должен я приобщаться к молитве совершенных? В словах ее заключен весь тот святоотеческий подвижнический опыт, который мы стараемся провести в жизнь. Начав молиться сам, ежедневно возносить к Богу свою собственную не очищенную еще душу, не стану ли я не самоотречением заниматься, а самоутверждением — утверждением себя именно в той «воле плотской жизни», от которой требуется отречься? И такие люди не только не отрекаются от себя, но еще и другим себя навязывают, стараются увлечь их за собою в импровизированной молитве. Не есть ли это дьявольская работа? Разве ненастроенный инструмент может издавать правильные звуки?

Для нас этот вопрос должен освещаться опытом святых отцов. Они говорят, что следует прежде научиться молиться

---

[446] *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические, 42, 3.

[447] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 28, 1.

с помощью молитвы совершенных, а потом можно и о своем просить. Если Церковь есть Тело Христово, то отнюдь нельзя считать, что мы постоянно находимся в Церкви, ведь грех отсекает нас от нее, но мы снова приобщаемся к ней через Таинства покаяния и причащения.

Входя в храм, мы слышим молитву, написанную одним из святых отцов (а ведь не все молитвы святых отцов вошли в церковный обиход, но только лучшие из них), при этом мы знаем, что единственные подлинные члены Тела Христова суть святые. В церковном богослужении участвуем не только мы, но и Церковь небесная, и даже главным образом она, потому что, кто знает, не отсечены ли мы от Церкви. Молитва совершенных поднимает нас, ибо она есть подлинный духовный опыт, ибо именно в ней больше всего выявляется духовное устроение душ святых. Отсюда понятно, что мы должны ко всему этому относиться так же, как ученый к тому, что сделано до него в науке. Только восприняв все это и проведя сквозь свой опыт, может он успешно работать дальше.

В Церкви, в религии действует тот же закон, что и во всей остальной жизни. Ведь молиться святоотеческой молитвой не означает вовсе оставить свое собственное творчество, но надо школу пройти. Впрочем, в школе можно самому пробовать свои силы, школа возвышает нас. Вне этой школы не может быть ничего. И если мы применяем святоотеческий опыт в жизни своей, то как же не применять его в молитве? Когда мы говорим о святоотеческом опыте, то должны в первую очередь иметь в виду молитвенный опыт подвижников, ибо в молитве заключается и более всего выявляется опыт святых отцов. Бог помогает нам прежде всего в молитве. Он Сам открывается в ней.

Молитва есть выявление самой души. Наше счастье, что есть у нас святоотеческая молитва — молитва истинных членов Тела Христова, ведь, молясь ею, мы молимся с ними. Церковная молитва дорога нам, потому что в храме мы молимся вместе с небесной Церковью.

Литургия, пресуществление Даров, совершается не по личной заслуге священника и присутствующих верующих, но по молитвам членов Церкви небесной и за них. В произносимой священником молитве: «Еще приносим Ти словесную сию службу...» — Церковь молится о всех людях, о грешниках, и праведниках, и святых, и заключает эту молитву возгласом: «Изрядно (помолимся — *О. С.*) о Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии»[448].

---

[448] Из молитв священника на литургии верных.

Помните: «Да молчит всякая плоть человека»[449], «Ныне силы небесныя с нами невидимо служат»[450]? Если так воспринимать церковную молитву, то понятно становится, почему она действенна: здесь молятся с нами святые угодники Божии. Но и дома, когда вы молитесь одни и читаете молитвы Василия Великого, Макария Великого и других подвижников, вы всё же не одиноки, не одни молитесь — они молятся вместе с вами. Это великое счастье, ведь их нет сейчас на земле, а мы имеем величайшую благодать молиться вместе с ними.

Наше обычное отношение к церковной молитве есть плод нашей интеллигентской поверхностности в отношении к Церкви. «Нас всех бы в школу отдать не мешало», как говорит Мефистофель у Гете[451], — только не в ту, о которой он говорит, а в святоотеческую.

В чем выявилась наша несостоятельность? Мы растеряли всё, что имели. Эпоха преподобного Сергия, XV—XVI века создали русскую иконопись. А вот XVII—XVIII века и дальше — это уже в определенном смысле спад. Ведь много же было талантливых художников в XIX столетии, но писал ли кто-нибудь из них иконы? У них были подчас картины религиозного содержания, но не иконы. Икона же есть прежде всего молитва.

Возьмите иконопись Троицкого собора в Сергиевой лавре. Молитва охватывает вас, едва вы туда войдете, особенно теперь, когда ризы с икон сняты. Я думаю, что нашей эпохе не суждено стать эпохой нового церковного творчества. Творчество, конечно, возможно, но не теперь. Нам самим дал бы Бог приобщиться к церковной сокровищнице, созданной угодниками Божиими, сделать ее достоянием собственного внутреннего опыта и сохранить для будущего. Нам суждено вспахать почву, а сеять будут другие.

Аминь.

О страхе Божием (беседа первая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Мы все, братие и сестры, особенно страдаем двумя основными недостатками. Первый заключается в том, что мы не умеем молиться, не учимся молиться, не работаем над нашею молитвой, не готовимся к ней всею нашей жизнью. Второй же наш недостаток — отсутствие того основного, что было у всех угодников Божиих, что

---

[449] См. прим. 137 на с. 70.

[450] См. прим. 14 на с. 20.

[451] В трагедии «Фауст».

и в Ветхом Завете у пророков, и в Новом Завете было непременным условием служения Богу — страха Божия. У нас его нет совсем или почти нет, и теперь многим кажется, что он и вовсе не нужен. Мы слишком часто забываем, что Господь не только Спаситель, но и Судия, что не только милосерд Он, но и справедлив, и Святая Церковь не перестает напоминать нам о необходимости иметь страх Божий, она постоянно напоминает нам о нем через творения святых отцов, через молитвы и церковные песнопения.

Когда вы входите в церковь, вспоминайте, дорогие мои, молитву, которую произносит диакон на ектении: «О святем храме сем и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в онь». Эта общая молитва, произносимая в начале ектении, служит основанием для следующих за ней частных прошений: «о страждущих, плененных» и т. д. Во время всенощного бдения мы поем: *Работайте Господеви со страхом, и радуйтеся Ему со трепетом* (Пс. 2:11); и пророк говорит Господу: *Вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, в страсе Твоем* (Пс. 5:8). В Священном Писании Ветхого Завета, в книге Иисуса сына Сирахова, указывается: *Страх Господень — слава и честь, и веселие и венец радости* (Сир. 1:11). Этим говорится, что страх Божий нужен не для одних нас, новоначальных, но и для тех, которые не только шли, но и дошли и удостоились Царствия Небесного. Постоянное напоминание о страхе Божием относится не только к нам грешным и боящимся Страшного Суда, но и к святым: *Бойтеся Господа, вси святии Его, яко несть лишения боящимся Его* (Пс. 33:10).

Для чего же нужен этот страх? Тем, кому это непонятно, надо вспомнить, что Христос, пришедши на землю, сказал: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга* (Ин. 13:34). Святые отцы говорят, что Церковь есть Тело Христово и соединяет нас во Христе Иисусе любовь, без любви мы ничто. Любовь нам необходима — не имея ее, мы не члены Церкви, не ученики Христовы. Нам необходимо иметь, стяжать ее, но как, каким путем?

Ответ на наш вопрос находим мы у Иоанна Лествичника: «Умножение страха Божия есть начало любви»[452]. Оказывается, не только в Ветхом, но и в Новом Завете нужен человеку страх Божий, и нужен как раз для обретения любви.

Есть разные состояния любви и разные степени страха Божия. Мы, новоначальные, боимся Бога (если только есть в нас страх Божий), ибо мы чувствуем, что мы грязные и скверные, трепещем при мысли, что предстанем вот такими перед Судом Божиим, а прежде — перед судом своей совести, которая осудит нас, обличит. И вот, имея такой страх, мы через него начинаем

---

[452] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 30, 20.

очищаться. Но это только первая ступень. Авва Дорофей говорит, что есть два страха: один — у новоначальных и другой — у совершенных. Первые исполняют волю Божию из страха наказания, и этот страх необходим, потому что он очищает нас и покоряет Богу. Вторые же творят волю Божию не из страха, а из любви, покоряются не потому, что боятся осуждения и страдания, а из страха отлучения от Бога, от того света и радости, которые они получают в уже достигнутом ими пребывании и соединении с Господом. Это и есть страх совершенных, или совершенная любовь, о которой Иоанн Богослов говорит, что она *изгоняет страх* (1 Ин. 4:18). «Есть два страха: один первоначальный, а другой совершенный, ...один свойствен, так сказать, начинающим быть благочестивыми, другой же есть страх святых совершенных, достигших в меру совершенной любви. Например, кто исполняет волю Божию... из любви к Богу, любя Его, собственно, для того, чтобы благоугодить Ему, сей знает, в чем состоит существенное добро, он познал, что значит быть с Богом. Сей-то имеет истинную любовь, которую святой называет совершенною. И эта любовь приводит его в совершенный страх, ибо таковой боится Бога и исполняет волю Божию уже... не для того, чтобы избегнуть мучений, но потому, что он, как мы сказали, вкусив самой сладости пребывания с Богом, боится отпасть, боится лишиться ее. И сей совершенный страх, рождающийся от этой любви, изгоняет первоначальный страх: посему-то апостол и говорит: *совершенна любы вон изгоняет страх*»[453].

То же находим у Максима Исповедника: «Страх двояк: один чистый, а другой нечистый. Тот страх, который порождается по причине прегрешений, под действием ожидания мук, нечист, так как причиною имеет сознаваемый за собою грех, и не пребудет навсегда, потому что вместе с отъятием чрез покаяние греха исчезает. А тот, который и без этого боязливого беспокойства из-за грехов всегда стоит в душе, этот страх чист и никогда не отойдет, потому что он некако соприсущ Богу, как дань от лица тварей, проявляя собою естественное всем благоговеинство пред Его величием, превысшим всякого царства и силы»[454].

«Однако невозможно достигнуть совершенного страха иначе, как только первоначальным страхом. Ибо трояким образом, как говорит Василий Великий, можем мы угодить Богу: или благоугождаем Ему, боясь муки, и тогда находимся в состоянии раба; или, ища награды, исполняем повеления Божии ради собственной пользы и посему уподобляемся наемникам; или делаем добро

---

[453] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 4.

[454] *Максим Исповедник, прп.* Умозрительные и деятельные главы, 119 // Добротолюбие. Т. 3.

ради самого добра, и тогда мы находимся в состоянии сына. Ибо сын, когда приходит в совершенный возраст и в разум, исполняет волю отца своего не потому, что боится быть наказанным, и не для того, чтобы получить от него награду, но собственно потому и хранит к нему особенную любовь и подобающее отцу почтение, что любит его и уверен, что все имение отца принадлежит и ему. Таковой сподобляется услышать: *уже неси раб, но сын... и наследник Божий Иисус Христом* (Гал. 4:7). Таковой уже не боится, как мы сказали, Бога, конечно, тем первоначальным страхом, но любит Его... И Господь, сказав Аврааму, когда он привел для жертвоприношения Ему сына своего: *ныне бо познах, яко боишися ты Бога* (Быт. 22:12), сим означил тот совершенный страх, который рождается от любви»[455].

Здесь понятными становятся слова Антония Великого, который сказал: «Я уже не боюсь Бога, потому что люблю Его»[456]. Он вовсе не был лишен страха Божия, но обладал им в высшей степени, когда страх переходит в любовь.

Таким образом, через страх Божий приобретается и любовь к Нему, а в ней полагается начало любви к ближнему, настоящей христианской любви, о которой говорит Господь.

Итак, нам нужно иметь страх Божий, воспитывать себя в нем. Но так как мы его вовсе еще не имеем или почти не имеем, нужно нам начать с низшей ступени, сознать свое рабское состояние.

И если Господь даст, поднимемся и мы через некоторое время на вторую ступень. Но получить любовь совершенную не от нас зависит — это дар Божий. Имейте же страх Божий, братие, и помните, подходя к святой Чаше: «Со страхом Божиим и верою приступите».

Аминь.

О страхе Божием (беседа вторая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Я говорил, что наша вера есть вера покаянная. Что с этого начал свою проповедь и Иоанн Креститель, говоря: *Покайтеся, приближибося Царствие Небесное* (Мф. 3:2); и Сам Господь наш Иисус Христос, и апостолы постоянно говорили: «Покайтесь и креститесь».

Нам надо учиться любить Бога и через Бога и друг друга, ибо только такая любовь — христианская. А для этого надо начать со страха Божия. Если вера начинается с покаяния, то путь к любви

---

[455] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 4.

[456] См.: Там же.

лежит через страх Божий. Если хочешь прибыть в пристань любви, то кормчим твоим возьми страх Божий, говорят святые отцы. «Покаяние есть корабль, а страх — его кормчий, любовь же — Божественная пристань. Страх вводит нас на корабль покаяния, перевозит по смрадному морю жизни и путеводит к Божественной пристани, которая есть любовь»[457].

Наши души загрязнены, а потому и не действует на нас страх Божий. Об этом говорит блаженный Диадох, делая следующее уподобление: «Как раны, случающиеся в теле, если не прочистить их и не подготовить как должно, не чувствуют прилагаемых к ним врачами лекарств, а когда очищены бывают, чувствуют действие лекарств и чрез то приходят в совершенное исцеление, так и душа, пока остается нерадивою и покрыта бывает проказою сластолюбия, страха Божия чувствовать не может, хотя бы кто непрестанно толковал ей о страшном и неумытном судилище Божием; а когда начнет действием полного к себе внимания очищаться, тогда начинает чувствовать, как живительное некое врачевство, страх Божий, пережигающий ее, как в огне некоем, действием обличений, и, таким образом мало-помалу очищаясь, достигает наконец совершенного очищения»[458].

Итак, мы не чувствуем страха Божия вследствие проказы греха, а вовсе не потому, что он не свойствен нашей природе. Чтобы почувствовать его хоть в малой степени, надо принять какие-нибудь меры к очищению души. Если мы идем к любви через страх Божий, то это потому, что «умножение страха Божия есть начало любви»[459], как говорит Иоанн Лествичник. Страх Божий как вводный, как нечистый, как несовершенный, как страх раба перед наказанием — именно этот страх нам полезен и нужен, поскольку им первоначально уклоняется человек от греха. Если же идем из-за награды — находимся в состоянии наемника, и это также нам полезно, ибо заставляет творить добро. А третья ступень — страх сына. Здесь нет ни наказания, ни наград, но радость общения с Отцом, делание добра во имя страха, что человек может быть лишен Духа Святого Божия, что и есть совершенная любовь.

Что же делает в нас страх Божий? Нам приходится идти путем страха новоначальных, рабского страха. Наша вера — покаянная. Уверовав в Господа, мы сейчас же должны каяться, ибо Христос чист, а мы полны грехов. И так из нечистых должны мы

---

[457] Слова прп. Исаака Сирина приводит свт. Игнатий (Брянчанинов) в «Аскетических опытах» (Т. 2. Слово о страхе Божием и о любви Божией).

[458] *Диадох, блж.* Подвижническое слово, 17 // Добротолюбие. Т. 3.

[459] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 30, 20.

сделаться чистыми, из смертных — бессмертными, из тленных — нетленными. Но чтобы очищаться, надо видеть свою грязь; чтобы каяться, надо знать свои грехи. «Луч солнечный, проникнувший чрез скважину в дом, просвещает в нем все, так что видна бывает тончайшая пыль, носящаяся в воздухе; подобно сему, когда страх Господень проходит в сердце, то показует ему все грехи его»[460].

Страх Божий действительно показывает нам наши грехи, освещая даже и те уголки души, куда мы обычно вовсе не заглядываем. Как ученик перед экзаменом, начиная в последний раз пробегать страницы учебника, видит, что он знает и чего не знает; так и грешник перед лицом Чистейшего вспоминает, что настанет час и предстанет он перед Престолом Господа и окажется не в одежде нетления, которую дал ему Бог при крещении, а в одеянии, сотканном из его лукавых дел.

Итак, есть ли страх Божий действительное средство для очищения души или о нем говорили только для того, чтобы держать людей «под палкой»? Нет, он нам действительно необходим, ибо надо нам видеть грехи наши — без этого нет спасения. Страх Божий показует человеку грехи его.

Но этого мало. Страх Божий еще и искореняет грехи. «Страх Господень искореняет из души все лукавства и грехи. Кто же не боится Бога, тот впадает во многая злая»[461]. Так сказал о страхе Божием Антоний Великий, которого поистине можно назвать величайшим по жесткости его борьбы со своей страстной плотской природой. И в этой борьбе не нашел он более сильного средства, чем страх Божий.

Страх Божий не только показует душе ее грехи и искореняет их, но и охраняет человека. Если человек хранит в себе страх Божий, то и страх Божий хранит его. «Страх Господень хранит человека и бережет, пока не сбросит он с себя сего тела, как написано: *страха ради Твоего, Господи, во чреве прияхом и поболехом, и родихом дух спасения Твоего* (Ис. 26:18)»[462].

В Таинстве миропомазания, которое совершается вслед за крещением, Церковь молится: «Сохрани его (крещаемого. — *О. С.*) в Твоем освящении, утверди в православной вере, избави от лукаваго и всех начинаний его; и спасительным Твоим страхом в чистоте и правде душу его соблюди; да во всяком деле и слове благоугождая Тебе, сын и наследник будет Небеснаго Твоего Царствия». Только что человек получил одежду нетления, но нужен ему и щит

---

[460] Там же. 26, 223.

[461] *Антоний Великий, прп.* Наставления о жизни во Христе, 70 // Добротолюбие. Т. 1.

[462] Там же.

и опора, чтобы предохранять эту одежду. Этим-то щитом и служит для него страх Божий.

Авва Дорофей говорит: «Первоначальный страх свойствен нашему душевному состоянию. Он охраняет душу от всякого зла, как полировка медь, ибо сказано: *страхом же Господним уклоняется всяк от зла* (Притч. 15:27)»[463]. Поэтому вовсе нельзя так легко относиться к страху Божию, как мы относимся, и говорить, что теперь не время крепостной зависимости и древнего рабства. Это и не рабство, и не крепостничество, а школа, которую надо нам пройти и вне которой нельзя достигнуть совершенной любви, как свидетельствуют о том те, кто прошел эту школу.

Страх Божий сохраняет душу от всякого зла.

Я не делаю чего-либо дурного потому, что у меня есть полировка, удерживающая меня от зла. Без этой полировки я не могу уклониться от всякого зла. Страх Божий ведет к очищению и спасению. Кажется, что это так только в греховной плоскости, что страх Божий нужен только, чтобы освободиться от греха. Даже если бы это было так, и тогда был бы страх Божий ценен и необходим. Но этого мало. Если хотим получить от Господа дары Святого Духа и будем о том просить Его, то первые дары — дух премудрости, дух разумения и дух страха Божия.

Премудрость... Но помните: *начало премудрости боятися Господа* (Сир. 1:15)? А разве нельзя быть мудрым вне страха Божия? Да, но мудростью мирской, а не Божеской. И не забывайте, что с точки зрения мира мы — безумцы, если имеем дар премудрости Господней. «Что же есть начало премудрости, как не то, чтобы удаляться от всего ненавистного Богу?»[464] Так вот в чем премудрость-то!

Но как же приобретать страх Божий? По этому поводу есть определенные указания святых отцов, которые стяжали страх Божий многими подвигами и трудами, а некоторые — даже многими падениями. Все сказанное по этому поводу суммирует авва Дорофей в одном из своих поучений: «Отцы сказали, что человек приобретает страх Божий, если имеет память смерти и память мучений, если каждый вечер испытывает себя, как он провел день, и каждое утро — как прошла ночь, если не будет дерзновенен в обращении и, наконец, если будет находиться в близком общении с человеком, боящимся Бога»[465].

«Память мучений» — это для нас именно память самопосрамления, память о грядущем моменте, когда мы ужаснемся

---

[463] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 4.

[464] *Варсонофий Великий, прп.; Иоанн Пророк, прп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников. Ответ на вопрос 231.

[465] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 4.

своей грязи и уже ничего не будем в состоянии сделать. У древних было напоминание: memento mori — «помни о смерти», но у нас это гораздо сильнее. Помни не о смерти только, а о том моменте, когда совесть тебя обличит и когда ты уже ничего не сможешь сделать. Эта память связана со страхом раба.

«Если каждый вечер испытывает себя, как он провел день, и каждое утро — как прошла ночь». Мы же не следим за собою, и если моментами получаем благодатию Божиею страх Божий и на минуту видим свои грехи, то не пользуемся этими лучами и не испытываем при их свете и малой частички своей жизни — даже одного дня.

Третье условие — «если не будет дерзновенен (волен. — *О. С.*) в обращении». Для нас оно самое главное, ибо на это мы уж и совсем внимания не обращаем, дерзость, или вольность, у нас понимают как известное отношение одного пола к другому. Но это лишь частный случай дерзости в обращении.

Когда авва Лот был в келии аввы Агафона, то пришел к последнему инок, желавший вступить в киновию (общежитие) и спросил: «Отче, я хочу жить с братиями. Как повелишь мне жить с ними?» Старец же отвечал на это: «Как в первый день, как придешь к ним, так и во все дни поступай. Будь во всем как странник»[466].

Самая большая вольность бывает у нас по отношению к тем, с кем мы живем постоянно, — к родным и близким нашим. Еще довольно сносно обращаемся мы с теми, к кому подошли как странники, с кем впервые встретились и имели даже, пожалуй, то почтение и благоговение, о котором говорит авва Дорофей: «Потому хорошо нам, братия, иметь благоговение, бояться вредить себе и другим, почитать друг друга»[467]. Но и это всё мы скоро теряем. Казалось бы, чем ближе узнаю я человека, чем больше сродняюсь с ним, тем больше должен я его уважать, но у нас бывает как раз наоборот.

Мы имеем «ближних» и «близких». Притча о самарянине (см.: Лк. 10:25–37) обличает нас. Мы из наших ближних, с которыми впервые встретились как странники и к которым отнеслись сначала с величайшей внимательностью, делаем близких, с которыми мы запанибрата, и тогда прощай всякое благоговение перед ними. И наоборот, хорошо бы нам из близких делать ближних, сделать ближних себе из наших отцов и матерей. Святые отцы предостерегают нас от вольности, ибо она разрушает страх Божий, ведь если я без благоговения отношусь к главнейшему из творений Божиих, в которое образ Божий вложен, то какой же во

---

[466] Ср.: Древний патерик, 10. 11.

[467] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 4.

мне страх перед Творцом? А так ли надо? *Друг друга тяготы носите* (Гал. 6:2).

«Итак, постарайтесь, как мы сказали, удерживать язык свой, чтобы не сказать чего-либо худого ближнему и никого не соблазнять ни словом, ни делом, ни взглядом, ни другим каким-либо образом; и не будьте удобораздражительны, чтобы, когда кто-нибудь из вас услышит от брата своего неприятное слово, не возмущаться тотчас гневом, не отвечать ему дерзко и не оставаться в оскорблении на него; это неприлично хотящим спастись, неприлично подвизающимся»[468]. Если кто из вас услышит неприятное слово от друга, пусть он потерпит, чтобы душа его не расслабла, как поврежденная сучком дыня. Не соблазняйте других своею вольностью, ибо вольность заразительна.

«Если будет находиться в близком общении с человеком, боящимся Бога». С кем поведешься, от того и наберешься, говорит народная мудрость. Нам надо прилепляться к людям, которые имеют страх Божий. Авва Дорофей говорит, что мы «отгоняем страх Божий от себя тем, что делаем противное сему (тем четырем условиям): не имеем ни памяти смертной, ни памяти мучений, не внимаем самим себе и не испытываем себя, как проводим время, и общаемся с людьми, не имеющими страха Божия, и не охраняемся от дерзновения. Сие последнее хуже всего, ибо ничто так не отгоняет от души страх Божий, как дерзость»[469]. А мы как раз купаемся в дерзости и вольности и именно этим панибратством измеряем близость между людьми.

В этом отношении гибельно слово «товарищ». Это ли не вольность, когда двенадцатилетний мальчишка кричит какой-нибудь старухе: «Эй, товарищ!»

Как же сохранить страх Божий непоколебимым? Ведь если мы видим, что страх Божий хранит человека, мы сами должны его хранить. В 118-м псалме (стих 60) есть слова: *Уготовихся и не смутихся сохранити заповеди Твоя*. Если мы накопляем в себе страх Божий, нам надо его хранить, стараться на нем утвердиться; да, страх Божий не цель, но он единственное средство ко спасению, единственный путь к любви Божественной.

«Тот, кто желает всегда иметь страх Божий непоколебимым в сердце своем, из следующего примера может уразуметь, как достигнуть сего: если кто желает пойти куда-нибудь, то обувается в сапоги. Писание же говорит, что сапоги суть знамение приуготовления (см.: Еф. 6:15); а также написано: *уготовихся и не смутихся* (Пс. 118:60). Итак, кто усмотрит, что ему предлежит какое-либо

---

[468] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 4.

[469] Там же.

дело, тот от телесного приуготовления должен заимствовать образец для духовного и надеть духовные сапоги, т. е. приготовить себя страхом Божиим... и, приготовив сердце, призвать Бога, чтобы Он даровал ему страх сей. А когда во всяком деле будет предлагать пред очами своими страх сей, он сделается непоколебимым в сердце его»[470].

Мы путники, старающиеся взбежать на гору (а иногда — сбегающие с нее вниз и падающие), и должны быть готовы ко всякой дороге, должны всегда приуготовляться. Начиная каждый день, надо помнить, что ко всему должно приступать с благоговением и страхом Божиим. Только будучи сами активными, сохраняем мы в себе страх Божий. Иначе же будут у нас лишь отдельные настроения — «вечера настроений» — и только, а ведь нам нужно жить, нужно устраивать свои души для вечной жизни.

Но надо не только иметь страх Божий непоколебимым, но и вовремя находить его, когда он нам нужен. Авва Исаия хорошо говорит, что «если кто приобретает вещь какую для своей нужды, а во время нужды не найдет ее, то напрасно он и приобрел ее. Таков тот, кто говорит: боюсь Бога, а когда поставлен бывает в обстоятельства, где был бы нужен сей страх, когда, например, находится в необходимости говорить с кем и в это время чувствует или припадки гнева и дерзкой несдержанности, или позыв учить другого человека тому, до чего сам не достиг, или движение человекоугодия, или желание сделаться именитым среди людей, — в то время не найдет в себе страха Божия, то напрасны все труды его[471]». Все должно быть на едином фронте, как равно нельзя иметь два фронта — ближних и близких, нельзя вести «двойную бухгалтерию». Надо всегда пользоваться приобретенным страхом Божиим.

Есть одна опасность для тех, кто думает, что имеет страх Божий. Иные думают так о себе, ибо, вспоминая муки и Суд, умиляются, плачут, а потом впадают в грех, — так пусть они знают, что это не есть страх Божий: «...когда придет тебе таковая память и ты стараешься делами показать исправление, то это есть истинная память, через которую прощаются грехи. А когда видишь, что, вспомнив (страх Божий и суд), умиляешься и потом снова впадаешь в те же или худшие грехи, то да будет тебе известно, что такое припоминание от супротивного и что демоны влагают в тебя оное к осуждению души твоей»[472].

---

[470] *Варсонофий Великий, прп.; Иоанн Пророк, прп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников. Ответ 390.

[471] *Исаия Отшельник, авва.* Духовно-нравственные слова, 8, 8.

[472] *Варсонофий Великий, прп.; Иоанн Пророк, прп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников. Ответ 391.

Я начал с того, что «умножение страха Божия есть начало любви»[473]. Можно сказать и наоборот: «По мере оскудения любви бывает в нас страх, ибо в ком нет страха, тот или исполнен любви, или умер душою»[474]. Многие из нас умирают душой, если еще не умерли. И эта смерть — смерть души — есть смерть настоящая, как говорит Григорий Палама, страшнейшая смерти тела, ибо смерть тела временна, оно воскреснет в день Второго пришествия[475]. Но как умереть может душа прежде смерти тела, так и воскреснуть она может прежде общего воскресения.

Вопросу о страхе Божием должны мы уделить главное место в своей душе. Относительно других добродетелей у святых отцов есть те или иные расхождения, каждый из них кладет во главу угла ту добродетель, которая именно ему нужна была для спасения. Но все святые отцы согласны: в страхе Божием все нуждаются в равной степени. Это мы в гордости сомневаемся в том, что он нужен нам теперь, в XX веке. А святые отцы всё сказанное, в том числе и необходимость страха Божия, доказывали не словами, а делами.

Аминь.

О совести (беседа первая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Когда мы в нашей обыденной жизни говорим, что совесть наша нас обличает, что она не позволяет нам делать того или другого или, наоборот, что совесть у нас молчит, мы придаем «совести» какое-то особенное значение. Также и в христианском пути совесть занимает исключительное место. Что же такое совесть с точки зрения святых отцов? Святые отцы называют совесть естественным законом, вложенным Богом в сердце человека при творении: «Когда Бог сотворил человека, то Он всеял в него нечто Божественное, как бы некоторый помысл, имеющий в себе, подобно искре, и свет, и теплоту; помысл, который просвещает ум и показывает ему, что доброе и что злое; сие называется совестью, а она есть естественный закон... Последуя сему закону, т. е. совести, патриархи и все святые прежде написанного закона угодили Богу»[476].

Так было во время райского пребывания человека с Богом. Но когда повредился, затмился закон, запечатленный в сердце

---

[473] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 30, 20.

[474] Там же. 30, 10.

[475] См. прим. 246 на с. 122.

[476] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 3.

человека, возникла нужда в Священном Писании. Это было при Моисее, когда среди народа Божия распространилось нечестие, оскудела вера. «Но когда люди чрез грехопадение зарыли и попрали ее (совесть. — *О. С.*), тогда сделался нужен закон написанный, стали нужны святые пророки, нужным сделалось самое пришествие Владыки нашего Иисуса Христа, чтобы открыть и воздвигнуть ее (совесть), чтобы засыпанную оную искру снова возжечь хранением святых Его заповедей»[477].

Так же в Новом Завете. Вначале ученики Христовы не имели писаного закона и только под конец своей жизни записали Евангелия и составили Послания. Некоторые же из христиан узнали закон Божий не только не из Священного Писания, но даже и не из устного предания. Сам Господь в сердце их, в совести их открыл им Благую весть. Так было с апостолом Павлом, который никогда не видел Господа на земле, не слышал проповеди Его непосредственных учеников и апостолов почти до конца своей жизни, но, еще будучи фарисеем, неуклонно исполнял все веления своей совести, и потому Господь открылся ему (см.: Деян. 26:15; ср.: 1 Кор. 15:8). Также и о Марии Египетской мы знаем, что она знала закон Божий, не имея никаких книг.

Дело Христово состояло в том, что Он восстановил в человеке совесть, возжег искру, попранную и зарытую. Совесть связана в нас непосредственно с образом Божиим, и как он в нас растлился и нуждался в восстановлении, так и совесть. Христос пришел на землю для того, как учит Церковь, чтобы восставить образ падшего праотца и вместе с тем восстановить, возжечь в нас искру совести.

Такое учение о совести находим мы у всех святых отцов. И наш святитель Тихон Задонский пишет в своем слове «О совести»: «Бог, созидая человека, насадил в душе его совесть, дабы тою аки правилом управлялся и наставлялся, что творить и от чего уклоняться. Совесть есть не что иное, как естественный или природный закон; поэтому она схожа и с написанным законом Божиим. Ибо чему учит закон Божий, тому учит и совесть»[478]. И если мы о том стараемся, постепенно восстановляется и очищается в нас этот закон, написанный *не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца* (2 Кор. 3:3), все более приближаясь к писаному закону Божию. Оба эти закона в идеале одно и то же. Потому-то апостолу Павлу и Марии Египетской не нужно было чтение Священного Писания.

Естественный закон восстанавливается в христианах при крещении вместе с образом Божиим; и если только человек

---

[477] Там же. 3.

[478] *Тихон Задонский, свт.* Краткие нравоучительные слова, 16.

прилагает к тому старание, он в продолжение жизни все более очищается и просветляется вместе с подобием Божиим. Блаженный Диадох сравнивает образ Божий с рисунком, на который мы накладываем краски в течение нашей жизни, всё более приближаясь и уподобляясь Богу[479].

Но закон естественный есть и у неверующих, и у язычников, однако в них он в таком же положении, как и образ Божий, т. е. растлился и пал. Тем не менее, если они все-таки следуют своей совести, хотя бы и искаженной и оскверненной, но все же вложенной как закон Божий в их сердца, она ведет их к Богу. Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствуют совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую (см.: Рим. 2:14–15), говорит апостол Павел.

Для христианина же, в котором чрез крещение восстанавливается образ Божий и очищается совесть, последняя связывается еще с ангелом-хранителем. Иоанн Лествичник так говорит о совести: «Совесть есть слово и обличение ангела-хранителя, данного нам при крещении»[480]. Мы-то, люди, опять можем образ Божий в себе затмить, но у нас есть ангел-хранитель, и наша совесть — его слово. «Совесть есть естественная книга (велений Божиих); деятельно читающий оную получает опыты Божественного заступления», — говорит Марк Подвижник[481]. Вот ангел-хранитель и дает нам возможность деятельно читать книгу естественного закона.

Можем ли мы доверять нашей совести, можем ли руководствоваться в жизни велениями этого голоса, который то оправдывает, то обвиняет нас? Да. «У нас есть достаточное руководство — совесть, и невозможно, чтобы кто-нибудь лишен был ее помощи»[482], — отвечает Иоанн Златоуст. Если желаешь всегда иметь душеспасительное руководство, внимай своей совести и неотложно исполняй, что она будет внушать тебе. Иоанн Златоуст указывает нам, что если бы мы, христиане, внимательно относились к своей совести теперь, после крещения, имея при этом и ангела-хранителя, мы всегда могли бы знать волю Божию, как это было у первых людей до грехопадения. В нашей воле повиноваться совести или попирать ее и пренебрегать ею.

Мы должны постоянно помнить, что в нас живет совесть, что надо стремиться к тому, чтобы огонь этот не потух, как искра

---

[479] См.: *Пестов Н. Е.* Душа человеческая, 14.

[480] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 26, 248.

[481] *Марк Подвижник, прп.* Наставления о духовной жизни, 3, 186 // Добротолюбие. Т. 1.

[482] *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на Книгу Бытия, 54, 1.

под пеплом, но постоянно разгорался. «Ныне же в нашей власти или опять засыпать ее, или дать ей светиться в нас и просвещать нас, если будем повиноваться ей. Ибо когда наша совесть говорит нам сделать что-либо, а мы пренебрегаем сим, и когда она снова говорит, а мы не делаем, но продолжаем попирать ее, тогда мы засыпаем ее, и она не может уже явственно говорить нам от тяготы, лежащей на ней, но, как светильник, сияющий за завесою, начинает показывать нам вещи темнее. И как в воде, помутившейся от многого ила, никто не может узнать лица своего, так и мы по преступлении не разумеем, что говорит нам совесть наша, так что нам кажется, будто ее вовсе нет у нас. Однако нет человека, не имеющего совести, ибо она есть, как мы уже сказали, нечто Божественное и никогда не погибает, но всегда напоминает нам полезное, а мы не ощущаем сего, потому что, как уже сказано, пренебрегаем ею и попираем ее»[483].

Если совесть наша молчит или «показывает вещи темней», это не значит, что плоха самая совесть, вложенная в нас Богом. Это свидетельствует о том, что мы сами, имея сначала очищенную совесть, не радели о ее чистоте и жизнеспособности. Иначе можно было бы сказать, что в нас нет божественной искры, что и образ Божий несовершенен, что в Самом Боге нет совершенства. Мы знаем и из нашего собственного опыта, и из мировой литературы, что каждый из нас, перед тем как совершить грех, преступление, слышит удерживающий его голос совести, хотя и слабый, робкий, но все же говорящий, но мы сами отвергаем его, не видим и не хотим видеть света.

Очень ярко говорит об этом Тихон Задонский: «Тако и Бог в совести человеку глаголет и вопиет ему, когда хощет зло соделать: возвратися, человече! не туда идешь ты. *Уклонися от зла* (Пс. 33:15). Христианине! хощеши ли ты отмстить, повредить или, что горше того, убить ближнего твоего? Бог вопиет тебе: человече, воротись! Хощеши ли блуд сотворить и осквернить тело свое? Бог вопиет тебе: человече, воротись! Хощеши ли украсть, похитить и отнять у ближнего твоего добро? Бог гремит в совести твоей: человече, возвратись! Хощеши ли ближнего твоего прельстить и обмануть? Бог тебе вопиет: человече, воротись! Хощеши ли оклеветать, осудить, обругать и опорочить брата твоего? Бог возвращает тебе от того и глаголет: человече, воротись! ...А что в совести тебе говорит, тое и в слове Своем святом говорит. Совесть непогрешительная и слово Божие суть согласны. Что совесть говорит, тое и слово Божие; от чего совесть удерживает и отвращает, от того и Божие слово; за что совесть обличает, за тое и Божие слово; и за

[483] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 3.

что совесть похваляет, за тое и Божие слово... Сего ради, когда совесть нас от чего отвращает и удерживает, се есть глас Божий, вопиющий внутрь нас, отвращающий и удерживающий нас от зла!»[484] Нам эта картина так знакома! Всякий, кто внимательно относится к своей совести, кто хоть иногда заглядывает в свою душу, подтвердит эти слова святого отца.

А вот Нил Синайский предупреждает, что бывает в душе и иной голос, который говорит нам, что все обстоит благополучно, что ничего не случится с нами, если мы сделаем то-то и то-то, который заставляет совесть умолкать... И святой советует: «Свидетельницу дел твоих, совесть свою, не отсылай к помыслу, презирающему падение и сладкоречиво о нем говорящему»[485].

Наше величайшее счастье, но вместе с тем и несчастье состоит в том, что мы в себе самих имеем свидетеля и обличителя наших дел, обличителя «постоянного, но не непрерывного», как говорит Иоанн Златоуст. Иными словами, она не мучает нас в каждую минуту нашей жизни, так как мы не снесли бы этого, но ее обличение то и дело вспыхивает в нас, не давая нам уснуть. Иоанн Златоуст утверждает, что совесть делает это не однажды, не дважды, но многократно и во всю жизнь, и, хотя бы прошло много времени, она никогда не забывает сделанного, но сильно обличает нас и при совершении греха, и до совершения, и особенно по совершении. Итак, совесть есть, во-первых, свидетель не безмолвный и, во-вторых, обличитель, но не непрерывный. В этом, как я сказал, наше счастье и несчастье. Непрерывное обличение нас убило бы, мы не смогли бы начать иной жизни — чистой и святой. А наше несчастье заключается в том, что, пока слышим обличение совести, мы еще хотим что-то сделать, а едва оно кончится — к деланию охладеваем. А нам следует пребывать до конца бдительными. Внимание к своей совести должно быть для христианина основным деланием.

Мы имеем совесть — свидетеля не безмолвного и обличителя постоянного, но не непрерывного, имеем и укорение, и отраду, имеем всё, чтобы встать от бездны греховной и бдительно идти вперед правым путем. Мы постоянно должны прислушиваться, не перестала ли нас обличать совесть, и если да, искать причину этого, помня, что «тех только одних не обличает совесть, которые или достигли верха добродетели, или ниспали в самую глубь зла»[486]. «Должно внимать себе, не перестала ли совесть наша обличать нас не ради чистоты нашей, но как бы утомившись»[487].

---

[484] *Тихон Задонский, свт.* Сокровище духовное, от мира собираемое, 35.

[485] *Нил Синайский, прп.* Мысли и увещания, 5, 37 // Добротолюбие. Т. 2.

[486] *Фалассий, блж.* О любви, воздержании и духовной жизни, 1, 72 // Добротолюбие. Т. 3.

[487] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 5, 37.

И если мы имеем в себе этого свидетеля и обличителя, мы должны идти к нему на послушание, прислушиваться к его велениям и не отсылать его к помыслу, «презирающему наше падение и сладкоречиво о нем говорящему». Оптинский старец отец Иосиф[488] говорил: «Совесть человека похожа на будильник. Если будильник прозвонил и, зная, что надо идти на послушание, сейчас встанешь, то и после всегда будешь его слышать, а если сразу не встанешь, несколько дней подряд говоря: „Полежу еще немножко", — то в конце концов просыпаться от его звонка не будешь». Всякий знает это в отношении к будильнику, в отношении же к совести мы это как будто и знаем, но не обращаем на это внимания.

Кроме того что совесть является нашим обличителем, она в то же время и судия наш неусыпный и неподкупный, как говорит Иоанн Златоуст: «Нет, подлинно нет между людьми ни одного судии, столь неусыпного, как наша совесть. Внешние судьи и деньгами подкупаются, и лестию смягчаются, и от страха потворствуют, и много есть других средств, извращающих правоту их суда; а судилище совести ничему такому не подчиняется, но, хотя бы ты давал деньги, хотя бы льстил, хотя бы угрожал или другое что делал, она произносит справедливый приговор против греховных помыслов, и согрешивший осуждает сам себя, хотя бы никто другой не обвинял его»[489]. В этом отношении совесть находится в исключительном положении, ибо ведь никто так не знает наших грехов, никто не может следить за нами постоянно, как она, и в то же время мы имеем такого блюстителя в себе самих. В этом отношении совесть есть нечто неоценимое для нашего спасения, она есть некая божественная искра, без которой мы не могли бы спастись. Совесть — наш судья не только теперь, она и на Страшном Суде будет нам первым и самым страшным судиею. Именно потому-то и будет страшен этот суд, что нельзя будет уже оправдаться, нельзя будет сказать, что обвинитель неправ.

Аминь.

О совести (беседа вторая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Как бы ни был грешен человек, образ Божий всегда остается в нем, только покрывается язвами греха. «Образ есмь неизреченныя Твоея славы, аще и язвы ношу прегрешений»[490]. Кто бы что ни говорил

---

[488] Иосиф Оптинский (Литовкин Иван Ефимович; 1837–1911), иеросхимонах, прп.

[489] *Иоанн Златоуст, свт.* О Лазаре. Слово 4, 4.

[490] См. прим. 32 на с. 32.

о нас или о нашей жизни, нам важно то, как мы сами смотрим на свои поступки, как оправдывает или обличает их наша совесть, наш домашний и неподкупный судия.

Святые апостолы придавали совести очень важное значение и руководствовались ею как в жизни, так и при написании Посланий. Так, апостол Павел говорит о своей деятельности синедриону: *Мужи братия! я всею доброю совестью жил пред Богом до сего дня* (Деян. 23:1). А также: *Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом* (Рим. 9:1). И еще: *Молитесь о нас; ибо мы уверены, что имеем добрую совесть, потому что во всем желаем вести себя честно* (Евр. 13:18). Подобное же говорит и апостол Петр: *Имейте добрую совесть, дабы тем, за что злословят вас, как злодеев, были постыжены порицающие ваше доброе житие во Христе* (1 Петр. 3:16).

Если апостолы придавали такое значение совести, то и нам, стремящимся подражать им, но находящимся в состоянии постоянной наклонности ко греху, важно и необходимо присутствие в душе своего неподкупного и неусыпного судии. Другие люди могут нас хвалить или обличать, но их суд лицемерен, ибо они относятся к нам лицеприятно: или чересчур снисходительно, или, наоборот, враждебно. Совесть же, по словам святителя Григория Богослова, есть «домашнее и неложное судилище»[491]. Преступник может избежать иного суда человеческого, но он никогда не избежит суда своей совести. Потому-то и страшит нас Страшный Суд, что совесть, которая все дела наши знает, выступит нашим обличителем и обвинителем.

Мы читали, слышали слова Пушкина из «Бориса Годунова»: «И не уйдешь ты от суда мирского, как не уйдешь от Божия суда», — но эти слова обычно проходили мимо нас, хотя нам было бы нелишне всегда иметь их пред собою и руководствоваться ими в жизни. Христос приходил на землю призвать грешников на покаяние (см.: Мф. 9:13; Мк. 2:17; Лк. 5:32), а мы отталкиваем их. Это свидетельствует о том, что наша совесть доходит до такого состояния, когда она перестает нас обличать. Нам нужно помнить эпизод с грешницей, которую за ее вину хотели побить камнями. Когда привели ее ко Христу, Он ничего не говорил, сидел молча и, как сказано в Евангелии, писал на земле, а когда стали спрашивать Его вновь и вновь, ответил наконец: *Кто из вас без греха, первый брось на нее камень*. Тогда обвинители, обличаемые совестью своею, стали один за другим уходить, пока не осталась одна женщина перед Господом (см.: Ин. 8:6–9). Так говорила в них совесть, хотя и жестокие они были люди как будто. А теперь, искажая понятие

---

[491] *Григорий Богослов, свт.* Слова, 15.

о Церкви, люди совсем не тревожатся совестью, продолжая обличать и обвинять других. И это люди, которые постоянно читают и слушают Евангелие.

Учение святых отцов о совести должно быть принято нами с величайшим вниманием. Для нас в данный момент, когда наша совесть прожжена и сожжена, очищение и хранение совести должно быть главным делом. Совесть, по учению святых отцов, есть не только наше домашнее судилище, но и учитель жизни, обучающий нас Божьему закону: «Учитель истинный есть совесть, которой слушающийся пребывает непреткновен»[492]. Здесь говорится о настоящей, о доброй совести, о совести «идеальной». О такой же совести говорит преподобный Иоанн Лествичник: «Целью и правилом во всех случаях, да поставляем по Богу совесть нашу и, узнавши, откуда веют ветры, по ее указанию уже да распростираем и паруса»[493]. Об этом же часто свидетельствует апостол Павел, руководимый в жизни не писаным законом, а естественным законом сердца.

У аввы Дорофея есть хороший образ, где совесть представляется соперником, ведущим с нами брань. Дело нашего спасения было бы совершенно невозможно, если бы не было в нас этого соперника, который борется с нами за правду, за истину, за добро. В этой борьбе нельзя пренебрегать и малым, чтобы не потерять большого, и нужно заботиться о легком, чтобы стяжать более трудное впоследствии. Необходимо очищать, хранить и проверять нашу совесть, пока мы еще в этом мире, — «помирись с соперником твоим, пока ты на пути с ним. Посему-то пророк оплакивает Ефрема и говорит: *Соодоле Ефрем соперника своего, попра суд* (Ос. 5:11). Соперником же называет совесть. Поэтому и в Евангелии сказано: *Буди увещаваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним, да не предаст тебе соперник судии, и судия тя предаст слузе, и в темницу ввержен будеши; аминь глаголю тебе: не изыдеши оттуду, дондеже воздаси последний кодрант* (Мф. 5:25–26). Но почему же совесть называется соперником? Соперником называется она потому, что сопротивляется всегда злой нашей воле и напоминает нам, что мы должны делать, но не делаем; и опять, чего не должны делать, и делаем, и за это она осуждает нас, потому и Господь называет ее соперником и заповедует нам, говоря: *буди увещаваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним*. Путь, как говорит Василий Великий, есть мир сей.

---

[492] *Филассий, блж.* О любви, воздержании и духовной жизни, 1, 71 // Добротолюбие. Т. 3.

[493] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 26, 7.

Итак, потщимся, братия, хранить совесть нашу, пока мы находимся в этом мире, ...не будем попирать ее отнюдь ни в чем, хотя бы то было и самое малое. Знайте, что от пренебрежения сего малого и в сущности ничтожного мы переходим и к пренебрежению великого... Поэтому берегитесь, братия, пренебрегать малым, берегитесь презирать его, ...ибо чрез него образуется худой навык. Будем же внимать себе и заботиться о легком, пока оно легко, чтобы оно не стало тяжким; ибо и добродетели, и грехи начинаются от малого и приходят к великому добру и злу. Поэтому заповедует нам Господь блюсти свою совесть и как бы особенно увещевает каждого из нас, говоря: „Посмотри, что ты делаешь, несчастный! Опомнись, помирись с соперником твоим, пока ты на пути с ним". Потом указывает бедственные последствия от несоблюдения сей заповеди: *да не когда предаст тебе соперник судии, и судия тя предаст слузе, и в темницу ввержен будеши.* А затем что? *Аминь, глаголю тебе, не изыдеши оттуду, дондеже воздаси последний кодрант*»[494].

Чем же очищается совесть истинная, совесть, обладающая добротой первого Адама в раю? Ведь по мере очищения совесть становится истинным судилищем и истинным учителем жизни по Богу.

Когда священник произносит тайную молитву во время Херувимской песни, он просит: «воззри на мя, грешнаго и непотребнаго раба Твоего, и очисти мою душу и сердце от помышлений лукавых». В этот момент начинается литургия верных, начинается принесение Бескровной Жертвы, совершение Таинства Тела и Крови Господних. И совесть, по слову апостола, очищается именно через это Таинство: *Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!* (Евр. 9:14).

И когда мы входим в церковь Христову, присоединяемся Его Телу, что обещаем мы Богу? Тот же апостол говорит, что мы обещаем при этом Богу добрую совесть. Стало быть, наше дело здесь, на земле, хранить совесть свою в чистоте.

Нам кажется, что как только мы покаялись в грехе, наша совесть в этом отношении очистилась. Но это не так, это лишь начало. Покаяние только примиряет нас со Христом, соединяет же и очищает причащение. В молитве после причащения мы читаем: «Даруй ми чистою совестию, даже до последняго моего издыхания, достойно причащатися святынь Твоих, во оставление грехов и в жизнь вечную»[495]. Следовательно, чистота совести зависит от

---

[494] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 3.

[495] Благодарственные молитвы по Святом Причащении. Молитва св. Василия Великого, 2-я.

Таинств покаяния и причащения Святых Таин и от того, как мы к ним приступаем.

Зачастую мы идем на исповедь, причащаемся, говеем, когда наступает пост, потому что, считая себя христианами, хотим поступать, как все христиане. Но мы совершенно забываем, что через это очищается и просвещается наша совесть.

Христос, который всеял этот божественный закон в нас, на Суде только подтвердит то, что укажет нам наше домашнее судилище. Поэтому мы должны слушаться своей совести, которую всегда имеем с собою, во всякий момент нашей жизни. Иначе мы «соодолеем соперника нашего», «пикнуть ему не дадим», говоря житейским языком, и при этом даже спокойны будем, но спокойствие поведет только к тому, что это истинное судилище обличит нас на Страшном Суде. Наше дело — хранить совесть неблазной и нетленной. Мы обещались доброю совестью, вступая в Церковь, поэтому наше дело на земле состоит в хранении и очищении совести через покаяние и причащение Тела и Крови Христовых. Это особенно важно для нас теперь, когда искажаются основы Церкви, когда люди живут совсем не по-церковному, а все же считают, что они христиане, что они идут путем Христовым.

Наша вера — вера покаянная. Апостол Петр, как только узнал, что в лодке его не простой человек, а Господь, воскликнул: *Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный* (Лк. 5:8). Это покаянный вопль. Так же и апостол Фома, когда Господь призвал его вложить персты в язвы гвоздинныя, воскликнул: *Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20:28). И дальше было так же. Когда уверовавшие во Христа спрашивали что им делать, чтобы спастись, апостолы отвечали: *Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов* (Деян. 2:38). Итак, прежде всего покайтесь. В покаянии, в очищении совести и есть первое и главное наше дело.

Оптинские старцы советовали творения отцов «деяньми» читать. Точно так же должны мы относиться и к чтению Евангелия, ибо Евангелие написано не для сведения, не для воспоминания только, а и для того, чтобы его пережить, воплотить в жизни: вместе со Христом мы должны радоваться, Ему сострадать. Если, находясь в положении грешников, мы сознаем свою греховность, то нам надо радоваться тому, что мы слышим в обличениях совести голос Самого Христа, слышим в евангельских обличениях грешников Христом наше собственное обличение и радуемся тому, что «имеем уши и слышим».

Мы можем сами себя удалить от Христа совсем незаметно и при этом считать себя хорошими, поэтому нам следует обращать

на душу свою особое внимание и постоянно помнить завет апостола Павла иметь веру и добрую совесть (ср.: 1 Тим. 1:19).

Аминь.

О совести (беседа третья)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В прошлый раз мы говорили о том, что такое совесть, что она дает нам и каким образом мы ее очищаем. Следующий вопрос — как хранить свою совесть в чистоте?

Святые отцы учат, что надо хранить совесть в трояком отношении: по отношению к Богу, по отношению к ближним и к самому себе и по отношению к вещам. Это разделение условное, сделанное с практической, педагогической целью. На самом же деле всякое хранение совести будет хранением ее в отношении к Богу. Бог есть Творец всего, Он сотворил и все вещи, и всех людей, сотворил, наконец, и меня; и если я отделяю себя от Бога, я делаю это только потому, что я себя сознаю; но и я тварь, и я создание Божие, и даже во мне — образ Божий. Так свидетельствует великий подвижник. Таким образом, можно было бы говорить только о хранении совести в отношении к Богу, ибо все и вся — творение Божие.

Авва Дорофей говорит: «В отношении к Богу хранит совесть тот, кто не пренебрегает Его заповедями, и даже в том, чего не видят люди и чего никто не требует от нас, он хранит совесть свою к Богу втайне. Например, обленился ли кто в молитве или страстный помысл вошел в сердце его, а он не воспротивился ему и не восстягнул себя, но принял его; также, если кто, видя ближнего, делающего или говорящего что-либо, и, как обыкновенно случается, осудил его; короче сказать, все, что бывает втайне, чего никто не знает, кроме Бога и совести нашей, должны мы хранить; и сие-то есть хранение совести в отношении к Богу»[496]. Стало быть, святые отцы говорят, что хранение совести в отношении к Богу — это есть хранение ее в отношении к поступкам, совершенным втайне, о которых никто не знает, кроме Бога и нас.

В «Невидимой брани» говорится: «Пребывай в памяти Божией и ходи в присутствии Божием; сознавай себя носимым и хранимым силою Божиею и ведомым к тому концу, для которого Он воззвал тебя к бытию; и себя, и все свое посвящай на служение Богу и во славу имени Его; в Нем живи, на Него уповай и Ему предай участь свою, и временную, и вечную»[497].

---

[496] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 3.

[497] *Никодим Святогорец, прп.* Невидимая брань, 28.

Святые отцы учат нас постоянно «ходить перед Богом», постоянно помнить о Его присутствии и не только отвлеченно это знать, но и всю жизнь свою проводить с этим сознанием. Одно хорошее арабское изречение говорит, что в самую темную ночь, на самом черном мраморе Бог не только видит самого черного муравья, но и слышит топот его ног. Так в ярких образах арабский мудрец живописует вездесущее всеведение Божие. Бог видит всю тварь Свою, и человек должен ходить перед Богом и в каждый момент своей жизни должен помнить, что он все делает во славу Божию.

Для нас, которые чувствуют и воспринимают Бога только в некоторые, немногие минуты жизни, это звучит странно. Но для тех, кто не болтал о религиозных вопросах, но по-настоящему совершал путь спасения, необходимость «хождения перед Богом» была очевидна. Как поучает великий подвижник авва Антоний, всегда имей Бога пред своими очами, куда бы ты ни пошел[498].

Стало быть, в отношении к Богу хранит совесть свою тот, кто имеет постоянную память о Боге. Совесть такого человека очищается, ибо он имеет страх Божий, и страх Божий показывает ему грехи его, очищает их и вместе с тем очищает совесть и удерживает такого человека от греха. Если в этом состоит хранение совести в отношении к Богу, то посмотрим, что же такое хранение совести в отношении к ближнему.

Авва Дорофей пишет: «Хранение совести в отношении к ближнему требует, чтобы не делать отнюдь ничего такого, что, как мы знаем, оскорбляет или соблазняет ближнего делом, или словом, или видом, или взором; ибо и видом, как я часто повторяю, даже и взором можно оскорбить брата. Короче сказать: человек не должен делать ничего такого, о чем знает, что делает это с намерением оскорбить ближнего; сим оскверняется совесть его, сознавая, что это сделано с тем, чтобы повредить брату или опечалить его; и сие-то значит хранить свою совесть в отношении к ближнему»[499]. Если в отношении к Богу главное есть пребывание в памяти Божией, страх Божий, то и в отношении к ближнему надо, имея страх Божий, видеть в нем образ Божий, не позволять себе дерзости и вольности в обращении и не делать ничего, что может оскорбить или соблазнить ближнего.

Хранение совести в отношении к ближнему имеет двоякое значение: оно подразумевает хранение как своей совести, так и чужой. Мы же обычно если и заботимся кое-как о первой половине, то на вторую уж и вовсе не обращаем внимания. Мы осуждаем, унижаем, оскорбляем ближнего, любим учить других, учить не

---

[498] Ср.: Древний патерик, 1, 1.

[499] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 3.

с любовью, а с навязчивостью. Люди, которые так поступают, не хранят совести другого человека. Мы должны помнить, что самое главное наше дело в отношении ближних — хранить чужую и свою совесть, поступать с ними так, чтобы человек не мог перенести в себя нашу внутреннюю инфекцию греха; а мы постоянно делаем обратное. Так вот для нас особенно важно помнить, что говорят святые отцы о хранении совести в отношении к нашим ближним и братьям и вообще ко всем тем, кто нас окружает.

Святые отцы доходили в этом отношении до очень глубоких мыслей и действий, глубоких настолько, что нам они непонятны, кажутся странными, а порой даже нелепыми. В одном из ответов Варсонофия Великого мы видим, что старец, когда к нему обратился один брат с просьбой повидаться с ним, ответил отказом просящему свидания. «Скажи брату: прости меня Господа ради, и желал бы я увидеть тебя, но, сберегая совесть других от соблазна, не нахожу к тому удобства»[500]. Здесь видно, что преподобный Варсонофий имел, с одной стороны, желание увидеться с братом, но, с другой стороны, видел, что это могло почему-либо соблазнить других, и он не находил возможным исполнить просьбу. Нам это может показаться чрезмерной щепетильностью, но дело в том, что великий старец помнил слова Спасителя, сказавшего: *невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят* (Лк. 17:1), — и для него было одинаково необходимо хранить как свою, так и чужую совесть.

Что касается нас, то для нас этот род хранения совести должен быть прежде всего в отношении к нашему духовному отцу или, как сказали бы святые отцы, к своему старцу. Для нас, кто идет и хочет идти путем духовного руководительства, духовного окормления, хранение совести в отношении к ближнему состоит прежде всего в повиновении своему духовному отцу. Кто находится в полном послушании, тот уже не боится личной ответственности. Если послушник по-настоящему слушает своего руководителя, если он по-настоящему хранит в отношении к нему совесть свою, то и на Страшном Суде совесть уже не обличит его и Господь его не осудит, а ответит за него отец его. «Кто в повиновении отцу своему приобрел совершенно чистую совесть, тот уже не боится смерти, но ожидает ее ежедневно как сна... достоверно зная, что во время исхода души не от него, но от наставника потребуется ответ»[501].

У нас совершенно нет понимания двоякого значения хранения совести. А святым отцам, которые не только словом, но и

---

[500] *Варсонофий Великий, прп.; Иоанн Пророк, прп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников. Ответ 3.

[501] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 4, 50.

делом шли по этому пути, это было очевидно. Иоанн Лествичник, описывая жизнь монахов некоего монастыря, говорит: «Они были связаны друг с другом неразрывным союзом любви; и что еще удивительнее, при такой любви они были чужды всякой вольности и празднословия; прежде же всего обучались тому, чтобы не уязвить чем-нибудь совести брата»[502].

Пусть и для нас, которые никогда не освобождаемся от вольности и дерзости в обращении, эти слова не окажутся только словами. Прежде всего нам надо стараться не уязвлять чем-либо совесть наших братьев, если нам приходится вступать в те или иные отношения с ними. Как нам быть, например, если мы в отношении другого поставлены в такое положение, что нам приходится его поучать и наставлять?

В «Невидимой брани» сказано: «Чти всех, как образы Божии, всем благожелай и благодетельствуй по силе, пред всеми смиряйся и всем угождай в пределах добра, радуйся с радующимися и соскорби скорбящим, никого не осуждай и не уничижай, даже в мысли и чувстве, от ищущих у тебя совета и вразумления не скрывай истины, когда знаешь; сам же в учители никому не навязывайся, паче же всего блюди мир и согласие со всеми с готовностию на всякие для того со своей стороны жертвы и всевозможно избегай соблазнить кого»[503].

А мы, когда приобретаем уверенность в чем-либо, сейчас же стараемся навязать наше убеждение другим. Мы, конечно, не должны скрывать от ближнего истины, но и не должны никогда никому навязываться, не должны никогда никого уничижать, относясь с презрением к его мнению. А в этом мы все грешны. Вся наша жизнь проходит в спорах, мы вечно всех задираем. Святые же отцы считали спор грехом, помня, что горе тому, через кого соблазн приходит (ср.: Лк. 17:1).

Итак, в отношении к нашим ближним мы должны помнить, что надо хранить не только свою совесть, но и совесть ближнего. Принимая во внимание, что совесть есть истинный закон Божий, нам надо со вниманием подойти к хранению этого закона не только в себе, но и в ближнем.

Важно отметить еще одно: так внимательно надо относиться не только к тем людям, с которыми мы сблизились, но и ко всем тем, кто нас окружает, с кем так или иначе мы соприкасаемся. Я хочу привести пример из Иоанна Лествичника, где он говорит о двух юношах, которые сблизились между собой и имели друг к другу настоящую христианскую любовь, но чтобы не соблазнить

---

[502] Там же. 4, 14.

[503] *Никодим Святогорец, прп.* Невидимая брань, 28.

других, они решили на некоторое время расстаться. «Иногда разрушают заповедь ради другой заповеди. Например, видел я юных, связуемых союзом любви по Богу; но чтобы не соблазнить других и не уязвить их совести, они уговорились между собою и удалились на время друг от друга»[504].

Если я кого-нибудь полюбил, то мне мало хранить совесть только в отношении к нему. Может создаться такое положение, что, исполняя одну заповедь, приходится нарушить другую. С нами это очень часто бывает. Вот эти двое юношей имели любовь по Богу, но могли каким-то образом смутить чужую совесть и, принося пользу один другому, храня совесть друг друга, могли таким образом разрушить закон, запечатленный в чужом сердце. Хорошо любить ближнего по Богу, но не надо кого-нибудь этим соблазнять, иначе мы ничего не приобретаем. Если принимать и понимать совесть такой, как она дана Богом, то вот как внимательно надо относиться к совести, заключенной не только в нас самих, но и в других.

Посмотрим теперь, как же надо хранить совесть по отношению к самому себе. Опять напоминаю, что и это хранение совести также есть, в своей сущности, хранение совести по отношению к Богу. Я должен хранить совесть по отношению к себе, потому что во мне образ Божий.

«Будь справедлив к себе и каждой части своего естества отдавай должное, — говорит Никодим Святогорец. — Дух твой, ищущий Бога, небесного и вечного, да властвует над душою и телом, которых назначение устроять временную жизнь; душа, подчиняясь внушениям духа, выю ума да подклоняет богооткровенной истине и ею да освещает всю область своего ведения; волю да держит в порядках заповедей Божиих, не давая ей, в противность им, уклоняться к своим похотениям; сердце да учит находить вкус только в вещах божественных и в том, что носит отпечатки и служит выражением божественного, и в сем духе да ведет свои дела и порядки житейские и общественные; телу давай нужное и, соблюдая в сем строгую мерность, имей законом никогда ни в чем не творить плоти угодия в похоти (ср.: Рим. 13:14). Храня сие, будешь добрым правителем себя самого и истинным себе благодетелем»[505].

Отдавай должное каждой части своего естества. Святые отцы говорят, что не только душу нашу должны мы спасать, но и само тело готовить для жизни в другом мире. Те, кто думает, что христианский аскетизм есть умерщвление плоти в смысле «тела», вовсе не правы. Они должны обратиться к великому учителю христианской

---

[504] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 26, 149.

[505] *Никодим Святогорец, прп.* Невидимая брань, 28.

подвижнической жизни — авве Евагрию. «Говорил святой и опытнейший учитель наш: монах так должен быть настроен в себе, как бы завтра имел он умереть; и так опять поступать с телом своим, как бы имел жить многие лета»[506]. Стало быть, мы должны помнить для души нашей, что жизнь наша временная, а для тела — что она вечная. Это как-то странно звучит.

Казалось бы, и мы привыкли это слышать, что надо думать как раз обратное, т. е. что для души — жизнь вечная, а для тела — временная. Но авва Евагрий приводит и причины, почему надо думать не так. Мысль о краткости нашего существования «пресекает помыслы уныния и делает монаха ревностнейшим; а это здравым хранит тело и заставляет наблюдать всегда равное воздержание»[507]. Каждый из нас должен соблюдать свою меру, должен в меру заботиться о своем теле и делать для него все необходимое, чтобы оно не терпело в чем-либо недостатка; не надо и впадать в излишество. Будь справедлив к себе и каждой части своего естества отдавай должное.

Теперь последнее — хранение совести в отношении вещей. Бог не только сотворил нас, Он сотворил весь мир, сотворил все, что нас окружает и чем мы так или иначе пользуемся. Вот в отношении ко всему этому мы также должны хранить свою совесть.

В христианстве, как и вообще в жизни, все антиномично. Христианство вовсе не сборник нравственных поучений, на время оставивший свой переплет. В христианстве, как и в жизни, всё с одной стороны так, с другой — иначе. Только что мы видели это, когда говорили о хранении совести в отношении к своему телу. Так же и в отношении к вещам. С одной стороны, не надо иметь к ним пристрастия: *не заботьтесь... что вам есть и что пить, ни... во что одеваться; не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут* (Мф. 6:25, 19), не надо прилепляться к ним, ибо они тленны. С другой стороны, эти же самые вещи даны тебе Богом, они творение Божие, и в отношении к ним храни свою совесть, т. е. относись к ним бережно.

«А хранение совести в отношении к вещам состоит в том, чтобы не обращаться небрежно с какою-либо вещию, не допускать ей портиться и не бросать ее как-нибудь, а если увидим что-либо брошенное, то не должно пренебрегать сим, хотя бы оно было и ничтожно, но поднять и положить на свое место. Не должно также обходиться нерассмотрительно со своею одеждою, ибо случается, что иной мог бы носить одежду неделю или две, или даже месяц, а он

---

[506] *Евагрий, авва.* Наставления о подвижничестве, 2, 29 // Добротолюбие. Т. 1.

[507] Там же.

часто моет ее преждевременно и тем портит ее, и вместо того чтобы носить ее пять месяцев или более, он частым мытьем приводит ее в ветхость и негодность, а это против совести. Также и в отношении постели, часто иной мог бы довольствоваться одной подушкой, а он ищет большой постели; или имеет власяницу, но хочет переменить ее и приобрести другую, новую или более красивую, по тщеславию или от уныния. Иной опять может обойтись одним покрывалом, а он ищет другого, лучшего, иногда даже и спорит, если не получит его. А если он еще станет примечать за братом своим и говорить: „Зачем у него есть, а у меня нет?" — то такой далек от преуспеяния. Также если кто-либо развесит свою одежду или покрывало на солнце и поленится вовремя снять их и допустит им от зноя портиться, то и это против совести. Также и в пище, иной может удовлетворить своей потребности малым количеством какого-либо овоща, или чечевицей, или немногими маслинами, а он не хочет этого, но ищет другой пищи, вкуснейшей и лучшей — это все против совести. Отцы же говорят, что монах никогда не должен допускать, чтобы совесть обличала его в какой-либо вещи. Итак, необходимо нам, братия, внимать себе всегда и охранять себя от всего этого, чтобы не подвергнуться тому бедствию, от которого Сам Господь предостерегает нас, как мы выше сказали»[508].

Если мы вспомним теперь, что такое совесть и насколько необходима она для нашего спасения, нам станет понятно, почему святые отцы так бережно и тщательно хранили свою совесть и завещали нам хранить нашу. И в самом малом надо хранить совесть, ибо она нечто такое, без чего нельзя спастись. «Поэтому берегитесь, братия, пренебрегать малым, берегитесь презирать его как малое и ничтожное; оно не малое, ибо чрез него образуется худой навык. Будем же внимать себе и заботиться о легком, пока оно легко, чтобы оно не стало тяжким, ибо и добродетели, и грехи начинаются от малого и приходят к великому добру и злу»[509]. Так совесть хранится, а очищается она, как мы говорили, Телом и Кровию Господа.

Нам остается еще вопрос об испытании совести. Вы помните, что наша совесть может перестать обличать нас по двум причинам: в том случае, если мы «достигли верха добродетели» или, наоборот, если «ниспали в самую глубину зла»[510]. Итак, если совесть наша молчит, нам надо узнать, почему она молчит. Иногда случается с нами, что разум наш обличает нас в чем-нибудь,

---

[508] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 3.

[509] Там же.

[510] *Фалассий, блж.* О любви, воздержании и духовной жизни, 1, 72 // Добротолюбие. Т. 3.

а совесть молчит. Может происходить и обратное: разум оправдывает, а совесть обличает; что бы мы ни говорили, но где-то в глубине раздается ее обличительный голос: «Нехорошо ты сделал». И такое состояние — счастливое.

Наша совесть часто молчит, ибо мы не храним ее, и всем ревнующим о спасении необходимо ее испытать. В «Невидимой брани» мы много читаем о том, как надо испытывать совесть — каждый день, утром и вечером. «Добре хотящие жити, ревнители о спасении все так и действуют (т. е. хранят совесть. — *О. С.*), всячески стараясь ни в чем из того не погрешить и ничем не запятнать своей совести. При всем том, однако ж, то мысли и чувства, то слова, а то и дела неправые проскользают, иной раз незаметно, а то и заметно, и запыляют чистый лик совести, так что к концу дня редкий не бывает похож на путника, шедшего по пыльной дороге, у которого всюду набивается пыль: и в глаза, и в нос, и в рот, и в волоса, и все лицо покрывает. По сей причине и положено всякому, ревнующему о спасении, вечером испытывать свою совесть и, уяснив себе все неправости, допущенные днем в мыслях, словах и делах, очистить их покаянием, т. е. делать то же, что делает запылившийся путник: путник умывается водой, а ревнующий о спасении очищает себя покаянием, сокрушением и слезами»[511]. Очень хорош образ путника, который в долгой дороге покрывается пылью, проникающей даже внутрь его тела. Нам необходимо испытывать нашу совесть и очищать ее покаянием.

Покаяние совсем не тогда начинается (как уже не раз я вам говорил и уже, верно, надоел), когда мы стоим пред Крестом и Евангелием и исповедуем свои грехи; и не кончается оно тогда, когда читается над нами разрешительная молитва, или тогда, когда мы соединились со Христом, причастившись Святых Таин. Оно только тогда, может быть, и начинается, потому что здесь омывается и очищается наша совесть и указывает нам на наши грехи, от которых мы должны очиститься.

Нужно всячески заставлять нашу совесть говорить, вернее, надо заставлять себя слышать и слушаться ее, потому что она-то не молчит никогда, она говорит постоянно, хотя и тихо, а это мы ее не слушаем. Надо каяться. Покаяние проходит сквозь всю нашу духовную жизнь, ибо, как не раз я вам говорил, наша вера есть вера покаянная, и в лучшие моменты нашей жизни совесть наша начинает говорить в нас и обличать нас до того, что мы с сокрушением начинаем каяться. Так было и у всех святых, и у апостолов.

---

[511] *Никодим Святогорец, прп.* Невидимая брань, 28.

Когда Петр, закинув по слову Господа сети, после целой ночи безуспешной ловли вытащил великое множество рыбы и понял, Кто перед ним, он в ужасе воскликнул: *Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный. Ибо ужас объял его и всех, бывших с ним* (Лк. 5:8–9). Покаяние, сознание и исповедание своего греха идет непосредственно от совести. Петр раньше ничего этого не испытывал, не сознавал, что грешен, а Христос Своею благодатию, Своим чудом дал ему почувствовать угрызения совести. Так же и Фома, когда подошел к нему Господь со Своей благодатью и сказал: *Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим*. Будучи обличен совестью, *Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20:27–28).

Проповедь Иоанна Крестителя была: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3:2). И апостолы говорили уверовавшим: *Покайтесь, и да крестится каждый из вас* (Деян. 2:38). Всюду — «покайтесь». Покаяние проходит сквозь все христианство.

А испытание совести приводит к покаянию, оно будит совесть, показывая нам грехи наши. Стало быть, от испытания совести зависит и сама вера наша.

«Что увидишь неправым, рассмотри, как случилось, что ты сделал то, когда держишь постоянно желание делать одно правое, какие были к тому поводы и причины внутренние и внешние, как бы тебе следовало править собой в данном случае, чтобы не погрешить, и почему ты этого не сделал; затем, осудив себя, а никого и ничего другого, разумно определи, как следует тебе держать себя, чтобы вперед не погрешить в таких же или подобных обстоятельствах, и предпиши то себе в закон с решимостию исполнять его без уклонения и поблажки себе или человекоугодию, пользуясь таким образом для удобрения нивы сердца своего и нечистотами»[512]. Так «Невидимая брань» советует испытывать свою совесть, отнюдь не обвиняя других, отнюдь не приводя себе в оправдание причин внутренних и внешних, а обвиняя только себя. Святые отцы называют совесть зеркалом нашего послушания воле Божией, исполнения заповедей Божиих: «Совесть да будет тебе зеркалом твоего повиновения; и сего для тебя довольно»[513]. Всем нам одно надо помнить: самое главное — это хранение совести по отношению к Богу, ибо есть только Бог и я[514].

---

[512] *Никодим Святогорец, прп.* Невидимая брань, 2 8.

[513] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 4, 75.

[514] См. прим. 163 на с. 85.

Мы думаем, что мы отыскали Бога, и на том успокаиваемся, а надо искать Бога в продолжение всей жизни, ибо Он всегда с нами, а мы не всегда с Ним. Если знаем, что Он слышит топот ног того муравья, о котором говорит арабский мудрец, то как же мы должны помнить о том, что Он все видит, все дела, слова, мысли и чувства наши, и хранить свою совесть по отношению к Нему. Если мы поставим себе целью всегда, везде и во всем искать Бога — искать не в смысле тех или иных вероучений, а в смысле жизни и общения с Ним, тогда указания, даваемые святыми отцами, окажутся не теми или иными мертвыми рубриками, воспринимаемыми памятью, но оживут для нас и поведут нас к Богу.

Мы не хотим жить «под подвижников», мы должны брать из святоотеческого опыта только то, что в нашей мере, что соответствует нашей индивидуальности и тому месту в жизни, какое мы занимаем. Ибо «рассуждение есть совесть неосквернённая»[515].

Аминь.

О вере

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сейчас я хочу говорить с вами о том, о чем как правило не говорят, — о вере. Обычно, поверив и войдя в Церковь, мы на этом и успокаиваемся. Между тем надо разобраться, что же такое вера. «Вера есть сила, все внутри в благонастроении содержащая, или есть самое благонастроение, подающее преестественное, непосредственное, совершенное единение верующего с веруемым Богом»[516]. Итак, наше общение, наша связь с Богом находится в зависимости от того, какова сила нашей веры.

Нам кажется, что Бога можно просить о любой добродетели, но мы не делаем этого в отношении веры. Преподобный Симеон Новый Богослов, не будучи сам мучеником и не готовясь к этому подвигу, так определяет ее сущность: «Вера есть (быть готову) умереть Христа ради за заповедь Его в убеждении, что такая смерть приносит жизнь»[517]. Здесь вера ставится в связь с мученичеством.

Если мы вспомним о крещении, которое совершается через погружение крещаемого в воду, перед нами встает вопрос: каков таинственный смысл этого действия? Николай Кавасила изъясняет

---

[515] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 26, 4.

[516] *Максим Исповедник, прп.* Умозрительные и деятельные главы, 129 // Добротолюбие. Т. 3.

[517] *Симеон Новый Богослов, прп.* Деятельные и богословские главы, 1 // Добротолюбие. Т. 5.

это следующим образом: когда, погружаясь в воду, скрываемся в ней, то убегаем жизни в воздухе, что означает смерть, а когда появляемся на поверхности — опять получаем воздух и жизнь[518]. Подобное же говорит и Кирилл Иерусалимский: «И каким образом Христос воистину был распят, погребен и воскрес; а вы чрез крещение в подобии и сраспяться, и спогребстись, и востать с Ним удостоились...»[519] Значит, в самом крещении мы выражаем существо нашей веры, готовность умереть за Христа.

Христос не требует от всех нас смерти за Него, какою Он за нас умер, но все мы должны иметь по крайней мере готовность к тому и свидетельствуем о том в крещении, умирая с верою, что такая смерть есть истинная жизнь. Продолжая раскрывать понятие «вера», Симеон Новый Богослов пишет: «Вера есть... нищету вменять в богатство, худость и ничтожество в истинную славу и знаменитость, и в то время как ничего не имеется, быть уверену, что всем обладаешь»[520].

Милость Божия к нам заключается в том, что в крещении с нами не происходит фактической смерти — мы лишь свидетельствуем о готовности к ней. Для некоторых же, для сильных, эта смерть становится настоящей, они на самом деле сподобляются пострадать за Христа, но и мы, слабые, должны иметь по крайней мере готовность к смерти.

Если посмотреть внимательно на все христианство, на последования наших Таинств, начинаешь видеть, какое особенное значение придается мученичеству, смерти за веру во Христа. В радостном, говорящем не о смерти, а о жизни Таинстве брака брачующиеся венчаются венцами мучеников: «Помяни я, Господи Боже наш, — говорит молитва, — якоже помянул еси святыя Твоя четыредесять мученики...»[521] В Таинстве брака полагается тропарь мученикам: «Святии мученицы, добре страдальчествовавшии, и венчавшиися, молитеся ко Господу, помиловатися душам нашим»[522]. Радость брачующихся должна быть радостью креста, мало того — даже радостью мученичества. «Слава Тебе, Христе Боже, апостолов похвало, мучеников радование, ихже проповедь, Троица Единосущная»[523].

---

[518] Точно: «Когда погружаясь в воду, человек сокрывается, он, по-видимому, убегает жизни в воздухе, а убегать жизни значит умирать; когда же опять поднимается, стремится, по-видимому, к жизни в соприкосновении с воздухом и светом и тотчас получает ее» (Семь слов о жизни во Христе, 2).

[519] *Кирилл Иерусалимский, свт.* Поучения тайноводственные, 3, 2.

[520] *Симеон Новый Богослов, прп.* Деятельные и богословские главы, 1 // Добротолюбие. Т. 5.

[521] Последование венчания. Молитва.

[522] Там же. Тропарь.

[523] Там же. Тропари 2-й и 3-й при обхождении аналоя.

Также и в момент скорби, в момент отпевания Церковь взывает: «Агнца Божия проповедавше, и заклани бывше якоже агнцы, и к жизни нестареемей, святии, и присносущней преставльшеся. Того прилежно, мученицы, молите, долгов разрешение нам даровати»[524]. Не к преподобным, не к праведным, а к мученикам прежде всего обращается Святая Церковь, ибо они явно исполнили обет веры, обет крещения: «В небесных чертозех выну (всегда. — *О. С.*) доблии мученицы молятся Тебе, Христе, егоже от земли преставил еси вернаго, вечных благ получити сподоби»[525]. И почти всюду, во всяком Таинстве и богослужении, первый тропарь будет мученический.

Итак, всякий, кто крестился, должен быть готовым на то, что по указанию Божию, по Его воле символически совершенное над ним в Таинстве крещения действительно над ним и совершится. Об этом мы имеем не только святоотеческие свидетельства. То же говорит нам один из наших современников, который рассказывает, что в простоте сердца он думал раньше, что те времена, когда Господь требовал от верующих готовности умереть за Него, прошли, что это было где-то, когда-то. Но вот и ему Господь судил соприкоснуться с этим моментом готовности умереть за веру, о которой говорит Симеон Новый Богослов, и, испытав это, он свидетельствует, что трудно только переступить границу и предать себя всецело воле Божией, но когда «рубикон перейден», тогда нет меры утешения.

Веры надо нам иметь больше. Тогда понятны становятся слова Симеона Нового Богослова, который сам шел не путем мученичества, но так понимал веру. И тот человек, кто стал перед необходимостью умереть или отказаться от Христа, получает настоящее понимание веры. Вовсе не прошли те состояния, о которых мы любили читать в детстве, которые мы считали почти за сказку. Господь может каждому послать мученический венец, а если и нет, то мы должны принести Ему хотя бы готовность к тому.

Если все это так, то как же нам все-таки быть?

В чем трудность для неверующего? Сами ли мы приобретаем веру или Бог нам ее дает? Симеон Новый Богослов, рассуждая о природе веры, вспоминает некоего знакомого ему «человека, который ни долгих и великих постов не держал, ни бдений не совершал, ни на голой земле не сыпал, ни других подобных особенно тяжелых подвигов на себя не налагал, но, приведши на память грехи свои, познал свое окаянство и, осудив себя, смирился, — и многоблагоутробный Господь за это одно спас его, как говорит божественный

---

[524] Последование погребения мирских человек. Тропарь 2-й по Непорочных.

[525] Там же. Канон. Песнь 1. Тропарь 1-й.

Давид: *смирихся, и спасе мя* (Пс. 114:5). Он поверил словесам Бога, и за эту веру Господь приял его»[526].

Смирение есть вера и вера — смирение. По словам Симеона Нового Богослова, вера есть дар Всеблагого Бога; этот дар Он вложил в наше естество, подчинив употребление его самовластию произволения нашего[527]. Мы не имеем в своей естественной природе никакого препятствия к тому, чтобы поверить словесам Бога. А почему же есть неверующие?

Вера есть то, что вложено в нас. Совершением греха человек выявил потерю веры в Творца как во Всеведущего, Всезнающего и Вездесущего, сначала задумав обмануть Его, а потом пытаясь спрятаться от Него. И потеряна вера была благодаря гордости — тварь захотела сравняться с Творцом, стать подобной Ему. И наоборот, мы обретаем веру, когда ставим себя обратно на ту полку, на которой должны стоять как тварь в природе. Препятствие же для веры не в естестве, а в том, что мы сами вложили в себя — в гордости. Вся трудность заключается в стяжании смирения.

Для нас, уверовавших, дело обстоит вовсе не так, что вот поверили, и всё тут. Иначе бы мы горами двигали. Вера дарується нам как вложенная в естество, в природу нашу, возрастает в зависимости от того, насколько мы идем навстречу. *И сказали апостолы Господу: умножь в нас веру* (Лк. 17:5). Они понимали, что вера дается Господом. Становится понятным все, что было с апостолами, когда не могли они исцелить бесноватого, как рассказывается в Евангелии: *Один из народа сказал в ответ... говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли. Отвечая ему, Иисус сказал: о, род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? Приведите его ко Мне. И когда привели к Иисусу бесноватого отрока, Господь сказал его отцу: Если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию* (Мк. 9:17–19.23–24). А Петру Господь говорит: *Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу; но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих* (Лк. 22:31–32). Вера ослабевает в нас потому, что мы не идем к ней навстречу, не готовимся к принятию дара, не просим, как отец бесноватого: *Верую, Господи, помози моему неверию* (Мк. 9:24). Все приведенные евангельские свидетельства говорят, что мы своими силами не можем ни приобрести, ни сохранить веру и должны молиться о том Господу, как молились святые отцы и мужи евангельские.

---

[526] *Симеон Новый Богослов, прп.* Слова, 2, 56.

[527] См.: Там же.

Если вера есть готовность умереть за Христа и смерть эта — высшая степень веры, нам надо идти путем стяжания этого состояния: «Вера во Христа, истинного Бога, рождает желание вечных благ и страх мучений; желание же сих благ и страх мук приводят к строгому исполнению заповедей, а строгое исполнение заповедей научает людей глубокому сознанию своей немощности; это сознание истинной немощности нашей рождает память о смерти; кто же возымел сию память сожительницею себе, тот приболезненно взыщет узнать, каково будет ему по исходе и удалении из сей жизни; а кто тщательно старается узнать о будущем, тому прежде всего надлежит лишить себя настоящего (т. е. благ и вещей мира сего)»[528].

Вера настраивает на истинное благо; она рождает в нас страх Божий. Подобное же говорит и Феодор Эдесский: «Вера правая и глубоко внедренная рождает страх Божий; страх же Божий научает нас соблюдению заповедей»[529]. *Сам ничего не могу, но все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. 4:13). Сознание немощи моей рождает, по словам Симеона Нового Богослова, память смертную. На земле мы имеем время на покаяние, а в той жизни будет уже поздно. Царство Божие начинается на земле, оно внутри нас (ср.: Лк. 17:21). Потому-то и утрачиваем мы в конце концов интерес к благам и вещам мира сего.

Все настоящее есть то, что прейдет, но не прейдет моя душа и Царство Божие, к которому я приобщаюсь здесь, на земле. Мы должны готовить себя к иной жизни и к тому, что смерть за Христа есть путь к истинной, настоящей, подлинной жизни. Мы должны пользоваться всем как непользующиеся (ср.: 1 Кор. 7:31) и не должны делать для себя из «благ земных» настоящие блага. Тогда вера станет иметь для нас совсем не то значение, какое мы придавали ей раньше.

Итак, вера есть дар Божий, о котором должно просить; вера зависит от того, как мы смиряемся, и пути, ведущие к вере, лежат через память смертную, через неприлепление к мирским благам и даже к самой жизни в мире сем, через готовность к смерти за веру во Христа.

Следуя по пути стяжания веры, на что же нам все-таки ориентироваться, что ставить во главу в этой борьбе за веру и смирение? Об этом говорит апостол Павел: *Преподаю тебе, сын мой Тимофей, сообразно с бывшими о тебе пророчествами, такое завещание, чтобы ты воинствовал согласно с ними, как добрый воин, имея*

---

[528] *Симеон Новый Богослов, прп.* Деятельные и богословские главы, 4 // Добротолюбие. Т. 5.

[529] *Феодор Эдесский, прп.* Сто душеполезнейших глав, 47 // Добротолюбие. Т. 3.

веру и добрую совесть, которую некоторые отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере (1 Тим. 1:18–19). В другом месте он говорит о диаконах (и это относится, конечно, ко всякому христианину), что они *должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести* (1 Тим. 3:8–9). Таким образом, наша вера зависит от того, насколько чиста наша совесть. Очищение и хранение совести — вот на чем должна быть основана борьба за веру.

Аминь.

О гордости (беседа первая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В последний раз мы говорили о том, что нашу веру возрождает и укрепляет смирение, и теперь следовало бы поговорить о смирении. Но здесь есть величайшая трудность: мы вовсе не имеем смирения в своем опыте, а, как говорит Иоанн Лествичник, «кто думает одним сказанием своим просветить и научить не вкусивших сего самым делом, тот делает нечто подобное человеку, вознамерившемуся словами и примерами дать понятие о сладости меда тем, которые никогда его не вкушали»[530]. «Никакое слово не может изъяснить его качество. Одну надпись имеет сие сокровище, надпись непостижимую, как свыше происходящую; и те, которые стараются истолковать ее словами, принимают на себя труд великого и бесконечного испытания. Надпись эта такова: святое смирение»[531].

Нам трудно, почти невозможно говорить о смирении, поэтому я хочу сегодня говорить о том, что дано нам в опыте — о гордости. «Гордость есть отвержение Бога, бесовское изобретение»[532], — говорит Иоанн Лествичник. «Начало гордости — корень тщеславия; средина — уничижение ближнего, бесстыдное проповедание своих трудов, самохвальство в сердце, ненависть обличения; а конец — отвержение Божией помощи, упование на свое тщание, бесовский нрав»[533].

Таким образом, гордость в итоге приводит к потере веры в Бога. Когда тщеславие в нас разовьется настолько, что мы становимся его рабами, мы вступаем в середину гордости. Такой человек может еще молиться, как и видим мы на примере фарисея,

---

[530] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 25, 1.
[531] Там же. 25, 2.
[532] Там же. 23, 1.
[533] Там же. 23, 2.

в молитве которого есть и уничижение ближнего, и бесстыдное проповедание своих трудов: *Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь* (Лк. 18:11). Такой человек еще молится Богу, не понимая, что он уже на границе неверия и отгнания помощи Божией, а между тем последнее вместе с упованием на свое тщание есть уже конец гордости — «бесовское изобретение».

Если обратимся к авве Дорофею, то у него увидим разграничение степеней гордости на первую и вторую, которые соответствуют середине и концу ее по Иоанну Лествичнику. Авва Дорофей пишет: «Первая гордость есть та, когда кто укоряет брата, когда осуждает и бесчестит его как ничего не значащего, а себя считает выше его; таковой, если не опомнится вскоре и не постарается исправиться, то мало-помалу приходит и во вторую гордость, так что возгордится и против Самого Бога и подвиги и добродетели свои приписывает себе, а не Богу, как будто сам собою совершил их, своим разумом и тщанием, а не помощию Божиею»[534].

Дальше авва Дорофей показывает жалкое состояние одного брата, который последовал первой гордости, и на этом примере описывает переход первой гордости во вторую. «Поистине, братия мои, знаю я одного, пришедшего некогда в сие жалкое состояние. Сначала, если кто из братий говорил ему что-либо, он уничижал каждого и возражал: „Что значит такой-то? Нет никого достойного, кроме Зосимы и подобного ему". Потом начал и сих охуждать и говорить: „Нет никого достойного, кроме Макария". Спустя немного начал говорить: „Что такое Макарий? Нет никого достойного, кроме Василия и Григория". Но скоро начал охуждать и сих, говоря: „Что такое Василий? И что такое Григорий? Нет никого достойного, кроме Петра и Павла". Я говорю ему: „Поистине, брат, ты скоро и их станешь уничижать". И поверьте мне, чрез несколько времени он начал говорить: „Что такое Петр? И что такое Павел? Никто ничего не значит, кроме Святой Троицы". Наконец, возгордился он и против Самого Бога и таким образом лишился ума. Посему-то должны мы, братия мои, подвизаться всеми силами нашими против первой гордости, дабы мало-помалу не впасть и во вторую, т. е. совершенную, гордыню»[535].

Для тех, кто желает бороться с гордостью, надо остановиться на начале гордости — тщеславии. Каково же отношение между гордостью и тщеславием? По Иоанну Лествичнику, «между сими страстями такое же различие, какое между отроком и мужем, между пшеницею и хлебом, ибо тщеславие есть начало, а

---

[534] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 2.
[535] Там же.

гордость конец»[536], а в другом месте называет тщеславие «предтечею гордости»[537].

Что такое тщеславие по своему качеству? По своему виду оно есть «изменение естества», т. е. того, что вложено в нас Богом. «По качеству же оно есть расточение трудов, потеря потов, похититель душевного сокровища, исчадие неверия, предтеча гордости, потопление в пристани, муравей на гумне, который, хотя и мал, однако расхищает всякий труд и плод. Муравей ждет собрания пшеницы, а тщеславие собрания богатства, ибо тот радуется, что будет красть, а сие, что будет расточать»[538].

Всякий, кто трудится для Бога и при этом тщеславится, напрасно трудится, напрасно тратит поты, ибо у него есть похититель этого духовного сокровища, имея которого можно потонуть — потонуть не в открытом море, а уже находясь у пристани. Как говорят святые отцы, «тщеславный человек есть идолопоклонник, хотя и называется верующим. Он думает, что почитает Бога, но на самом деле угождает не Богу, а людям»[539]. «Пост тщеславного остается без награды, и молитва его бесплодна, ибо он и то, и другое делает для похвалы человеческой. Тщеславный подвижник сам себе причиняет двойной вред: первый, что изнуряет тело, а второй, что не получает за это награды»[540].

Нам важно знать, каким образом можем мы определить в себе тщеславие, каков его основной признак. Тщеславие можно узнать в себе «тогда, когда и малое что-либо делаешь для того, чтобы видели тебя люди»[541], или «когда человек, не видя при себе никого, кто бы его хвалил, обнаруживает тщеславные поступки»[542].

Каково же состояние тщеславного? Тщеславие владеет нами, когда мы не противимся ему. Оно сопровождает нас во всякой нашей добродетели. «Всем без различия сияет солнце, а тщеславие радуется о всех добродетелях. Например, тщеславлюсь, когда пощусь; но когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславлюсь, считая себя мудрым. Побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие одежды, но и в худые одеваясь, также тщеславлюсь. Стану говорить, побеждаюсь тщеславием; замолчу, и опять им же победился. Как ни брось сей троерожник, все один рог станет вверх»[543].

---

[536] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 22, 1.
[537] Там же. 22, 2.
[538] Там же. 22, 2.
[539] Там же. 22, 6.
[540] Там же. 22, 7–8.
[541] Там же. 22, 36.
[542] Там же. 29, 10.
[543] Там же. 22, 5.

Нам надо бороться с тщеславием, надо противопоставить ему что-то, от чего оно исчезло бы. Тщеславие крайне опасная для нас страсть. Не будь у нас тщеславия, мы, возможно, многого не стали бы делать, а ради тщеславия побеждаем всякую другую страсть. Так, «тщеславие делает гневливых кроткими перед людьми»[544], и они сдерживаются не потому, что так велел Господь, не потому, что говорят себе: «В брате моем образ Божий, который нельзя уничижать», а потому что боятся: «Обо мне могут плохо подумать».

Вот что рассказывает Иоанн Лествичник: «Однажды я, сидя в келии, впал в такое разленение, что думал почти ее оставить. Но пришли некоторые странники и наговорили мне, как безмолвнику, много похвал; и помысл разленения тотчас оставил меня, будучи прогнан тщеславием... Я удивился, как трезвенный бес тщеславия сопротивляется всем духам»[545]. Этим Иоанн Лествичник указывает, что нет такой страсти, которую не могло бы побороть тщеславие. Мы обычно думаем, что это победа, а на самом деле это поражение, так как здесь слабейшая страсть подчиняется более сильной, а не искореняется вовсе покаянием и страхом Божиим. Тщеславие только на время отгоняет другую страсть, скрывает ее от нас и тем самым не позволяет бороться с нею.

Когда мы говорим о тщеславии, нам необходимо отметить те пути, по которым оно в нас развивается. Один из этих путей — многоглаголание. «Многоглаголание есть седалище, на котором тщеславие любит являться и торжественно себя выставлять»[546]. Впадая в многоглаголание, мы развиваем в себе тщеславие. Кроме того, важно не только то, что много говорю я, но и то, что, если много говорят мне, а в особенности если хвалят меня, это также развивает тщеславие. Упраздняется же тщеславие молчанием: «Молчание Иисусово постыдило Пилата; и безмолвие уст благочестивого мужа упраздняет тщеславие»[547].

Как мы видим, борьбу с гордостью надо начинать с борьбы с тщеславием. В этом нам помогает еще одно очень действенное средство — и его дает Господь — это бесчестие, которое является хорошим лекарством для тщеславного. «Часто Господь исцеляет тщеславных от тщеславия приключающимся бесчестием»[548].

Можно говорить об этапах истребления тщеславия. «Начало к истреблению тщеславия есть хранение уст и любление бесчестия; средина же — отсечение всех помышляемых ухищрений

---

[544] Там же. 22, 25.
[545] Там же. 27, 44.
[546] Там же. 11, 2.
[547] Там же. 11, 6.
[548] Там же. 22, 38.

тщеславия; а конец (если только есть конец в этой бездне) состоит в том, чтобы стараться делать пред людьми то, что нас уничижает, и не чувствовать при оном никакой скорби»[549].

1. Начало есть «хранение уст и любление бесчестия». Это значит, что мне надо постараться заградить свои уста и понять — настолько, насколько могу, — что бесчестие для меня полезно. Я должен сам себя смирять изнутри, говоря: «Я тщеславен, так мне и надо».

2. Тщеславные мысли сопровождают нас во всем и мешают во всяком делании, но мы не можем начать прямо с ними борьбу, Всякая борьба со страстями начинается не с помыслов, а с действий: сначала я должен научиться хранить уста и любить бесчестие и только тогда могу перейти к средней стадии истребления тщеславия — хранению помыслов, отсечению их.

3. Каков же конец этого делания? Он состоит в том, чтобы делать перед людьми то, что нас уничижает, и не чувствовать при этом никакой скорби. Это уже совсем далеко от нашего устроения, это венец достижения. Его мы видим у юродивых. «Если предел, свойство и образ крайней гордости состоит в том, что человек ради славы лицемерно показывает добродетели, каких в нем нет, то глубочайшего смиренномудрия признак, когда человек ради уничижения в некоторых случаях принимает на себя такие вины, каких и нет в нем. Так поступил тот духовный отец (авва Симон. — *О. С.*), который взял в руки хлеб и сыр[550]; так поступил и тот делатель чистоты, который снял с себя одежду и прошел город бесстрастно (преподобный Серапион Синдонит. — *О. С.*)[551]»[552].

Если предел тщеславия есть, когда мы даже наедине любуемся собою (скажем, оратор, который становится в позу, думая о речи, которую он произнесет, или художник, который мечтает о том, какую напишет картину: «вот и вот что сделано», и уже думает, что он что-то сделал, или женщина перед зеркалом, любующаяся собой, хотя ее никто и не видит), то «признак совершенного нетщеславия есть, чтобы и при посещениях других никогда не окрадываться тщеславною мыслью. Если знак погибели, т. е. гордости, есть, когда кто возносится и малыми и незначительными делами, то спасительный признак смирения есть смиренно думать о себе и при великих начинаниях и совершенствах»[553].

Святые отцы приводят и другие виды гордости. Авва Дорофей говорит: «Гордость же бывает мирская и монашеская: мирская

---

[549] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 22, 39.

[550] См.: Древний патерик, 8, 22.

[551] См.: *Палладий Еленопольский, еп.* Лавсаик. О Серапионе.

[552] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 25, 44.

[553] Там же. 29, 10.

гордость есть та, когда кто гордится пред братом своим, что он богаче или красивее его, или что носит лучшую, нежели тот, одежду, или что он благороднее его. Итак, когда мы видим, что тщеславимся сими преимуществами, или тем, что монастырь наш больше или богаче других, или что в нем много братии, то мы должны знать, что находимся еще в мирской гордости. Случается также, что тщеславятся какими-либо природными дарованиями: иной, например, тщеславится тем, что у него хорош голос и что он хорошо поет или что он скромен, усердно работает и добросовестен в служении. Сии преимущества лучше первых, однако и это мирская гордость. Монашеская же гордость есть та, когда кто тщеславится, что он упражняется во бдении, в посте, что он благоговеен, хорошо живет и тщателен. Случается также, что иной и смиряется для славы. Все сие относится к монашеской гордости»[554].

Хотя всякая гордость и должна быть в нас истреблена, мы находимся в таком устроении, что не можем вовсе не испытывать чувства гордости, а если так, то, как говорят святые отцы, лучше гордиться духовными дарованиями, а не чем-либо мирским: «Можно нам вовсе не гордиться; если же кто сего совсем избежать не может, то хоть бы гордился преимуществом монашеских дел, а не чем-либо мирским»[555]. «Кто возносится естественными дарованиями, т. е. остроумием, понятливостью, искусством в чтении и произношении, быстротою разума и другими способностями, без труда нами полученными, тот никогда не получит вышеестественных благ, ибо неверный в малом и во многом неверен и тщеславен»[556]. Где уж нам бороться с духовной гордостью, когда нам и гордиться-то совсем нечем. Тщеславие же мирское надо останавливать и помнить, что тот, кто впал в рабство мирской гордости, не может надеяться на преуспеяние. И вообще, тщеславиться мы не можем ничем, потому что все это не наше, ибо всё — дар Божий и я сам создан Богом. «Стыдно тщеславиться чужими украшениями, и крайнее безумие — гордиться Божиими дарованиями... Какие ты исправлял добродетели без помощи ума, те только и твои, потому что Бог даровал тебе и самый ум. Какие подвиги показал ты без тела, те только и относи к твоему тщанию, ибо и тело не твое, а творение Божие»[557].

Мы путаем все эти состояния, и нам надо начать с искоренения в себе тщеславия, ведь дело может кончиться отвержением помощи Божией, что мир теперь и делает. Все ступени гордости

---

[554] *Дорофей, авва.* Душеполезные поучения к своим ученикам, 2.

[555] Там же.

[556] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 22, 31.

[557] Там же. 23, 16.

связаны между собой. Если усвоить, что гордость уничтожает плоды всякого нашего доброго дела, что она есть «потопление в пристани», что многие тщеславные подвижники только вред себе двойной приносили, а Иоанн Лествичник даже говорит, что «гордый монах не имеет нужды в бесе; он сам сделался для себя бесом и супостатом»[558], если серьезно это воспринять, тогда понятно станет то, что было сказано в начале: «Начало гордости — корень тщеславия; средина — уничижение ближнего, бесстыдное проповедание своих трудов, самохвальство в сердце, ненависть обличения; а конец — отвержение Божией помощи, упование на свое тщание, бесовский нрав»[559]. Нам надо это всегда помнить, ибо мы склонны тщеславиться в каждом нашем поступке, тщеславимся всегда и во всем.

Давайте же бороться с тщеславием, давайте помнить, что с этой борьбы начинается смирение, та добродетель, которая нам вовсе не известна и которую даже Иоанн Лествичник не может определить: «Смиренномудрие есть безымянная благодать души, имя которой тем только известно, кои познали ее собственным опытом»[560]. «Никакое слово не может изъяснить его качество. Одну надпись имеет сие сокровище, надпись непостижимую, как свыше происходящую; и те, которые стараются истолковать ее словами, принимают на себя труд великого и бесконечного испытания. Надпись эта такова: святое смирение»[561].

Аминь.

О гордости (беседа вторая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Мы начали говорить о гордости, но в связи с тем, что наступают дни Великого поста, придется теперь в последний раз побеседовать о ней — о том, как она мешает нам каяться, отводит нас от покаяния. Святые отцы говорят: «Обыкновенно ничто так не производит гордости, как добрая совесть, если мы не будем внимательны. Потому и Христос, зная, что эта страсть приходит к нам после добрых дел, говорил ученикам: *егда сотворите вся... глаголите, яко раби неключими есмы* (Лк. 17:10)»[562], т. е. даже в том случае, если бы вы были преисполнены всякой добродетели, не

---

[558] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 23, 32.

[559] Там же. 23, 3.

[560] Там же. 25, 4.

[561] Там же. 25, 2.

[562] *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на слова пророка Исаии, 3, 1.

гордитесь, а говорите: «Не нам, а имени Твоему принадлежит все, что мы делаем». Грешники не имеют причин гордиться, а у праведников в этом отношении большая опасность. Мы должны особенно бояться гордости не тогда, когда ничего не делаем, а тогда, когда что-нибудь уже сделали.

Чем же мы можем гордиться? Святые отцы говорят, что человеку нечем гордиться: «Какие ты исправлял добродетели без помощи ума, те только и твои, потому что Бог даровал тебе и самый ум. Какие подвиги показал ты без тела, те только и относи к твоему тщанию, ибо и тело не твое, а творение Божие»[563], — говорит Иоанн Лествичник. Поэтому, что бы ни делали мы — все это не наше, но Божие, ибо Бог сотворил нас такими, что мы не должны были бы вовсе делать зла, а мы сами внесли в душу свою грех и тление. Все духовные дарования — Божии. Ты, если имеешь ум, не можешь гордиться чужими драгоценностями, чужой одеждой, чужим сочинением, потому что прекрасно знаешь, что они не твои. Так же и в отношении к Богу. «Ты можешь гордиться только своими грехами», — говорит один святой отец. А гордиться тем, что дал Господь, — крайнее безумие, ибо это, по словам Исаака Сирина, не твоя собственность, но дано Богом, и если ты не будешь ходить по Его заповедям и воле, то отнимет у тебя Господь Свои дары, Свою собственность и отдаст лучшему тебя, и будешь ты походить на человека, у которого отняли перо, только что омоченное в чернилах. Нам надо помнить, что все это не наше достояние, но богатство Господа, а мы только и делаем, что расточаем и растлеваем его.

Господь говорит, что тот, кто имеет в себе гордость, носит беса внутри себя. «Гордый монах не имеет нужды в бесе; он сам сделался для себя бесом и супостатом»[564], — читаем у Иоанна Лествичника. Что бы ни делал такой человек, все напрасно и не приносит никакой пользы. Святой Максим Исповедник говорит, что гордый монах ничем не гнушается — ни молитвой, ни постом, ни бдением, ни спаньем на голой земле, ни другими тяжкими подвигами, но исполняет все до тех пор, пока это угодно сидящему в нем бесу, пока он делает это для себя, ибо тщеславный человек, как мы говорили, — идолопоклонник.

Нам подобает, особенно в дни покаяния, забыть о всех своих добродетелях, ибо все они Божии; тот, кто ими гордится, находится в ужасном положении, ибо имеет в себе беса. Такому человеку может помочь только Бог, и, по словам Лествичника, язва его «от людей неисцельна»[565]. Нам можно только молиться за такого

---

[563] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 23, 16.

[564] Там же. 23, 32.

[565] Там же. 23, 10.

человека, но ни словом, ни делом ему не поможешь: «Кто пленен гордостию, тому нужна помощь Самого Бога, ибо суетно для такого спасение человеческое»[566].

Как же бороться с подобным состоянием? Если мы совершили доброе дело, нам надо помнить, что под видом благодарения к нам часто вкрадывается гордость. Вспомним мытаря и фарисея. Фарисей и в самом деле был не таков, как мытарь, у мытаря не было его дел. Но тщеславием он уничтожил свою награду. Нельзя начинать молитву, а в особенности исповедь с благодарения. Никогда не надо говорить: «Слава Богу, у меня того-то нет и того-то нет, я то-то и то-то хорошее делаю». А ведь так у нас часто бывает. Иоанн Лествичник говорит о гордости: «Услышим все, хотящие избежать рва сего: весьма часто сия страсть получает пищу от благодарения... Видал я людей, устами благодаривших Бога и возносившихся в мыслях своих. О сем ясно свидетельствует фарисей, сказавший: *Боже, хвалу Тебе воздаю* (Лк. 18:11)»[567].

Здесь дело не в том, что не надо благодарить Бога за все, что мы делаем, — правда, все это Его собственность, Его дар. Но дело в том, что мы, говоря: «Благодарю Тебя, что я стал такой хороший», — переносим центр тяжести на себя. И вот те из нас, которые имеют какие-нибудь добрые дела, должны помнить, что исповедь и молитву надо начинать с покаяния и смирения, а потом можно и поблагодарить Господа, и прежде всего за то, что Он дает нам время на покаяние. Следует помнить, что в гордости мы не можем прийти к Богу. От фарисеева благодарения не будет нам ничего спасительного, ничего полезного для покаяния. Гордость нам прежде всего мешает и отвращает нас от покаяния, ибо гордость по существу — это «отвержение Бога» и Его помощи, «бесовское изобретение», и если этого у нас еще нет, то уже есть «уничижение ближнего и бесстыдное проповедание своих трудов»[568].

Нам надо помнить также, что наравне с гордостью покаянию мешает отчаяние. Отчаяние бывает двух родов: в одних случаях оно происходит от множества грехов и от многой печали, в других же — от гордости и превозношения. Если я все время считал себя хорошим, все время надеялся на себя, на свои силы, все думал, что я не таков, как все прочие, и вдруг пал и оказался даже хуже, чем все, у меня, конечно, должно родиться отчаяние. Об этом Иоанн Лествичник говорит: «Есть отчаяние, происходящее от множества грехов и отягчения совести и нестерпимой печали, когда душа по причине множества сих язв погружается и от тяжести их утопает

---

[566] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 23, 37.
[567] Там же. 23, 3.
[568] Там же. 23, 2.

во глубине безнадежия. Но есть отчаяние и другого вида, которое бывает от гордости и возношения, когда падшие думают, что они не заслужили сего падения. Если кто в это вникнет, то найдет, что между теми и другими такое различие: первые предаются нерадению, а вторые при безнадежии держатся и подвига[569]. И то и другое отчаяние не может, конечно, привести нас к покаянию.

Как бороться с отчаянием от гордости? От этого рода отчаяния, по Иоанну Лествичнику, нас исцеляет смирение и неосуждение ближнего. От того же, которое происходит от грехов, спасает мысль о милосердии Господа, сказавшего, что мы должны прощать нашему ближнему семьдесят семь раз (см.: Мф. 18:21–22). «Но от первого исцеляют воздержание и благонадежие, а от последнего — смирение и то, чтобы никого не судить»[570]. Мы должны помнить, что отчаяние есть великий грех, и не забывать совета, данного Господом Петру. Если нам, слабым, Он велел столько прощать, то и Сам Он тем более простит нам, если будем каяться. Иоанн Лествичник говорит: «Не ужасайся, если и каждый день падаешь, и не отступай от пути Божия, но стой мужественно»[571]. И еще: «В печали о грехах влекомые к отчаянию, да не престанем вспоминать, что Господь заповедал Петру прощать согрешающего *седмьдесят крат седмерицею* (Мф. 18:22); а Кто такую заповедь предал другому, Тот и Сам, без сомнения, несравненно более сделает»[572].

Отчаяние, происходящее вследствие гордости, когда человек теряет веру в себя, в свои силы, на которые он раньше только и надеялся, доводит некоторых даже до самоубийства. «Напротив, когда борет нас возношение, тогда потщимся вспоминать изречение святого апостола Иакова: *Иже бо весь закон духовный соблюдет, согрешит же* одною страстию — высокоумием, *бысть всем повинен* (Иак. 2:10)»[573].

Стало быть, перед наступающими днями покаяния нам надо помнить, что главными препятствиями к этому последнему являются гордость и отчаяние. С гордостью надо бороться не только тем, кто мало верит в Бога, но и тем, кто хочет совершать путь спасения и имеет некоторые добрые дела.

А потому будем больше благодарить Бога не за добродетели, но за покаяние, которое Он нам дает, ибо добрые дела принадлежат не нам.

Казалось бы, отчаяние и гордость противоположны друг другу по своей природе, но, странное дело, они могут каким-то образом

---

[569] Там же. 26, 88.
[570] Там же. 26, 88.
[571] Там же. 5, 10.
[572] Там же. 26, 146.
[573] Там же.

совмещаться, чтобы вместе отвращать нас от покаяния. Иоанн Лествичник пишет: «Как брак и смерть противны друг другу, так и гордость и отчаяние между собою несогласны; но по злоухищрению бесов можно обе эти страсти видеть в одном человеке»[574].

Нам надо стараться по мере сил преуспевать в добродетели, но при этом все свои дела приписывать не себе, а Богу, и тогда мало-помалу мы уничтожим преграду, отделяющую нас от истинного покаяния.

Аминь.

О святых апостолах

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Мы с вами в течение нескольких лет изучаем христианскую деятельную жизнь по святым отцам, и сейчас благовременно посмотреть на тех, чью память мы будем творить в дни приближающегося праздника святой Пятидесятницы, на апостолов, и дать себе отчет, каковы были их путь, их опыт. Теперь против святых отцов, против их делания, против того, что называется христианским аскетизмом, восстают не только различные сектантские учителя, но и люди, называющие себя православными. Говорят, что этот путь выдуман святыми отцами, что ничего этого нет ни в Евангелии, ни у апостолов. Чтобы познакомиться с тем, что там есть, надо прежде всего дать, хотя бы в кратких чертах, основоположение христианского подвижнического опыта.

Аскетизм выходит из того основного положения, что Христос и мир — мир как зло, как страсти, как грех, а не тот мир, в котором мы живем, — ни в какой мере не совмещаются друг с другом, и поэтому нам надо отречься от мира, удалиться от него, хотя мы и живем в миру. За отречением, как вы знаете, лежит путь деятельного восхождения. Человек создан по образу и подобию Божию, и этот образ мы в себе растлили через грех. Теперь прежде всего нам надо через Христа восстановить его. Христос пришел в мир восстановить образ падшего праотца. Это восстановление совершается в Таинстве, именуемом крещением, но затем мы, как предрасположенные ко греху, снова искажаем в себе образ Божий, снова его оскверняем. Первая задача христианина, по святым отцам, есть очищение души от страстей; оно, как говорит Феодор Едесский, не есть еще само по себе добродетель: «Чего же после сего (отречения от мира. — *О. С.*) искать следует, есть не очищения только от страстей, ибо это не есть еще само по себе добродетель, а только

[574] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 26, 150.

приготовление к добродетели; но к очищению недобрых навыков должно приложить и стяжание добродетелей»[575]. Стало быть, нужен еще и путь восхождения, путь духовного совершенства и обожения: «А после такого очищения и истребления всего, делающего силы наши нечистыми, и благоустроения их требуется и восхождение к духовным совершенствам и обожение, ибо уклонившемуся от зла надлежит делать благое (см.: Пс. 33:15)»[576].

В христианском делании две ступени: первая — очищение от греха и страстей, вторая — восхождение к духовным совершенствам и обожение. Христос пришел не только затем, чтобы восстановить образ падшего праотца, но дал нам заповедь: *Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5:48). Исполнение этой величайшей заповеди и есть та вторая ступень христианского делания, о которой говорят святые отцы: обожение, уподобление Богу в меру человеческой возможности. Самой высокой ступенью в этом восхождении является любовь, ибо *Бог есть любовь* (1 Ин. 4:18 и 16). Об этом пишет Иоанн Лествичник, но то же самое мы находим и у других подвижников.

Так, блаженный Диадох пишет: «Как живописцы сначала одною какою краскою начертывают образ человека, а потом малопомалу краску за краскою накладая, представляют образ того, кого живописуют, сходный с ним даже до власов, так и святая благодать Божия сначала чрез крещение восстановляет в человеке черты образа Божия, поставляя его в то состояние, в коем он был, когда был создан»[577].

Стало быть, и здесь мы видим, что прежде всего восстанавливается этот рисунок, черты Божия образа, возвращая человека в первозданное состояние, в котором он был, когда был создан, — это и есть очищение от страстей, возвращение к первой доброте, к первому Адаму: «а когда увидит, что мы всем произволением вожделеваем красоты подобия Божия и стоим нагие и небоязненные в ее детелище (мастерской), тогда, добродетель за добродетелию расцвечивая в душе и от славы в славу лик ее возводя, придает ей черты подобия Божия; причем чувство показывает, как отображаются в нас черты богоподобия, совершенство же богоподобия узнаем из просвещения благодатного»[578].

Таким образом, блаженный Диадох сравнивает восстановление образа Божия с рисунком художника, а уподобление Богу, при-

---

[575] Святителю Феодору, епископу Едесскому, приписывается авторство «Слова умозрительного» преподобного Феодора, помещенного в 3-м томе Добротолюбия. Цит.: гл. 2.

[576] *Феодор Эдесский, свт.* Слово умозрительное, 4 // Добротолюбие. Т. 3.

[577] *Диадох, блж.* Подвижническое слово, 89 // Там же.

[578] Там же.

обретение добродетелей христианских — с наложением красок на этот рисунок. «Как когда пишут с кого портрет, самая приятная из красок краска и самонужнейшая из черт черта, будучи приложены к нарисованному лику, делают его даже до улыбки совершенно похожим на того, кого живописуют; так и когда божественная благодать живописует в ком богоподобие, светлая черта любви, будучи приложена, показывает, что черты образа Божия всецело возведены в благолепие богоподобия»[579].

Стало быть, из всех красок самая приятная и из всех черт самая нужная в этом процессе обожения есть любовь, которая, будучи приложена к человеческому лику, делает его, «даже до улыбки совершенно похожим на того, кого живописуют». Любовь — это величайшая и последняя добродетель, конечный результат христианского совершенствования. Если теперь подвести итог тому, что сказано, найдем, что, согласно учению святых отцов, путь христианина имеет следующие ступени: отречение от мира, очищение от страстей, восхождение к совершенству, обожение. Величайшая добродетель, которая стоит на высшей ступени этой лестницы, есть любовь, ибо Бог есть любовь.

Мы должны сначала идти путем отречения от мира, отказа от служения диаволу, путем послушания Богу и затем жизни по заповедям. Мы поставляемся Богом в такие условия, которые с помощью скорбей и испытаний очищают нас, и в этих скорбях и испытаниях должны мы прибегать с молитвой к Богу — с той молитвой, которая сопровождается плачем, ибо «плач есть укоренившаяся скорбь кающейся души»[580]. Покаянный плач — вот что освобождает нас от греха, от страстей, от тления души.

Обратимся теперь к апостольским соборным Посланиям, которые были обращены не к одной какой-либо Церкви, но ко всем Церквам. Мы знаем эти послания — одно апостола Иакова, два Петровых, три Иоанна Богослова и одно апостола Иуды. Цель моего настоящего чтения показать вам, что у апостолов все те элементы духовного делания, которые мы видели у святых отцов, уже намечены.

Мало того, если мы обратимся к апостолу Иакову, то прежде всего найдем у него начало этого пути — отречение от мира, а затем — борьбу с грехом, то, что называем мы очищением души от страстей. Все послание направлено против греха и изображает первую часть того пути, о котором я только что говорил.

Петр пишет уже не только о грехе, но и о добродетели. Он говорит, что мы должны не только очищаться, но и соделаться

---

[579] *Диадох, блж.* Подвижническое слово, 89 // Добротолюбие. Т. 3.
[580] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 7, 60.

поборниками добродетели; пишет он и о том, что у святых отцов именуется «обожением» и восхождением к духовному совершенству: *Покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь* (2 Петр. 1:5–7). И так же, как и святые отцы, он заканчивает любовью, ибо Бог есть любовь, она венчает путь духовного совершенства и дает высшее достижение к обожению.

То, на что еще только намекает Петр, с великой силой раскрывает Иоанн, ибо Иоанн говорит о любви как о венце пути духовного делания. Наши же современники, болтающие о христианской любви, пренебрегают главным условием ее достижения. Таким образом, апостолы показывают нам тот же порядок духовного делания, какой указывал вам я на основании свидетельств святых отцов.

Обратимся к Посланию апостола Иакова — предмету нашего чтения. Говорят, что святые отцы выдумали отречение от мира, а между тем смотрите, что говорит Господь на Тайной вечере: *Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир* (Ин. 15:18–19). Да, Царство Божие не от мира сего, а от Бога, Который есть величайшая любовь и величайшее совершенство. Потому и об апостолах говорится: *и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира* (Ин. 17:14).

С большой силой говорит об этом и апостол Иаков. Знаменательно, что Иаков был первым епископом Иерусалимской Церкви, он управлял всей Иудейской Церковью. Это обстоятельство свидетельствует о раннем происхождении послания, означая, что оно было написано тогда, когда христиане были по преимуществу из иудеев; впоследствии же в Церковь вошли и язычники. Это раннее послание, и наша величайшая радость, что оно говорит об отречении от мира: *Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу* (Иак. 4:4). Он сразу ставит перед своей паствой вопрос: с кем хочешь дружить — с миром или с Богом? А если последнее, то в чем заключается благочестие на первых ступенях христианской жизни? *Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неосквернённым от мира* (Иак. 1:27).

Итак, вовсе не выдумали святые отцы отречение от мира! Сам Господь говорил о том, относясь к миру как к тому, что тяготеет к земле, и первый епископ Иерусалимской Церкви, брат Господень, отречение от мира ставит исходным пунктом христианского

пути. Обычно говорят еще, что апостолы только проповедовали христианское учение, не являясь теми, кто руководил духовным деланием паствы, но и это не соответствует истине.

В том же послании Иаковлевом говорится не только об учении и о слушании слова. Апостол зовет к исполнению, к деятельному восхождению: *Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя* (Иак. 1:22). Иаков первый дает эти аскетические указания. Не слушатель забывчивый, а исполнитель слова блажен будет, по апостолу. Все это находится в полном соответствии с тем, что говорят нам святые отцы. Стоит только вспомнить «лествицу» — путь деятельного восхождения.

Напомню и слова апостола Иакова о том, что вера не спасает: *Покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?* (Иак. 2:18–20). Видите ли, говорит апостол, чем может оправдаться человек? Верой — да, верой, конечно, но только верой не мертвой, ибо и бесы веруют и трепещут, но той верою, которая ведет к делам, а также самими этими делами, вытекающими из живой христианской веры. Итак, нам нужно не только отречься от мира, но идти путем деятельного восхождения, быть не забывчивыми слушателями, но исполнителями Божия закона. Каким же путем идти? Да тем, о котором говорят святые отцы, — путем послушания воле Божией.

Мы знаем, что Господь, *быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2:8), в саду Гефсиманском хотя и просил Отца: *да минует Меня чаша сия*, но отвергался своей воли: да будет *не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26:39). И нам Он заповедал молиться: «да будет воля Твоя».

Новообращенным христианам апостол говорит: *Покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас* (Иак. 4:7). Если мы станем на путь послушания, исполнения воли Божией — благодать крещения вступает в силу. Теперь нам все кажется, что если мы крестились, то и незачем говорить о грехе, это опять отцы выдумали. А апостол Иаков, хотя и пишет новообращенным — тем, кто уже верует во Христа и крестился, — не боится этого и, основываясь на том, что слышал от Самого Господа, начинает свое наставление: *Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам; очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные* (Иак. 4:8).

Святые отцы учат нас, что прохождение христианского пути сопровождается искушениями, испытаниями, которые укрепляют в нас веру и развивают терпение, помогающее нам в борьбе с грехом за очищение души. Многие в наши дни полагают, что слова отцов, монахов не относятся к нам, живущим в миру, а не

в обители, что все это не нужно тем, кто не приносил обета отречения от мира. Но вот как начинает апостол Иаков свое послание: *С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение* (Иак. 1:2–3).

Вы, наверное, помните, что говорит Иоанн Лествичник о трех образах перенесения испытаний: 1) с печалью, 2) без печали, 3) с радостью. Вот оно, учение об испытании, а отсюда и учение о терпении, которое вы знаете у святых отцов, которое восходит и к Евангелию, ибо Господь говорит: *Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21:19). А вот что мы находим у апостола Иакова: *Итак, братия, будьте долготерпеливы до пришествия Господня. Вот, земледелец ждет драгоценного плода от земли и для него терпит долго, пока получит дождь ранний и поздний. Долготерпите и вы, укрепите сердца ваши, потому что пришествие Господне приближается* (Иак. 5:7–8). *Испытание вашей веры,* — говорит он в другом месте, — *производит терпение* (Иак. 1:3). И это из послания Иерусалимского епископа, относительно которого даже отрицательная критика соглашается признать, что написано оно не позже II века. Оно дает нам то же, что и святые отцы.

Святые отцы говорят, что для совершенствования нам нужно не только трудиться и переносить испытания, но и иметь молитву; вот и апостол Иаков пишет: *Злостраждет ли кто из вас, пусть молится. Весел ли кто, пусть поет псалмы* (Иак. 5:13), а псалмы — также молитва, молитва великого Псалмопевца. *Признавайтесь друг перед другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться: много может усиленная молитва праведного* (Иак. 5:16). Итак, молитва есть то основное делание, которое помогает нам и в терпении, и в искушениях, и в злострадании.

Обратимся теперь к учению о страстях. Святые отцы говорят, что грех есть тление и смерть души. Апостол Иаков говорит: *Похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть* (Иак. 1:15). Вот оно и здесь — учение о грехе как о смерти; тот же, кто отвратит от греха ближнего, воскрешает умирающую или умершую душу, и этим многое покрывается.

Наших подвижников часто укоряют за то, что они призывают к плачу. О чем плакать? Да коли есть грехи, так надо и плакать, ибо плач, говорят святые отцы, есть «укоренившаяся скорбь кающейся души»[581].

А у апостола: *Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте; смех ваш да обратится в плач, и радость — в печаль* (Иак. 4:9). Да, если вы

---

[581] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 7, 60.

желаете идти по пути обожения, то очиститесь: *Очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные* (Иак. 4:8).

Заметьте, что Иаков дает почти полный перечень страстей, о борьбе с которыми говорят святые отцы. Чтобы не очень затруднять вас, я перечислю только некоторые.

Прежде всего — гнев. Гнев есть та страсть, борьба с которой очень подробно разработана святыми отцами; и о ней же говорит апостол, первый предстоятель Иерусалимской Церкви.

Затем он говорит о той страсти, которую мы также хорошо знаем по писаниям святых отцов, — о многоглаголании и о борьбе с языком: *Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие* (Иак. 1:26). И далее: *Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело* (Иак. 3:2). Еще сильнее говорит он в другом месте: *Вот, мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их; вот, и корабли, как ни велики они и как ни сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий; так и язык — небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает* (Иак. 3:3–5); а отсюда и ложь: *и язык — огонь, прикраса неправды* (Иак. 3:6).

Точно так же сталкиваемся мы в Послании апостола Иакова с упоминанием и о других страстях, которые вовсе не придуманы спасавшимися *в горах и в вертепах и в пропастех земных* (Евр. 11:38), но которые есть у каждого из нас, ибо не пустынникам, ушедшим от мира, пишет апостол.

Вот и в отношении осуждения так хорошо говорит апостол Иаков: *Не злословьте друг друга, братия: кто злословит брата или судит брата своего, тот злословит закон и судит закон; а если ты судишь закон, то ты не исполнитель закона, но судья* (Иак. 4:11). И святые отцы постоянно предостерегают, напоминая, что осуждающий ближнего ставит себя на место Небесного Судии.

Точно так же и о зависти, той страсти, которая зачастую не дает человеку покоя в этой жизни, Иаков пишет: *Но если в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину; это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская; ибо, где зависть и сварливость, там неустройство и всё худое* (Иак. 3:14–16).

Он отмечает страсти, борьба с которыми ставится в основание делания духовного в первой части христианской жизни. Хочу еще раз напомнить вам о том, зачем я все это говорю. Вы не получили здесь ничего нового, но я хочу сказать, что есть единое христианское делание; оно не выдумано в V или VII веке, но было только ближе раскрыто святыми отцами, учителями и пастырями

сообразно требованиям жизни. Апостол Иаков раскрывает нам тот же путь — путь вражды с миром, противления диаволу и покорности Богу, путь очищения от греха, испытаний и борьбы, путь плача о грехах.

Есть только одно христианство, одно христианское учение, которое идет от Самого Господа. Возьмите хотя бы терпение. Когда Господь испытывал жену-хананеянку, даже ученики приступили к Нему с просьбой помиловать ее, действуя как бы из любви к ней, а на самом деле оттого, что она кричала и надоедала им. И когда Он вновь ответил ей не как Спаситель, а как всякий иудей в те времена: *Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам* (Мф. 15:26), — не показал ли Он этим примером, что и нам необходимо терпение, что и мы должны быть долготерпеливы в прощениях и смиренны, и тогда Он, видя наше смирение, скажет, как сказал ей: *Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему* (Мф. 15:28).

Аминь.

Об иконах (беседа первая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы празднуем память святых отцов Седьмого Вселенского Собора, которые подняли вопрос о том, можно ли изображать лицо Спасителя. В Ветхом Завете было запрещено изображать Бога. Так, перед освящением иконы Христа Спасителя мы читаем: «Господи Боже Вседержителю, Боже отец наших, хотяй люди Твоя, избраннаго Израиля, от прелести идолослужения избавити, и в познании и служении Тебе, Единому Истинному Богу, всегда неотступно имети, еже не творити себе образа и подобия Тебе, Истинному Богу, сопротивнаго, во еже яко Богу кланятися и служити ему, прещением запретил еси»[582]. Но отсюда еще не следует, что и в Новом Завете изображение Бога на иконах также запрещено. «Как искусный врач не всем и не всегда дает одно лекарство, но каждому приличное и полезное, смотря по свойству страны, болезни и времени, иное младенцу, иное взрослому, так и совершеннейший Врач душ тем, которые еще суть младенцы и страждут болезнию идолослужения, которые идолов почитают богами и поклонение Богу отвергают и приличную Ему славу воздают твари, воспретил делать изображения»[583]. Такой закон был дан иудеям.

---

[582] Чин благословения и освящения иконы Христовы, праздников Господских. Молитва 1-я.

[583] Ср.: *Иоанн Дамаскин, прп.* Три защитительных слова против порицающих святые иконы, 3, 4.

Дело в том, что израильскому народу, в силу его склонности к идолослужению, было запрещено изображать Бога. Тем не менее некоторые символические изображения были и в Ветхом Завете, как и говорится дальше в той же молитве: «Паки же подобия и образы, имиже не чуждых ложных богов, но Тебе, Единаго Истиннаго Бога, пресвятое и великолепое имя славится, Моисеом первее в Твоем законном святилищи, над кивотом свидения херувима два злата, два же у углов очищения поставите, на опонах же множество херувимов делом швенным устроити и сооружити повелел еси; и Соломоном в олтаре херувима два, от древа кипариса златом объята поставлена быста; кивот же, в немже скрижали Завета каменни, стамна злата, и Ааронов жезл бяху, яко тии с людьми ту сущии, и славы Твоея величество знаменующий, и память Твоих преславных чудес и благодеяний имеющии (аще и дело рук человеческих бяху) со страхом и трепетом и благолепным поклонением, каждением же и пред теми молением, чтити сия повелел еси, и честь оную, яко Тебе Самому отданную, милостивно приимал еси»[584]. Также и Моисей по повелению Божию сделал медного змия, которому должен был поклоняться всякий желавший избежать гнева Божия. Змий этот прообразовал Распятого.

Кроме склонности иудеев к идолопоклонству причиной запрещения делать изображения Божии было и то, что в Ветхом Завете Бога никто не видел. Когда Моисей был на Синайской горе, он просил Бога: *Покажи мне славу Твою* (Исх. 33:18), — *но получил ответ: Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых* (Исх. 33:20). Так было в Ветхом Завете.

Основным в споре об иконопочитании на Седьмом Вселенском Соборе был вопрос о том, возможно ли изобразить Бога: как Его, Существо бесконечное, «описать» в известных размерах, в известной форме, красках и т. д. Как вообще можно сделать Бога «описуемым». Противники иконопочитания говорили о невозможности такого изображения именно по этим соображениям.

Однако если в Ветхом Завете из-за опасности для иудеев впасть в идолослужение и из-за того, что Бога никто не видел, Его нельзя было изображать, то в Новом Завете Бог в лице Иисуса Христа пришел на землю и, приняв зрак человеческий, зрак раба, стал во всем, кроме греха, подобным нам человеком, сделавшись через то и описуемым, и измеримым. «Мы же (новозаветные люди. — *О. С.*), — пишет Иоанн Дамаскин, — которым дано, избежав суеверного блуждания, познав истину, находиться в чистом общении

---

[584] Чин благословения и освящения иконы Христовы, праздников Господских. Молитва 1-я.

с Богом и служить одному только Богу, изобиловать совершенством Богопознания и, по миновании детского возраста, достигнуть возраста мужа совершенного... получили от Бога способность различать и знаем, что может быть изображаемо и что не может быть выражено посредством изображения»[585]. Дамаскин говорит, что Бога невидимого, конечно, изобразить мы не можем, но когда увидели, что Бестелесный сделался для нас человеком, то уже можем изображать Его в человеческом виде. Бог по неизреченной благости Своей приял плоть, явился в оной на земле, жил между людьми, имея естество, твердость, вид и цвет плоти человеческой; посему мы, изображая Его, не погрешаем. Апостолы видели телесно Христа, видели Его страдания и чудеса, так же и мы желаем видеть и слышать и быть блаженными. Этому стремлению удовлетворяют книги Евангельские и иконы Христа.

Те, кто отрицал изобразимость Христа, с очевидностью шли против того, что Он был Богочеловеком, а не только Богом, что Он воистину, а не мнимо принял человеческую плоть. Феодор Студит пишет: «Если Господь наш Иисус Христос несомненно явился в человеческом образе и в нашем виде, то справедливо Он пишется и изображается на иконе подобно нам, хотя по Божественному образу Он остается неописуемым; потому что Он есть посредник между Богом и людьми, сохраняющий неизменными свойства обоих естеств, из которых состоит. А если бы Он не был описуем, то перестал бы быть человеком, и тем более — посредником, так как с уничтожением описуемости уничтожаются все однородные с нею свойства. Ибо если Он неописуем, то и неосязаем; а если осязаем, то вместе и ощутим, чему противоречить было бы глупо; ибо это свойства тела, подлежащего осязанию и изображению. И как Он будет неописуем, если может страдать? Если же Он описуем и может страдать, то, конечно, нужно и поклоняться Ему в том виде, в каком Он изображается»[586]. «Если же Он (Христос. — *О. С.*) человек, то очевидно, что может изображаться на иконе; первое свойство человека — быть изображаемым; если же Он не изображается, то Он не человек, а бесплотный, и Христос даже не пришел еще, как пустословят иудеи»[587].

Изобразить Бога вполне нельзя ни в Ветхом, ни в Новом Завете, потому что Он безмерен, потому что нельзя изобразить Невидимого, но когда Бестелесный соделывается человеком, Его становится возможно изобразить в этом человеческом облике. Когда

---

[585] *Иоанн Дамаскин, прп.* Три защитительных слова против порицающих святые иконы, 3, 8.

[586] *Феодор Студит, прп.* Письма. К иконоборческому собору.

[587] Там же. К братьям, содержимым в темницах.

Тот, Кто был Богом, не имеющим меры и количества, принял образ раба и вместе с тем количество и меру, стало возможным изображение на иконах и Его неизреченного Воскресения, и Рождества от Девы, и Преображения... Если Христос не Богочеловек, нет и иконопочитания, ибо, как говорит Феодор Студит, как Матери Божией свойственно быть изображаемой, так же свойственно это и Христу как Ее Сыну; если же неизобразим Он, то не является Богочеловеком, а только Богом. Таким образом, вопрос иконопочитания неразрывно связан с вопросом о двойственной природе Христа, и те, кто на VII Вселенском Соборе выступили как защитники святых икон, боролись, собственно говоря, за правильное понимание личности Спасителя как Богочеловека.

Не совершаем ли мы тем не менее идолопоклонства, поклоняясь святым иконам, сделанным из дерева и красок? Не есть ли это поклонение твари вместо поклонения Творцу? Не есть ли это творение кумиров?

Задаваясь этими вопросами, Феодор Студит отвечает, что икона (слово греческого происхождения, означающее «образ»), как всякое искусственное изображение, является подобием того предмета, изображением которого она служит, т. е. образ показывает очертание первообраза. Показывая ребенку карточку отца и спрашивая его о том, кто на ней изображен, мы нисколько не удивляемся его прямому ответу: «Папа». Мы знаем, что это не есть собственно его папа, но вместе с тем все-таки именно «папа». В чем же здесь дело? Да в том, что всякое искусственное изображение является подобием первообраза и в этом образе показывается очертание того, с кого снята карточка. Когда мы, показывая на фотографию, говорим «вот мой отец», никто не считает это ненормальным, ибо в карточке действительно заключается очертание того, с кого она снята. Подобно тому, поклоняясь иконе-образу, мы вместе с тем поклоняемся первообразу, «почесть бо образа на первообразное преходит»[588], как говорится в молитве на освящение иконы Святой Троицы. Как ребенок хотя и говорит «это папа», указывая на карточку, но все-таки знает, что это не сам отец его, а только изображение, так и мы отличаем образ от первообраза и поклоняемся не веществу, а изображенному на нем.

Определение Седьмого Вселенского Собора гласит: «Определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались [для поклонения] точно так же, как изображение честного Животворящего Креста, будут ли они написаны красками или сделаны из мозаики или какого-либо другого вещества и будут ли находиться в святых

---

[588] Чин благословения и освящения иконы Пречистыя Живоначальныя Троицы. Молитва 1-я.

Церквах Божиих на освященных сосудах и одеждах, на стенах и на дощечках или в домах и при дорогах, а равно будут ли это иконы Господа Иисуса Христа, или Владычицы Нашей Богородицы, или честных ангелов и всех святых и праведных мужей. Чем чаще при помощи икон делаются они предметами нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самих первообразах, приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобзание, почитание и поклонение, но никак не то истинное служение, которое по вере нашей приличествует только Божественному естеству»[589].

Стало быть, перед нами икона Спасителя, возводящая к Первообразу, и мы, воздавая ей не истинное служение (потому что служить нельзя никому, кроме Бога), но «почитательное поклонение», как говорят святые отцы, относим его к Богу. Вещество иконы мыслится отдельно от лица, изображенного на иконе. Феодор Студит говорит, что это похоже на отражение подобия в зеркале, когда подобие остается вне того предмета, который оно отражает[590]. Если я стою перед зеркалом, то в нем получится мое изображение. Это не есть мое настоящее лицо, а только подобие, и если бы кто захотел поцеловать в зеркале мое изображение, то очевидно, что не стекло, не вещество, к которому он прильнет устами, а отображенного в нем меня самого. Как изображения царя мы встречаем на разных вещах и не принимаем их за царя, так и подобие Христа не принимается за Него Самого и не смешивается с веществом, на котором оно начертано. Вещество икон, которые изображают подобие Божие, может быть различно и многообразно, но Первообраз один, и этому Первообразу мы и приносим наше истинное служение, воздавая образу почитательное поклонение.

В Требнике есть молитва на освящение икон святых: «Господи Боже наш, человека по образу и по подобию Своему создавый, преслушанием же первозданнаго растленну бывшу, вочеловечением Христа Твоего, Иже зрак раба приим, образом обретеся яко человек, сей обновив, в первое достояние в святых Твоих привел еси, ихже мы изображения благочестно чтуще, святых, иже Твой образ и подобие суть, чтем; оных же чтуще Тебе яко первообразнаго, чтим и славим»[591]. Из этой молитвы мы видим, что, не только кланяясь иконе Самого Спасителя, мы воздаем честь Ему, но подобно этому, почитая святых Его угодников и их иконы, мы в их

---

[589] Деяния Вселенских Соборов. Догмат VII Вселенского Собора об иконопочитании.

[590] Ср.: *Феодор Студит, прп.* Письма. К своему духовному отцу.

[591] Чин благословения иконы святаго, единаго или многих. Молитва 2-я.

лице воздаем почесть Тому же Первообразу — Богу, по образу Которого они были созданы, которому и уподобились.

Иконопочитание является для нас не чем-либо второстепенным, но той основой, на которой мы должны строить наше христианское делание. Оно говорит нам, что Христос не только Бог, но и Человек, что Он пришел восстановить образ падшего праотца, что образ этот в себе очищали на земле святые и что то же можем и должны делать и мы. Иконопочитание открывает нам путь к обожению.

Аминь.

Об иконах (беседа вторая)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Что же изображаем мы на иконе — тело или что-то иное? Каково соотношение между иконой, картиной и фотографией? Мы в православии говорим только об иконописных изображениях; если же и встречаются теперь у нас изображения не иконописные, а так называемые живописные, то это есть отражение падения как православия в нас, так и церковного художества.

Что такое икона? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде спросить себя: а что такое человек? По учению Церкви, человек есть существо, состоящее из души и тела. Когда-то обе эти части человеческого существа были преисполнены божественной красоты, ибо человек создан по образу Божию, но вследствие грехопадения и то, и другое в нас находится ныне в состоянии тления. Вместе с нами, через наш грех, лежит во зле и весь мир (ср.: 1 Ин. 5:19).

Какую же цель ставит себе фотограф, художник и иконописец и есть ли эта цель одна и та же у всех троих?

Если мы хотим изобразить человека в том состоянии, в каком он находится в данный момент, то можем сделать это через фотографию. Заметьте, что фотография очень точно схватывает внешность человека, но часто бывает не похожа на него, так что мы еле узнаем, чье это изображение. Фотография дает нам «личину» человека, а личина меняется в зависимости от настроения, состояния здоровья и т. д. Это есть не внутренний человек, не душа, но случайное состояние его внешней оболочки.

Художник старается передать в портрете и вашу душу, делая это более или менее успешно в зависимости от своего таланта. Если фотография давала нам личину, то портрет дает большее — он показывает лицо человека, но не всегда способен отразить человека внутреннего.

Когда же вы стоите в церкви и видите, как священник кадит сначала иконам, а потом вам, то должны знать, что он кадит не личине и не лицу, но лику, образу Божию в вас, который, хотя и покрыт язвами прегрешений, заключает в себе всю нашу духовность, всю нашу духовную сущность.

Иконописец изображает не личину, не лицо, а именно лик того, кого он пишет. Икона призвана изобразить не тот мир, в котором мы живем, не тот мир, который лежит во зле, — она пытается дать изображение мира горнего, пользуясь для этого миром дольним, ибо это необходимо для его представления, ведь дольнее связано с горним, является его отражением. Иконописец старается показать нам природу и человека очищенными от греха — такими, как были они до грехопадения. Отсюда понятно отношение иконописца к природе. Если фотография дает личину природы, художник — ее лицо, воспринятое его грешными глазами, то иконописец пытается изобразить ее такой, какой она должна быть по существу. Вам, быть может, случалось приглядеться к пейзажу на старинной иконе. Это не будет изображение облаков, гор, растений такими, как мы их видим в природе, да и оттенки красок будут не такие, как в природе.

Иконописец старается изобразить мир горний — тот мир, которого мы не видим нашими обычными греховными глазами. Поэтому все те нападки, которые раздаются по адресу иконописцев, что они не владеют перспективой, безграмотны в рисунке, неосновательны. Мы знаем величайших иконописцев, которые были одновременно и образованными людьми своего времени (к примеру, Андрей Рублев); они прекрасно знали и наблюдаемое в природе соотношение красок и законы перспективы, но в иконописи не только не применяли их, но прямо нарушали, потому что ставили себе иную задачу. Тело им было нужно постольку, поскольку через него они могли изобразить первозданный образ Божий. Весь человек сотворен по образу Божию, тело его подчинено духу, и иконописец, желая изобразить лик, должен отойти от привычной точки зрения, которая мешает ему изобразить это истинное соотношение.

Ангелы не имеют тела, а художники Возрождения, изображая их, бестелесных, придают им женскую фигуру, подчеркивая при этом пол. Не так на православной иконе. Когда мы видим православную икону Божией Матери, мы воспринимаем в ней прежде всего не женщину, не тело, но лик. Это, конечно, женщина, да, это Пресвятая Дева, но здесь не подчеркнуто то, что является типичным для тела. Художник, преследуя в картине ту или иную цель, стремится изобразить на ней как можно более «жизни», т. е. человеческих страстей. Икона же, наоборот, совершенно чужда этой

страстности. Возьмем, к примеру, икону Усекновения главы Иоанна Предтечи. Художник изобразил бы здесь страдание, пролитие крови и т. д., но все это относится к внешнему миру. И смотрите, что делает иконописец. Здесь нет страстей, изображение наивно с мирской точки зрения. Воин еще не опустил меч на склоненную голову Предтечи, а она уже лежит на земле и дальше ее уносят на блюде. Так же и в отношении архитектуры — здания и храмы на иконах совершенно не походят на настоящие, так же — и в отношении красок. Художник старается передать не только краски, но и их тональность, оттенки, переходы в складках и т. п. Иконописцы этого не делают. Их задача выявить не соотношение красок в этом мире, они хотят изобразить иную природу.

В такой замечательной иконе, как икона Параскевы Пятницы, только один тон — красный, но это вовсе не делает ее похожей на раскрашенную бонбоньерку.

Это величайшее искусство и в то же время отсутствие того, что принято называть искусством. Различие происходит от различия задач. То же в отношении перспективы. У нас есть такие иконы, как икона Входа Господня во Иерусалим, где мы видим полное нарушение законов перспективы: так, подстилающие ризы и ветви, изображенные на переднем плане, по отношению к Спасителю являются очень маленькими. Это нарушение перспективы вызывается опять же требованием изобразить соотношение вещей в горнем мире. Иногда мы видим на иконах изображения животных и птиц, но это тварь иная, никогда не виданная нами в природе, ибо иконописец желает изобразить горний мир, пользуясь понятиями дольнего.

Если иконописец изображает горний мир, образ Божий и лик, он должен прежде всего почувствовать его в своей душе, он сам должен первый помолиться пред той иконой, которую написал. Поэтому в древности иконописец приготовлял себя к писанию иконы покаянием и постом, подходил к этому делу как к подвигу. Икона была его молитвою. У нас теперь не так. Любому умеющему держать кисть в руках говорят: «Распишите нам собор». Когда расписывали храм Христа Спасителя, никому не приходило в голову спросить: да веруют ли в Бога эти художники, ходят ли они в церковь? Потому-то есть там искусство, но нет молитвы.

Расцвет иконописи совпал у нас с расцветом монашества. Первым иконописцем на Руси, по преданию, был преподобный Алипий Печерский, но из его икон ничего до нас не дошло. Впрочем, восстановить авторство древних икон вообще трудно, потому что иконы раньше никогда не подписывались — это считалось грехом. Эпоха преподобного Сергия была расцветом не только монашества, но и духовной жизни вообще, и эта же эпоха особенно замечательна в смысле развития иконописи. Сама Троице-Сергиева

лавра воспитала много выдающихся иконописцев. Наиболее известный из них — Андрей Рублев — был учеником преподобного Никона. Он расписывал Троицкий собор в Сергиевой лавре вместе со своим сопостником Даниилом Черным вскоре после смерти преподобного Сергия. Будучи людьми одаренными и в то же время детьми духовной семьи преподобного Сергия, чувствовавшими в себе, в своей душе образ Божий, они передали его в красках.

Замечательна в этом отношении рублевская «Троица». Андрей Рублев жил в то время, когда на Западе был Фра Беато Анджелико — тоже подвижник и иконописец, как и преподобный Андрей Рублев.

О последнем летопись говорит, что он написал много икон и что все они чудотворные. Фра Беато также подготавливал себя молитвою к писанию икон — это был большой художник и одаренный человек, но был он все-таки «чистейший из нечистых», как выразился Кожевников[592]. Его большая ошибка заключалась в уклоне к живописности. Он стал изображать уже не лик, но лицо, тело; в его иконах-картинах слишком много движения фигур, слишком много подробностей, разнообразно сочетание красок. Правда, он не пошел до конца по этому пути, сдерживаемый своей молитвенностью, своей внутренней религиозностью. Зато его ученики и последователи, не имея такой молитвы, такой веры, окончательно ушли от иконописания в живопись. Но если все же сравнить его изображение Снятия со Креста и нашу икону XV века, изображающую то же событие, — какая разница! В последней — все покой, нет времени, нет движения, ибо движение в горнем мире иное, а в дольнем оно — страсть и страдание. А если взять «Коронование Девы Марии» Фра Беато Анджелико — это уж и вовсе мир дольний: тут и пляшут и хоровод водят. Однако у него было еще сдерживающее начало, все-таки он был «чистейшим», а вот дальше пошло еще хуже. «Пьета» изображает раздирающие душу страдания. На иконе же ставится задача отразить не этот мир, а горний, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание».

Икону у нас еще очень мало знают и ценят. Только лет пятнадцать-двадцать как она стала открытой для всех. Перед войной была даже выставка икон. Эти иконы замечательны по рисунку и краскам, а в религиозном отношении есть нечто неоценимое. Теперь открыли способ снимать с икон потемневшую олифу, и благодаря этому оказалось, что многие иконы, которые собирались выбросить, потому что уж и разобрать-то на них ничего нельзя было, не имеют цены.

---

[592] По-видимому, В. А. Кожевников (1852–1917) — русский философ и историк культуры.

Один из наших больших художников — Виктор Васнецов[593] замечательно остроумно провел грань между новой и старой иконой. У него было довольно большое собрание старинных икон, которое он очень ценил. Однажды он показывал гостям свои работы, а затем перешел к старинным иконам. Одна дама слушала его, слушала, но наконец ей наскучили эти иконы, в которых она ничего не понимала, и она выразила Васнецову свое недоумение, как может он после того, что написал сам, интересоваться какими-то потемневшими иконами. «А вы читаете газеты?» — спросил ее Васнецов. — «Да». — «Так вот, знайте, — показал он на старинные иконы, — это передовая статья, а мои — только фельетон. Перед этими иконами я свечку поставлю, а перед своими — еще подумаю». Это свидетельство Васнецова для нас важно, ибо он верующий человек и большой художник. Наше непонимание старинной иконы свидетельствует о падении в нас мира горнего.

Если иконописец берет природу новую и преображенную, берет ее такою, какой она вышла из рук Творца, то художник берет естественное и неестественное вместе, как оно есть в нашей душе. Можно идти и дальше, можно брать только злое, только искажение — это будет карикатура, изображающая то, чего нет даже в природе. Но это — грех. «Ты изобрази вора, падшую женщину, но человека, человека не забудь», — говорит Обломов[594].

Аминь.

О мощах святых угодников

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Мы многого не знаем из того, что составляет сущность церковной жизни, и, быть может, одним из самых тяжелых и соблазнительных переживаний последних лет для нас, верующих православных людей, стало событие, именуемое «вскрытием мощей».

Для тех из нас, кто мало разбирается в истинной церковной жизни, кто полагается не на опыт святых отцов, а на иные книги или слышанные слова, потрясающими были события последнего времени. Поэтому я хочу раскрыть для вас этот вопрос на основании истинного святоотеческого учения Церкви, и если для многих неожиданностью были результаты вскрытия мощей, то, возможно, не меньшей неожиданностью станет для них услышать то, что я

[593] Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926) — художник и архитектор, мастер живописи на исторические и фольклорные сюжеты.

[594] Из одноименного романа И. А. Гончарова.

буду говорить. Многие считают, что мощи должны быть «нетленными», т. е. сохранять вид тела; если же этого на деле не оказывается, то говорят об обмане. По крайней мере, это усиленно стараются нам навязать.

Слово «мощи» употребляется прежде всего в том же значении, что и латинское reliquiae или греческое λήψανον («липсанон») — реликвия, или просто «останки». Наше слово «мощи» происходит от корня «мощ» («мощь»), т. е. для человека это и есть кости, скелет, та внутренняя опора, на которой держится все тело. Если взять Требник, книгу, сопровождающую христианина всю жизнь от рождения до смерти, и раскрыть ее на «Последовании мертвенном мирских тел», сразу встретишь там употребление слова «мощи» в смысле «останки»: «Скончавшуся кому от православных, абие призывают сродницы его священника, иже пришед в дом, в немже мощи усопшаго лежат, и возложив епитрахиль, и вложив фимиам в кадильницу, кадит тело мертваго, и предстоящих, и начинает обычно: „Благословен Бог наш…"» В конце отпевания, когда уносят покойника при пении «Святый Боже»: «вземше мощи, отходим ко гробу…» И дальше: «и полагаются мощи во гроб; архиерей же, или священник, взем персть лопатою, крестовидно мещет верху мощей, глаголя: „Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней". И посем наливает верху [мощей] елей от кандила».

Когда в первые века христианства мощи святых мучеников почитались так же, как и теперь, они вовсе не считались «нетленным телом», т. е. целым в нашем обычном смысле. Это особенно понятно и потому, что многие из них предавались зверям и даже сжигались — как же могло остаться от них целое тело? Тем не менее указания на почитание святых мощей мы находим уже у Евсевия Памфила[595], который говорит об останках святых мучеников, что они, эти останки, которые представляли собой прах и пепел, «дороже драгоценных камней и благороднее золота»[596].

Из этих слов ясно, что останки святых мучеников вовсе не считались нетленными в прямом смысле. Также и святитель Иоанн Златоуст, говоря о блаженном Вавиле[597]: «Прошло много времени после его погребения, так что в гробе остались только кости»[598], очевидно, не считал, что тело святого должно быть непременно целым. Подобное же указание мы находим в его слове

---

[595] Евсевий Кесарийский (Памфил) (ок. 263–340) — римский историк, отец церковной истории. Жил в Кесарии.

[596] *Евсевий Памфил.* Церковная история, IV, 15, 43.

[597] Вавила Антиохийский (238–251) — епископ Антиохии (237–253), священномученик, пострадавший в гонения императора Деция.

[598] *Иоанн Златоуст, свт.* Слово о священномученике Вавиле, 1, 1.

о Маккавеях[599]: «Не говори мне о прахе, не представляй пепла и истлевших от времени костей их, но открой очи веры и посмотри на присущую им силу Божию, на облекшую их благодать Духа, на окружающую их славу небесного света»[600]. И святой Амвросий Медиоланский[601] говорит о том, что дивно видеть, как тленное тело святых сотворяет чудеса. Можно было бы из многих святых отцов привести свидетельства, показывающие, что в Греческой Церкви никогда мощи не понимались как «нетленное тело». Если же возьмем афонскую практику, увидим прямо-таки удивительную картину. Там распространено мнение, что относительно каждого человека должны быть буквально истинны слова *яко земля еси, и в землю отыдеши*[602]. Похоронив умершего инока, афонцы через некоторое время вырывают его из земли, чтобы посмотреть, истлел ли он. Если тело оказывается неповрежденным, считают, что человек этот был очень грешен и что «земля его не принимает»; о нем начинают усиленно молиться, чтобы простил его Господь и чтобы земля его приняла. Таким образом, не может быть никакой речи о нетлении умершего тела. Да ведь если взять мощи греческих святых, например Иоанна Златоуста, это же просто части скелета.

Так было в Греческой Церкви. Но, быть может, на нашей русской почве учили по-другому? Вспомним опять значение русского слова «мощи», происходящего от корня «мощ» («мощный», «сильный»). Значение этого слова в дальнейшем станет для нас яснее.

Вот что на основании изучения древних русских летописей говорит Е. Голубинский[603]: «Правильное представление должно быть таково, что мощи святых иногда суть более или менее целые тела, иногда же одни кости. Самое название останков святых мощами означает, что предки наши разумели под ними по преимуществу кости, ибо слово „мощи" значит именно кости. В 1472 году в Москве по случаю перестройки Успенского собора открывали гробы митрополитов для досмотра их тел, и о результате досмотра

---

[599] Маккавеи — общее имя представителей Хасмонейской династии, вождей и правителей Иудеи с 167 по 37 гг. до н. э. Имя Маккавей первоначально было прозвищем Иуды, одного из сыновей Маттафии, возглавившего восстание против ига Селевкидов в 166–160 гг. до н. э. Позднее им стали обозначать всех членов его семьи и их сторонников. Маккавеи в христианской традиции стали символом несгибаемости и стремления соблюсти максимальную строгость в соблюдении заповедей.

[600] *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы о святых Маккавеях, 1, 1.

[601] Амвросий Медиоланский (ок. 340–397) — епископ Милана (Медиолана), проповедник и гимнограф, христианский святой.

[602] Эти слова из Ветхого Завета (см.: Быт. 3:19) (в синодальном переводе: *ибо прах ты и в прах возвратишься*) включены в икос заупокойного канона.

[603] Голубинский Евгений Евсигнеевич (1834–1912) — историк Русской Церкви и церковной архитектуры. Академик Императорской академии наук. Автор ряда фундаментальных исследований по истории Русской Церкви.

пишется в одной летописи: „Иону[604] цела суща обретоша, Фотея[605] же цела суща не всего, едины ноги толико в теле, а Киприана[606] всего истлевша, едины мощи"; совершенно ясно, что „едины мощи" значит: одни кости. В 1667 году открыты были мощи преподобного Нила Столобенского[607], и о них доносимо было митрополиту Новгородскому Питириму[608]: „Гроб и тело его [Нила] святое земли предадеся, а мощи святые его целы все"; ясно, что слова „а мощи целы все" значат: а кости целы все»[609].

В этом же труде Голубинского мы видим дальше, что и такой консерватор, как преподобный Иосиф Волоцкий[610], в своем «Просветителе» пишет о мощах: «...„Сия кости персть видятся и земля, но обаче бесом суть страшни, и слепых просвещают, у прокаженных и расслабленных и всякия болезни уврачуют... аще узрим коего от святых или кость от тела его или персть от гроба его; то всечестно и свято имамы и с страхом покланяемся и целуим любезно". Митрополит Даниил[611] (тоже консерватор — упоминаю об этом, потому что именно у него-то и можно было бы ожидать найти совершенно другое учение относительно мощей, поскольку тогда уже бытовало представление, что мощи есть целое, нетленное тело. — *О. С.*) в одном своем слове пишет о мощах: „Воистинну чудо преславно, яко кости наги источают исцеления"... Захария Копыстенский[612] в своей Палинодии, поясняя слово или название

---

[604] Иона (1390-е — 1461) — митрополит Киевский и всея Руси (1448–1461); святитель.

[605] Фотий (XIV век — 1431) — митрополит Киевский и всея Руси (в Москве) (1408–1431); святитель.

[606] Киприан (Цамблак; ок. 1330 — 1406) — митрополит Киевский, Литовский и всея Руси (1375–1406), святитель. Объединил в 1380–1382 и 1390–1415 гг. православные епархии территорий Великого княжества Литовского, Королевства Польского, Московского, Тверского княжеств и Новгородской республики, единственный из митрополитов Владимиро-Московской Руси XIV в., не подчинившийся власти Золотой Орды; писатель, редактор, переводчик и книгописец.

[607] Нил Столобенский (кон. XV в. — 1554), преподобный. Основатель Нило-Столобенской (Ниловой) пустыни на островах на озере Селигер под Осташковом.

[608] Питирим († 1673) — с 1664 митрополит «Нова Града и Великих Лук»; патриарх Московский и всея Руси (июль 1672 — апрель 1673).

[609] *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 298.

[610] Иосиф Волоцкий (Санин Иван (Иоанн); 1440 (1439(?)) — 1515). преподобный. Церковный писатель, широко известен его труд «Просветитель».

[611] Даниил (ок. 1492–1547) — митрополит Московский и всея Руси (1522–1539). Ученик Иосифа Волоцкого, после смерти которого стал главой иосифлян. Составил свод русских летописей, был автором ряда богословских и назидательных сочинений.

[612] Захария Копыстенский (псевдоним Азария; † 1627) — червонорусский шляхтич из Перемышля, писатель, культурный и церковный деятель,

„мощи", пишет: „Мощи, то есть кости и тела святых... мощи, то есть части костей и тел святых"»[613].

Конечно, все это не говорит о том, что целых мощей нет. Тела многих наших святых угодников сохранились или полностью целыми, или отчасти. Один из таких примеров, засвидетельствованный советской властью, — мощи ярославских чудотворцев. При вскрытии был составлен акт о том, что святые ярославские князья Феодор, Давид и Константин[614], как говорит следствие, «имеют сохранившееся тело, кости, хрящи и кожу в высохшем виде». И это не один, конечно, случай.

Здесь у нас в музее лежит тело святителя Иоасафа Белгородского[615]. В Чернигове покоятся мощи святителя Феодосия[616], у которого истлела только часть пятки на одной из ног. Мощи Тобольского митрополита Павла[617], сохраняющиеся в Киево-Печерской лавре, также целы, правда, они не считаются мощами святого угодника.

Если все это сопоставить, становится ясно, что, с одной стороны, Церковь в лице ее учителей, представляющих церковную совесть, т. е. в лице святых, митрополитов и т. п., никогда не учила о мощах как о нетленных телах (в том смысле, как мы это понимаем) и, с другой стороны, что всегда были такие тенденции. Прославление мощей угодника совершается независимо от того, истлело его тело или нет. Святой прославляется за свою жизнь и за ту небесную помощь, которую он оказывает людям как во время жизни

архимандрит Киево-Печерской лавры с 1624 г. Его «Палинодия, или книга обороны» (1621–1622) была направлена против католицизма и Унии и выражала идею объединения Восточной Европы под эгидой Православия.

[613] *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 299.

[614] Имеются в виду святой благоверный князь Феодор, Смоленский и Ярославский († 1299), и чада его святые благоверные князья Давид († 1321) и Константин († ранее 1321).

[615] Иоасаф Белгородский (Горленко Иоаким Андреевич; 1705–1754), святитель. С 1748 г. — правящий епископ Белгородский и Обоянский. 1 декабря 1920 г. во исполнение постановления Народного комиссариата юстиции от 23 августа 1920 г. «О ликвидации мощей», состоялось вскрытие мощей святителя под руководством специально назначенной комиссии. Комиссия составила официальный акт, подписанный ее членами и опубликованный в «Курской правде» за 10 декабря 1920 г. Мощи были отправлены в Москву, в Музей Наркомздрава на Петровке, затем в антирелигиозный музей. В 1930-х гг. их перевезли в Ленинград и поместили в экспозицию Музея истории религии и атеизма в бывшем Казанском соборе.

[616] Феодосий Черниговский (Полоницкий-Углицкий; 1630-е — 1696) — святитель, архиепископ Черниговский.

[617] Павел (Петр Конюскевич (Канючкевич, Конюшкевич); 1705–1770) — митрополит Тобольский и Сибирский, святитель. С 1768 г. жил на покое в Киево-Печерской лавре.

своей, так и после смерти. Мощи же — это останки святого человека: и сохранившиеся тела, и кости, и даже прах и пепел. Так всегда учила Церковь.

Иные установки при прославлении святого, связанные с нетлением мощей, т. е. с сохранностью его останков, появились и получили широкое распространение в самое последнее время. Всем нам памятно открытие мощей преподобного Серафима Саровского. Для многих оказалось соблазнительным, что открыты были только кости.

В Петрограде распространились слухи, что старец Серафим был вовсе не святой и что мощи открыты лишь по желанию Синода и Государя[618]; рассказывали, что подлинные акты вскрытия мощей скрываются от народа. Эти слухи волновали общество, и покойный Петроградский митрополит Антоний[619] принужден был выпустить послание, в котором говорил, что прославление мощей святых угодников совершается вовсе не потому, что сии имеют нетленные тела, но за их жизнь. Это свидетельство XX века важно, потому что оно, во-первых, было произнесено на весь мир и, кроме того, оно подтверждало о величайшем святом то, о чем рассказывали наши деды, еще живые в памяти, — нет сомнения в святости угодника Божия Серафима, в его подвигах, в его молитве, в его помощи страждущим.

Понятие «нетленныя мощи» существовало тем не менее уже в старину. Это кажется непонятным при его сопоставлении с только что приведенными свидетельствами. Очевидно, понятие «нетления» употреблялось в каком-то ином смысле. «В 1677 году суздальский воевода досматривал в церкви села Кидекши, находящегося в четырех верстах от Суздаля и составлявшего усадьбу великого князя Юрия Владимировича Долгорукова[620], гробницу похороненного в ней в 1159 году сына Юриева Бориса и о своем досмотре писал архиепископу Суздальскому, находившемуся в Москве, что „в гробнице лежат мощи, кости целы"...»[621] Здесь нам важно снова вспомнить, что русское слово «мощи» имеет корень «мощ», т. е. «сила», «крепость» человека — то, что связано со степенью развития его скелета, костей.

---

[618] События, относящиеся к январю 1903 г. Саровские торжества состоялись летом того же года.

[619] Антоний (Вадковский Александр Васильевич; 1846–1912) — с 25 декабря 1898 г. вплоть до кончины — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский; с 9 июня 1900 г. первенствующий член Святейшего Синода.

[620] Точнее: Юрий (Георгий) Владимирович, по прозвищу Долгорукий (1090-е — 1157) — князь Ростово-Суздальский и великий князь Киевский, шестой сын Владимира Всеволодовича Мономаха. Традиционно считается основателем Москвы.

[621] *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 298.

Когда Господь создал человека, Он взял из земли персть и вдунул в нее дыхание жизни. Человека называют венцом творения, он «сотаинник Божественных тайн», как говорит Григорий Богослов. Даже ангелы имеют служебное значение, а человек был создан, чтобы любоваться Божиим творением. Сначала был создан мир невидимый — твердь небесная, затем мир видимый, и тогда Господь сотворил человека, в котором соединил оба мира. Человек предназначен для того, чтобы быть «во плоти ангелом», как поется в тропаре пророку Илии, и Церковь, воспевая святых угодников, говорит о них: «Иже на земли ангели, и на небеси человецы Божии»[622]. Человек должен возвысить свое тело до души. Задачей человека является обожение, и не только души, но и тела. Душа для того сопряжена с телом, чтобы она, как говорит святитель Григорий Богослов, «могла и худшее (то есть тело. — *О. С.*), постепенно отрешая от дебелости, привлекать к себе и возводить горé, чтобы она, став руководительницею для служебного вещества и обратив его в сослужебное Богу, была для тела тем же, чем Бог для души»[623]. У нас, людей, душа не может быть отделена от тела (она отделяется только Божиим повелением, когда мы умираем, и то — на время), и если душа человека свята, то и тело его свято.

Вообще может быть два взгляда на тело. Первый ярко выражен в завещании Л. Н. Толстого, назвавшего тело противной и ненужной вещью, которую надо поскорее убрать, чтобы она не мешала другим жить: «И я действительно отрекся от Церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей и мертвое мое тело убрали бы поскорей, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым»[624].

По второму же взгляду, тело считается необходимым для нашего спасения — это взгляд Православной Церкви. И святитель Григорий Богослов говорит, что душа вступит в горний мир вместе с плотью, соделавшись с нею единым духом, умом и богом, богом — в смысле обожения.

Христос пришел не только для того, чтобы вернуть нас к первому Адаму, но навсегда устранил в нашей душе возможность иметь к Богу гордость и зависть. «Хотите быть богами?» — пожалуйста: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5:48); *будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6:36). Путь

---

[622] Служба общая преподобным. Утреня. Стихира по 50-м псалме.

[623] *Григорий Богослов, свт.* Слова, 3.

[624] См. прим. 370 на с. 195.

к обожению открыт, только идите по нему, а там — сколько пройдете, столько и пройдете, дело за вами.

Что же такое плоть и что такое тело? В христианстве есть три понимания плоти: 1) плоть безгрешная, святая, создание Бога — та плоть, о которой сказано: *Слово плоть бысть* (Ин. 1:14) — и которая во Христе так освятилась, что Спаситель говорит: *Ядый мою плоть... имать живот вечный* (Ин. 6:54); 2) «плоть», «плотской» употребляется в смысле греха, в противоположность «духу», «духовному»; 3) наше тело, в котором соединяется и то, и другое. Если наша плоть и является греховной, то не надо забывать, что она все-таки создана Богом. Кто внимательно слушал панихиду, помнит эти слова: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида»[625]. Это не о душе здесь говорится, а о теле, лежащем в гробу, что оно создано по образу Божию.

Если цель христианской жизни — стяжание Духа Святого, то не для души только, но и для тела, как свидетельствуют своим опытом, своею жизнью святые угодники. Господь самим телом Своим творил чудеса, воскрешал даже мертвых (сына наинской вдовы (см.: Лк. 7:11–17), дочь Иаира (см.: Мф. 9:18–26; Мк. 5:21–43; Лк. 8: 41–56). Через тело даже одежда Христова освящалась и делалась чудотворящей: только прикоснувшись к ней, исцелилась жена кровоточивая (см.: Мк. 5:25–34). Точно так же тень апостолов творила чудеса: те, на кого она падала, исцелялись от своих недугов (см.: Деян. 5:18).

Вне тела мы не могли бы жить. Только по воле Божией рассекается на время этот естественный союз. Итак, люди должны стать новой тварью, и надо всегда помнить то, что говорит апостол: *Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии* (1 Кор. 6:19–20). По учению святых отцов, наше тело берет от жизни все то, чем живет душа, берет и грех, и добро, и святость, и безобразие. Когда мы говорим о грехе, мы видим, что святые отцы советуют винить в наших проступках не тело, а дух, мысль, потому что зло начинается не от тела, а от души, и обратно — если в душе есть стяжание Духа Святого, это передается телу, и передается так, что освящается каждая часть его, каждая кость, каждый «уд». Вспомните благодарственные молитвы после Святого Причащения: «Паче же пройди во уды моя, во вся составы, во утробу, в сердце. Попали терние всех моих

---

[625] Последование погребения мирских человек. Стихира 8-я по Каноне.

прегрешений... Составы утверди с костьми вкупе. Чувств просвети простую пятерицу»[626].

Если так понимать взаимоотношение между телом Христовым и нашим, то понятно, что для верующих могилы святых угодников не то же, что место почитания какого-нибудь великого человека. В могилах святых угодников сокрыта благодать. Ибо может быть только одно: или вовсе ни во что не верить, или же верить в стяжание Духа Святого Божия всем нашим существом — тогда и тела святых угодников будут для нас святы. Если мы верим, что можем воспринять благодать Божию не только душой, но и телом, то для нас станут понятны и приведенные раньше слова Иоанна Златоуста: «Открой очи веры и посмотри на присущую им силу Божию, на облекшую их благодать Духа»[627]. И понятно, что тогда эти кости, этот прах будут для нас ценны не просто как останки дорогих людей, но как сосуды, полные благодати: «честныя твоя мощи, яко сосуд благодати полный и преизливающийся, нам оставивый»[628].

Итак, Православная Церковь учит нас, что цель первозданного человека достигается посредством благодати Божией, проявляющейся через тела святых угодников и их мощи. У Макария Египетского много говорится о том, что святые стяжали Духа Святого Божия не только своей душой, но и телом. Отсюда и богослужение для нас не является только собранием двух или трех во имя Божие, это не так просто, что вот мы собрались с вами и можем уже совершать богослужение. Центром богослужения является святая Евхаристия. Если богослужение совершается нами, скверными, грешными людьми, и мы верим, что при этом действительно совершается пресуществление Святых Даров, и когда мы причащаемся Святых Таин, мы действительно имеем пред собою Тело Господа и Его Святую Кровь, то что же нам дает эту уверенность? Ведь, может быть, мы часто только телом бываем в храме и вовсе не молимся; не молится, быть может, и сам священник, совершающий Таинство, а между тем мы верим, что Таинство все-таки совершается.

Нам надо помнить, что Церковь есть прежде всего Церковь небесная, и, совершая Евхаристию, мы совершаем ее от лица всей Церкви небесной и земной во имя святых, подвигом добрым подвизавшихся на земле, и прежде всего — во имя Матери Божией. И священник, совершающий пресуществление Даров, верит, что оно совершается не по его заслугам и молитвам, но от лица всей

---

[626] Благодарственные молитвы по Святом Причащении. Молитва Симеона Метафраста, 3-я.

[627] *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы о святых Маккавеях, 1, 1.

[628] Акафист прп. Сергию Радонежскому. Молитва после акафиста, 1-я.

небесной Церкви: «Еще приносим Ти словесную сию службу, о иже (от имени. — *О. С.*) в вере почивших праотцех, отцех, патриарсех, пророцех, апостолех, проповедницех, евангелистех, мученицех, исповедницех, воздержницех, и о всяком дусе праведнем, в вере скончавшемся. Изряднее же о Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии»[629]. Священник молится здесь о тех (т. е. от имени тех), к кому сам постоянно прибегает в молитвах.

По существу, никакого вопроса о Таинствах, даже о богослужении не может быть для тех, кто не верит в святых и спрашивает: «Как же можно молиться святым, просить их?» Если бы не было у нас общения со святыми как с живыми членами Церкви, то не могло бы быть ни Тела Христова, ни Церкви, ни Таинств. В Церкви земной есть и теперь избранники, они, быть может, находятся и среди нас, но мы их не знаем. По их молитвам мы имеем полноту церковной жизни. Если для нас все это не слова только, то нам понятно, почему совершается и совершалась на мощах литургия еще в катакомбах и почему Пятый Вселенский Собор закрепил этот обычай. Христиане верили, что святы не только души, но и тела угодников, и Седьмой Вселенский Собор постановил, что без антиминса с частицей святых мощей не должна освящаться церковь.

Мы имеем не только душу, но и тело, и должны молиться вместе с теми, кто также имел тело, освятил его и оставил нам. Их тела остались и для нас, и мы можем иметь помощь непосредственно от этих тел. Если мы верим в чудеса Господа и Его святых, если мы верим в то, что через их тела и даже одежду совершались чудеса, тогда нам понятно, почему дороги верующим даже вещи святых угодников.

Дело в том, что теперь у нас это все забыто, мы всё понимаем не так, как надо бы, нам кажется, что наши тела сами по себе, а души сами по себе, а между тем мы имеем как пример жизнь Иисуса Христа и святых угодников. Тела святых угодников есть залог того, что они с нами совершают богослужение. Наше тело есть по образу Божию созданная красота и может быть так же свято и нетленно, как душа. Если вспомнить, что грех есть тление, если говорить о тлении души, то приходится также говорить о тлении или нетлении тела.

В молитве перед причащением мы читаем: «Оле страшнаго таинства! оле благоутробия Божия! Како Божественнаго Тела и Крове брение причащаюся, и нетленен сотворяюся?»[630] Брение —

---

[629] Последование Божественной литургии св. Иоанна Златоуста. Молитва священника по преложении Святых Даров.

[630] Последование ко Святому Причащению. Канон. Песнь 8. Слава.

ведь это говорится не о душе, но о теле. Точно так же и крещение соделывает нетленными не только душу, но и тело. Теперь, может быть, нам станет понятно, что значит выражение «нетленные мощи», «нетленные кости». А для человека, который отошел от Церкви, оно может явиться соблазном точно так же, как соблазнительна для многих бывает молитва о целомудрии при совершении Таинства брака, ведь целомудрие необязательно предполагает девство. А между тем, если подойти с другой стороны, с церковным пониманием, видишь, что мы, имеющие тело, должны сделать его сослужащим Богу, и если говорить о нетлении души, то дело пришествия Христова есть восстановление образа Божия и в теле.

Для нас непонятно, когда при отпевании младенца Церковь молится за него как за «нерастленнаго». Как «нерастленнаго»? Ведь он же сгниет!

Да, но настанет время, настанет *час, в оньже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия, и изыдут...* (Ин. 5:28–29); тогда востанет и тело этого младенца и окажется «нерастленным». Какова востанет душа, таково востанет и тело. Обычно же мы, рационалисты, не так понимаем нетление тела. Наше тело есть тленное само по себе, и нужно иное — святость, чтобы сделать его нетленным. Можно говорить о нетлении души и тела, но это дело Божие, и святость состоит в том, что Господь дарует нам это нетление — «одежду брачную». Мы не имеем этой одежды и молимся о ней: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь...»[631] И мы имеем еще иное одеяние — тело, которое мы должны просветить и возвысить до души с помощью Божией.

Если мы отвергаем почитание святых мощей, надо отвергнуть и все христианство, ибо иначе наши молитвы при отпевании — богохульство: «Древле убо от несущих создавый мя, и образом Твоим Божественным почтый, преступлением же заповеди паки мя возвративый в землю, от неяже взят бых, на еже по подобию возведи древнею добротою возобразитися»[632].

Наше естество состоит из души и тела. Надо заботиться о душе, и если она станет чище и лучше, тогда и тело будет очищаться. Когда начнешь думать так, сможешь понять и послепричастную молитву, где много говорится о теле.

Итак, Церковь установила почитание святых мощей, во-первых потому что они «сосуды, полные благодати», и во-вторых, потому, что они залог того, что святые с нами не только душою, но и телом.

Аминь.

---

[631] См. прим. 136 на с. 70.

[632] Заупокойное последование. Тропарь 5-й по Непорочных.

О богослужении

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Недавно мы праздновали праздник Пресвятой Девы, вхождение Ее во храм, и, как Святая Церковь учит нас, вхождение это совершено для того, чтобы Ей во храме «воспитатися честно». Это вхождение во храм, это приобщение к иной жизни, чем наша жизнь здесь, на земле, к жизни премирной, было когда-то совершено Божией Матерью, и каждый из нас — каждый, кто, живя в этом мире, верит во Христа, — был в свое время введен во храм именно для того же, для чего вошла и Пресвятая Дева: чтобы в нем «воспитатися честно», чтобы оставить эту жизнь и приобщиться к премирной, выйти из временного, войти в вечное.

Когда мы говорим о богослужении и участвуем в нем, мы забываем о двух его сторонах: мы думаем, что мы пришли в храм для того, чтобы днесь, ныне вспомнить то или иное событие из жизни Господа, из жизни Богородицы или святых. А между тем Святая Церковь говорит нам о том, что наше богослужение, наше празднование не есть только воспоминание, но самое действительное, подлинное, возможное только через богослужение участие в этих событиях. И не только мы принимаем участие в них, но богослужение имеет величайшее значение и для всего мира, для всей Вселенной.

Кроме того, в каждом церковном празднике, например в только что бывшем праздновании Введения во храм Пресвятой Богородицы, участвуют и иные члены Тела Христова: «горняя сликовствует земным». Вот эти два момента: момент неоторванности богослужения от Вселенной, от всего мира, и затем совокупление наше с миром горним — это есть те два основания, на которых возможно для нас здесь, в мире дольнем, приобщение к премирности, к вечности. Когда мы в богослужении, в своих песнопениях обращаемся не только к верующим, не только к людям, но и ко всей Вселенной, то, по церковному пониманию, это не есть одни лишь слова, но подлинный смысл общения в Боге.

Когда первый человек согрешил, он тем самым внес грех в мир, в творение Божие, которое настолько преисполнено было красоты и добра, что Сам Творец любовался им (см.: Быт. 1:4, 10, 12, 18, 21, 25, 31). Внеся грех в мир, он сам связал себя с миром и теперь постоянно связывается тем, что вновь и вновь грешит. Поэтому Святая Церковь напоминает, что человек связан с миром, с этой природой, которую он заразил и продолжает заражать грехом.

В тот момент, когда совершается погребение Спасителя и мы стоим перед Его гробом, когда не место словесным украшениям,

ибо дело идет о плаче над Самим Господом, мы забываем, что живем вовсе не в те времена, когда погребали Господа Иосиф с Никодимом, и, участвуя всей душой в богослужении, духовно совершаем с ними это погребение. Тогда с особенной силой звучат слова тропаря первой статии службы погребения: «О горы, и холми, и человеков множества! Восплачитеся и вся рыдайте со Мною, Бога вашего Матерью». Так Церковь от лица Божией Матери или, вернее, Божия Матерь голосом Церкви призывает природу и людей восплакать о Ее Сыне и Боге, лежащем во гробе.

В Великую Субботу, богослужение которой совмещает в себе и гроб, и уже Воскресение, когда мы предстоим еще пред гробом Христа и вместе с тем слышим евангельское повествование о том, что не нашли жены-мироносицы тела Господа во гробе, Церковь с великим дерзновением взывает, обращаясь сначала к ангелам, а затем к небесам и водам, к солнцу, луне и звездам небесным, к огню, студу и зною, к росе и инею и наконец к сынам человеческим: «Господа пойте и превозносите Его во веки».

И все это не в украшение, не в стиль, не в то или иное выражение отвлеченных понятий, ибо пред гробом Спасителя уста безмолвствуют, ибо в этой самой службе вместо Херувимской песни мы поем: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет». Нет, это есть верование Церкви. Церковь верует, что человек неразрывно связан с творением Божиим: если он радуется и ликует, если он очищается, то вместе с ним тем же ритмом духовным живет и ликует вся тварь.

Богослужение не имеет характера исключительно человеческого, относящегося к людям только, — оно совершается для всего мира и во всем мире находит себе отклик. Это сторона величайшей важности. Когда входишь в храм, то прежде всего чувствуешь себя частью вещной природы — ты самая совершенная из всех тварей, венец творения, но ты неразрывно связан со всей остальной тварью, и, совершая богослужение, ты совершаешь его именно как часть, как венец Божия творения.

В день Богоявления, когда во всем мире Иорданским освящением «вод освящается естество», освящаются и все пьющие крещенскую воду: верующие и неверующие, люди и животные. Есть одно примечательное место в богослужении дня Богоявления, которое для маловерующего человека может явиться величайшим соблазном. Это тропарь, который обращен к Иоанну Крестителю и поется в конце часов.

Святая Церковь сознает, что предстоит Крещение Господа, которое ныне в Церкви совершается вновь, предстоит великое освящение Иорданское, а не частное освящение воды в храме. Кого

же звать для совершения торжества? Конечно, того, кто прежде совершал это, кто крестил Господа. «Руку твою, прикоснувшуюся пречистому верху Владычню, с неюже и перстом Того нам показал еси, воздежи о нас к Нему, Крестителю, яко дерзновение имея много, ибо болий пророк всех, от Него свидетельствован еси. Очи же твои паки Всесвятаго Духа видевшия, яко в виде голубине сошедша, воздвигни к Нему, Крестителю, и милостива нам соделай, и прииди, стани с нами, запечатаяй пение и предначинаяй торжество»[633].

Если веровать в это всем сердцем, а Церковь не имеет в своем богослужебном опыте ничего из того, что присуще миру временному, но [содержит] лишь то, что вечно, что действенно, что свято, если веровать вместе с Церковью во все это, то с каким величайшим трепетом и благоговением надо подходить к богослужению!

В другом месте, в день Сретения Господня, мы просим о том, чтобы дщерь Фануилева, т. е. Анна Пророчица[634], пришла к нам на торжество: «О дщи Фануилева. Прииди, стани с нами…» Недавний праздник в честь Григория Декаполита[635] говорит в одном из тропарей своего канона о том же в отношении памяти святых: «Днесь с нами собор постников и преподобных веселится, патриархов и пророков в памяти твоей, блаженне, спразднуют нам апостоли и мученицы, с нимиже поминай чтущих тя верно, досточудне»[636]. Вот эта связь наша с миром горним, это сликовствование небесных и земных дает ту величайшую силу, которая заключается в молитве богослужебной.

И для нас, кто подходит к молитве с этих двух сторон, кто верует, что мы, с одной стороны, участвуем в богослужении как часть видимого мира, и не одни, а со всей природой, и, с другой стороны, что и мир ангельский, и сонм святых совокупляются в праздновании с нами, — для тех понятно, сколь дерзновенна Церковь; ей не свойственно говорить: «Давайте вспомним, как это было: как родился Христос, как был крещен, как преобразился, распят, предан и погребен был Господь». Правда, иногда говорится и так: «Днесь, собравшися, воспоим то-то и то-то», — или: «Днесь восхвалим» того или иного святого, — поется в некоторых стихирах, канонах, тропарях, но по преимуществу Церковь говорит иное: «Днесь

---

[633] Последование часов в Навечерие Богоявления. Час 9-й. Стихира.

[634] Праведная Анна Пророчица, благочестивая вдова из Иерусалима, упоминаемая в событии Сретения Господня, вместе с Симеоном Богоприимцем *славила Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме* (Лк. 2:38).

[635] Григорий Декаполит († 816) — христианский подвижник VIII—IX вв., аскет, преподобный.

[636] Служба ноября в 20-й день. Утреня. Второй канон. Песнь 9. Тропарь 3-й.

благоволения Божия предображение...», «Днесь Дева вводится во храм». Или: «Ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя; да празднует убо вся тварь востание Христово, в немже утверждается» (Пасхальный канон).

Днесь, а не когда-то тогда, нет, в это время, в эту минуту, когда совершается богослужение. Это дерзновение Церковь имеет потому, что в самой себе она есть не временная, а вечная, она вне мира, выше его, она премирна. Церковь дерзновенна, потому что не мы только совершаем богослужение, мы, собравшиеся здесь, являемся (как люди) высшей частью видимого мира, но мы веруем и надеемся, что силы небесные с нами невидимо служат, мы веруем и уповаем, что через богослужение мы в XX веке имеем возможность соприкоснуться в молитвенном озарении с давно бывшими событиями, соприкоснуться и участвовать в них как в вечности.

Вот эта-то связь с миром горним и миром видимым и есть то величайшее, что делает богослужение не воспоминанием, не простым переживанием (может быть, и очень хорошим, но временным и индивидуальным), а вечностью, что объединяет всех и вся, мир видимый и невидимый; и здесь, в Церкви, те люди, которые не жили тогда, когда совершались те великие события, теперь участвуют в них, приобщаются к ним как к вечности. Это общение, осуществляемое в той или иной мере, зависит от того, проходил ли человек «честно» свое воспитание. Мы должны воспитываться здесь, воспитывать свой слух, зрение, обоняние, осязание, вкус в условиях премирности, привременности. Об этих условиях я и поговорю с вами в будущий раз.

Аминь.

О жизни в богослужении и о приобщении к вечности

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святая Церковь учит нас тому, чтобы мы, живя здесь, в мире, приготовляли себя к вечности; будучи здесь еще, в жизни временной, приобщались к жизни вечной. И вот это приготовление к жизни вечной для нас, верующих, совершается прежде всего в храме, совершается в богослужении, ибо в богослужении мы, оставляя временное, приобщаемся к вечности, оставляя все то, чем мы живем в мире, приобщаемся к тому, что существовало от века, затем дано было во времени и теперь дается нам опять во времени, но как вечное.

ХРАМ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ В КЛЁННИКАХ. 1930 г.

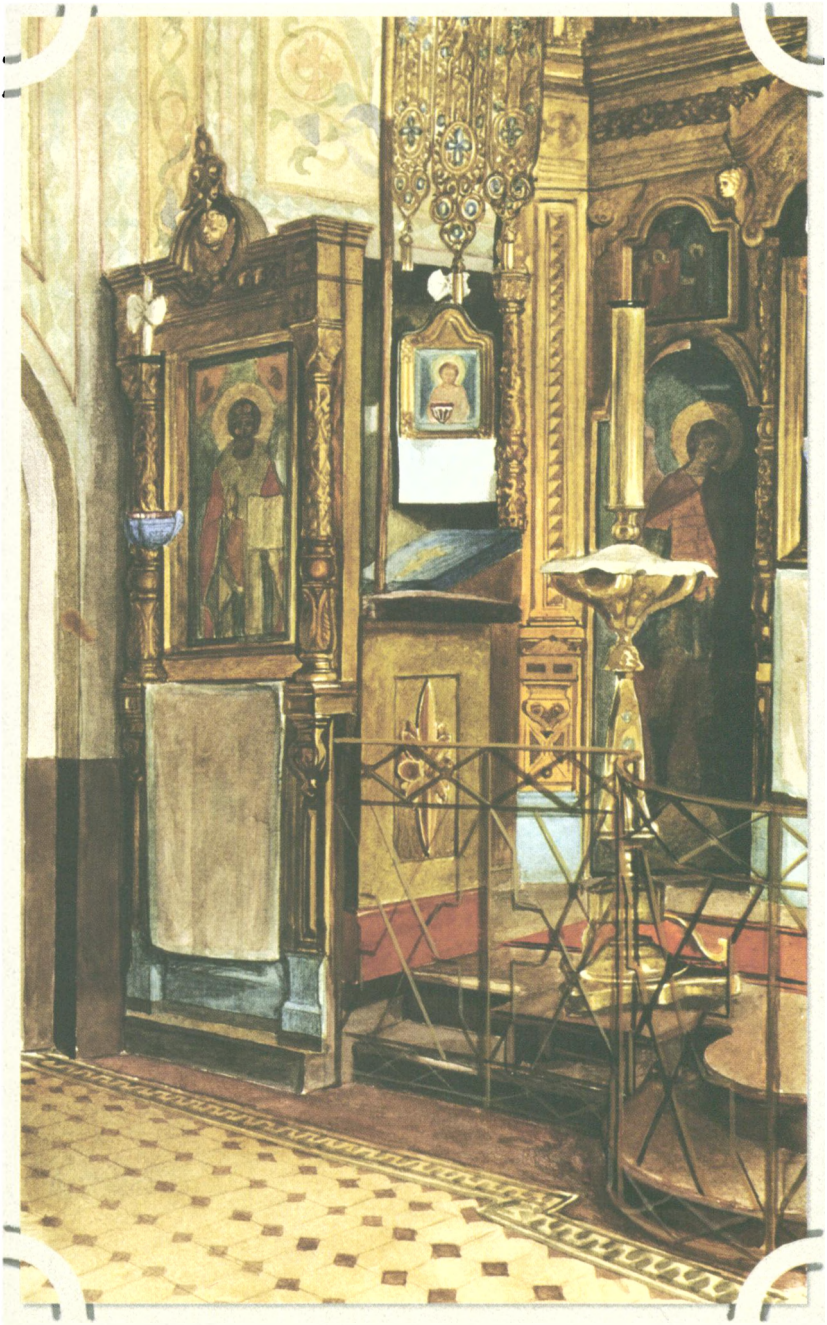
Мария Николаевна Соколова, иконописец и реставратор, незадолго перед закрытием храма Святителя Николая в Клённиках выполнила серию акварелей с детальной прорисовкой храмовых интерьеров. Впоследствии они были собраны в альбом и заботливо переплетены. Здесь воспроизводятся эта серия и несколько более ранних акварелей.

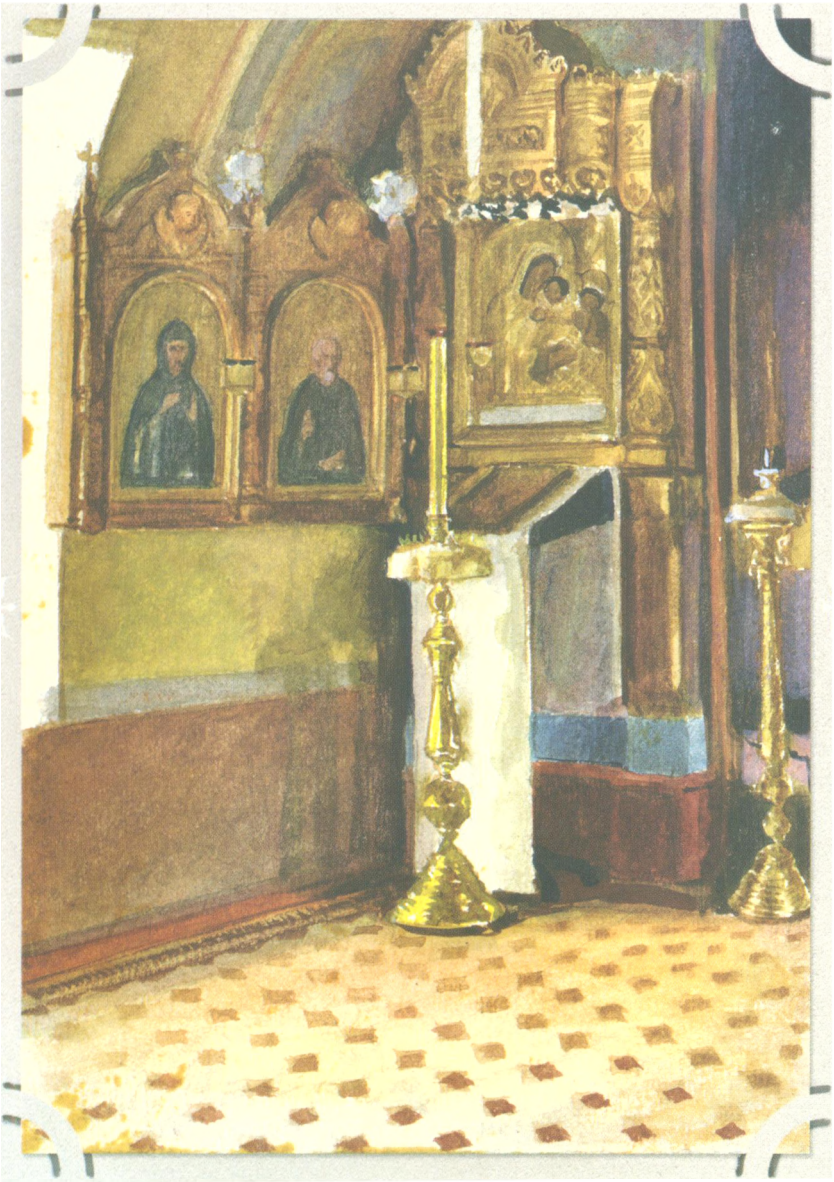
Вид с улицы Маросейка

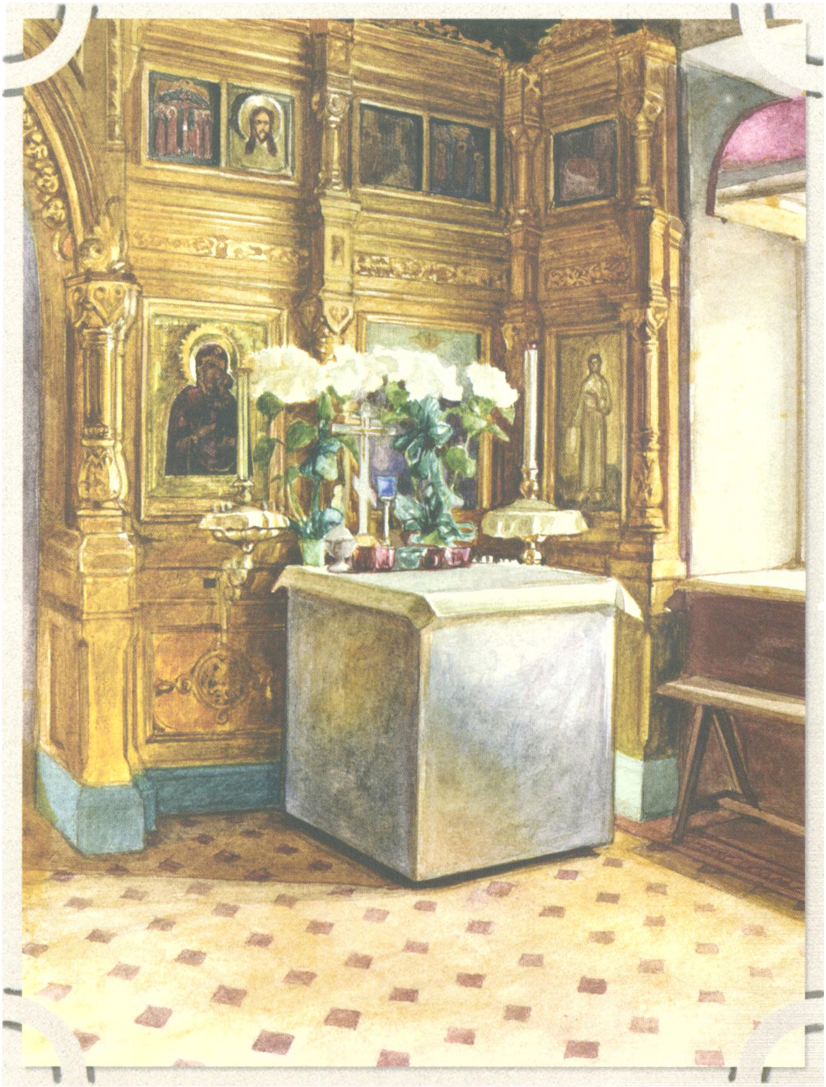
Южная сторона четверика

Придел в честь Казанской иконы Божией Матери.
Место для исповеди на солее у северной двери

Придел в честь свт. Николая. Северная стена.

Придел в честь Казанской иконы Божией Матери.
На переднем плане — канунный столик

Придел в честь Казанской иконы Божией Матери.

Трапезная часть (вверху); южная стена с гробницей для плащаницы (внизу)

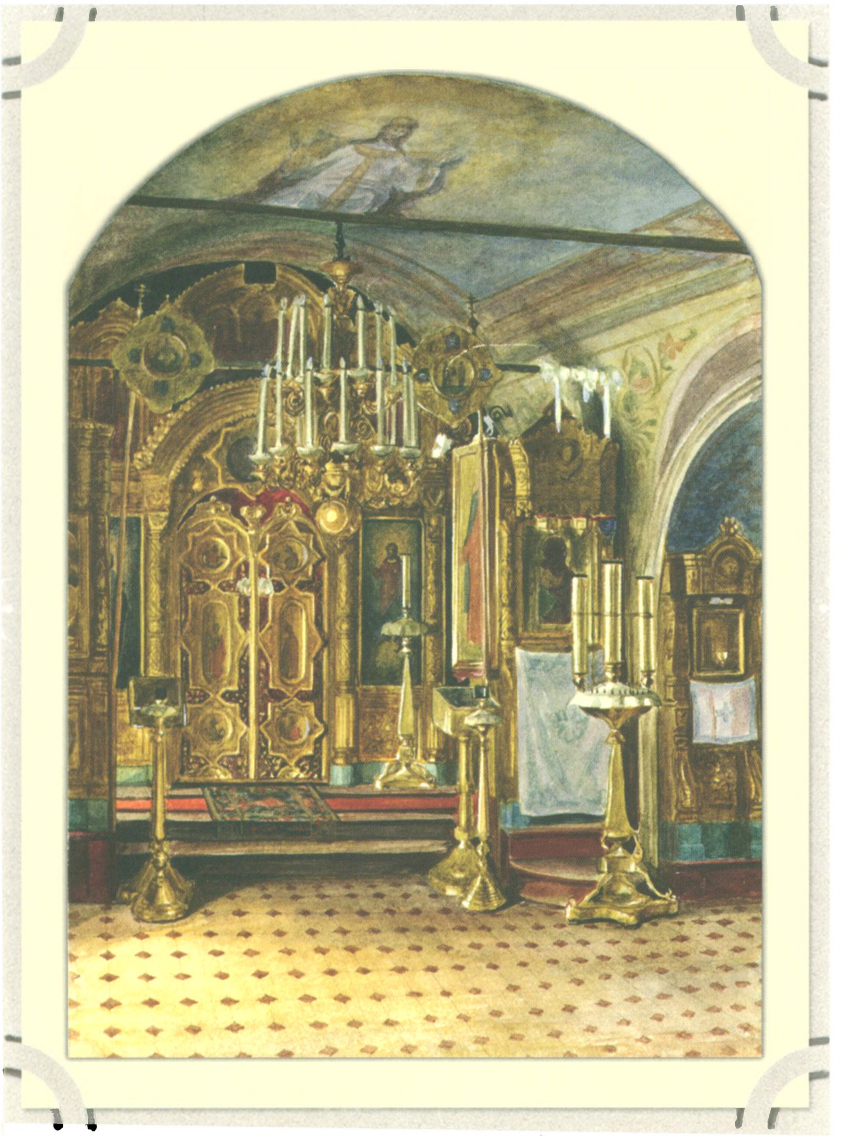

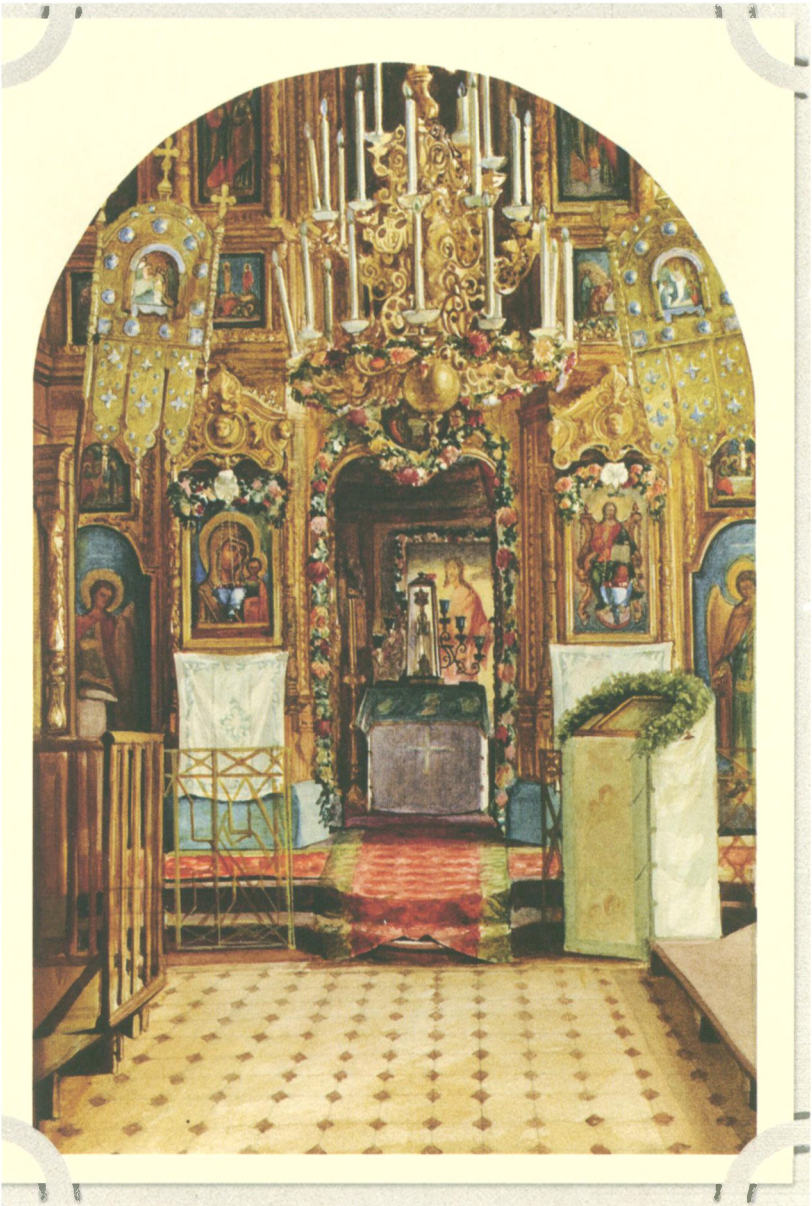
Придел в честь свт. Николая.

Слева — Феодоровская икона Божией Матери (вверху); свечной ящик у западной стены (внизу)

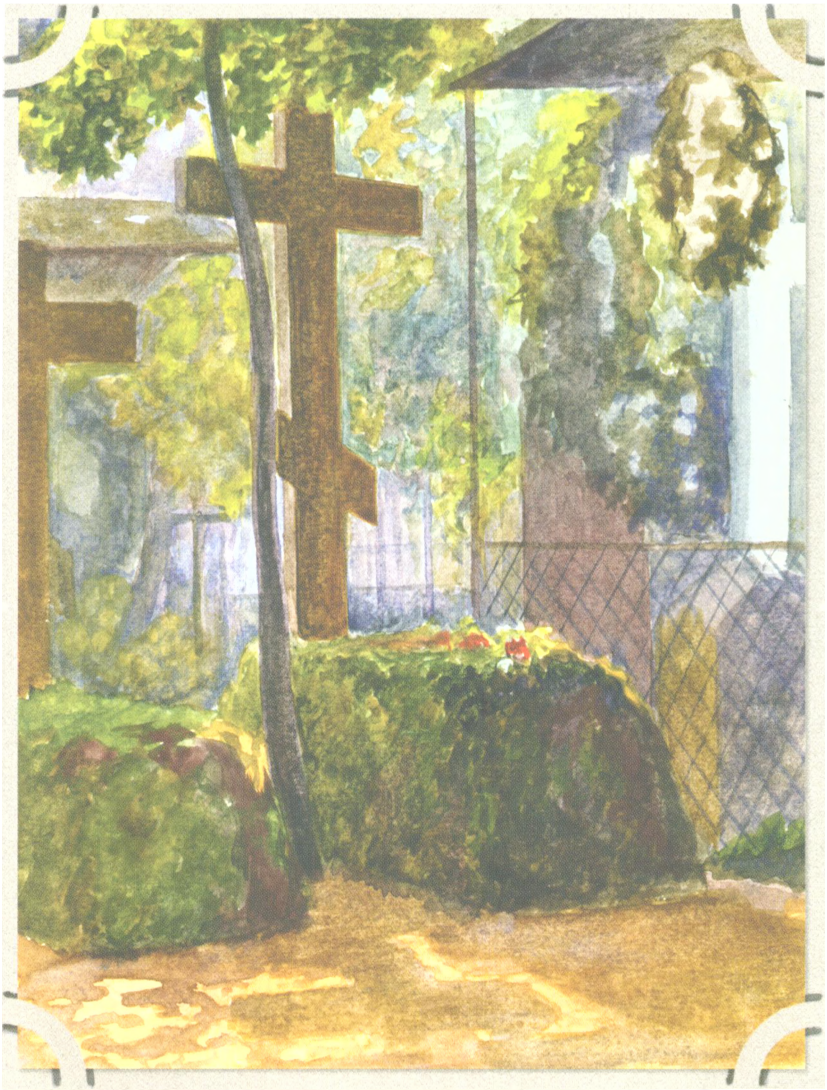
Придел в честь свт. Николая.
Справа – чтимый образ Феодоровской Божией Матери

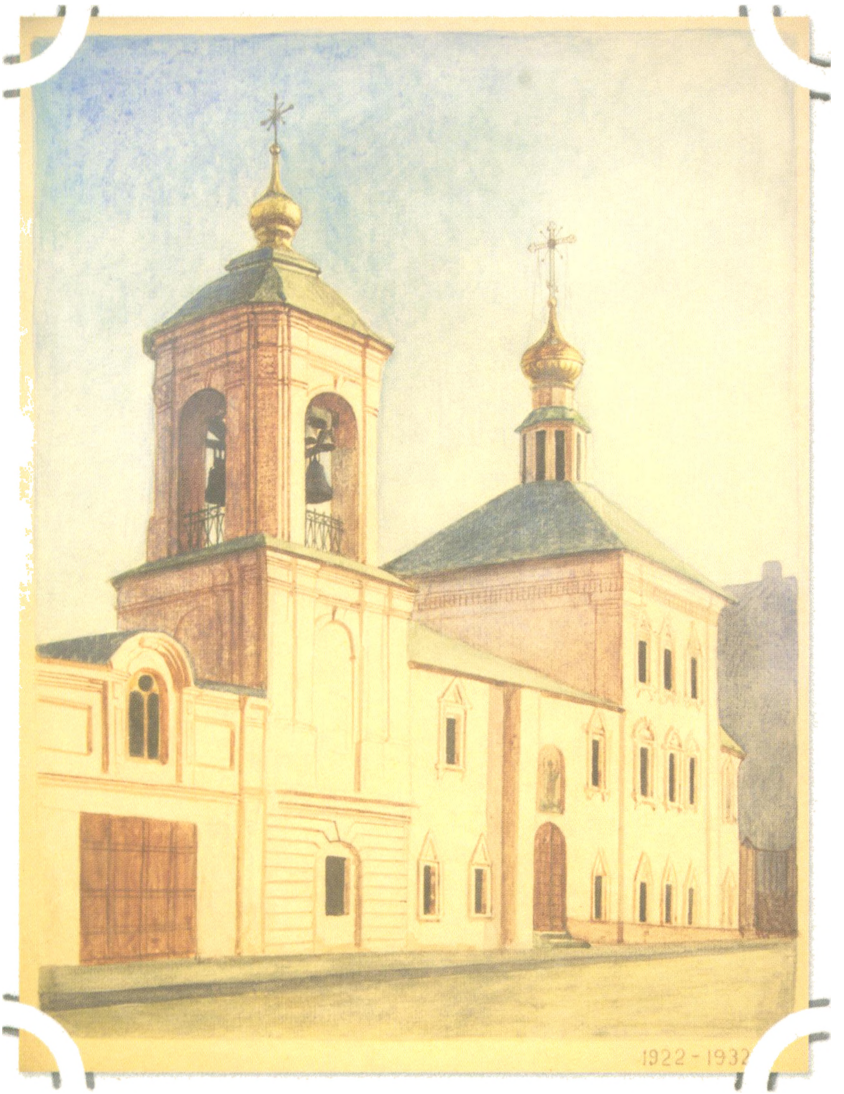
Придел в честь Казанской иконы Божией Матери. Иконостас

Придел в честь свт. Николая.
Арка с лестницей, ведущей к выходу из храма

Могила старца Алексия Мечёва
на Лазаревском кладбище

Вид храма с улицы Маросейка. 1922 г.

М. Н. Соколова. Эскиз открытки с видом храма

Придел нижнего храма, устроенный отцом Сергием Мечёвым. Конец 1920-х гг.

ИКОНЫ РАБОТЫ М. Н. СОКОЛОВОЙ

«Богоматерь Казанская». 1927 г.

Дерево, левкас, темпера. 25х20 см. (храм в Бутово). Надпись на обороте: «Точная копия с местной Казанской иконы Божией Матери, писанная Марией Николаевной Соколовой у святителя Николая в Кленниках 1925 (1927)». Дар храму в Бутово матушки Татьяны Алексеевны Давидовой, супруги протоиерея Василия Евдокимова. 1997 г.

«Святитель Николай с Маросейским храмом».
Середина 1920-х гг. Храм Святителя Николая в Клённиках. Икона написана по благословению отца Сергия Мечёва для хранения в ней антиминса храма

«Святая Троица». 1921 г.

«Святитель Алексий и преподобный Сергий».
1946 г.

«Святая царица Елена». 1931 г.

Дерево, левкас, темпера. 13,5x10,7 см. Частное собрание. Надпись на обороте: «Икона св. равноап. царицы Елены написана в 1931 г. М. Н. Соколовой для Елены Лебедевой (Быковой), освящена отцом Сергием Мечёвым».

«Покров Богородицы» с храмом Святителя Николая в Клённиках и чтимыми святыми храма. 1920-е гг.

«Чтимые святые храма Святителя Николая в Клённиках». 1920-е гг.

«Казанская Богоматерь». 1933 г. Доска, левкас, темпера, 1,8х1,5 см. Икона написана на доске от гроба отца Алексия Мечёва. 28 сентября 1933 г. М. Н. Соколова вместе с С. А. Никитиным (будущим епископом Калужским Стефаном) участвовала в перенесении останков Батюшки с упразднявшегося Лазаревского кладбища на кладбище «Введенские горы» (Немецкое). По свидетельству Марии Николаевны, мощи отца Алексия были нетленны

«Преподобные Сергий Радонежский
и Феодосий Тотемский с Маросейским храмом».
1927 г.

«Преподобный Пимен Великий».
1940-е гг.

«Предтеча Иоанн». 1927–1928 гг.

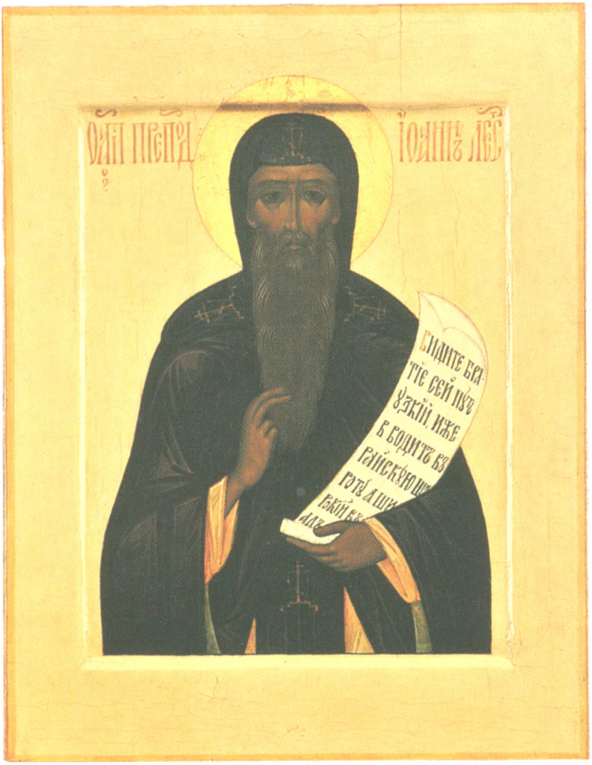

Феодоровский образ Божией Матери.

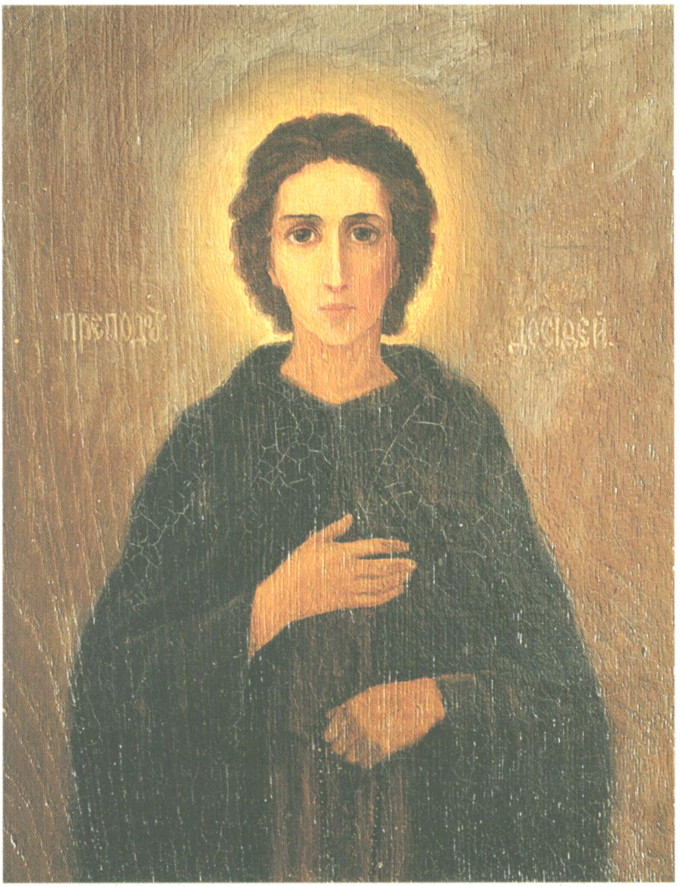
Шитье. Выполнена сестрами маросейской общины по прориси М. Н. Соколовой для отца Сергия во время его пребывания в ссылке

«Святая мученица Павла». Икона написана для Павлы Хватовой. 1920 г.

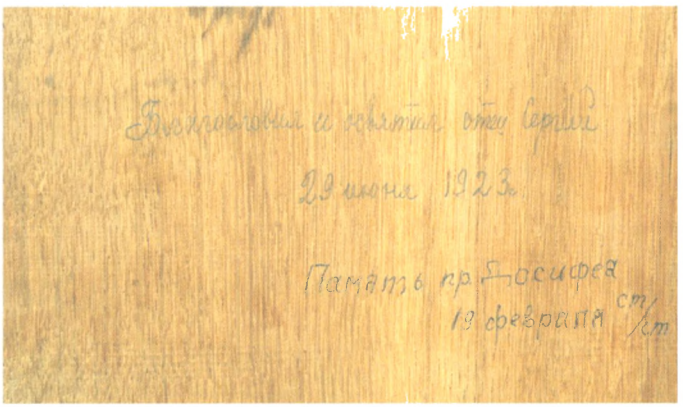

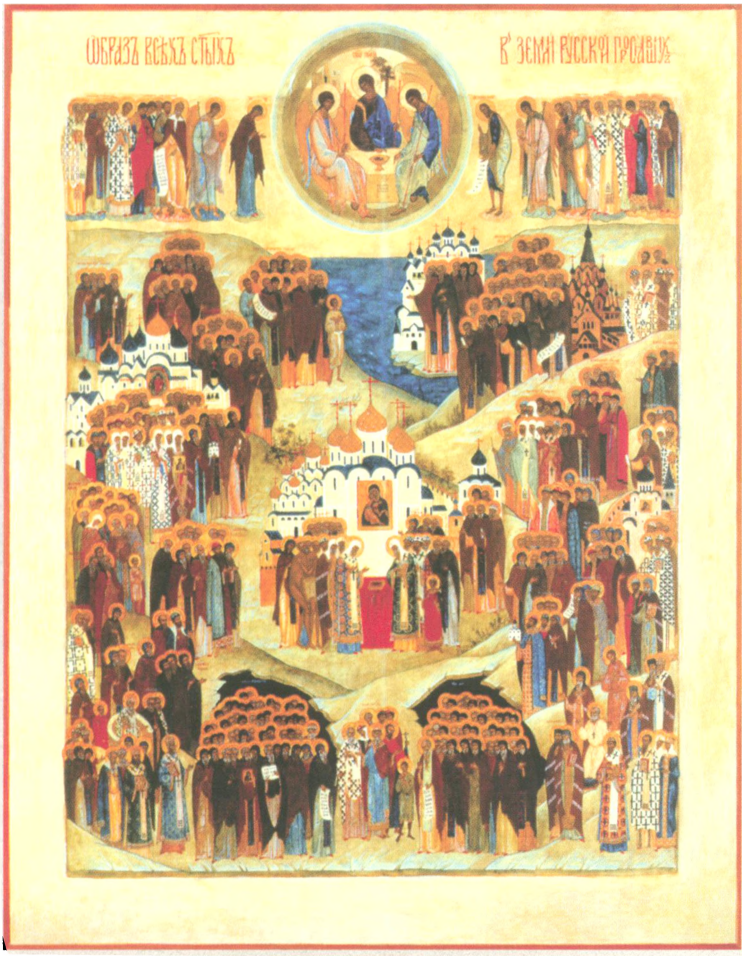

«Преподобный Иоанн Лествичник». Копия с чтимого образа маросейского храма. 1930-е гг.

«Преподобный Досифей».
Надпись на обороте:
«Благословил и освятил отец Сергий. 29 июня 1923 года.
Память пр. Досифея 19 февраля ст./ст.»

«Все святые, в Земле Русской просиявшие».

Начало 1930-х гг. Троице-Сергиева лавра. Троицкий собор. Надпись на обороте: «Сей святый образ Всех святых, в Земле Русской просиявших, первый в такой композиции, по благословению и указанию Преосвященного Афанасия, епископа Ковровского, написан в граде Москве иконописцем Марией Николаевной Соколовой, в лето от сотворения мира 7442-е, от Рождества же по плоти Бога Слова 1934-е в январе-мае месяцах. Освящен сей образ Преосвященным Афанасием после малой вечерни под неделю Всех святых, в Земле Русской просиявших, 27 мая/9 июня того же года при служении в домовом храме иеромонаха Троице-Сергиевой Лавры Иеракса в селении Лосино-Островский Московской области при участии хора Московского Святителя Николая, что в Кленниках церкви».

СОВРЕМЕННЫЕ ИКОНЫ МАРОСЕЙСКОГО ХРАМА

«Святой праведный Алексий Мечёв и священномученик Сергий Мечёв». Начало 2000-х гг.

«Священномученик Сергий Мечёв».
Начало 2000-х гг.

Тропарь сщмч. Сергию, глас 4:

От ко́рене пра́веднаго прозя́бл еси́, / правосла́вия наста́вниче и ревни́телю, / пред Бо́гом во у́зах и до сме́рти предстоя́, / гла́сом немо́лчным па́ству наставля́л еси́, / священному́ченице Се́ргие, / моли́ Христа́ Бо́га // спасти́ся душа́м на́шим.

Кондак, глас 8:

Вели́кою любо́вию к та́йне богослуже́ния прилежа́л еси́, / па́ству свою́ призыва́я после́довати житию́ святы́х отце́в / и познава́ти писа́ния их свои́ми дея́ньми; / за Христа́ страда́ния во у́зах и смерть прия́л еси́; // те́мже взыва́ем ти: Ра́дуйся, Се́ргие священному́ченице.

Мы праздновали недавно праздник нашего храма, и полезно разобраться в особенностях того, как мы здесь совершаем (а начали совершать при Батюшке) свое приготовление к вечности.

Когда начинаешь думать о том, что́ главное в жизни христианина, то, возможно, самым правильным было бы ответить словами песнопения, прославляющего святых угодников Божиих за то, что они, будучи в мире, пожили «привременно и премирно», т. е., находясь в нем, были выше его. Они не только в минуты богослужения, но и во все минуты своей жизни приобщались к вечности, к Богу, хотя вместе с тем и жили во времени, вроде бы ничем не отличаясь от окружающих по своим занятиям, внешнему отношению к другим людям.

В деле спасения есть два пути — путь иноческий и путь жизни в миру. Путь иноческий, путь жизни в монастыре, обычно так и рассматривается как ведущий к полному отречению от мира, изымающий человека из мира и поставляющий его в совсем другие, благоприятные условия в отношении молитвы, покаяния и послушания.

Путь же спасения в миру представляется для многих путем лукавым. У нас распространено мнение: да, вот есть там спасающиеся за стеной монастырской, а мы-то уж как-нибудь. Там монахи совершают свои подвиги и дела, а мы должны помнить только день субботний, чтобы святить его; *шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему* (Исх. 20:9–10).

В воскресные дни приходской храм собирает верующих, это и есть то единственное делание, которое должно здесь, в приходе, совершаться и заменять для мирян делание монаха. В другое время в церковь можно и не ходить… Зачастую так и смотрели, так и смотрят. Кто-нибудь как-нибудь когда-нибудь ходил в праздничные дни в храм — и этим все ограничивалось; остальные шесть дней труда были отданы мирским делам.

А между тем, хотя верующие люди и были отделены от иноческой жизни, в их среде всегда сохранялось понимание, что там, в монастыре, в богослужении, покаянии и послушании заключается дело спасения, и не только монахов, но и мирян. Им при проявлении стойкости в исполнении заповедей Божиих предстояло, по слову Господа Своим ученикам: *Я избрал вас от мира* (Ин. 15:19), стать избранными от мира.

И народ стекался в те монастыри, где духовная жизнь расцветала. Многие шли в Оптину пустынь, в Зосимову, Глинскую и в другие обители. Там не только иноков, но и мирян окормляли великие старцы-подвижники. Вы знаете на примере оптинских старцев, как все они, начиная с самых первых — Моисея, Антония,

Макария, Иосифа, Леонида, не говоря уже о последних — старцах Амвросии и Анатолии, — служили не только инокам, но и мирянам, всем тем, кто хотел в условиях своей жизни приобщиться к монастырскому деланию.

И все-таки оставалась некая пропасть между миром и монастырем, куда можно было прийти лишь на несколько дней и даже часов, получить благодатный толчок, зарядиться духовно. А между тем жизнь показывала, что некоторые люди стремятся не только на время приобщаться к богослужению, в котором заключено вечное.

Мы знаем, что в наше время богослужение в приходских храмах в значительной степени искажено: одна праздничная служба, одно богослужение похоже на другое, то, что в нем затрудняет и не развлекает, выпускается, взамен же вставляются совершенно неподходящие концертные песнопения. Это делает богослужение не приготовлением к вечности, а частью мирской жизни, от которой должен бежать христианин, в отношении которой он должен стать «премирным».

Я уж не говорю о богослужении будничном, которое должно совершаться каждый день. И не потому, что всем следует приходить ежедневно, но все должны знать, что в это время совершается богослужение в том храме, где я молюсь и куда, когда могу, приду. Здесь богослужение как вечность остается.

Батюшка понимал, что надо дать верующим богослужение настоящее, подлинное, не суррогат, не имитацию, богослужение вечное, заключающееся в богослужебном православном опыте. Без него немыслимо и христианское делание. И прежде всего здесь должна быть взята за основу не практика какого-либо приходского храма или даже монастыря, а уставное богослужение по тем церковным книгам, по которым оно должно совершаться. И вот Батюшка сделал то, что прежде всего вызывает у многих смущение и осуждение: богослужение начинает совершаться изо дня в день, и вечером, и утром — при изумлении одних, смущении других и, может быть, насмешках третьих; начинается подлинное приобщение к вечности через богослужение.

И этому последовало начало подлинной духовной жизни, которая, казалось, не могла быть в миру. Батюшка начинает свою работу духовника и старца, исходя не из теории, не из духовной традиции, к которой, как и сам он не раз говорил, он не был приобщен, а из глубочайшего знания человеческой души и сердца, а также той обстановки, в которую мы все поставлены.

Когда много лет спустя после начала своей деятельности встретился Батюшка с отцом Анатолием Оптинским, то оказалось, что они совершают не только одно дело, но и в духе одном — так

вывел Батюшка свой корабль. Все, кто знал их обоих, могут только изумляться тому, насколько разительно было сходство этих душ в их проявлении, их творческом христианском начале. Батюшка в итоге своей творческой пастырской деятельности, имевшей в основе многолетний подвижнический труд, пришел к тому же, туда, куда вела великая, давно осуществлявшаяся традиция оптинского старчества.

Многих соблазняло, что в приходском храме началось такое делание: «Что это у вас там делается, совсем не похожее на то, что есть в других приходских храмах?» От многих приходилось слышать: «Ведь у вас приходской храм, а вы и служите каждый день, и народ принимаете». Многие священники смущались и смущаются частым причащением Святых Таин, а между тем именно в этом и заключал Батюшка подлинное духовное развитие человека. Церковь есть Тело Христово, и понятны слова Василия Великого, что из всех церковных собраний самое великое есть то, на котором причащаются Святых Таин. Батюшкина практика такова: у каждого должна быть своя мера — кто должен приобщаться раз в месяц, кто раз в неделю, кто несколько раз в неделю, а кто, может быть, и каждый день, — ибо Батюшка в этом был не теоретик, а великий практик и каждому определял то, что ему потребно.

Вот что пишет Василий Великий о мере причащения — не подвижнику, не иноку, а просто благочестивой женщине Кесарии: «Хорошо и преполезно каждый день приобщаться и принимать Святое Тело и Кровь Христову, потому что сам Христос ясно говорит: *Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь имать живот вечный* (Ин. 6:54). Ибо кто сомневается, что непрестанно быть причастником жизни не иное что значит, как жить множайше? Мы причащаемся четыре раза каждую седмицу: в день Господень, в среду, в пяток и субботу, также и в иные дни, если бывает память какого святого»[637]. Вот практика не только первых времен, когда христиане приобщались почти ежедневно, но и IV века, и говорит это один из самых строгих отцов Церкви. Для себя и своей паствы Василий Великий берет меру — четыре раза в неделю.

В этом отношении, как и в отношении многого другого, Батюшка занимал особую позицию. Его задачей, часто говорил он с улыбкой, было «устроить мирской монастырь». Он указывал, что вовсе не только для иноков есть путь спасения, этот путь должен стать достоянием многих. Мыслящим иначе было странно видеть, как радостно совершал Батюшка Таинство брака, ведь он ввел у себя так много от монастыря.

---

[637] *Василий Великий, свт.* Письма, 89 (93).

Надо в мире жить премирно, пользоваться им, по словам апостола, как бы не пользуясь. Батюшкиной задачей было, чтобы каждый в меру своих сил, в меру своего того или иного семейного или служебного положения приобщался к вечности, к той великой школе, которая заключается в богослужении. В частом принятии Святых Таин он подлинно вводил всех в Церковь Христову, в Тело Христово. Многие противопоставили ему какие-то свои правила относительно того, что нужно приобщаться только раз, или четыре раза в год, или же через сорок дней. Но Батюшка отлично понимал значение Таинства причащения и каждому из нас давал ту меру, что была ему нужна.

Индивидуальная мера предусматривалась им и для церковной молитвы. Батюшка говорил: «Ходите в храм сколько можете». Но вместе с тем матерям, которые бросали своих детей и уходили в церковь, он запрещал это делать: «Ты помнишь, как в монастыре бывает, тебя пошлют на кухню, идет литургия, а ты не можешь на ней присутствовать, потому что по окончании ее придет братия в трапезу и ей должен быть готов обед. Оставайся дома, а я за тебя буду молиться, и все верующие вознесут за тебя свои молитвы».

Это не значит, что можно не ходить в храм: я знаю, что надо бы быть в храме, но из-за того дела, которое является моей обязанностью, из послушания совершаю эту работу не только в будни, но, может быть, и в праздники. Батюшка говорил нам о том, что каждое наше дело есть послушание, данное нам от Бога, и на это наше послушание Батюшка благословлял нас с любовью и ласкою.

Батюшка учил нас не временному, а вечному и своей жизнью показал, что он был для нас всем.

У него получал утешение и наставление и инок, и тот, кто едва дошел до Церкви, стоит у ее порога, во многом еще не разбирается, не понимает ничего, а Батюшка уже его душу знал. Эта всеобъемлемость поражает, когда мы думаем о Батюшке и о его деле. Этот храм, такой тесный и маленький, явился тем храмом, где свободно дышится, есть простор для души. Каждый из нас, на какой бы высоте духовной жизни он ни стоял, берет по своей мере из того, что совершалось в этом храме, ибо всё здесь премирно, привременно и ничто не тянет к «миру».

И вот, братья и сестры, мы должны помнить ту обязанность, которую Батюшка возложил на нас. Давайте помнить, что он дал нам новою форму духовной жизни, дал нам, мирянам, возможность через богослужение приобщиться к тому истинному, подлинному христианскому опыту, который давался только в иноческой обстановке, куда не всегда можно было проникнуть, к чему нельзя было приобщить всех. Батюшка давал возможность приобщаться к нему

всем приходившим под его окормление. Он вмещал всех — и уже восшедших, и восходящих, и только желающих войти.

Да не смущаются сердца тех, кто находится в том или ином устроении. Помните, что жизнь и делание, которое мы делали и делаем здесь, не есть нечто надуманное, но дело великого опыта, великого понимания человеческой души. Вот почему нам так легко стоять в этом храме, хотя мы и ощущаем свои грехи и недостатки. Мы имеем духовную почву под ногами, и ее дал нам Батюшка, он поставил нас в благоприятные для духовного роста условия, открыл нам то, что было закрыто от нас монастырскими стенами. Он сделал это по своей великой любви, он сказал: «И вы все можете это иметь, я приобщаю вас к радости духовной жизни».

Аминь.

О чтении и разумении Священного Писания

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Один из отцов древнего патерика, говоря о Священном Писании, выразился так: «Святые отцы, жившие прежде, писали Священное Писание и исполняли его; другие, жившие после них, тоже писали Священное Писание, но исполняли его лишь наполовину. А вот пришел род сей — переписал Писание и положил его на окно».

Вот это и есть слово обличения для нас, которые к Священному Писанию именно так и относятся. Мы или, вернее, род наш не только смогли переписать Писание, но его даже перепечатали в великом множестве книг, и однако мы его положили на окно, или на стол, или на полку — этим и ограничились. И постоянно приходится наблюдать не только среди верующих, но и среди нас, священников, подобное отношение к Священному Писанию.

Впрочем, и среди нас есть и такие, которые читают и стараются изучить Священное Писание, однако и эти впадают, как говорят святые отцы, «в великое искушение». Они, читая Священное Писание, воспринимают его не в истинном разумении, а своим собственным разумом.

Марк Подвижник говорит об этом так: «Закон свободен научать всякой истине; многие читают его по-своему, но немногие разумеют по мере того, как исполняют заповеди»[638].

Как же это так? Как же это читать по своему разумению, что написано в этом Законе, в Писании? Вот тот же Марк

---

[638] Точно: «Закон свободен научать всякой истине, и многие читают его по-своему, но немногие разумеют по мере того, как исполняют заповеди» (*Марк Подвижник, прп.* 200 глав о духовном законе, 30 // Добротолюбие. Т. 1).

Подвижник и говорит нам, что Закон читается «с помощью истинного разумения»[639], не с помощью своего разумения, которое у каждого может быть различно, а с помощью «истинного разумения», т. е. разумевается через исполнение заповедей по мере их исполнения.

«Не нагим словом, а пóтом и трудами поучаются познанию Божественных истин», — говорит Иоанн Лествичник[640]. «Не нагим словом», стало быть, не словесным изучением, а пóтом и трудами. «Старайтесь, — говорит тот же подвижник, — научиться разуметь делами Писание, более от трудов, а не из одних книг»[641].

И Христос, когда учил, не давал Своим ученикам и тем, которые за Ним следовали, читать те или иные книги. Он говорил: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии... научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11:28–29).

Это то же самое, о чем говорит и Марк Подвижник: «Слово Божественного Писания ты читай делами, а не многословием или тщеславясь своим простым пониманием»[642].

Мы, которые так далеки от дел, далеки от того, чтобы читать Божественное Писание делами, идем как раз по другому пути: мы если и изучаем Священное Писание, то подходим к нему со стороны простого понимания, со стороны, как говорит в другом месте Марк Подвижник, своего собственного разумения.

А между тем закон Божий открывается нам по мере того, как мы входим в него своими делами. Вот почему святые подвижники и говорят нам, что нужно изучить не «нагим словом», а научиться познанию Божественных истин пóтом и трудами. А так как мы, вернее, те из нас, которые изучают слово Божие, которые любят читать, подходят именно с этой стороны, со стороны своего собственного разумения, со стороны простого словесного книжного понимания, поэтому мы впадаем в ту ошибку, о которой предупреждали нас святые отцы.

Иоанн Лествичник говорит, что вновь начинающие духовную жизнь особенно подвергаются великой опасности, толкаемые злым духом толковать Священное Писание[643].

---

[639] Точно: «Закон свободы читается разумом истинным» (*Марк Подвижник, прп.* 200 глав о духовном законе, 32 // Там же).

[640] Ср.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 26, 36.

[641] Ср.: Там же. 27, 78.

[642] Точно: « Слова Божественного Писания читай делами и не распростирай широко слов, надымаясь одними голыми умопредставлениями» (*Марк Подвижник, прп.* 200 глав о духовном законе, 85 // Добротолюбие. Т. 1).

[643] Ср.: «Между нечистыми духами есть и такие, которые в начале нашей духовной жизни толкуют нам Божественные Писания» (Лествица, 26, 151).

Этот соблазн действует прежде всего на две категории людей: с одной стороны, на тщеславных, которые именно по своему тщеславию и хотят знать Священное Писание и потому толкуют его по своему собственному, а не по истинному разумению, толкуют его не делами, а словесно, по своему простому разумению. «Они [злые духи], — говорит Иоанн Лествичник, — обыкновенно делают это в сердцах тщеславных»[644].

И есть еще одна категория людей, или род людей, впадающих в этот соблазн, — это те, которые обучены внешним наукам. Эта обученность внешним наукам часто толкает их на изучение Священного Писания и толкование его путем внешнего простого понимания.

Именно по этим причинам Седьмой Вселенский Собор указывал на то, что в церкви святое Евангелие преемственно переходит от одного святого отца к другому, т. е. преемственно передается в своем толковании именно от одного «делателя» к другому.

Кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном (Мф. 5:19).

Теперь понятно, стало быть, почему в Церкви не представляется возможным каждому иметь свое разумение Священного Писания, — это разумение может быть у каждого свое, оно может быть неистинным и может быть основано только на чисто внешнем восприятии закона, на его простом понимании, на том или ином тщеславном подходе к нему или на применении тех или иных внешних наук.

А святые отцы говорят, что слово Божественного Писания читается делами, а не многословием, тщеславием или простым пониманием. Все это — многословие, тщеславие и простое понимание — учитывается Церковью, ибо это не есть истинное понимание в целом.

И потому в отношении учителей Церкви Церковь признает таковыми — отцами и учителями — не всякого, а руководствуется именно этим применением дела, о котором я только что говорил.

Максим Исповедник так говорит об этом: «Много нас говорящих, да мало делающих» — и далее о том, каким образом говорящий может исказить Священное Писание, не зная его, не изучая его своими делами в угоду своей беспечности. Он говорит, что многие являются повинными в перетолковании слова Божия, в силу того что делаются должниками своего собственного разумения. «Никто не должен, — говорит он, — искажать слово Божие в угоду своей беспечности, а лучше исповедать

---

[644] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 26, 151.

свою немощь, не скрывая истины Божией, дабы в связи с преступлением заповедей не сделаться повинным в перетолковании слова Божия»[645].

Так учит Максим Исповедник. И мы знаем, что многие великие подвижники, которые вначале имели именно большое, а может быть, слишком большое обучение внешним наукам, сами закрыли для себя толкование Священного Писания. Так, например, Арсений Великий[646] был поистине одним из величайших по образованию людей своего времени, и однако мы знаем, что он никогда не толковал Священного Писания, хотя и имел к тому полную возможность. Вот поэтому он и может быть поставлен в пример тому месту из учения Иоанна Лествичника, где тот говорит, что «обученные внешним наукам» больше всего подвержены соблазну в отношении изучения и толкования слова Божия.

Стало быть, подходя к слову Божию, мы должны прежде всего помнить, что если мы желаем изучить слово Божие, если мы желаем его читать, то мы должны его читать своими делами, а не тщеславиться простым пониманием. Если мы будем думать, что все эти заповеди мы не должны сами проводить в жизнь, а только указывать другим, что в Слове Божием написано то-то и то-то, что мы должны быть таким-то и такими-то, нам смогут задать вопрос: «А сами-то вы делаете так или нет?»

И вот «кто же читает поистине Священное Писание? — задает вопрос Марк Подвижник. — Те, которые не считают себя должниками всех Христовых заповедей, читают закон Божий только телесно, не разумея его»[647].

Вот мы все не считаем себя должниками всех заповедей Божиих, а если мы и изучаем Священное Писание, то мы просто накапливаем те или иные знания нашего Божественного закона, а между тем это знание только тогда принесет нам пользу и тогда станет знанием истинным, а не ложным, если будет основано не на простом своем собственном понимании и разумении, а воистину, когда оно будет сопровождаться делами.

«Кто мало делает, — говорит Марк Подвижник, — ухищряется говорить одни слова, тот богатеет неправильно, и труды его, по Писанию, „в дом чуждаго войдут"»[648]. Стало быть, напрасно он

---

[645] *Максим Исповедник, прп.* Четыре сотни глав о любви, 4, 85 // Добротолюбие. Т. 3.

[646] Арсений Великий (354–449) — христианский святой, преподобный.

[647] Точно: «Те, которые не сочли себя должниками всякой Христовой заповеди, читают закон Божий телесно, *не разумеюще ни яже глаголют, ни о нихже утверждают* (1 Тим. 1:7), потому и думают исполнить его делами» (*Марк Подвижник, прп.* 200 глав о духовном законе, 34 // Добротолюбие. Т. 1).

[648] Точно: «Кто, не имея дел, мудрствует и говорит слова (беседы о том, как жить), тот является богатым от неправды и *труды* его, по Писанию, *в домы*

ухищряется и говорит о Писании — это только одни слова, и напрасно он думает, что богатеет, он *не в Бога богатеет* (Лк. 12:21), и никакой пользы от своего знания он не получает, ибо это не есть истинное знание, потому что оно не сопровождается делами, а слово Божественного Писания познается делами.

Как же нам разуметь Божественный закон и как же понимать его, т. е. понимать то, что мы читаем. Понимаем мы тогда, когда делами читаем Божественный закон. Есть два пути для нас. Или мы мало-помалу начнем делание во Христе, и тогда мало-помалу будут открываться тайны Божии, заключенные в Священном Писании. Но так как мы немощные и нам трудно идти по этому пути одним, то нам нужно воспользоваться всем тем, что мы можем взять у тех, которые не только учили, но которые прежде всего сотворили. И вот у них мы и получим то, что нам нужно.

Вот почему, повторяю, Церковь в лице Седьмого Вселенского Собора говорит о том, что Евангелие преемственно передается в Церкви от одного отца к другому.

И в отношении понимания Священного Писания: мы только тогда начнем понимать его, когда в возможной для нас мере начнем делами творить этот закон, когда мы, хотя бы в немногих заповедях, в тех заповедях, которые мы не только восприняли словесно, или, как говорит Иоанн Лествичник, «нагим словом», но над которыми поработали, если мы начнем изучать с этих заповедей, тогда мало-помалу нам будет открываться и остальной Божественный Закон. Ибо мы подошли правильным путем со стороны не простого понимания, а со стороны духовного делания. Поэтому каждый из нас должен начать хоть с немногого, потому что «если ты делаешь добро, которое можешь, то и прочее откроется для тебя по порядку, будущее постигается посредством того, что ты знаешь»[649].

Нам не полезно, стало быть, бороться за дальнейшее прежде исполнения той части закона Божественного, которую мы понимаем, которая нами может быть выполнена, которую мы считаем как сказанную не для кого-нибудь чужого, а для нас самих. Лишь когда мы сочтем себя должниками этой заповеди и будем исполнять ее, лишь тогда, как говорит Марк Подвижник, мало-помалу будет открываться и прочее. Если ты делаешь добро, которое можешь и знаешь, будущее постигнется посредством другого.

И поэтому необходимо проверить себя, как мы относимся к Священному Писанию. Пусть те, у которых Евангелие лежит на

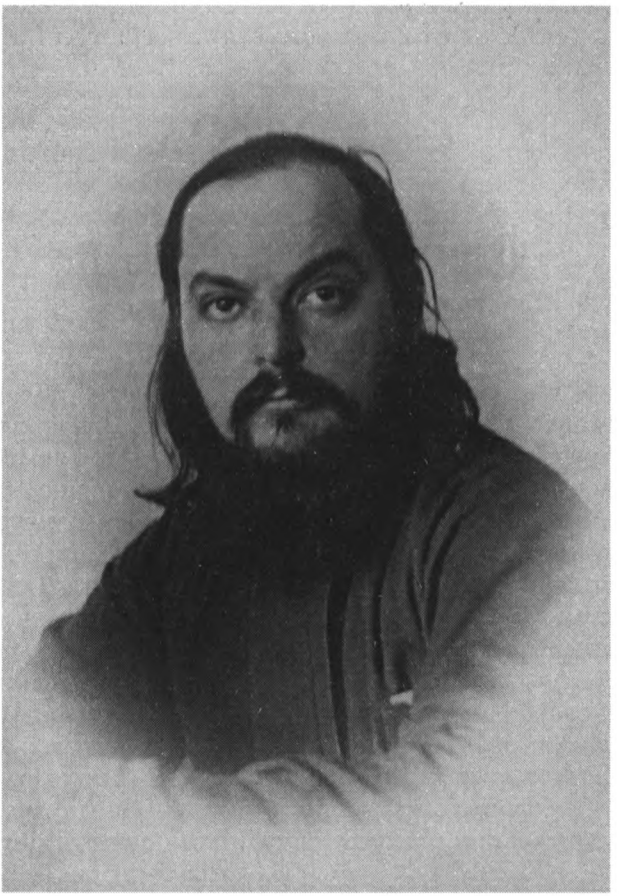
чуждые входят (Притч. 5:10)» (*Марк Подвижник, прп.* 200 глав о духовном законе, 196 // Добротолюбие. Т. 1).

[649] Точно: «Если бы ты делал то добро, которое знаешь, тогда последовательно открылось бы тебе и всё прочее, будучи постигаемо одно посредством другого» (*Марк Подвижник, прп.* 200 глав о духовном законе, 84 // Там же).

полке, в шкафу или на окне, пусть поймут наконец, что ведь не для того мы держим слово Божие у себя дома, чтобы лежало оно в небрежении, как говорят об этом святые отцы древнего патерика. Пусть откроют они это слово Божие, пусть начнут читать каждый день по одной хотя бы главе Священного Писания и пусть почувствуют себя должниками против всех заповедей Божиих. И когда начнут понимать они хотя бы в малой мере, хотя бы в одной малой заповеди начнут исполнять закон Божий, тогда постепенно откроется им и весь Божественный закон.

И пусть те из нас, которые много читают слово Божие, которые считают своей прямой обязанностью читать слово Божие каждый день, пусть не тщеславятся простым пониманием, пусть обратятся к тем, которые деланием шли по пути изучения, к тем, которые сотворили и потом уже научили. И пусть также помнят они, эти вторые, что только по мере того, как мы будем выполнять заповеди Божии, в наших душах мало-помалу будут открываться через делание, через дела наши и остальные заповеди. Тогда мы будем идти не путем простого понимания, не путем своего собственного разумения, а путем истинного разумения заповедей Божиих.

Аминь.

«ВЫ ВСЕ В МОЕМ СЕРДЦЕ...»

ПИСЬМА

ПИСЬМА ОТЦУ

Письма из Италии (1913)[1]

Дорогой папа!

Сегодня осматривал галерею Литта[2] и видел еще трех Мадонн Рафаэля, собственно, даже четырех, четвертую в его «Святом семействе». Больше всего понравилась та Мадонна, которая очень похожа на виденную мною вчера в галерее. <...> Опять долго стоял перед картиной, а потом, обходя галерею, несколько раз к ней возвращался. Из виденных мною нескольких десятков Мадонн, только в Мадоннах Рафаэля нашел, да и то не во всех, то, что для верующих людей является необходимым в Ней — это девическую нежность и какую-то особенную задумчивость, связанную с исполнением Ею столь великого дела.

Обыкновенная Мадонна в лучшем случае только любящая мать, но в большинстве случаев подчас даже плохо любящая.

Вы советуете мне ехать в Рим. Конечно, папа, совет хороший, так как Рим, что называется, в двух шагах, только я беспокоюсь сильно относительно денег: Вы предлагаете мне выслать, но я не знаю, каково это будет Вам.

Говорить о том, что после всего виденного в Италии мне хочется в Рим, я считаю лишним: вообще, всякому, конечно, хочется там побывать.

Я возьму от Вас денег с тем условием, что Вы даете их мне взаймы, как и прежние 100 рублей, а это письмо является обязательством перед Вами. Денег, папа, нужно 50 рублей, не меньше. Как приеду, возьму урок и постараюсь их отдать. Финансы мои сейчас в таком положении: у меня есть 30 рублей русскими деньгами — это, так сказать, неприкосновенный капитал, оставленный мною на дорогу (билет от Швейцарии до Александр[ии][3], хотя и

---

[1] Печатается по: Маросейка: Жизнеописание отца Сергия Мечёва, письма, проповеди, воспоминания. М.: Мартис, 2001. С. 198–200. (С испр. и доп.)

[2] Картинная галерея в Милане, принадлежавшая герцогу Антонио Литта.

[3] Алессандрия, железнодорожный узел в 90 км юго-восточнее Турина.

III, конечно, класса, стоит 25 рублей), затем 150 франков, которые почти все придется израсходовать во Флоренции, ибо один билет до Рима стоит 20 франков. Есть у меня еще 6 рублей немецкими деньгами. Принимая во внимание все расходы, никак нельзя обойтись без 50 рублей, если ехать в Рим. Через три дня нужно уже уезжать из Флоренции.

Папа, Вы уже простите, поеду в Рим без Вашего разрешения. Надеюсь на Вашу доброту. У меня есть к Вам еще просьба.

Ради Бога, купите в Москве путеводитель по Риму и пошлите его мне.

Иначе вся поездка в Рим пропадет. В Риме буду две недели.

Спросите у Вольфа и Карабасникова[4].

Нынешней весной вышел какой-то очень хороший, забыл фамилию автора: очень хвалили в газетах. Ну, все равно — какой-нибудь. Вы не можете представить, какую помощь мне оказал путеводитель по Швейцарии — Бедекер[5]. Этого же издания есть и Рим, но стоит очень дорого, а, главное, *немецким я не так владею*, чтобы мог решительно все понимать. Путеводитель по Швейцарии легко читается, другое дело путеводитель по Риму. Вышлите, пожалуйста, *русский*. Говорю по собственному опыту, что без путеводителя нельзя ступить и шагу, а тем более, я не знаю итальянского языка. Путеводитель сберегает и много денег: по плану можно легко ориентироваться.

Адрес мой такой: Италия, Рим...

Деньги после. Главное путеводитель. Деньги можно опять через банк переслать в Рим на мое имя. Чек прислать заказным письмом по адресу, написанному выше.

Напишите сверху «заказное», а в скобках — по-итальянски — accompanga. Папа, простите за письмо. Так набегался, что едва сижу, а хочется отправить сегодня.

Любящий Вас Сергей

Желаю всего наилучшего и простите меня за мою просьбу. Хотел послать Вам вместе с письмом Мадонну Рафаэля, но маленького размера в хорошем исполнении нет. Посылаю Вам Мадонну новейшего художника Ферруччио.

Спасибо за сердечные письма. Я, правда, их не стою.

Папа! Вы не думайте, что я очень много трачу на пустяки. Значительную долю моего расхода составляет посещение галерей,

---

[4] Имеются в виду книжные магазины известных издательских домов М. О. Вольфа и Н. П. Карабасникова.

[5] «Бедекер» — ставшее нарицательным название путеводителей немецкого издательского дома Карла Бедекера и их английских и французских переработок.

церквей, дворцов. Во всех галереях и дворцах плата по 1 франку, во многих церквах тоже приходится платить по ½ франка и больше. Если же доступ в церковь и бывает свободен, то очень часто картины великих художников завешиваются, алтари, из-за которых приходишь, закрываются: все равно приходится платить, чтобы все это открывали.

Я думаю, что если бы не исключительная набожность итальянцев, то церкви вообще бы закрывались на целый день и доступ был бы везде по билетам. Но большинство церквей открыто до захода солнца: народ заходит в них и молится.

***

Дорогой папа!

Тяжело уезжать из Рима. Совершенно не думал, что в состоянии до такой степени полюбить Рим. Вчера еще раз был в Ватикане, смотрел опять Сикстинскую капеллу и любовался комнатами Рафаэля; вчера же бродил вечером по городу, выбирая любимые места, пил чай в гоголевской кофейне Греко[6], подолгу сидел над фонтанами. Рим имеет какую-то прелесть, ему одному только принадлежащую, и совершенно правы те писатели, которые признают особое чувство — чувство Рима.

Уезжаю сегодня вечером по тому маршруту, который у меня в билете: Рим – Флоренция – Пиза – Генуя – Милан. Вряд ли где-либо буду останавливаться, разве, быть может, только принудит неудобное расписание поездов, придется три раза пересаживаться. Проеду из Милана Швейцарией (в Лугано возьму свой багаж и дня два отдохну). Затем через Мюнхен – Дрезден – Берлин – Александров[7], Варшаву в матушку-Москву.

В Мюнхене пробуду два дня, также и в Дрездене: очень хочется поглядеть картинные галереи и музеи.

Папа, мне очень совестно, но приходится опять просить денег, но это уже *последних*. Причин тому прискорбному обстоятельству две: во-первых, — я просрочил свой билет от Александрова, за что и извиняюсь, во-вторых, — очень хочется взглянуть на Мюнхен и Дрезден. Повторяю еще раз, на все взятые у Вас деньги смотрю как на долг, ибо нахожу, что Вы вовсе не обязаны высылать мне деньги на всякие прихоти.

Денег нужно 40 рублей. Если что останется, привезу в Москву.

---

[6] Старинное кафе «Греко» у площади Испании, которое часто посещал Н. В. Гоголь, когда жил в Риме, и где, по местному преданию, написал большую часть «Мертвых душ».

[7] Имеется в виду польский город Александрув-Куявски.

Моя усерднейшая просьба послать не через Ивана Матвеевича[8]: и так уже думают, наверное, что я Вас обираю. Попросите Сашу или Олю[9]. Сделать это очень легко. Пойти в Лионский кредит[10] и в отделе «Переводы и аккредитивы» заявить, чтобы пересылали деньги *чеком на мое имя*. Вам дается чек, Вы пересылаете его мне заказным письмом. На последнем на обратной стороне напишите свой адрес. Перешлите деньги на Мюнхен, по адресу: Германия. Мюнхен...

На письме сверху написать: заказное.

Поклон всем.

Любящий Вас Сергей

Письма с фронта (1915)[11]

12 мая 1915 г.

Дорогой папа!

Работаю на вокзале, кормлю беженцев и жителей города[12]. Кроме того, у меня на станции есть и эвакуационный пункт, через который ежедневно проходит от 150–300 раненых. Их мы кормим, поим чаем, и они отдыхают у нас до прихода санитарного поезда. На вокзале работаем вдвоем: 24 часа — я, 24 часа — Виноградов[13], о котором я уже писал. Вокзал находится в одной версте от больницы, где расположился госпиталь.

Чувствую себя очень хорошо. Пользуюсь временем и для лечения: впрыскиваю себе мышьяк[14]. Сам главный врач предложил мне это и сам делает впрыскивания. Как Ваше здоровье?

При первой возможности пришлю Вам карточки из жизни отряда. Больше половины города разбито, население голодает.

Горячо любящий Вас С.

---

[8] Не представляется возможности выяснить, о ком идет речь.

[9] Сестры отца Сергия Александра и Ольга.

[10] Имеется в виду московское отделение французского банка «Лионский кредит».

[11] Печатается по: Маросейка: Жизнеописание отца Сергия Мечёва, письма, проповеди, воспоминания. М.: Мартис, 2001. С. 201–202. (С испр. и доп.)

[12] В прифронтовой зоне близ германской границы.

[13] Сослуживец по санитарному поезду.

[14] Мышьяковистые препараты в малых дозах применялись при истощении, малокровии, при лечении возвратного тифа, малярии и ряда других инфекционных заболеваний. Отец Сергий страдал в этот период от истощения и был похож, по словам одной из сестер милосердия, «на умирающего немца».

***

2 июня 1915 г.

Дорогой папа!

Как жаль, что Вы нездоровы и от меня не было это время писем. Ваше письмо от 20 мая я получил. Жив и здоров. Не беспокойтесь — в плен не попал. Работал несколько раз под ружейным и артиллерийским обстрелом, и только. Чувствую себя превосходно.

Мышьяк оказывает свое действие, и, несмотря на изобилие работы, я мало устаю. Почта наладится на днях, буду писать Вам ежедневно.

Любящий Вас горячо С.

***

4 июня[15]

Сегодня у Вас праздник[16], с которым Вас и поздравляю. За последние дни масса работы. Чувствую очень хорошо. Привет всем.

Горячо любящий Вас С.

***

15 августа 1915 г.

Дорогой папа!

Испытал одно новое для себя ощущение — летал на аэроплане.

В имении, где находится наш отряд, живут и летчики. С одним из них я и летал. Письмо Ваше от 7 августа, а также и посылку с шоколадом и конфектами [получил]. Большое спасибо и за пленки. Писать пока нечего. Скучно. Живем в графском палаццо безо всякого дела. Погода странная: уж скоро две недели, как не видим солнца, а дождей тоже нет. Так все пасмурно и серо, что и писать не хочется. До скорого свидания.

Любящий Вас горячо С. М.

---

[15] Открытка.

[16] Храмовый престольный праздник Всех святых, в земле Российской просиявших.

ПИСЬМА РАЗНЫМ ЛЮДЯМ

Е. А. Булгаковой[17]

Господь благословит Вас, родная моя Лиза, за память обо мне, Господь поможет Вам устроить свою душу. Вы глубоко, верно определили первое свое состояние — первоначальное, радостное, светлое, легкое. Второе состояние — это подмена подлинного призрачным, духовного — плотским. В нем привыкли видеть ценности, которые являются мнимыми. Таковы повышенное чувство экстаза и даже плотские состояния (не отдавая себе в последних отчета). Почувствовав неправильность, Вы не открыли всей правды, от этого и помощи не было.

Родная моя, не унывайте, это часто повторяемый путь. Ничего необычного в этом нет. Для греховного пути это свойственно, можно сказать, нормально. При этом Вы много познали и сейчас сознаете. А это великое дело. Прошу Вас: живите проще, не гоняйтесь ни за какими состояниями. Помните, что если нужно, Господь дает сам.

Живите по примеру вдовицы, принесшей Господу две лепты(см.: Мк. 12:41–44; Лк. 21:1–4): «Господи, у меня ничего нет, душа пуста, сердце каменное, но я верую в Тебя и приношу Тебе последние две лепты, которые с трудом собрала у себя внутри». Вот так просто и нужно жить.

Господь увидит Ваше смирение, Ваш труд и даст Вам то, что Вы и не подозреваете, даст радость тихую о Духе Святом. Радость незаметную, смиренную, благодатную. Совсем не такую, что Вы ценили раньше и желали иметь.

Храни Вас Господь! Простите меня за небрежное писание. Тороплюсь, хочется ответить. Сердцем не сразу заживете, а молитву молящемуся, по слову Святого Писания, дает Господь (см.: 1 Цар. 2:9). Вы в смирении делайте лишь возможное для Вас в этом направлении.

---

[17] Печатается по: Архив храма Святителя Николая в Клённиках. Машинописная рукопись.
Булгакова Елизавета Александровна (1909–1995). Прихожанка маросейского храма. В 1941 г. была арестована вместе с отцом Сергием Мечёвым.

В. В. Величко[18]

Глубокоуважаемый и дорогой Валериан Вадимович!

При вхождении во Святый пост земно Вам кланяюсь и прошу прощения за все содеянное мною. Простите за все! Передайте мой сердечный привет всем Вашим. Да благословит Вас Господь в Ваших общих трудностях!

Переданное Вашими «если помнит о нас, то скажите...» для меня доставило душевную тревогу. Родной Валериан Вадимович! Всегда помню, благодарю и до сих пор по временам тянусь к вам ко всем, как бывало и раньше. Очень прискорбно, что письмо мое ко дню Вашего ангела с моей глубокой благодарностью за Ваше внимание к болезни моей не дошло до Вас. Может быть, где и найдется еще, может быть, в книге какой завалялось.

Я писал Вам там и о книге «Древнерусский духовник» Смирнова. Это вторая часть труда известного профессора, историка Русской Церкви, преемника по кафедре и ученика Голубинского[19]. С. И. Смирнов был профессором и в Академии, и в Московском университете. Мой учитель. Первый том посвящен духовному отцу и старцу древней Восточной Церкви. Это база для выводов его по вопросу покаянной дисциплины в Русской Церкви. Прекрасна работа, давшая совершенно иное освещение прав, роли и значения духовничества в нашей Церкви.

Сердце сжимается за все что происходит! Вот докатилась волна скорбей до Вашей семьи, такой слаженной и для современности совершенно непонятной. Передайте, пожалуйста, сестрам Вашим, что душа моя сострадает, что как умею молюсь и прошу Господа о даровании им сил духовных на перенесение неожиданного испытания. Всегда помню, как хорошо бывало мне в доме Вашем, наполненном до отказа всяким творением Божиим, начиная с птиц и зверей и кончая людьми и лучшим, что есть в людях — их благоподобным творчеством: книгами, картинами, иконами. Попугаи, голуби, вороны, кошки, собаки, подрастающие дети среди груд книг, рукописей, иллюстраций, всевозможных вещей, вещиц. А главное, хозяева, каким-то чудом преодолевшие вековое *враги человеку — домашние его* (Мих. 7:6; Мф. 10:36)... Любил я, очень любил бывать у Вас. Да что моя жизнь

---

[18] Валериан Вадимович Величко — врач, большой знаток искусства и особенно иконописи, духовной литературы; человек редких душевных качеств. Крестный отец младшей дочери отца Сергия Анны. Жил в большой квартире в переулке около Центрального рынка с братом Сергеем, сестрами Марией, Зоей и Наталией и чужими детьми, влившимися в семью и очень ей преданными.

[19] Голубинский Сергей Евсигнеевич (1834–1912), академик, историк Русской Церкви и церковной архитектуры.

дома, как на экране промелькнула... Люди, люди, люди... Все некогда, все бегом, все наспех!

Нигде в семье я не отдыхал так, как у Вас. Поэтому к Вам, в этот Ноев ковчег всяких ценностей — Божественных и тварных, — всегда в минуты исключительной «переработки» устремлялась душа.

Примите от меня глубокую благодарность за все. Если разрушится так или иначе семья Ваша, я первый из числа оплакивающих ее. Пишу это от всего сердца — так и чувствую: для чего-нибудь я приходил по временам именно к Вам, имея в то время для отдыха всякие и с «внешней» стороны более подходящие возможности. Еще раз глубокое, сердечное спасибо за помощь и внимание в лучшие годы мои. Господь воздаст Вам за это! Я ведь ничего для Вас не сделал, а Вы так хорошо относились ко мне и, главное, к нашему маленькому розовому домику.

Примите от меня, много раньше Вас вступившему по воле Божией на путь тех же лишений, слова утешения из опыта последнего моего крестоносного года:

Я услышал, и вострепетала внутренность моя; при вести о сем задрожали губы мои, боль проникла в кости мои, и колеблется место подо мною (Авв. 3:16).

Как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал как голубь; уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! Тесно мне; спаси меня (из Плача Езекии; Ис. 38:14).

Возведите к Господу очи сердец Ваших[20], *ибо он причиняет раны и Сам обвязывает их, Он поражает и Он врачует* (ср.: Иов. 5:18).

Кто без молитвы и терпения хочет побудить искушения, тот не отразит их, но более в них запутается[21].

Не предавайся печали душею твоею и не мучь себя своею мнительностью, ибо печаль многих погубила, а пользы в ней нет (Сир. 30:22.25). *Управь сердце твое и будь тверд во время посещения твоего* (ср.: Сир. 2:2). *Все, что ни приключается тебе, принимай охотно, и в превратностях твоего уничижения будь долготерпелив* (Сир. 2:4).

При умножении страданий моих в сердце моем, утешения Твои стали веселить мою душу (ср.: Пс. 93:19).

Постоянно помню. Молюсь за Вас и за Сергея Вадимовича[22]. Предайте Господу путь Ваш, и уповайте на Него, и Он сотворит

---

[20] Вероятно, аллюзия на Пс. 122:1: *К Тебе возвожу очи мои, Живущий на небесах!*

[21] *Марк Подвижник, прп.* Наставления о духовной жизни, 3, 189.

[22] Брат В. В. Величко.

(ср.: Пс. 36:5). Я всегда сам надеюсь на милость Божию и желаю этого же и Вам. *По мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше* (2 Кор. 1:5).

Аня шлет крестному привет. Да сохранит Вас всех Господь! Простите! Спасибо за все!

Л. А. Воскресенской[23]

[До 1927 г.] Большое спасибо Вам, дорогая Лидия Александровна, за память обо мне. Я всегда молюсь за Вас и всегда помню. Только все вот не выбрался к Вам в Посад[24]. Завтра уезжаю на 3–4 дня (вернусь в четверг вечером) в Верею навестить семью. Я не знаю, когда Вы переезжаете совсем в Москву. На той неделе в середине буду в Посаде. Я, если нужен Вам до этого времени, служу в пятницу, субботу и воскресенье. Очень рад был бы повидать Вас. Все, что только могу, я готов сделать для Вас и Вашей семьи. Передайте мою сердечную благодарность Александру Дмитриевичу и благословение детишкам.

Простите, что пишу так плохо: сижу в вагоне и бумага лежит на коленях. Не унывайте! Вам есть для кого жить и мало того: Вы иногда умеете жить для них, потому что любите их. Дело у Вас только в выдержке.

Храни Вас Господь

Грешный недостойный иерей Сергий

***

Все так неожиданно произошло. Как-то необычно. Моя просьба об одном. Помогите впоследствии Евфросинии Николаевне[25]

---

[23] Печатается по: Архив храма Святителя Николая в Клённиках. Рукописные оригиналы.

Воскресенская Лидия Александровна (1885–1982), урожденная Бари. У Александра Вениаминовича Бари (1847–1913), инженера, мецената, предпринимателя и общественного деятеля, было девять детей. Лидия Александровна была хорошо образована, знала языки, окончила искусствоведческую группу в Московском университете. Была библиографом в библиотеке Института мировой литературы имени А. М. Горького (там же трудилась и младшая дочь отца Сергия Мечёва Анна Сергеевна), затем в фундаментальной библиотеке АН СССР: делала библиографические обзоры, составляла аннотации книг, изданных на иностранных языках. Общалась со многими писателями. Для Бориса Пастернака в период написания им романа «Доктор Живаго» доставала необходимую для работы литературу. Прихожанка храма Святителя Николая в Клённиках.

[24] Имеется в виду Сергиев Посад.

[25] Матушка отца Сергия (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 168).

поближе быть к детям. Привет и благословение всем. Очень рад за Кирилла[26]. Поздравляю его маму, особенно папу. Спасибо за все. Жизни моей остается один час. Простите.

***

Спасибо Вам, дорогая Лидия Александровна, за хорошее письмо Ваше. Много и у Вас сейчас волнений и скорбей. Мятущаяся Вы очень по характеру и трудно Вам. Жаль мне, что заболела Ника[27], что разлюбила она Екатерину Павловну[28]. Пишу отцу Борису[29]и прошу его обратить на Ваших девочек особое внимание. Зачем это Вы так говорите: «с боку припеку»? — неправда. Я не хочу, чтобы Вы так думали. Обращайтесь за всем к Марии Николаевне Соколовой[30]. Она все Вам скажет, сделает, даст. Письма мои прошлые к определенному моменту, но очень буду рад, если Вы их прочтете. Там моя душа вся — какая уж есть на самом деле.

<...> Спасибо Александру Дмитриевичу сердечное, что написал мне несколько строчек. Мне здесь это очень дорого.

Конечно прочтите Нике записки Ал. Ф.[31], ее по конституции ее это не возбудит чрезмерно. Я их очень люблю, как и автора, но некоторым нельзя целиком читать их. Местами очень возбуждающе написано. Часто ее вспоминаю. Царство ей Небесное. Немного я прожил после нее на Маросейке.

При случае напишите мне о Кирилле. Я о нем беспокоюсь и молюсь. Из него может выработаться хороший ученый. Дай Господь ему встать на эту дорогу.

Передайте мой привет и благословение Нике, Натусе, Кириллу и Сашутке[32].

Храни Вас Господь.

Иерей Сергий

Был нездоров. Теперь поправляюсь. Неделю шел снег, временами при распустившихся яблони и сирени можно было ездить

---

[26] Старший сын Воскресенских Кирилл Александрович (1912–1988) — биолог, доцент МГУ. В войну был в партизанском отряде.

[27] Дочь Воскресенских Ника Александровна (1915–1993) — геолог.

[28] Пешкову (1876–1965). Первая жена Максима Горького, работая в Красном Кресте, помогала политическим заключенным.

[29] Холчеву (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 99).

[30] См.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 139).

[31] *Записки* Александры Федоровны Ярмолович об отце Алексии Мечёве.

[32] Ника, Кирилл — см. выше соответственно прим. 27 и 28; Натуся — Наталья Александровна (1918–1963) — географ, рано неизлечимо заболела; Сашутка — Александр Александрович (родился в 1925 г.), младший сын Воскресенских, крестник отца Сергия Мечёва.

на санях. Сейчас прекрасная, жаркая, летняя погода. Дети уже не кашляют. Сашутке в следующий раз пришлю их карточку. Мне хочется, чтобы он их помнил.

***

В День всех святых[33] пишу Вам, родная Лидия Александровна.

Поздравляю Вас с ангелом, а то не пришлось мне в этом году поздравить Вас.

Глубоко тронут вниманием Вашим. Спасибо за ребятишек моих. Особенно же до слез тронут вниманием Александра Дмитриевича.

Через 3–4 недели решится моя судьба. Пошло в Архангельск. Так уж видно угодно Господу. Здоровье дало третью категорию[34] на комиссии, поэтому на канал не поеду[35].

Перекрестите за меня крестника, поцелуйте его от меня. За все и за всех душа болит. Евфросиния Николаевна моя совсем расклеивается — много всякого случайного, житейского и ненужного. А вот сплелось. Но она все храбрится. Молодец она у меня. Уж так ей и без глупости-то этой тяжело — одна и без детей, и без работы, и без меня.

Передайте привет девочкам Вашим. Скоро будет молодой врач. Дай Бог! Студенческие годы быстро пройдут. Профессору мой особенный привет, когда вернется. Я всех поминаю.

Всего Вам, родная, доброго.

Что Господь даст, нужно все принять и перенести. Простите, что пишу карандашом. Особенно неудобно перед Александром Дмитриевичем. Вы уж замолвите перед ним словечко.

Христос с Вами!

***

Спасибо Вам сердечное, дорогая Лидия Александровна, за Ваши весточки. Я отвечал Вам, хотя, правда, и не всегда. Это не потому, что забыл Вас. Все и всюду трудно сейчас. Поздравляю Вас с новой службой. Куда же уехал Кирилл? Надолго?

Спасибо Вам сердечное за Ваши заботы обо мне. Низкий поклон передайте Александру Дмитриевичу, Сашутку перекрестите и поцелуйте за меня, девочкам передайте, что помню их, что навсегда останутся они в моей памяти. Очень жалею их.

Живу все так же. Перебрался снова на старое месте. Чуть не умерла у меня здесь бабушка[36] — переволновался за нее очень.

---

[33] Переходящее празднование в первое воскресенье после дня Святой Троицы.

[34] 3-я группа инвалидности.

[35] Имеется в виду: на строительство Беломорканала.

[36] Квартирная хозяйка.

Сейчас поправляется. С Лизухой[37] то хорошо, а то и трудновато. Характер у нее, видимо, не из легких. Но стала все же гораздо мягче.

Христос с Вами! Простите за небрежное писание.

***

Примите от меня глубокую благодарность, родная моя Лидия Александровна. И особенно за Ваше отношение к Евфросинии Николаевне и моим теперешним скорбям. Передайте и Александру Дмитриевичу. Земно Вам обоим кланяюсь. Спасибо. До слез меня тронула забота Ваша.

Не скорбите, что так получилось с Екатериной Павловной[38]. Ведь Вы не нарочно. Так случилось. Очень Вас понимаю, но и говорю Вам: не падайте духом. Примите в терпении. Очень хорошо нам всегда чувствовать свою вину. Пусть это сознание даст Вам силы к налаживанию внутренней жизни. Покаяние — то поле, на котором произрастает христианское делание. Только бойтесь главного врага своего — уныния, отчаяния. За вас всех молюсь, как умею. Господь даст дожить до октябрьских дней, о которых Вы писали. Буду очень, очень рад. Перекрестите за меня Сашутку.

Очень рад, что у Вас наладилось дома и со службой.

Помню о Вас. Очень мне трудно, что розовый дом так[39]. Бесконечно. Что же делать-то было? Да будет Его воля. И все-таки, и все-таки. Молитесь и Вы за меня. Девочкам и будущему ученому мой сердечный привет. Спасибо за доктора сердечное.

Христос с Вами.

Поблагодарите от меня Е. С. Т.[40] Спасибо ей за все.

***

Спасибо Вам, дорогая Лидия Александровна, за память, посылку и письма.

С любовью всегда вспоминаю Вас, Александра Дмитриевича и ребятишек. Задерганность мешала мне бывать у Вас часто. Зато с Александром Дмитриевичем связано много из северных переживаний последних двух лет.

Конечно, побывайте у о. Сергия Лебедева и, когда захочется еще, навещайте его. Мой совет только в одном: причащаться в нашем храме. Исповедоваться к тому, к кому больше откроется душа, детей же, конечно, к о. Борису Холчеву.

---

[37] Дочь Елизавета.

[38] См. прим. 28 на с. 342.

[39] Вероятно, речь о закрытии храма Святителя Николая в Клённиках.

[40] Неустановленное лицо.

Хотелось бы мне к рождению Кирилла подарить или, вернее, благословить его ангелом-хранителем. Есть он у него? Сообщите матушке. Если нет, то другой иконочкой, но, главное, хочется сделать надпись на всю его жизнь. Я о нем тоже беспокоюсь. Как-то все получается с ним по-особенному.

Есть ли теперь ангел у крестника; кажется, у девочек нет?

Напишите мне об этом непременно.

Я теперь об этом позабочусь.

К Александру Дмитриевичу у меня просьба: нельзя ли ему в какой-нибудь наш праздник, например Феодосия Тотемского или Алексия, человека Божия, прийти ко всенощной к началу и пробыть все стихиры (на «Господи, воззвах», литии и стиховне, за вечерней), после свое мнение передать Вам, а Вы мне. Там у нас по-новому гласы и подобны. Мне очень бы хотелось узнать его мнение. Спасибо Вам за все. Александру Дмитриевичу, Вам и ребятишкам благословение и привет с севера.

Любящий Вас отец Сергий

Натуську познакомьте по-настоящему с о. Борисом (Холчевым). Это очень хорошо.

***

Сердечное спасибо Вам, родная моя Лидия Александровна, за Ваши письма. Я все думаю, что уже забыть меня пора, а Вы все помните меня, да еще с такой любовью относитесь. Не стою я этого. Выражаю Вам и всей семье Вашей глубокое сочувствие в связи с кончиной Павла Борисовича. Всегда теперь поминаю его. Спасибо Вам за него. Очень трогает меня Ваше общее участие в этом стареньком, добром, беспомощном человеке. Вы еще с Сергиева Посада его помните, конечно, да еще через Новгород. Царство ему Небесное!

Очень трудно мне сейчас и нездоров ко всему. Грипп какой-то мучительный. Не в нем главное же. За всех и за все душа болит. Если бы один был, то и шел бы радостно по пути совести своей, а видеть, как трудно другим идущим, иногда сверх моих сил. Всегда было легко мне, а теперь потерпеть надо. Все это понятно, но человек я, и иногда за других так тяжело бывает.

Конечно, Сашутку причащайте. Я все так же. Ни от кого не отделялся. Как бы обо мне ни говорили, чтобы ни выдумывали, я такой же, как и был тогда, после разговора с М. С. Помните?

Поэтому благодать, конечно, везде в Таинствах и правильном рукоположении по преемственности апостольской.

Передайте мой глубокий поклон Александру Дмитриевичу. Евфросиния Николаевна тоже шлет ему привет. С тех пор, как она

у меня, много пришлось от нее слышать об Александре Дмитриевиче. Глубоко, сердечно благодарю за все и за всех, с Алеши[41] начиная. Простите меня, дорогая Лидия Александровна.

Помню о Вас и всех Ваших. Кириллу, Нике, Натусе привет. Сашечку перекрестите.

***

От всей души благодарю Вас, родная моя Лидия Александровна, за Вашу память обо мне. Передайте и Александру Дмитриевичу мой сердечный привет и глубокую благодарность. Передайте, что его я помню, уважаю, люблю и очень жалею. Всегда помню обо всем, что сделал он и для меня, и для других. Евфросиния Николаевна шлет Вам обоим поклон, она даже не может спокойно говорить об Александре Дмитриевиче, так ей за него больно.

Слушайте, Лидия Александровна, был такой случай (правда, с ребенком), но ведь это не важно. Замучила сыпь и наросты всякие по лицу, рукам, ногам, телу. Сплошное мучение было не только для ребенка, но и матери, и отцу, и всем окружающим. Лечили много, упорно, годами. В качестве врача смотрел и Л. Д. между прочим. Взялся излечить и излечил профессор Филиппов. Старик возмущался, что до такой степени довели и не лечили. А какой не лечили! — всеми способами и у всех врачей. К Филиппову обращались без надежды и, кажется, в связи с другой болезнью. Смотрите, он старик, поторопитесь.

Передайте Нике, что я молюсь за нее. Христос с Вами.

Сашеньку родного моего крепко целую. Привет Наташе и Кириллу. Христос с Вами.

А. Д. Воскресенскому[42]

Сердечное Вам спасибо, глубокоуважаемый и дорогой Александр Дмитриевич, за память, внимание в трудные минуты жизни моей. Сочувствие великое дело, понимаемое нами только опытным

---

[41] Сын отца Сергия (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. С. 177).

[42] Воскресенский Александр Дмитриевич (1872–1963) — сын протоиерея, муж Воскресенской Лидии Александровны, детский врач. Лечил детей отца Сергия Мечёва, с которым был дружен. Вместе с ним ездил в Ферапонтов монастырь. В 1939 г. Лидия Александровна с сыном Александром ездила к отцу Сергию на станцию Тверца под Калинином. Там была вся семья отца Сергия — жена, дети. Отец Сергий служил дома литургию. В 1935 г. Александр Дмитриевич был арестован, срок отбывал в Дмитровлаге на строительстве канала. Работал в лазарете. Был расконвоирован. К нему приезжала жена с сыном Александром. В 1941 г. с него сняли судимость. В войну работал врачом Был награжден орденами Ленина и Отечественной войны.

путем. Зная Вашу способность к писанию, до слез тронут Вашими строками. Спасибо Вам, родной, за все. За ребят моих, за Алешу, за жену, к которой Вы так тепло относитесь. О себе же и не говорю. Мне всегда бесконечно дорого было отношение Ваше. Мы, конечно, уже не увидимся никогда больше на этой земле. Не звено, а целая цепь звеньев <неразборчиво> предстоят мне в будущем. Я всегда буду с благодарностью вспоминать Вас, молиться за Вас, как умею. Спасибо, что не осуждаете меня за мой крест. О розовом доме и говорить не могу, и слышать не в состоянии[43]. Одна сплошная боль, как только этого коснутся. Время, только оно, может быть, смягчит это во мне. Крестника моего крепко целую. Очень рад его способностям, о которых пишет его мама. Привет девочкам. Большущие, наверно, стали. Профессору особенный поклон.

Как Вам, наверное, трудно теперь. Так и чувствуется по письму.

Со своей вышки (живу в чулане) вижу сейчас нежно розовые краски северной вечерней зари, совсем как в Ферапонтове. Отцветают вишни, яблони так оделись цветами, что не видно почти и сучьев. Вот снова привел мне Господь увидеть северную весну. Это уже четвертая по счету. Простите за карандаш.

Низко Вам кланяюсь. Еще раз сердечно благодарю. Сегодня две недели, как дышу весенним воздухом и только два дня, как имею кров. Трудно с этим здесь.

Куприяновым и Б. А. Васильеву (1923–1937)[44]

Татьяне Куприяновой

1923 г.

Т[аня], милая, что с Вами? Я услыхал вчера, что у Вас какой-то нарыв на губе и высокая температура. Буду молиться за Вас. <...> Если очень высокая температура и в связи с нарывом, то нужно приехать в Москву. У меня вчера заболел Алеша[45]. Сегодня не спал

[43] Речь идет о закрытии храма Святителя Николая в Клённиках.

[44] Печатается по: Маросейка: Жизнеописание отца Сергия Мечёва, письма, проповеди, воспоминания. М.: Мартис, 2001. С. 202–245. (С испр. и доп.) В раздел включены письма отца Сергия Мечёва своей духовной дочери Татьяне Куприяновой, ее матери Ольге Рафаиловне, сестре Жене, письма Борису Васильеву, а также Борису Васильеву и Татьяне Куприяновой.

[45] См. прим. 41 на с. 346.

всю ночь, заболел сильно. Не знаю еще, что [с ним]. Вы на меня не сердитесь. Я всегда помню Вас и молюсь за Вас. Жизнь моя рвется на клочки. Не знаю ни срока, ни места. Я все-таки приеду к Вам в понедельник или вторник, как вот с Алешей. Храни Вас Господь!

Женя[46] пока у нас в квартире.

Пишу во время часов в церкви.

День усекновения главы Иоанна Предтечи[47].

***

Сентябрь 1923 г.

Т[аня!] Спасибо за письмо. Получил перед самой всенощной. Пишу в церкви. Приехать можно 24-го. Если погода хорошая будет, можно и еще раз съездить до октября.

Храни Вас Господь.

Грешн[ый] нед[остойный]

***

День св[ятой] Серафимы[48].
Кисловодск, 1926 г.

Передайте Ляле[49] открытку.

Таня, родная моя, спасибо Вам за письмо. Не унывайте. Раз Вы почувствовали радость, мир и настоящее духовное бытие постом на 1-й и 4-й неделях, стало быть, все в Вас благополучно. Приеду и введу эту систему[50] ежемесячно. Не унывайте, теперь скоро увидимся. Приеду в воскресенье 9/22 августа, чувствую себя лучше. Ванны заканчиваю.

Помните одно только: в христианстве никогда не поздно начать жизнь сызнова, и во Христе это только и можно. Пример: все святые во главе с разбойником благоразумным[51]. Господь Вас любит и посылает Вам такие испытания, когда вызов по повестке. Слава Богу за все. Храни Вас Господь.

---

[46] Сестра Т. И. Куприяновой.

[47] 29 августа / 11 сентября.

[48] 29 июля / 11 августа.

[49] Елена Владимировна Апушкина (в девичестве Быкова), активный член общины. Автор воспоминаний об отце Сергии и Маросейке (см.: Наст. изд. Кн. 1. С. 122, 124 и 199 и далее.).

[50] Причащаться.

[51] Благоразумный разбойник Дижман (Дисмас) из апокрифического Евангелия от Никодима, согласно последнему распятый рядом с Иисусом Христом на Голгофе; соответствует покаявшемуся разбойнику (см.: Лк. 23:40).

***

Лето 1927 г.[52]

Таня родная! Спасибо за письмо. Шлю Вам благословение. Приготовляйте себя в одиночестве к тайной жизни с Господом и в многолюдстве.

Храни Вас Господь.

***

Июль 1929 г.[53]

Сердечное спасибо, Таня, за память. Радуюсь за Вас, что тепло и спокойно живете в Ржищеве. Случайно, по совету своего врача, едет к Вам М[аруся] П.[54]; пользуюсь случаем написать Вам. В Москве пока по-прежнему. Борис[55] много писал мне о ваших прогулках. Отдыхайте и не уставайте.

У Вас всегда наклонность переборщить. Устав в смысле последовательности песнопений и чтений, конечно, можно изучить по Никольскому[56] основательно. Это лучшее пособие (есть еще Розанова[57]), но Скабалланович[58] все же остается единственным в смысле уяснения сущности того или другого богослуж[ебного] действования, включая, конечно, и сторону *последования*.

Вчера ездил в Дубки. Очень устал. Простите меня, Таня! Написать же хочется хотя бы и чуть-чуть.

Благословение Господне на Вас!

Люб[ящий] Вас гр[ешный] отец Ваш.

***

Январь 1930 г. Кадников

Поздравляю Вас, родная моя Таня, с наступающим днем Вашего ангела[59]!

---

[52] Получено в Плёсе.

[53] Получено в Ржищеве.

[54] Неустановленное лицо.

[55] Васильев Борис Александрович, будущий супруг Т. И. Куприяновой (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 124).

[56] Имеется в виду «Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви» священника, литургиста и церковного историка Константина Тимофеевича Никольского (1824–1910).

[57] «Богослужебный устав Православной Церкви» известного литургиста В. В. Розанова.

[58] Имеется в виду «Толковый Типикон» богослова и литургиста Михаила Николаевича Скабалановича (1871–1931).

[59] Память мученицы Татианы совершается 12/25 января.

Спасибо Вам за минеи. Ежедневно, молясь, вспоминаю этот последний с Вами памятный для меня день.

Как живете? Напишите непременно через Е. Н.[60] Постараюсь при случае и ответить.

Что, Т[аня], по разным путям пошли мы с Вами. Вы гоните уж на муч[еничество], а я, хочу или не хочу, должен идти по пути преподобных...

Все введения преподаны, все курсы хорошие и плохие (я говорю о моих, а не о всех) в течение 10 лет прочитаны, не хотите ли приступить к самой науке спасения своей собственной души?

Что, Т[аня], и мучеником трудно стать? и преподобным не легче. А ведь призывает меня Господь от теории к практике. Это мой экзамен.

Т[аня], родная, помолитесь и молитесь теперь особенно за меня. Всех поздравляю. Христос с Вами. Как трудно в мои дни. Трудно, Т[аня].

Т[аня], хорошо ли, что Вы часто пишете Б[орису][61]? Хорошо, с одной стороны, но на чей он пишет адрес, беспокоюсь, Т[аня], — себя берегите.

***

1930 г.

Спасибо Вам, Т[аня], за письмо. Не мог сразу ответить, а потом пришлось по обстоятельствам, и сейчас отвечаю по памяти. Радует меня, что Вы обратили особенное внимание на свои трудности, указанные мной. Это хороший признак: заговорила совесть, хотите избавиться от них и еще помните того, без кого Вы можете жить, а кто без Вас живет с трудом. Господь благословляет дочь, помнящую своего отца. Постарайтесь до конца довести дело с Лялей; с Лялей-то Вы [поссорились] из сущих пустяков. Конечно, переходите [на новую работу] при подходящих условиях. Вам давно нужен большой оклад, теперь же он особенно ко времени в связи с папой. Надейтесь на Того, Кто может «вычистить» из книги Жизни. На настоящей службе могут оказаться и не только ценители Ваших заслуг. *Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим* (Иер. 10:23). Сейчас же складывается и сложится, как Ему угодно; не противьтесь.

Спасибо, что из моих невозможных проповедей последнего

---

[60] Евфросинию Николаевну — матушку отца Сергия.

[61] Б. А. Васильеву

времени удержали в памяти слово о Павле проповеднике, архиеп. Конст[антинопольском][62]. Дорого мне сейчас это.

Б[орис] ничего не писал вообще последнее время, а не только о Вас. Это не от меня.

Много у меня здесь своеобразной, новой радости. Получил, кажется, все, к чему по временам тянулась душа. Уединенная молитва (теперь, правда, несколько иная в силу нов[ых] мест[ных] обстоятельств), время на занятия. Мало того, руку Божию до мелочей чувствую над собой. Все же очень трудно, Т[аня]. Конечно, всегда с упованием твержу: Да будет, Господи, воля Твоя и на мне грешном, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Не в том дело, что от одного полюса к другому: от многолюдства чрезмерного к одиночеству крайнему. Из одной духовной категории в другую, это вернее. Иной путь подвижничества, отшельничества, иной путь пастырства. Отшельник в идеале [работает] единый Единому; пастырь в идеале: *се, Аз и дети, яже Ми дал есть Бог* (Евр. 2:13); непременно дети, без детей не пастырь. Отшельник к Богу, а затем к людям, пастырь к людям, а затем к Богу. Очи отшельника обращены к Богу, очи пастыря к людям. В них, в людях, он видит и познает Господа, в них он открывает Его красоту. Пастырю пасомые не заслоняют Господа, а показуют, не отделяют, а приближают Его. Т[аня], родная моя, я недостойный и паче всех грешнейший, но я *пастырь* — не только иерей. Дух мой утренюет к каждому храму душевному моих чад. Если бы мне сказали, выбирай из двух возможн[остей] — или только служи, или только пастырствуй. Не колеблясь — пастырство.

Рыба, вынутая из воды, засыпает, а в воде живет. Так и я вот чувствую, что истощаюсь, истощаюсь до основания. Очень плохо исполняя, дома я имел полноту иерейства и полноту (возможную, быть может, даже и не только в тепер[ешних] условиях, а вообще) пастырства. Отнято все сразу. Молитесь, родная, за меня. Только не думайте, что унываю. Нет, что Вы, я открываю Вам, как дочери, то, что есть у меня труднейшего. Дыхание мое вы, молитва моя не только о *вас,* а от вас, через вас, с вами. Обожение мое, если приведет к тому Господь, с вами непременно. Иначе неполнота, истощание.

Простите за бессвязное письмо. Сретенское письмо подействовало на меня не хуже Преображенского. Хотелось Вам написать по-хорошему, да в голове еще и другое сегодня засело. Благословение Господне на Вас. Простите меня перед наступающими великими днями за все содеянное мною в мимошедшем бог[ослужебном] круге. Храни Вас Матерь Божия и наши св. угодники.

---

[62] Точнее: Павел I Исповедник, архиеп. Константинопольский в 337–339, 341–342, 346–350 гг.

Т[аня], родная, ради Христа, простите. Лежало наверху, пары самовара. Хотел переписать, нет времени, уезжает. Перед самым отъездом. Больше никогда не буду так.

***

Зима 1930 г.

Спасибо Вам, Т[аня], за письмо. Очень мало времени, и пишу наспех. За вторник сердечно радуюсь. Дай Вам Господи и в будущем сил для продолжения работы.

С Б[орисом] спокойнее. Прошу Вас, вносите всегда поправку на одиночество. Отсюда и всякие его «настроения». Вы очень хорошо знаете, что он один, но воспринимаете к действию лишь с одной стороны — необходимой ему помощи. Пишите ему, можете и поехать летом, только поспокойнее. Прошу Вас. Не думайте зря о будущем. Господь устроит, как Ему угодно. Можно перемудрить, как иногда мудрил и Б[орис].

У меня к Вам просьба. Помните, что Вы когда-то хотели к себе М. Т.[63] Теперь настал момент, когда ее необходимо так или иначе устроить. Поговорите с М. Н., Е. С., М. А.[64] Как это лучше? У Вас или как? Ей необходимо дать и работу, как вот у Вас. Поэтому, пожалуй, у Вас лучше, но я не знаю Ваших отношений теперь и отнош[ения] к ней моих [духовных] детей. Храни Вас Господь. Простите за краткое и бестолковое письмо. Я сейчас в таких условиях эти дни, что нужно удивляться, как еще пишу. Папе [Вашему мне] очень хочется написать. Не успею сейчас-то. Передайте ему благодарность за письмо и мое благословение. Также и маме. Непременно напишу.

***

1930 г.

Благословение Господне на Вас, родная моя Т[аня]! Очень порадовали Вы меня своим письмом. Дай Господи, чтобы Вам, так хорошо вошедшей в Святой[65] пост, подвигом добрым подвизаться в нем, течение поста совершить, победительницей греха явиться и неосужденно достигнуть <...> поклонитися и Святому Христову Воскресению.

---

[63] Мария Тимофеевна. Возможно, речь идет о Марии Красавиной, имевшей на Маросейке прозвище «Длинная». После закрытия храма в Клённиках, стала прихожанкой храма Илии Обыденного.

[64] Мария Николаевна Соколова, Елена Сергеевна Волнухина, Мария Александровна Хренникова. Она и Любовь Александровна, были активными членами маросейской общины, так же как и сестра последней.

[65] Великий.

Как радостно, что в храме так хорошо.

Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое; аще восстанет на мя брань, на Него аз уповаю. Едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святый Его... (Пс. 26:3–4) Так это мне близко. Только сейчас, когда воля Божия сказалась на мне, я прошу уже об этом для Вас и всех моих.

Т[аня], будьте моей поддержкой в пении. Все это не так просто, тем более отсюда, кажется мне, что и Вы сейчас почувствовали пользу некую. Отрицательное чужое постараемся изжить отсечением +[66] воспитанием заматоревшего во днех своих, но не чужого в существе своем регента. Будь я на месте, все бы было менее болезненно. Но в муках рождается истина. Дело не только во мне отсутствующем. Иконопись сильна древними памятниками, поддающимися изучению; в пении, к несчастью, подход не только у нас, но и вообще *отрицательный*, скорее чувствуем, чего нельзя, чем знаем, что можно и нужно.

Записочку Жене прилагаю. На Ваше усмотрение, как найдете. Самим прочесть ли Вам или передать. С Б[орисом] просто, совсем просто, не избегая и излишне не приближаясь. Вот где Вам объект изучения темы Вашего исследования *о мере*. Все мне позволено, но не все на пользу (ср: 1Кор. 6:12 и 10:23) (как Вам, так и ему).

Кажется, теперь все. Храни Вас Господь. Вечно тороплюсь, даже и здесь. Хочется не откладывать, а всего-то много очень. Храни Вас Матерь Божия. Пишу без знак[ов] преп[инания]. Некогда, простите.

***

Суббота Лазарева 1930 г.

Т[аня], родная моя дочка! Поздравляю Вас с наступающими великим днями Страстей Христовых и Светлого Христова Воскресения.

Сердечно благодарю Вас за письмо Ваше, такое подробное и при всем задоре с такой любовью написанное.

Вот когда для меня особенно открылось Ваше отношение к дух[овному] отцу. Да благословит Вас Господь за это! Я же ничем не заслужил подобного ко мне отношения. Ваше письмо одно из лучших утешений мне, в необычной обстановке проводящему сии пречестные дни.

Хочется написать Вам что-нибудь хорошее, до сердца доходящее, да некоторые дни у меня, б[ыть] м[ожет], более суетливые, чем раньше: писание для меня дело нелегкое.

---

[66] К тому же.

Молодец, молодец, Т[аня]. Поздравляю Вас! Экспертизу на высокую квалификацию выдержали с честью. Как это мне все знакомо. Родственники мы с Вами, и ближайшие, вплоть до задора и задирания.

Наберитесь немножко терпения! На Пасхе в конце Светлой седмицы напишу Вам подробно. Сейчас же поздравляю Вас с памятью Женюрки[67] и сажусь писать папе. Книгу пришлите. Буду рад ее почитать.

Т[аня], хочется мне, чтобы Вы, имея уже высокие достижения в области ума и слова, занялись бы вплотную областью сердца. Для меня то, что у Вас сейчас, — это 1923 г. Моя формула: я +[68] что только можно в области сердца от батюшки; для Вас была бы, может, ближе иная: Вы + что можно в области сердца от Женюрки. Я подробно напишу. Помните, что Вы мне написали накануне «Ионы во чреве китове»[69]. Для Вас не случайно трехдневное пребывание[70]. Дай Господи почувствовать Вам, как чувствую я необходимость поворота Вашего к новому деланию, к работе над сердцем. Об этом, о занятиях вообще подробно напишу.

Храни Вас Матерь Божия, прибегайте к Ней, как Израиль к Кивоту Завета[71]. Она поручительница Ваша. Дай Бог заключить Вам и «Новый Завет»[72]. Писать больше не могу. Хочется и другим тоже. Помолитесь и за меня. Простите. Всех вас мне жалко, а сам без храма в такие дни.

***

Весна 1930 г.

Т[аня], родная моя! И у меня скорбь. Я не получил Ваше письмо. Не знаю почему. Неужели не взяла Е. Н.[73], оставила? Я так ждал его. О чистке[74] она все, что знала, передала. Слава Богу. Что дальше будет? Молился за Вас те дни особенно. Все мы молились, и ребята. Как же и когда у Вас отпуск? Слышал, что до Ш[енкурска][75] 6–7 дней езды. Правда это? Я думал 4, откуда 7-то

---

[67] Женя Куприянова, покойная сестра Т. И. Куприяновой.

[68] Плюс.

[69] Имеется в виду арест.

[70] Имеется в виду нахождение в заключении в течение нескольких дней.

[71] Величайшая святыня израильского народа.

[72] Следовать заповедям Иисуса Христа, сбросить «ветхого человека».

[73] Евфросиния Николаевна.

[74] На работе у Т. И. Куприяновой.

[75] Город в Архангельской области (тогда Северный край), в 143 км от г. Вельска железной дороги Архангельск — Котлас. Там в ссылке находился Б. А. Васильев.

получается? Не могу понять. Надеюсь, что перешлют тотчас же при первом случае. Не унывайте, моя хорошая, на Вас особенно вижу милость Божию. Все это испытание для меня уже: все перерыл и переспросил, и ничего... Храни Вас Господи! Любящий Вас. Простите меня за все.

***

Весна 1930 г.

Совсем ослаб, Т[аня]! Прошу прощения. Дело в том, что так пишу[76], чтобы Вы могли частично [прочесть] для некоторых. Это не о Вас и не Вам только. Это вся Мар[осейка] переделывает. Сил нет. Лежу. Очень слабо работает сердце. А Вам посылаю в благослов[ение] и утешение. Здесь есть и Феодор Студит[77]. Пока держите в тайне. Обязательно получите через 6–7 дней. Простите, помолитесь. Я за Вас молюсь. Простите, обрезал неправильно. Кружится голова. Если серьезно заболею, если даже и не увидимся, написано у меня [для Вас] основное. Я очень, к тому же, стесняюсь. Т[аня], трудно мне, очень трудно без вас[78] и храма. Троицын день наступает. Отдайте Веронике[79].

***

Весна 1930 г.

Т[аня], родная моя. Пишу Вам большое письмо. Пускай останется Вам на всю жизнь Вашу, скоро пришлю. Стесняюсь неоконченное посылать. Все и обо всем. Примите с любовью, но не с обязательством исполнять. От души напишите, с чем согласны, с чем нет. Это будет для меня большой радостью.

Нездоровится мне все еще. Писать трудно, но много пришлось опять [писать]. Сообщите мне адрес Б[ориса], потерял. Храни Вас Господь. Как-то у Вас чистка прошла?

Молюсь за дочку свою. Очень сожалею, что снова огорчаю Вас. Потерпите на мне еще немного, Т[аня]. И мне бывает очень трудно иногда.

---

[76] Имеется в виду «общее письмо» к общине.

[77] Скорее всего, речь идет о четвертом письме отца Сергия с мыслями преподобного Феодора Студита о служении семье.

[78] Имеется в виду «духовных детей».

[79] Духовная дочь отца Сергия. В архиве храма Святителя Николая в Клённиках есть адресованная ей фотография отца Сергия с надписью: «Молитва — показатель Вашего устроения, проверяйте себя всегда ею, Вероника. Гр[ешный] недост[ойный] иерей Сергий. 1929 г. Попразднство Пятидесятницы».

***

Апрель 1930 г.

Родную мою Т[аню] поздравляю с наступающим праздником свят[ителя] Николая[80]!

Т[аня], что же ничего не написали о моем письме. Ваша фраза «спасибо за о[бщее] письмо» свидетельствует о том, что оно не вошло в Вас. Это для меня очень тяжело. Надеюсь, что сердце Ваше найдет отклик и для моей души. Знаю, что на этом пути можно сорваться, но это возможно и на всяком. Предохранением, как и везде, служит: тайная, ежедневная, ежечасная жизнь с Богом и соблюдение меры. Что у Вас, родная моя дочурка, нарушилось? Примите на память об общей молитве Божьей Матери. Люб[ящий] Вас.

***

Весна 1930 г.

Не успею кончить. Скоро ехать надо. Что написал, примите с любовию. Окончание следует. Трудно два раза писать. Не так ярко переживаешь. Я ленивый ведь к писанию, не то что Вы. О[льга] А[лександровна][81] никуда не уйдет. Всегда можете заехать и зимой, и осенью, да и навещают ее. Конш.[82] далеко, да и трудно Вам ехать теперь после переживаний таких при духоте исключительной. Остается Б[орис]. Господь благословит Вас, только предупреждаю: вопрос о браке встанет. Как жаль, что мы с Вами мало об этом беседовали. Я знаю только Ваши состояния в связи с... Прошу Вас: 1) напишите мне что-нибудь по этому поводу, 2) будьте совершенно спокойны, не поддаваясь никаким состояниям Б[ориса]. Помните, что все это касается *для Вас* прежде всего *Вас* самой. Что у него, может быть, многое окрашивается и в связи с одиночеством и постоянной перепиской. Мне хочется сейчас одного: почувствовать Вашу душу. Напишите. Конечно, ничего предрешать не надо. Личное общение многое уяснит. Но все же хотелось услышать биение Вашего сердца в настоящих условиях.

---

[80] Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая (9 / 22 мая).

[81] Остолопова Ольга Александровна (1870–1959). Духовная дочь отца Алексия, а затем Сергия Мечёвых. Уступила комнату в своей квартире отцу Сергию, в которой он проживал со своей семьей. Арестована одновременно с отцом Сергием и осуждена на 3 года ссылки в Северный край по делу «группы „Духовные дети" отца Сергия Мечева».

[82] Коноша — поселок в Архангельской области, где, вероятно, находилась в ссылке О. А. Остолопова.

***

Все занятия должны быть направлены (забегаю вперед) на служение семье нашей[83]. Заниматься и интересоваться Вам и всем нам только тем, что может в самый краткий срок принести многим пользу...

Кроме богослужения хорошо бы поработать кому-нибудь над Библией. Меня не поняли. Я не хотел объяснять канон Андрея Критского.

***

Лето 1930 г.

Т[аня], родная моя! Христос с Вами, поезжайте с Господом в Ш[енкурск]. Не знаю точно, сколько езды, но если бы нашлось время, с радостью повидал бы Вас и у себя. Помогите с Р.[84] Вовсе ни о каком стандарте не может быть и речи, ведь дело совсем в другом. Просто нужно служить и иным, а не только словом. Почему он так разобиделся? Может быть, не так как-нибудь объяснили. Если можно, конечно, отвезите Б[орису общие] письма.

Прошу Вас, совсем спокойно подходите к тому вопросу, о котором я написал Вам. Брак или нет, как Господь благословит. Прошу Вас, совершенно спокойно. Христос с Вами! Мне хотелось услышать биение Вашего сердца, теперь я его услышал. Хотелось, чтобы Вы меня навестили.

***

Осень 1930 г.

Перед Вашей новой неожиданной трудностью душа хочет сказать Вам, Т[аня], родная моя, милая хорошая дочка, спасибо Вам за многое-многое. Что Вы меня не поняли последний раз, это случайность! Больше всего по моей вине: я не умею писать. Тем более наспех, второй раз. Одно скажу Вам: я писал столько же о Вас, сколько о себе. Самого определил себя в письме не из желания смирить Вас. Я такой на самом деле. Я помню свои слова у одра отца Нектария[85]: «Батюшка, я скверный, очень скверный священник, но я хочу быть хорошим. Помолитесь за меня».

Т[аня], Вы жили сердцем верно, верно, но и я жил, нельзя сказать, не жил. Но теперь чувствую, что *настоящее* еще идет и, может быть, придет. Я об этом напишу еще, постараюсь получше.

---

[83] Имеется в виду «покаяльно-богослужебная семья» маросейского прихода.

[84] Ольдекоп Роман Владимирович (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 119).

[85] Нектарий Оптинский (Тихонов Николай Васильевич; 1853–1928), иеромонах, старец Оптиной пустыни, преподобный.

Но у меня, милая, правда, не только малое сердце, но и малый ум. Спасибо Вам и за ту любовную снисходительность, какую имею от Вас.

Потерпите, каждому свое, Вы сильная —[86] Вас по-другому. Болела душа всегда за Ваш переклик с Б[орисом]. Положим, ведь не знаешь, в чем дело. Сегодня и вчера молились за Вас, Т[аня.] Спокойнее; три первые века[87] недаром сейчас дороги Вам. Это ведь тоже оттуда. Душа особенно болела за Вас перед этими днями. Открытку даже послал Вам. Только опять нескладную. Стесняюсь Вам писать, а теперь после последнего письма еще больше. Молюсь, молюсь, молюсь. Помните об одном только: даже здесь на земле есть Вам «сострадущий помощник», как же там на небе Вам помогают.

Может быть, это начало нашего конца[88]. Да будет воля Твоя, Господи.

Храни Вас Матерь Божия и преподобный Студит Феодор со святым Леонтием Ростовским.

Простите меня за все и за последнее письмо. Если приведет Господь, конечно, Вам история Церкви, а ничто иное.

Родную мою Т[атья]ну благословляю на принятие Его воли в мире и тихости.

***

Осень 1930 г.

Т[аня], родная моя, хорошая! Спасибо Вам за поздравление. Не пришлось мне в этом году с Вами праздновать память преподобного [Сергия] — скоро теперь и годовщина [ссылки] наступает. Сейчас хочется написать Вам что-нибудь хорошее, хорошее, да эти дни рвался на отдельные клочки: крест мой писать «многое множество», а сейчас необходимо было.

Что можно сказать о Кащенко[89]. У него очень трудно работать: он может Вас заездить. Кто стоит во главе — он один или еще кто кроме него? Поговорите об этом с С. А.[90] и отцом Б.[91] Это обстоятельство приводило обычно к тому, что от него *бежали все*. Вообще же, конечно, неплохо было бы во всех отношениях работать по специальности. Все же эту работу можно так квалифицировать. Со

---

[86] Тире, вероятно, заменяет слова «Бог испытывает».

[87] Имеется в виду «первоначального христианства и мученичества».

[88] Имеется в виду «храма и богослужения в нем».

[89] Кащенко Всеволод Петрович (1870–1943) — педагог, врач, организатор обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии.

[90] Никитин Сергей Алексеевич, будущий митрополит Стефан (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 103).

[91] Отец Борис (Холчев Борис Васильевич), будущий архимандрит.

службы нужно уходить. Вы чистку все-таки прошли, не были сняты, ну и слава Богу, пора; а то где-нибудь и закрепят не на месте.

Т[аня], я при свидании с Вами ничем не хотел Вас огорчать, потому и больше слушал Вас самоё, да я ведь и давно-давно не видел Вас.

Мне тогда уже было ясно, что Вы слишком форсировали свои отношения к Б[орису]. Сразу все решили, все распределили и т. д. В этом отношении мне припомнилось то, что произошло с <...> Помните? Ведь Вам очень трудно было. Вот и сейчас, как-то все: и Анна Алексеевна[92], и моя позиция, и Ваша подсознательная работа (если выйду, то за Б[ориса]), — все как-то предопределило. Я думал, что Вы на месте побудете потому именно, что встанет вопрос о браке и нельзя решать, минуя личное общение. Думал, что Вы приедете с наблюдениями, переживаниями, кот[орые] потом подвергнем совместному контролю. Вы же сразу все решили. Что оставалось делать, да еще тогда, когда мне хотелось выслушать прежде всего Вас, не вмешиваясь и не подавляя, хотя бы и невольно, что-нибудь в Вашей душе. Для меня ясно, что у Б[ориса] на Мар[осейке], кроме личного знакомства, близкого, дорогого ничего не оставлено (я не говорю о богослужении, но ведь оно возможно везде), у Вас же иное — душа Ваша вся здесь.

Ему нужна в настоящий момент супруга, и Вы одна из возможных; у Вас никакой прямой необходимости нет в этом — для Вас лично Бор[ис], а душа в основе не желает вообще, так как жаждет продолжения жизни в доме[93]. Вы у него одна из <...> (я говорю не с целью обидеть, не осуждать, ведь вы оба мне дороги). Поэтому Вы обошли вопрос, с кем же Вы-то — с ним или с ними. Решая вопрос, Вы больше думали и говорили о браке и безбрачии, чем о нем и о них.

Между тем многие живут Вами, я не говорю уже о родителях. Общее мое положение: Вы чересчур поспешили, как-то не разобрались во всем. От Б[ориса] я получил «странное» письмо, писать о нем в такой сутолоке, как у меня сейчас, я не могу, Т[аня]!

Мой совет в молитве и тихости, спокойно, не торопясь, разобраться в душе своей. Обстоятельства, кажется, мои меняются, но Господь даст для Вас лично: я буду более доступен в письмах, раз у Вас такое сейчас дело, как-нибудь устроим.

Простите меня ради Господа.

Написать столько, сколько я написал [в] эти дни, для меня подвиг, а я такой ленивый к писанию. Вот и посудите, как трудно.

---

[92] Сестра отца Сергия.

[93] Имеется в виду «в маросейской общине».

Все, что Вы написали мне о семье[94], мне чрезвычайно близко. Мне и раньше казалось, что кто другой, а Вы больше многих и многих чувствуете семью нашу.

Простите меня, не сердитесь, что так небрежно и мало написал. Т[аня], очень я соскучился по всем. Что-то там у Вас подготовляется.

Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию.

Давайте переписываться, я первый буду отвечать Вам, слышите?

***

Осень 1930 г.

Т[аня], простите меня, очень тороплюсь. Напишу обязательно еще. Спасибо за Лялю. Конечно, все на поправку здоровья, кроме того, надеюсь и на Вашу моральную поддержку ее. Я ей пишу об этом.

За Вас молюсь, трудно отсюда что-нибудь писать о службе. Конечно, лучше переходить. Чистка как-никак у Вас кончилась. Что написано, то не так уже безнадежно. Самое же лучшее было бы временно не работать, но возможно ли это? Т[аня], маме напишу. Эти дни остаюсь один. Мне хочется ей написать не торопясь. Только в этом и задержка. Т[аня], родная моя, мама во многом права, и, конечно, Вам нужно с ней считаться, а не говорить только, как мне написали: она должна поверить Вам и М[аросейке]. Я хочу и Вам написать, какое у меня в глубине души было (когда Вы у меня были) и сейчас чувство от Вашего нового переживания. Сейчас я совсем заработался: так всего много накопилось. Вам писать хочется, взвесив каждое слово, а то опять Вы, хорошая моя дочка, будете лишнее переживать. Спасибо за письма. Пишите, очень рад.

Б[орису] обязательно попробуйте достать Юнгерова (перевод Псалтири) и ему напишите об этом, что достаете. Введение в истор[ические библейские] книги хорошо бы Юнгерова[95] достать. Я, помню, говорил, можно через Мишу, одна богослов[ская] Лопух[инская] Библия[96] будет ему элементарна без Юнгерова.

---

[94] Имеется в виду «маросейской общине».

[95] Юнгеров Павел Александрович (1856–1921) — православный библеист, специалист по Ветхому Завету, профессор Казанской духовной академии. Перевел на русский язык ряд книг Ветхого Завета (в том числе Псалтирь). В письме речь о его «Общем историко-критическом введении в священные ветхозаветные книги».

[96] Обиходное название «Толковой Библии, или Комментария на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета», предпринятой в качестве бесплатного приложения к журналу «Странник» (1904—1913) Александром

***

Зима 1930 г.

Спасибо, сердечное спасибо Вам, родная моя Т[аня], за Ваши письма. Вы, наверное, не зная, много принесли мне радости в эти исключительно скорбные дни. Сейчас выявляются люди особенно мне близкие. Вы в числе их. Когда я читал Ваше последнее письмо о том, как Вы чувствуете наши дела, в чем Вы видите смысл М[аросейки], я замечаю, как сердце мое бьется в унисон с Вашим. С какой радостью читал я (не Ваше) письмо о Вас, о Вашей перемене, о том, какая Вы теперь простая, как с Вами легко.

Т[аня], хорошая моя, как радостно сознавать, что Вы меня понимаете, как радостно чувствовать, что мое становится Вашим, а Ваше — моим. Зачем же это: «в деле с Борисом я не надеюсь услышать Вашего сердца... Я уже ошиблась в К.». Дочка моя, не отказываюсь, ни на одну минуту не отказываюсь. Как бы мне ни было трудно сказать свое слово, я попрошу у Господа разумения и скажу. Ну, как я не сказал бы, если бы пришла ко мне моя Ирина[97]? Верьте мне, что скажу. Сейчас же дело в Вас. Вам надо прийти в себя и успокоиться о Господе. Все доверьте Ему. Вот Вас потянуло на Октоих. Слава Богу. Не думайте много о Б[орисе], совсем постарайтесь не думать. Займитесь Господом. В возможной при совр[еменных] условиях для Вас тишине мало-помалу Вы почувствуете ясно все свое состояние в связи с браком. Вот я тогда и помогу. Обязательно помогу, если обратитесь. У Вас все было сразу решено внутренне, я слушал и не мешал. Мне хотелось послушать до конца Т[атьяну], а не себя. На частности о венч[ании] и т. д. я и отвечал безотносительно, как я бы сделал и для Вас, и для Б[ориса].

Не волнуйтесь, есть страдания и у дух[овного] отца, есть страдания и у вступающей в чужую жизнь. Не пугайтесь того, что Вам было тяжело это время. Даром перемена жизни вообще не совершается.

Вот что я Вам скажу. Я Б[ориса] люблю, знаю его трудности, его жизнь. Знаю, что его путь — путь брака, путь личной семьи. Я Вас еще больше люблю, потому что с Вами говорю одним языком. Я хочу узнать Вас вполне, не сгоряча и неожиданно быстро, как в К[адникове], когда для Вас только что предстал новый путь жизни, который, быть может, раньше лишь временно останавливал на себе Ваше внимание. Вы, имевшая до того времени полноту

Павловичем Лопухиным (1852—1904), богословом, профессором Санкт-Петербургской духовной академии, и завершенной его преемниками.

[97] Дочь отца Сергия (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 175).

жизни, теперь вдруг увидели полноту по-иному. Мне и хотелось, чтобы Вы это пережили не в две недели, не в особых условиях жизни в Ш[енкурске] и в К[адникове], а в своей обычной домашней обстановке. Дело больше всего не в том, выходить ли за Б[ориса], а выходить ли вообще. Для девушки с Вашим устроением этот вопрос не праздный. Почему я не поставил, помните, тогда вопрос о браке. Можно ведь отказаться и от брака с любимым человеком, если в душе что-то иное еще есть.

У Ш[уры] Вин.[98] вопрос о том, идти ли за С. С.[99], у Вас не только в этом, но и в другом.

Поймите, моя родная, хорошая. Не Вам, а мне хочется почувствовать Ваше сердце.

Мне очень неприятно Ваше самоуничижение; Вы если плохи в чем сейчас, можете сделаться лучше. Пусть не трясет Вас лихорадка от письма Александра П[авловича][100]. На то Вы и христианка, чтобы исправить, в конце концов, все свои погрешности. Я молюсь за Вас. Молюсь в такое время, когда сердце особенно тянется к Богу, когда Рука Господня вот-вот коснется, карая, и нашего дома[101]. Не унывайте, не беспокойтесь, я с Вами, с любовью большою всегда приду на помощь родной своей дочке. Как у Вас со службой? Что слышно о психотехн[ической] лаборатории][102]? Может быть, еще продлится перерыв, быть может, приедете ко мне теперь. Половина дороги моя. Спасибо за все, за письма о других, за Ваше отношение ко мне, которого совершенно не стою. Хочется мне с Вами заняться молитвой Иисусовой. Очень хочется. Теперь многое для меня открылось по-иному, и в благодарность за все, Вами сделанное, хочется поделиться с Вами, но не письмом. Устройте ко мне Лялю, она просится. Может быть, вместе [приедете], если еще возможно Вам. Храни Вас Господи. Т[аня], многое и от усталости. Не отдыхали. Ваше положение не из легких даже и не для больного человека. Укажет нам Господь путь, придет Вам спокойствие, не безразличие, а радостное решение в тишине и мире Христовом. Христос с Вами, родная, хорошая.

---

[98] Шура Винокурова (Александра Федоровна, в замужестве Драгунова). См. след. прим.

[99] Сергей Саввич Драгунов (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 150).

[100] Александр Павлович — отец Бориса Александровича Васильева.

[101] Храма.

[102] Имеются в виду события по месту работы Т. И. Куприяновой.

***

1931 г.

Т[аня], прошу Вас прислать мне: 1) Симеона Солунского[103] и что у Вас есть по богослуж[ению], кроме Никольского, Скабалланови-ча[104]. Я Вам давно писал об этом. Но Вы не получили, наверно, иначе бы прислали. Кажется, что-то есть из моих книг по богосл[ужению] у С. А.[105] Прошу Вас. У меня работа стоит. Я все забываю написать об этом, и сейчас наспех. Простите.

***

Январь 1931 г.

Еще раз поздравляю Вас с ангелом, родная моя Т[аня]! Шура Кос.[106] как-то мне писала, что ее не удовлетворяют обеды у Ч[ертковых], потому что они крайне непитательны, совсем нет жиров. Это в ответ на мою просьбу обедать там. Оля пусть теперь читает послания апостола Павла. Если желает. Конечно, возможно в особой мере для нее и для подобных ей [больных], единственно возможно некоторое уменьшение чего-либо [в еде] или изменение чего-либо не по существу, а по виду. Например, сладкое не как отказ от сахара вообще, необходимого ей для организма, а как отклонение в пост от слад[кого], кондитерск[ого] и т. д.

Все это на Ваше, Таня, благоусмотрение. Вы найдете способ дать ей *почувствовать* пост. Это я приблизительно Боре написал. Веронике пишу. Христос с Вами.

***

Апрель 1931 г.

Христос Воскресе, родная моя Т[аня]. Сердечное спасибо за книги. Не стою я, совсем не стою. За что? Что я Вам дал, несчастный пересказчик святоотеческих писаний? Стыдно мне. Простите меня.

Вас особенно вспоминаю в день памяти Жени.

Как хорошо молиться за нее среди пасх[альных] песнопений. Помните: тогда[107] [был] вход Господень в Иерусалим и Страстная седмица. Не унывайте. Путь вхождения в жизнь другого, да еще на расстоянии, — путь труднейший. Потерпите. Терпение соделывает

---

[103] Вероятно, речь идет о «Разговоре о святых священнодействиях и таинствах церковных», творении святителя Симеона Фессалоникийского (Солунского) († 1429), автора богословских и катехизических трудов.

[104] См. прим. 56 и 58 на с. 349.

[105] Сергея Алексеевича Никитина (см. прим. 90 на с. 358).

[106] Александра Косарина — маросейская прихожанка.

[107] При ее погребении.

искусство (см.: Рим. 5:3–4). Опыт приобретается жизнью. Что делать — трудно, Т[аня]. Безбрачным легче, поэтому сейчас труднее Вам, иначе и быть не может. Простите. После всего перенесенного у меня какой-то упадок сил. Помолитесь.

***

1931 г.

Воистину Воскресе, родная Т[аня]. Поздравляю и я Вас с великим Праздником. Нездоровится, и закрутился с писанием. Потерпите. Мне Вам много нужно написать. Простите меня. Подождите. Христос с Вами.

***

1931 г., весна

Т[аня], родная, молюсь за Вас и постараюсь ответить. Б[орис] есть тоже семья. Вопрос только, где в *данный* момент нужнее. Я надеюсь, что и Вам, и мне откроется это. Давайте молиться. С первого взгляда, хорошо бы отложить на год, а обручение возможно; если же смущает, то лишь благословение на начатие дела[108]. Храни Вас Господь. Я еще напишу, Господь даст. Это только кратко.

Христос с Вами.

Молитесь, молитесь за меня. Не стою я никого из Вас, а тем более любви всех вместе. Простите.

***

1931 г.

Спасибо, Т[аня], что значит благословение нам? Я не совсем понимаю. Конечно, Б[орис] ждет от меня ответа, и я теперь напишу ему по старому адресу. Но, вообще, все уже ясно. Уж очень Вы хотите много заработать! Силы-то где у Вас? Отдохните летом-то. Зарабатывать деньги и этим себя калечить есть самый худший вид мотания средств. <...>

Лучше всего, конечно, прожить Вам еще отдельно год, но решайте этот вопрос сообща. Еще раз скажу Вам, что он тоже М[аросейка] и семья. Борис, по-моему, подождет год, тем более что это последний в Ш[енкурске] и что-нибудь новое ему предстоит[109]. Меня беспокоит лишь Ваш визит. Можно ли Вам заехать в К[адников] дорогой? Вы подумайте. При случае передайте привет

---

[108] Как обычное благословение совершается в православном народе, а обручение предшествует непосредственно браку.

[109] Отец Сергий говорит о последнем годе ссылки Б. А. Васильева в Шенкурске, предрекая, что ему еще предстоят годы ссылок.

маме Р.[110] Как Ваши родители смотрят на это? Я, кажется, совсем и не живу.

Помолитесь все.

***

Сентябрь 1931 г.

Спасибо Вам, родная моя Т[аня], за память и поздравление ко дню прошлогодней годовщины. О Вашем решении[111] узнал только теперь, хотя Вы и думаете, что я уже знаю.

Передайте Боре благодарность мою за письмо, и особенно за подробное сообщение о родителях.

Постараюсь почаще вспоминать Вас, не забывайте и Вы меня. Простите!

За Вас очень беспокоюсь, и хотя выдвигал преимущественно один довод, существует и еще, мне кажется, бесспорный и для Вас. Теперь же все у Вас сведено к чисто хозяйственному вопросу — Ваше теперешнее бытие определяет Ваше сознание.

Не сердитесь — на меня сердиться нельзя. Я ведь Вас, правда, люблю обоих.

Простите.

Вспоминайте меня. Мне сейчас лично трудновато.

***

Осень 1931 г.

Земно кланяюсь родной моей Т[ане] и прошу прощения за содеянное мной в мимошедший церковный круг. Очень прискорбно, что Л. Б.[112] приходится отказываться от своего желания. Пока не представляется возможным. Может быть, когда потом, но она ведь занята будет. Я ей уже ответил как-то подробно на ее письмо.

Хорошая моя Т[аня], понимаю, что трудно со вт[орником]. Очень хорошо понимаю. Конечно, виноват, 1) я-то ничего не даю, 2) их бол[езненное] устроение, 3) Ваша ревность, самая настоящая человеческая ревность. Я не писал никогда Вам об этом — как-то не приходилось, но давно уже заметил, насколько мы с Вами в последнем отношении сродни. Только смею Вас уверить: со временем, если обратите на это должное внимание, чувство это введется в определенные границы и не будет причинять Вам такого страдания. Понимаю, что иногда нам хочется для всех быть *всем, а* ведь это-то и не по-христиански, ибо в нем[113]

---

[110] Ольдекоп Роман Владимирович (см. прим. 84 на с. 357).

[111] Остаться у Бориса и обвенчаться с ним.

[112] Лиза Булгакова — маросейская прихожанка, автор воспоминаний об отце Сергии (Наст. изд. Кн. 1. С. 351).

[113] В христианстве.

прежде всего содружество со всем. Ведь то, что иногда бывает у Вас в душе, так мне знакомо из первых лет моего служения, когда я хорошо ли, плохо ли для многих был всем, а потом столько приобрел помощников, значительно лучших меня. И, конечно, первое время было так больно, так грустно. На самом же деле впоследствии я радовался соработникам на ниве общей моим близким, милым, дорогим. Не знаю, понимаете ли Вы меня до конца. Думаю, что никто лучше Вас не ведет своего дела, но если родной Ваш (т. е. духовно связанный с Вами человек) поговорит иногда и с другим о чем-нибудь, что же из этого. Не дети ли вы одного отца (духовного) и одного Отца отцов? Я же замечал, что Вам это мучительно больно. Понимаю, понимаю, очень хорошо понимаю. Иначе и не бывает у таких, как мы. Но заметили ли Вы, что против такой страсти нет (почти нет) у святых отцов лекарств, ибо излечивается она непосредственно от Господа, через вхождение в Его делание, через поставление себя в этом делании в чину всей твари, служащей Ему.

Нездоровится мне, потому и пишу неясно. Дополните смысл своим светлым разумом и Вашей искренней любовью к отцу Вашему. Помолитесь, стал принимать лекарство. Попробую теперь исправиться и восполнить обещанное. Мучаюсь, ибо «сон моея лености ходатайствует души моей муку»[114].

Христос с Вами, моя родная. Еще раз простите за все.

***

Зима 1931 г.

Таня, родная моя, не могу согласиться с Вами относит[ельно] вторника. Не так все это. Уныние временное руководит Вами в словах Ваших. Не вижу в них правды, а вижу боль, большую боль. Потерпите, родная моя. И со мной бывали такие случаи. Как исключит[ельно] любит Вас А[ня] Леф[ортовская][115]. Я даже и не предполагал, кто Вы для нее. Вот Вам настоящая Ваша, всецело Вами живущая и любящая Вас больше всех родных. Если бы она одна была, то ради ее целости устроения необходимо сохранить вт[орники]. А там есть еще и другие. Мало ли что Вам кажется в ту или другую трудную минуту.

Христос с Вами.

Простите за небрежность. Очень нездоровится.

---

[114] Из чтения Псалтири по 7-й кафизме.

[115] Маросейская прихожанка Анна по прозвищу «Лефортовская» (фамилия неизвестна). Занималась иконописью в группе Елены Лебедевой (в замужестве — Быковой).

***

1931 г.

Еще раз земно кланяюсь Вам, родная моя Т[аня], и прошу у Вас за все прощения. Хочется мне поблагодарить Вас за огромную радость, которую Вы постоянно доставляете мне Вашими весточками. Вы посылаете их во всякое время и при всяком настроении.

Спасибо Вам сердечное. Очень рад, что были на «Хованщине»[116]. Я очень ее любил.

Как Вы думаете, в каком положении Лиза докт[ор][117]? Могла бы она у меня подольше пожить? Как Вы к этому относитесь? Как Вы смотрите вообще на посещение отца?

Шлю Вам благословение Господне.

Христос с Вами.

***

1931 г.

Т[аня], родная, за письмо спасибо. Сажусь отвечать после отъезда Е. Н.[118] Она обо всем Вам расскажет.

Простите меня. Я виноват перед Вами, не отвечаю. Т[аня], ведь [общее] письмо и для Вас, и особенно, быть может, для Вас, только не удалось закончить-то как надо.

За храм болит, болит душа.

***

1931 г.

Таня, родная моя. Простите меня за долгое молчание. Знал, что Вы ждете, понимал, как тяжело Вам. Но и у меня, помимо моей лени, были особые условия — ослабела сердечная мышца, а с нею и сам. Трудно мне было браться за письмо, но я все время помнил о Вас. Наконец написал, да случилась такая неожиданность. Пишу еще раз. Опять приходится просить прощения. Жалею Вас, родная, пожалейте и Вы меня, уясните смысл и простите за форму. Второй раз писать для меня затруднительно. Примите с любовью, с чистым сердцем пишу Вам.

О Вас, Таня, нельзя говорить иначе, как в связи с семьей нашей. Вы не только ее член, но и болеющий ее нуждами человек. Поэтому говорить о Вас, значит говорить и о всех. Вы показали свои способности в уяснении себе и другим основ христианской жизни, богослужения, духовного устроения, истории Церкви Божией на

---

[116] Опера Модеста Петровича Мусоргского (1839—1881).

[117] Неустановленное лицо.

[118] Евфросинии Николаевны.

земле. На этом поле Вы настоящая Христова работница. В отношении же сердца, многого недостает Вам, Таня. Вам нужно начинать почти сначала. Не упреком звучат мои слова, а радостью за Вас, за Ваше дарование, от Господа Вам данное. Звучат они и желанием приобрести подвигом и другое, необходимейшее в жизни.

Помните, у Достоевского: «Они, князь, говорят, что я чудачка, а я умею различать. Потому сердце главное, а остальное вздор. Ум тоже нужен, конечно... может быть, ум-то и самое главное. Не усмехайся, Аглая, я себе не противоречу: дура с сердцем и без ума, такая же несчастная дура, как и дура с умом без сердца. Старая истина. Я вот дура с сердцем без ума, а ты дура с умом без сердца, обе мы несчастны, обе и страдаем»[119]. Конечно, это резко, но это то же, что у Батюшки: «ум рабочая сила у сердца»... Мне кажется, что Ваша неудовлетворенность в духовной жизни (за вычетом усталости, раздражения, безмерности, болезни) происходит от отсутствия гармонии ума и сердца. Вам очень трудно. Нива, на которой Вы работаете, — служение людям: «Любите людей, служите им. Служа им, служите Богу». В области ума все это понималось и проводилось Вами. Необходимо, чтобы это спустилось в область сердца. Мы с Вами ближайшие родственники, нам по дороге. У меня только еще хуже. Я с малым умом при малом сердце.

Многие говорили мне: «Сколько нам Таня дает, а вот мне с ней трудно». У многих была борьба: остаться у Вас или уйти. Настоящая борьба, ибо они чувствовали, чем обязаны Вам. Личный, сердечный подход их не удовлетворял. Контраст между большим умом и малым сердцем потому у Вас чувствовался резко, что служение умом и словом Вы удивительно хорошо проводили, несмотря на невозможные условия современной жизни. От Вас ждали того же в сердечной области и не получали. Теперь же особенно ждут и будут ждать.

Обратили ли Вы внимание на последние слова моего первого (общего) письма: «Поручаю Вас Божьей Матери, святым угодникам нашим и друг другу»? Бывают времена, когда служение сердцем выдвигается для всех на первое место. Сейчас для нас в особенности такое время. Ваш первый талант не отойдет от Вас, беритесь за приобретение второго — за расширение своего малого сердца.

Хотелось мне поставить перед Вами этот вопрос во всю ширь.

Помните, писал я Вам о пастырстве и подвижничестве? Для приобретения «пространства» в сердце утесненном всегда существовало два пути: 1) с Богом, 2) с людьми.

Служить Богу и через это служить людям.

Служить людям и через это служить Богу.

---

[119] Роман «Идиот». Часть I, глава VII.

Служить Богу — этим служить людям — подвижничество. Служить людям и этим служить Богу — пастырство.

Эти два пути часто приводили идущих по ним к разделению, даже и великих. Если идти с образом «пастыря» и дальше, то можно говорить в христианском делании о подпаске и пастушонке, даже о верной, настоящей помощнице-овчарке. Все это будет относиться к пастырству. В этом смысле всех работающих во Христовом царстве, не только носящих священный сан или образ монашества, мужей, жен и даже детей можно поделить на «пастырей» и подвижников. Часто бывает, что пастыри «не признают» подвижников, подвижники не понимают пастырей. Особенно заметно это на великих. «В 1856 году, кажется, я именно для того и возобновил знакомство с оптинскими, — пишет владыка Игнатий, — чтобы еще более разойтись с ними. Отец архимандрит Моисей[120] известил меня о кончине старца иеросхимонаха Макария[121]... Оптина лишилась души своей. Отец Макарий хотя и был наиболее телесным исполнителем заповедей, но имел любовь к ближнему и ею поддерживал братство. Он незаменим, по моему мнению... Оставшиеся слишком телесные делатели. Святой Исаак Сирин сказал, что телесное делание без душевного к разуму Божию приближаться не может, а весьма способно к доставлению мнения о себе. Мир прославляет оптинских как святых, но мнение мира всегда бывает противно истине: оскудело монашество и еще более должно оскудеть»[122].

Приговор уничтожающий. Приговор подвижника, не рассмотревшего в Оптиной пастырства. Оптина — пастырство плюс подвижничество. Владыка Игнатий — подвижничество плюс пастырство. Владыку Игнатия понимаем по древним отцам и пустынникам, Оптину воспринимаем по древним пастырям с Златоустом во главе. Оптина чтила и чтит владыку Игнатия, как великого делателя и учителя иночества. Владыка Игнатий отказывает Оптиной вообще в иноческой жизни, приравнивая ее к миру. Это не случайно...

Не успею ничего больше. Простите. Обязательно напишу снова. Большое письмо второй раз трудно. Но времени сейчас нет.

***

Конец сентября 1931 г.

Сердечное спасибо Вам, родная моя Т[аня], за память обо мне ко дню преподобного. Не унывайте. Вот когда, наверно, чувствуете,

---

[120] Моисей (Путилов Тимофей Иванович; 1782–1862), архимандрит, оптинский старец, преподобный.

[121] Макарий (Иванов Михаил Николаевич; 1788–1860), иеросхимонах, оптинский старец, преподобный.

[122] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Письма к разным лицам, 282.

что у каждого свое устроение и своя мера. Это Вы и раньше знали, сейчас же Вы опытно познаете это на себе самой. Поэтому не унывайте, усердно прошу Вас. В частности с Е. С.[123] мне показалось по письму, что это Вам особенно больно. Но ведь она-то к Вам исключительно хорошо относится — ведь это ее внутреннее чувство. Т[аня], *всем выход[ить] замуж трудно, вот и Вы тоже подлежите применению этого закона.* Вот и все. Так и смотрите. Для души же это великий опыт.

Спасибо сердечное за окантовку. Я уже ее повесил. За книги тоже, их получил, за Величко[124], что узнали [...][125].

Передайте мою благодарность папе и маме. Пожалуйста, напишите мне о Боре. Как он? Простите меня за все. Люб[ящий] Вас.

***

Октябрь 1931 г.

Т[аня], моя родная. Не стою, не стою я такого внимания. Спасибо Вам за все. В наш день[126] получил заказную банд[ероль] <...> и, главное, Ваше большое послание. За последнее особенно благодарю.

Постараюсь, в свою очередь, все исполнить, хотя некот[орое] и очень мне трудно: я разумею очерки богосл[овия]. Вам вот легко дается набросать в десятках строк характеристику исповеди и псих[ологического] анализа. Набросать не только верно, но и очень складно. Я же отвык. Вы берете в сущности мою мысль, помните, как говорили в связи с физиологией духа Васильева, развиваете ее, и как хорошо. Я бы много мог из богослуж[ения] дать отдельных мыслей, наблюдений, а вот цельное мне трудно. Может быть, здесь есть 50% самол[юбия], не изжитого еще, 50% лени и неумения работать.

Но я постараюсь.

Конечно, Шуре Ч.[127]. Хорошо, что Вы надумали. Другой — напишу. За Олю[128] очень рад. Зину[129] попросите и от моего имени, а не только от себя. За Р.[130] спасибо. За полноту сведений. Вам ведь нелегко было столько мне всего написать. Мысль о право-

---

[123] Еленой Сергеевной (Волнухиной) (см. прим. 64 на с. 352).

[124] В. В. Величко (см. прим. 18 на с. 339).

[125] Возможное продолжение текста: «у него» или «о нем».

[126] Престольный праздник на Маросейке — день Казанской иконы Божией Матери.

[127] Чертковой (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 158).

[128] Сестра отца Сергия.

[129] Зинаида Дьяконова, маросейская прихожанка. Дружила с сестрами Чертковыми, занималась в кружке Елизаветы Замятиной (в замужестве — Быковой).

[130] Ольдекоп Роман Владимирович.

славии глубоко верная. Я ему напишу тоже. Танечка, очень я рад, что Вы живете в работе. И я когда-то жил и могу порадоваться за Вас по опыту. От Б[ориса] ничего не получал. Напишу ему еще. Простите меня.

И у меня к Вам просьба 1) спите не менее 7 [часов] (старайтесь [приближаться] к 8), 2) не забывайте мне писать, кратенько, конечно, ведь так, как сейчас написали, Вам прямо вредно, 3) при первом раскрытии души напишите о себе, не откладывая.

Простите за бестолковое и мазаное письмо.

Тороплюсь, да на душе у меня осадок тяжелый в связи с Н. Н.[131] Очень мне его жаль. Христос с Вами, родная моя Т[аня].

***

Декабрь 1931 г.

Таня, моя родная. Вы глубоко правы во взгляде Вашем. Вопрос только в том, как пред Церковью явится спорность этого вопроса. Обращение Н. Н. выявляет истинную причину прощения. Я не знаю, чем кончилось. Переменой формулировки или как? Письмо Н. Н. превосходно, ибо оно свидетельствует в кротости об истинном положении дела. Как и где сейчас ставить точку на отношениях, я не знаю, ибо важно очень довести все до ясного конца. Ведь будут все перетолковывать, наше желание для мира церковного, чтобы перетолкований было возможно меньше. Стало быть, во всем согласен с Вами. Я предпочитаю не торопиться. Последнее слово всегда за нами, а сказать его надо умело, четко, без перетолкований. Прошу Вас узнайте об о. Н.[132], для чего ему нужен адрес? Что он получает[133] вообще — Северный край или просто хочет ехать в гости? Дать адрес можно, дать необходимо, но при условиях личного чьего-либо свидания, а не письмом и телеграммой либо на чье-то имя. Ведь он сидит еще сам. На мудрость Вашу — устройте.

Спасибо за письмо и Ромино[134], и Ваше. Простите небрежное писание. Я нездоров совсем. Христос с Вами.

Беспокоюсь за Вас. Поговорите с Марией Николаевной[135] о Т. В.[136] Узнать надо все толком. Берегите себя, родная.

Папу, маму и Вас поздравляю с наступающим днем ангела Жени.

---

[131] Фиолетов Николай Николаевич (см. прим. 294 на с. 390 Кн. 1).

[132] Возможно, речь идет об отце Николае Пульхритудове (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 129).

[133] Имеется в виду, какой получен приговор.

[134] Ольдекоп Роман Владимирович.

[135] Соколовой.

[136] Неустановленное лицо.

***

Январь 1932 г.

Поздравляю Вас от всего сердца, родная моя Таня, со днем Вашего ангела и желаю Вам здоровья. Хотя Вы и написали Вашу скорбь по этому поводу, но я, пользуясь радостным днем Вашим, еще раз прошу Вас обратить на себя с этой стороны возможное внимание. Знаю по опыту все, что Вы мне высказали, и все-таки еще раз скажу Вам: <...> постарайтесь *по болезни* не перегружать себя — дать упокоение должное телу своему. Иначе естество отомстит, и жестоко отомстит. Уж и то великое дело, что пребываете с близкими в труднейшее время. <...>

Сократитесь несколько в трудах Ваших. Знаю, что трудно, но ведь необходимо это. Что у Вас нет пока темп[ературы], очень меня радует. Постараюсь и еще написать Вам. Простите меня, родная, подарок за мной. Спасибо за сообщения Ваши.

Шлю Вам благословение Господне.

Простите меня за эти несколько строк. Что увидали и греховную сторону своей любви к М[аросейке], очень хорошо. Могу только за Вас порадоваться. Ляле[137] можно, конечно, что она думала, только все же не сразу. У меня испытание было еще и с серьезной болезнью бабушки[138]. Сейчас обошлось.

***

Начало ноября н. с. 1932 г.

Т[аня], родная моя. Спасибо Вам за весточку Вашу последнюю. Нездоров я, и головокружения меня одолевают. Видимо, не мера моя была так работать[139]. Давно хотел Вам написать и все откладывал. Работаешь, работаешь, все что под руками, какую работу дают, да приготовить себе надо обед, да еще с вечера принести воды, дрова и т. д. Каждый день ведь имел горячую-то пищу[140]. Думал, именно меня и поддержит, да и моим-то всем необходимо. Видимо, несколько и перегнул в мере своей. <...>

Всегда о Вас помню. *Особенно 22 октября*, так вот и захотелось к Вам, поговорить, все сказать, что на душе. Немного у меня тех, которые с полуслова могут понять. Знаете, мне еще хочется повидаться и поговорить с кем? С Женюркой Вашей. Вот если бы она жива была.

По-прежнему мне временами трудно за детей своих. Теперь еще новые всякие трудности с Ольгой Гавриловной[141]. Огородила

---

[137] Апушкина.

[138] Квартирная хозяйка.

[139] Служить.

[140] Служил литургию.

[141] Отец Сергий здесь пишет о себе в третьем лице.

она себе угол в комнате, и пошли сейчас всякие неприятности. Д.[142] все ходит теперь к ней, даже принимает участие в работе[143]. Ребята же отходят[144] — так вот без призора совсем будут. Знаю, знаю, что так и нужно было все, иначе и не могло быть, а душа хочет еще и от сердца услышать, что слышала от Вас, и (спасибо Вам глубокое) от рассудка. Вот почему Женя. За Вас радуюсь. Очень радуюсь. Только бы поскорее, не затянуться Вам во времени[145]. Кажется, дело только дней, ибо документы высланы[146]. Т[аня], как хорошо, что в Б[оре] увидали Вы и *почувствовали* другую его сторону, а главное, что оценили свою маму.

Только зачем же плакать так много и часто. Не надо, не надо. Иное дело, когда слезы сами неожиданно навертываются — текут, текут, дают облегчение. Не сосредоточивайтесь на Ваших состояниях тоски и одиночества. Скоро, скоро теперь Господь даст и к маме. Получил письмо от Вашей больной крестной[147]. Она с любовью вспоминает Вас и Борю и все дожидается[148]. Старенькая она, больная, а так Вас хочет повидать, что еще ради этого пожить не прочь на земле этой. И на дорогу-то к себе Вам приготовила, не знает только, как лучше послать, теперь или уже поздно, потом лучше восполнить. Любит она вас обоих очень.

С Лялей трудно сейчас. Сразу видно, что философы вы и любовь-то с дружбой по отцу Павлу[149] воспринимаете. Вот ей и тяжело с Лилей[150]. Не выходит по Столпу-то[151], нет и ревности, ну и самоуничижение. Так мне ее жалко. Уж очень переживает сейчас остро, да и физически устает. Вологодский[152] уже свободен. Первый [из всех], хотя и за 600 [верст] от ж[елезной] д[ороги]. Голова кружится. Лягу. Теперь отдыхаю всё. Даже и не перечитываю письма. Простите. Борю крепко целую. Христос с Вами. Хорошо начинаете снизу, дойдете и до верха (помните, как у Феодоры[153]), а я вот

---

[142] Неустановленное лицо.

[143] В богослужении.

[144] Отец Сергий скорбит о своих духовных детях.

[145] С отъездом в Москву. Татьяна Куприянова была беременна Алешей. — *Публ.*

[146] Документы об окончании срока отца Сергия.

[147] Отец Сергий пишет о себе.

[148] Приезда.

[149] Павел Флоренский (1882–1937), священник, богослов и ученый. Репрессирован и расстрелян (см. также ниже прим. 151).

[150] Неустановленное лицо.

[151] «Столп и утверждение Истины» — основной богословский труд священника Павла Флоренского.

[152] Вероятно, имеется в виду кто-то из репрессированного вологодского духовенства.

[153] Вероятно, речь о мытарствах блаж. Феодоры.

все сверху вниз. Вот и трудно. Радуюсь, радуюсь за Вас. А у Вас-то сколько впереди радости. Молоды Вы еще. Христос с Вами!

***

Сентябрь 1932 г.[154]

Как-то Вы, Таня, привыкаете к Вашей новой жизни. Напишите, пожалуйста. Шлю Вам, родная, ребятишек. Ежедневная трапеза[155] дает мне теперь силы. Надеюсь от правильного питания[156] окрепнуть. Это вместе с тем и единственное, чем могу помочь семье моей. Сейчас с продуктами здесь трудно. Картофель с трудом достаю все же. Главное, налаживается регулярное питание. Всего, родная, доброго.

Р[ома] в Арх[ангельске], Вы, наверное, знаете, о[тец] С.[157] в [поселении] Вочь [в] Усть-Куломском районе. Это далеко за Усть-Сысольском[158]. Трудно сейчас очень ему. Христос с Вами. Дома все то же...

***

Около 20 ноября 1932 г.

«Внегда скорбети ми, услыши моя болезни, Господи, Тебе зову»[159].

Спасибо Вам, родная моя Т[аня], за Ваше письмо. Из подробного сообщения Б[ори] узнал о подробностях жизни Вашей.

Т[аня], моя родная, ребеночка нужно было ждать. Это вовсе не неожиданно. Цель и плод всякого брака. Мне хочется, чтобы у Вас ушло совсем временное чувство к маленькому. Оно случайное и греховное по своей сущности, ибо ведь на это шли и, стало быть, этого и ждали. Мне хочется, чтобы родная моя перенесла посылаемое ей не только с терпением, но и [с] радостью. Надеюсь, что так и будет. Ведь лучше вначале поунывать, чем потом, после долговременной бодрости впасть в уныние. Малодушие, преодоленное вначале, не вернется, радостный порыв же может и ослабеть. Поэтому не унывайте, родная моя. Поздравляю Вас еще раз. Передайте поздравление и Боре. Вам очень трудно было эти месяцы, но и радость была у Вас. Очень меня порадовало предпоследнее Ваше письмо, в котором Вы так хорошо писали о Б[оре] и о Вашем состоянии в отношении к нему. Вас двое, и Вы двое поможете

---

[154] Получено в Шенкурске.

[155] Евхаристия.

[156] Причащения Святых Таин.

[157] Вероятно, речь идет об отце Сергии Смирнове (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 113).

[158] Нынешний Сыктывкар.

[159] Антифоны степенны. Антифон 1.

формирующемуся третьему. Б[орис] будет еще внимательнее, еще заботливее и нежнее к Вам, и то, что по его характеру было трудно исполнить, теперь сделается само собой, потому что на Вас обратится и забота его о маленьком. Все время вспоминаю Вас. Как у Вас со службой Вашей[160]?

Б[орис] писал мне, что хочет для домашней работы взять кого-нибудь, а Вам устроиться на службу. Если нагрузка не чрезмерна, то это хорошо было бы для Вашего духовного состояния. Печки Вас так изматывают[161] из-за непривычки к ним и вообще малой приспособляемости к этой работе. Танюша, родная моя, не унывайте. Все Вас помнят, любят, ценят. Надеюсь, что и здоровье Ваше окрепнет от ребеночка. Я много знал таких случаев, еще больше приходилось слышать о них от врачей. Питаетесь Вы пока не плохо, Господь и в дальнейшем не оставит. Как Вы думаете о возможности Вам отдельно вернуться? Просто спрашиваю о Вашем состоянии. Как думаете и о сообщении маме Вашей? Меня беспокоит, если Б[оре] придется далеко [отлучаться] на зимнюю работу.

Хочется поговорить, родная, о себе. Так бы нужно повидаться с Женюркой Вашей, а она уже столько лет умерла. Никто так чутко не подходил к душам других, как она. Я всегда с таким благоговением о ней вспоминаю. Трудно мне сейчас очень. Простите, что пишу Вам об этом. Последнее время так мне жаль [духовных] детей моих, так моя душа разрывается при виде, что они переживают теперь... «Я услышал, и вострепетала вся внутренность моя... а я должен быть спокоен в день бедствия...» (пророк Аввакум) (ср.: Авв. 3:16). Малодушествует иногда дух мой, видя, что с близкими, милыми, любимыми. Что это? М[ожет] б[ыть], искушение, м[ожет] б[ыть], это пакостник[162], да не превозношуся. Хочется услышать от мягкой любящей души. Вот от такой, как Женя. Почему никогда не посещали меня раньше такие состояния? Относительно Вас я спокоен, а вот о них все думаю, думаю и думаю. Пишу Вам, как близкой сердцу, хочется, чтобы Вы знали об этом. Нужно к Господу и от Него ждать исцеления, а дух мой ищет подтверждения и у людей. М[ожет] б[ыть], свое про себя и разуметь надо было бы. Шлю Вам благосл[овение] Господне. Передайте Б[оре] привет сердечный, поблагодарите его за все. Его первых ласковых строк не забуду. Спасибо ему за письмо подробное. Не успею сейчас ему написать. Скоро и ему отвечу. У нас все дожди идут. Снег постепенно сходит.

---

[160] Татьяна Куприянова предполагала поступить на службу в Шенкурске. — *Публ.*

[161] Татьяна Куприянова и Борис Васильев жили одни в избе. — *Публ.*

[162] Клеветник-диавол, или ангел сатанин.

Все по-прежнему дома. В. К.[163], кажется, 12[164]. Папа у него сейчас. Крепко целую родного Б.

Борю и Таню сердечно поздравляю!
Желаю радости в семейной жизни.
Всего, всего доброго. Постоянно помню.

***

24 декабря [1932 г.]

Таню, родную мою, поздравляю со днем ангела Женюрки. Борю крепко целую. Христос с Вами.

***

20 января 1933 г.

Дорогую мою Таню поздравляю с ангелом! Не только я, но и все Ваши родные в этот день будем с Вами, у Вас в гостях душой. Спасибо за письмо, такое задушевное и близкое. Вы мне дороги тем, что близки мне по основному подходу к современности. С тем большей жаждой душой обращаюсь к Жене. Что бы она сказала мне, она такая мягкая, нежная, что бы она сказала мне относительно сирот моих, оставшихся без крова. Знаю, что жизнь кончилась, начинается житие, а душа-то не подготовлена к этому, как будто врасплох застигнутая.

Танюша, за Вас душа болит. Так вот и побежал бы к Вам. Слышал, что письмо, посланное Вами детям, было все облито слезами. По отдельным фразам Вашего письма чувствуется Ваш крестный путь последнего полугода.

На Вас обрушилось все сразу. Новая семья, лишение прежней, отложение любимой работы, хозяйство, к которому Вы не способны вообще и даже не имеете и навыка, муж, поставленный в особенные условия жизни. Все вместе и все сразу. Слава Богу, что не унываете до конца, что несете еще бодро и мирно свой новый ярем, что по-христиански ищете в себе источников неудач Ваших. Это в основном тем более меня радует, что Вы переносите это одна, слагая в сердце своем. Но не надорвитесь, милая моя! Меня тревожит, что не сообщаете маме [о ребенке]. Почему Вы останавливаетесь только на одном: она будет воображать, не будет спать и т. д.? Но ведь и обида может ее так оскорбить, измучить, что ляжет на всю ее дальнейшую жизнь. Не сказать матери, такой бесконечно любящей. Здесь может получиться и до смерти не изживаемая ревность, потому что мама никогда не поверит, что Вы никому из

---

[163] Возможно, речь идет о Владимире Коншине (см. прим. с. 183 и прим. 126 на с. 268 Кн. 1.).

[164] Имеется в виду: получил приговор «минус 12».

своих родных не говорите о Вашем состоянии. Ваше предупредительное, из любви к маме вытекающее молчание не есть [ли] в значительной степени продолжение Ваших отношений с мамой в минувшие годы? Наконец, Вам самой ведь нужна всяческая любящая помощь, и сознательно отказываться от нее в такой момент, когда она особенно нужна Вам, постоянно пользовавшейся от мамы этой помощью, не есть ли «мерило льстивое и мерзость перед Господом»[165]? Не есть ли это сверх уж всякой возможной для Вас меры?.. Поставьте себя на место мамы. Я все молчал, думая, что Вы решите в той или другой форме окончательно вопрос с Борей о дальнейшем *Вашем* жительстве на эти ближайшие месяцы. Конечно, понимаю, что Вы все ждали и общего изменения[166], что оно все затягивалось.

Нужно исходить из ребеночка теперь. Как ему лучше, ибо жизнь Ваша и Борина уже проживается. Как можете Вы, столь трудно переносящая хозяйственную заботу вообще, воспринять на свои, не приспособленные к подобному роду заботы слабые плечи новую любимую, хрупкую жизнь. Здесь мама явилась бы ангелом Вашим. Дело не в том, чтобы поступать непременно на службу. У Вас есть родные, и Вы *обязаны* от них в эту труднейшую минуту жизни Вашей принять помощь. Это должно и будет сделано. Но этого мало. С этим можно остаться и в Ш[енкурске]. Вам не нужен уход. Он должен быть Вам дан. Вот об этом-то нужно очень подумать. Может быть, можно, ввиду возможного (как Боря боится) весеннего заболевания[167], пожить где-нибудь не в городе, а на свежем воздухе подле. Это мои соображения. Но Вам нужно с Борей подумать об этом серьезно. Главное, Вы исключили сейчас Москву в силу Вашего молчания, она не может дать Вам сейчас совет, ведь обстоятельства там меняются и на месте виднее. Все же надо действовать, это ясно. Мама Ваша, а главное выяснение вообще положения в М[оскве] могло бы много содействовать уяснению понимания пути. Это я все к семейному обсуждению Вашему.

Понимаю очень хорошо, что переживаете Вы по вопросу о «телесной и душевной» любви. Господь даст, лицом к лицу можно будет о многом поговорить. Примите только во внимание, что координирование того и другого есть чрезвычайно трудная вещь даже в одном человеке, а в двух — это предмет особенной молитвы Церкви «даруй им единомыслие душ и телес». Настолько это важно для жизни общей, что [в] чинопосл[едовании Таинства] брака

---

[165] Аллюзия на Книгу премудрости Соломона.

[166] Постановления властей.

[167] Арестов.

это прошение одно из важнейших. Конечно, все в жизни дело подвига. Необходимо худшее всегда покорять лучшему и плоть порабощать духу, только этот момент один из наитруднейших в жизни в этом смысле.

Вот как записался Вам. Простите. Очень небрежно. Послать хочется. Примите как есть. Шлю Вам поздравление и со днем Богоявления. На Рождество рано утром скончался Евг[ений] Ник[олаевич] Ефимов[168]. Так мне жаль, что не удалось с ним повидаться. Очень он нам[169] сочувствовал. Ко дню ангела примите и мою лепту маленькую для маленького.

Христос с Вами! Как хорошо, что Вы перестали заниматься «вредительством». Е. Н.[170] просит Вам давно написать, что если Вы лечитесь компрессами, то это лучший способ распространить фурункулы по всему телу. Вы мне не ответили об ихтиоловой мази, а я забыл о компрессах. Сейчас, слава Богу, бросили из-за погоды компрессы, и вот первый результат. Хорошие врачи говорят: только не компрессы. А между тем это обычное лечение, употребляемое постоянно.

Спасибо за все, Таня.

Очень сейчас смутно и ничего не видно впереди. Да будет Его святая воля. Без движения у всех. Володя[171] у бабушки во В[ладимире].

***

Весна 1933 г.

Таня, родная моя, хорошая! Среди целого оркестра звучащих в сердце моем скорбей — одна из самых главных — скорбь и забота о Вас и Б[оре]. Примите это от меня, как мое посильное участие в том, что у Вас происходит. Душа моя истончевается, не узнаю ее сам. Вас всегда помню, на каждой молитве поминаю.

Шлю Вам благословение Господне. Храни Вас Матерь Божия и все наши угодники. Простите меня за все, чем когда-либо Вас обидел.

Должник я перед Вами великий. Спасибо за отрывки из письма Б[172].

---

[168] Ефимов Евгений Николаевич (1874–1933), профессор Московского института народного образования. В марте 1922 г. был арестован по делу «Об изъятии церковных ценностей». 19 апреля того же года освобожден под поручительство ректора и членов Правления Института, в котором работал.

[169] Маросейской общине.

[170] Евфросиния Николаевна.

[171] Коншин.

[172] Имеется в виду письмо Бориса Васильева из Вятки.

***

Июнь 1933 г.

Родную мою Таню поздравляю с маленьким Алешей. Очень, очень рад благополучному началу его жизни. Спасибо, родная, за яблочки. Ведь это пасхальные яички мне скорбящему. Беспокоюсь о Ляле. Ничего не знаю.

Дедушек, бабушек, особенно Женину маму и папу поздравляю. Ведь они впервые получили такое высокое звание.

Простите за все. Душой с Вами и всеми. Через три-четыре недели придет решение[173]. Что уж Господь даст. Местное целиком[174].

***

Июнь 1933 г.

От всего сердца спасибо Вам, родная моя Танечка! И я ждал, и я надеялся! Мне так трудно было внутренне переживать по-человечески Голгофу нашего дома[175]. В это время душа особенно стремилась к тем, которые без слов могут понять, без объяснений почувствовать все. Никогда в жизни еще не чувствовал Вас такой близкой, родной, нужной. Так Господь уж устроил, не пришлось возрадоваться радостью сочувствия и сострадания до конца. Но перед лицом Божиим разве это меняет дело? Разве близость уничтожается расстоянием? Вот сейчас получил от Вас весточку, и душа моя, в которой всегда было Вам место, радуется сознанием единства и чувством полноты. Спасибо Вам, что написали наконец. Я все ожидал и думал уже — что-нибудь имеется в Вас, мешающее Вам написать мне. Дождался все-таки, получил и радуюсь. *Поздравляю Вас с новорожденным.* Крестик посылаю. В день воцерковления буду служить за семью Вашу молебен Господу, Матери Божией и угодникам нашим. Буду молиться и о Вашем здравии. Что Вы, что Вы! Почему плачете? Терпеть надо уже не за одну себя, а за всех троих, то есть втрое больше, чем раньше. Ведь величайшее дело творите сейчас — образ Божий, явленный в мир через Вас, воспитываете. Преодолеваете трудности материальные, тяготы родителей Ваших и т. д. Ведь все живем сейчас в горниле величайших страданий. Столько я повидал всего за эти месяцы. Вот уж когда терпением спасаются и «тенетами отчаяния удавляеми»[176] погибают. Устроится, устроится все, а пока *потерпите себя,* папу, маму.

---

[173] Приговор.

[174] Вероятно, отец Сергий имеет в виду, что все будет зависеть от решения местных властей.

[175] Имеются в виду события в связи с закрытием храма на Маросейке и дальнейшей судьбой общины.

[176] Навечерие Богоявления. Песнь 9. Ирмос.

Простите меня за все: главное, за нерадение, леность. Хочу, чтобы у крестной[177] дочка была такой же хорошей матерью, какой прекрасной дочерью[178] явила себя в прежней жизни. Перекрестите за меня Алешеньку, крестик посылаю. Христос с Вами. Спасибо за Р.[179] Б[оре] пишу.

***

Июнь 1933 г.

Танечка, родная моя! Еще раз поздравляю Вас с рождением Алеши. Так мне хочется сейчас к Вам, помолиться с Вами, посидеть, побеседовать. Хочется написать Вам, что чувствую в трудные дни настоящих испытаний особенную близость к Вам. Через неделю-две решится моя участь. Помолитесь за меня, родная моя. Вы всегда были ко мне так внимательны. Спасибо Вам за все. Никогда не забуду кануна Воздвижения, день погребения Богоматери[180]. Вашего заболевания и выздоровления[181]. Сколько раз, наряду с Вашей мудростью, выявлялась на свет Божий простота и прямота души Вашей в отношении к Вашему отцу[182]. Спасибо, родная, за все. По-человечески мы больше не увидимся. Простите, милая, меня за все, причиненное мною за долгий ряд лет. Много радости получал я от Вас, когда душа Ваша звучала без слов в один тон с моей. В минуты тягчайшие последнего времени сознание, что существуете Вы, разделяющая трудности мои до конца, вливало в меня, близкого к унынию, новую бодрость.

Да хранит Вас Господь. Перекрестите за меня Алешу. Передайте мою глубокую благодарность Боре и привет папе и маме.

Христос с Вами! Спасибо, простите!

***

Лето 1933 г.

Посылаю Вам, Т[аня], родная, крестик. Я его освятил сейчас. Хотя это не тот, но примите его. Я его куда-то спрятал и так [и] не нашел. Простите. У меня сейчас [обыск], как у Вас, помните, записка-то Ваша.

***

Июнь 1933 г.

Господи, молитвами всех святых земли Русския спаси и сохрани родную мою хорошую Т[атьяну].

Молитесь за меня. Помню, ценю, благодарю. За всех спасибо.

---

[177] Так отец Сергий называет себя.

[178] Подразумевается: духовного своего отца.

[179] Ольдекоп Роман Владимирович.

[180] Дни, когда Татьяна Куприянова была в Кадникове.

[181] Подразумевается: ареста и неожиданного освобождения.

[182] Духовному.

***[183]

Весна 1934 г.

Спасибо, Т[аня], за Ваши дорогие строчки. Так радостно, что еще пригодился в Вашей жизни.

Алешу поцелуйте. Мужу мой сердечный привет. Письмо доставило мне большую радость.

***

1934 г.

Шлю привет и поздравление родной моей Тане! Постоянно вспоминаю тебя, супруга твоего и маленького Алешеньку.

Желаю всего-всего доброго. Сердечный привет твоему папе и маме. О сестренке[184] душа тоскует, дорога она мне теперь.

И то, и другое хорошо по-своему: и в том, и в другом можно найти большое утешение. Главное же, как воспринимает это папа. Лежачих больных лучше не беспокоить, но при особых условиях требуется для них и вмешательство хирурга. Очень устаю, скучаю. Никакого развлечения вне работы. Тоскует душа в одиночестве полном. Целую твоего маленького. Простите меня за все.

***

1934 г.

Родной моей Танечке шлю привет и пожелания здоровья. Вспоминаю вас постоянно. Сердечно благодарю Борю за память. Очень был тронут его любовью и еще раз пережил чувство вологодской весны[185] и его внимания.

Ребяток целую. Папе с мамой привет. Танечка, не унывайте.

Спасибо, родной мой Б[орис], за все.

***

1934 г.

Родную мою дорогую Танечку поздравляю с праздником весеннего цветоношения[186]. Вспоминаю с любовью розовый домик[187], синие васильки и белые платья милых и дорогих деток[188]. Нехорошо мне все еще. Крепко наложил на меня Господь Свою руку. Опять на тяжелой

---

[183] Далее идут письма из лагеря (поэтому иногда отец Сергий обращается к Татьяне Куприяновой на «ты», как бы к родственнице).

[184] Имеется в виду покойная Женя Куприянова.

[185] Имеется в виду передача в тюрьму.

[186] Отец Сергий подразумевает Троицын день.

[187] Храм Святителя Николая на Маросейке.

[188] Сестер храма.

физической работе. Думаю, что временно. Получим ли отсрочку? Писал Вам, что с Женюрой главное папино устроение[189]. Разделение тела допускается и даже часто практикуется. Вообще же основное — не тревожить. Как мне хочется домой. Устал, измучился. Без выходных. Душа больная, требует ухода. Алешеньку поздравляю, маму и папу тоже. Дедушку и бабушку приветствую. Простите, что так пишу. Трудно мне сейчас очень. Помню, люблю и ценю мою дорогую Т[аню]. Христос с Вами. Видимо, надорвался, да душа болит.

***

Осень 1934 г.

Женюркиной сестренке шлю привет и сегодня особенно ее вспоминаю! Не нужно, дорогая, расстраиваться. Зачем? Если силенок нет, то в будущем придется пересмотреть и изменить, а теперь очень хорошо, что ребеночек будет не один. Единственный ребенок — сами лучше меня знаете — несчастный ребенок и неполноценный человек, в каких бы условиях не проходила в дальнейшем его жизнь.

Душой часто с тобой. Как бы хотелось взглянуть теперь на вас. В этом году мне труднее, чем в прошлом, а внешние условия жизни гораздо лучше. Трудно чувствовать себя больным хроником — раньше же была надежда на выздоровление[190]. Всего, всего тебе доброго. Помню и люблю.

***

28 августа (первая половина 1930-х годов)

Родная Т[атьяна] И[вановна]!

Шлю Вам сердечный привет и благодарность. Обстоятельства сложились так, что отвечаю Вам в день, посвященный Той, Кто именуется «Надеждой ненадежных», «Избавляющей от смерти души наши»[191].

Вы правильно оцениваете свои жизненные трудности, общие в настоящее время очень-очень многим. Эти трудности действительно опасны не только тем, что вредят нашему здоровью, благополучию и покою, но, главным образом, тем, что умерщвляют наши души. Духовная смерть для многих теперь не отвлеченное догматическое понятие, но конкретнейшее психологическое переживание. Хорошо, если мы не теряем сознания и правильной оценки этого факта: в этом залог и семя воскресения.

---

[189] Речь о перезахоронении тела Жени с одного кладбища на другое. — *Публ.*

[190] Вероятно, отец Сергий надеялся на освобождение.

[191] Праздник Успения Пресвятой Богородицы.

Всегда с любовью помню Вас, Вашего мужа и деток, а также и маму Вашу.

***

Зима 1935 г.

Тане, родной моей, дорогой, милой, посылаю самое любимое, что есть у меня сейчас.

Да хранит Вас Господь. Простите за все. Очень, очень за Вас беспокоюсь. Почему ничего не пиш[ете]?

***

Март 1936 г.

Шлю привет родной моей. Поздравляю с наступающими весенними днями. Брат[192] зайдет к Вам и поговорит. Я уж думал, что он давно это сделал. Сегодня дорогой наш день. Земно кланяюсь и прошу прощения за все. Как здоровье? Надеюсь, что брат поможет, а то Вы одна теперь. Передайте мой сердечный привет моему Боре. Прошу его простить меня за все. Целую Ваших ребяток. Трудностей много с моими, особенно с Лизой. Всего Вам доброго.

***

Зима 1937 г.

Танечку мою дорогую от всего сердца благодарю за письмо. Как хорошо ты умеешь излагать свои мысли. Вот совсем, как бывало раньше, в немногих словах обстоятельно поговорил с тобой лично о моих ребятках и о тебе.

Трудно нам: ведь мои трудности иные, но большие. Давай вместе помнить о том, что много радости можем доставить друг другу своими весточками. Я это почувствовал и постараюсь их посылать. Простите, что пишу вам так. Я хочу непременно написать сейчас, а времени совершенно нет. На твое собранное письмо нужно и ответить по-иному. Прости. Всегда помню. Надеюсь, что Господь пошлет тебе после испытательного срока, с честью тобой пройденного, мир и радость. Всего, всего доброго.

Боре мой сердечный, любящий привет. За ребяток[193] спасибо. Как у тебя с моим тезкой[194]? Я буду писать.

---

[192] Вероятно, речь идет о ком-то из маросейской общины.

[193] Фотографии членов маросейской общины.

[194] Неустановленное лицо.

***

Зима 1936 г.

Шлю моей родной сердечный привет и поздравление с наступившей весной. Был ли у Вас брат? Как Вы с ним устроились? Желаю Вам всего, всего доброго. Прошу за все прощения. Простите, что плохо пишу. Я нездоров сейчас. Деток поцелуйте. Б[оре] поклон мой низкий.

***

Тане Женюркиной

Спасибо, Танечка, спасибо. Твои строчки доставили мне много радости, хотя и со скорбью смешанной. Как я всегда рад им. Как будто воочию тебя повидал. Не падай духом. Поправишься. Непременно поправишься. Я помогу тебе, как ты в трудные минуты, сама не сознавая, наверное, помогала мне своею памятью, любовию, близостью душевной. Привет мужу. Поцелуй ребяток. Папе и маме сердечный поклон. Прости, что пишу вторично и так плохо. Хотелось непременно ответить. С праздником цветов[195] и живительного воздуха.

***

Тане Купр[ияновой]

Таня, родная моя! Забыл Вам написать о Зине[196], что можно ей, и все мучился. Очень хочется мне лично благословить Вас [иконой Божией Матери], когда и найдете возможным это для себя. М[ожет] б[ыть], и с деньгами я как бы частично устроил. Очень скучаю без Вас. Ведь когда-то Вы много давали мне сил, своими разговорами, наблюдениями. Простите, очень тороплюсь. Так мало времени осталось, а писать хочется. Первый раз не было от Вас записочки. Не рассердились? Еще раз земно кланяюсь.

Родная, очень я огорчен Вашими переживаниями. Все-таки надеюсь, что изменится дело. Не могу согласиться с тем, что это навсегда. Мариша[197] Ваша поправится. У детей всегда протекает бурно это заболевание. Маме низкий поклон. Всего, всего Вам доброго.

Вспоминаю Вас. За все спасибо. Простите.

***

24 августа 1936 г.[198]

Танечку, родную мою, сердечно поздравляю. Желаю здоровья, бодрости, радости.

---

[195] Троица.

[196] См. прим. 129 на с. 370.

[197] Мария, дочь Васильевых.

[198] Поздравление ко дню венчания.

Всегда помню. Очень хочется к Вашему дню послать Вам эту открыточку.

Поздравьте от меня Борю и бабушку с дедушкой. Ребяток поцелуйте. Всего, всего Вам доброго.

***

1937 г.

Поздравляю тебя, Танечка, с новым годом!

Желаю здоровья и семейного устроения. Как твоя няня? Если будешь у нее 11-го, передай ей сердечный привет. Она меня, наверно, помнит.

Передай мое поздравление Боре, поцелуй ребятишек.

Вспоминаю всегда. Сейчас мне трудновато. Оля все расскажет тебе. Всего, всего доброго. За весточку спасибо. Очень скучаю.

Ольге Рафаиловне Куприяновой[199]

Спасибо вам сердечное за ваше искренное письмо, дорогая Ольга Рафаиловна! Жаль, что это письмо, первое от Вас, написано по такому исключительно трудному поводу.

Все, что Вы ни писали, кроме отдельных частностей относительно ссыльных и т. д., все это разделяется и мною, и поверьте мне как священнику, что мои чувства приближаются к Вашим. Вы ведь знаете, что для меня Таня. Я не сказал своего слова (для меня случившееся было неожиданностью, ибо я не думал, что Таня пойдет замуж вообще) и направил для разрешения этого вопроса к Вам не потому, чтобы уклонялся, а потому, что первое и решающее слово — родителей, «зане молитвы родителей утверждают основания домов»[200]. Поверьте мне и в том, что против воли родителей я никогда венчать из своих не стал бы, если бы и сознавал необходимость брака. Передо мной сейчас такой же тяжелый вопрос, как и перед Вами. Я все-таки думаю, что Таня поспешила в своих выводах и решениях. Пусть она спокойно обдумает, взвесит все, а главное разберется в себе, в отношениях к Борису, к Маросейке, к Вам и папе.

Поверьте мне, что я в этом вопросе сам не вижу пока (а может быть, и не увижу, я еще не знаю) достаточных оснований выходить Тане замуж.

---

[199] Написано отцом Сергием в ссылке летом или осенью 1931 года.

[200] Из чина венчания.

Пишу это искренне, по душе, как есть. В какой-то степени я был ей и матерью, и она мне бесконечно дорога. Ольга Рафаиловна, прошу Вас, подойдите к этому спокойно. Этот вопрос не решенный. Давайте все вместе в любви и согласии, не форсируя, внимательно уясним. Главное же Таня.

Прошу Вас помочь мне самому уяснить все, ибо Таня попросит и моего благословения, которого я ей не давал. Ведь нам нужно или остановить ее в этом деле, или подкрепить своим благословением. Поспешила она очень.

Храни Вас Господи.

Простите меня. Иерей Сергий.

PS. Еще раз благодарю Вас за письмо.

Внутри у меня такое чувство: зачем Тане вообще-то выходить? И мне хочется спокойно получить ответ на этот вопрос. Помогите мне.

Евгении Куприяновой[201]

Женя, родная моя, я только сегодня понял, насколько Вы тяжело больны. Вам необходимо побороть свое чувство горделивой замкнутости к людям и прежде всего ко мне. Господь поможет. Приходите завтра непременно каяться месте со св[ятой] Марией Египетской[202]. Я все, все для Вас сделаю, только сознайтесь, что Вы больны и что Вам нужно лечиться.

Храни вас Господь.

Недостойный иерей Сергий.

Я всей душой чувствую, как Вам тяжело. Пройдет все это. Давайте лечиться.

***

Как жаль, что Вас сегодня не было за всенощной.

Женя, родная моя, послушайтесь Иоанна Лествичника: «Кто видит в себе какую-нибудь господствующую страсть, тому должно прежде всего противу ней вооружаться, особенно же если это домашний враг; ибо если мы не победим сей страсти, то от победы над прочими не будет нам никакой пользы, а поразивши сего египтянина, конечно, и мы узрим Бога в купине смирения»[203].

---

[201] Младшая дочь Ивана Александровича и Ольги Рафаиловны Куприяновых. До приезда в Москву жила в Пензе. Была добрым человеком, но страдала расстройством психики. Умерла в молодости.

[202] Накануне четверга 5-й седмицы Великого поста (Мариино стояние).

[203] *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 15, 41.

Женя, я знаю, что тяжело. Поборите себя. Придите завтра покайтесь.

Простите меня, грешного недостойного иерея Сергия Мечёва.

***

1926 г. Неделя о блудном сыне.

Женя, родная, меня вызывают соборовать митрополита Макария[204]: он очень сильно заболел. Я не могу поэтому завтра быть на могиле отца Валентина[205]. Уезжаю, родная, в 6 часов утра. Завтра сообщу вечером, когда приедем. Посылаю Вам благословение отца Нектария[206]. Храни Вас Господи. Грешный недостойный иерей Сергий. Мое благословение Тане и папе с мамой.

***

Женя, очень беспокоюсь за Вас. Почему Вы не ходите в церковь? Если Вы устроитесь с уроком, придите ко мне перед всенощной завтра.

Храни Вас Господь. Я молюсь за Вас. Недостойный иерей Сергий.

***

День памяти преподобного Серафима.
Июль[, 19-е]. Кисловодск, 1926 г.

Женюрочка, родная моя, поздравляю Вас с праздником и желаю Вам по молитвам преподобного получить мир душевный, радость о Господе и Его Всеблагой воле и здоровье. Как живете, милая моя дочурка? Я помню о Вас и как умею молюсь. Захворал здесь немного. Несколько дней лежу. Беру ванны, теперь уже 10 принял. Скучаю здесь без церкви и всех своих. Вчера пришел на несколько времени в храм, да так и ушел — ни тропаря преподобному, ни стихир, ни величания, ни канона... Завтра, Господь даст, встану по-настоящему, немножко погуляю. Теперь скоро увидимся. Привет мой сердечный и благословение Лизе, Фелицате, Тане, папе и маме. Храни Вас Господи.

---

[204] Макарий (Парвицкий-Невский Михаил Андреевич; 1835–1924), митр. Московский и Коломенский, апостол Алтая, святитель. Отец Сергий навещал его в в Николо-Угрешском монастыре, где он, парализованный, провел на покое последние годы жизни.

[205] Протоиерей Валентин Амфитеатров (1836–1908) — выдающийся московский пастырь и проповедник. Был одного духа со старцем Алексием Мечёвым. Маросейцы часто ездили на его могилу на Ваганьковское кладбище. Осквернённая в 1930-х гг., в 1990-м она была восстановлена и сейчас является местом паломничества верующих.

[206] Оптинского.

***

20 июля 1926 г. День св[ятой] Евфросинии. Кисловодск

Женюрка, родная моя. Поздравляю Вас с наступающим праздником. Как Вы себя чувствуете? Я очень устал с дороги. Сегодня буду принимать первую ванну. Давайте вместе поправляться и вместе молиться друг за друга. Христос с Вами, моя родная хорошая дочурка. Передайте мое благословение Тане, Лизе, Фелицате[207], папе и маме. Храни Вас Господи. Напишите мне что-нибудь, хотя бы два словечка. Жду.

Кисловодск, вокзал, до востребования.

***

Женюрке

День св[ятого] в[еликомученика] Пантелеимона. Кисловодск. [27 июля] 1926 г.

Спасибо сердечное Вам, Женюра, за письмо. Уж очень я ему обрадовался. Поздравляю Вас и с освящением в святом Таинстве елеосвящения. Будьте мужественны. Отдайте себя Христу и Его Божественной воле. Я же со своей стороны постараюсь во всем помочь Вам. Скоро теперь увидимся. Приеду до Успеньева дня к воскресенью. Причастить Вас нужно, как только вернусь. Я тут тоже похворал. Сейчас поправился. Заканчиваю ванны. Сердце мое значительно сократилось. Соскучился по всем. Храни Вас Господи по молитвам Божией Матери и угодника Христова Серафима. Выздоравливайте. Слышал, что 19 июля была у Вас первый раз температура 37. Помните это. Любящий Вас духовный отец Ваш иерей Сергий.

Б. А. Васильеву

Родной мой Боря! Не гневайся на меня, что промедлил [с] ответом. Если бы можно было не отвечать, а повидаться с вами и поговорить. Вы мне близкие родные, и душа моя раздирается. Вот все и медлю. Прости меня. Эти строки вовсе не указание, а вынужденный ответ[208], и только. Писать мне трудно.

Сегодня день памяти преп[одобного] Серафима и муч[еника] Романа[209]. Поздравляю тебя с праздником и днем ангела нашего

---

[207] Неустановленное лицо.

[208] Получено в Шенкурске в ответ на наш вопрос о браке. Август 1931 г. (Прим. Б. А. Васильева).

[209] 19 июля ст. ст./1 августа н. ст. — день обретения мощей преподобного Серафима Саровского и память благоверного князя Романа Рязанского († 1270).

Ромы[210]. Поздравляю тебя с большой радостью. Т[аня] тебя любит. Это большое, великое счастье. Да поможет и тебе Господь полюбить по-настоящему свою избранницу. Да благословит Он ваш совместный путь.

Конечно, все люди эгоисты. Но требовательность — исключительная черта твоего характера. Чтобы все было для тебя и тебе. Сколько страданий связано у тебя было с этим. Что же удивит[ельного], что сейчас, когда ты в особенных по трудностям обстоятельствах, ты исходишь прежде всего от себя. Я очень хорошо тебя понимаю и отнюдь не упрекаю, родной мой.

Но посмотри и на Т[аню]. Ты ничего не теряешь, а только приобретаешь. Обрати внимание на ту, которая, приобретая, теряет почти все, чем жила до сих пор. Это бывает при каждом браке, это по известным условиям в особой степени у Тани. Ведь жила же она до этого момента и была у нее полнота жизни. Теперь же ей приходится перестраивать свою душу для иной полноты. Прежнее должно сжаться, потесниться и уступить место новому, основному для будущей полноты. Повторяю, если бы это не была Таня, все равно, всякая девушка в муках (даже и при любви настоящей) рожает новую жизнь. Подумай, жила в семье, отдавала ей себя целиком, и вдруг приходится оставлять эту любимую семью и устраивать новую... Ведь старое можно перестроить, а не уничтожить... На уничтожение одни темпы, на перестройку иные — здесь время и терпение прежде всего. Ведь перестройка самого нежного — человеческого сердца...

У Тани была полнота, Господь даст ей и в дальнейшем полноту — подожди только. Береги чужую душу. Смотри, она уже любит тебя. Это обязывает тебя к еще большей бережливости. Ты за Таней чересчур много берешь и подлинно ценного духовного и душевного. Знаешь историю курицы с золотыми яйцами? Вот так и с душой может быть. Родной мой, не сердись, а пойми, можно и с Таней остаться без Тани. Это тебе мой завет: береги чужую душу с первых же дней. Иначе душа, если не уйдет от тебя, то уйдет от себя. Пишу это не с чужих слов, а по своему опыту, Боря.

Найди в себе силы и отпусти сам. Отпусти и ради ее, и ради себя. Это будет твоя великая и окончат[ельная] победа над твоим великим самолюбием. Дай ей время, не мучай ее темпами: недели там, где нужны месяцы. Таня тебе еще пригодится в гораздо большей степени, чем теперь. Она полюбит тебя еще больше, а вернется к тебе здоровой — и надрыва не будет. Пример коношского отшельн[ика][211] у тебя перед глазами. Если бы он сразу вытребовал

---

[210] Ольдекоп Роман Владимирович.

[211] Речь идет о маросейских прихожанах В. В. Отте и А. В. Тарасовой.

к себе А[нну], что бы получилось? Сейчас она сочетала в себе и семью, и мужа. Вол[одя] этим приобрел себе Анну. Конечно, как муж он мог ее и уговорить, но... в чем другом, а в семейном вопросе ампутация последнее дело, ничего доброго не предвещающая. Вот как я думаю. Прежде всего от всего сердца поздравляю тебя с тем, что ты любим, а затем прошу принять эти слова, только как мои слова, а не [как] указания. Понимаю твое положение, сердце мне говорит так, чтобы ты еще год потерпел, ведь и внешн[ие] условия Шенкурска очень трудны для Т[ани] к тому же. У тебя, конечно, остается еще одно опасение[212], но там видно будет на месте, как его преодолеть.

Христос с тобой. Прости меня.

***

30 сент[ября] 1931 г.

Спасибо тебе, родной Боря, за твое письмо. Мне всегда казалось, что незаслуженно хорошо ко мне относишься. Тем более чувствую это сейчас, в трудную для тебя полосу жизни. Спасибо, мой хороший. Прости меня за все трудности, имевшие когда-либо место в наших взаимоотношениях.

Много узнал о тебе и житье твоем. Тебя Господь ведет своим, особенным путем эти два года. Рука Его на тебе сказывается исключительным твоим положением, условием жизни, работы. Сейчас ближе узнал обо всем и чувствую, как тебе тяжело одному, и с такими, никогда не предполагаемыми трудностями. Как бы хотел повидать тебя такого, почувствовать изменяющуюся в страданиях душу. Боря, обещаю тебе еще чаще вспоминать тебя, постараюсь и писать тебе. За Ваши отношения сердечно радуюсь и убеждаюсь, что они созидаются на твердом основании дружбы-любви. Поздравляю тебя от всего сердца. Ты имеешь обручницу-друга — это великое счастье.

Не смущайся и не требуй того, что она не может еще дать тебе[213]. Все это придет само — непременно придет в час, в который не ожидаешь. У Тани уж так устроена душа.

Еще раз сердечно тебя поздравляю.

Сегодня 17/30, поздравляю тебя с ним[214].

Христос да сохранит тебя, родной мой.

Крепко, крепко целую тебя и благословляю.

Передай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит (Пс. 54:23).

---

[212] Ее ареста в Москве.

[213] Перехода на ты, полной откровенности и т. д.

[214] С праздником — память Веры, Надежды, Любови и матери их Софии.

Эти годы ты стал мне ближе, дороже. Постараюсь, чем только смогу, послужить тебе. Всегда помни, что ежедневно поминаю тебя утром и вечером. С именем твоим сроднилось теперь сердце мое. Прости.

***

15 января 1932 г.

Спасибо тебе, Боря за память обо мне. Поздравляю тебя с наступающим днем Богоявления Господня. Трудно мне ответить тебе в нескольких словах, если бы можно было поговорить лицом к лицу. Глубоко лежит у тебя, родной, обида, раз ты столько времени скрывал ее. Хорошо, что в конце концов высказал все. Ты, родной, прав и неправ. Прав, потому что у каждого из нас есть свои недостатки, которые только с годами и страданиями мало-помалу изглаживаются. Есть они и у меня. Моя вспыльчивость, усугубленная чрезвычайной перегруженностью, всегда меня беспокоила. Я мучился постоянно после своих вспышек, и только через эти мучения уходило и меня постепенно быстрое воспламенение. В детстве и юности же я очень страдал этим. Смерть Батюшки, как мне казалось, прекратила эти состояния. Я объяснял это особой милостью Господа. Видимо, работа сверх всяких мер и возможностей лишила опять меня этого благодатного дара, и стало проскальзывать опять прежнее. Конечно, в этом виноват исключительно я, и я до конца понимаю твое состояние в связи с отцом А. Ш.[215] Нужно сказать, что на это были особые причины в связи с ним самим (что отнюдь меня не оправдывает). Мне пришлось читать дневники отца Иоанна Кронштадтского, не вошедшие в «Мою жизнь во Христе» по причине интимных переживаний. Там батюшка мучается как раз тем же, и уже перед концом жизни своей, при всех своих высочайших достижениях, приходится ему считаться со своим характером. Это у великого, ну а у малых и малейших, сам понимаешь, что происходит. За эти два года и то два раза было у меня подобное состояние. А кажется, уже одни скорби ежечасно, ежеминутно.

Прости меня, ради Господа, за ту душевную травму, которую нанес когда-то тебе. Но для тебя (а не для меня) хочу еще прибавить. Как мог с Марией Николаевной, я сделал все. Дал вам исключительные возможности. Думаю, родной, что это так. Я искренно помолился и благословил вас. Шлю тебе глубокую благодарность за память обо мне и при всем — за терпение меня.

Тане я написал, спасибо тебе, она мне этого не писала. Не сердись на меня. Я ведь человек, и мне трудно бывает. Правда, я

---

[215] Возможно, речь идет об отце Алексее Шенроке (сведениями о нем не располагаем).

люблю тебя, но как умею. Путь любви — путь длительного постепенного восхождения. Я не отчаиваюсь, но трудности всегда передо мной. Шлю тебе благословение Господне. Поздравляю тебя с наступающим днем ангела Тани.

Крепко тебя целую. Прости меня. Бабушка[216] у меня заболела воспалением легкого. Трудно ей очень.

***

Май 1932 г.[217]

Борю, родного моего, поздравляю с радостью. Сейчас только узнал о ней. Это вам за терпение и преданность воле Божией.

Какой ты у меня хороший, Боря. Христос с тобой!

***

15 мая 1932 г.[218]

Сегодня день твоего ангела, Боря. От всего сердца поздравляю тебя. У меня нет слов для ответа на письмо твое. Долго и много плакал над ним. Спасибо, спасибо тебе, родной! Ласки твоей, и в такую трудную для тебя минуту[219], не заслужил. Тем дороже она мне. От тебя ждал иного письма; очень болел этим.

Христос в саду Гефсиманском искал поддержки у близких, любимых. Три раза прибегал к ним за помощью, ища не от ангела, а от тех, с которыми провел годы служения, поддержки, — как это мне теперь близко, понятно, бесконечно дорого. С этой стороны особенно благодарю тебя, приславшего мне первые строчки утешения. Никогда я не забуду этого, милый, любимый Боря. Среди самых близких теперь ты в сердце моем. Адреса твоего не знал. Просил тебя поздравить сестру твою; не знаю, исполнила ли она мою просьбу.

Всегда о тебе помнил, а теперь особенно буду вспоминать тебя.

Прости меня, родной. Постараюсь писать тебе.

Спасибо за О. А.[220], за заботу о ней.

Записочка Т[ани] доставила мне большую радость. Какую прекрасную душу дает тебе Господь!

Все как-то сразу. После письма твоего радостно, что есть человек, с которым пью общую чашу страданий.

---

[216] Квартирная хозяйка.

[217] Отклик на «выздоровление» Тани. (*Прим. Б. А. Васильева*).

[218] Получено в Шенкурске. Отклик на мое письмо, в котором выражал сочувствие отцу Сергию в связи с арестом Тани. (Прим. Б. А. Васильева).

[219] Арест Тани.

[220] Неустановленное лицо.

Подруге твоей земно кланяюсь сегодня, в день женмир[оносиц].

Всегда, всегда с обоими, дорогими, милыми, родными моими...

***

Июль 1932 г.[221]

Прими, родной мой Боря, через меня, грешного, благословение Господне на получение благодати Таинства брака.

Тот, Кто видимо подтвердил вам правильность пути вашего, Тот и соединит вас, Тот и совершит Сам Таинство над вами.

«Иже за неизреченный Твой дар и многую благость, пришедый в Кану Галилейскую, и тамошний брак благословивый... якоже тамо, и зде пришед невидимым Твоим предстательством, благослови брак сей и подаждь рабом Твоим Борису и Татьяне живот мирен, долгоденствие, целомудрие, друг ко другу любовь, в союзе мира...»[222]

Христос, родной мой, с тобой.

Спасибо за все и прости меня, Христа ради.

Любящий тебя всей душой. Твой и[ерей] С[ергий]

***

24 октября н. ст. 1932 г.

Спасибо, родной мой Боря, за память, изображение твоего знака[223] и подробное описание жизни твоей. Сегодня наш памятный день[224] [ареста]. Всех вспоминал. Жизнь человеческая, яко «цвет сельный» (ср.: Пс. 102:15). Вот уже и три года [прошло], когда назад смотришь, как быстро все пролетело при всех отдельных едва ползущих днях и неделях. А впереди еще ничего не видно. Скоро пойдет уже второй месяц[225]. Надеюсь, что Таня на этих днях уезжает, если уж не уехала. Самочувствие мое неважное. Все прихварываю. Вот зимы-то настоящей все нет. Мороза бы надо. Тогда тело было бы помощником душе.

Вчера и сегодня думал о студитах[226]. Сегодня ясно почувствовал, что свой талант нельзя зарывать было[227]. Каждому свое. Мне уж так не впервой и с обновл[енчеством], и с [новым] стилем.

---

[221] Получено в Шенкурске. (Прим. Б. А. Васильева).

[222] Из последования венчания.

[223] Фотографию.

[224] Ареста.

[225] После истечения трехлетнего срока.

[226] Сподвижниках прп. Феодора Студита.

[227] Речь идет о церковной позиции.

Лично не мог иначе. Сегодня как-то заново пересмотрел это, а главное, почувствовал в тишине сердца за трапезой[228]. Это для меня большое утешение. Детей и детишек[229] очень жалко. Так вот всякая радость с печалью растворяется. Как Таня думает о крестной[230]? Ей все хочется домой. Старенькая она, а Таню очень любит и прислушивается особенно к ней. Меня-то она не очень. Написала бы Таня что-нибудь по этому поводу.

Лиза очень важная особа, но учится хорошо и поступает в критических случаях твердо и самостоятельно. Аня нежно ухаживает за мамой. Ика выздоровела. Спасибо за внимание. Очень меня трогает. Я, правда, не стою его совсем. Алеша[231] теперь первый ученик и председатель класса. С головой ушел в общественность.

Передай сердечный привет родной моей милой Тане. Дай ей Господи здоровья.

***

18 января 1933 г.

Поздравляю тебя, родной мой Боря, с Богоявлением Господним и наступающим днем ангела Тани. Дай Господи, чтобы выявилось в душе твоей мирное решение трудного вопроса Вашего.

Что тебе написать? Помнишь, я писал тебе тогда, в тот момент, когда положение было в таком же роде. Припоминается сейчас чинопоследов[ание] рукоположения. Когда наступает момент поставления, раздаются три, следуемые один за другим возгласа: повели, повелите, повели... т. е. соизволь, соизвольте, соизволь. Первый к рукополагаемому, второй к народу, избирающему рукополагаемого, и третий к епископу. Так в Церкви в таком исключительном, казалось, зависящем от Церкви вопросе, как поставление в священный сан, прежде всего обращаются к намеревающемуся восприять благодать. Так вот и в жизни вообще. Повели ты, ты, родной, найди, если сможешь, силы в себе и повели. Ведь ты глава жены и спаситель тела. Вот все, что могу сказать тебе сейчас. Сохранить семью — это наполовину сохранить устроение вообще. Сохранение семьи — это единомыслие и единоволие. Дело не в службе. Родные должны помочь и помогут в это исключительное время. На то и связуются союзом любви. Если раньше ставился вопрос о том, что будет лучше для Тани, теперь должен в первую очередь решаться вопрос, как лучше для ребенка, во вторую, как лучше для Тани, носящей в себе этого ребенка, и в-третьих, твой серьезный и больной вопрос.

---

[228] Имеется в виду: за литургией.

[229] Детей духовных и родных по крови.

[230] Отец Сергий имеет в виду себя, а не церковную позицию.

[231] Лиза, Аня, Ика, Алеша — дети отца Сергия.

«Вижу ее силы физические и душевные. Здесь рядом со мной самостоятельная хозяйствен[ная] жизнь была ей временами не под силу. Как трудно Ляле, и т. д.»

Да, Тане это принудительный труд, не иначе. Только из любви к тебе подъятый и исполненный все же. Но с ребенком, и особенно первое время, ей еще трудней будет. Если в хозяйств[енной] жизни ты еще мог ей несколько помогать, то в будущей новой обязанности ей нужна не только любящая, но и *умелая спокойная* помощь. Дело, повторяю, не в мат[ериальном] только. Тебе ведь непонятна еще вся исключительная трудность материнства для Тани. Не сомневаюсь, что впоследствии она будет прекрасной воспит[ательницей] твоих детей, но там, где нужен только уход, уход... там она опять в том же печальнейшем положении, как у печки. Печное предстояние полугодовое ты до конца все-таки не понял. Что для одних легко, то каторжным трудом является для других. Но теперь ты многое понимаешь, а раньше зачастую недоумевая возмущался. Танино здоровье, кормление ребенка в связи с этим, всякие неизбежные неудачи и т. д. — одно для всех и другое для Тани, а стало быть, и для маленького. Наконец, роды первые в годах Тани — дело серьезное, путешествие младенца из Шенкурска не менее рискованное. Просто взвесь и подумай. Ведь ты должен повелеть, и семья тебя имеет своим главой. В крайности, можно жить и под Москвой, если уж почему-нибудь будет душа твоя болеть[232]. Боря, что бы ты ни надумал, помни, что всегда с тобой, помню тебя, люблю. Прости, что пишу так. Мне ведь так чувствуется, что исходить надо от маленького, что в таких случаях лучше быть у родных, и никто лучше бабушек и дедушек не поможет. Тем более, ваших дедушек и бабушек.

Письма мне то же, что печка Тане. Прости меня, нескладного и неисправн[ого] в этом отношении.

Крепко целую тебя.

Христос с тобой. Прости.

***

13 июля [19]33 г.

Родного Борю от всей души поздравляю с маленьким Алешей. Сегодня его сретение, и я вспоминаю его папу и маму, приносящих сынка ко Господу. Желаю новому земному насельнику всякого благополучия.

Крестная[233] просит тебе написать, что благодарит тебя за внимание. Она была так растрогана, как может быть растрогана

---

[232] Подразумевается: за безопасность Тани.

[233] Отец Сергий имеет в виду себя.

в ее положении находящаяся одинокая женщина. Она и рада была, и волновалась все о какой-то сумке коричневой. Дошла ли она до тебя? Чудная она какая-то стала. Любит обоих вас по-прежнему. Все беспокоится за своего родного плотника[234]. Положение ее еще не выяснено, как дальше будет жить — неизвестно. Видимо, уедет далеко куда-нибудь. Там жизнь подешевле. Спрашивала о Вале[235] и просила, если возможно, передать ему низкий поклон. Может быть, ты что ей напишешь. Она будет уж так этим довольна. Пока адреса ее точного не знаю, пиши до востребования.

Ну, заболтался. Желаю тебе всего, всего доброго, родной мой, хороший. Какую тяжелую школу жизни приходится тебе проходить! С сердечным уважением и удивлением смотрю на тебя.

Крепко тебя целую. Прости, родной!

Твой и[ерей] С[ергий]

Борису Васильеву и Татьяне Куприяновой

Август 1932 г.[236]

Дорогих моих Борю и Таню сердечно поздравляю с наступающим новолетием и памятью преп[одобного] Феодосия[237]. Очень я виноват перед вами. Вначале не знал адреса, а теперь все собираюсь и не могу ничего написать. Простите. Болезнь затяжная Марусеньки[238] меня изводит. Знаю, знаю, что этого по состоянию ее организма и нужно было ждать. Да вот все никак смириться, видимо, не могу. Очень нездоровится мне. Фрося[239] вам кланяется и желает всего наилучшего в жизни. Всегда помню и по-прежнему люблю. Простите за все.

***

15 сент[ября] 1932 г.[240]

В день преп[одобного] Феодосия шлю дорогим моим сердечн[ый] привет и поздравление со вступлением в новый год. Теперь каждый день вспоминаю вас так, как раньше дома[241].

---

[234] В Вятке Б. А. Васильев работал плотником.

[235] Неустановленное лицо.

[236] Получено в Шенкурске. (Прим. Б. А. Васильева).

[237] Печерский.

[238] Маросейки.

[239] Евфросиния Николаевна Мечёва.

[240] Получено в Шенкурске. (Прим. Б. А. Васильева).

[241] В храме на Маросейке.

Мама прислала мне ваши прекрасные отпечатки фото. Очень мне нравятся. Тане вышлю ребятишек своих[242]. Помню. Спасибо вам за письмо. Я думал, что вы уже знаете теперь. Но на всякий случай пишу вам две причины: 1) вел[икие] праздники, 2) посты, включая и однодневные, как, напр[имер], среда и пятница. По-церковному, как известно, пост начинается с вечера, стало быть, под среду, пятницу и воскресенье (малая Пасха), Усекновение главы Иоанна Предтечи (однодн[евный] пост) и четыре поста: Великий, Успенский, Рождественский и Петровский. Великие праздники, двунадесятые и храмовые для данного храма[243].

Очень тронут цветочками. Берегу их. Так хочется к милым, дорогим, любимым. Трудно мне сейчас. Не осуждайте, простите.

***

Сентябрь 1932 г.[244]

Хочется мне поблагодарить вас, родных моих, за внимание, ласку, письмо.

Таня, Ваше письмо получил в тот самый день и час, когда прошлый год под Воздвижение. Очень меня тронуло подобное «совпадение». Спасибо, спасибо.

Напишу Вам обязательно. Сейчас 8[245], так случилось.

Если еще будете писать, напишите и на Е. Н.[246] Шлю Вам привет. Крепко целую Борю. Спасибо за все, спасибо.

***

Октябрь 1932 г.[247]

Сердечно благодарю родных моих Таню и Борю за память обо мне 25/X[248]. Был болен, потому и не отвечал. Ежедневная готовка (раньше ею не занимался)[249], суета, бессонница, все понемножку сделали свое дело. Головокружение, слабость, одышка, как бывало раньше дома. Сейчас прихожу в себя. Стараюсь войти в норму. Что вы унываете! Огня не будет, пришлем вам свечей. Да теперь уж и недолго.

Всегда помню, и это оправдание моего молчания во время болезни. Таня, помните, я обещал послать Вам, а вместо Вас, думал

---

[242] Фотографии детей отца Сергия.

[243] Отец Сергий рекомендует молодоженам дни, когда следует воздерживаться от супружеских отношений.

[244] Получено в Шенкурске. (Прим. Б. А. Васильева).

[245] То есть написал восемь писем.

[246] Матушку отца Сергия Евфросинию Николаевну.

[247] Получено в Шенкурске. (Прим. Б. А. Васильева).

[248] День ареста.

[249] Имеется в виду Святая Евхаристия.

о маме Вашей. Обстоят[ельства] изменились, пришлось переслать О. С.[250] Теперь с любовью сердечной посылаю Вам пока первую часть. Христос с Вами. Не браните за молчание. Помню, благодарю, люблю по-прежнему.

***

Ноябрь 1932 г.

Милых, дорогих, родных моих от всей души моей поздравляю с начавшейся от вас новой жизнью[251].

Радуюсь и желаю, чтобы увидали вы и «наслаждение масличное окрест трапезы вашей». Хочется быстрей откликнуться на письмо ваше, потому пока и пишу наспех.

Таня, спасибо за доверие, внимание и память.

Боря, спасибо за любовь и терпение, с которым так подробно описал ты свое житье. Я теперь побывал у вас. Всегда помню, люблю, благодарю.

Боря, милый, береги Танечку. Никогда, как теперь, не нужно ей будет такого внимания.

Е. Н.[252] спрашивает, чем Вы лечитесь от фурунк[улеза]. Очень помогает ихтиол со спиртом. Лизу только ими и спасли. Напишите — пробовали? Напишу подробно. Мне сообщила Н. Н.[253], что Вам документы посланы. Оттого так и написал Вам.

Христос с Вами.

***

Декабрь 1932 г.

Сердечно поздравляю Борю и Таню с наступающими праздниками[254].

Опять нездоров, опять грипп. Живу все по-прежнему. Никакого движения кроме В. К.[255] Он теперь у бабушки с дедушкой. Мои сверстники[256] здесь уехали. Сейчас у меня ребята в отпуску.

Знаете ли Вы, что у В. и А[нны][257] тоже ребеночек будет. Тоже очень волнуются, особенно А[нна].

---

[250] Неустановленное лицо.

[251] Имеется в виду беременность Татьяны Куприяновой.

[252] Евфросиния Николаевна Мечёва.

[253] Неустановленное лицо.

[254] Рождества Христова и Богоявления.

[255] Владимира Коншина.

[256] Те, у кого был такой же срок, как у отца Сергия.

[257] У семьи Отт.

Е. Н. шлет привет и поздр[авления] с праздником. Правда, что Ляля[258] с Верой и Зиной?

Я в большом долгу перед тобой, Боря. Прости меня, пожалуйста. Постараюсь исправить свою ошибку.

О[тцу] С[ергию][259] очень трудно. Кругом умирают опухшие и истощенные его сотоварищи. Простите, что так пишу плохо.

Н. В. Мартыновой[260]

Родную мою Надежду Васильевну поздравляю с днем ангела и желаю радостного пребывания, бодрственного подвига терпения. Хочется мне сказать Вам словами апостола (найдите): *Всегда благодарим Бога за всех вас, вспоминая о вас в молитвах наших, непрестанно памятуя ваше дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа пред Богом и Отцем нашим* (1 Фес. 1:2–3). Мне, не имевшему по нерадению достаточного духовного делания, дается теперь Господом для исправления в изобилии телесный труд. Работаю по 8 часов на погрузке барж, и хотя временами изнемогаю до предела, на душе спокойно, радостно, празднично. Чувствую на себе руку Божию и необходимость участвовать в общих страданиях.

Перечтите к Гал. 1:10[261] и к Флп. 1:29[262]. Да нам всем дано не только веровать, но и страдать. Утешаюсь всеми вами. К Флп. 1:27[263]; 2:12[264].

Передайте привет Вашему брату и племяннице, которых знаю. Да благословит Вас Господь. Помню, люблю, прошу молитв Ваших. Простите за все. Как теперь здоровье Ваше?

---

[258] Подразумевается «сослана».

[259] Вероятно, речь идет об отце Сергии Смирнове (см. также: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 113).

[260] Печатается по: Архив храма Святителя Николая в Клённиках. (С испр. и доп.)

Надежда Васильевна Мартынова — сестра известного российского хирурга, профессора Московского университета Алексея Васильевича Мартынова (1868–1934).

[261] *У людей ли я ныне ищу благоволения, или у Бога? людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым.*

[262] *Потому что нам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него.*

[263] *Только живите достойно благовествования Христова, чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единодушно за веру евангельскую.*

[264] *Итак, возлюбленные мои, как вы всегда были послушны, не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего, со страхом и трепетом совершайте свое спасение.*

***

Шлю Вам благословение Господне и поздравляю Вас с днем Вашего ангела, родная моя Надежда Васильевна! Желаю Вам пребывать в здравии и духовном равновесии. С любовью вспоминаю то время, когда мы вместе возносили к Господу молитвы. Прошу Вас, напишите, как Вы себя чувствуете. Сейчас я один. Ребятки мои уехали. Особенно для меня ощутительно отсутствие Ики. Она, как старшая, много мне помогала и во многом меня понимала. Скучаем по всем. Евфросиния Николаевна[265] всегда была с ними. Теперь она все ходит в лес за клюквой и опятами: других грибов в этом году почти нет.

Сейчас пред крестом Господним особенно чувствую необходимость бодро, радостно и покорно нести крест свой. *С терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, приобретши*[266] *посрамление, и воссел одесную престола Божия*! (Евр. 12:1–2).

Сердечно благодарю Вас за любовь Вашу, не заслуженную мной. Бог же терпения и утешения да пребудет, родная, с Вами.

Теперь часто вспоминаю Вас, брата Вашего и близких Ваших.

***

Со днем Богоявления Господня! Шлю Вам, родная Надежда Васильевна, и всем Вашим, особенно брату и Тане, сердечную благодарность за память. Очень тронут их теплотою. Спасибо, спасибо. За последние месяцы много и часто думал о Евг. Ник.[267] И вот его кончина. Мне более чем с кем-либо хотелось поговорить с ним, кротким православным юристом, по больному нашему вопросу. Как хорошо, что Вы мне быстро сообщили, я за него теперь молюсь. Это для меня большая радость.

Конечно, возможно, будет исполнено желание Ваше. Вам самой виднее будет, а пока подождите эти недели. Да хранит Вас Христос.

***

Сердечно благодарю Вас, родная моя Надежда Васильевна за память обо мне и внимание. Спасибо и за ребяток моих, за франц.[268] и за Евфросинию Николаевну, сердечно еще раз благодарю за все!

---

[265] Матушка отца Сергия.

[266] В синодальном тексте: «пренебрегши».

[267] Евгений Николаевич Ефимов (см. прим. 168 на с. 378).

[268] Франц[узский].

Молюсь за Вас, за брата, за Таню и за всех, о которых Вы просили молиться.

Не смущайтесь тем, что произошло с Вами в день ангела. Все правильно. Только смирения еще немножко, и все будет хорошо.

Пред лицем Господним каждый день становлюсь в своем чине... *Юноши и девы, старцы с юнотами да восхвалят имя Господне* (Пс. 148:12–13). У не вступивших в Таинство брака и не может быть иного наименования, как дева. Только (как и вообще люди) есть прегрешившие и не прегрешившие в житии своем телесном. Поэтому даже и народ именует девами вообще незамужних, то есть не вступивших в Таинство брака. Последние уже не девы, ибо венчаются «в плоть едину». Хотя бы они и сохранили в браке свое девство, но они уже едино с мужем, и поэтому не девы перед Господом, ибо им преподана благодать на жизнь новую в едином (новом) теле и единей (новой) душе.

Принимайте в смирении то, что Вам, родная моя, добрая Надежда Васильевна, надлежит. Христос с Вами.

Очень смущаюсь, но все-таки обращаюсь к Вам. Не найдете ли Вы возможным проконсультировать у брата один случай. Очень спорный. Нужно ли делать предлагаемую профессору операцию или нет? Прошу об этом, потому что действительно необходимо выяснить. Если найдете возможным, окажите содействие в этом.

ПИСЬМА НЕУСТАНОВЛЕННЫМ ЛИЦАМ[269]

3 февраля 1924 г.[270]

Неожиданно для меня у Анны Тарас.[271], которая, я думал, поправилась, оказался туберкулез легких. Я отвезу ее в понедельник в Верею. Так как Вы нужны на пост и Вам трудно придется, оставайтесь еще на неделю в Одинцове. Здесь пока справляются хорошо. Я хочу, чтобы Вы совершенно отдохнули. Приеду за Вами в пятницу или субботу. Не скучайте, на лыжах много не ходите. Гуляйте. Посылаю Вам просфору. Молитесь за Анну. Мне ее очень жаль. Не беспокойтесь за пение сейчас! Вы мне так будете нужны постом — нужно, чтобы у Вас было много сил. Храни Вас Господи. Молюсь за Вас. Покаяние пропели — была спевка. Батюшка кланяется Вам: вчера у него был на могилке. Пишу на исповедальном столике в церкви.

***

5 февраля 1924 г.

Спасибо Вам за письмо. Отдыхайте. Не переутомляйтесь. Лыжами Вам можно вконец испортить свое сердце. Приеду к Вам в субботу. Икона Ваша готова. Как приедем в Москву, благословлю Вас. Поправляйтесь, не скучайте. Посылаю Вам для духовного утешения Веру[272].

---

[269] Печатается по: Архив храма Святителя Николая в Клённиках. Машинописная рукопись. (С испр. и доп.)

[270] Даты даны по старому стилю.

[271] Тарасова Анна Васильевна (1904–1952), маросейская прихожанка, регент правого хора, в будущем жена священника Владимира Отта.

[272] Кацман Вера Ильинична (1899 — не ранее 1976), маросейская прихожанка, певчая, духовная дочь отца Сергия Мечёва. В 1931 г. арестована с другими «мечевцами», вместе с отцом Борисом Холчевым была сослана в Казахстан.

Храни Вас Господи. Молитесь за меня грешного.

Духовный отец Ваш и недостойный иерей Сергий

***

7 июня 1924 г.

Где Вы, в Верее или уже в Москве? Как-то там сердце Ваше и легкие. Мерить температуру нужно. Я помню о Вас, а Вы что, молитесь ли обо мне? Слышал, что Анна поправилась. Вот хорошо бы и Вам. Если в Москве, то передайте всем, всем, мое благословение, и особенно певчим. Храни Вас Господь. Теперь скоро увидимся.

Недостойный иерей Сергий

***

2 августа 1924 г.

Родная, как Вы там? Почему мне ничего не пишете? Я здесь прихворнул. Сейчас опять ничего. Наверно, просто от усталости. Как голос Ваш? Как Ваши помыслы? Я молюсь за Вас. Живите в мире со всеми матушками.

Храни Вас Господи!

Приеду в субботу или понедельник.

***

День св[ятых] ап[остолов] Петра и Павла.
Воскресенье. 29 июня 1925 г.[273]

Милая, как Вы там подвизаетесь? Как мне хотелось вчера к Вам, вернее, к нам на Маросейку. Как у нас хорошо служат. Здесь стихир не полагается (одна всего на «И ныне»), «Ангельский собор» не пели, канон одна катавасия, «величит» два стиха и т. д., зато все нотное, а Евангелие даже не то читали. И воскресенье, и день св. апостол — все потонуло в этих «благослови», «блажен муж», «ныне отпущаеши», «хвалите» и т. д. Тяжело все это.

Устроился, слава Богу. Здесь в храме главная святыня икона Феодоровская, а храм посвящен св[ятому] великомуч[енику] Пантелеимону. Храм небольшой, один престол. Есть иконы и св[ятителя] Николая, и преп[одобного] Сергия, и преп[одобного] Серафима, и Алексия, человека Божия. Над моей кроватью большая икона Феодоровская. Очень устал с дороги. Пока чувствую себя слабо. Доктор велит лежать. Дня через три буду принимать ванны.

---

[273] Письмо написано в Кисловодске. Речь идет о службе в местной церкви Великомученика Пантелеимона.

Как-то Вы все там? Шлю Вам благословение. Помолитесь за меня. Не унывайте. Приеду, и поедете, Господь даст, в Саров. Как Валя, Ваша нареченная помощница. Помогает ли Вам? Храни Вас Господь. Передайте мое благословение всем певчим. Бог даст, и им всем пришлю. Сразу ведь всего не сделаешь. Главное попросите молитв за меня. Хочу приехать здоровым.

***

День св[ятой] равноап[остольной] Ольги.
[11 июля] 1925 г. Кисловодск

Родная моя! Я уже писал Вам, чтобы Вы не унывали. Бывают в общежитии всякие испытания. И змея в норе лежит одна спокойно, говаривал батюшка отец Анатолий (Зерцалов)[274], а тронешь ее, она и зашипит. Так всегда трудно в общежитии. Если и выходило что с Мар. Кон.[275], нужно быть поспокойнее. Я последнее время делал все через силу. Если теперь, Господь даст, поправлюсь, будут опять силы во всем, помогу Вам. Только примите мою помощь со смирением и любовью, тогда она пойдет на пользу не только в этой жизни, но и в будущей. Принимали ли Вы лекарство, да разобрались ли в них? Постоянно нужно было принимать только одно: Вера Вам написала ведь. Сейчас чувствую себя значительно лучше. Получили ли Вы от меня деньги и письмо? Не знаю, где Вы получите это письмо, но прошу Лид[ию] Ал[ександровну][276] переслать Вам еще пять руб[лей]. Принимаю нарзанные ванны. Очень хочу работать не через силу, а легко. Помолитесь за меня.

Приезжайте домой хорошей. Если больной я помнил о Вас и старался помогать Вам, здоровым буду, по молитвам Батюшки, наладим по-настоящему духовную жизнь.

Храни Вас Господи.

***

Кисловодск. Воскресенье. 1925 г. 13 июля.
Собор св[ятого] арх[ангела] Гавриила

Спасибо Вам за память. Письмо Ваше получил. Очень оно меня порадовало. Приедешь домой и не узнаешь Вас — какие Вы сделали успехи. Как хорошо, что съездили в скит, кто знает, может и совсем закроют, воля Божия. Благословение получили, это тоже хорошо. На всю жизнь Вам память останется.

---

[274] Анатолий (Старший) (Зерцалов Алексей; 1824–1894), преподобный, оптинский старец.

[275] Неустановленное лицо.

[276] Лидия Александровна Воскресенская (см. прим. 23 на с. 341).

Я не понял из Вашего письма: Валентина[277] ходит ко всенощной-то в Ваши дни или только в среду и пятницу к обедне? Если не ходит ко всенощной в Ваши дни, то попросите ходить, тем более что Анна Ст.[278], наверное, уехала. Скучаю здесь по всем. Льют дожди каждый день. А теперь даже и холодно стало. Принимаю ванны нарзанные, сердце стало лучше. Господь даст, и поправлюсь. Если бы не желание поправиться — бросил бы все и уехал домой. В Казанскую служил здесь, вспоминал всех вас. Уехала ли Зина[279]? Я ей послал благословение на отъезд. Евдокии Бумагиной[280] передайте, что Господь благословит ее съездить в Аносино. Трудно мне здесь без богослужения. Вчера за всенощной на «Господи, воззвах» одну стихиру пели, на стиховне ни одной, прямо «Ныне отпущаеши» и т. д. «Благословен еси, Господи» один раз и «Слава»... Никакого воскресения не чувствуешь... Приехала ли матушка Лидия[281]? Передайте ей мое благословение. Живите мирно, хорошо. Мое отсутствие и моя болезнь для всех экзамен, и для меня, и для Вас.

Спасибо, сердечное спасибо Вам за помощь по храму. Господь по молитвам Божией Матери и свят[ителя] Николая не оставит вас. Храни Вас Господи. Всем, всем мое благословение. Всех помню и как умею молюсь. Помолитесь все за меня.

***

[19 июля] 1925 г.
День преп[одобного] Серафима[282]

Не унывайте, не унывайте. Что Вам делать с Ал. Никит.[283]? Попросите Валю от моего имени петь в Ваши дни всенощную. Почему она мне не напишет? Уехала ли Зина в Саров, а Евд[окия] Б[умагина] в Аносино? Теперь скоро увидимся. Чувствую себя значительно лучше. Сегодня был в церкви, молился преподобному. Счастливая, поедете в Саров. Спасибо, сердечное Вам спасибо за пение. Поблагодарите от меня и Кл[авдию][284].

---

[277] Маросейская певчая.

[278] Неустановленное лицо.

[279] Зинаида Келлер — маросейская прихожанка, сестра М. М. Келлер (о ней см. прим. 105 на с. 267 Кн. 1).

[280] Маросейская прихожанка.

[281] Неустановленное лицо.

[282] Обретение мощей (1903).

[283] Имеется в виду протодиакон Александр Никитич Сахаров. На Маросейку пришел в начале 1910-х г. Жил в доме причта. После закрытия Николо-Клённиковского храма служил в других церквах Москвы, в том числе в храме Иоанна Воина на Якиманке. Умер в 1954 г., похоронен на Немецком кладбище (Введенские горы).

[284] Клавдия Невзгодина, регент хора на Маросейке.

Теперь скоро увидимся. За Кл[авдией]. присматривайте. Ей очень тяжело. Хорошо, что иногда ее подкармливаете. Храни Вас Господи.

***

Июль 1925 г.

Спасибо Вам за письма. Вчера получил сразу два Ваши письма. Не унывайте, не унывайте! Теперь недолго. Не пойте сами, а если другие не поют при Вас — и Господь с ними. Скажите им спокойно, что отец Сергий не велел мне петь, а если Вы не поете, я ему[285] скажу. Я думаю, что им стыдно станет. Кл[авдия] разве поет, когда Ал. Никит. управляет? Для чего же тогда я просил его управлять? Я приеду, все изменим, а Вам нужно прямо сойти на время с этого послушания, управляйте только по праздникам, и не петь совершенно несколько месяцев, но уже по-настоящему не петь. Приеду с новыми силами и все устрою. Теперь мне гораздо лучше. Осталось всего теперь 1½ недели. Не унывайте. Я очень беспокоюсь и мучаюсь за хор, и особенно за Вас с Клавдией. От всего сердца благодарю Вас обеих. Господь по молитвам Божией Матери, свят[ителя] Николая и прочих наших угодников Божиих не оставит Вас. Владыку Серафима[286] можно просить на сентябрь. У меня так заканчивается лечение, что приеду к Преображению, и вернее всего 4-го. Приеду, все устрою по-иному, а Вам отдыхать, к отцу Афанасию[287] в Саров. Евдокия[288]-то, небось, собралась уже. Матушка Зинаида[289] вот блаженствует.

Храни Вас Господи!

***

Июль. 1925 г.

Прочтите в обители преп[одобного] Серафима. Поздравляю Вас с праздником. Не унывайте. Теперь ведь скоро и в Москву. Приеду в следующий понедельник. Ваша книга отдана уже. Посылаю Вам несколько книг. Почитайте сами и дайте Алексия, человека Божия,

---

[285] Диакону Александру.

[286] Имеется в виду Серафим (Звездинский Николай Иванович; 1883–1937), епископ Дмитровский, священномученик.

[287] Возможно, речь о протоиерее Владимире Богданове (1865–1931), московском священнике, в годы репрессий часто бывавшем в Сарове и Дивееве. В письмах именовался «о. Афанасий» (по названию Афанасьевского переулка, рядом с которым находился храм на Арбате, в котором он служил (храм Воскресения Словущего — Иерусалимское подворье в Филипповском переулке).

[288] Бумагина, маросейская прихожанка.

[289] Неустановленное лицо.

Валентине. Храни Вас Господи. Помолитесь за меня. Напишите, как живете. Храни Вас Господь.

***

Письмо сейчас получил. Господь простит Вам все. На «барыню» не сердитесь, не надо. Помолитесь за Евд[окию] Бум[агину]. И успокойтесь. Если можно, исповедуйтесь отцу Маркелину[290], просите его или кто еще исповедует. Ждите в Саров Клавдию и о деньгах не волнуйтесь.

***

Август 1925 г.

Не говорите никому, пишу только Вам, потому что беспокоюсь за Вас.

Родная моя! Я послал Вам виноград и яблоко, очень беспокоюсь за Вас, Вы хотели меня проводить. Простите меня, может быть, я виновник того, что Вам это не удалось, и душа болит за Вас. Бог даст, меня встретите. Помолитесь за меня, особенно в день св[ятого] Пимена[291].

Храни Вас Господи. За все спасибо Вам.

Если я сегодня обидное что сделал Вам, еще раз говорю: «Простите». Вы видели сами, что было со мной эти дни. Не унывайте. Хочу отдохнуть с детьми. За сегодняшний канон «Воду прошед» и за девочек Жене сердечное спасибо.

***

День св[ятой] Марии Магдалины.
Кисловодск. [22 июля] 1926 г.

Родная. Как Вы съездили в Саров? Получили деньги? Как здоровье Ваше? Я несколько дней хворал, лежал в постели, сейчас поправляюсь. Принимаю ванны. Соскучился по всем. Вспоминаю часто Вас, особенно в день памяти преподобного[292]. Пошел здесь в церковь. Обыкновенная воскресная служба — без стихир преподобному, без тропаря, без величания, без канона. Обидно и горько стало, да нездоров еще; совсем плохо. Теперь скоро увидимся. Помолитесь за меня, напишите. Беспокоюсь, как доехали, хватило ли денег? Приеду, давайте, родная, по-настоящему устроим свою душу. Певчим всем, всем мое благословение. Не могу всем писать, но всех помню. Храни Вас Господи.

---

[290] Саровский иеромонах, в ноябре 1920 года присутствовал при вскрытии мощей прп. Серафима Саровского. В августе 1926 года в числе других монахов изгнан из Саровской обители.

[291] Пимена Великого (27 августа ст. ст.).

[292] Прп. Серафима Саровского (19 июля ст. ст.).

***

Праздник иконы Божией Матери Смоленской[293]*.*
Кисловодск. [28 июля] 1926 г.

Родная моя, все жду от Вас письма. Как Вы съездили и как сейчас чувствуете? Я, к глубокому моему сожалению, не приеду в день Преображения Господня. Помолитесь тогда за меня особенно. Вернусь к воскресению 9 августа.

Мне теперь получше. Сердце сократилось значительно. Очень скучаю только. Народу понаехало видимо-невидимо, и с ванными стало трудно. Теперь скоро кончаю и приеду домой. Помолитесь за меня и сами будьте, родная, хорошей. Помните, что я во всем, во всем с Божией помощью помогу Вам.

Все беспокоился, хватило ли Вам денег и получили ли Вы еще от меня?

Храни Вас Господь.

Служил здесь в день святого Пантелеймона[294] и вспоминал всех вас. Вера[295], наверное, в Москве, передайте ей мое благословение.

***

1927–1928 гг.

Спасибо Вам за письма. Радуюсь за Вас, что Вам хорошо в пустыни[296]. Дай Вам Господь отдохнуть и успокоиться. Чувствую себя неважно. Опять пришлось лечь в постель. Может быть, вдали почувствуете еще больше нашу здешнюю жизнь.

Молюсь за Вас, помолитесь и Вы за меня, грешного недостойного отца Вашего иерея Сергия.

Храни Вас Господь. Писать трудно. Лежу.

***

23 января 1928 г.

Родная моя, поздравляю Вам со вхождением в Триодь постную[297]. Думаю, что для прохождения покаянного подвига даже хорошо, что Вы входите в пост с такой тугой душевной. Обратитесь не ко мне — я только служитель Христов, обратитесь к Нему, к Самому

---

[293] Именуемой «Одигитрия» («Путеводительница»).

[294] 27 июля ст. ст. — престольный праздник великомученика и целителя Пантелеимона в Кисловодске.

[295] Кацман.

[296] Аносина пустынь (туда, судя по предыдущим письмам, должна была ехать Евдокия Бумагина).

[297] То есть в Великий пост.

Христу, Цареви и Богу нашему. Попросите в покаянии у Него помощи. Он поможет Вам, он даст Вам возможность и ко мне, отцу Вашему духовному, подойти по-другому и увидеть в моем сердце то, чего Вы не видите.

Мне припоминаются слова одного старца[298] на слова его послушника: «Батюшка, простите меня за откровенность, я потерял всякую веру в Вас». Старец ответил мягким отеческим тоном: «Что же, сын мой, удивительного в твоем искушении? Святые апостолы и те усомнились, было, в вере в Бога и Спасителя; а после своего неверия еще сильнее укрепились в вере, так что уже ничто не могло их отлучить от любви Христовой»[299]. Помолитесь за меня. Я молюсь за Вас. Простите, если чем когда обидел Вас.

Храни Вас Господь! Поздравляю с наступающим днем ангела.

***

День положения ризы Богоматери[300].
2 июля 1928 г.

Спасибо Вам, родная моя, за письмо. Получил его в Москве, а сейчас еду в Верею и отвечаю в поезде. Очень трясет, и писать трудно. Рад за Вас, что Вы отдыхаете, подкармливаетесь и лечитесь. Молитву не сокращайте без крайней нужды. В церковь ходите, как я Вам сказал, прибавив еще две литургии в неделю. Больше будьте на воздухе. Купайтесь в меру, а не так, как Вы пишете. В Москве пока все благополучно. Надеюсь, что издали больше поймете меня и нашу жизнь. Приедете, устрою с внешним распорядком, как говорил, и непременно с неделю буду ходить к Вам обедать, как вернусь в Москву.

Господь да сохранит Вас. Желаю Вам молитвенно встретить великие киевские праздники святой Ольги и святого Владимира.

Передайте мой привет отцу Адриану[301] и попросите его молитв. Также и Владыку[302] попросите помолиться. Я все в Москве и только два-три дня иногда провожу в Верее. Ремонт в самом разгаре. Нельзя выехать. Храни Вас Господи.

---

[298] Иосифа Оптинского. Иосиф (Литовкин Иван Ефимович; 1837–1944), иеросхимонах, преподобный.

[299] Житие иеросхимонаха Иосифа. М.: Свято-Введенская Оптина Пустынь, 1993.

[300] Во Влахернах.

[301] Возможно, это отец Адриан (Рымаренко Адриан Адрианович (1893–1978), впоследствии архиепископ Русской Православной Церкви за границей. Духовный сын оптинских старцев Анатолия (Потапова) и Нектария (Тихонова).

[302] Возможно, речь идет об архиеп. Днепропетровском Георгии (Делиеве Спиридоне Георгиевиче; 1878–1937?). Владыка Георгий управлял Киевской кафедрой с 1925 по 1928 гг.

***

День св[ятого] муч[еника] Панкратия. 9 июля 1928 г.

Посылаю Вам благословение нашего святого храма. Сегодня уезжаю на Север поклониться новгородским святым. Дай Вам Господь встретить киевские праздники в радости и молитве. Вернусь через две-три недели, тогда увидимся.

Скорблю, что здоровье Ваше не улучшается. Необходимо по приезде серьезно заняться Вашей болезнью. От нее не все, но многое в расстройстве Вашей духовной жизни. Не хочется мне уезжать из Москвы. В этом году все время был здесь и на Сергиев день, и на Казанскую оставался; так хорошо.

За вас молюсь. Клавдия расскажет Вам о той жизни, которая была у них на отдыхе и к которой хотел, было, приобщить и Вас вместо Киева.

Храни Вас Господи! Хорошо бы увидеть Вас в тихости и радости.

***

1928 г. 2 ноября

Сердечное спасибо Вам за Ваше последнее письмо. Искренне радуюсь, что тянет Вас домой, что горите Вы жаждой подвига и служения Господу. Посылаю Вам Феодора Студита[303]. Прочтите то место, которое отмечено — оглашение 7, продумайте его и низведите его в свое сердце. Книгу верните с Колей[304] — она мне нужна. Это Вам ответ на всю жизнь.

Помните, что Вам нужно отдыхать и поправляться, а Вы расстраивались и не ели. Оставьте все это. Микстуру заказать нужно в Москве, пришлите рецепт с Колей. Я не видел еще Сергея Алексеевича[305] и не мог спросить его. Господь Бог да простит Вас Своею благодатью и человеколюбием.

Стихотворение сохраните до следующего приезда к Вам кого-нибудь и пришлите. У меня оно пока одно. Постараюсь приехать к Вам в следующий четверг, раньше не смогу. Я нездоров — грипп у меня.

Храни вас Господь.

Хорошо, что прислали и первое письмо. Я теперь знаю, какая Вы бываете, хочу же, чтобы Вы были какая есть, то есть — Божия.

---

[303] Вероятно, отдельное издание «Огласительных поучений» преподобного (М., 1853).

[304] Возможно, речь идет о маросейском псаломщике Николае Иоффе (см., также, Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 166).

[305] Никитин Сергей Алексеевич.

***

19 декабря в 8 ч. 40 м. 1928 г.

Скончалась сегодня утром Феодора[306].

Болезнь посылается нам от Господа, так и принимать ее надо. Не обижайте во время болезни никого, а тем более не старайтесь обидеть непременно духовного отца. Я помню Вас и молюсь за Вас, а Вы пишете, что я, по обыкновению, не читаю Ваших писем. Завтра навещу Вас. Конечно, напишите в Киев Владыке[307] и отцу Гавриилу[308]. Помните, я прошлый год оставался без церковной службы в это время. На Катю[309] не сердитесь. Она ведь больная и по-своему права.

Помолитесь за меня. Отдыхайте. Храни Вас Господь.

***

31 декабря 1928 г.
Отдание Рождества Христова

Родная моя, зачем же Вы так? Жалко мне Вас очень. Что Вы с собой делаете? Христос сегодня Сам приходил к Вам в день отдания Праздника. Молюсь за Вас каждый день. Партитуры так и не написали. М.[310] у обедни не была. Пришлось взять голоса у девочек.

Как бы хорошо было, если б Вы пришли в себя и смирились с Вашей болезнью; для этого она и дана Вам.

***

1928–1929 гг.

Спасибо Вам, родная моя, за Вашу оценку моей души. Никогда, и Вы это конечно знаете, я не был о себе высокого мнения, всегда искренне считая себя самым грешным на Маросейке. Не сам я взял на себя духовничество, были моменты, когда я хотел уходить от всех вас, считая себя непригодным. Господь устраивал Сам по-другому, и я, видя по указанию других волю Его продолжать свое служение, оставался. Я действительно заслуживаю Вашего такого к себе отношения и принимаю письмо Ваше для себя с кротостью и терпением.

Спасибо Вам за все хорошее, что видел от Вас и чему учился у Вас.

Простите меня грешного недостойного иерея Сергия.

---

[306] Неустановленное лицо.

[307] См. прим. 300 на с. 409.

[308] Неустановленное лицо.

[309] Неустановленное лицо.

[310] Неустановленное лицо.

***

Родная, смиритесь! Ведь все виноваты, только Вы одна правы во всем. Посмотрите на себя. Я все терплю от Вас, а Вы и этого не замечаете. Помните, что не сержусь на Вас и молюсь. Завтра праздник. Ничто Вам не поможет, кроме смирения перед идущим на страдания Христом Спасителем.

***

Введение во храм Пресвятой Богородицы.
[21 ноября] 1929 г.

Спасибо Вам за письмо. Господь поможет Вам в Вашем новом положении. Делает Он все на благо нам, а стало быть, и Вам лично. О будущем не думайте, а сосредоточьтесь на своей душе. Пора всем нам зажить по-христиански. Слишком много все мы требовали для себя и слишком мало отдавали Господу. Особое время — не ищите ни старцев, ни руководителей — приносите исповедь у православного священника, вспоминайте то, чему Вас учили за эти годы, старайтесь в трудные минуты прибегать к Господу, Божией Матери, святым угодникам Божиим. Носите тяготы друг друга (ср.: Гал. 6:2), советуйтесь друг с другом. Единственное дело Ваше — сохранить богослужение, к этому должно быть направлено все. Причащаться по некоторым обстоятельствам придется еще реже. К этому отнеситесь спокойно. Об этом скажу Вам. Это необходимо!

О постриге не мечтайте. Еще поживете! Живите лучше, все само придет тогда, когда Господь пожелает. Если случится, матушка. Вам скажет, что делать. Конечно, и не думайте о возвращении домой.

Христос с Вами. Спасибо Вам за храм. Берегите богослужение. Это самое главное. Не осуждайте. Помните, что если сейчас ничего не сделаем для своей души, после нет и надежды на исправление.

Слава Богу за все.

***

Поздравляю с праздниками наступающими. Ваши состояния могут быть у каждого, и у инокинь. Ведь Вы же женщина. Но не нужно из этого выводить то, что выводится о. К.[311] Спокойнее. Нужно не носиться с этим, а преодолевать. Писать пока нельзя. Я ведь в особых условиях. Люблю и помню. Христос с Вами.

---

[311] Отцом Константином Ровинским (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 95).

***

Шлю Вам благословение Господне и благодарность за сохранение в себе доброго устроения. Спасибо глубокое, что сами не имеете против в случае надобности изменить день. По многим причинам это лучше. Устал очень, сейчас с сердцем нехорошо, а главное — изменение некоторое.

Храни Вас Господь! Христос с Вами!

***

Спасибо Вам, родная, за письмо: мне очень хотелось знать, как Вы себя чувствуете, и подробности о Вашей болезни. Как много Вы перенесли и перестрадали за эти месяцы, какая большая тягота и внутренних, и внешних страданий легла на Вас — такую слабенькую и хрупкую. Вы правильно поступаете, что усматриваете во всем этом посланное Вам испытание; да примите болезнь, как скорбную чашу от руки Отца Небесного; придет время — и Вам самой станет ясен смысл этого испытания; Вы поймете, какое значение имели эти тяжелые страницы жизни для Вашей души. Поэтому с детской покорностью и терпением несите эту скорбь; Господь за молитвы Батюшки[312] и всех любящих Вас, подаст Вам облегчение и отраду.

Прошу Вас, моя родная, слушайтесь доктора и не обращайте внимания на болезненные мысли и галлюцинации; не соглашайтесь с ними, это — не Ваше, а от болезни, ложное, кушайте все спокойно, во славу Божию. Все погрешности Ваши Господь простит и сохранит Вас своею благодатию. Божие благословение да будет с Вами: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Духов день.

***

Очень рад улучшению здоровья твоего. Обязательно нужно кушать, и много кушать. Я теперь тоже много питаюсь. Постоянно помню о тебе и о наших бесподобных подобных. Ничего не забыл, все помню. Желаю душевного спокойствия. Скоро вернется твой дядя Саша[313]. Можно тогда и к нему. Здоровье мое все в одном положении. Желаю тебе еще раз здоровья и тихой радости в перенесении твоих трудностей.

***

Шлю сердечный привет. Очень рад, что стало тебе получше. Надеюсь, что еще и еще лучше будет. Непременно будет. Слышишь?

---

[312] Имеется в виду отец Алексий Мечёв.

[313] Возможно, речь идет о некоем священнослужителе.

Выздоравливай медленно (зря ничего не бывает), но верно. Знаю, что так и будет. Приятного аппетита, родная!

***

Конечно, нужно кушать. Непременно нужно кушать! Обязательно! Слышите? Всегда вспоминаю мою родную, хорошую дочку и надеюсь, что ты меня послушаешься и начнешь выздоравливать. Для меня это будет большой, большой радостью. Всего тебе доброго. С прошедшим днем твоего ангела поздравляю.

***

Жалко мне очень, что не может исполниться Ваше желание, родная моя. Теперь совсем иные условия, и что можно было раньше, теперь совершенно невозможно. Мне же дорого Ваше расположение и любовь. Сердечное Вам спасибо. Не унывайте. Мне очень жаль о. К.[314] Многое для него закрыто, хотя он очень, очень хороший. Это уж общая тяжесть прошлого. Вам же по Вашей болезненности не приходится его оставлять. Когда гости у него, лучше воздерживаться. Желаю Вам, родная, отдохнуть. Хорошо бы с Вашей старой подругой и на большой реке. Передайте ей привет. Помню, люблю, благодарю. Сам хвораю все.

***

Июль — август 1929 г.

Пора Вам взять себя в руки! Когда кругом совершаются исключительные события: ломаются храмы, уничтожается решительно все, говорящее о Господе, о иной жизни, — Вы продолжаете, видя только самое себя, по-прежнему капризничать, обвинять других, не жить по-настоящему с Господом. Сами же пишете, что молились на празднике в Верее, молились от всей души, стало быть, можно молиться там, а если не молились раньше, то это от вас исходило, а не от обстановки. Испортил Вас Киев, а Вы настаиваете, чтобы я вас пустил туда. Желаю Вам к великим Богородичным праздникам встать опять на путь делания. Да благословит вас Господь.

***

30 декабря 1929 г.

Спасибо Вам за Ваше письмо. Не хотелось мне его сразу читать. Трудный день был для меня — вот, думаю, и письмо опять, наверное, обычное. Спасибо. А письмо оказалось хорошим. Вот бы хорошо и продолжать так. Принимайте как милость Божию ограничение

[314] Отец Константин Ровинский.

причащения. Слава Богу. Это временное, но необходимое по многим причинам дело. Раз Вы моя дочь, то и примите это на будущее время так, как принимаете это теперь. Николин день, Рождество Христово и другие праздники великие не в счет. Потерпите, смотрите, как другим тяжело, а у Вас есть богослужение.

Домой не надо. Я не могу взять на себя изменение батюшкиного благословения. Проживете, Господь даст. В профсоюз у родных все равно не проведут.

Исповедоваться с Вашими смущениями лучше у опытного отца С.[315] Он теперь будет служить. Откладывать исповедь не следует. И так ведь ограничено. Не унывайте. Радуюсь, что не отказываетесь от Христа. Со столом Господь устроит. Я твердо верю в это. Храни Вас Господь.

Если Вы позднюю с Ан. Алекс.[316] в очередь, стало быть, Вы два воскресения были у ранней. То же и в праздник. В хорошую минуту поговорите с М. С.[317] Можно и всем чередоваться. Я только не хочу ссор между вами. Как хорошо. Вы пишите, что у Вас с ней и Мясной. Может, когда и Клавдия свободна бывает? Но не оставляйте поздних литургий; они Батюшкины.

Благословение Господне на Вас. Хотелось, чтобы надолго приобрели мир. Стойте на своем посту до последнего.

***

Спасибо за поздравление! Зачем Вам унывать и, вспоминая прежнее, все плакать. Воля Божия, и ей, всеблагой и промыслительной, нужно покориться. Пользу вижу большую и на Вас. Стали гораздо лучше.

Что сделала Л. А.[318]? Господь с ней. Не думал я, что так будет.

Незачем ходить Вам часто так домой. Через несколько дней устроится Ваша еда. Потерпите чут[оч]ку. Радуйтесь. Исходите из того, что Вы в храме, какая это радость, какая это радость!

Мясо есть благословляю по теперешней трудности, но не каждый день, а то пристраститесь. Радует меня, что между всеми вами мир. Как подобны поют?

Храни Вас Господь! Будьте доброй и хорошей.

***

Слушайте, не глупый Вы человек и для других часто делали много полезного. Я и сам слышал об этом от многих. Почему же теперь Вы

---

[315] Прот. Сергий Смирнов.

[316] Анна Алексеевна, регент.

[317] Мария Петровна Семенова, регент.

[318] Неустановленное лицо.

вопреки правде и совести своей говорите, что Вам спасения нет. Что Вы погибли, и т. д., и т. п. Бросьте Вы все это. Зачем, зачем Вы так! «Ждете от меня радостного и примирительного письма», но горе, мое горе, чем могу я утешить, так Вы говорите. Самая высшая радость — радость покаяния. Все Вы это хорошо знаете. Радость великая на небе о едином грешнике кающемся (см.: Лк. 15:10). Это вовсе не утешение для меня, как Вы думаете. Это радость, великая радость, которая является, прежде всего, в примирении покаянном с Богом. Никогда я так не беспокоился за Вас, как теперь, но я верю, что Господь Вам помогает все время и поможет, и я все что могу сделаю для Вас, а сейчас делаю самое главное: молюсь за Вас. Как Вы можете говорить, что если бы у Вас была капелька надежды на спасение, «Вы бы бросились к Отцу Небесному...» Вот, вот в том-то и все. Знаете, что Он вас любит, знаете, что Он Вас ждет, знаете все, все знаете и не идете. У Вас же на каждом шагу: все у Вас спасутся, а вот... Зачем, зачем все это? Вот почему и не могу Вам пока помочь, но Бог-то все время с Вами, и я стараюсь все время помнить о Вас. Помните — одна Ваша трудность: не смиряетесь перед Господом!

Помню, молюсь, люблю. Но только одного жду: всей душой почувствовать Вам объятия Отчи! Не грешите: никогда не отказывался от Вас лично, если и говорил когда, то для Вашего вразумления. Как Вы одна, когда постоянно я с Вами, и Христос с Вами, родная моя? Молюсь за Вас. Христос с Вами.

Спасибо за все присланное. Спасибо за заботы.

***

Что, что могу Вам написать? Молюсь за Вас постоянно. Переживания, о которых Вы мне написали, говорят мне о том, что Вы совсем не считаетесь с тем, о чем говорил Вам, бегаете ежедневно в Д., не обращая внимания на здоровье свое. Во всем обвиняете меня, и так далее. Я-то Вас помню и за Вас молюсь, а Вы поведением своим и отношением к семье, ко мне и к себе свидетельствуете о том, что нисколько не желаете идти по тому пути, по которому вели Вас. Молился, молюсь и буду молиться. Это пока единственное, что могу для Вас сделать. Только Божия помощь может помочь Вам. Ибо гордую душу исцеляет, как говорит Иоанн Лествичник, только Господь![319] Но молюсь Ему всегда.

Христос с Вами! Посылаю Вам просфору.

Благословение Господне на Вас!

---

[319] Точно: «Кто пленен гордостию, тому нужна помощь Самого Бога; ибо суетно для такого спасение человеческое» (*Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, 23, 37).

***

Родную мою сердечно поздравляю со днем Рождества Христова и с наступающим праздником Богоявления. Что Вы, что Вы? Ну зачем же так? Испытания идут одно за другим. Нужно и принимать их не врасплох, а бодрственно. Иначе что же мы за христиане? А Вы опять отчаиваетесь, опять унываете, опять обвиняете всех. Ну зачем же это так? Что Вы, что Вы делаете? Господь так к Вам милостив, Он дает вам возможность работать сейчас. Он окружил Вас родными, близкими, а Вы до сих пор, даже и теперь, повторяете все прежнее. Надеюсь, что написали сгоряча. Никому так, может быть, не трудно сейчас, как тому, на кого Вы льете всевозможные оскорбления. Ну за что же это, наконец? Наташе Вашей что я мог написать сейчас, кроме слов утешения. Вы же опять и тут увидали что-то.

Христос, родная, с Вами! Да хранит Вас Матерь Божия. Грустно, грустно на душе.

***

Поздравляю Вас, родная моя, с праздником преп[одобных] Авраамия и Марии[320]. Постоянно молюсь за Вас. Надеюсь, что Вы в этот день великий, связанный так с покойным Батюшкой, поймете, что я с Вами молитвенно всегда, что еще никогда я не желал так послужить Вам, как теперь, что я только жду момента Вашего покаяния, того покаяния, с которого начинается новая жизнь. Поймите Вы это. Прошу у Господа, чтобы Вы почувствовали душу свою, отложили капризы свои, обвинения других и т. д., все то, что мешало Вам двигаться духовно. С радостью жду этих минут. Они будут, будут, будут. Они должны быть.

Господи, спаси и помилуй родную мою.

Капитолине Ивановне[321]

Шлю привет и пожелания мирного душевного устроения. Вспоминаю Вас непрестанно, ибо всегда ношу образок Ваш «Спаси и сохрани». Помните, Вы когда-то подарили его мне? Он неразлучен давно уже со мною. Как здоровье Ваше? Прошу Вас вспоминать меня — очень нуждаюсь в молитвах Ваших. Бодро и радостно смотрю на предстоящий путь страданий. Хочу чтобы и Вы (1 Фес. 3:2–4) не

[320] Память Авраамия Затворника и племянницы его, блж. Марии, совершается 29 октября ст. ст.

[321] Неустановленное лицо.

унывали, не роптали. Много и радостного утешения дает Господь. Вспомните (2 Кор. 1:2–5). Земно Вам кланяюсь, прошу прощения за все, чем когда-либо обидел Вас, а главное, за нерадение и леность. Прошу Вас (Флп. 1:27–29). Привет сердечный маме. Дай ей Господи сил в ее трудах и трудности ее жизни. Брату и Соне кланяюсь, вспоминаю, как, бывало, отдыхал у Вас.

Спасибо родная, спасибо дорогая.

***

Капе, родной моей, низко кланяюсь и желаю здоровья. Как-то вы теперь живете? С любовью часто вспоминаю мою старшую дочку. Помните то время, когда у всех у нас было столько энергии, сил и здоровья? Пишу, лежа на земле, и оттого так плохо. Живу на курорте в прекрасной местности. Отдыхаю после зимы. Работа гораздо легче, чем раньше, только обессиленному и она трудна своею продолжительностью — 10 часов[322]. Так хочется, как бывало раньше, посмотреть на Вас. Здоровья, дорогая, желаю Вам.

С большой любовью получил Ваши строчки, родная моя Капа. Поздравляю Вас с наступившим праздником Рождества Христова и наступающим Богоявлением Господним. Желаю Вам дальнейшего укрепления Вашего здоровья. Каждый день по несколько раз вспоминаю Вас уже столько месяцев. Хочется сказать Вам, что имя родной моей болящей взошло в мою ежедневную молитву и сроднило меня особенно с той, с которой и всегда-то был связан со времени моего служения.

Спасибо Вам за Катю[323]. Примите, родная, от меня маленький гостинец. Увижу ли Вас когда-нибудь, родную мою измучившуюся дочку? Передайте Кате, что я жду от нее весточки. Спросите, получила ли она мой ответ. Господь ведет нас через страдание всех, всех. Вы столько испили из этой чаши, что душа Ваша сейчас особенно близка к Господу. Спокойно молитесь Ему по силе Вашей. Имейте надежду на Него. Он даст вам здоровья. «На Господа надежду всяк, кто стяжав, вышший есть всех скорбящих». Помните этот воскресный антифон 4-го гласа.

Храни вас Матерь Божия. Спасибо за память. Сердечное спасибо.

***

Капе, родной моей, шлю сердечный привет и пожелания здоровья. Поздравляю с наступающей весной. Спокойнее, спокойнее относитесь ко всему. Часто вспоминаю Вас и с особой любовью

---

[322] Отец Сергий об обстоятельствах жизни в ссылке.

[323] Неустановленное лицо.

останавливаюсь на Ваших детских днях. Помню каждую мелочь. Живу ничего, только устаю очень. Теперь скоро весна. Пободрее буду себя чувствовать. Всего, всего Вам доброго.

***

Шлю, родная моя, сердечое поздравление и пожелания здоровья. Поспокойнее, родная. Не волнуйтесь так, все образуется при тихости душевной. Вспоминаю Вас постоянно и жалею, родная, что вы так на все бурно реагируете. Поспокойнее, милая, желаю Вам всего, всего доброго. Живу ничего, только очень устаю и очень скучаю по всем домашним и о всех Вас.

***

Сердечно благодарю Вас за память и поздравление. Дорого мне, что Вы меня помните и по доброму своему сердцу не оставляете меня своею любовью и вниманием. Так вот написали обо всех — как будто я лично поговорил с Вами. Надеюсь крепко, что все у Вас образуется. Желаю здоровья, простите меня, родная.

***

Несколько сестер-певчих вызвали в Троицкое патриаршее подворье, где Святейший Патриарх Тихон после проповеди благословил надеть им косынки и сказал, что все желающие сестры Николо-Клённического храма могут также одеть их.

Чем выше растение, тем больше оно подвергается влиянию ветра и бури, сравнивал Святейший Патриарх Тихон себя с дубом, а нас сравнивал с низко лежащей травкой.

С нами были о. С.[324] и Андрей Гаврилович[325].

Л.[326]

Слава Богу, Л., что Вы наконец мне написали. Дай Господи, чтобы удержалось у Вас это состояние открытости душевной к духовному отцу. Великое это дело. Через эту дверь легче всего можно взойти ко Господу. Желаю Вам подвигом добрым подвизаться, течение поста совершить, победительницей греха явиться и неосужденно поклониться и Святому Воскресению[327].

---

[324] Неустановленное лицо.

[325] Неустановленное лицо.

[326] Неустановленное лицо.

[327] См. заамвонную молитву литургии Преждеосвященных Даров.

С исповедью трудно прежде всего потому, что получился навык не исповедоваться; потом уже и другое все. Боритесь с ним. Ребеночка как назовут родители, так и хорошо будет. Все святые у Господа там предстоят в молитве за тезоименных им человеков. Вас желаю в будущем видеть помощницей в иконописании. Поэтому прошу Вас приготовлять себя, пока есть время, к этому деланию. У Вас есть большие способности и, главное, осознанное понимание. Это так важно.

В пении со всем написанным согласен. Только дело требует пождания, исправления и перевоспитания. Это сразу не дается. Вспомните себя и изменение Ваших взглядов. Советую Вам быть ободрительницей других, а не «сострадательной унывальщицей». Если бы я был, много[го] бы не было. Но все же и в этом есть успехи общие — строй и так далее. Перевоспитывать невозможно в кратчайший срок. Потерпите, мужественно преодолевая трудности.

С Вавой[328] — отлив, Бог даст — будет и прилив. Семена брошены. Будьте поспокойнее. Боритесь с Вашими привычками — получите мученический венец.

Еще раз благодарю Вас за письмо, просфору. Простите меня.

***

Шлю Вам, Л., благословение Господне! Кресты (найденные в трамвае) для напоминания о должном несении своего, а Вы все-таки иконописная. Так и знайте. Это один из четырех крестов. Самый легкий, но самый забрасываемый Вами. Почему пишете: «способностей нет»? Есть, слышите, есть. Время не найдется никогда для лентяев и желающих заниматься иными делами. Крест лучше не открыть.

Храни Вас Господь!

***

Спасибо Вам, родная моя Л., за Ваши письма. Не забываю я Вас, не думайте так. Душа моя болеет за здоровье Ваше. Как-то Вы с отпуском? М. Ал.[329] теперь едет на Валдай, в Короцкий монастырь. Там была Сима[330]. Сейчас там хорошо. Может быть, и еще куда-нибудь.

Конечно, с машинки нужно уходить. Если есть хотя бы маленькая возможность, нужно переходить на ту работу в английском кабинете, о чем Вы мне писали. Главное, меньше расстраивайтесь, родная. Что было, то было. Не волнуйтесь. Могло быть все гораздо хуже. <...> Вава уехал, наконец, — это очень для него хорошо.

---

[328] Неустановленное лицо.

[329] Мария Александровна Залесова — духовная дочь старца Алексия, а затем отца Сергия Мечёвых.

[330] Серафима Соловьева — духовная дочь отца Сергия Мечёва.

Хорошо и то, что он попросил у Вас при отъезде. Дай ему, Господь, всякого благополучия. Вы же, родная, прошу Вас, берегите себя. Поменьше ходите после отпуска в церковь. Господь даст, и с Зиной уладится дело, — ведь здесь трудности всей Вашей семьи, а не Ваши. И больны Вы теперь от этого. Прошу Вас, родная, займитесь своим здоровьем. Помните, что я сейчас еще с Вами. Будет время, и этого не будет. Помню о вас и молюсь.

Любящий Вас.

***

Господь благословит Вас, родная моя Л.! Как радует меня Ваше отношение к Зине. Не святые вы, а грешные, и, конечно, обе виноваты друг перед другом. Не обижайтесь на нее за то, что она мне иногда сообщала о своих трудностях. Ведь Вы так же делаете. Никто не желает Вас развести во что бы то ни стало. Все от вас обеих зависит. Только никогда не нужно лишних тяжестей брать. Раз скучаете друг о друге, раз тянет друг к другу, возможны и в Москве иные отношения. Подходите в Боге друг к другу. Не бойтесь ничего, кроме Бога и греха. Предайте Ему свой путь и уповайте на Него (ср.: Пс. 36:5).

Спасибо Вам за Марусю Пусторослеву[331]. Вот и в мамаши попали. Без Вас совсем бы плохо получилось.

То, что писали о зиме, возможно. Если Господь благословит и обстоятельства моей жизни не изменятся, приведете ваше желание в исполнение.

С восстановлением поздравляю. Рад очень за папу. А.[332], конечно, напишите. Жду. Поговорите с братом Шуры Ц.[333] Думаю, что, пожалуй, не стоит писать Л.[334] Изменять специальность дело хорошее, только что и как? Напишите об этом подробнее. Конечно, папа прав. Пока есть возможность, стоит переквалифицироваться.

Простите, очень тороплюсь.

***

Родной моей, хорошей Л., шлю благословение Господне. Всей душой разделяю Ваши трудности. Помните, что теперь буду за Вас особенно молиться. Буду просить у Господа, чтобы даровал Вам здоровья. Будьте поближе с Таней[335], она Вам может помочь в трудную минуту.

---

[331] Неустановленное лицо.

[332] Нестановленное лицо.

[333] Цуриковой — маросейская прихожанка, жена отца Феодора Семененко.

[334] Неустановленное лицо.

[335] Куприяновой.

Спокойно не ходите пока на спевки. Поговорите с Кирой[336], она все скажет Манюшке Семеновой[337]. Вам будет спокойнее.

Не унывайте и не принимайте близко ничего к сердцу. Возьмитесь за исполнение главного послушания — за лечение.

С исповедью спокойнее. Я говорил Вам относительно нормы причащения постом. Теперь же, конечно, если придется писать исповеди, я тоже согласен с <...> Не огорчайтесь мелочами. Не надо, берегите себя. Предайте себя воле Божией. Дайте Ему творить о Вас Свою благую волю.

С <...> если выйдет, хорошо, если не выйдет, не огорчайтесь. Конечно, Вам лучше работу оставить во время учения. Но не волнуйтесь. Господь устроит, я верю в это. Сами будьте совсем спокойнее. На деле все выяснится. Вы можете серьезно заболеть, принимая все к сердцу.

Знаю, что трудно Вам с братом. Потерпите, давайте...

Марии N.[338]

26 января

Сегодня, в день Вашего ангела, сердечно поздравляю Вас, родная моя, и всем сердцем желаю, чтобы наступило и дальнейшее умиротворение души Вашей. Глубокое спасибо Вам за все, и главное за храм. Искушению своему не поддавайтесь. Вспомните, как Вы всегда стремились на иноческое житие и какими горючими слезами Вы оплакивали подруг, вступивших на брачный путь. Вот это Ваше подлинное. Искушение же для того и бывает, чтобы очиститься от всего иного и воссиять как злато после горнила (ср.: Притч. 17:3). Я как умею вспоминаю Вас, радуюсь, что подходите часто к святой Чаше: это для Вас теперь исключительно необходимо. Это Вас оживотворит, даст вам и силы в Господе нашем устроять жизнь свою.

Избегайте, родная, встреч. Очень буду рад, если будете ближе с Симой[339] и Марией Николаевной[340]. Никогда не замыкайтесь в себе в труднейшие свои минуты.

Вы меня не совсем поняли: я говорил о мясе в связи с Вашими острыми переживаниями, о которых мне писали. Помню, что Вам питание необходимо, прошу Вас не смущаться нисколько

---

[336] Квашневской или Давидовой — обе певчие.

[337] См. прим. 315 на с. 415.

[338] Неустановленное лицо.

[339] Соловьева Серафима Александровна.

[340] Соколовой.

этим. Кушайте, я говорил лишь об излишествах, и в определенное время. Глубоко верю, что с М. К.[341] все обойдется. Писал Вам просто, указывая и на Ваши недостатки. Совсем, родная, просто. Я ведь знаю ее характер трудный и понимаю очень хорошо, как Вам бывает иногда тяжело. Всегда о Вас помню. Пусть уйдет от Вас нашептывание сопротивного о моем к Вам отношении. Прошу Вас молиться за меня. Прошу Вас помнить, что кто другой, а я никогда не забуду Вашего утреневания ко храму святому.

Все помню, все. И за все благодарю.

Хочется, чтобы в день ангела ушло от Вас и то, что приразилось в связи с «возлежанием и служением» (ср.: Мф. 23:6 и Лк. 20:46), в связи с тем, что Вам помогают и т. д. В день своей преподобной[342] посмотрите на эти слова так, как и были они высказаны мною. Помните, как Христос взял лентион, препоясался и умыл ноги ученикам (см.: Ин. 13:4–5) — я это и имел в виду по частному одному поводу, о котором Вы сообщили мне, а «помогают», говорит о том, что Вы унывали, так как Вы одна, и говорил Вам, что любят и помогают (духовно конечно).

Еще раз шлю Вам, родной моей, поздравление со днем ангела и благословение Господне! За все, за все спасибо великое.

Христос с Вами.

***

Господь с Вами, родная моя. От души радуюсь за Ваше последнее письмо. Слава Богу, что в душе решимость оставить борющие Вас помыслы. Да благословит Вас на это Господь. Давно уже знал, кто он, тогда еще, когда Вы первый раз сказали об этом. Только все ждал от Вас признания. Попробуйте, с Господом, полечиться гомеопатией, иногда она очень помогает. За храм сердечное спасибо. Только не делайте ничего лишнего. Со всеми имейте мир и любовь. И у Вас сейчас еще не все установилось, и я нездоров. Давайте так, на вторую неделю в воскресенье вечером, хорошо, устраивайте спевки, но только по мере надобности. Шлю Вам благословение Господне. Прошу Вас встретьте по-настоящему Святой пост — не в смысле еды, что сделайте в меру, как и в прошлые годы, не утруждая себя чрезмерным постом, а борьбой с собой, своими помыслами.

Христос с Вами.

Земно кланяюсь и прошу прощения за истекший церковный круг.

---

[341] Неустановленное лицо.

[342] Мария Константинопольская, супруга прп. Ксенофонта Константинопольского.

***

После 26 января

Земно кланяюсь и прошу прощения за истекший церковный круг.

За последнее письмо Ваше сердечное Вам спасибо. Дай Господи укрепиться Вам в Вашем решении искренно и покаянно идти к Господу. Господь даст, горло Ваше поправится. Лечитесь! Спасибо за просфорочки. Прошу Вас, обязательно нормально спите и питайтесь. Правило свое соблюдайте в меру, а не чрезмерно. Боюсь, что сгоряча чересчур много возьмете, а там опять ни с чем. Прошу Вас прийти в себя и взять себя в руки и в отношении самого Вашего главного.

Будьте к окружающим Вас терпеливой, услужливой; делящейся скромно своими знаниями с другими. В этом основа христианского служения людям. Сейчас пока воздержитесь от того, о чем написали. Потом можно будет.

Поздравляю Вас еще раз с прошедшим днем ангела. Я очень беспокоился, что не мог вовремя послать Вам поздравление, так случилось.

Шлю Вам благословение Господне!

Как я рад, что душа Ваша оживает.

Дай вам Господи мира душевного. Христос с Вами!

***

Господь да благословит Вас продолжать Вашу работу в храме. Только не горячитесь и крепко не забирайте. Се делается только по силам, а не чрезмерно. Сейчас отдадите свой жары и силы, а потом? <...> Помните, ровнее идти надо к Господу. Путь далек еще. У Вас все порывами, порыв может и пройти, а ровное шествие доведет Вас до Царства Небесного. Со всеми будьте мирны, к Господу возводите все свои дела, пред Ним ходите, а не перед собой и людьми.

***

Родная моя, не было случая ответить Вам. Спасибо большое за Ваше прекрасное письмо и готовность помочь в пении. В теперешнее время я особенно ценю Ваше желание.

Как-то Вы сейчас живете? Относительно Вал[ентины][343], которая когда-то была у нас, можно, пусть поет и читает — только осторожнее узнайте, где она была это время и о ней у о. А.[344] (если она там была). Сейчас такое время. <...> Никогда не поручал Вас никакой старице, и пренебрегать общением с Марией

---

[343] Неустановленное лицо.

[344] Неустановленное лицо.

Николаевной[345] не советую. Вы много в смирении от нее или, вернее, через нее получить пользы можете, как от сестры. Пишу Вам это от всего сердца.

Еще раз благодарю Вас за Вашу заботу о хоре.

Храни Вас Господь.

***

Шлю Вам благословение Господне, родная моя! Как Вы там живете? Очень мне не по душе, что Вы у своих и так долго, и больно мне за Вас. Последнее время Вы очень несправедливы ко многому, что Вам дорого и без чего Вы, по-видимому, и жить-то не можете. Как бы ни сложилась жизнь Ваша, я усердно прошу Вас помочь с М. кан.[346] вместе сейчас в пении. От всего сердца благословляю Вас с ней на духовную дружбу. Поговорите с ней обо всем, а затем с регентом. Его нужно ввести Вам в курс наших напевов, тональностей и т. д. Не время и не место нас переучивать, когда и спевок-то нет. Н. Гр.[347] прислушивался и первое время не управлял. Прошу Вас, помогите сейчас в этом, помогите терпеливо, с любовью.

Я о Вас помню и молюсь. Беспокоюсь. Господь даст, Вы посетите своего отца. Я делаю так, как лучше, а Вы до сих пор часто не понимаете меня.

Простите меня.

***

Благословение Господне на Вас, родная моя! Поздравляю Вас с наступающим днем Преображения Господня и желаю Вам дальнейшего доброго изменения. И мне, и Вам очень полезны скорби. Ими спасаемся и, если будет вложено нами в них терпение с надеждою на Господа, то спасемся Его благодатию. Поэтому не унывайте. Прошу Вас об этом. Уныние окрадывает Вас и не дает Вам настоящего подвига.

С любовью и благодарностью вспоминаю Вас.

Храни Вас Матерь Божия!

Я все прихварываю, да и ребята мои болеют.

***

Спасибо Вам за письмо. Очень рад, что повидались наконец со своими. Шлю Вам благословение Господне! Поздравляю с наступившим новолетием и наступающим праздником Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Храни Вас Господь!

---

[345] Соколовой.

[346] Марией канонархом.

[347] Неустановленное лицо.

«К себе восходи, человече, буди нов вместо ветхаго, и души праздную обновления, дондеже время жития; да обновляется тебе всякаго жития путь...»[348]

Будьте всегда с домашними в мире. Прошу Вас об этом.

***

Шлю Вам, родная моя, благословение Господне. Очень радуюсь за Вас. Убедился, что во многом Вы сдвинулись, что подход Ваш изменился к людям в хорошую сторону. Очень мне это дорого, ибо я лично убедился в этом.

Храни Вас Господь! С наступающим днем ангела Зины![349]

***

Зачем же Вы так? Ваше письмо очень меня опечалило, а отъезд к своим особенно огорчил. Прошу Вас, поговорите с С.[350] Даю Вам слово, что если Господь благословит, увидитесь с отцом своим. Но такой, как писала письмо, не хотел бы. Как Вы не понимаете всего? За Вас молюсь и жалею Вас. Помогите регенту. Очень прошу Вас и поручаю Вам с М. кан.[351] устройство всего.

Храни Вас Господь!

***

Как можно допускать до того, чтобы мучило прошлое? Зачем это? М. С.[352] теперь уже нет, да есть ли, в чем ей можно завидовать? Приближается праздник Казанской Божией Матери. Приготовьтесь, причаститесь. Поздравляю с наступающим праздником. Помогите в пении чем можете.

О хлебе насущном не заботьтесь — Господь питал, Он пропитает. Не оставляйте шитья. Это Вам очень полезно.

Храни Вас Господь!

Простите меня. Молитесь.

***

Что Вы, родная, с Богом нет одиночества. *Вскую прискорбна еси, душе моя? и вскую смущаеши мя? уповай на Бога* (Пс. 41:6 и 12; 42:5).

Господь да простит Вас в покаянии Вашем и полном раскаянии. Куда замуж, что Вы? Вам, которая плачет о каждой,

---

[348] Из канона предпразднства Воздвижения Креста Господня. Самогласен.

[349] Зинаида Соловьева — сестра Серафимы Соловьевой.

[350] С Серафимой Соловьевой.

[351] Марией канонархом.

[352] Имеется в виду Мария Семенова.

вступающей на эту дорогу, Вам, которая с ранней юности отдала себя служению Господу, Вам, которая не вынесет детских страданий современности безрелигиозной. Что вы! Это явное искушение. Написал Вашей тете, с ней и поговорите. Сейчас время исповедничества, не унывайте. Разберитесь, возьмите по силам. Никогда Вас не забуду, и не оставят родные в Господе, и Сам-то Христос разве не с Вами? Вспомните Зину[353]. Подробно с тетей. Молюсь и помню. Спасибо.

***

Радуюсь за Вас, родная моя, что пришли опять в прежнее бодрое устроение. Зачем Вы не бережете себя? Прошу Вас, всмотритесь в жизнь Вашу. В день 9/22 разве, дочка, Вы были правы? А Вы лишь обвиняли окружающих Вас. Зачем все это? <...> Прошу Вас, занимайтесь. Если будет возможность, хорошо съездить, как Вы писали, во Владимир, а затем и поступать на службу. Попробовать бы надо. Там как Господь уже устроит. Многое лезет к Вам в голову от того, что Вы не делаете ничего, даже бросили готовить уроки. Зачем это так, родная? <...> Почему все осуждаете? Зачем у Вас по отношению к ней столько гордости? Как-то серьезно нужно взглянуть на взаимоотношения друг с другом. Никто никому не обязан: во Христе лишь живем все.

Болею сейчас очень. Прошу Вас спокойнее, рассудительнее, к своей душе бережливее, осторожнее. Проверьте себя, в Д.[354], говорите, там Вам легко и хорошо, и вместе с тем 9/22 такое состояние с родными? Вообще же принимайте Св[ятые] Таины, а подходить так часто к духовнику теперь не такое время — приложитесь к преподобному[355] лишний раз, когда бываете там — это вернее и спокойнее. Шлю Вам благословение Господне.

Простите меня Христа ради.

***

Что с Вами, родная? Почему молчите? Я уже давно ничего о Вас не знаю и очень беспокоюсь. Пожалуйста, сообщите, как Вы, что с Вами? Как молитва Ваша, где живете? Как успехи в ученье? Я ничего не знаю. Прошу Вас, молитесь за меня, и надеюсь, что Господь подкрепит вас в трудные минуты.

Шлю Вам благословение Господне.

Берегите душу свою и семью свою, Богом Вам данную.

Христос с Вами!

---

[353] Соловьеву.

[354] В Дивеево.

[355] Отец Сергий имеет в виду мощи прп. Серафима Саровского.

***

Родная, нездоров я и не могу написать так, как хочу. Хочется спокойно и ласково написать Вам о той скорби, которую причинили Вы мне. У меня их сейчас вообще немало, но, глядя на то, как Вы сейчас живете, я не могу молчать.

Вспоминается мне служение семье, служение близким, единение с ними, любовь к ним — все, что когда-то в день преподобного Сергия так обстоятельно было сказано одним из наших батюшек. Где все это в Вашем сердце? И как написать мне, недомогающему, так об этом, чтобы вместо обычной обиды (а так часто бывала она при словах моих у Вас) Вы почувствовали правду слов моих? Ушли от семьи, от той, с которой соединил Вас Господь, ушли в труднейшее для нее время и вместо служения ей занимаетесь самоуслаждением, самослужением. Почему не с семьей? Почему и тогда же, когда Батюшка с ней (9/22), Вы опять по-своему, опять пренебрегаете ею, опять только о себе и себе. Почему, родная, у Вас нет времени на учение, а на беготню так далеко и для здоровья зачастую губительную (ибо не вовремя ложитесь), на это все хватает. И даже, по письму это чувствуется, делаете с услаждением. Сирот бросили почему? Потому что сиротства своего пред Богом не чувствуете. Нехорошо мне, писать много не могу. Понимаете ли Вы меня? Никоим образом петь Вам не надо там — нет, ведь Господь дал отдых Вашему больному, перетруженному горлу, и отнюдь нельзя ходить ежедневно, как Вы мне написали.

Много хотелось написать Вам. Трудно мне, подождите. Но главное написал. Где семья-то Ваша, где служение ей? Где же годы, проведенные вместе, где они? Мало ли что где не нравится. Но разве так надо подходить Вам, долженствующей примером быть для других?

Что еще написать Вам? Хотелось, чтобы Вы поняли меня, не обиделись, а, в Господе приняв, увидали бы так, как это есть на самом деле.

Христос, родная, с Вами. Берегите семью.

***

Спокойно и в радости входите в Святой пост, быть может, последний в доме Божием. Господь устроит все. Не унывайте. Не будете одна, вот увидите. Как устроились со столом, так устроится и общение с людьми, Вам в Боге необходимыми. Простите меня за все пред вхождением в Святой пост. Поститесь в меру, посоветуйтесь, с кем надлежит, о мере, особенно в середине поста. Мне сейчас не видно отсюда состояние Вашего здоровья. Не унывать! С Богом в великую школу годового круга! Помолитесь за меня в эти дни. Буду с Вами.

Не унывайте! Одной не останетесь. За Вас молюсь. Сейчас так мне хочется к вам всем.

***

Благословение на Вас! Желаю Вам действительно подвигом добрым подвизаться, течение поста совершить, главы невидимых змиев разрушить и неосужденно поклониться и Святому Христову Воскресению[356].

Беспокоит меня в Вас совсем не то, что Вас самое. Слушаться надо тех, которые Вам говорят о Вашей мере, и не заниматься своими доводами и соображениями. Раз определили такой пост — и принимайте с радостью; то же и о поклонах. А вот Ваше обычное: «благословите делать их потихоньку, ну, хоть за утренними и вечерними молитвами по три поклона, кроме пяти». Что значит «потихоньку»? И от кого «потихоньку»? Вот привыкли все «потихоньку», так можно и дойти до того, что «потихоньку» от одного духовного отца, «потихоньку» от другого духовного отца, и так далее. А духовных отцов у некоторых бывает много (я разумею тех, которые бегают по всей Москве), так и вся жизнь может составиться из этих «потихоньку».

Вы же и не становитесь никогда на этот путь. Если бы я нашел нужным изменить, что Вам сказали, можно было бы и без «потихоньку». Чтобы больше и в мыслях ничего подобного не было! В церковь ходите, как говорит В.[357], а если действительно народа много бывает, на стихиры утром можно и зайти в храм, это совсем не трудно и не рано. За это Вас Господь не оставит. Может, и последние дни служите. Днем же отдыхайте больше. Об исповеди пишу отцу Борису[358]. Он Вам все скажет. Храни Вас Господь.

Будьте хорошей, будьте послушной, будьте дщерью Божией.

***

Обязательно надо покаяться на исповеди, а не подходить только за разрешительной молитвой: Какое здесь может быть раздвоение, как Вы писали. Мы исповедуем грехи свои пред Богом. Если Вам трудно, то, принимая во внимание, что Вы письменно исповедали мне грехи свои, Вы можете не передавать подробностей того, что Вы написали, сказав все же наименование греха. Это необходимо. Так навсегда и запомните.

При первой же возможности непременно причаститься Св[ятых] Таин.

---

[356] См. заамвонную молитву литургии Преждеосвященных Даров.

[357] Неустановленное лицо.

[358] Холчеву.

М-а[359], за работу Господу!

Поздравляю Вас с наступающими праздниками. Не надо мне столько писать, это утомляет Вас, вредно для Вашего сердца. Пишите, но с мерой для сил своих.

***

Христос с Вами, родная моя! Не было тут случаев — получил сразу пять писем Ваших. За одни порадовался, за другие поскорбел. Спасибо за описание путешествия, с радостью читал его. Конечно, все это так, как Вы написали в этом письме. Главное, что Вы ездили с С.[360] Я нарочно отпустил Вас, потому что она наиболее подходит к Вам в своих тайных стремлениях к Богу. С другой я бы не отпустил. Отчего Вы унываете? Благодарите Господа за все! Живите Им, служите Ему. Взгляните серьезно на жизнь. Я делаю как Вам лучше. Никогда Вы не были довольны своим отпуском. Это у Вас обычная болезнь.

Подумайте только, можно ли бы Вам отдохнуть, как Вы пишете, у меня? В одной комнате помещаюсь я, в другой все дети, матушка и Ман. Дети Вам вскружили бы голову. Что Вы? Для чего я Вам нужен? Помолиться, побеседовать, побыть в Боге вместе? Все это, конечно, по-настоящему можно, когда не будет этой суеты. Больному человеку нельзя было бы здесь выдержать с пользой. Говорю Вам верно. Лиза, Нюнька[361] капризные, плачут.

Вы опять говорите о постриге, а год проходит зря. Помните, я говорил Вам, подготовка — это не игрушка ведь. Вы не заметите, скоро год пройдет. Это первый год Вашего испытания. Смотрите, не пропустите того хорошего, что можете получить. Болезнь Ваша наполовину от сердца больного, наполовину от уныния, зависти и так далее. Все же должен сказать Вам, что Вы меняетесь. Нет в ваших письмах прежних грубостей, дерзостей, и это меня очень радует. Вы становитесь другим человеком. Слава Богу.

Я Вас прошу, если будет Вам лучше, посещайте храм, помогите в пении, можно ведь и сидеть больше. Дома тоже трудно. После Погребения Божией Матери приезжайте ко мне. Вам матушка скажет. Не сетуйте на меня. Я не имел Ваших писем и не мог сам писать. Храни Вас Господь!

***

Поздравляю Вас с наступающим праздником Феодоровской иконы и Батюшкиной памятью! Забиваете Вы всякой глупостью голову,

---

[359] Маргарита Келлер.

[360] Неустановленное лицо.

[361] Дочери отца Сергия Елизавета и Анна.

что Вы одинока, что все Вас забыли, что жить Вам не на что будет и т. д. Стыдно мне за Вас становится. Сама же просит благословения шубу купить — стало быть, есть на что. Стало быть, слава Богу живете. Ну как же Вам не стыдно? Жили, жили, не нуждались ни в чем, сейчас шубу покупаете на будущий год, а окаянный шепчет: как будешь жить? как будешь жить? А Вы уши развесили. Все Вам от этого и не так. К отцу Сергию не можете, к отцу Борису не можете — что это такое? Скорее исповедоваться надо, да и выкинуть из головы. Здоровье нужно беречь. В храме и посидеть. Тогда и батюшки будут хороши, и смогут помочь Вам. Бежать, что же, можно и бежать — никого не удивите; теперь и священники снимают сан, а Вы, что, такой же поступок, в своей мере, хотите и сами совершить? Бросьте-ка всю эту дурь.

***

Поздравляю Вас с наступающим днем Вашего ангела! Дай Вам Господь душевного мира и тихой радости. Все обошлось у Вас с отцом Борисом благополучно. Пусть это будет Вам на пользу. На кривую не вступайте, шествуйте по прямой. Писать о своей прежней работе так, как Вы писали, не надо. Пока и собирать не надо. Я отдельно после напишу. Карточку тоже устрою, но не теперь. Будут просить все. Подождите, обязательно дам.

Желаю Вам сделаться доброй, любящей. Скоро наступает пост. Если благословит Господь, проведите его в тихости и в посильном посте, памятуя, что главное в служении Господу внутреннем.

***

Заболел, лежу, очень трудно эти дни. Желудочная боль замучила. За письмо спасибо. Радуюсь, что Вы приняли Св[ятые] Таины, радуюсь, что боретесь с собой. Но все-таки многое печалит меня. Тон Вашего письма о В.[362], что Вас залечили, именно тон письма мне очень не нравится, христианки (тем более — желающие иночества) так не пишут. Если хотите лечиться у гомеопата, что же, и там лечат хорошо. Только у Вас все внутри, сердце Ваше лечить Вам нужно самой. Оно прежде всего болит и обостряется от страстей Ваших — зависти, злобы, осуждения, гордости — все это как схватит Вас, как начнет вертеть — да еще к тому же письма... Писать можно (говорю это по-хорошему) не так много. Это очень утомляет сердце — Вы все переживаете, и нужное и ненужное, с большой силой. Полечитесь у гомеопата, но никогда не говорите так о людях, которые делали Вам добро. Стрихин — совсем не такая

[362] О докторе Величко.

вещь, как Вы написали, но главное в Вас — Вы все время свое сердце «сами мучаете». Вот и больно за Вас. (Будущая инокиня отказывается от поздней обедни, почему?) Разве не все равно в среду и пятницу пойти в храм, устали — посидите... «Мне больше нравится ранняя», — пишете Вы. Посмотрите на отца Бориса. Делает все подряд, и в этом близок он Отцу Небесному. Читать мне это было больно. Прекрасное, покаянное письмо — и вдруг опять личное... Я же обращаюсь к Вам как к желающей быть инокиней. То же и в отношении поездки ко мне. Великий грех Вам, что око Ваше лукаво — и много раз Вы зря говорили, что поехали, иногда это было верно, иногда нет. А Вы постоянно вели учет, сами наблюдали, да и другим рассказывали. Не стоит так, родная.

Конечно, повенчаться сестре лучше, но разве можно венчаться, если он не разведен по-церковному? Это все нужно узнать как следует. Молиться за нее надо. Но считать ее в браке мы не можем. Обижать ее не надо, но и успокаивать тоже грех. Готовьтесь к поездке ко мне. Прошу Вас, собирайтесь в мире, примиренная со всеми, в особенности, на кого что имеете. Многим не говорите о поездке, совсем не такое время. С матушкой решите о времени, смотрите и на здоровье. Не потеряйте в поездке, а приобретайте от нее.

Как хочется мне, чтобы сердце Ваше, зачастую завистливое, лукавое, подозрительное, злое, переплавлялось бы в любящее, жалеющее, искреннее, чистое. Вы иногда ведь такой и бываете.

***

Воистину воскресе Господь! Спасибо Вам за поздравление, получил Ваши оба письма. На первое отвечу раз и навсегда в следующий раз. На Пасхе не стоит об этом говорить. Больно! Через недели две, а может, и раньше получите. Сейчас же хочу написать Вам только хорошее, чтобы Вы почувствовали глубже праздник. Исповедуйтесь пока два раза в неделю. Если встретится большой праздник, то, конечно, не в счет. Помогите в пении. Усердно прошу Вас, это главное. Чему хотите учиться, напишите, а то Вы только все упоминаете «курсы, курсы».

Примите мое благословение. Христос с Вами! Ждите письма. Но помните: раз навсегда надо вырвать с корнем...

За праздничное поздравление сердечное спасибо. Дай Вам Господь остаться такой хорошей не только на Пятидесятницу, но и на всю жизнь.

***

«Любите людей, служите им». *Егда же умы ноги их, прият ризы Своя, возлег паки, рече им, весте ли, что сотворих вам? Вы глашаете*

мя Учителя и Господа, и добре глаголете: есмь бо. Аще убо Аз умых ваши нозе, Господь и Учитель: и вы должни есте друг другу умывати нозе; образ бо дах вам, да, якоже Аз сотворих вам, и вы творите (Ин. 13:12–15).

Не хотелось мне в пасхальную седмицу отвечать на Ваше письмо, да и сейчас отвечаю на эти вопросы последний раз в жизни. Помолился, и пишу Вам.

«Сын мой, — говорит Премудрый, — если желаешь послужить Господу, приготовь душу свою во искушение» (ср.: Сир. 2:1). Да, *многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14:22). Не страшны скорби, страшно видеть скорби там, где их нет, и не видеть там, где они есть. *Тамо убояшася страха, идеже не бе страх* (Пс. 13:5).

Скорби у Вас большие, но совсем не те, о которых Вы мне сообщаете. Ваши скорби: Бога оставляете, службу Ему (может быть, последний год) бросаете, других обвиняете, своих грехов не видите. Отсюда скорблю о Вас, горько мне — Вы ведь батюшкина. Повторяю: пишу об этом последний раз в жизни, ибо много раз говорил Вам и глухи Вы были к словам моим. Из любви к Вам еще раз пишу Вам.

1) «Я ничему не обучена». Вы были научены главному в жизни: молитве и служению Богу. Это было Вам заложено Батюшкой. Богослужение развито и мною. Где это все?

«У меня есть потребность работать, быть деятельной участницей в каком бы то ни было деле. В храме теперь, как вижу, я не нужна — без меня дело обходится хорошо». Я здесь часто скорблю и плачу о родном своем храме, о богослужении, и вдруг те, кому поручено богослужение, от него отказываются, заявляя: «Моя пятница, а дальше я знать ничего не хочу». Если бы поболела Ваша душа о храме Божием, если бы почувствовали Вы, что до последнего надо сохранять богослужение, разве считали бы Вы себя ненужной, а богослужение — богадельней? Слова-то какие у Вас стали! Я много раз говорил Вам о регенте. Раз Вы и теперь считаете, что взят он для М. С., то просто теперь скажу Вам! Пусть слово Ваше станет пред нами и Богом на Страшном Суде. Пусть Он, ведающий тайная, кого-нибудь из нас осудит. Больше я никогда в жизни к этому не вернусь.

Опять пишете, что здоровья нет. Да и как оно будет при таких условиях? Главное дело не считаете своим главным делом, не видите его, не чувствуете, не страдаете за него. Если бы захотели, разве Вам не помог бы Н. Гр., не показал бы!

2) Инструмент у М. поставлен для обеих вас. Я, к несчастью, больше не учил ни Вас, ни ее музыке, как Вы заболели. Осенью хотел, не пришлось, уехал. Пусть то, что Вы пишете о ее занятиях,

также станет нам на суде Божием, ибо я много раз говорил Вам, даже и на исповеди. Бог с Вами!

3) С регентства Вас никто не снимал. Взят только регент, а Вы в праздники не могли по состоянию здоровья управлять, да не только врачи, но и Вы сами (вспомните) много раз просили меня снять Вас с послушания, но до регента управлять за службой, я не соглашался.

4) «Теперь у меня нет ничего, я вольная во всем. Хочу — иду в храм, не хочется — дома сижу, занимаюсь суетными разговорами... Меня теперь более тянет к миру». Проверьте свою совесть, кто в этом виноват? Я только плачу, читая это. Бог с Вами! Не болеете душой за храм, не болеете душой за Батюшку: если уж Вы так, да развалиться все может... Ну да ведь насильно мил не будешь... Душой надо все переживать.

5) Посмотрели бы, как здесь люди живут. В такой комнатке, как Вы, 30 человек. В два этажа[363] и вповалку вместе с детьми. Проходу никакого. Даже с боку на бок трудно перевернуться — а Вы говорите: «Вы не поняли прошлого положения, в котором с З.[364] оказались и жили некоторое время чьим-то подаянием. Если бы Вы поняли, как тяжело из чужих рук...» Да я спрошу Вас: сколько же это было времени? Месяц, ну чуть больше! Да кто же Вам давал? Я распорядился, я просил С. И.[365], Вы скажете: мало, — да у нас сразу все оборвалось с моим отъездом, еще не было налажено (а здесь и просфоры перестали продавать) — это все временно, как наладилось, так и изменилось. Вы не одна, кому нужно помогать, и сразу меня нет, и Лид[ия] Ал[ександровна][366] такую штуку выкинула... Чего мне понимать или не понимать, когда я больше всех мучился, и вовсе не за Вас одну только.

6) Первое Ваше дело — храм, и до тех пор пока не вспомните Вы, как грешны Вы против храма, как грешны против Божией Матери, святых угодников наших, в дни памяти которых не раз приходилось Вам причинять те или другие трудности храму, богослужению, отцу духовному даже и окружающим, — не вернуться Вам на Ваше место помощницы Божией Матери и святых угодников в их святом храме. Раньше я так и считал Вас помощницей и слугой Божией Матери и угодников Божиих, на эту дорогу поставил Вас и Батюшка. Самое главное, почувствовать себя помощницей в этом великом деле богослужения. Найдутся и для Вас дни управления. Было бы желание Ваше. Я от всего сердца со слезами благословляю Вас на этот путь.

---

[363] Нары.

[364] Неустановленное лицо.

[365] Неустановленное лицо.

[366] Воскресенская.

<...> Считая Вашим главным делом храм, я никогда не отказывал Вам в желании учиться. Мне очень хотелось и раньше, чтобы Вы учились шить, кроить, вышивать. <...> Что же из этого получилось? Вы перестали... Вот Катя Горячева занималась все годы, теперь самостоятельно шьет и вышивает, зарабатывает.

Прошлый год Вы были больны, но я хотел для Вас не с Е. М.[367], а с нашей одной превосходной работницей устроить занятия; помню, говорил с Вами насчет глаз, насчет очков. Припомните. Осенью этого года уже обязательно. Хотел, меня взяли сюда. Я не отказываюсь и теперь. Считаю, что на курсы Вам не стоит только. Осенью нужно это сделать. Но опять все в Вас... Доводите свое здоровье... В старину грех изображали так: змея, которая сама себя кусает. Вот Вы сами расстраиваете себе здоровье и этим отнимаете всякую возможность занятий.

7) И теперь, и в прошлом внутри у Вас не все благополучно. Вы же все вовне обращаете взоры и беды видите не там, где они есть. И Батюшка был — и тоже трудно, и я был, так же и сейчас меня нет — опять старое. Разлука усиливает любовь и утончает сердце. Дай Бог, чтобы Вы почувствовали, что храм поручен Господом Вам, что Вы в исключительных условиях, можете написать мне, что духовник у Вас — мой ученик и т. д. Но главное, поставьте и разрешите основной вопрос: желаете ли Вы идти путем Божиим, желаете ли Вы служить Христу. Желаете ли вы приготовлять душу свою на искушения... Без этого ничего не выйдет, и друг друга мы и дальше не будем понимать. С этим же, решив служить Богу, многое поймете. 1) Беда в том, что меня нет. Да, это серьезно, но вспомните, и я горько плачу по всех и храме и считаю, что по грехам нашим (а этого у Вас и нет) разъединены, 2) беда действительно в том, что Вы одна в смысле духовного воздействия, и мне удивительно было читать, что у Вас сил нет посещать Марию Николаевну[368]. Это уже прямо от диавола. Посмотрите, сколько людей вокруг Вас, а Вы замкнулись в себе. Попросите у Марии Николаевны ее записки о Батюшке. Они Вам сейчас много дадут. В общении с другими можно преисполниться смирения и получить горячность. Желаю исправляться. Бог даст, и увидимся, но когда изменитесь к лучшему, тогда и полезно будет. Ко мне вовсе не так часто ездят. Я здесь не один живу, друг другу помогаем.

Оттого, что так себя ведете и поддаетесь страху, *идеже не бе страх* (Пс. 13:5), и осуждаете других и отца своего там, где нужно благодарить, оттого и плотские помыслы. Духовнику о них говорить надо. Вот так: помыслы плотские — в них медлю. Раз покаялись,

---

[367] Неустановленное лицо.

[368] Соколову.

а там стыд не позволит грешить. Вы так вот иждиваете свое время, а Ал. Ник.[369] прислал мне замечательное поздравление. Если бы Вы так поняли меня, как он, удивительно. Только не болтайте никому, а то он узнает...

***

Все, что Вы написали, результат плохо (в гордости) проведенного поста. Молитесь Господу, чтобы Он снял с Вас эти помыслы. Я пришлю Вам молитву, но ее нужно еще получить из дому. Пока же читайте молитву Иисусову все время при их нашествии. Осуждение всех и вся (теперь о. С.[370]) Ваш основной союзник для этих помыслов.

Храни Вас Господь. Исповедуйтесь в положенное время. Не осуждайте. Господь примет Ваше покаяние и изведет Вас из этого состояния.

***

Как я буду без церкви и вас всех эти дни? Не унывайте! Зачем так? Самое главное — не поддаваться настроению, иначе все пойдет вверх дном. Здоровье расстроите и сами растеряете всю душу свою. Напишите мне подробно. Я отвечу. Милость Божия, что у Вас храм и Вы можете встречать по-настоящему праздники. Вот и встретьте, не пропустите. Я бы и рад сейчас, да невозможно.

Шлю Вам благословение на окончание Страстной [недели] и Св[ятую] Пасху!

За просфору сердечное спасибо. Очень мне это дорого. Живу приблизительно как Вы. Вдвоем в комнате. Вспоминаю Вас. Суетно. Да на все Его воля. Давайте помнить, что тысячи людей хуже нас живут. Не надо, не надо унывать. Терпели от Господа хорошее, почему же не потерпеть и трудное.

Храни Вас Господь!

***

Спасибо Вам за письмо, а главное, за отца Иоанна Кронштадтского[371]. Я верну, только сейчас он мне нужен. Спокойно продолжайте свой путь. Перегородиться стоит. Как это практически сделать — на месте виднее. Спасибо за подобны. Теперь редко придется писать мне. Не унывайте. Надеюсь временно. Людм. Варф.[372] согла-

---

[369] Неустановленное лицо.

[370] Отца Сергия Дурылина (см.: Пребывавшие единым сердцем // Наст. изд. Кн. 1. С. 107).

[371] Переданная отцу Сергию книга.

[372] Неустановленное лицо.

шается пока, слава Богу. Устроится и другое. Чуть-чуть потерпите. Молитесь за меня.

Храни Вас Господь. Позиций своих в Боге не сдавайте. З.[373] несчастная сама. Жалейте ее.

Мине Тимофеевне[374]

Слава Богу, родная моя Мина, что написали мне. Давно бы надо. Успокойтесь, все это не от Господа, а от похотей вредных и воспоминаний лукавых. Я записал в свое поминание Аполл.[375] и буду его поминать.

Жизнь Ваша течет определенным образом, и Господь Вас ведет по иному пути. Думаю, что это смущение пройдет, что снова обратитесь Вы всем сердцем к Господу и пройдет у Вас и взаимное непонимание с сестрой Вашей[376]. Все ведь, наверное, из-за пустяков. Буду за Вас этот пост особенно молиться. Вы же читайте каждый день псалом 41-й. *Вскую прикорбна еси, душе моя? и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему, спасение лица моего и Бог мой* (стих 6).

Храни Вас Господь!

Наташе[377]

Родной моей многострадальной дочке шлю благословение Господне и низко, низко кланяюсь образу Божию, в ней живущему. Среди физической и душевной трудности душа моя неоднократно рвалась к Вам, желая хотя чем-нибудь облегчить Ваши терзания. Спасибо Вам, дорогая моя, что нашли в себе силы написать мне. Надеюсь, что Господь Сам смягчит скорбь Вашу и даст Вам возможность не глазами чувства, а очами веры воспринять совершившееся. Не «опустошена душа» Ваша, не «сломлена Ваша жизнь», не «надломлено Ваше сердце». Что Вы, что Вы, дочурка! Очи веры скажут Вам: обогатилась

---

[373] Неустановленное лицо.

[374] Сестры Александра и Мина Тимофеевны (фамилия неизвестна) приехали в Москву после революции из казачьей станицы на Дону. Маросейские прихожанки. Об Александре известно, что она была операционной сестрой, работала в больнице имени Боткина. Мина страдала тяжелым сердечным недугом.

[375] Неустановленное лицо.

[376] С Александрой Тимофеевной.

[377] Неустановленное лицо.

еще более и дотоле не бедная душа Ваша, укрепилась, как никогда, Ваша жизнь, и к новой жизни обновилось Ваше сердце.

Вы одна из очень немногих, у которой в полноте раскрылись великие возможности Таинства брака. В своем несчастье Вы счастливая. Вы любили и были любимой. Как глубоко изведали Вы тайную красоту жизни двух в одном. Даже письмо Ваше, при всей его тяжести, свидетельствует о радости найденного и понятого через страдание последних лет. Вы счастливая, Наташа Душа любимого, доставлявшая когда-то Вам и скорби, раскрылась перед Вами во всей своей красоте и подвиге. Для нас нет мертвых[378]. Жив и Ваш дорогой Сережа. Сам страдающий пишу Вам — примите с любовью, как из глубины моего существа идущее. Радуюсь за половину Вашу. Прекрасная жизнь, прекрасное увенчание.

Зачем скорбите, что позволили ему приезжать. Ведь это-то и есть его подвиг, ведь через это-то и открылась Вам душа его и выявилось великое и преславное Таинство брака. Господь милостиво предохранял Вас на два месяца. А Вы бунтуетесь и не принимаете, как милость, Ваше незнание. Глазами чувства — разделяю все желание Ваше быть при его отшествии, очами веры преклоняюсь пред Господом, вижу великое очистительное таинство в совершенном таким образом преставлении. Верю, что глаза чувства понемногу заменяются и заменятся в Вас очами веры и много радости найдете Вы в том, что считаете сейчас источником невыразимых страданий.

Помните, что сказал отец Иоанн[379] Батюшке в условиях, тождественных[380] с Вами? Надеюсь, что и Вы найдете в себе силы понести свой жизненный крестоносный опыт другим страждущим и нуждающимся в Вашем служении. Это и Вам будет путь окончательного примирения с Богом и уяснением до конца Вашего личного страдания. Простите меня, любимая дочка. Писать не могу. Простите, плохо, нездоровится.

***

Вы мои ум, и сердце, и душа, вы мои родные милые сироты, — я ваш отец. Переношусь мысленно в наш храм, украшенный цветами и залитый светом, и ликую Воскресение Христа, и в то же время и плачу, видя, как праведные веселятся в Небесном Царствии, а я чувствую себя грешным, одежда моя разодрана и черна, и восклицаю: о Владыко, востани и мне падшему подай воскресение[381].

---

[378] Ср.: Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы (Лк. 20:38).

[379] Кронштадтский.

[380] После кончины супруги отца Алексия Мечёва.

[381] Ср.: Икос Пасхального канона.

***

Осиротели дети, остался один отец. *Се, что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс. 132:1), вкупе здесь и вкупе там.

***

Слава Богу за все!

В день Казанской Божией Матери был назначен на осмотр врачей, в день преподобного Феодора меня отправили на курорт[382] — и в этом я вижу волю Божию, призывающую меня едино служить Единому.

Берегите ваших священнослужителей, помните, что вы можете остаться совсем без иерея Божия.

Пишу вам, другам моим, богомольцы не вместят, *будьте мирны* (2 Кор. 13:11), *друг друга назидайте* (1 Фес. 5:11), *друг друга утешайте* (1 Сол. 4:18), *друг друга тяготы носите* (Гал. 6:2).

Моя жизнь в вас, без нее нет никакого смысла. Не ищите себе нормального руководства — его не найдете, а если и найдете, то на короткое время.

Молитесь за меня, особенно в мои пятницы и воскресенья. Когда мне бывает особенно тяжело, я чувствую ваши молитвы, они меня окрыляют. Все вы у меня в сердце, теперь же стали еще ближе. В разлуке сердце утончается и любовь усиливается.

***

Дорогие мои, любимые!

Всем сердцем надеюсь, что увидимся еще в этой жизни. А пока живем по-разному: у вас много новых лиц, вы живете новой жизнью, я по-прежнему один и живу прежним. Это позволяет мне по временам с любовью и бережностью вспоминать каждую из вас.

Шлю вам пожелания душевного мира.

Всегда помню, люблю. Спасибо за всё!

X.[383]

Уже одно то, что Вы написали мне, родная моя, говорит за то, что в душе Вашей была, есть и будет жизнь в Боге. Дело лишь в степени.

---

[382] Отец Сергий имеет в виду первый допрос (22 октября/4 ноября) и отправку по этапу в Архангельск (11/24 ноября 1929 г. в день памяти прп. Феодора Студита).

[383] Неустановленное лицо.

Вам сразу хочется получить высшее — ибо Вы только и признаете его. Не в Вашем характере питаться от крупиц, падающих от трапезы. Но, видимо, в духовной жизни каждому нужно через это пройти. Вам же это трудно, очень трудно, но не невозможно. Вы, не желая получать крупицы, готовы отрицать и возможность для себя получения этих крупиц. Христос испытывал хананеянку именно с этой стороны. Помните ее ответ? — *Ей, Господи, и пси ядят от крупиц падающих от трапезы.* Сказала так, вернее, почувствовала так, а получила все просимое, исцелилась дочь ее[384].

Сердечное Вам спасибо, что вспомнили обо мне. Я ни в какой степени не заслужил от Вас такого отношения — ничего ведь сам для Вас не сделал. Простите меня! Всегда считал и считаю Вас верующей; если бы Вы в таком состоянии даже и скончались, непременно бы отпел Вас и молился за Вас, как за христианку. Хотелось, чтобы мы еще повидались, если это возможно будет с Вашей стороны.

Шлю Вам благословение Господне, родная моя. Вы еще слишком молоды, самолюбивы, горды, а главное, еще цените все в человеческом масштабе. Ничего, ничего, настанут для Вас и иные времена.

Простите за небрежное писание, приходится на такой бумаге.

Храни Вас Господь!

[384] Имеется в виду евангельская история об исцелении дочери хананеянки, описанная в Мф. 15:21–28.

ПИСЬМА ОБЩИНЕ ИЗ ССЫЛКИ (1929–1933)[385]

Письмо первое

Слава Богу за всё! В день Казанской иконы Пресвятой Богородицы, в конце ранней литургии начался наш первый осмотр в больнице. В день преподобного Феодора Студита нас отправили «на курорт». Вижу в этом великое знамение Божие на всех нас. Матерь Божия благословила начатие нашего дела, преподобный удостоверил правильность нашего пути.

Не скорбите, а радуйтесь, ибо в испытаниях мы не оставлены небесной помощью. Тем более не скорбите за меня: Господь из сутолоки великой призывает меня на служение единого Единому, это в равной мере необходимо мне и вам, ибо вся моя жизнь — в вас, без вас нет в ней смысла. Не скорбите о себе, ибо у вас еще остается величайшее, чего лишены многие, в том числе и я, — богослужение храмовое; берегите его, вот моя заповедь вам, не только моим детям, но и друзьям. Берегите богослужение, берегите священнослужителей родных по духу, связанных с Батюшкой[386] крепкими узами преемственности.

Не ищите нормального духовного руководства, не такое сейчас время; и не найдете, а если найдете, то на мгновение. Переключайтесь друг на друга, назидайтесь друг от друга, укрепляйтесь друг другом, утешайте друг друга. *Друг друга тяготы носите, и*

---

[385] Печатается по: [*Сергий Мечёв, сщмч.*] «Вы — мой путь ко Христу»: Проповеди, письма к общине, воспоминания. М.: ПСТГУ, 2009. (С испр. и доп.)
Впервые письма отца Сергия были опубликованы в сборнике «Надежда» (Вып. 6. Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 235–260) под заголовком «Письма неизвестного священника из ссылки своим духовным чадам». Там их пять, а всего было написано шесть. Второе из писем опущено. Дочь отца Сергия — Ирина Сергеевна Мечёва — прокомментировала это так: «Второе по счету краткое, менее значимое, написано наспех во время болезни. Его действительно стоило выпустить при публикации». В настоящем издании письма публикуются полностью.

[386] Отцом Алексием Мечёвым.

тако исполните закон Христов[387] (Гал. 6:2). Помните, что можете остаться совсем без иереев Божиих.

Исключительность данного положения, сохранение священнослужителей и подготовка к дальнейшим испытаниям заставляет меня, отца вашего, поставить вас временно на путь сокращения подхода к исповеди и ко Святому Причащению. Иного выхода нет. Приимите это как волю Божию. Обычно причащались два раза в месяц и в праздники великие, теперь — один раз в месяц и в праздники великие. Готовьтесь тщательно к тем дням, когда будете приступать к Святей Чаше, это даст вам новую, еще не ощущавшуюся вами радость.

Пишу вам, «другом своим», богомольцы не вместят пишемого. Вы же поймете меня, ибо я пишу рукою отца, жалея вас, и понимаю, чего я вас лишаю. Доверьтесь мне, исповедуйтесь у любого служащего у нас священника, помните, какое сейчас время.

Молитесь за меня. Как ни радостно принимаю я свое изгнание, но я человек и часто без слез и душевного волнения не могу переживать здесь праздники и особенно вечера пятницы и воскресения. Молитесь за меня в эти мои дни, как молились вы до сего времени. Я чувствовал ваши молитвы, поднимали они меня на крыльях в трудные минуты. Молитесь за меня, чтобы дал мне Господь силы для нового служения Ему ради вас и от вас. Вы же все в моем сердце и стали еще ближе, еще дороже. Простите меня за все злое, содеянное мною в мимошедшее десятилетие совместной с вами жизни. Поручаю вас всех Божией Матери, нашим святым угодникам Божиим и друг другу.

От всего сердца поздравляю вас с наступающим великим праздником Рождества Христова. Храни вас Господь молитвами Пречистыя Своея Матери, предстательством святых ангелов, иже во святых отец наших Николая, архиепископа Мирликийского, чудотворца, святителей Московских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Ермогена, преподобных Сергия Радонежского, Феодосия Тотемского, Серафима Саровского, Пимена Великого, Феодора Студита, Алексия, человека Божия. Благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков.

1929 г.

Письмо второе

Дорогим моим милым деткам шлю сердечный привет. Земно кланяюсь каждому в отдельности и прошу прощения за все. Не плачьте,

[387] Курсив цитат из Священного Писания сделан редакцией.

не тоскуйте. Радоваться нужно, что и мне Господь уделил нечто из общей чаши страдания. Бог даст, найдутся и у вас, и у меня силы перенести это новое испытание. Душа моя всегда с вами.

Мне очень больно, что вы начинаете вести рассеянную жизнь. Понимаю, что не все могут сидеть дома. Можно похаживать и в гости, но зачем же, родные, там обедать, раз есть прекрасные столовые, где добросовестно приготовляют пищу? Пускай далеко — но ведь и вы не маленькие, не больные, не престарелые. Зачем оставлять без крайнейшей нужды надлежащий путь? Не осуждайте других, делающих это. Сами блюдите себя. Теперь и слепые-то начинают видеть. Зачем же видящим терять очи?

В кротости, смирении, терпении идите на предлежащее вам, как детям отца вашего. Не покидайте его своим единомыслием, и Господь даст ему возможность утешиться этим в труднейшие минуты грядущих лет. Ведь и ему трудно. Простите, милые. Простите, дорогие, простите, любимые. Нездоров сейчас, поэтому пишу несвязно. Сердца же ваши любящие связуют слова мои воедино. Христос с вами. Помню, люблю, молюсь.

1929 (30?) г.

Письмо третье

Уж не я, отец ваш, а иные иереи Божии совершают с вами, детьми моими, вхождение во святый Великий пост. *Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим* (Иер. 10:23), но по-человечески хотелось именно этот пост — пост обновления моего иерейства, когда Минея сочетается с Триодью, как в год посвящения, — провести в родной моей покаяльной семье. Чувствуете ли вы, мои милые, как утренюет дух мой ко храму нашему, и как *вечер и заутра и полудне* (Пс. 54:18) устремляется душа моя к каждому из вас? С вами соединил меня Господь.

Я недостойный и паче всех грешнейший, но я пастырь, и сердце мое истощается, истощается до основания (ср: Пс. 136:7) в разлуке с вами. Вы — мое дыхание, вы — моя жизнь, вы — мое радование. Вы не заслоняете мне Господа, а показуете, вы не отдаляете Его, а приближаете. Через вас познал я Господа, в вас Он открылся мне; с вами и от вас возносил я молитву Ему. Служа вам, служил Ему, видел по образу Божию созданную вашу красоту, возносился к Его неизреченной доброте; зная ваши грехи, оплакивал свои согрешения, видя ваше исправление, посрамлялся пред Ним и просил Его помощи в исправлении моей грешной жизни. Словом, многими годами через вас и с вами шел к Нему.

Вы — мой путь ко Христу. Как же теперь пойду без вас? С глазами полными слез шепчу слова молитвы: «Да будет, Господи, воля Твоя и во мне грешнем»[388]. Не забывайте меня! Помните, чему учил вас, хотя и недостойно.

Главное, пребывайте в единении духа, в союзе мира (ср.: Еф. 4:1–3). Помните, что и вам, пока еще входящим, предстоят исходные песни. Вернитесь каждый к своему делу, забудьте что разделяло, объединитесь в исходе. Мало ли что с вами — конец венчает дело. Изойдите, как один, измывшись и очистившись. Облегчите мой крест радостью вашего покаяния. Как мог учил вас ему, хотя и недостойно. И самый радостный день для меня всегда был день вхождения в пост, день падения Адамова[389]. Вот когда особенно видел я в вас Господа.

Помолитесь за меня в этот великий день, попросите и за меня у Батюшки прощения. Верю, что нет на земле пространственной дальности. Христос силен и разстоящаяся собрать в соединение[390]. В этот день будем духом вместе, и вы, уходя из дома Божия, припадите к моим преподобным — земному моему ангелу и моему покровителю[391], прося их принять ваше покаяние. Господь же обновит мою память, и я отсюда благословлю каждого. Вы же простите тогда припадающего к вашим стопам, просящего у вас прощения отца вашего, грешного и недостойного иерея Сергия.

Молитвами Пречистыя, Преблагословенныя, Славныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии и предстательством иже во святых отца нашего Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца, преподобного Сергия, игумена Радонежского, чудотворца, преподобного Феодосия Тотемского, чудотворца, преподобного Серафима Саровского, чудотворца, преподобного Пимена Великого, преподобного Феодора Студита и святых ангелов-хранителей ваших да пребудет на вас благословение Господне во всю святую Четыредесятницу. Аминь.

1930 г.

Письмо четвертое

Вместе со всей тварью в эту спасительную нощь веселюся я и радуюсь, яко Христос воскресе и ад пленися[392]. В духовном восторге,

---

[388] Молитвы на сон грядущим. Молитва 7, св. Иоанна Златоуста.

[389] Прощеное воскресение, последний воскресный день перед Великим постом.

[390] Ср.: «разстоящаяся собрал еси во едино» (Из службы Вознесения Господня).

[391] Прп. Сергий Радонежский.

[392] Ср.: Пасхальный канон прп. Иоанна Дамаскина. Песнь 9. Припев.

обратившись в сторону родного нашего храма, украшенного теперь цветами, сияющего светом, наполненного ликующим пением вашим, осеняю, как бывало раньше, вас, родных моих милых сирот, святым крестом и возглашаю всем существом своим: «Христос воскресе, Христос воскресе, Христос воскресе!»

По-новому встречаю Великий Праздник: в одиночестве, как грешник величайший, глубже чувствую радость Воскресения, но нет во мне обычной пастырской полноты, всегда ощущавшейся мною в этот день. Поэтому стенет сердце, слезят вежды! Христос, наша Пасха, прииде, вас же, детей моих, нет со мною.

Не все поймут меня в этом, но вы поймете. Чувствую, что у многих из вас сейчас на глазах слезы. Да и как не плакать нам в нарочитый сей день друг о друге? Мы не только покаяльная, но и богослужебная семья, я не только отец ваш, но и предстоятель церкви нашей, вы не только дети мои, но и сослужители. В нас редчайшая полнота, почти не встречающаяся, — полнота покаяльно-богослужебной семьи. Я не нахожу ни в себе, ни в богослужении моего и вашего — все переплелось, все составило новый организм соборно совершающей служение духовной семьи.

Я жил вами, вы мной, все вместе через Божию Матерь, святых угодников наших и приснопамятного Батюшку — во Христе. Разве можно нас поделить? Скажите, где мои уста, где ваши? Где мое сердце, где ваше? Где моя душа, где ваша? Что в храме делалось мною, что вами? Чем я был для вас, пусть скажет сердце каждого. Я же скажу о вас: вы — моя уста, вами возносил я за богослужением свои грешные молитвы, вы — мое сердце, вы годами складывали в меня «своя тайная», и я все знаю, что недостойно слагал в своем сердце. Теперь оно расширено вашими сердцами, и невозможно определить, что мое, что ваше. Вы моя душа — давно живу вашими радостями, вашими скорбями; в лучшие свои минуты чувствую, что иной жизни во мне нет. Теперь взяли у меня мои уста, отняли мое сердце, вынули мою душу. Как же не сознавать мне, что по грехам нашим, и прежде всего моим, естественнейший наш союз Божиим велением пространственно рассекается.

Скорбя о вас, плачу в сей величайший день о грехах своих, и по-новому раскрывается для меня богослужение Пасхи. До сих пор оно было богослужением рая. Теперь — это богослужение рая, в котором еще возможно покаяние. Детство, юность и первые годы священства прошли у меня с Батюшкой. Через него воспринимал я святую Пасху. Богослужение Батюшки, вообще особенное, не укладывающееся в обычные формы пения и чтения, на Пасхе становилось исключительным. Оно при всей своей простоте достигало такой высоты и выразительности, что зажигало, наполняло, потрясало, умиляло до предела. Приемы нашего теперешнего

богослужения — лишь слабый отблеск его пламенной души. Помните, как он христосовался, помните, как он читал Евангелие, помните, как он произносил слово Иоанна Златоуста[393]? Еще ребенком, присутствуя при батюшкином богослужении, я поражался тем, как поет он икос Пасхи. Сам не понимая отчего, я дожидался икоса с таким трепетом душевным, как и первого «Христос воскресе», как слова Иоанна Златоуста, как пасхального Евангелия. Батюшка пел его особенно, древним самоподобном[394], в самом напеве своем раскрывающим смысл и подчеркивающим значение тех или других выражений. Ликующий и радующийся в эту ночь, он вдруг как бы уходил глубоко в себя, и я чувствовал, что вся внутренняя его рыдает и оплакивает при словах: «О Владыко, востани, падшим подаяй воскресение»[395]. Кого оплакивает? Спасителя? Нет, нет, теперь я знаю кого — себя падшего...

Икос — замечательная покаянная песнь среди ликующего пасхального канона. Важнейшая песнь канона — кондак — раскрывает наивысший смысл праздника. Икос всегда дополняет и углубляет кондак. И вот — кондак утверждает вокресение Христово как победу над смертью: «Аще и во гроб снизшел еси, Безсмертне, но адову разрушил еси силу, и воскресл еси яко Победитель, Христе Боже, женам мироносицам вещавый: радуйтеся! И Твоим апостолом мир даруяй, падшим подаяй воскресение»[396]. А икос вместо углубления радости воскресения возвращает нас к оплакиванию Тридневного Мертвеца: «О другини, приидите, вонями помажем тело живоносное и погребенное, плоть Воскресившаго падшаго Адама, лежащую во гробе. Идем, потщимся якоже волсви, и поклонимся, и принесем мира яко дары, не в пеленах, но в плащанице Обвитому, и плачим, и возопиим: о Владыко, востани, падшим подаяй воскресение»[397].

Разве место такому песнопению в центральной части пасхальной утрени? Это вне обычных законов богослужения. Как же можно плакать, когда уже изречено ангелом: «Престаните от слез»[398]? Как же молить Его: «Востани», когда Он уже воскрес из мертвых? Только душа истинно кающегося постигает это странное и преславное песнопение. Ликует и веселится ныне Сион[399],

---

[393] *Иоанн Златоуст, свт.* Огласительное слово на Пасху.

[394] Самоподобны — церковные песнопения, которые, как и самогласны, самостоятельны относительно гласа, размера и содержания; образцом для их написания не служила никакая другая песнь.

[395] Пасхальный канон. Песнь 6. Икос.

[396] Там же. Кондак.

[397] Там же. Песнь 6. Икос.

[398] Там же. Песнь 8.

[399] Ср.: Там же. Песнь 9. Ирмос.

и все в брачных одеждах входят в него вместе с Иоанном Дамаскином[400] и прочими святыми встречать Жениха Христа, восставшего из гроба, и у меня внутри начинается радость, и у меня воссиявает свет, но одежда моя черна и разодрана. Господи, я еще не связан и не извержен от ангелов, я еще с ними, я еще в раю, но вижу сам раздранную одежду мою первую, я еще могу здесь покаяться, я вижу блаженство праведных, я вижу, что воскрес для них Христос, вот я и плачу, и взываю вместе с мироносицами: «Владыко, востани для меня, мне падшему подай воскресение!» Наивысшая точка торжества годового круга — кондак Пасхи — переходит в наивысшую точку покаяния годового круга — икос Пасхи. Икос Пасхи — это фокус, собравший среди ликования горнего Иерусалима все покаяние поста и освещающий, в свою очередь, покаянным светом отсюда, с Сиона, весь богослужебный круг. Покаянным воплем прерываются пасхальные гимны, воплем, доходящим до глубины кающегося сердца, и [вопль этот] открывает в нем, в сердце, рай.

Как новое слышу теперь, сейчас же: «Прощения и оставления грехов и прегрешений наших у Господа просим... Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати... Добраго ответа на Страшнем Судищи Христове просим...»[401] Слезы, покаянные слезы душат меня, а в душе растет, растет радость воскресения не только Его, но и меня падшего.

1930 г.

Письмо пятое

Отцы мои!
Господа ради друг от друга не разлучайтеся,
поелику ныне, в пребедственное время,
мало найти можно, дабы с кем по совести
и слово-то сказать.

Феодор Свирский[402]

Детям моим, вкупе пребывающим и в рассеянии находящимся, в день преподобного Сергия, семейного праздника нашего, шлю благословение Господне.

Никогда не забыть мне проводимых с вами дней памяти моего угодника Божия. Они положены в основу моего устроения,

---

[400] Творцом Пасхального канона.

[401] Из просительной ектении.

[402] Историческое описание Оптиной пустыни. 1902: С. 71.

останутся навсегда для меня как дни исключительной пастырской радости и сугубо переживаемой пастырской скорби.

Маленький ручеек любви моего тесного, не изведенного на широту сердца едва струился в течение года вам навстречу; вы же, родные мои, в эти дни буквально заливали меня могучим потоком сердечной теплоты. Бережно сохраняемая, она и сейчас согревает мое охладевающее в одиночестве сердце. Как благодарю теперь Господа, пославшего вас на пути моем!

Помню, как смотрел на вас, отовсюду ко мне собравшихся, — сколько среди вас людей, одаренных дарованиями духовными, сколько преуспевающих в своем делании. Все вы несете совершенно исключительный подвиг ответственного служения Христу в труднейших жизненных условиях, с непрестанным пребыванием в храме Божием.

А я, последний из иереев Божиих, живущих и имеющих когда-либо жить, и я оказываюсь пастырем вашим; ко мне приходите вы с таким благоговением и такою любовью. Чувствовали ли вы, что мне, всегда за счастье считавшему пребывание с вами, в этот день хотелось убежать от вас, скрыться от всех полных любви взоров, отовсюду на меня направленных? Обличаемый каждым вашим благодарным словом, каждой приносимой просфорой, стоял я, бывало, в великом смущении и сознании своего ничтожества. Это была моя, внутри переживаемая, глубокая покаянная скорбь. Вместе с ней и радость наполняла мою душу.

Я видел свою семью, несущую единые усты и единое сердце[403] к отцу своему, хотя и не начавшему еще пути покаяния, хотя по лености души и многосуетности жизни не приступившему еще как должно к обновлению своего сердца, но все же к отцу своему родному, в котором дети нашли святое, близкое, дорогое; к отцу, которого они понимают и который старается их понять. Это был праздник семьи. В душе по-особенному звучали слова степенна[404] отца студитов преподобного Феодора: «Се, ныне что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе, в сем бо Господь обеща живот вечный»[405]. Наступают часы, которые обыкновенно проводили мы вместе...

Осиротела семья, остался один отец! Сегодня не придете ко мне, не увижу вас, не преподам вам отеческого благословения.

---

[403] Ср. с молитвенной формулой «единеми усты и единем сердцем».

[404] «Степенны, в просторечии называемые за способ пения их антифонами, как показывает название, составляют подражание псалмам 119–133, надписанным "песни степеней", которые пелись паломниками при восхождении на ступени Иерусалимского храма» (из «Толкового Типикона» М. Н. Скабалланновича. Кн: 2. Гл. 2).

[405] Утреня Недели всех святых. Антифон 4.

Земно вам кланяюсь и благодарю за ту полноту пастырства, которую дали вы мне вашею любовию. Знаю, что исполняя заповедь Господню[406], вы относились так к моему убожеству духовному, покрывая терпением недостатки мои. Да исполнятся над вами ее обетования: *да благо ти будет и да долголетен будеши на земли* (Исх. 20:12).

В дни душевной тоски моей по храму и сослужившим мне в нем детям моим попали мне на глаза строки старца Амвросия о кресте в жизни человеческой. Большое утешение дали они моему скорбящему сердцу. Хочу передать их вам, родные мои: «Креста для человека (т. е. очистительных страданий душевных и телесных) Бог не творит. И как ни тяжек бывает у иного человека крест, который несет он в жизни, а все же дерево, из которого он сделан, всегда вырастает на почве его сердца»[407]. Указывая себе на сердце, Батюшка прибавлял: «Древо при исходищах вод (см.: Пс. 1:1–3) — бурлят там воды (страсти. — *О. С.*[408])».

«Когда человек, — говорил еще старец, — идет прямым путем, для него и креста нет. Но когда отступит от него и начнет бросаться то в ту, то в другую сторону, вот тогда являются разные обстоятельства, которые и толкают его (опять) на прямой путь. Эти толчки и составляют для человека крест. Они бывают, (конечно), разные, кому какие нужны»[409].

Эти золотые слова хочется мне начертать на скрижалях сердца каждого из вас, родные мои. Носите их в себе. Чаще заключайте в них свой ум, перейдут тогда они в вашу совесть, и увидите в ней, в домашнем судилище вашем, почему поднялся на почве сердец ваших личный ваш крест, каковы исходища вод, произрастившие страдания в нашей покаяной семье.

Вот уже скоро год, как отец ваш не совершает Божественной литургии, скоро год, как отдален он от душ ваших. Верую и исповедую, что на грехах моего сердца вырос этот крест, стараюсь теперь найти, при исходищах каких вод израсло сие спасительное для меня древо. Пересматриваю всю свою жизнь от юности до настоящего дне и часа и особенно дни священнического служения. Прошу вас, окажите любовь, помогите мне в этом великом для меня деле — переоценке моей жизни: вы совершаете каждодневно вместе с иереями вашими Божественную литургию. Прошу вас, каждый со своего места за проскомидией не забудьте поминать и мое имя.

---

[406] Имеется в виду пятая заповедь — о почитании отца и матери.

[407] Собрание писем преподобного оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим. Письмо 433.

[408] Примечание отца Сергия Мечёва.

[409] *Амвросий Оптинский, прп.* Советы и духовные наставления. О кресте. (Внутри цитаты слова в скобках добавлены отцом Сергием Мечёвым).

Скоро год, как вы не имеете в среде своей предстоятеля и отца духовного, а это для многих из вас немалый крест. Умоляю вас, последуйте отцу вашему. Войдите во внутреннюю клеть (см.: Мф. 6:6) и при свете старческих слов разберите каждый жизнь свою. Найдите в ней источник нечистоты, вызвавший необходимость очистительных страданий, вам ниспосланных; пересмотрите и отношение к покаяльной семье своей — не вы ли грехами своими привели ее к разделению? Понимали ли вы по-настоящему, что такое покаяльно-богослужебная семья? Сознавали ли, как добро и красно жить вкупе с ней (см.: Пс. 132:1 *(цркс.)*), исполняли ли свои обязанности по отношению к ней и отдельным ее членам? Или, связанные с отцом, вы зачастую отделяли себя от семьи, не служили ей, осуждали ее, поносили ее, забывая, что это наша общая семья? Пусть самая последняя из всех семей Господних, но наша. Господь сочетал нас в ней воедино: в ней мы родились духовно, в ней воспитались, в ней купно живем, с ней, не иначе, пойдем и туда, к Богу.

Зачем мне обличать вас в чем-нибудь в день, когда душа полна вами, когда хочется вам, стремящимся духом ко мне, дать слова утешения. Пойдемте лучше к великим и Величайшему и поучимся у них отношению к духовной семье. Прислушайтесь, родные, к словам моим, которые говорю от лица Господа. Господь наш Иисус Христос, пришедший на спасение всех, Сам имел на земле покаяльно-богослужебную семью — апостолов Своих. С ними Он молится, их поучает, с ними входит в Иерусалим на страдание, с ними совершает величайшее новозаветное таинство — Свою Тайную вечерю. Апостолы, призванные Господом, связанные с Ним лично, были сразу поставлены и в отношения друг к другу. Что же преподал Он им в установление взаимных отношений?

1. Принимать семью как Божию, от руки Его им посылаемую: *Не о всем мире молю, но о тех, ихже дал еси Мне, яко Твои суть* (Ин. 17:9).

2. Пребывать в ней в единении: *Отче Святый, соблюди их во имя Твое, ихже дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы* (Ин. 17:11); в любви: *Заповедь новую даю вам: да любите друг друга; якоже возлюбих вы, да и вы любите себе; о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13:34–35).

3. В служении: *Вы глашаете Мя Учителя и Господа, и добре глаголете: есмь бо. Аще убо Аз умых ваши нозе, Господь и Учитель, и вы должни есте друг другу умывати нозе; образ бо дах вам, да, якоже Аз сотворих вам, и вы творите* (Ин. 13:13–15). *Но болий в вас, да будет яко мний; и старей, яко служай* (Лк. 22:26).

4. В желании непрестанного с ней пребывания в сем веке и грядущем: *Отче, ихже дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною* (Ин. 17:24).

Принятие семьи своей от руки Господней, пребывание с ней в единении, в любви, в смирении и, как следствие этого, венец отношения к ней — желание непрестанного купножития в ней в сем веке и грядущем — вот основы заповеданного нам пути, исполненного Самим Христом Спасителем.

Так шли и великие. Моисей, получив семью свою, народ израильский, от руки Господа, не оставляет его и в тот момент, когда карающая десница Господня поднялась для уничтожения Израиля за поклонение золотому тельцу (см.: Исх. 32:1–10 и далее). Пребывая до конца в служении народу своему, он чувствовал, что не может быть с Богом без него: *Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал* (Исх. 32:32).

Павел, призванный для устроения новой Господней семьи — «народов языков», держит в своем сердце и первую — данный ему Богом от рождения Израиль. Страдая за него, апостол достигает такой высоты служения ему, что готов ради его спасения сам быть отлученным от Христа: *Истину глаголю о Христе, не лгу, послушествующей ми совести моей Духом Святым, яко скорбь ми есть велия и непрестающая болезнь сердцу моему; молил бых ся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти, иже суть израилите* (Рим. 9:1–4).

Преподобный Феодор Студит в служении семье, в непрестанном купножитии с ней видит путь приобщения к вечной жизни: «Се, что добро или что красно, но еже жити братии вкупе, в сем бо (т. е. в этом житии вкупе[410]) Господь обеща живот вечный».

Там у Господа прекратится всякое отшельничество, там вместе в братстве Господнем соберутся служившие Ему во всякое время и во всяком месте земли нашей. Для того чтобы пребывать вкупе там, надо поучиться жить вкупе тут. Единение с семьей, любовь к ней, служение ей и желание непрестанного купножития с ней звучат в последнем тропаре 9-й песни канона, воспетого преподобным Феофаном брату своему мученику Феодору Начертанному: «Пение Владыце принося, отче, и мольбы, не престай о моей немощи, и сообитании, и братстве, яко да, вкупе поживше, улучим вкупе и обожение» — не обо мне, не о моей немощи только молюсь, но и о сообитании, с кем непосредственно вместе живу — наставнике, ближайших спостниках и о всем братстве, ибо неполнота будет там, если у Господа будем только с тобою без сообитания, даже если будем с сообитанием, но без всего братства.

Дети мои! Ведь и наша семья от Господа! Принимаем ли мы ее от руки Всевышнего? Находимся ли с ней в единении, в любви,

---

[410] Примечание отца Сергия Мечёва.

пребываем ли в служении ей? Молитесь Господу, просите Его, чтобы снял с вас тесноту, замыкание в себе, чтобы получили вы расширенное сердце! Он изведет вас на широту и даст вам пространство. Тогда не глазами плоти, а очами сердца увидите вы собранных Господом вокруг вас чад Его, вашу семью, а в ней — наиболее близких, ваше сообитание. И запоется в вашем сердце, как бывало в день преподобного Сергия в моем: «Се, что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе». «Любите семью, служите ей» — так учил нас Батюшка.

Пресвятая Владычице Богородице, святителю отче Николае, святителю отче Алексие, преподобне отче Сергие, преподобне отче Феодосие, преподобне отче Серафиме, преподобне отче Пимене, преподобне отче Феодоре, святый Алексие, человече Божий, пение приносяще Владыце, не престайте о моей немощи, о сообитании и братстве, яко да, вкупе поживше, улучим вкупе и обожение. Благословение Господне да пребудет над всеми вами!

Осень 1930 г.

Письмо шестое

Страдальцам моим бездомным шлю благословение Господне на вхождение в Великий пост! Чувствую, что давно уже ждете от меня слов утешения, но уста мои сомкнулись, и во мне самом уны дух и смутилось сердце (ср: Пс. 142:4). Небо наше земное заключилось для нас. Как же не плакать, как не сетовать, как не скорбеть? *Препояшьтесь вретищем и плачьте, священники! рыдайте, служители алтаря! войдите, ночуйте во вретищах, служители Бога моего! ибо не стало в доме Бога вашего хлебного приношения и возлияния* (Иоиль. 1:13).

Созданная по образу Божию человеческая природа в радости и особенно в страданиях стремится быть вместе с подобными себе. *Не добро быти человеку единому; сотворим ему помощника по нему* (Быт. 2:18), — сказано Творцом еще в начале человеческой истории. Сам Господь наш Иисус Христос в скорби своей смертельной, молясь в саду Гефсиманском до пота кровавого Отцу Своему и укрепляемый ангелом, по человечеству ищет подкрепления у близких, любимых, с которыми совершал путь Своего земного служения: *Прискорбна есть душа Моя до смерти; пождите зде и бдите со Мною* (Мф. 26:38).

Грешный и малодушный, подкрепляемый постоянно вашими молитвами, вашим горением, вашим сослужением в храме, ныне одинокий и оторванный, особенно чувствую свое ничтожество и тесноту. К тоске по храму прибавилась бесконечная тоска по вас

и сознание своей великой вины перед каждым. Страдания ваши и лишения стояли неотступно перед глазами моими. Я не находил ни в чем успокоения себе. Подобно Езекии, *как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал как голубь; уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! тесно мне; спаси меня* (Ис. 38:14).

Знаю, что молитесь за меня вы, и молитвы ваши, в такой скорби возносимые, дошли до Господа, и явил Он мне грешному Свою милость. Покаянные песнопения коснулись и моего унывающего сердца, а слова великого подвижника дали надлежащее направление моим страданиям: «Кто без молитвы и терпения хочет победить искушения, тот не отразит их, но более в них запутается»[411]. Вся внутренняя потянулась к Господу. Он, только Он, может помочь мне, *ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют* (Иов. 5:18). *Твой есмь аз, спаси мя!* (ср: Пс. 142:4).

«Исцели душу мою, яко согреших Тебе!»[412] И в ответ опытно открылись в сердце слова древнего мудреца: *Не предавайся печали душею твоею и не мучь себя своею мнительностью; ...ибо печаль многих убила, а пользы в ней нет* (Сир. 30:22.25); *управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения... Все, что ни приключится тебе, принимай охотно, и в превратностях твоего уничижения будь долготерпелив* (Сир. 2:2.4).

По молитвам вашим исполнились на мне слова Псалмопевца: *При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою* (Пс. 93:19). Теперь с Его помощью могу и для вас написать слова утешения и этим хоть немного умерить ваши страдания.

Суд Божий совершается над Церковью Русской. Не случайно отнимается от нас видимая сторона христианства. Господь наказует нас за грехи наши и этим ведет к очищению. Совершающееся — неожиданно и непонятно для живущих в миру. Они и теперь еще стараются свести все к внешним, вне Церкви лежащим причинам. Живущим же по Богу давно все было открыто.

Многие русские подвижники не только предвидели это страшное время, но и свидетельствовали о нем. Не во внешнем усмотрели они опасность для Церкви. Они видели, что истинное благочестие оставляет даже иноческие обители, что уходит дух христианства неприметным образом, что наступил уже самый ужасный глад — глад слова Божия (ср.: Ам. 8:11), что имеющие ключи разумения и сами не входят, и возбраняют вход другим (ср.: Лк. 11:52), что при кажущемся внешнем благоденствии монашество, а

---

[411] *Марк Подвижник, прп.* Наставления о духовной жизни, 3, 189.

[412] Молитва об избавлении от нечистых помышлений.

затем и христианство — при последнем издыхании. Оставлен путь опытного делания, путь, по которому прошли отцы древности и который запечатлен ими в их писаниях. Тайны сокровенной жизни нет, и научиться ей негде, ибо *оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих* (Пс. 11:2). Извне уже началось гонение на Церковь, и нынешнее время напоминает первые века христианства.

Святитель Филарет Московский неоднократно в беседах с близкими ему по духу указывал, что давно уже в России наступило время, подобное гонению первых веков, и плакал о детях, которым, по его словам, придется испытать худшее. Предвидение нашего времени особенно ярко сказалось у двух святителей, особенно много потрудившихся в изъяснении слова Божия, — Тихона Задонского и епископа Игнатия (Брянчанинова).

«Ныне почти нет истинного благочестия, а одно лицемерство», — определяет святитель Тихон современное ему состояние Церкви и предсказывает удаление христианства неприметным образом от равнодушных к нему людей: — «Должно опасаться, чтобы христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось из того человеческого общества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Божий»[413].

Столетием позже святитель Игнатий (Брянчанинов), говоря о монашестве и о Церкви, так определяет их положение: «Живем в трудное время! *Оскуде преподобный* от земли, *умалишася правды от сынов человеческих!* Настал глад слова Божия! Ключи разумения у книжников и фарисеев! Сами не входят и возбраняют вход другим! Христианство и монашество при последнем их издыхании! Образ благочестия кое-как, наиболее лицемерно, поддерживается; от силы благочестия отреклись, отверглись люди! Надо плакать и молчать»[414].

Видя в монашестве барометр духовной жизни всей Церкви, он так свидетельствует о его состоянии: «Дело православной веры можно признать приближающимся к решительной развязке. Падение монастырей, значительно совершившееся, неминуемо. Одна особенная милость Божия может остановить нравственную, всегубящую эпидемию — остановить на некоторое время, потому что надо же исполниться предреченному Писанием»[415].

«С сердечным сожалением смотрю на неминуемое падение монашества, что служит признаком падения христианства»[416].

---

[413] *Тихон Задонский, свт.* Письма посланные, 13.

[414] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Письма к разным лицам, 90.

[415] Там же, 240.

[416] Там же, 252.

«Времена чем далее, тем тяжелее. Христианство, как дух, неприметным образом для суетящейся и служащей миру толпы, очень приметным образом для внимающих себе удаляется из среды человечества, предоставляя его падению его. Сущие во Иудеи да бежат в горы» (ср.: Мф. 24:16; Мк. 13:14)[417].

Многие из подвижников XVIII и XIX веков смотрели на время своей жизни как на пребедственное для Церкви Христовой. Но не будем забывать, что говорилось все это во времена полного внешнего благополучия. Не только существовали, но и благоустроялись монастыри, основывались даже новые обители, строились новые храмы, расширялись и украшались прежние, открывались мощи святых угодников. Народ русский прославлялся как хранитель чистоты Православия и истинного благочестия. Никому и в голову не приходило, что Церковь тяжело страдает и развязка не за горами. Иначе видели познавшие Царство Божие, имевшие его в сердце своем. С сокрушением сердечным смотрели они на окружающую их среду и, не находя в ней жизни Христовой, предрекали грядущую катастрофу.

«Одна особенная милость Божия может остановить ее на некоторое время», — говорил епископ Игнатий (Брянчанинов). И милость Божия остановила. Перед угасанием светильник вспыхнул ярче. Так произошло и с Русской Церковью. В последний век истинный свет Христова делания возжегся в некоторых обителях иноческих и из них, как раньше во времена Антония и Феодосия Печерских и преподобного Сергия Радонежского, перекинулся в мир. Снова обратились к забытому уж давно пути опытного богопознания, которым шли великие и величайшие. Некоторые обители с Оптиной пустынью во главе не только собирают, переводят, изучают, издают святоотеческие творения, но на их опыте строят почти наново монашеское делание. Епископ Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник не только «деяньми» читают древних подвижников, но и сами вносят вклад в духовную отеческую литературу опытно познанным ими изложением основ христианского делания.

Непонимаемые, осмеиваемые, обвиняемые за якобы новшества идут иноки на борьбу за святоотеческий опыт против обмирщения христианства. Монашество снова получает дух, огонь возжигается там, где недавно тлела искра. Заброшенные творения отцов делаются настольными книгами. Учителями жизни становятся иноки древних египетских, фиваидских, палестинских, сирийских пустынь. Пламя деятельного христианства новой твари перебрасывается от иноков в мир. Многие тянутся к обновленным

[417] Там же, 50.

обителям с введенным в них старчеством и через них приобщаются к опытному подвижническому пути. Пастыри и иереи приходят к инокам и, от них получив святоотеческий огонек, приносят его в свои храмы. Изменяется характер церковной проповеди. Творения отцов звучат с церковной кафедры как жизнь, а не как назидательное прошлое, мир приближается к монастырю, разрушается между ними средостение. В храме в основу кладется уставное богослужение с широким участием в нем способных к этому верующих. Покаяние делается основой жизни. Возникают покаяльные семьи с непрестанным освящением в Таинствах. В корне изменяется строй приходского прежнего бытового христианства с редким хождением в храм и лишь ежегодным причащением.

Со времени преподобного Сергия не было еще такого животворящего сдвига. Казалось, делание духовное, начавшись так дружно, расширится по всей земле нашей. Но иными путями повел Невесту Свою Жених Церковный. Сам испивший чашу смерти, Он и ей предлагает очистительные крестные муки. Вот она, оплеванная, заушенная, поруганная, возводится на Голгофу и, обнаженная, пригвождается ко Кресту. Для верных чад ее открывается путь исповедничества, мученичества, а главное — путь величайших скорбей и величайших лишений.

Спросили однажды скитские отцы авву Исхириона: «Что сделали мы?» И он ответил: «Мы соблюдали заповеди Божии...» Отцы спросили: «Что сделают те, которые непосредственно последуют за нами?» Он ответил: «Они будут иметь делание вполовину против нашего». Отцы опять спросили: «А те, которые будут после них?» «Эти, — ответил авва, — отнюдь не будут иметь монашеского делания, но их постигнут напасти, и они, подвергшись напастям и искушениям, окажутся больше нас и больше отцов наших»[418].

Особые скорби, небывалые напасти — удел наших дней. В покаянном преодолении их — смысл нашей жизни. Отъятие видимой стороны христианства — главнейшее из всех лишений. Изгнание, заточение, горькие работы — ничто по сравнению с ним. Это отъятие храмов, по слову Божию, можно было бы предотвратить покаянием: *обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши, и обратитесь к Господу Богу вашему; ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив и сожалеет о бедствии. Кто знает, не сжалится ли Он, и не оставит ли благословения, хлебного приношения и возлияния Господу Богу вашему?* (Иоиль. 2:12–14).

Но где мы слышали всеобщий призыв к покаянию, где видели архипастырей и пастырей, неотступно у жертвенников

---

[418] См: *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Приношение современному монашеству, 30.

проливающих реки слез и подвизающих к тому же народ свой? Дипломатические таланты архиереев поставили выше слова Божия, на них возложили надежду, в них положили свое спасение. Ложно хотели сохранить царство Истины...

И посмеялся Господь над ними и до конца изливает гнев свой. *Не пред нашими ли глазами отнимается пища, от дома Бога нашего — веселье и радость?* (Иоиль. 1:16). Истощают, истощают до основания (ср.: Пс. 136:7) видимую сторону Церкви.

Дети мои, суд Божий совершается. Покаянно припадем ко Господу и найдем в себе силы сказать с пророком: *Гнев Господень я буду нести, потому что согрешил пред Ним, доколе Он не решит дела моего и не совершит суда надо мною; тогда Он выведет меня на свет, и я увижу правду Его* (Мих. 7:9).

К принятию нового образа спасения призывает нас Господь. Множество храмов рукотворенных, благолепно украшенных, было открыто столетиями, и в то же время величайшее множество храмов нерукотворенных в мерзости запустения пребывали заключенными. Ныне храмы, воздвигнутые руками человеческими, разрушаются, но в покаянной тоске по ним поднимаются храмы, созданные руками Божиими. Огоньки смиренного мученичества вспыхивают повсеместно, особенно на далеких окраинах. Голодные, оборванные, дрожащие от холода, изолированные от мира, на голой земле, на снегу или в случайных избах, без гробов и священнического напутствия умирают иереи, иноки и верные.

В покаяльных храмах отходящих душ их возносится ими молитва за грехи всей Церкви, возлюбившей внешнее паче внутреннего и обряд больше духа, — Церкви, не нашедшей в себе даже в годину исключительных бедствий целительных слез покаяния. Искорки терпеливого исповедничества мерцают всюду от ледяного океана до раскаленной пустыни. В покаянном плаче молятся открывшие терпением обстояний свои сердечные храмы, изгнанные за служение в храмах Божиих!

Войдем, родные, и мы в клеть душ наших, войдем в храм наш душевный, посвященный Господу еще в момент крещения и освященный Им в момент первого причащения. Храм этот наш; никто никогда не сможет его разрушить, кроме нас самих. В нем мы — каждый — иерей и кающийся. Жертвенник его — сердце наше, и на нем мы можем приносить всегда на слезах наших великое таинство покаяния. Трудно нам, запустившим наш храм невидимый и недостойно жившим только храмом видимым, принять от Господа новый путь спасения. Восплачем и возрыдаем, но не слезами отчаяния, а слезами покаяния, примем всё как заслуженное. Разве не Господь посылает это? Разве лучшие из нас не вступили давно на этот путь?

Надолго или совсем — одному Господу известно — уходит от нас видимая сторона христианства. «Станем добре, станем со страхом» Божиим!

Маленький родной дом Божий! Сколько радости чистой, неземной получали мы через тебя. Иерусалиме наш земной, возводящий нас непрестанно к горнему Сиону! Много раз навернутся на глаза наши слезы при воспоминании о нашем земном рае. *Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего* (Пс. 136:5–6).

Большая чуткость духовная дана вам от Господа. Сердце ваше привело вас не туда, где блистало великолепие службы, где звучали изысканные мелодии, где раздавались искусные проповеди. В маленький убогий храм вошел в свое время каждый из вас, в нем почувствовал правду святоотеческого пути.

В наступившую было весну Церкви Русской вы явились делателями в ее винограднике. С каким самоотвержением отдали вы свою молодость, свои зрелые годы, свои старческие силы на устроение храмов жизни покаяльной семьи нашей. Вы не только живые свидетели, но и участники последнего озарения угасающего по воле Божией светильника Церкви Русской.

В грядущем страшном испытании Церкви Христовой молю Господа, Его Пречистую Матерь и святых угодников наших, чтобы они явили вас истинными делателями виноградника Христова.

Родные мои, явим себя во всем *как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах* (2 Кор. 6:4–5). *Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собой* (Рим. 15:5).

1933 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма священника Алексия Мечёва сыну Сергею

Воскресенье, 16 июня. 1913 год

Дорогой Сережа, очень рад за тебя.

Вижу, что поездка твоя за границу принесет пользу не только тебе, но и всем нам. Все, разъехавшись, довольно скоро соскучились друг о друге. Сейчас получил письмо от Нюши[1], которая пишет, что очень соскучилась обо мне и на днях выезжает из Алексина. Саша[2] пишет, что общество в Кастрополе[3] не совсем симпатичное, пишет, что скучает обо мне. Мне же до сих пор не пришлось не только уехать в отпуск, но даже съездить в Звенигород. Сытин[4] засуетился с нашей постройкой дома и хлопотал о немедленном заключении нотариального договора и ходатайства перед Святейшим Синодом о дозволении заключить договор на 24 года. Все эти дела потребовали пребывания в Москве и ежедневного хождения в Консисторию.

Ходил к доктору, который, прочитав исследование мочи и выслушав, сказал, что он доволен мной, ездить на Кавказ для меня, нервного, без нужды нет надобности, пить воду не надо, а на Кавказе в настоящее время большой съезд, воды дожидаются по целым дням, и это нервного человека может еще больше расстроить, а советует ехать в Крым, на солнце, ввиду застарелого бронхита, и лежать на солнце или куда-либо еще в теплое и сухое место. Думаю, что соберусь в Крым или уеду в Звенигород на месяц.

В настоящее время, сидя в Москве на Солянке[5] один, очень соскучился обо всех, а в особенности о дорогом моем сожителе по помещению. Придешь к себе в комнату нашу с тобой, посмотришь: все, кажется, здесь — и стол стоит по обыкновению, и лыжи стоят,

---

[1] Анна Алексеевна Мечёва.

[2] Александра Алексеевна Мечёва.

[3] Курортная местность в районе Симеиза (Южный берег Крыма).

[4] Книгоиздатель И. Д. Сытин в 1913 г. начал строительство церковного дома во дворе храма Святителя Николая в Клённиках.

[5] На этой улице семья Мечёвых снимала квартиру, пока строился дом причта.

и постель, а дорогого хозяина, владетеля всего этого — милого Сережи, нет. Сперва пришлось поплакать о тебе: на чужой стороне один, что-то его встречает на чужбине — вот какие мысли гнездились в моей голове, но, получив первую открытку из-за границы, я, возблагодарив Милосердного Господа за тебя, совершенно успокоился. Теперь одно могу писать: будь здоров, весел, набирайся сил и здоровья. Хорошенько знакомься со всеми по возможности достопримечательностями и чаще пиши. Твои послания меня очень радуют. Читая их, чувствую, что я будто с тобой.

Пиши, сколько нужно еще денег и куда послать. Не отказывай себе ни в чем. Когда еще в другой раз соберешься за границу, да и если поедешь еще, то все уже будет для тебя известно.

Благословение Господне да будет над тобой.

Горячо любящий тебя твой папа.

Иду служить обедню.

***

1913 год

Дорогой мой Сергунчик!

Очень скорблю за тебя, что у вас плохая погода. Такая же погода и у нас. Я надумал уехать в Кастрополь на две недели. Доктор нашел у меня бронхит, и довольно застарелый, который и можно лечить на солнце, и вот почему еду в Кастрополь... Оставляю тебе 100 рублей на расходы и усердно прошу тебя известить тетю Ольгу[6], которая и вышлет тебе, только напиши, куда выслать и как? Я советую тебе не спешить с отъездом. Когда еще соберешься, раз уж там, бери все, что можно для тебя... 1-го приеду в Москву, пиши мне в Кастрополь. Дом наш быстро строится. У нас все благополучно.

До свидания, дорогой сыночек.

Посылаю тебе благословение твоего Покровителя.

Твой любящий тебя папа.

***

15 августа 1913 года

Дорогой Сергунчик!

Очень благодарен тебе за то, что ты мне написал о письме Николая[7] и высказал свой взгляд относительно квартиры причта. Будь уверен, что мне было приятно выслушать твое замечание, и я его принял с благодарностью. Я был очень счастлив, когда

---

[6] Ольга Петровна Кадмина, сестра покойной матушки старца Алексия.

[7] Сын маросейского диакона.

покойная твоя мама, бывало, заметив что-либо, высказывала свое замечание мне, и я тотчас, приняв к сердцу, изменял согласно с ее замечанием. Но, увы, ее нет, и уж я давно тягощусь одиночеством, не слышу ни от кого сердечного разумного замечания.

Получив от тебя письмо, я воспрянул духом; теперь я не одинок и могу свободно следить за собой. Я не хочу сидеть на точке замерзания. Каждый из нас не замечает за собой и может усовершенствоваться только при участии близких, дорогих людей, и поэтому усердно прошу тебя продолжать свое дело в том же духе, за что, повторяю, буду очень благодарен тебе.

Ильинский, архитектор, измерив площадки этажа, сказал, что он находит справедливым отдать всю меньшую половину этажа псаломщику, на что я и дал согласие, и для учителя[8] я устраиваю в подвальном этаже квартиру на случай, а если не понадобится, то я могу ее отдать двум старушкам — как у Георгия[9] — богаделкам, которые будут следить и за чистотой храма, и за сохранностью.

Будь уверен, дорогой сыночек, что у тебя мой характер, и я мучился и хотел тоже отдать первый этаж причту и раньше, но заговорил об учителе для того единственно, чтобы Сытина заставить сделать подвальное помещение. У дьякона квартира вышла хорошая и устрояется по его рецепту.

Сергунчик! Ко мне приходил Комлев Леонид и говорит, что Тихон Васильев изъявляет желание петь у нас с осени, выскажи свой взгляд.

Мы приехали из Крыма 11 августа, а Саша приедет 25 августа.

Благословение Господне да будет с тобою.

Любящий тебя папа.

Поздравляю тебя с праздником в честь Феодоровской иконы Божией Матери.

Будь спокоен и здоров. Если нужно еще денег, не стесняйся. Могу выслать и еще.

***

1913 год

Дорогой Сергунчик!

Успокойся, все устроил с помещением псаломщика и диакона. Первый этаж отдан для причта. Очень для меня прискорбно, что тебя Николай беспокоил письмом совершенно напрасно. Дело

---

[8] На Маросейке были устроены приют и начальная школа для сирот и детей неимущих родителей.

[9] Находящийся рядом с Николо-Клённиковской церковью храм Великомученика Георгия Победоносца в Старых Лучниках.

в том, что по приезде в Москву я нашел квартиру диакона очень приличной. В ней, вследствие уничтожения коридорной системы, появилась возможность в ущерб псаломщика диакону увеличить свое помещение и устроить помещение даже особенное и для Николая по входе с парадного крыльца, а по входе с заднего устроить кабинет для диакона. И если я согласился отдать помещение учителя причту, то исключительно желая быть справедливым по отношению к Никитичу[10]. Как сам диакон, так и вся его семья оказались очень дурными людьми, всем жалуются, что их обидели, а сами обижают псаломщика.

Путеводитель по Риму я купил у Вольфа[11] и послал тебе. Не знаю, угодил ли? Я только что приехал из Крыма. Поправился несколько. Но в Москве меня терзают, не вижу ни минуты свободной и никак не могу еще привыкнуть. Там только видел море и горы и не знал ничего, а здесь крик, шум, вертится постоянно народ и не дает отдохнуть.

Ивана Матвеевича просил выслать тебе просимые 50 рублей. Меня очень удивляет твое обязательство. Какие могут быть расчеты у отца с детьми? Мне ничего не нужно, все — ваше. Я живу для вас, и мне бывает очень приятно, когда я могу что-нибудь сделать для другого, а тем более для своих детей.

Будь уверен, если тебе нужно еще, я вышлю тебе. Пользуйся случаем. Прощай, дорогой сыночек. Будь здоров и спокоен. Льщу себя надеждой, что в новом доме наступит у нас и новая жизнь. Нюшка[12] выдержала экзамен и уехала в Алексино. Очень довольна твоими письмами.

Целую тебя крепко.

Любящий тебя папа.

***

Кастрополь, 26 июня 1915 года

Дорогой Сергунчик!

Я 18-го приехал в Кастрополь. С дороги я послал тебе два письма, в которых благодарил тебя за открытки. Я получил их при выезде моем на вокзал. Мы все были очень довольны ими, и я дал по открытке провожавшим меня тете Оле, Нюше и Оле. В настоящее время чувствую себя хорошо. В Кастрополе живут из твоих знакомых: Челушкин — худой и больной, и Петровы. Сеня по-прежнему гуляет и болтает много, а сама все плачет о муже и о дочери,

---

[10] Александр Никитич, псаломщик, а затем диакон на Маросейке. См. также прим. 283 на с. 405.

[11] См. прим. 4 на с. 334.

[12] См. прим. 1 на с. 459.

умершей в апреле месяце от тифа, полученного ею в лазарете при уходе за ранеными. Проживает у нас католический Петербургский митрополит Ключинский[13] со ксендзом. Жизнь в Кастрополе протекает по-прежнему. Пиши мне почаще, как ты мне обещал. Из Москвы я, кроме твоего письма от 17 июня, не получал ни одного.

Мои милые дочки, наверное, забыли о моем существовании, и как-то было грустно: всем письма, а мне ничего.

Будь, дорогой сынок, жив и здоров. Я хоть и не совершаю теперь богослужения, но так за домашнею молитвою поминаю тебя.

Благословение Господне да будет над тобою. Целую тебя крепко.

***

Кастрополь, 28 июня 1915 года

Дорогой Сергунчик!

Вспомнил дорогую нашу с тобой маму, посылавшую постоянно из Кастрополя на память нам в Москву в письмах цветы, решил и я послать тебе, любимый мой сыночек, мимозу.

Поздравляю тебя с праздником Воскресения Христова и наступающим Петровым днем и желаю тебе здоровья и душевного спокойствия. Со мной по временам бывает хорошо, а то сжимается сердце. Всех мне вас жалко, хочется видеть, обнять и поцеловать крепко и нисколько не утешает крымская жизнь. Какая-то чувствуется пустота, все болтают пустяки, говорят только о столе, интересуются сплетнями и т. д., и мне становится очень душно.

Я очень доволен за тебя, что живешь совершенно в других условиях, перед тобой постоянно рисуются картины серьезной, настоящей духовной жизни. Полетел бы я на крыльях к тебе и наверно скажу, меня сильно бы захватила ваша жизнь, но, к сожалению моему, здоровье не позволяет мне совершенно. Сейчас прочел в донесении Верховного главнокомандующего[14] о взятии в плен 11 тысяч немцев, порадовался, с чем и тебя поздравляю. У нас все собравшиеся на море с большим одушевлением пели «Боже, Царя храни» и очень были радостно настроены. Будем надеяться, что Милосердный Господь поможет нам одолеть озверевшего врага и обновит нас во все отношениях всех...

Благословение Господне да будет над всеми вами.

Целую тебя крепко, дорогой мой милый сыночек.

---

[13] Католический архиепископ Винцент Ключинский после начала Первой мировой войны оставил Петербург, а делами Римско-католической митрополии стал управлять епископ Ян Цепляк.

[14] Верховным главнокомандующим Русской армией с начала войны до августа 1915 г. был великий князь Николай Николаевич (Младший) (1856–1929).

***

Кастрополь, 30 июня 1915 года

Дорогой Сергунчик!

Получил ли ты мои письма? Живу скоро две недели в Кастрополе, послал тебе не менее шести писем, а от тебя в ответ не получил ни одного[15]. Жив ли, здоров ли? О себе скажу, что стал несколько поправляться. Чувствую себя лучше, но страшная скука. Из Москвы, кроме двух твоих писем от 17-го и 18-го, пересланных тетей Олей, и письма от Оли, тоже не получил ни одного.

Хорошо, что я взял с собой Златоуста, которого уже дочитываю теперь, а что будет дальше, не знаю. Если тебе что нужно, то непременно напиши тете Оле, и она вышлет тебе немедленно, мы с ней об этом уже условились.

Будь здоров. Благословение Господа да будет над вами.

Крепко, крепко целую тебя, дорогой мой, горячо любимый мною сыночек Сергунчик.

***

Кастрополь, 2 июля 1915 года.

Дорогой мой Сергунчик!

Каждое утро, по обычаю, тянет тебе написать. Берусь и сегодня и, хотя не имеется под руками материла, однако, исполняя установившийся порядок, скажу, во-первых, о себе, что все находят в моем здоровье улучшение, то же чувствую и сам. О ребятах мало имею сведений, хотя прислали мне по письму, но очень краткому.

Как твое здоровье? Как себя чувствуешь? По последнему письму вижу, что ты переживаешь много; Бог милостив, устроится все. Милосердный Господь послал нам испытание, во-первых, за наше удаление от Него, а во-вторых, чтобы нас объединить всех, чтобы мы ближе узнали друг друга. Ведь на самом деле не только каждое сословие, но даже и каждая семья жила особняком, не искала общего блага, но только личного; интеллигенция, смотря на простой народ с высоты птичьего полета, на войне убедилась в дорогих чертах русского простого солдатика, она увидела, как терпелив, как скромен, как нетребователен он и вынослив и как сердечно искренно любит свою Веру, Царя и Отечество, умирает с покойным духом, радостно, как исполнивший свой гражданский долг, забывая о себе и своей семье. Имея перед глазами такие высокие примеры, невольно и окружающие этих великих борцов естественно пожелают подражать им; этим только и можно объяснить ничтожный успех немцев при бесчисленном количестве пушек, чемоданов и пулеметов.

---

[15] Позднее все письма пришли разом.

Я глубоко убежден, что эти серые богатыри, зажегшие на различных фронтах немало божественных огоньков, в недалеком будущем зажгут целые костры таковых огоньков и с сердечной верой в Бога сломят дерзкого врага.

Благословение Господне да почиет над всеми вами.

Крепко, крепко целую тебя, дорогой мой, горячо любимый мною сыночек Сергунчик.

***

9 июля.

Дорогой мой, горячо любимый сыночек Сергунчик!

8 июля, в Казанскую, получил твое первое послание в Кекенец[16] — письмо от 23 июня, за что тебя благодарю.

...Ты пишешь, что в армии дух бодрый и все так хорошо устроено в окопах первой линии и спокойно. Слава Богу! Это очень важно. Будем надеяться, что Милосердный Господь поможет нам устроить все и победить коварного врага. 8-го в Кастрополе служил у себя в помещении вверху над Беловыми[17], где балкон. Митрополит католический[18] — мессу в 8 ½ часа утра и молебствие о даровании победы Русской армии, за которой присутствовал я и несколько пансионеров, а за ½ ч. перед обедом в столовой служил молебен я при участии всех пансионеров в присутствии митрополита. Пели хорошо, и весь день 8 июля прошел в приподнятом настроении. Чувствую себя хорошо и поправляюсь.

Целую тебя крепко, крепко... Благословение Господне да будет со всеми вами.

Горячо любящий тебя твой папа.

***

...Я чувствую себя хорошо, очень поправился, за меня не беспокойся, береги, дорогой, только себя, у нас все, слава Богу, хорошо. Пробуду в Кастрополе до 1 августа.

***

26 июля.

...Поправился и чувствую себя способным вполне продолжать свое служение. Благословение Господне да почиет над всеми вами, да сохранит Он, Милосердный, всех вас целыми и невредимыми и да возвратит на радость и утешение каждого из вас к своим семьям.

...Осенью надеюсь видеться с тобой...

---

[16] Кекенез – курортный поселок на Южном берегу Крыма.

[17] Семья маросейских прихожан, живших по соседству.

[18] См. прим. 13 на с. 463.

БИБЛИОГРАФИЯ

Храм Святителя Николая в Клённиках

1. Торжество в Николаевской, что в Клённиках, церкви // Московские епархиальные ведомости. 1870. № 11. С. 6–7.

2. *Холмогоров Г., свящ.* Юбилейные церкви // Московские церковные ведомости. 1901. № 20. С. 259–261.

3. История храма // Московские церковные ведомости. 1901. № 20. С. 260–261.

4. *Романовский Н., свящ.* Заметка к статье «Юбилейные церкви» // Московские церковные ведомости. 1901. № 27. С. 326–328. — Уточнения и дополнения к истории храма.

5. *Холмогоров Г., свящ.* К 200-летнему юбилею Николаевской, что в Клённиках, церкви // Московские церковные ведомости. 1901. № 35. С. 403–404.

6. *Романовский Н., свящ.* Вынужденное слово // Московские церковные ведомости. 1901. № 43. С. 514–515. — Дополнения к истории храма.

7. *Денисов Л. И.* Первое заседание Церковно-археологического отдела при Обществе любителей духовного просвещения // Московские церковные ведомости. 1902. № 6. С. 78–79. — Описание архитектуры храма.

8. *Червяков А. Д.* Московский архив // Московский журнал. 1991. № 5. С. 52–54.

9. Дар московскому приходу // Московский журнал. 1992. № 6. С. 61. — О передаче М. А. и Н. А. Струве двух икон письма Т. В. Ельчаниновой в храм Свт. Николая Чудотворца в Клённиках.

10. *Бобринский Б., прот.* Живая Россия // Русская мысль. 1993. № 3971. 19–25 марта. С. 16. — О восстановлении храма Святителя Николая в Клённиках в 1990-х гг.

11. Храм Николая Чудотворца в Клённиках (Блинниках) // Указатель материалов о московских храмах, напечатанных в журнале «Московские епархиальные ведомости — Московские церковные ведомости»

(1869–1918) / сост. Н. В. Власова, С. П. Прохоров, В. К. Степанов. М., 1993. С. 45.

12. Указатель московских церквей / сост. М. Александровский (1915). Репр. изд. М., 1996. С. 10.

13. На службе Богу // Православная беседа. 1999. № 4. С. 22–26. — Рассказ о св. прав. Алексии и сщмч. Сергии.

14. *Фрезинская Н. Р.* По Покровке-Маросейке... // Московский журнал. 2000. № 6. С. 46–53.

15. *Паламарчук П.* Сорок сороков : Краткая иллюстрированная история всех московских храмов : в 4 т. 3-е изд. М., 2007. Т. 2. С. 182.

16. Храм Святителя Николая в Клённиках в акварелях монахини Иулиании (Марии Николаевны Соколовой). М.: ГУП «Редакция журнала „Московский журнал. История государства Российского"», 2008. [30 с.] — Тринадцать акварелей с детальной прорисовкой храмовых интерьеров (1932).

17. *Домашнева Н. А.* «И дивен храм» : Церкви в Басманном районе города Москвы. М., 2010. С. 57.

18. Храм Святителя Николая в Клённиках на Маросейке / сост. С. И. Кожевникова. М. : ГУП «Редакция журнала „Московский журнал. История государства Российского"», 2010. 48 с. : ил. — Краткая история храма — от первого упоминания в Никоновской летописи в 1468 г. до наших дней.

19. *Щенкова О. П.* Землевладения московских церковных приходов («Поповка» конца XVII — начала XX в.). М. : Памятники исторической мысли, 2010. С. 397.

20. *Скурат Н., прот.* Крестные ходы в Москве после революции 1917 года и их запрещение // IX Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. М. : «Луг духовный»; Общество сохранения литературного наследия; Издательство ОРПК «Кадашевская слобода», 2011. Вып. 8. С. 193–218.

Святой праведный Алексий (Мечёв), пресвитер Московский

21. *Струве Н. А.* О. Алексей Мечов // ВРСХД. 1964/1965. № 75/76. С. 65.

22. О молитве : Из воспоминаний об отце Алексее Мечове, настоятеле церкви на Маросейке в Москве (скончался в 1923 г.) // ВРСХД. 1964/1965. № 75/76. С. 66–73.

23. *Александр (Семенов-Тянь-Шанский), архим.* Отец Алексей Мечев: [Рец. на кн.] // ВРСХД. 1970. № 95/96. С. 185–192.

24. *Энден М. Н.* Отец Алексей Мечев. YMCA-Press, Париж, 1970: [Рец. на кн.] // Возрождение. 1970. № 222. С. 132–134.

25. *Иваск Ю. П.* Отец Алексей Мечев: [Рец. на кн.] // Новый журнал. 1971. № 102. С. 299–300.

26. *Добровольский А.* Десять мин // Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1983. Вып. 9. С. 225–303. — Воспоминания о св. прав. Алексии и о маросейском храме, относящиеся к 1918 г.

27. *Арсений (Жадановский), еп. Серпуховской.* Воспоминания о замечательных московских протоиереях: О. Алексей Мечёв // Православный путь. 1987. С. 69–76. 1988. С. 81–85. 1989. С. 71–79.

28. Отец Алексий Мечёв. Париж : YMCA-Press, 1970. 396 с. : ил.; То же. Париж: YMCA-Press, 1989. 392 с. : ил.; То же. Репр. изд. М., б. г. 392 с. : ил.

29. *Андроник (Трубачев), игум.* Русский пастырь на приходе // Москва. 1990. № 12. С. 160–161.

30. *Добровольский А. А.* Памяти дорогого Батюшки о. Алексия // Московский журнал. 1991. № 5. С. 54–58.

31. Храм Святителя Николая в Клённиках. М.: Изд. «Московский журнал» при содействии фирмы «Паломник», 1991. 208 с. (Московский приходской сборник; вып. 1). — *Арсений (Жадановский), еп.* Отец Алексий Мечёв; *Дурылин С. Н.* Памяти отца Алексия; *Владимир (Сысоев), сщмч.* Воспоминания о дорогом батюшке; *Николай Александрович Б.* Памяти батюшки отца Алексия; Встреча с отцом Алексием; *Мечёв Т. А.* На богомолье; *Добровольский А. А.* Воспоминания. Что могут видеть дети; *Сергий (Мечёв), сщмч.* Духовные беседы и др.

32. *Иулиания (Соколова), мон.* Жизнеописание Московского старца отца Алексия Мечёва. М. : Храм Свт. Митрофана Воронежского. [1992]. 192 с. : ил.; То же. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский Хронограф, 1999. 288 с. : ил. (Московский приходской сборник; вып. 3); То же. 5-е изд. М. : ГУП «Редакция журнала „Московский журнал. История государства Российского"», 2011. 272 с. : ил.

33. *Дурасов Г. П.* Церковь Святителя Николая в Клённиках и ее настоятели по воспоминаниям современников: (Первая треть XX в.) // Православие и русская народная культура. М., 1993. Кн. 1. С. 200–274. (Библиотека «Российского этнографа»).

34. Московский батюшка: Воспоминания об о. Алексее Мечеве. М.: Изд. Московского Свято-Данилова монастыря, 1994. 112 с. : ил.

35. *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания [об о. Алексии Мечёве]. М.: ПСТБИ, 1995. С. 14–31.

36. *Добровольский А. А.* Рассказы о старце Алексее Мечёве, о чудесах, им совершенных, и о других чудесах; *Солодовников А.* Стихи / сост. С. Я. Красовицкий. М. : Мега-Сервис, 1995.

37. *Ровинский К., прот.* Беседы старого священника. М. : ПСТБИ, 1995. С. 172–189.

38. *Мечёв А., свящ.* Советы девушке христианке. М. : Новая книга, 1996. 32 с.

39. *Флоренский П., свящ.* Рассуждения на случай кончины о. Алек-

сея Мечёва // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2. С. 597–620; *Он же.* Отец Алексей Мечёв // Там же. С. 621–627.

40. *Сидоров С. А.* Московское духовенство двадцатых годов // Московский журнал. 1997. № 8–9. С. 61–66.

41. Пастырь добрый : Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечёва / сост. С. Фомин. М. : Паломник, 1997. 784 с.: ил. (Русское православие XX века).

42. Поучения протоиерея Алексея Мечёва. М., 1997. 16 с. (Б-ка журнала «Держава»).

43. *Флоренский П. А.* Отец Алексей Мечёв // Памятники Отечества. М., 1997. № 37 (1). С. 139–141.

44. *Добровольский А. А.* Даст Господь по сердцу твоему... [С. Посад] : Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1999. 128 с.

45. Житие московского старца протоиерея Алексия Мечёва // Московские епархиальные ведомости. 2000. № 10–11. С. 34–43; Проповеди св. прав. Алексия «Слово в день Феодоровской иконы Божией Матери» и «О мощах угодников Божиих» // Там же. С. 44–48.

46. *Миллер Т. А.* Московский старец Алексий Мечёв / Т. М. // Альфа и Омега. 2000. № 1 (23). С 147–165.

47. Пастырь добрый : Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечёва / сост. С. Фомин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Сердa-Пресс, 2000, 767 с. : ил.

48. Патерик новоканонизированных святых. [Св. прав. Алексий Мечёв: По тексту «Деяния Юбилейного Освященного Архиерейского Собора РПЦ о соборном прославлении новомучеников и исповедников российских XX века»] // Альфа и Омега. 2000. № 3 (25). С 237–278.

49. «Русь святая». Календарь на 2001 год с житиями подвижников благочестия XX столетия. М.: Благо, 2000. 381 с. — Жизнеописания св. прав. Алексия и сщмч. Сергия (Мечёвых).

50. Старец протоиерей Алексий Мечёв // Московский журнал. 2000. № 8. С. 44–45.

51. Старец протоиерей Алексий Мечёв: Жизнеописание и свидетельства к церковному прославлению. М.: Изд. храма Свт. Николая в Клённиках, 2000. 80 с. — Случаи прозорливости, примеры прижизненных и посмертных чудес, знамений, молитвенной помощи старца о. Алексия Мечёва.

52. *Грубе А. А.* «Помяни всех притекающих к раке твоей» // Московский журнал. 2001. № 12. С. 14–19. — Об обретении и перенесении честных мощей св. прав. Алексия.

53. *Дудко М., свящ.* Настоятель возвращается в свой храм // Православная Москва. 2001. № 19/20. С. 1, 3. — О крестном ходе со св. мощами праведника.

54. *Меркушин С.* На Маросейку — к Московскому старцу // Церков-

ный вестник. 2001. № 18. С. 1; «Разгрузка чужого горя» // Там же. С. 12; *Куликов А., прот.* «И вот теперь у нас радость...» // Там же. С. 13.

55. Перенесение мощей святого праведного Алексия Мечёва // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 11. С. 34–36; Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия по поводу перенесения мощей святого праведного Алексия Мечёва в Москве // Там же. С. 36–37.

56. *Прилуцкий В.* Шли дети на богомолье // Семейная православная газета. 2001. № 12. С. 3. — Рассказ о семье св. прав. Алексия Мечёва.

57. *Прохорова В. И.* Старец протоиерей Алексий Мечёв // Московский журнал. 2001. № 12. С. 20–21. — О встрече художника Р. Фалька с прот. Алексием Мечёвым.

58. Акафист святому праведному Алексию, пресвитеру Московскому. М. : Русский Хронограф, 2002. 32 с.

59. *Грубе А. А.* «Помяни всех притекающих к раке твоей» // Московский журнал. 2002. № 9. С. 36–43. — К годовщине перенесения честных мощей св. прав. Алексия.

60. Житие святаго праведнаго Алексия, старца Московского. М. : Русский Хронограф, 2002. 80 с. : ил. — Случаи прозорливости, прижизненные и посмертные чудеса, знамения, молитвенная помощь старца о. Алексия Мечёва.

61. Воспоминания о школьных паломничествах. М. : Русская история, 2003. 48 с. — *Мечёв А., свящ.* Путешествие Николо-Клённиковской церковноприходской школы в Сергиеву Лавру; *Мечёв Т. А.* На богомолье.

62. Живети и служити - убави. Животопис московског старца оца Алексеја Мечова. Београд, 2003. 278 с. : ил. (На сербском языке).

63. *Мечёв А., свящ.* Путешествие в Сергиеву Лавру // Возглас. 2003. № 16. С. 3.

64. Феодоровская икона Божией Матери. Акафист, сказание / сост. Н. Е. Алдошина; Учебный комитет РПЦ. М., 2003. 88 с. : ил. — О почитании св. прав. Алексием храмового чудотворного образа Божией Матери.

65. Фотоотчет о перенесении частицы мощей св. прав. Алексия из храма Свт. Николая в Клённиках в храм Вмч. Георгия в Старых Лучниках 6 апреля 2003 года // Лучники. 2003. № 5. С. 10–14.

66. *Алексий Московский, прав.* Во граде, как в пустыне : Святой праведный Алексий Мечев о молитве / сост. И. Кабанов. М.: Изд-во сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2004. 80 с.

67. Святыни Москвы : Справочник-путеводитель. М. : ЦИТ, 2005. Ч. 2. С. 6–9. — Праведный Алексий Мечёв, старец Московский.

68. Во граде, как в пустыне : Святой праведный Алексий Мечёв о молитве / сост. И. Кабанов. М. : Изд. храма Сошествия Святаго Духа на Лазаревском кладбище г. Москвы, 2006. 80 с.

69. Собор Московских святых : сборник житий. М.: Сибирская благозвонница, 2006. С. 27–40. — Жизнеописание св. прав. Алексия, тропари, кондак.

70. Старец в миру : Святой праведный Алексий Мечёв. Житие, письма, проповеди, записи на книгах. М. : Образ, 2006. 126 с.

71. Великие старцы двадцатого столетия / сост. С. Девятова. М. : Артос-Медиа, 2007. С. 211–216. — О св. прав. Алексии (Мечёве).

72. *Ровинский К., прот.* Беседы старого священника. 3-е изд., испр. М. : Изд. храма Свв. бесср. чуд. Космы и Дамиана на Маросейке, 2007. С. 215–233.

73. «По земле, как по небу»: Схимонахиня Гавриила (Огородникова). 4-е изд. М. : Свято-Данилов монастырь, 2008. 72 с. : ил. — Жизнеописание духовной дочери св. прав. Алексия, ее воспоминания о духовном отце.

74. Пастырь добрый: Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева // Свет негаснущих звезд: О новомучениках российских / сост. А. И. Яковлев. М.: Терра–Книжный клуб, 2009. 493 с. (Русь Православная).

75. Городской старец // Нескучный сад. 2011. № 10. С. 16–18. — О св. прав. Алексии Мечёве.

76. *Коновалов В.* Чудеса на Маросейке продолжаются // Крестовский мост. 2011. № 8. С. 8. — Рассказ о св. прав. Алексии Мечёве.

77. «Я помолюсь...» // Православный крест. 2011. № 12 (36). С. 8. — Рассказ о св. прав. Алексии Мечёве.

78. *Juliana, moniale.* Le père Alexis Métchev starets de Moscou / trad. du russe par N. Noïtaki et F. Lhoest; introd. de J.-C. Larchet. Lausanne: L' Age d'homme, 2011. 234 p.: ill. (*На франц. языке*).

Священномученик Сергий (Мечёв)

79. *Сергий (Мечёв), сщмч.* Письма неизвестного священника из ссылки своим духовным чадам // Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1981. Вып. 6. С. 235–260.

80. Воспоминания об отце Сергии Мечёве, мученически пострадавшем за Христа / *** // Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1985. Вып. 12. С. 83–114.

81. Жизнеописание священномученика о. Сергия Мечёва, составленное его духовными чадами // Надежда. Базель; М., 1993. Вып. 16. С. 13–236. — *Энгельгардт С. А.* Воспоминания; *Алла Д.* Свидетельство.

82. *Камов Б. Н.* Пророчество, которое сбылось // Шпион: Альм. писат. и журналист. расследования. 1993. № 1. С. 89. — Выдержка из статьи проф. И. С. «Большевизм в свете психопатологии», опубликованной в жур-

нале «Возрождение» (Париж, 1949. № 9), о «пытке детьми», применявшейся к отцу Сергию Мечёву в лагере в Лодейном Поле.

83. Проповеди священномученика иерея Сергия Мечёва // Надежда: Душеполезное чтение. Базель; М., 1993. Вып. 17. С. 18–380.

84. *Могилевцев Г. И.* Отец Сергий Мечев // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 9/10. С. 59–61.

85. *Сергий (Мечёв), сщмч.* Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче / публ. Е. В. Апушкиной // К Свету. 1993. № 5/6. С. 1–51. — Беседы и проповеди на Великий пост, 1923–25 гг.

86. Патерик новоканонизированных святых. [Сщмч. Сергий Мечёв: По тексту «Деяния Юбилейного Освященного Архиерейского Собора РПЦ о соборном прославлении новомучеников и исповедников российских XX века»] // Альфа и Омега. 2000. № 3 (25). С 237–278.

87. Маросейка: Жизнеописание отца Сергия Мечёва. Письма. Проповеди. Воспоминания / сост. С. С. Бычков. М.: Мартис; Sam&Sam, 2001. 458 с. : ил. — Жизнеописание, проповеди, письма отца Сергия Мечёва; *Куприянова Т. И.* Автобиографические записки; Воспоминания прихожанок храма Свт. Николая на Маросейке и пр.

88. *Сергий (Мечёв), сщмч.* Тайны богослужения. М.: Русский Хронограф, 2001. 384 с. — Духовные беседы 1922–1929 гг. Избранные беседы после праздничных богослужений 1922–1925 гг. Жизнеописание сщмч. Сергия.

89. *Грубе А. А.* «Сын мой будет выше меня» // Московский журнал. 2005. № 8. С. 33–45. — Жизнь, пастырское служение и духовное наследие сщмч. Сергия.

90. Пастырский подвиг священномученика Сергия Мечёва // Новомученики и исповедники Ярославского края / авт.-сост. Я. В. Волков. Ярославль; Рыбинск, 2005. С. 242–251.

91. Акафист священномученику Сергию, пресвитеру Московскому. М. : Изд. храма Свт. Николая в Клённиках, 2007. 32 с.

92. *Дурылин С. Н.* Икина книжка, Зоина и Алешина. М. : Изд. храма Свт. Николая в Клённиках, 2008. 16 с.: ил. — Рукописная книжка, написанная для детей Мечёвых, с фотографиями семьи.

93. *Сергий (Мечёв), сщмч.* «Вы — мой путь ко Христу»: Проповеди, письма к общине, воспоминания / сост. А. Ф. Грушина. М. : ПСТГУ, 2009. 340 с. : ил. (Слово исповедников XX века). — Духовные беседы с прихожанами (1922–1929); Слово на парастасе по отцу Алексию Мечёву, Письма к общине (1929–1933); Воспоминания об отце Сергии (Мечёве).

94. Священномученик протоиерей Сергей Мечев // *Марченко В.* Новомученики и исповедники Даниловские, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке. М. : Издательский дом «Русский паломник», 2011. С. 513. — На с. 103 указано, что сщмч. Сергий Мечёв входит в собор Ростово-Ярославских святых.

95. *Сергий (Мечёв), сщмч.* Покаяние есть дело всей жизни // Журнал Московской Патриархии. 2012. № 3. С. 52–53.

Упоминания св. прав. Алексия и сщмч. Сергия (Мечёвых)

96. *Бердяев Н. А.* Самопознание. Опыт философской автобиографии. 3-е изд. Париж : YMCA- Press, 1989. С. 216, 236–237. — О встрече с о. Алексием.

97. *Тропани Н. В.* Воспоминания о храме на Солянке // Московский комсомолец. 1990. 14 сентября.

98. *Дроздов С.* ЦК ВЛКСМ думает о душе // Комсомольская правда. 1990. 10 октября.

99. *Червяков А. Д.* Старинный московский приход // Московский художник. 1990. 2 ноября.

100. *Червяков А. Д.* У Николы в Клённиках // Литературная Россия. 1990. 14 декабря. С. 22.

101. *Червяков А. Д.* Московский архив // Московский журнал. 1991. № 5. С. 52–54.

102. *Дурылин С. Н., свящ.* В те дни // Московский журнал. 1991. № 8. С. 20–27.

103. *Бычков С. С.* Мечёвская община // Московский комсомолец. 1991. 27 ноября.

104. Миша Астров : Воспоминания Елены Апушкиной // Московский журнал. 1992. № 3. С. 34–37.

105. *Чичерин А.* О «последних русских философах» и о трудах одного из них // Московский журнал. 1992. № 2. С. 28–36.

106. «Женская Оптина»: Материалы к летописи Борисо-Глебского женского Аносина монастыря / сост. С. и Т. Фомины. М. : Паломник, 1997. С. 522 : Рассказ о благословении мон. Магдалины (Фоминой) о. Алексием Мечёвым. С. 724: Воспоминания духовной дочери о. Сергия Мечёва Е. С. Волнухиной о поездке в Аносин монастырь по благословению духовного отца.

107. *Быков В. В.* Послесловие к воспоминаниям об отце Арсении // Отец Арсений. 5-е изд., доп. М. : ПСТГУ, 2001. С. 730–739. — Упоминаются о. Сергий Мечёв и маросейская община.

108. Житие священномученика Василия Московского. М. : ПСТБИ, 2001. С. 30. — О встрече отцов Василия Надеждина и Сергия Мечёва в Бутырской тюрьме.

109. Самарины. Мансуровы: Воспоминания родных. М. : Православный Свято-Тихоновский институт, 2001. 228 с. : ил. — Неоднократные упоминания о. Алексия и о. Сергия Мечёвых.

110. Серафимово благословение / сост. еп. Сергий (Соколов). М. : Про-Пресс, 2002. С. 117–119. — Восп. Н. Е. Пестова о духовном окормлении у сщмч. Сергия и о некоторых братьях общины — Н. Иоффе, К. Апушкине).

111. *Голубцов С., протодиак.* Введенское (Немецкое) кладбище. Православно-церковный некрополь: Краткий иллюстрированный справочник-путеводитель по захоронениям духовных и церковных лиц. М., 2003. С. 10. — О захоронении семьи Мечёвых.

112. Иеромонах Павел (Троицкий) : Жизнеописание / сост. прот. Владимир Воробьев. М. : ПСТБИ, 2003. С. 31. — Упоминается знакомство о. Павла с о. Сергием Мечёвым в конце 1930-х гг.

113. Чудовский хор: История в лицах. По страницам воспоминаний // Россия Православная. 2004. № 3. С. 117–124. — В рассказе о хоре Чудова монастыря в Кремле — портрет и упоминание об Алексее Ивановиче Мечёве, а также о св. прав. Алексии.

114. *Быков В. В.* «Настоящая вера от гонений только умножалась» // Нескучный сад. 2004. № 4(11). С. 80–85. — Последнее интервью старейшего маросейского прихожанина об общине, о. Алексии и о. Сергии Мечёвых.

115. *Дурылин С. Н.* В своем углу. М. : Молодая гвардия, 2006. 878 с. — Неоднократные упоминания о. Алексия и о. Сергия Мечёвых.

116. *Смирнова Т. В.* «...Под покров Преподобного» : Очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергиевом Посаде в 1920-е гг. С. Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2008. 312 с. : ил. — Неоднократные упоминания о. Сергия Мечёва.

117. Путь тихого праведника : Жизнь и творчество Леонида Васильевича Сидорова. М. : Даниловский благовестник, 2010. 256 с. — Рассказ о поездке Л. В. Сидорова к о. Алексию Мечёву.

118. «Я никому так не пишу, как Вам...» : Переписка С. Н. Дурылина и Е. В. Гениевой. М. : Центр книги Рудомино, 2010. 544 с. : ил. — Фрагмент дневника Е. В. Гениевой, с 1924 г. — духовной дочери о. Сергия Мечёва.

119. *Радомская Т. И.* Хранительница церковной традиции // Московский журнал. 2011. № 3. С. 44–58. — О духовной дочери св. прав. Алексия, а затем сщмч. Сергия Мечёвых.

120. *Торопова В. Н.* Жизнь в правде своей // Московский журнал. 2011. № 7. С. 48–57.— О свящ. Сергии Сидорове, которого благословил на принятие священного сана о. Алексий Мечёв.

Маросейские клирики и миряне

121. Сокровища Введенских гор / *** // Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1983. Вып. 9. С. 217–254. — Некрополь.

122. *Борис (Холчев), архим.* Огласительные беседы с крещаемыми. Беседы о молитве Господней. М. : Издательский отдел Московского Патриархата, 1991. 96 с.

123. «В этом мое служение Христу» (воспоминания о Д. Е. Мелихове) // Московский комсомолец. 1991. 18 апреля. С. 4.

124. *Покоев К.* Соль земли: Памяти отца Василия Евдокимова // Московский журнал. 1991. № 12. С. 20–27.

125. *Фудель С. И.* Из воспоминаний о Сергее Николаевиче Дурылине // Московский журнал. 1991. № 6. С. 20–25.

126. *Булгакова Е. А.* Жизнеописание архимандрита Бориса (Холчева) // Глаголы жизни. 1992. № 2. С. 18–32.

127. *Борис (Холчев), архим.* О победе над грехом и смертью. Беседы, слова, поучения. М. : Изд. храма Свт. Николая чудотворца в Клённиках, 1996. Кн. 1. 191 с. (Московский приходской сборник. Вып. 2).

128. *Борис (Холчев), архим.* Перед встречей с Господом. Кн. 2. М. : Изд. храма Свт. Николая чудотворца в Клённиках, 1996. 327 с. (Московский приходской сборник; вып. 2).

129. *Апушкина Е. В.* Владыка Стефан (Никитин) // К Свету. 1993. № 9–10. С. 40–48.

130. *О. Владимир Отт.* Сага о нашей семье. Старый Оскол, 1993. 181 с. — Прот. Владимир Отт был духовным сыном старца Алексия, а затем о. Сергия Мечёвых. Его воспоминания содержат инте реснейшие подробности жизни маросейской общины.

131. *Алдошина А. Е., Алдошина Н. Е.* Монахиня Иулиания (Мария Николаевна Соколова): Жизнеописание // Иулиания (М. Н. Соколова), мон. Труд иконописца. Троице-Сергиева лавра, 1995. 221 с. : ил.

132. Архимандрит Борис // Московский журнал. 1995. № 8. С. 34–42.

133. *Борис (Холчев), архим.* Огласительные беседы с крещаемыми. Беседы о молитве Господней. СПб., 1995. 87 с.

134. *Борис (Холчев), архим.* Поездка в Холмищи // Цветочки Оптиной пустыни. Воспоминания о последних Оптинских старцах о. Анатолии (Потапове) и о. Нектарии (Тихонове). М. : Паломник, 1995. С. 149–153.

135. Епископ Стефан Никитин // Московский журнал. 1996. № 2. С. 40–49.

136. *Миллер Т. А.* Свет во тьме // Альфа и Омега. 1996. № 4 (11). С. 91–97. — О свящ. Михаиле Шике.

137. *Куликова С. С.* Епископ Арсений (Крылов) // Московский журнал. 1997. № 6. С. 36–41. — О еп. Арсении, иподиаконом которого был в юности Александр Сергеевич Куликов.

138. *Шик Е. М.* Воспоминания об отце // Альфа и Омега. 1997. № 1 (12). С. 175–188.

139. *Свенцицкий А. Б.* Они были последними? М.: Изд. дом «Граль», 1997. 192 с.

140. *Борис (Холчев), архим.* Огласительные беседы с крещаемыми. Из дневниковых записей: Беседы перед Таинством крещения. Отдельные высказывания архим. Бориса. М. : Русский Хронограф, 1998. 45 с.

141. Соль земли. М.: Паломник, 1998. С. 108, 183. — Жизнеописание арх. Бориса (Холчева), воспоминания о нем.

142. *Иоанн (Вендланд), митр.* Митрополит Гурий (Егоров) // Князь Феодор (Черный) : Ист. очерки. Ярославль : ДИА-пресс, 1999. 180 с. — Упоминания о некоторых маросейских священниках, в т. ч. архим. Борисе (Холчеве), о. Феодоре Семененко.

143. *Медведев А. В.* Столетие Д. Е. Мелехова // Альфа и Омега. 1999. № 2 (20). С. 305–307. — О Дмитрии Евгеньевиче Мелехове (1899–1979), директоре Института психиатрии, духовном сыне сщмч. Сергия Мечёва.

144. *Сидоров С. А., прот.* Записки священника Сергия Сидорова : С прил. его жизнеописания, сост. дочерью, В. С. Бобринской. М. : Православ. Свято-Тихонов. Богослов. ин-т, 1999. 296 с. : 11 л. портр, (Русское духовенство в годы гонений).

145. *Алдошина Н. Е.* К 100-летию монахини Иулиании (Марии Николаевны Соколовой) : Доклад на вечере в Московской духовной академии // Искусство христианского мира. 2000. Вып. 4. С. 358–362.

146. Молитва всех вас спасет : Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / сост. и ред. О. В. Косик. М. : ПСТБИ, 2000. 709 с. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви).

147. Протоиерей Александр Куликов : 40 лет пастырского служения // Московский журнал. 2000. № 12. С. 10.

148. *Juliania, пип.* Russian Saints = Russische Heilige = Святые Руси. [S. l.]: Rista R. Y., 2000. 48 с. : ил. — Лицевые святцы.

149. Благословенный труд / Сост. Н. Е. Алдошина. М. : Московская духовная академия, 2001. 240 с. — Книга посвящена М. Н. Соколовой (мон. Иулиании).

150. *Запарина Л. С.* Непридуманные рассказы. Большое и малое. М.: Отчий дом, 2001. 328 с. : ил. — Упом. еп. Стефан (Никитин), свящ. Петр Константинов.

151. К столетию со дня рождения А. Б. Салтыкова // Мир Божий. 2001. № 1 (17). С. 30–33. — О члене маросейской общины, духовном сыне сщмч. Сергия Мечёва.

152. Таллинский пастырь. Протоиерей Валерий Поведский. Письма.

Проповеди. Воспоминания / сост. Г. Шуттинг. Таллин : Православное издательское общество сщмч. Исидора Юрьевского, 2001. 288 с.

153. *Фудель С. И.* Воспоминания // Собр. соч. : в 3 т. Т. 1. М. : Русский путь, 2001. С. 44–60.

154. *Фудель С. И.* У стен Церкви // Собр. соч. : в 3 т. Т. 1. М. : Русский путь, 2001. С. 172.

155. *Быков В. В.* Иконописец Мария // Московский журнал. 2002. № 3. С. 31–37.

156. *Малахова Н. А.* Истоки вечной юности и радости открываются во мне // Московский журнал. 2002. № 1. С. 31–37. — О сщмч. Петре Петрикове.

157. *Соколова Н. Н.* Под кровом Всевышнего. М. : Православное братство св. ап. Иоанна Богослова, 2002. С. 117. — Рассказ о Константине Константиновиче Апушкине, тайном священнике маросейской общины, являвшемся крестным отцом автора.

158. Енисейский бакенщик // Московский журнал. 2003. № 2. С. 44–53. — Запись рассказа прот. Петра Гнедича, одного из алтарных братьев мечёвской общины, в изложении В. В. Быкова.

159. Иеромонах Павел (Троицкий) : Жизнеописание / сост. прот. Владимир Воробьев. М. : ПСТБИ, 2003. 135 с. : ил. — Воспоминания прот. Александра Куликова о переписке со старцем Павлом.

160. *Бирукова Е. Н.* «Душа комнаты» // Московский журнал. 2004. № 8. С. 10–21. — Воспоминания о духовной дочери сщмч. Сергия А. В. Романовой.

161. *Борис (Холчев), архим.* Беседы о молитве Господней. М. : Изд. храма Свт. Николая в Клённиках, 2004. 78 с.

162. *Быков В. В.* О домашних церквях и о батюшке — отце Александре (Ильине). Из воспоминаний о жизни маросейской общины — храма Свт. Николая в Клённиках 1932–1943 гг. // Ныне и присно. 2004. № 1. С. 12–18.

163. *Каледа Л., Филоян Л.* Моли Бога о нас... : воспоминания о священномученике Владимире Амбарцумове // Ныне и присно. 2004. № 1. С. 44–105.

164. Пастырь // Московский журнал. 2004. № 1. С. 23–27. — К 70-летнему юбилею прот. Александра Куликова.

165. Путь на небо — через Голгофу. Оптинский старец Рафаил (Шейченко) : Воспоминания, письма. М., 2004. 80 с. — Письма преподобноисповедника Рафаила Оптинского к архим. Борису (Холчеву).

166. *Тулупов В., прот.* «Благословляю Вас на подвиг жизни!» Архиепископ Гавриил (Огородников). Страницы жизни. М. : Русский Хронограф, 2004. 160 с. — Воспоминания об архиеп. Гаврииле в период его служения в Ташкентской и Среднеазиатской епархии включают многочисленные упоминания об архим. Борисе (Холчеве).

167. *Филоян В.* Два брата Ильина // Ныне и присно. 2004. № 1. С. 19–30. — Об иеромонахе Александре (Ильине).

168. *Сабурова М. А.* Понсовы, Гедике, Метнеры, Сабуровы... // Московский журнал. 2005. № 4. С. 41–49. — Упоминается С. Н. Дурылин, бывший учителем детей Сабуровых.

169. Смысл и содержание иконы. Слово иконописца монахини Иулиании (Соколовой). М. : Московская православная духовная академия, 2005. 115 с. : ил.

170. Духовное наследие архимандрита Бориса (Холчева). Проповеди, дневниковые записи, беседы и письма / сост., предисл. и жизнеописание А. Ф. Грушиной, диакона Серафима Чуракова. М. : ГУП «Редакция журнала „Московский журнал. История государства Российского"» при участии издательства «Акант», 2006. 400 с. : ил. — Жизнеописание; Проповеди: Великий пост, Пасха — Пятидесятница; Воскресные Евангелия; Слова и беседы в течение церковного года, по разным случаям; Из дневниковых записей; Письма и слова к духовным детям; Воспоминания об архим. Борисе.

171. *Миллер Т. А.* Протоиерей Владимир Фролов // Московский журнал. 2006. № 4. С. 37–39. — Материал об известном московском священнике содержит воспоминания прот. Александра Куликова о совместной учебе и поездках в Спасо-Преображенскую пустынь.

172. Священномученик Петр Подкопаевский. М. : Издательский дом «Софт Издат», 2005. 428 с. — Житие сщмч. Петра Петрикова.

173. *Надеждина В. В.* «Страдание очистило меня...» // Московский журнал. 2007. № 7. С. 7–20. — О сщмч. Василии Надеждине; упоминается еп. Стефан (Никитин).

174. *Орлова З. С.* Из рода Шуваловых // Московский журнал. 2007. № 3. С. 36–38. — О предках прот. Александра Куликова по линии матери.

175. Троице-Сергиева лавра. М. : Индрик, 2007. 230 с. : ил. — Статьи М. В. Шика «Митрополичьи покои» и «Колокольня и колокола», написанные им в период работы в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры в 1918–1925 гг.

176. Челпановские чтения 2006/2007 : Альманах научного архива Психологического института / сост. А. Д. Червяков и др. М. : БФ «Твердислов», 2007. 366 с. (Материалы по истории Московской психологической школы). — Психологическое наследие архимандрита Бориса (Холчева); Обзор архивных материалов Б. В. Холчева, студента Императорского Московского университета и сотрудника Психологического института (1913–1920); «Что такое самосознание и самовоспитание, для чего они нужны и чем достигаются?» — ученическое сочинение Бориса Холчева (1913).

177. *Кызласова И. Л.* О П. Б. Юргенсоне (1903–1971), византинисте и зоологе; *Юргенсон П. Б.* Моя жизнь // Искусство христианского мира : сб. статей. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. Вып. 10. С. 544–575. — П. Б. Юргенсон был женат первым браком на дочери св. прав. Алексия Мечёва Ольге Алексеевне; его воспоминания содержат частые упоминания маросейских пастырей.

178. *Шик Е. М.* Путь // Альфа и Омега. 2007. № 1 (48). С. 256–273. № 2 (49). С. 244–262.

179. *Щелкачев В. Н.* Дорога к истине. М.: ЗАО «Издательство "Нефтяное хозяйство"», 2007. 304 с., ил.

180. *Борис (Холчев), архим.* Огласительные беседы с крещаемыми. М. : Лоза, 2008. 31 с.

181. *Русин В., свящ.* «Горю желанием служить Церкви». Жизнеописание протоиерея Владимира Отта. Старый Оскол, 2008. 48 с. — Об одном из алтарных братьев мечёвской общины, в дальнейшем принявшим священный сан.

182. *Смирнова Т. В.* «...Под покров Преподобного» : очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергиевом Посаде в 1920-е годы. С. Посад : Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2008. 312 с. : ил. С. 129–148. — Рассказ о семье о. Михаила Шика.

183. *Торопова В. Н.* «Крепче смерти». Жизнь и судьба И. А. Комиссаровой-Дурылиной (1899–1976) // Московский журнал. 2008. № 7. С. 38–55.

184. *Зегжда С. А.* Митрополит Иоанн (Вендланд). Биографический очерк. 1909–1989. Ярославль : Ярославская епархия, 2009. 175 с.: ил.

185. Протоиерей Александр Куликов // Московский журнал. 2009. № 6. С. 40–49. — Слово прощания.

186. *Свенцицкий А. Б.* Невидимые нити. Церковь, события, люди. М. : Издательство Московской Патриархии, 2009. 432 с. : ил.

187. *Тарасова Т. И.* «Из небытия будут воссозданы храмы...» // Московский журнал. 2009. № 2–3. С. 56–63. — О московских иконописцах Ирине Васильевне Ватагиной и Ирине Владимировне Волочковой — духовных чадах прот. Александра Куликова.

188. *Чернышев Н., прот.* Иконописец, подвижница благочестия Русской Православной Церкви XX века монахиня Иулиания (Мария Николаевна Соколова, 8.11.1899 — †16.02.1991) // Альфа и Омега. 2009. № 3 (56). С. 311–318.

189. *Чернышев Н., прот.* Протоиерей Александр Куликов. (Некролог) // Журнал Московской Патриархии. 2009. № 6. С. 87–92.

190. *Чернышев Н., прот.* Протоиерей Александр Куликов. (1.12.1933 — †29.04.2009) // Альфа и Омега. 2009. № 3 (56). С. 388–396.

191. Выставка «Благословенный труд. Жизнь и творчество монахини Иулиании (М. Н. Соколовой)» // Московский журнал. 2010. № 10. С. 82–83.

192. *Пономаренко Д., диак.* Епископ Стефан (Никитин) : Жизнеописание, документы, воспоминания. М. : ПСТГУ, 2010. 927 с. : ил. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви).

193. *Торопова В. Н.* «Я всегда чувствовал Вашу любовь» // Московский журнал. 2010. № 4. С. 15–23. — О духовной дружбе еп. Стефана и С. Н. Дурылина.

194. *Чернышев Н., прот.* Об отце Александре Куликове // Альфа и Омега. 2010. № 1 (57). С. 286–293.

195. *Никитина В. Ю.* «Жили мы трудно, но очень счастливо...» // Московский журнал. 2011. № 11. С. 56–72. — Упоминается о знакомстве прот. Александра Куликова и крестной матери автора Лидии Евлампиевны Случевской.

196. *Радомская Т. И.* Хранительница церковной традиции // Московский журнал. 2011. № 3. С. 44–58. — Воспоминания о Е. В. Апушкиной — духовной дочери св. прав. Алексия и сщмч. Сергия (Мечёвых).

197. *Смирнова Т. В.* Из прошлого Сергиевской земли. С. Посад, 2011. 256 с. : ил. — Упом. о М. В. Шике.

198. *Чернышев Н., прот.* Памяти монахини Иулиании // Альфа и Омега. 2011. № 1 (60). С. 369–373.

199. *Торопова В. Н.* «Это — ласка православия» // Московский журнал. 2012. № 2. С. 36–48. — С. Н. Дурылин и Оптина пустынь.

Содержание

«ВОЙДИТЕ ВО ВНУТРЕННЮЮ КЛЕТЬ...»
Проповеди и беседы

«Внутренняя клеть». Из забытых заветов Православия 7
Слово на парастасе по отцу Алексию Мечёву 10
Духовные беседы на дни богослужебного круга (1922–1924)
Начало индикта (церковное новолетие) 13
Рождество Пресвятой Богородицы 16
Воздвижение Креста Господня 22
Неделя по Воздвижении 23
Покров Пресвятой Богородицы 26
Введение во храм Пресвятой Богородицы 29
Неделя перед Рождеством Христовым, святых отец
Беседа первая 35
Беседа вторая 38
Рождество Христово 41
Преставление преподобного Серафима,
Саровского чудотворца (1833) 44
Святое Богоявление. Крещение Господне 46
Неделя о мытаре и фарисее
Беседа первая 50
Беседа вторая 54
Память преподобного Феодосия Тотемского 56
Неделя о блудном сыне
Беседа первая 58
Беседа вторая 68
Беседа третья 72
Неделя о блудном сыне и Сретение Господне 75
Сретение Господне 80
Вселенская родительская (мясопустная) суббота 82
Неделя мясопустная, о Страшном Суде
Беседа первая 83

Беседа вторая 86
Беседа третья 91
Память святителя Алексия, митрополита Московского
и всея России, чудотворца (1378) 94
Неделя сыропустная.Воспоминание Адамова изгнания.
Прощеное воскресенье 97
Седмица первая Великого поста. Понедельник 100
Седмица первая Великого поста. Пятница
(Слово к исповедникам) 106
Неделя первая Великого поста. Торжество Православия
Беседа первая 109
Беседа вторая 113
Неделя вторая Великого поста.
Память святителя Григория Паламы
Беседа первая. Святитель о Фаворском свете 117
Беседа вторая. Учение святителя об истинной смерти 121
Беседа третья. Свтитель о жизни и смерти 124
Память преподобного Исаака Постника 127
Неделя третья Великого поста, Крестопоклонная 130
Седмица Иоанна Лествичника 134
Неделя четвертая Великого поста.
Память преподобного Иоанна Лествичника
Беседа первая 138
Беседа вторая 141
Седмица пятая Великого поста.
Память преподобного Алексия, человека Божия (411) 147
[Об Иоанне Лествичнике и Марии Египетской] 148
Неделя пятая Великого поста.
Память преподобной Марии Египетской 155
Седмица шестая (ваий) Великого поста. Лазарева суббота
Беседа первая 160
Беседа вторая 163
Неделя третья по Пасхе, святых жен-мироносиц 166
Неделя шестая по Пасхе, о слепом 171
Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая
из Мир Ликийских в Бари (1087)
Беседа первая 175
Беседа вторая 178
Вознесение Господне
Беседа первая 183
Беседа вторая 184
Неделя первая по Пятидесятнице, Всех святых 188
Преображение Господне 191
Успение Пресвятой Богородицы 194

Проповеди на Святой Великий пост 1929 года

Проповедь первая (седмица первая, суббота, вечер) 191
Проповедь вторая (седмица первая, воскресенье, вечер) 202
Проповедь третья (седмица вторая, воскресенье, вечер)..... 205
Проповедь четвертая (седмица третья, суббота)..... 208
Проповедь пятая (седмица третья, воскресенье, вечер)..... 210
Проповедь шестая (седмица четвертая, суббота, вечер)..... 212
Проповедь седьмая (седмица четвертая, воскресенье, вечер).....215
Проповедь восьмая (седмица пятая, воскресенье, вечер) 218
Проповедь девятая (над Плащаницей).....221

Духовные беседы с прихожанами (1922–1929)

О Церкви (беседа первая).....224
О Церкви (беседа вторая).....229
О мире 231
О молитве (беседа первая) 233
О молитве (беседа вторая) 238
О молитве (беседа третья).....243
О страхе Божием (беседа первая) 246
О страхе Божием (беседа вторая).....249
О совести (беседа первая) 256
О совести (беседа вторая) 261
О совести (беседа третья).....266
О вере 275
О гордости (беседа первая) 280
О гордости (беседа вторая) 286
О святых апостолах.....290
Об иконах (беседа первая) 297
Об иконах (беседа вторая).....302
О мощах святых угодников.....306
О богослужении 317
О жизни в богослужении и о приобщении к вечности 320
О чтении и разумении Священного Писания.....325

«ВСЕ ВЫ В СЕРДЦЕ МОЕМ...» Письма

Письма отцу

Письма из Италии (1913) 333
Письма с фронта (1915).....336

Письма разным лицам

Е. А. Булгаковой.....338
В. В. Величко.....339

Л. А. Воскресенской 341
А. Д. Воскресенскому 346
Куприяновым и Б. А. Васильеву (1923–1937) 347
Ольге Рафаиловне Куприяновой 385
Евгении Куприяновой 386
Б. А. Васильеву 388
Борису Васильеву и Татьяне Куприяновой 396
Н. В. Мартыновой 399

Письма неустановленным людям

Капитолине Ивановне 417
Л. 419
Марии N. 422
Мине Тимофеевне 437
Наташе 437
Х. 439

Письма общине из ссылки (1929–1933)

Письмо первое 441
Письмо второе 442
Письмо третье 443
Письмо четвертое 444
Письмо пятое 447
Письмо шестое 452

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма отца Алексея Мечёва Сергию Мечёву 459

БИБЛИОГРАФИЯ 467

«Друг друга тяготы носите...»

Жизнь и пастырский подвиг
священномученика Сергия Мечёва

В 2 кн. Кн. 2. Беседы. Проповеди. Письма.

В издании использованы иллюстрации из архива
храма Свт. Николая в Клённиках, ЦИА ПСТГУ,
мемориального дома-музея С. Н. Дурылина,
архивов прот. Феодора Семененко, семьи Мечёвых,
Стройковых, Надеждиных, А. Е. и Н. Е. Алдошиных,
Е. Ю. Гениевой, Н. С. Драгуновой, Л. Е. Коростелевой,
А. В. Леднева, Е. А. Лукьянова.
Всем им редакция выражает глубокую признательность.

Главный редактор издательства *прот. Владимир Воробьев*
Составитель *А. Ф. Грушина*
Организация проекта *Е. Ю. Агафонов*
Редактор *М. И. Крапивин*
Корректор *И. З. Дьякова*
Верстка *С. М. Ковалец*
Обработка фотографий *Я. И. Хорева*
Оформление *С. А. Хидоятов*

Издательство
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета
113184, Москва, Новокузнецкая ул., 23б

Подписано в печать 13.08.2012
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60x100/16. Объем 30,5 п. л.
Тираж 3 000 экз. Заказ 9425.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Свид-во о Гос. аккр. № 0801 от 16 июля 2007 г.

ПРОВОДИТ НАБОР СТУДЕНТОВ

НА ФАКУЛЬТЕТЫ И ОТДЕЛЕНИЯ:

БОГОСЛОВСКИЙ – направление (бакалавриат) «Философия», направления (бакалавриат и магистратура) «Теология» и «Религиоведение».

МИССИОНЕРСКИЙ – направления (бакалавриат) «Религиоведение», «Культурология», «Туризм», «Социальная работа», «Организация работы с молодежью».

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ – направление «Педагогическое образование», профиль «Начальное образование» (бакалавриат и магистратура).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ – направление (бакалавриат и магистратура) «Филология», профили «Отечественная филология (русский язык и литература, русский язык и литература со знанием сербского языка», «Зарубежная филология (романская, германская, древние и новые языки христианского Востока)», «преподавание филологических дисциплин, отечественная филология», «прикладная филология».

ИСТОРИЧЕСКИЙ – направление «История» (бакалавриат и магистратура).

ЦЕРКОВНЫХ ХУДОЖЕСТВ – специальность «Живопись» (отделения реставрации, иконописи, монументального искусства); направление (бакалавриат и магистратура) «История искусств», направление (бакалавриат) «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы).

ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ – направление (бакалавриат) «Дирижирование».

ОТДЕЛЕНИЕ среднего специального образования Хоровое училище – специальность «Хоровое дирижирование».

СОЦИАЛЬНЫХ НАУК – направление (бакалавриат и магистратура) «Экономика»; направление (бакалавриат) «Социология.

ИНФОРМАТИКИ И ПРИКЛАДНОЙ МАТЕМАТИКИ – направление (бакалавриат) «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем».

ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ – программы профессиональной переподготовки, программы повышения квалификации, краткосрочные дистанционные курсы повышения квалификации по теологии и основам православного богословия и культуры.

ОТДЕЛЕНИЕ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ – осуществляет подготовку абитуриентов по всем направлениям Университета.

Формы обучения: очная, очно-заочная (вечерняя), заочная

Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет основан в 1992 году и является высшим учебным заведением Русской Православной Церкви. По окончании обучения выдается диплом государственного образца.

Обучение по очной форме бесплатное. Студентам очной формы предоставляется отсрочка от армии.

Иногородним студентам при наличии свободных мест предоставляется общежитие.

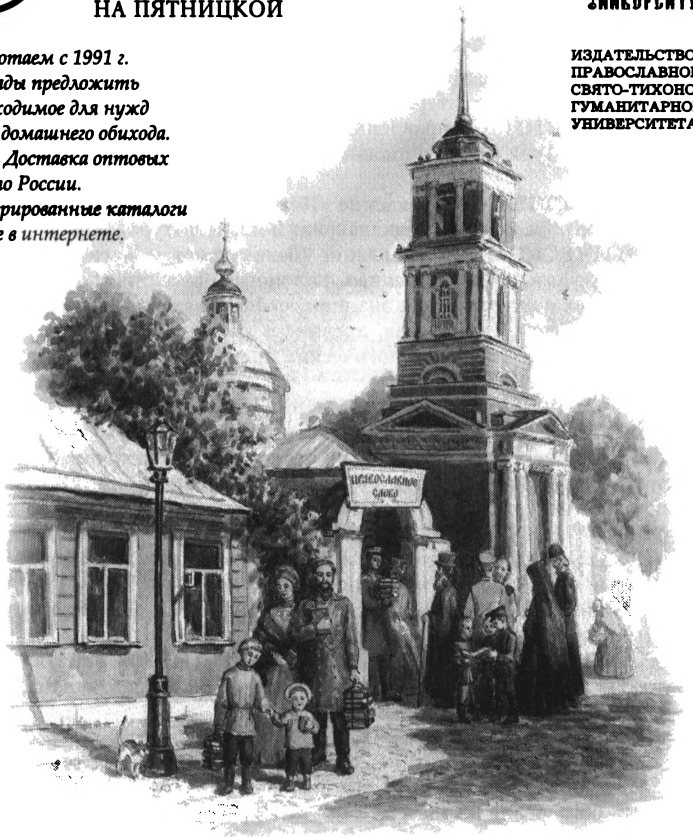
***При Университете действует аспирантура и диссертационный совет** по защите богословских и церковно–исторических диссертаций на степени кандидата, магистра, доктора богословия, доктора церковной истории.*

Адрес: 115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23б;
тел. (495) 951-67-84 (приемная комиссия),
(495) 953-92-53 (подготовительное отделение), (495) 953-22-89 (ректорат)
E-mail: pstbi@pstbi.ru; www.pstgu.ru

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО
НА ПЯТНИЦКОЙ

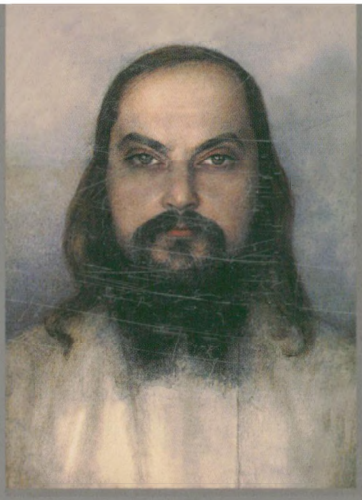
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мы работаем с 1991 г.
Всегда рады предложить все необходимое для нужд храма и домашнего обихода.
Скидки. Доставка оптовых заказов по России.
Иллюстрированные каталоги на сайте в интернете.

КНИГИ * МУЗЫКА * ИКОНЫ * УТВАРЬ * ТКАНИ

Наш адрес: 119017, г. Москва, Пятницкая 51
ст. м. "Новокузнецкая", "Павелецкая", "Третьяковская"
Тел./факс: (495) 951-51-84; 951-34-97; 951-50-44
Время работы: Пн.-Пт.: 9.00-21.00;
Сб.: 10.00-17.00; Вс.: 10.00-14.00
www.pravslovo.ru

«Чувствуете ли вы, мои милые, как утренюет дух мой ко храму нашему, и как вечер и заутра и полудне устремляется душа моя к каждому из вас? С вами соединил меня Господь.

Я недостойный и паче всех грешнейший, но я пастырь, и сердце мое истощается, истощается до основания в разлуке с вами. Вы — мое дыхание, вы — моя жизнь, вы — мое радование. Вы не заслоняете мне Господа, а показуете, вы не отдаляете Его, а приближаете. Через вас познал я Господа, в вас Он открылся мне; с вами и от вас возносил я молитву Ему. Служа вам, служил Ему, видел по образу Божию созданную вашу красоту, возносился к Его неизреченной доброте; зная ваши грехи, оплакивал свои согрешения, видя ваше исправление, посрамлялся пред Ним и просил Его помощи в исправлении моей грешной жизни. Словом, многими годами через вас и с вами шел к Нему.

Вы — мой путь ко Христу…»

Из письма маросейской общине. 1930 г.

